ПОБЕДА ОДНА НА ВСЕХ

ВИТЕБСК 2014

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

Государственное научное учреждение «Институт истории
Национальной академии наук Беларуси»

ПОБЕДА – ОДНА НА ВСЕХ

***Материалы международной
научно-практической конференции***

Витебск, 24 апреля 2014 г.

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2014

УДК 94(100)“1939/1945”+94(470)“1941/1945”
ББК 63.3(2)622я431
П41

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 4 от 20.02.2014 г.

Редакционная коллегия:
А.И. Жук и А.А. Коваленя (отв. ред.),
Е.А. Гребень, В.В. Данилович, А.Н. Дулов, А.П. Косов, А.М. Литвин, П.Н. Подгурский, А.П. Соловьянов, В.М. Шорец, Д.В. Юрчак, Г.Н. Яковлева

Р е ц е н з е н т ы :
доктор исторических наук, профессор *В.К. Коршук;*
доктор исторических наук, профессор *Г.А. Космач;*
кафедра историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы
(зав. кафедрой – кандидат исторических наук, доцент *А.В. Мартынюк*)

П41 **Победа – одна на всех :** материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 24 апреля 2014 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А.И. Жук и А.А. Коваленя (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – 374 с.
ISBN 978-985-517-436-4.

Рассмотрены проблемы международных отношений накануне и в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн, боевые действия на фронтах, различные аспекты нацистского оккупационного режима, история партизанского движения и подпольной борьбы, подвиг народа в советском тылу и в период восстановления страны, вопросы увековечения памяти о войне и патриотического воспитания молодежи.

Издание может быть полезно исследователям, педагогам, аспирантам, студентам, учащимся, а также всем интересующимся историей Второй мировой и Великой Отечественной войн.

УДК 94(100)“1939/1945”+94(470)“1941/1945”
ББК 63.3(2)622я431

ISBN 978-985-517-436-4

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ……... 8

РАЗДЕЛ 1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ……... 9

Циватый В.Г. Антигитлеровская коалиция: военно-дипломатическая практика и институциональное измерение Второй мировой войны (1939–1945 гг.) …….. 9

Пронь С.В. Дипломатия Японии и политика «великого противостояния» на Тихом океане (вторая половина 1930-х гг. – 7 декабря 1941 г.): ipso facto …….. 12

Гайкин В.А. Антияпонское сопротивление в юго-восточной Маньчжурии в 1937–1941 гг. ….. 15

Сосюкина Е.О. Из истории китайско-советских культурных и научных взаимоотношений накануне Второй мировой войны (к постановке вопроса) ……. 17

Косов А.П. Политика США в отношении Китая во время японо-китайской войны (1937–1945 гг.) ……. 19

Пронь Д.С. Пакт о нейтралитете между Японией и СССР 13 апреля 1941 г. и его денонсация: юридический коллапс …… 24

Пик С.М. Дипломатическая и разведывательная подготовка Германии накануне Второй мировой войны ……. 28

Яцук А.А. Военная политика второй Речи Посполитой накануне Второй мировой войны …… 31

Самсонюк Т.Н. Военная разведка Польши на советско-польской границе накануне Второй мировой войны …….. 33

Гарбуль П.И. Нападение Германии на Польшу и ситуация в Западной Белоруссии в сентябре 1939 года …….. 35

Гапионок Е.В. Политика ИККИ в отношении европейских компартий (1939–1940 гг.) ……... 38

Довгялло М.С. Дипломатическая и политическая борьба между СССР и Германией за Болгарию (1939–1941 гг.) …… 41

Краско Г.Г. О некоторых аспектах организации и деятельности спецслужб СССР и фашистской Германии накануне Великой Отечественной войны …… 46

Нестерович А.А. Формирование движения «Свободная Франция» и его отношения с СССР в 1941 г. …… 47

Фридман А. «Люксембург благодарит Сталинград». СССР и Великое Герцогство Люксембург во время Второй мировой войны ……... 49

Рубо О.П. Итоги Каирской конференции 1943 года …….. 52

Ермаковіч Л.І. Крымская (Ялцінская) канферэнцыя ў лёсе пасляваеннай Еўропы …….. 54

Кульчицкая Е.В. Во имя мира и прогресса. Украинская делегация на конференции в Сан-Франциско ……... 56

Белов Д.А., Болотов Н.А. Движение породненных городов: дипломатическая история становления и развития в военные и послевоенные годы …….. 59

Чуракова О.В. Клубы интернациональной дружбы моряков как арена межкультурных коммуникаций (на примере Архангельского интерклуба периода Второй мировой войны) … 61

Стрелец М.В. Отношение антигитлеровской коалиции к германскому вопросу в годы Второй мировой войны …….. 64

Космач В.А. Измена союзническому долгу: подписание капитуляции германского вермахта на Западном фронте в Люнебурге и Реймсе 4 и 7 мая 1945 года (из истории Второй мировой войны) …….. 66

Величко Н.В. Участие Франции в союзном контрольном механизме над зонами оккупации Германии …….. 69

РАЗДЕЛ 2. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ФРОНТАХ …….. 73

Новікаў С.Я. Новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў на тэрыторыі Беларусі летам 1941 года …… 73

Мандрик И.В. Правящая партия в условиях военного времени (1941–1945 гг.) ……. 76

Карманенков А.Ю. Деятельность 21-го моторизованного топографического отряда накануне и в первый год Великой Отечественной войны ……... 80
Егоров А.М. Первые бои Великой Отечественной войны на Псковской земле летом 1941 года 82
Никитин Р.М. Защита Витебска 9–12 июля 1941 года и проблематика ее исследования 84
Дьяков Д.А. Боевые действия военно-воздушных сил Западного фронта в оборонительных боях 1941 г. на территории Беларуси ……... 87
Копыл С.П. 46-я авиационная дивизия Западного фронта в оборонительных боях на Витебщине в июле 1941 г. …… 90
Ткачева Г.А. Оборудование минно-заградительных позиций на подходах к военно-морским базам Тихоокеанского флота в 1941–1945 гг. ……. 92
Исаева О.Н. Днепровская военная флотилия: воспоминания матроса ……. 96
Ладыга А.И. Участие военных контингентов союзников Германии в войне с СССР в 1941–1942 гг. ……... 98
Кринко Е.Ф. Большая излучина Дона в сражениях 1942–1943 гг.: проблемы исследований … 102
Александрович С.С. Белорусы в Сталинградском сражении …….. 105
Коробкина И.А. «Битва за Кавказ» в исследованиях зарубежных авторов ……. 107
Костякова Ю.Б. Письма с фронта как исторический источник (по материалам прессы Хакасии и Горного Алтая) …… 109
Третяк В.Л. Становление и развитие советской армейской прессы в годы Великой Отечественной войны ……... 112
Болсун Г.А. Образ врага в советской и немецкой пропаганде в годы Великой Отечественной войны ……. 115
Симперович В.Н. Квитчанская оборона: некоторые вопросы историографии ……... 118
Шатько В.И., Романов А.П. Военное искусство советских войск в операциях по освобождению юго-восточных районов Беларуси (конец 1943 – начало 1944 года) …… 121
Свинтицкий Ф.А. Битва за Днепр в ходе освобождения Беларуси ……. 123
Сухоруков В.Е. Особенности наступления в лесисто-болотистой местности по опыту операции «Багратион» …….. 126
Бурень Н.В. Участие военно-воздушных сил в освобождении Витебщины …… 129
Пушкін І.А., Пушкін Я.І. Франтавы дзённік салдата ……... 131
Сливко С.В. К вопросу о боевом применении в ВВС Красной Армии бомбардировщика North American B-25 «Mitchell» (1942–1945 гг.) …….. 134
Ермалёнак В.А. Удзел ураджэнцаў Міёрскага раёна ў баявых дзеяннях на заходніх франтах Другой сусветнай вайны ……... 138

РАЗДЕЛ 3. НАЦИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ …… 141

Здановіч У.В. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: асаблівасці сучаснага перыяду айчыннай гістарыяграфіі ……... 141
Дубик М.Г. Завершение дискуссии о преступлениях вермахта в современной немецкой историографии Второй мировой войны …….. 146
Бездзель В.Я. Палітыка акупацыйных улад у дачыненні да дзіцячага насельніцтва на тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.) ……. 149
Хлынина Т.П. Оккупация советских территорий в исторической памяти ее очевидцев …… 151
Кирдякин С.Ю., Шамкин Д.В. Мирное население Гомельщины в годы Великой Отечественной войны (по материалам устной истории) …… 154
Латышева В.А. Судьбы душевнобольных красноармейцев на оккупированной территории Беларуси …… 157
Данильчук В.Р. Вывоз гражданского населения Ровенской области на принудительные работы в Германию ……... 160
Иода Н.В. «Фильтрационные дела» как источник для изучения проблемы депортации граждан БССР на территорию третьего рейха (1942–1944 гг.) ……... 163
Корсак А.И. Разведданные партизан 3-й Белорусской партизанской бригады как источник для изучения нацистского оккупационного режима в г. Полоцке (1941–1944 гг.) ……... 165
Новицкая О.В. Местечко Мир в годы немецко-фашистской оккупации …… 167

Захарченко А.А. Нацистские планы аграрной колонизации Северного Причерноморья и Крыма …… 170
Куракова І.Я. Дакументы германскіх акупацыйных улад як крыніца для даследавання фінансавай палітыкі ў генеральнай акрузе “Валынь-Падолле” 1941–1944 гг. (па матэрыялах дзяржархіва Брэсцкай вобласці) ……... 173
Гедз В.А. Архивистика в оккупированном Киеве: к освещению вопроса в современной украинской историографии …….. 176
Шаповалов С.Н. Культура Кубани в период немецко-фашистской оккупации (1942–1943 гг.) 178
Мартынов А.В. Создание власовской армии: планы и действительность. К вопросу о проблемах формирования ВС КОНР ……... 180
Ратушняк О.В. Казачий стан в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны ……... 183
Черняков Д.И. Деятельность белорусских националистов на Брянщине в период нацистской оккупации 1941–1943 гг. ……... 186
Ковальчук И.В. Организационный аспект распространения влияния походных групп ОУН на территорию Житомирской и западных районов Киевской областей в июле–сентябре 1941 года 188

РАЗДЕЛ 4. ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОДПОЛЬНАЯ БОРЬБА ……. 192

Литвин А.М. Боевое взаимодействие партизан с Красной Армией в период освобождения Беларуси (сентябрь 1943 – апрель 1944 г.) ……... 192
Вербовой А.В., Власенко С.И. Документы Сумского партизанского соединения под командованием С.А. Ковпака как основной источник изучения его деятельности …….. 199
Кулинок С.В. Разведывательные документы партизан по выявлению секретных школ противника на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (по материалам фонда БШПД) ……... 202
Белый В.В. Развитие форм и способов ведения специальных действий в ходе Великой Отечественной войны …….. 204
Радюк А.В. Деятельность комендантов на территориях партизанских зон Беларуси в годы Великой Отечественной войны …… 206
Ивицкий А.М. Материально-техническое обеспечение диверсионной деятельности партизан на коммуникациях противника …… 208
Билоус А.П. К вопросу установления постоянной радиосвязи партизан северо-восточной Украины с Большой землей ……. 211
Касьянов В.В. Борьба партизан Кубани против фашистского оккупационного режима …… 213
Ковалевич Н.А. Истоки патриотизма ……. 216
Михальчук Р.Ю. Евреи Ровенщины в советских партизанских отрядах в годы Второй мировой войны …….. 219
Климчук А.Н. Роберт Сатановский и его партизанский отряд ……. 223
Милевская Ю.В. Медицинское снабжение партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны …… 225
Яковлев Д.В. Пути решения кадрового вопроса медицинской службы партизан Беларуси (1941–1944 гг.) ……... 227
Слободянюк Н.А. Проблемы материально-технического обеспечения киевского подполья (1941–1943 гг.) ……... 229
Иоффе Э.Г. Евреи в рядах антифашистского подполья на территории Белоруссии в 1941–1944 гг. ……... 231
Подлипский А.М. К вопросу о биографиях участников витебского патриотического подполья в годы Великой Отечественной войны З. Васильевой и Л. Березкиной …… 235
Давлетов А.Р., Казакова О.Н. Предпосылки восстания в Варшавском гетто 1943 г. …… 237
Говорушко Н.О. Движение Сопротивления в протекторате Богемия и Моравия в годы Второй мировой войны ……. 240

РАЗДЕЛ 5. СОВЕТСКИЙ ТЫЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТРАНЫ ……. 243

Соколова Е.А. Единство фронта и тыла ковало Великую Победу ……... 243

Крюков И.В. Боевая подготовка гражданского населения Дальнего Востока СССР через систему добровольно-спортивных организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. ……. 246
Гоманенко О.А., Сидоров С.Г. Сталинградский водно-транспортный узел в системе народного хозяйства СССР в 1940-е гг. ……... 249
Горшенин А.В. Автомобильный транспорт Пензенской области в период Великой Отечественной войны ……... 251
Шелейко Т.В. Технические аспекты функционирования железнодорожного транспорта во время Великой Отечественной войны ……. 253
Ратушняк Т.В. Помощь детям в годы Великой Отечественной войны (на примере Краснодарского края) ……..... 256
Артамонова Н.Я. Вузовская интеллигенция Хакасии в годы Великой Отечественной войны .. 258
Ермаков А.М. Ярославский педагогический институт в годы Великой Отечественной войны . 261
Рзаев А.А. Вклад азербайджанских ученых в победу над фашизмом ……... 263
Моторов С.А., Моторова Л.А. Социально-политические условия развития исторического образования в системе высшей школы Беларуси (1944–1954 гг.) ……. 266
Юргевіч Н.К. Асаблівасці культурнага аднаўлення беларускай вёскі ў 1944–1955 гг. …….. 269
Николаева И.В. Женщины Беларуси в послеоккупационный период Великой Отечественной войны ……. 272
Ковпак Л.В. Повседневная жизнь и материальные лишения населения Украины в послеоккупационный период (1943–1946 гг.) ……. 275
Одинец Л.С. Барановичи после освобождения (июль 1944 – май 1945 г.) ……... 278
Шарков А.В. Витебский судебный процесс над нацистскими преступниками ……... 280
Бахир Ю.Н. Восстановление общества Красного Креста БССР и его деятельность по преодолению медико-санитарных последствий войны …….. 285
Марцынкевіч І.А. Адметнасці сацыяльнага забеспячэння дэмабілізаваных і інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны ў пасляваеннай Заходняй Беларусі …….. 287
Лесная О.Ю. Восстановление и развитие музейной сети БССР в первое послевоенное пятилетие ……... 290

РАЗДЕЛ 6. ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНАХ. ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ …… 292

Васильковская В.А. В памяти поколений ……. 292
Юрчак Д.В. Памятники и воинские захоронения: объекты историко-культурного наследия или мемориальные объекты? ……... 295
Кепин Д.В. Музейно-мемориальные комплексы Великой Отечественной войны на Киевщине 298
Никонов А.К., Афанасьев В.А. Великая Отечественная война в коллекции ЦМВС РФ …….. 300
Рейхман Г. На линии огня. Евреи СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Опыт коллективного портрета ……. 302
Хоришко И.Е. Военная техника времен Второй мировой войны на открытой площадке Гомельского областного музея военной славы ……... 305
Пастернак А.М. Участие Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры в праздновании 30-летия освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков ……... 307
Реброва И.В. Образ Великой Отечественной войны в воспоминаниях кубанских мемуаристов 1943–1945 гг. ……. 309
Никонова С.И. Воспоминания детей военного времени как исторический источник …… 311
Смирнова В.И. Коллекция В.В. Литвинова как источник о трагедии воспитанников детского дома в харьковских Сокольниках в 1941–1943 гг. ……. 313
Агееў А.Р. Гістарычная памяць сям'і Агеевых аб штодзённым жыцці на акупаваных тэрыторыях віцебска-магілёўскага памежжа …….. 316
Белюков Д.А. Великие Луки в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: опыт публикации сборника документов ……... 318

Примаченко Я.Л. «Войны памяти»: украинские контексты Второй мировой войны в современном историческом дискурсе …….. 321
Хришкевич Т.Г. Вторая мировая война в общественном мнении и массовой культуре современной Германии ……. 323
Павлова Е.Я. События Великой Отечественной войны в отражении современной публицистики …… 325
Димони Т.М. Виктор Петрович Астафьев о вологодском крестьянстве военных лет …… 330
Крикливец Е.В. Осмысление событий Великой Отечественной войны в прозе В. Астафьева и В. Козько ……... 332
Бароўка В.Ю. Беларуская літаратура пра Вялікую Айчынную вайну ў асэнсаванні пісьменнікаў першай паловы 1940-х гг. ……... 334
Саматой І.В. Тэма Вялікай Айчыннай вайны ў творчасці Анатоля Вялюгіна …… 337
Гребень Е.А., Дулов А.Н. Курс «Великая Отечественная война советского народа» в системе высшего образования и патриотического воспитания студенческой молодежи Беларуси …….. 339
Шорец Л.Ф. Великая Отечественная война на страницах школьных учебников Российской Федерации и Республики Беларусь: сравнительный анализ …….. 343
Лагвіненка С.М., Півавар М.В. Выхаванне патрыятызму ў вучняў Віцебскага кадэцкага вучылішча на аснове памяці пра падзеі Вялікай Айчыннай вайны ……... 346
Машеро С.А. Изучение истории войн как элемент подготовки студентов на военной кафедре 349
Волощенко О.Г. Патриотическое воспитание школьников: история и современность ……. 351
Аполлонов И.А., Тучина О.Р. Исторический опыт Великой Отечественной войны в самосознании студентов Кубани ……. 354
Бубнов Ю.М. Военно-патриотический потенциал современной белорусской молодежи ……. 356
Сусед-Виличинская Ю.С. Преемственность традиций в патриотическом воспитании учащейся молодежи …….. 358
Журавлев В.А. Развитие поискового движения в конце XX – начале XXI в. (к постановке проблемы) ……. 361

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ …….. 365

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые участники конференции!

Всё больше времени отделяет нас от тех тяжёлых и героических военных лет, когда наши отцы и деды ценою неимоверных усилий сумели победить фашизм и принести свободу от коричневой чумы всем европейским народам. Проходят годы, а память живёт. И она бессмертна! Как бессмертно то, что было сделано народами Советского Союза в 1941–1945 годах. Поэтому мы помним, и всегда будем помнить о ратном подвиге советских солдат, мужественном сопротивлении партизан и подпольщиков, трудовой самоотверженности работников тыла, страданиях мирных жителей, очутившихся на оккупированной территории.

Этого никогда не забыть! В 2014 году мы отмечаем 70-летие освобождения белорусской земли от немецко-фашистских захватчиков. В 2015 году нас ждёт ещё одна знаковая юбилейная дата – 70-летие Великой Победы. В Республике Беларусь к этим датам относятся с особым уважением. Мы не переписывали истории, не превращали предателей и палачей в героев и освободителей, не сносили памятники и монументы на могилах воинов, павших за свободу Отечества. Мы свято чтим память о событиях Великой Отечественной войны, ибо наш народ заплатил за свою свободу огромную, неизмеримую цену.

День Победы, который мы вскоре будем отмечать вместе, – это священный праздник для нашей страны, это дань памяти и глубокого уважения славным защитникам Родины, людям старшего поколения, всем, кто героически, самоотверженно приближал долгожданный день Великой Победы. Это праздник силы нашего Отечества, гордости за советский народ. Светлая память солдатам, которые не вернулись домой с полей сражений, пали за Родину, проявив беспредельную любовь к ней, мужество и несокрушимость духа. Их подвиг бессмертен!

Ветераны Великой Отечественной войны мужественно заслонили страну от врага, самоотверженно и честно трудились в тылу, а также в послевоенные, мирные годы. Их судьбы – яркий пример патриотизма и служения своему народу для будущих поколений.

Огромное значение для патриотического воспитания в республике имеет работа специалистов по выявлению новых ярких страниц истории военных лет и популяризации научных данных среди широких масс населения. Стоит признать, что именно история способствует формированию патриотизма. Конференция «Победа – одна на всех» имеет не только научное значение, но и огромный воспитательный потенциал. Показательно, что она проходит в стенах Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, одного из старейших вузов Беларуси. Совет именно этого учреждения высшего образования первым в стране в апреле 2013 г. принял решение о возвращении в учебные планы всех специальностей курса «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)».

Желаю участникам конференции «Победа – одна на всех» успехов в научных изысканиях.

Заместитель председателя
Витебского областного
исполнительного комитета

В.В. Терентьев

РАЗДЕЛ 1
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Циватый В.Г.

АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ: ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 гг.)

И в историческом прошлом, и в современном мире различные государства в формате международных организаций реализовывали свои национальные интересы. Международная организация – это инструмент совместного решения международных проблем, которые касаются интересов нескольких государств или групп их граждан. Международные организации появились из практики работы международных конференций – формы международного сотрудничества, которое имеет древние традиции и исторически обусловленные институциональные основы. Наличие международных организаций придаёт международным отношениям стабильность, упорядоченность и институциональную завершённость. Поскольку, как, свидетельствует исторический опыт, международные организации – это наиболее многочисленные из всех международных институтов, то сам термин «международный институт» часто используется как синоним термина «международная организация», при этом не все учёные считают эти понятия абсолютно тождественными [7, с. 158–160]. В данной статье основное внимание сосредоточено на анализе институтов, которые появились во время Второй мировой войны как ответ на угрозы и новые вызовы военного времени.

Как только началась Вторая мировая война, почти все существовавшие к этому времени международные институты по обеспечению мира, безопасности и сотрудничества перестали функционировать. Начали складываться институты сотрудничества стран, входивших в противостоявшие друг другу блоки – стран «Оси» и стран антигитлеровской коалиции. Естественно, что эти институты имели специфический характер, обусловленный экстремальными условиями, а потому все они являлись временными. Это были, как правило, встречи глав государств и правительств стран-союзниц, конференции глав государств и правительств, а также министров иностранных дел. Учреждались комитеты и комиссии для вынесения рекомендаций по решению встававших перед союзниками проблем. На конференциях представителей стран антигитлеровской коалиции определялись: структура руководящих органов, а также цели, задачи и принципы деятельности универсальной организации в послевоенном мире.

На начальном этапе войны, когда круг её участников оставался относительно узким (Великобритания и Франция с их доминионами и колониями, с одной стороны, и Германия и Италия, с другой), вся организационная работа сводилась к встречам глав правительств и министров иностранных дел этих государств, учреждаемым ими комитетам и комиссиям военного сотрудничества. В этом плане особый интерес представляют многочисленные посещения главой правительства Великобритании (с 10 мая 1940 г.) Уинстоном Черчиллем Парижа, его встречи с главой правительства Франции, многочисленные заявления и меморандумы этих деятелей. А после оккупации Парижа германскими войсками и выхода Франции из войны, в течение целого года Англия оставалась одна против фашистской Германии, и сколько-нибудь значительных международных встреч и действующих институтов в этот период не было.

Однако в это время родился очень важный в тот период специфический институт, сыгравший значительную роль в ходе войны. Это был институт *ленд-лиза.* 11 марта 1941 г. Конгресс США принял Ленд-лиз Акт, согласно которому США, в целях их собственной защиты, могли предоставлять дружественным странам в аренду военное оборудование и имущество для борьбы с общим врагом при условии оплаты стоимости арендованного имущества в долларах США или чистым золотом в период аренды и после окончания войны. Не подлежали оплате имущество и оборудование, утраченные во время войны. Оставшееся имущество подлежало возврату в США. Первой этой возможностью воспользовалась Великобритания, а затем Советский Союз (с 7 ноября 1941 г.) и другие страны антигитлеровской коалиции.

После агрессии гитлеровской Германии против Советского Союза, «ставшей актом самосохранения для Британии» [9, p. 6], война приняла истинно мировой характер. 12 июля 1941 г. между правительствами СССР и Великобритании было заключено Соглашение о совместных действиях в войне против Германии. Оно положило начало процессу формирования антигитлеровской коалиции. Вскоре аналогичные соглашения были подписаны СССР с находившимися в эмиграции в Лондоне правительствами Чехословакии (18 июля 1941 г.) и Польши (30 июля 1941 г.).

Период Второй мировой войны имеет огромное количество примеров деятельности различных форм международных институтов. Так, 24 сентября 1941 г. в Лондоне состоялась межсоюзная конференция с участием представителей СССР, Бельгии, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, Франции и Чехословакии. Однако долгое время и после этого сколько-нибудь тесной координации действий Великобритании и СССР в войне против общего врага не было. СССР отражал натиск основных сил фашистской Германии, Великобритания наносила точечные удары далеко от Европы. Более активным было сотрудничество между Великобританией и Соединёнными Штатами. США, будучи еще нейтральной страной, поставляли по ленд-лизу Великобритании и Советскому Союзу многое из необходимого для противостояния Германии. В августе 1941 г. в Канаде состоялась встреча президента США Ф.Д. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У.С. Черчилля, во время которой был составлен один из первых программных документов Второй мировой войны о принципах и целях двух стран и их возможных союзников в происходящей войне. Великобритания предложила США стать своего рода мировой полицейской силой (международной институцией) в послевоенном мире, с чем Рузвельт охотно согласился.

26 мая 1942 г. был подписан договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и её сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны, а 11 июня 1942 г. подписано соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии [5, с. 8].

Международные конференции как форма межгосударственного общения и международного сотрудничества стала нормой в дипломатической практике военного времени. 14–23 января 1943 г. состоялась очередная конференция с участием президента США Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля в Касабланке. Для работы в этом международном институте были приглашены руководители «Сражающейся Франции» генералы де Голль и Жиро. Ещё одна конференция представителей США и Великобритании состоялась 12–25 мая 1943 г. в Вашингтоне. 24 августа 1943 г. в Квебеке завершила свою работу конференция четвёрки (США, Великобритания, Канада и Австралия). Вскоре началась высадка англо-американских войск под командованием генерала Александера в Италию. Фашистский режим в Италии был свергнут, и эта страна заявила о своём выходе из войны на стороне Германии. Однако после вторжения немецких войск на итальянскую территорию фашистский режим на севере Италии был воссоздан в виде так называемой «Республики Сало», во главе которой Гитлер поставил своего соратника Б. Муссолини.

Условия жесточайшей мировой войны с резко активизировавшейся агентурной работой и международным террором, провокациями и попытками рассорить союзников друг с другом путём предложения им сепаратного мира резко ограничили возможности непосредственных контактов между государственными деятелями, заставили их перейти от открытой дипломатии к дипломатии тайной [2]. Говоря словами Черчилля, война потребовала сопровождать «правду эскортом лжи» [8, p. 342]. Правда, уже на Тегеранской конференции, в беседах со Сталиным он несколько переиначил эту свою мысль: во время войны политические деятели должны быть окружены ложью в качестве телохранителя.

Основной институциональной формой координации стратегии и тактики действий союзников становится переписка глав государств и правительств Великобритании, Советского Союза и Соединённых Штатов Америки, которые за весь период войны смогли встретиться непосредственно для обсуждения общестратегических задач только три раза: в ноябре – декабре 1943 г., в феврале и в августе 1945 года. Наиболее мобильным из этих руководителей оказался У. Черчилль, который многократно побывал во время войны в Советском Союзе, в США, Франции и в других странах для оперативного решения проблем с личным участием.

Более активно работали внешнеполитические ведомства стран «Большой тройки». Для разработки и согласования предложений по вопросам всеобщей заинтересованности, вносимых

на рассмотрение «Большой Тройки», был учреждёна новая институция – *Совет Министров иностранных дел.*

В конце сентября 1943 г. между союзниками была достигнута договорённость об учреждении военно-политической комиссии, состоявшей из представителей СССР, США, Великобритании и Французского комитета национального освобождения. Состав и компетенция этой комиссии, получившей в октябре 1943 г. название Консультативного совета по вопросам Италии, были определены на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании.

Конференция «Большой тройки» в Тегеране началась 28 ноября 1943 г. с общей оценки положения дел на фронтах мировой войны и обсуждения мероприятий по её ускоренному завершению. Главным из них было открытие второго фронта в Европе. Руководители трёх стран уделили значительное внимание в Тегеране будущей международной институции – универсальной организации мира и безопасности, речь о которой шла в декларации Московской конференции четырёх держав.

В совместной Декларации, принятой 1 декабря 1943 г., руководители трёх стран, информируя мир о состоявшейся конференции и принятых на ней решениях, выражали свою решимость в том, что их страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время. В ней говорилось о высокой ответственности, лежащей на их странах и на всех Объединённых Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара, и который устранит бедствия и ужасы войны на многие поколения [6]. Концепция международной организации безопасности была конкретизирована на конференции в Думбартон-Оксе с 21 августа по 28 сентября 1944 г.

Важные для судеб мира решения о послевоенном устройстве мира были приняты на второй встрече «Большой Тройки» в г. Ялта. По своей значимости решения Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) могут быть сравнимы с решениями Вестфальского и Венского конгрессов, а также Версальской и Вашингтонской конференций вместе взятых, с которыми связывают новое институциональное развитие и установление качественно нового мирового порядка после крупнейших континентальных и мировых войн.

На конференции государств антигитлеровской коалиции и присоединившихся к ним стран в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.) был согласован, утверждён и подписан Устав Организации Объединённых Наций. Берлинская (Потсдамская) конференция «Большой тройки», состоявшаяся уже после капитуляции Германии (17 июля – 2 августа 1945 г.), по существу подтвердила все решения Ялтинской конференции [1; 3; 4, с. 603–609, 616–622].

Таким образом, пять великих держав тогдашнего мира договорились решать все проблемы мира и безопасности на планете путём их единогласия. Они согласились, что итогом работы таких международных институтов как международные конференции военного периода, институциональным закреплением итогов Второй мировой войны станет создание Организация Объединённых Наций (ООН), которая призвана решать все проблемы мира и безопасности на планете путём их единогласия. Итоговая институциональная точка международного сотрудничества по итогам Второй мировой войны была успешно поставлена.

Литература

1. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). – Москва: Политиздат, 1984. – 511 с.
2. Винокуров, В.И. История военной дипломатии / В.И. Винокуров. – Москва: Светлица, 2010. – Т. 2: Военная дипломатия между Первой и Второй мировыми войнами (1991–1945). – 640 с.
3. Кондрашов, В.В. Военные разведки во Второй мировой войне / В.В. Кондрашов. – Москва: Кучково поле, 2014. – 399 с.
4. Мировые войны XX века: в 4 кн. / Ин-т всеобщей истории. – Москва: Наука, 2002. – Кн. 4: Вторая мировая война: документы и материалы. – 677 с.
5. Московская конференция Министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). – Москва: Политиздат, 1984. – 384 с.
6. Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). – Москва: Политиздат, 1978. – 198 с.
7. Ціватий, В.Г. ООН у системі координат глобалізованого світу XXI століття: інституціональні традиції, цивілізаційний вимір, сучасні виклики / В.Г. Ціватий // Актуальні проблеми міжнародних відносин: зб. наукових праць: Ін-т міжнародних відносин КНУ імені Тараса Шевченка. – Київ, 2005. – Вип. 58. – Ч. II. – С. 158–166.
8. Churchill, W.S. The Second World War / W.S. Churchill. – London, 1952. – Vol. V. – 609 p.
9. Feis, Gerbert. Churchill, Rusevelt, Stalin. The War They Wayged and the Peace They Sought. A diplomatic History of World War II / Gerbert Feis. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957. – 704 p.

Пронь С.В.

ДИПЛОМАТИЯ ЯПОНИИ И ПОЛИТИКА «ВЕЛИКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ» НА ТИХОМ ОКЕАНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-х гг. – 7 ДЕКАБРЯ 1941 г.): IPSO FACTO*

Накануне 70-летия Великой Победы 1945 г. все чаще звучат вопросы «Кто виноват?», какие силы сыграли ключевую роль в развязывании Второй мировой войны, как и почему сработал механизм возникновения катастрофы. Очевидно одно – война стала следствием неспособности ведущих мировых акторов (Великобритании, Франции, СССР, США...) удержать мир. Их идеологические разногласия, взаимные подозрения, парализующий страх перед агрессорами, бредовые надежды их умиротворения за счет других, желание отсидеться где-то в стороне от очага пожара и привели в итоге к кровавой драме.

Особое место в истории Второй мировой войны занимает «война за Великую Восточную Азию», более известная как «война на Тихом океане».

Политика «великого противостояния» на Тихом океане, в орбиту которой были вовлечены Япония, Великобритания, США, Франция, Германия, Италия, СССР, Голландская Индия (Индонезия), Китай, Филиппины, Малайя, Гонконг, Сингапур, Бирма, к сожалению, до сих пор остается недостаточно изученной. Еще меньше исследована дипломатия Японии этого периода.

Фрагментарно эти проблемы поднимались в трудах таких историков, ученых-международников как: Х.Т. Эйдус, Л.М. Кутаков, Д.В. Петров, С.Л. Тихвинский, С.Т. Леонидов, А.А. Кошкин, В.Э. Молодяков, Р. Бутов, В. Бислей, Хаттори Такусиро, Ямато Ичихаши, Масанори Накамура и других. Поэтому имеет смысл заполнить вышеупомянутый исторический пробел.

Предыстория политики «противостояния», как и дипломатии Японии накануне 1 сентября 1939 г., чрезвычайно важна и интересна, начальная веха которой – 18 сентября 1931 г., когда японцы начали наступление на северо-восточную территорию Китая – Маньчжурию. «Маньчжурский инцидент» стал своеобразным водоразделом довоенной истории Японии, знаменуя начало так называемого «чрезвычайного времени» [11, с. 119].

Серия «инцидентов» [«Мукденский» (около Лютяогоу) – 18 сентября 1931 г., «Шанхайский» (район Чапэ) – 18 января 1932 г.], спровоцированные японцами, завершили окончательную оккупацию Маньчжурии. 1 марта 1932 г. было создано «новое государство» – Маньчжоу-Го во главе с последним китайским императором маньчжурской династии Пу И, который сначала был «регентом», а 1 марта 1934 г. принял «императорский» титул [21, с. 175]. Фактически, это был первый шаг Токио на пути ко Второй мировой войне [14, с. 43].

Период с конца 1931 по 9 марта 1936 г. (кабинет премьера Хирота Коки) – как во внутренней, так и во внешней политике Японии – это история сплошных военных мятежей (18 октября 1931 г.; 15 мая 1932 г.; 26 – 29 февраля 1936 г.) [8, с. 3–38], эпохи «партийных кабинетов» (13 декабря 1931 г. кабинет Инукаи Цуйоси; 26 мая 1932 г. – кабинет Сайто Макото; 8 июля 1934 г. – кабинет Окада Кейсуке) и «инцидентов» (15 мая 1932 г.; 26 февраля 1936 г.).

25 ноября 1936 г. правительство Хироты заключило с гитлеровской Германией сроком на 5 лет, так называемый, «Антикоминтерновский пакт», к которому 6 ноября 1937 г. присоединилась и Италия, завершив формирование фашистского блока Берлин – Рим – Токио. Из секретного приложения (содержало две статьи), которое было найдено после капитуляции Германии и Японии в документах Министерств иностранных дел и обнародовано лишь в 1947 г. во время Токийского судебного процесса [1, с. 11], было ясно, что СССР определялся как главный противник участников пакта [23, с. 33–34].

Министр иностранных дел Японии Арита Хатиро, комментируя пакт вечером 25 ноября 1936 г., сказал: «Отныне Советская Россия должна понимать, что ей придется стоять лицом к лицу с Германией и Японией...» [13, с. 241]. В связи с этим, достаточно интересной была реакция на «дипломатию пактов» со стороны президента США Ф.Д. Рузвельта, который 29 июня 1937 г. в ответе советскому послу в Соединенных Штатах А.А. Трояновскому подчеркнул: «Пактам веры нет. Главная гарантия ... – это сильный флот ... Посмотрим, как выдержат японцы морское соревнование» [16, с. 264].

---

* В силу самого факта

Окончательную точку в политике «дальневосточного Мюнхена» Японии поставило соглашение «Арита – Крейга» 24 июля 1939 г. В документе подчеркивалось, что «вооруженные силы Японии в Китае имеют специальные нужды в целях обеспечения их собственной безопасности и поддержания общественного порядка в районах, которые находятся под их контролем» [4, с. 146].

Соглашение «Арита-Крейга» официально констатировало признание японского господства в Китае де-факто и закрепление за Японией прав воюющей стороны. Понятно, что первая реакция на японско-английскую договоренность последовала со стороны Соединенных Штатов, когда 26 июля 1939 г. президент Ф.Д. Рузвельт поручил Госдепартаменту уведомить представителей Японии о том, что американо-японский договор, заключенный в феврале 1911 г., теряет силу через шесть месяцев [18, с. 75].

«Великое противостояние» на Тихом океане вступило в фазу активной конфронтации.

Диссонансом в подготовке к «великой войне» и дипломатии Японии оказались события 11 мая – 29 августа 1939 г. в районе реки Халхин-Гол (Восточная Монголия). Бои советских и монгольских войск против японцев пересекли рамки обычного пограничного конфликта: с обеих сторон в них участвовали более 130 тысяч солдат и офицеров, 1000 орудий, 1000 танков, около 800 боевых самолетов [8, с. 39]. Правда, японский исследователь Хаттори Такусиро утверждает, что «во время конфликта в районе Номон-Хана ... (Халхин-Гол – С.П.) против тридцати советских дивизий в Маньчжоу-Го было всего восемь японских дивизий» [20, с. 30]. Отличаются и человеческие потери конфликта – от 50000 со стороны Японии (убитых, раненых, взятых в плен) [21, с. 211] до 61000 только убитых [8, с. 39] (автор статьи больше доверяет материалам, предоставленных Б.А. Бородиным, а именно: «С мая по сентябрь японско-маньчжурские войска потеряли 52 – 55 тысяч солдат и офицеров, из них убитыми – около 25 тысяч человек» [2, с. 185]). Неизменным остается следующий вывод: «Халхин-Гол» – это неслыханное военно-политическое поражение Японии, после которого она «трезво» поняла [7, с. 14], что, действуя самостоятельно, нечего даже мечтать о «великой войне» на Тихом океане в целом, и против Советского Союза в частности.

Окончательно подорвал основы довоенной дипломатии Японии договор о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. [12], который, по словам Сталина, обеспечил «нашей стране мир в течение полутора лет и возможность подготовить свои силы для отпора, если бы фашистская Германия рискнула напасть на нашу страну вопреки пакту» [15, с. 9]. Пакт, безусловно, повлиял на отставку 28 августа 1939 г. премьер-министра Хиранума. Но нельзя согласиться с мнением, что «дипломатия Арита привела к полной изоляции Японии» [3, с. 100], потому что начала, прежде всего, «пробуксовывать» и не срабатывать амбивалентная (двойная) японская политика. Обратите внимание, что «новые» премьеры и Абэ Нобуюки (30 августа 1939 г. – январь 1940 г.), и Ионаи Мицумаса (16 января 1940 г. – июль 1940 г.), во-первых, были военными (генерал и вице-адмирал), во-вторых, считались компромиссными фигурами, в-третьих, назначеный только 25 сентября 1939 г. министр иностранных дел кабинета Абэ адмирал Номура Китисабуро, имел репутацию либерала и англофила, в-четвертых, с началом 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны, правительство Японии уже 4 сентября обнародовало заявление о «неучастии в европейской войне», пытаясь направить свои дальнейшие внешнеполитические, и в первую очередь военные, шаги на юг, в Восточную Азию в надежде, что страны, «привлеченные к войне в Европе, не смогут защитить свои владения в Азии» [22, с. 60].

Почему было выбрано слово «неучастие» (мукайню), а не «нейтралитет» (тюрицу)? На этот вопрос дала ответ внешняя политика и дипломатия второго и третьего кабинета (22 июля 1940 г.; 18 июля – октябрь 1941 г.) премьер-министра принца Коноэ Фумимаро.

17 августа 1940 г. была опубликована «Программа новой структуры» кабинета премьера Коноэ, основанная на «единой государственной идеологии, которая помогала народу полностью посвятить себя служению императору» [11, с. 158]. Организационной основой «новой структуры» должна была стать «Ассоциация помощи трону» (далее – АПТ), официально созданная 12 октября 1940 г. Весной 1941 г. АПТ дала свой «последний бой», когда 3 марта был принят закон «О всеобщей мобилизации нации», 7 марта – «Об обеспечении государственной обороны и безопасности», 10 марта – «О поддержке общественного спокойствия». В апреле 1941 г. АПТ была реорганизована и превратилась в своеобразный вспомогательный орган японской бюрократической системы, хотя и просуществовала формально до января 1945 г.

Два события «красной лентой» связывали «Программу новой структуры» и деятельность АПТ – это назначение в сентябре 1940 г. послом Японии в СССР генерал-лейтенанта Татекаву Йосицуга, который получил задание урегулировать японо-советские дипломатические отношения, и заключение пакта между Советским Союзом и Японией 13 апреля 1941 г. (был денонсирован советской стороной 5 апреля 1945 г.) [5].

22 июня 1941 г., когда войска гитлеровской Германии вторглись на территорию Советского Союза, официальный Токио, не скрывая своего удовлетворения, с одной стороны, не только констатировал, что это была «немецко-советская война», но и, с другой стороны, был готов расширить сферу «Большой Восточной Азии», не останавливаясь ни перед «войной с США и Великобританией, ни перед возможной войной с СССР в любой благоприятный для Японии момент» [6, с. 48].

После начала Великой Отечественной войны внешняя политика и дипломатия Японии приняли четко направленный «американский наклон». Кстати, японско-советский пакт 13 апреля 1941 г. очень обеспокоил президента Рузвельта: он прекрасно понимал, что «движение на север» (то есть, против Советского Союза) теперь было заблокировано, но открывался «путь для Японии на юг» – по Филиппинам, а следовательно, по американской зоне влияния. Учитывалось и то, что к декабрю 1941 г. в японских вооруженных силах насчитывалось 2,5 млн. человек; ВМС Японии состояли из 10 авианосцев, 10 линейных кораблей, 37 крейсеров, 110 эсминцев, 63 подводных лодок; у ВВС было 5300 самолетов (из них 575 – на авианосцах) [19, с. 28–29].

Взвешенной и осторожной была позиция Ф.Д. Рузвельта относительно событий 22 июня 1941 г. Когда на пресс-конференции 24 июня его спросили о возможной американской помощи СССР, ответ был следующий: «Задайте мне любой другой вопрос» [18, с. 157].

8 декабря 1941 г., после падения Перл-Харбора 7 декабря, США объявили войну Японии.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, с началом военной кампании на Тихом океане война приобрела мировой характер и была определена как «Вторая мировая война». К сожалению, и к «первому» (до 1 сентября 1939 г.) и ко «второму» (с 7 декабря 1941 г.) актам войны подталкивала и привела политика «великого противостояния» значительного количества как европейских, так и азиатских стран.

Во-вторых, политика «великого противостояния» – это тоже своеобразная война, преимущественно дипломатически-политическими методами, которая не только свидетельствовала о многовекторной, запутанной, как правило, тайной игре главных акторов на Тихом океане, в первую очередь, Японии, США, Великобритании, СССР, Китая, поскольку все они преследовали собственные амбициозные цели – или личная государственная безопасность, или «завуалированная» агрессия (кроме Японии), или – «смешанный вариант» того и другого с будущим стратегическим региональным или глобальным господством и перспективами.

В-третьих, амбивалентная дипломатия Японии в конце 1930-х – начале 1940-х гг. привела не только к собственному поражению, но и к срыву планов «молниеносной войны» («дэнгэкисэн»), которая после падения (под давлением наступления и победы Японии) Гонконга, Филиппин, Малайи, Сингапура, Бирмы, Цейлона, закончилась сокрушительным поражением японцев 4 июня 1942 г. в битве у атолла Мидуэй.

Литература

1. Березин, В.Н. (псевдоним С.Л. Тихвинского – С.П.). Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники (из истории нормализации отношений СССР с послевоенной Японией) / В.Н. Березин. – Москва: Междунар. отношения, 1977. – 144 с.
2. Бородин, Б.А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937 – 1941 / Б.А. Бородин. – Москва: Мысль, 1965. – 200 с.
3. Гаврилов, В. Некоторые новые аспекты предистории советско-японской войны 1945 года / В. Гаврилов // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – № 4. – С. 92–104.
4. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937 – 1939. – Москва: Политиздат, 1981. – Т. 2. – Янв. – авг. 1939 г. – 415 с.
5. Заявление правительства СССР от 5 апреля 1945 г. // Известия. – 1945. – 6 апреля. – С. 1.
6. Иванов, М.И. Япония в годы войны. Записки очевидца / М.И. Иванов. – Москва: Главн. редакция вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1978. – 253 с.
7. История второй мировой войны 1939 – 1945: в 12-ти томах. – Москва: Военное изд-во Мин. обороны СССР, 1982. – Т. 12. – 495 с.
8. Козицький, А.М. Новітня історія Азії та Африки. Посібник / А.М. Козицький. – Львів: Афіша, 2003. – 430 с.
9. Кошкин, А.А. Как готовился Халхин-Гол / А.А. Кошкин // Новая и новейшая история. – 1989. – № 4. – С. 52–62.
10. Лиддел Гарт, Б. Вторая мировая война. Очерк / Б. Лиддел Гарт. – Москва: Воениздат, 1976. – 679 с.
11. Молодяков, В.Э. История Японии. XX век / В.Э. Молодяков, Э.В. Молодякова, С.Б. Маркарьян. – Москва: ИВ РАН; Крафт+, 2007. – 528 с.

12. Пронь, С.В. «Мій кращий друг… Ріббентроп» (пакт 23 серпня 1939 р.: зрада, дипломатія, помилка, перемога…) / С.В. Пронь // Наукові праці. Історія. – Т. 228. – Вип. 216. – Миколаїв: ЧДУ ім. П. Могили, 2014. – С. 73–81.
13. Рагинский, М.Ю. Международный процесс главных японских военных преступников / М.Ю. Рагинский, С.Я. Розенблит. – Москва – Ленинград: Воениздат, 1959. – 388 с.
14. Седнев, В.В. Япония: тайфун милитаризма / В.В. Седнев. – Киев: Политиздат Украины, 1987. – 199 с.
15. Сталін, Й. Про Велику Вітчизняну війну Радянського Союзу / Й. Сталін. – Київ: Українське вид-во політ. літ-ри, 1946. – 192 с.
16. Тихвинский, С.Л. Век стремительных перемен / С.Л. Тихвинский. – Москва: Наука, 2005 – 541 с.
17. Тихвинский, С.Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете в 1941 году / С.Л. Тихвинский // Новая и новейшая история. – 1990. – № 1. – С. 182–184.
18. Уткин, А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта / А.И. Уткин. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 544 с.
19. Уткин, А.И. Тихоокеанская ось / А.И. Уткин. – Москва: Мол. гвардия, 1988. – 159 с.
20. Хаттори, Т. Япония в войне 1941–1945 / Т. Хаттори. – Москва: Воениздат, 1973. – 631 с.
21. Эйдус, Х.Т. Очерки новой и новейшей истории Японии / Х.Т. Эйдус. – Москва: Гос. изд-во полит лит-ры, 1955. – 335 с.
22. Япония: справочник / под общ. ред. Г.Ф. Кима и др. – Москва: Республика, 1992. – 543 с.
23. «Documents of the German Foreign Policy» – Series D. – Doc. № 463. – Washington: World Future Society, 1949. – 416 p.

Гайкин В.А.

АНТИЯПОНСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ МАНЬЧЖУРИИ В 1937–1941 гг.

Общепринятая версия о начале 1 сентября 1939 г. глобального конфликта получившего название Вторая мировая война – это отражение европоцентристского взгляда на историю и мировую политику, согласно которому Европа является геополитической доминантой, «первой скрипкой» миросообщества. Если сменить «ракурс», то можно предположить, что глобальный конфликт начался с масштабных боевых действий на Дальнем Востоке – вторжения в Китай японской армии в июле 1937 г., которому в свою очередь предшествовало подписание 25 ноября 1936 г в Берлине между Германией и Японией Антикоминтерновского пакта, оформившего под флагом борьбы против Коминтерна блок этих государств для завоевания мирового господства. Подписанный одновременно с пактом секретный Дополнительный протокол предусматривал, что в случае возникновения или угрозы войны между СССР и одной из договаривающихся сторон, другая сторона «не предпримет никаких мер, осуществление которых могло бы облегчить положение СССР».

В вооруженную конфронтацию на азиатско-тихоокеанском театре военных действий уже на первом этапе были вовлечены государства (Китай, Япония, Корея) с населением 700 млн. человек. Одна шанхайская резня унесла жизни от 400 до 500 тысяч мирных китайских жителей. Общие потери Китая в процессе сопротивления японской агрессии в 1937–1945 гг. составили 20 млн. человек. Воспользовавшись капитуляцией Франции в июне 1940 г. Япония в сентябре того же года высадила свои войска на восточном побережье индокитайского полуострова создав важный стратегический плацдарм для войны против США и Великобритании на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Именно удар японской авиации по Пёрл-Харбору 7 декабря 1941 г. вовлёк в войну на Тихом океане (и соответственно во Вторую мировую) США.

Одной из ярких страниц сопротивления японской агрессии была вооружённая борьба в районах Маньчжурии, граничащих с Кореей (Цзяньдао и Дунбяньдао). Главными «действующими лицами» здесь были корейские партизаны, поскольку это была территория с преимущественно корейским населением (1 млн. чел. на 1937 г.), которое и стало человеческим ресурсом антияпонской борьбы. Одним из известных партизанских командиров в этом районе был кореец Ким Сон Чжу, взявший псевдоним Ким Ир Сен. Отряд, которым он командовал, в разные годы насчитывал от 200 до 500 бойцов.

Для политической работы среди корейского населения Маньчжурии в приграничных с Кореей районах в 1936 г. под эгидой компартии Китая было создано «Общество возрождения отечества» и его отделения в Корее [5, с. 422]. Из материалов допросов членов «Общества возрождения отечества», арестованных японскими карательными органами, видно, что фактическим руководителем Общества был Ким Ир Сен [7, Т. 6, с. 586–648]. Это подтверждают и авторы японского полицейского издания: «Осенью 1936 г. под непосредственным руководством командира 6-й дивизии Второго фронта ОАА Ким Ир Сена … было создано «Корейское общество возрождения отечества» [6, с. 405].

Основным районом действий отряда Ким Ир Сена (численностью около 300 бойцов) был Дунбяньдао [5, с. 410]. Здесь на склонах горы Байтоушань (корейское название Пектусан) были

созданы партизанские базы. Кроме отряда Ким Ир Сена, в Дунбяньдао действовали партизанские отряды Цао Яфана, Чэ Хёна (впоследствии министр обороны КНДР), Ан Кучёна, Ван Тэтая, Цао Куана, Ман Суна, Ван Фэнко, У Ичена [9, 1936, № 78–93; 1937, № 1–26]. Общая численность бойцов партизанских отрядов Дунбяньдао (большинство из которых были корейцами) составляла к сентябрю 1936 г. по японским оценкам, 5520 человек. Из них в отрядах компартии сражалось 2590 бойцов, отряды националистов насчитывали 1720 человек, численность крестьянских отрядов и хунхузов составляла 1210 человек [10, с. 6].

Сами по себе рейды партизан в Корею не наносили большого ущерба колониальному режиму. Однако тот факт, что по ту сторону границы существуют корейские партизанские отряды, стимулировал антияпонское сопротивление в Корее. Кроме того, Дунбяньдао предстояло стать «Маньчжурским Руром» – районом, где на базе богатых рудных месторождений японцы планировали создать добывающую и металлургическую промышленность. В результате карательных операций численность партизан в Дунбяньдао уменьшилась к январю 1937 г. по сравнению с сентябрём 1936 г. более чем в два раза (до 2595 бойцов). Из них в отрядах под руководством компартии воевало 1340 человек, численность националистических группировок составляла 395 человек (уменьшение в 4 раза), «беспартийные» крестьянские отряды и хунхузы насчитывали 860 человек [10, с. 65–66].

Военные операции Ким Ир Сена в Корее сделали его известной фигурой в антияпонском сопротивлении. Японский автор писал: «Я слышал от чиновников корейского генерал-губернаторства о корейских коммунистических бандитах Ким Ир Сене, Цао Куане …» [4, с. 58]. Осенью 1937 г. японские жандармы, напав на след «Общества освобождения отечества», провели серию арестов в уезде Чанпай (Маньчжурия) и в пограничных с Китаем районах Кореи. На маньчжурском берегу р. Ялуцзян в ноябре – декабре было схвачено 700 патриотов. В Корее полиция арестовала 166 подпольщиков [7, т. 6, с. 7]. Осенью 1937 г. японская полиция доложила о прекращении деятельности «Общества возрождения отечества». Трудно было и националистам. «Корейская революционная армия» таяла под ударами карателей. Остатки Армии влились в отряд Ким Ир Сена в 1938 г. В том же году сдались японцам командующий «Корейской революционной армией Ким Хвальсок и начальник военного отдела Ким Тухва [3, с. 77].

По японским данным, на декабрь 1938 г. в приграничных с Кореей районах Маньчжурии продолжали борьбу 3400 партизан – коммунисты, националисты, крестьянские (беспартийные) отряды. Из них в отрядах компартии сражалось 2825 бойцов. По свидетельству японского полицейского издания, в этом районе «главные бандиты – Ян Цзиньюй и Ким Ир Сен», уничтожение их – «важнейшая цель карательных операций» [11, с. 220]. В отряде Ким Ир Сена насчитывалось около 500 человек [5, с. 225].

Японцы продолжали операции по борьбе с партизанами в Восточной Маньчжурии. С октября 1938 г. по февраль 1939 г. в провинции Тунхуа в боях с карателями погибли 340 партизан, 106 были взяты в плен, 608 сдались. В 1938 г. в этой провинции из 900 партизан 500 были корейцами [13, с. 224–225]. Однако сопротивление патриотов не прекращалось. В мае 1939 г. отряд Ким Ир Сена вновь совершил рейд в Корею.

В 1940 г. в Дунбяньдао, районе дислокации 1-го фронта «ОАА», сконцентрировавшего основные силы корейских партизан в Маньчжурии, действовали корейско-китайские отряды Ян Цзиньюя (командующий 1-м фронтом), Пак Тыкпома, Ли Чхаммо, Ким Ир Сена, Цао Яфана, Чэнь Ханьчжана, Вэй Чженминя, Ан Санкиля, Чон Гвана, Хан Инхва, Чэхёна (Ян Цзиньюй убит в бою в феврале 1940 г., Пак Тыкпом захвачен в плен в декабре 1940 г., Цао Яфан погиб в апреле 1940 г., Чэнь Ханьчжан убит в декабре 1940 г., Вэй Чженминь убит в марте 1941 г.). В январе 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии (восточная часть провинции Цзилинь, провинции Цзяньдао, Тунхуа), по данным японских военных сводок, партизаны провели 37 боёв с карателями, в которых участвовало 4295 партизан [8, с. 1940]. В сентябре 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии произошло 34 столкновения партизан с японскими частями, в которых участвовало только 385 инсургентов [8].

В конце 1940 г. из 4–5 отрядов, действовавших на юго-востоке Маньчжурии, на первое место по значимости японцы ставили отряд Ким Ир Сена. Однако реальной угрозы для японцев ни отряд Ким Ир Сена, ни другие отряды этой зоны в 1940 г. уже не представляли. Партизаны в 1940 г. были чаще всего обороняющейся стороной. Инициативой полностью владели каратели. Основная цель партизан была уже не борьба с японскими оккупантами, а выживание в неимо-

верно трудных условиях. В летне-осенний период партизаны нападали на «стратегические деревни» или на небольшие отряды лесной полиции для пополнения запасов продовольствия, одежды. С наступлением зимы активность инсургентов резко снижалась. Патриоты несли большие потери в боях с преследовавшими их карателями и поэтому старались избегать кровопролитных столкновений с превосходящими силами противника.

К концу 1940 г. японцам удалось почти полностью подавить сопротивление корейских партизан в Маньчжурии (как и китайских). Так общее количество инсургентов на юго-востоке Маньчжурии, принимавших участие в боях, сократилось в сентябре 1940 г. по сравнению с январём 1940 г. в 11 раз [8]. Осенью 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии (основном районе действий корейских партизан) продолжало борьбу не более 400 патриотов (по всей Маньчжурии – 1600 партизан) [6, с. 26]. Для сравнения только полицейских-корейцев в Цзяньдао насчитывалось 4013 человек (по всей Маньчжурии 6890 человек), членов отрядов самообороны-корейцев в Цзяньдао – 12376 человек (по всей Маньчжурии 12875 человек) [2, с. 2, 8]. С октября 1939 г. по март 1941 г. в боях в Дунбяньдао погибло 1282 партизана, захвачено в плен 896, сдались 1040 инсургентов [12, p. 293]. По мнению исследователей, после 1940 г. вооружённое антияпонское сопротивление практически сошло на нет [1, с. 99–100]. В 1941 г. в Маньчжурии, по японским оценкам, насчитывалось всего 510 партизан.

Таким образом, антияпонское сопротивление в Юго-Восточной Маньчжурии в 1937–1941 гг. в основном было представлено корейским населением. В сопротивлении японцам участвовали как коммунисты, так и националисты и крестьянские отряды. В целом, антияпонская борьба в регионе носила ожесточенный характер, но к 1941 г. японцы сумели на время перехватить инициативу, и партизанское движение оказалось в затруднительном положении.

Литература

1. Мазуров, В.М. Антияпонская вооружённая борьба корейского народа / В.А. Мазуров. – Москва: Изд. восточн. лит-ры, 1958. – 289 с.
2. Мансю кокунай бусо дантай тёсахё (Вооружённые формирования в Маньчжурии). – Б.м., 1940. – 205 с.
3. Мансюкоку кэйсацу гайё (Обзор полиции Маньчжоу-Го). – Б.м., 1940. – 380 с.
4. Нагаока Титаро. Кёкуто но кэйкаку то миндзоку (Перспективы Дальнего Востока и народы) / Титаро Нагаока. – Токио, 1938. – 326 с.
5. Сайкин ни окэру тёсэн тиан дзёкё 1938 нэн (Общественный порядок в Корее в настоящее время 1938 г.). – Токио, 1966. – 402 с.
6. Сина оёби Мансю но тиан дзёкё 1941 (Общественный порядок в Китае и Маньчжурии на 1941). – Б.м., 1942. – 390 с.
7. Тёсэн тодзи сирё (Материалы по истории управления Кореей): в 10 томах. – Токио, 1970 – 1971.
8. Тиан гайкё гаппо (Ежемесячный бюллетень состояния общественного порядка). – Б.м., 1940. – № 1, 2, 3, 4, 7, 9.
9. Хокубу тохэндо тайбацу дзёхо (Сообщения о карательных операциях в северной части Дунбяньдао). – Тунхуа, 1936. – № 78–93, 1937. – № 1–26.
10. Хокубу тохэндо тихон косаку сого хококу (Сводный доклад о работе по умиротворению северной части Дунбяньдао). – Б.м., 1937. – 260 с.
11. Чжоу, Баочжун. Дунбэйды канжи юцзи чжаньчжэн хэ канжи ляньцзюнь. Чугао (Антияпонская партизанская война и Объединённая антияпонская армия Северо-Восточного Китая. Краткий очерк) / Баочжун Чжоу // Данши цзыляо. – 1954. – № 9. – С. 13–37.
12. Chong-sik, Lee. Revolutionary struggle in Manchuria / Lee Chong-sik. – Berkley – Los Angeles: University of California Press, 1983. – 421 p.
13. Scalapino, R.A. Communism in Korea / R.A. Scalapino, Lee Chong-sik. – Berkley – Los Angeles: University of California Press, 1972. – 396 p.

Сосюкина Е.О.

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЙСКО-СОВЕТСКИХ КУЛЬТУРНЫХ И НАУЧНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Казалось бы, на первый взгляд, проблема культурно-научных связей между СССР и Китаем в предвоенные годы, не достаточно актуальна и востребована. Это – иллюзорное заблуждение по нескольким причинам: **во-первых**, данное сотрудничество затрагивает одну из влиятельных составляющих внешней политики обеих стран – идеологическую; **во-вторых**, нет необходимости говорить, в свое время, о роли КПСС и КПК как в советской, так и китайской государственной системах; **в-третьих**, признаком цивилизованности современного гуманного общества является дружба, взаимопонимание, уважение, доверие между народами. Как подчеркнул в своем выступлении на Международной научно-практической экспертной конференции 28 мая 2013 г. Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в Украине Чжан Сиюнь: «В период Второй мировой войны с помощью боевой дружбы и чувства взаимопомощи обе страны (Китай и Украина – Е.С.) запечатлели блестящую страницу в истории. Необходимо использо-

вать общение двух народов для укрепления и развития общественной базы и фундамента общественного мнения, использовать культурные связи для построения моста дружбы и взаимного знакомства двух народов» [13, с. 30]; **в-четвертых**, как справедливо заметил в своей монографии по Китаю профессор С.В. Пронь, «многое из того, что происходит во внутренней и внешней политике Китая, не понятно ни Западу, ни Востоку; более того, мы привыкли оценивать его (Китай – Е.С.) с позиции европейской цивилизации» [7, с. 7].

Все эти составляющие позволяют уверенно аргументировать, с одной стороны, актуальность затрагиваемого вопроса, с другой стороны, – его научную новизну.

Автор статьи, вместе с тем, объективно отмечает, что данное направление рассматривалось и изучалось такими историками, как: С.Л. Тихвинский, Н.Т. Федоренко, В.М. Алексеев, Л.И. Думан, А.А. Петров, К.А. Крутиков, Гэ И-хун, Го Мо-жо, Л.А. Лещенко, С.А. Шергин, В.В. Мельниченко и другими, однако в такой постановке и интерпретации, предметом специального научного исследования ещё не было.

Исходной вехой культурно-научных взаимосвязей между СССР и Китаем довоенного периода является 1938-й г., когда осенью выходит на советские экраны фильм «Героический Китай», смонтированный на Московской студии Кинохроники из кадров, снятых китайскими операторами. Киноискусство, одно из самых доступных и популярных жанров творчества, стало первоначальным объединяющим фактором культурно-научных связей обеих стран. В связи с этим достаточно примечательной и плодотворной была деятельность советского оператора Р.Л. Кармена, проведшего в Китае больше года (с сентября 1938 по сентябрь 1939 гг.), который отснял и смонтировал два полнометражных документальных фильма «Китай в борьбе» (выпуск 1939 г.) и «В Китае» (выпуск 1941 г.). Значительным событием в научно-культурной жизни явилось издание его книги «Год в Китае. Записи киножурналиста» [3].

Особое место в ознакомлении советских людей с жизнью в Китае, с китайской культурой принадлежало Всесоюзному обществу культурных связей с заграницей (далее – ВОКС). Не без участия ВОКС в январе 1940 г. в Государственном музее восточных культур в Москве открылась большая выставка «Искусство Китая» [4, с. 10].

Ученые-гуманитарии СССР в 1938–1941 гг. опубликовали ряд работ, посвящённых не только о борьбе китайского народа за независимость [6], но и по истории, экономике, культуре Китая [1]. В этот же период в Советском Союзе издаются переводы произведений китайских литераторов Тянь Цзюня, Сяо Саня (Эми Сяо), Мао Дуня и других.

События в Китае послужили сюжетом для стихов С. Маршака, П. Тычины, В. Луговского, В. Сосюры и других. Призывным набатом против фашистов «всех матерей» звучали слова украинского поэта Павла Тычины в стихотворении «Я утверждаюсь» (языком оригинала – Е.С):

«Фашистська гидь, тремти! Я розвертаюсь!

Тобі ж кладу я дошку гробову.

Я стверджуюсь, я утвержаюсь бо я живу» [11, с. 37].

С серией острых карикатур, направленных против японских милитаристов, выступали на страницах журнала «Крокодил» художники Кукрыниксы (М.В. Куприянов. П.Н. Крылов, Н.А. Соколов). Известный искусствовед О.Т. Иванов писал во вступительной статье к альбому «Кукринисты: годы войны»: «Традиция передала кукрынистам «зоопарк», где каждый зверь был наделён, казалось бы, известными качествами, полученными тем или иным представителем фауны ещё в народной сказке. Уродливая, прожорливая и трусливая гиена стала олицетворять фашистскую Италию..., а безжалостная акула – милитаристическую Японию. Францию и Англию изображали в виде благодушных петуха и льва…» [5, с. 9].

Активную переписку с китайскими писателями, драматургами, композиторами, артистами вели А. Фадеев, А. Толстой, А. Серафимович, В. Катаев, Н. Погодин, И. Дунаевский, В. Немирович-Данченко и другие [10, с. 204–205].

Многое в изучении истории, формировании китайской нации, общественно-политической жизни, культуры Китая удалось сделать выдающемуся советскому историку-международнику академику С.Л. Тихвинскому, который с 1938 по 1945 гг. находился на дипломатической работе в Китае [2, с. 5].

Значительную роль в пропаганде советской культуры, искусства, науки в Китае сыграло Китайско-Советское Культурное общество (далее – КСКО), созданное в Нанкине ещё в октябре 1935 г. [8, с. 60]. Под председательством академика А.П. Карпинского КСКО многое сделало

для укрепления китайско-советской дружбы. После 1941 г. правление общества переехало в Ханькоу, а затем в Чунцин. С 1936 г. КСКО регулярно (два раза в месяц – до мая 1939 г. – Е.С.) издавало журнал «Культура Китая и СССР» («Чжун Су Вэньхуа»). В КСКО активно работали видные общественные деятели и представители культуры Китая: У Юй-чжан, Мао Дунь, Цао Цзин-хуа, Цзянь Бо-изань, Тянь Хань, Гэ Бао-июань и другие.

Таким образом, изучая историю китайско-советских культурных и научных взаимоотношений накануне Второй мировой войны, можно сделать следующие выводы:

1. Взаимосвязи Китая и СССР в культурно-искусствоведческой сфере носили конкретный, широкоаспектный плодотворный характер.

2. Изучая историю, учёный, возможно в первую очередь, должен обратить внимание на позитивные исторические уроки, отвергая и предупреждая негативные последствия в будущем. Как известно, одним из современных методологических подходов является принцип модернизма, удачно проектирующий опыт культурно-научного китайско-советского сотрудничества 1930–1940-х гг. на сегодняшний день.

3. Это убедительно подтверждает мнение украинского историка-международника В.Г. Циватого, который пишет: «Чтобы отношения были действительно добрососедскими, следует знать историю, культуру, традиции Китая, в т.ч. конфуцианство (к началу 2013 года создано 400 институтов Конфуция в 120 странах мира) [13, с. 85]. Именно на таком культурно-историческом фоне сложилась китайская философия и политика, в которой очень ценятся **Жень** (человеколюбие), **И** (справедливость и дружба), **Ли** (вежливость и достоинство), **Чень** (честность и терпение)…» [12, с. 102].

Безусловно, что данной проблеме необходимо дальнейшее тщательное, объективное, научно-обоснованное исследование.

Литература

1. Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость: сб. статей / под ред. акад. В.М. Алексеева. – Москва – Ленинград: Госиздат, 1940. – 238 с.
2. Всемирная история и Восток: сб. статей. – Москва: Наука, 1989. – 288 с.
3. Кармен, Р. Год в Китае: Записки киножурналиста / Р. Кармен. – Москва: Изд-во вост. лит-ры, 1941. – 218 с.
4. Крутиков, К.А. Из истории советско-китайских культурных и научных связей // История СССР. – 1959 – № 4 – С. 8–18.
5. Кукрыниксы: годы войны. Альбом. – Москва: Изобразительное иск-во, 1985. – 320 с.
6. Ляхов, Н. Китайский народ в борьбе за свою независимость / Н. Ляхов. – Москва: Изд-во вост. лит-ры, 1938. – 114 с.; Пашкова, М. В борьбе за раскрепощение китайского народа / М. Пашкова. – Москва: Литиздат, 1939. – 88 с.; Мотылёв, В.Е. Тихоокеанский узел второй империалистической войны / В.Е. Мотылёв. – Москва: Соцэкиз, 1940. – 152 с.
7. Пронь, С.В. Китай: зовнішня політика і дипломатія у другій половині XX століття: монографія / С.В. Пронь. – Миколаїв: Іліон, 2012. – 148 с.
8. Субботин, Д.Т. Документы и материалы о советско-китайской дружбе (Обзор источников ЦГАОР СССР) / Д.Т. Субботин // Вопросы архивоведения. – 1960. – № 7. – С. 56–64.
9. Сунь, Кевень. Диалог языков и культур как мост дружбы между Китаем Украиной / Кевень Сунь // Развитие стратегического партнерства между Украиной и КНР: результаты, проблемы и перспективы: Материалы Международной научн.-практич. экспертной конференции / Дипломатическая академия Украины. – Киев, 2013. – С. 85–88.
10. Тихвинский, С.Л. Советско-китайские культурные связи / С.Л. Тихвинский // 10 лет Китайской Народной Республики. – Москва: Изд-во вост. лит-ры, 1959. – С. 200–226.
11. Українська література. Стислий виклад змісту всіх творів за новою шкільною програмою / Автори-упорядники: В.О. Доля [та ін.]. – Харків: Ранок, 2001. – 400 с.
12. Циватый, В.Г. Модель китайской дипломатии в условиях новых вызовов и угроз XXI века: взгляд из Украины // Развитие стратегического партнерства между Украиной и КНР: результаты, проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-практической экспертной конференции / Дипломатическая академия Украины. – Киев, 2013. – С. 98–102.
13. Чжан, Сиюнь. Продолжение традиции прошлого, непрерывное создание новых страниц в отношениях между Китаем и Украиной / Сиюнь Чжан // Развитие стратегического партнерства между Украиной и КНР: результаты, проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-практической экспертной конференции / Дипломатическая академия Украины. – Киев, 2013. – С. 26–30.

Косов А.П.

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ ВО ВРЕМЯ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ (1937–1945 гг.)

После начала прямой агрессии Японии против Китая в 1937 г. Соединенные Штаты ограничились лишь небольшими антияпонскими санкциями. Следует отметить, что на то в американских политико-деловых кругах были весомые причины. Во-первых, в американском обществе были очень сильны изоляционистские настроения, служившие серьезным барьером на пути к вступлению в «большую» войну. Хотя, в отличие от Европы, применительно к Азиатско-

Тихоокеанскому региону изоляционистский инструментарий правящей элитой Америки не использовался в полной мере. В Вашингтоне опасались прибегать к угрозам в адрес Токио. С точки зрения изоляционистов, решительные действия США (например, введение экономических санкций) неизбежно привели бы к войне с Японией, участвовать в которой у Соединенных Штатов не было оснований, поскольку их жизненным интересам ничто не угрожало. Во-вторых, по мнению отдельных кругов, оккупация японскими войсками части китайской территории выгодна для США, поскольку, если Китай обрел бы полную самостоятельность, он смог вытеснить не только Японию, но и другие иностранные державы, в том числе и Америку, из страны и строить взаимоотношения с внешним миром на равноправной основе. Следовательно, это означало колоссальные потери для американского бизнеса. К тому же, для многих фирм Япония являлась крайне важным и перспективным партнером, которого не хотелось потерять [7, с. 43]. В 1930-е гг. партнерство США с Японией казалось важнее партнерства с Китаем. В-третьих, отдельным представителям политических кругов США было выгодно японо-китайское противоборство, поскольку тем самым и Япония и Китай истощали силы, и Вашингтону можно будет легче продиктовать им обоим свои условия.

После того как 8 июля 1937 г. японские войска перешли в наступление у моста Лугоуцяо на позиции китайской стороны, Соединенные Штаты не усмотрели в этом факте, названном Токио «китайским инцидентом», признаков агрессии. И это несмотря на то, что американские инвестиции в Китае составляли около 250 млн. долл. Подавляющая их часть была вложена в Шанхае [1, с. 244]. После нескольких дней молчания виновниками случившегося конфликта Вашингтоном были названы обе стороны – как Япония, так и Китай. 16 июля госдепартаментом была опубликована декларация, которая в очень деликатной форме осуждала агрессию, причем агрессор даже не был назван по имени [7, с. 50–51].

После начала японской агрессии в политических кругах Соединенных Штатов разгорелись жаркие споры по поводу китайской политики страны. В Вашингтоне все громче стали звучать голоса сторонников защиты американских интересов в Китае. На первых порах, несмотря на требования изоляционистов, президент Ф.Д. Рузвельт отказывался применять в условиях японо-китайского конфликта закон о нейтралитете, принятый в апреле 1937 г., согласно которому запрещался экспорт военных и других материалов в воюющие страны, опасаясь, что от такого запрета гораздо больше пострадал бы именно Китай. Формально отказ от него в Вашингтоне объясняли тем, что Япония не объявляла войны Китаю [8, с. 459]. Только после того как Токио установил блокаду китайского побережья, президент США запретил с 14 сентября 1937 г. судам, находившимся в государственной собственности Америки, перевозить в Китай или Японию военные грузы [10, с. 54].

5 октября 1937 г. президент Ф.Д. Рузвельт, выступая в Чикаго, призвал организовать «карантин агрессорам» и заявил о возможности применения соответствующих мер по отношению к Японии, что серьезно встревожило изоляционистов [7, с. 51]. Уже в ноябре США послали своего представителя на Брюссельскую конференцию в целях обсуждения заинтересованными государствами вопроса о восстановлении мира на Дальнем Востоке [6, с. 307]. Однако конференция ограничилась моральным осуждением Японии и добрыми пожеланиями в адрес Китая [8, с. 450].

При этом после начала японской агрессии против центральных районов Китая американская торговля с неоккупированными областями Китая существенно снизилась. С осени 1937 г. подавляющая часть импорта США шла в порты, оккупированные японцами. По данным департамента торговли США, экспорт военно-стратегических материалов из Соединенных Штатов в Маньчжурию в 1937 и 1938 гг. увеличился более чем в 5 раз по сравнению с 1936 г. Только через Дайрен было ввезено американских военных материалов на 16 млн. долл. в 1937 г. и на 17 млн. долл. в 1938 г. против 3,5 млн. долл. в 1936 г. Весь же американский экспорт как в оккупированные, так и в неоккупированные области Китая в 1938 г. составлял всего 35 млн. долл., а экспорт в Японию – 249 млн. долл. [1, с. 248–249].

Очевидно, что Америка была еще не готова оказать решающее противодействие японской агрессии в Китае. Об этом свидетельствовало и потопление японцами в декабре 1937 г. на р. Янцзы американской канонерки «Пэней» и трех танкеров [6, с. 308; 9, с. 450]. При этом Китай стал центром самых горячих новостей для американской общественности. Все хотели знать об этой стране как можно больше. Экранизация романа П. Бак «Добрая земля» и публикация

книги Э. Сноу «Красная звезда» превратили Китай в страну, которой сопереживали все американцы. Более того, известный журнал «Тайм» назвал Чан Кайши и его жену супружеской парой 1937 г. [3, с. 413].

Американские круги тесно связанные с Чан Кайши инициировали в США кампанию с целью убедить официальный Вашингтон придать больший вес своей китайской политике. Так, миссионеры потребовали прекратить военные поставки Токио и призывали американцев не уходить из Китая [2, с. 23]. 26 января 1938 г. в конгресс США был внесен законопроект о прекращении торговых отношений между Америкой и Японией до тех пор, пока японские войска находятся на китайской территории [9, с. 450]. Однако прокитайские попытки миссионеров оказать давление на конгресс потерпели неудачу, поскольку разрыв с Японией был крайне не выгоден для представителей бизнес-кругов страны.

Поэтому отдельные переживания в Соединенных Штатах по поводу судьбы Китая не спешили подкрепляться реальными действиями на практике. К тому же, многие в политических кругах Вашингтона не были настроены на противодействие Японии из-за Китая. Так, группа изоляционистов во главе с сенатором Дж. Наем в сенате начала кампанию за немедленный отзыв американских войск из Китая и за полный уход США с Дальнего Востока [9, с. 450]. Правительство Ф. Рузвельта попыталось найти взаимоприемлемые решения, дабы успокоить сторонников и противников активной политики США на Дальнем Востоке в политических кругах Америки. Так, с одной стороны, 14 марта 1938 г. в районе Гавайских островов начались большие маневры американских ВМС (около 150 военных кораблей), а, с другой стороны, было объявлено о сокращении американских войск в Китае, в частности об отзыве 15-го пехотного полка [9, с. 451].

После очередных актов японской агрессии (в частности, захвата о. Хайнань в феврале 1939 г., означавших проникновение Японии в Юго-Восточную Азию), весной 1939 г. Соединенные Штаты наконец решили пересмотреть акт о нейтралитете. В мае госсекретарь К. Хэлл выразил намерение правительства позволить державам, ведущим боевые действия, покупать оружие в США. Это означало, что Китай мог рассчитывать на закупки американского оружия, но поставляемого не на американских судах [13, с. 87]. В июне К. Хэлл в депеше американскому поверенному в делах в Токио Думэну также отмечал, что действия японцев в Китае вызвали всеобщее недовольство американской общественности [7, с. 62]. В итоге в конце июля 1939 г. госдепартамент известил Токио о денонсации торгового договора от 1911 г., которая вступила в силу через шесть месяцев [6, с. 315].

В августе 1939 г. в «Нью-Йорк таймс» появилось сообщение о том, что США готовы пойти так далеко, как это будет необходимо для отстаивания и сохранения принципа «открытых дверей» в Китае [7, с. 62].

После начала Второй мировой войны в Вашингтоне возобладали политические силы, считающие, что дальнейшее попустительство действиям Японии в АТР представляет все большую угрозу национальным интересам Соединенных Штатов. Поэтому 19 октября 1939 г. американский посол в Токио Дж. Грю – сторонник «умиротворения» Японии – был вынужден заявить о нарушениях Японией «прав и интересов» США в Китае [7, с. 108]. Однако Страна восходящего солнца не собиралась отказываться от дальнейшей экспансии в Китае, поэтому вскоре японо-американские отношения еще более обострились. По официальным данным, к 1941 г. лишь на восстановление разрушенной японцами американской собственности в Китае требовалось 150 млн. кит. долл. [7, с. 191].

Еще в 1937 г. министр финансов США Г. Моргентау предложил использовать займы Китаю как средство давления на Токио. Однако первый заем был предоставлен 16 декабря 1938 г. для закупок сельскохозяйственной продукции и промышленных товаров. По сути это была лишь демонстрация американской солидарности с Китаем. Отправка миссионерами в эту страну медикаментов в рамках филантропической деятельности также имела скорее символическое значение [2, с. 24]. Однако постепенно администрация Ф. Рузвельта перешла к оказанию военно-экономической помощи Китаю для отражения японской агрессии. Так, в дополнение к 44 млн. долл., переведенных гоминьдановскому правительству до осени 1940 г., США в сентябре предоставили ему заем в 25 млн. долл., а также подготовили заем еще на 50 млн. долл. [7, с. 155]. Всего за период с конца 1938 по март 1941 г. правительству Чан Кайши была оказана финансовая помощь в объеме 200 млн. долл. Американские летчики оказывали помощь Китаю

в составе так называемой американской группы добровольцев, известной как «Летающие тигры» [3, с. 416].

Тем не менее, весной 1941 г. в Вашингтоне еще были живы надежды договориться с Японией и не доводить дело до войны. Подтверждением этому стали американо-японские переговоры, начавшиеся 8 марта 1941 г., на которых одним из важнейших вопросов был китайский вопрос. 9 апреля японцы, по сути, попытались навязать Соединенным Штатам свои условия, но американцы сочли их чрезмерными. 16 апреля К. Хэлл изложил японской стороне американские контрпредложения, известные как «принципы Хэлла», предусматривавшие решение двусторонних проблем на американских условиях [7, с. 193–194]. 21 июня 1941 г. госсекретарь США предложил Японии совместно разработать условия окончания войны в Китае, оказав, если будет нужно, нажим с американской стороны на Чан Кайши. Таким образом, предложения Соединенных Штатов Японии носили по отношению к Китаю соглашательский характер [7, с. 195]. По сути США были готовы мириться с захватом Японией северо-востока Китая, но применительно к остальной китайской территории они настаивали на равноправии с Токио [8, с. 27]. Однако ввиду нежелания Токио идти на уступки Вашингтону в американских правящих кругах стали все чаще обсуждать вопрос о возможности войны с Японией. В качестве возможного театра боевых действий называлась и территория Китая [7, с. 195]. При этом американская помощь Китаю была фактически прекращена [7, с. 269].

Однако последовавшие события, провал американо-японских переговоров в ноябре и нападение Японии на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 г., внесли существенные коррективы в предвоенные планы США. После вступления Соединенных Штатов во Вторую мировую войну был образован американо-китайский военный союз. В военные годы зависимость гоминьдановского правительства от США еще более усилилась. Вашингтон предпринимал отчаянные усилия и вкладывал огромные средства, чтобы удержать Чан Кайши в войне, а затем спасти его режим в борьбе с КПК [5, с. 48].

21 марта 1942 г. было подписано американо-китайское соглашение о займе на сумму в 500 млн. долл. 2 июня 1942 г. в Вашингтоне заключили соглашение о ленд-лизе, согласно которому Китаю поставлялись материалы на сумму в 870 млн. долл. [12]. При этом, выплачивая денежную помощь на продолжение войны, многие в Вашингтоне все больше разочаровывались в Китае [3, с. 507].

В начале 1942 г. между Вашингтоном и Чунцином было заключено соглашение о направлении в Китай американской военной миссии во главе с генералом Дж.У. Стилуэллом для оказания китайскому правительству помощи в борьбе с Японией. 19 марта 1942 г. он был назначен командующим 5-й и 6-й китайскими армиями в Бирме и начальником штаба Чан Кайши [1, с. 298]. Однако в силу ряда субъективных обстоятельств в конечном итоге миссия потерпела провал. Прибыв в Китай, генерал очень скоро понял, что правительство Чан Кайши не управляет страной и его нужно менять [3, с. 487]. К этому добавились и разногласия по поводу военной стратегии. Он считал возможным в интересах «большой стратегии» использовать войска коммунистов в любом районе Китая, с чем явно было несогласно гоминьдановское руководство, находя в то же время взаимопонимание у командующего 14-м американским авиационным подразделением в Китае генерала Ченнолта, ратовавшего за ведение войны силами авиации, что находило поддержку и у Чан Кайши [2, с. 28–29].

Относительно американской стратегии помощи Китаю в борьбе с Японией существовали три основные точки зрения. Первой – придерживались генерал Дж.У. Стилуэлл и военный министр США Г. Стимсон, предлагавшие большую часть военных поставок направлять для снаряжения китайских войск, находившихся в Индии.

Второй точки зрения придерживался Чан Кайши и его окружение, считавшие, что максимальное количество военных поставок должно поступать в его распоряжение для более эффективной борьбы с японцами.

Согласно третьей точки зрения, которую выражал генерал Ченнолт, максимальное количество военных поставок должно было поступать в его распоряжение для ведения воздушной войны против Японии. В результате в 1943 г. именно американская авиация в Китае стала получать их подавляющую часть [1, с. 289 – 290].

Дискутируя по поводу способов осуществления помощи, в Соединенных Штатах не забывали и о том, какую наибольшую выгоду можно извлечь из Китая. Так, осенью 1944 г. Ва-

шингтон направил в Чунцин миссию во главе с руководителем американского Управления по делам военного производства Д. Нельсоном, в которую вошли представители крупных угольных, нефтяных и других корпораций с целью изучения состояния китайского потенциала для последующего использования в интересах США [2, с. 37 – 38].

Споры в военно-политических кругах по поводу осуществления «китайской политики» не способствовала укреплению позиций Соединенных Штатов. Можно согласиться с известным китаеведом Дж. Фэйрбэнком в том, что американская военная и финансовая помощь гоминьдановскому правительству слишком запоздала в плане расчетов Вашингтона сделать его своей опорой [15, p. 717].

В итоге имевших место противоречий по поводу американо-китайских отношений дело дошло до столкновения между Ф.Д. Рузвельтом и Чан Кайши, в результате чего 19 октября 1944 г. Дж.У. Стилуэлл был освобожден от должности и отозван на родину [3, с. 491]. Его место занял генерал А.К. Ведемейер, который стал предпринимать отчаянные попытки установить взаимодействие между Гоминьданом и КПК, а также настаивал на том, чтобы получаемая Чан Кайши помощь от США использовалась для борьбы против Японии, а не на подготовку будущего наступления против коммунистов [3, с. 520].

Рассматривая китайскую политику Вашингтона, необходимо обратить внимание и на то, как Соединенные Штаты позиционировали свое отношение к Китаю на международной арене, в частности, в процессе переговоров с партнерами по антигитлеровской коалиции. Известно, что в течение 1943 г. Ф.Д. Рузвельт проталкивал среди союзников идею оказания помощи Китаю. Американский президент поднимал эту тему на ряде конференций в Касабланке (январь), Квебеке (август), Каире и Тегеране (ноябрь). По его мнению, Китай являлся потенциальной мировой державой. Вполне возможно, что Рузвельт опасался падения Китая, в результате чего создастся хаос в Восточной Азии [14, p. 389]. Это свидетельствовало об идеалистическом взгляде президента США на гоминьдановский Китай. В этом же духе были предприняты и некоторые практические шаги: 11 января 1943 г. госсекретарь К. Халл подписал договор об отказе США от экстерриториальных прав в Китае, который был ратифицирован сенатом в мае того же года [3, с. 482]. Однако в конечном итоге даже Ф.Д. Рузвельт был вынужден признать слабость Китая, хотя и полагал, что в будущем он сможет играть важную роль [3, с. 504].

На Крымской конференции лидеры США, Великобритании и СССР вновь затронули положение дел в Китае. Чан Кайши стремился не допустить лидерами антигитлеровской коалиции решения дальневосточных вопросов без его участия. Однако интересы Китая были принесены в жертву большой политике. Ф.Д. Рузвельт и И.В. Сталин договорились считать гоминьдановский Китай в качестве буфера между зонами влияния СССР и США в АТР. Советский лидер дал также обещание не оказывать поддержку КПК [11].

В июне 1945 г. посол П. Хэрли поделился с Чан Кайши информацией о секретных соглашениях Крымской конференции, которые затрагивали интересы Китая. Американский дипломат просил китайского лидера пойти на встречу пожеланиям Москвы. В перспективе это означало потерю контроля Чан Кайши над Северо-Восточным Китаем [11].

Во время Второй мировой войны в Соединенных Штатах пристально следили и за внутриполитическим развитием Китая. Так, внимание многих в Вашингтоне привлекла борьба между Гоминьданом и КПК. После ряда серьезных поражений гоминьдановских войск в боях с японцами летом 1944 г. Вашингтон проявил большую заинтересованность в установлении контактов с китайскими коммунистами, что впоследствии привело к переговорам между ними [16, p. 588–589]. 20 июня в Чунцин прибыл вице-президент США Г. Уоллес для организации переговоров между Чан Кайши и КПК с целью активизации их совместных военных действий против японцев. При этом Г. Уоллес довольно критично оценивал деятельность лидера Гоминьдана [2, с. 37]. Правда, дальше дипломатических переговоров дело не пошло, поскольку многие в госдепартаменте были настроены антикоммунистично и считали коммунистов своими противниками [16, p. 670].

Однако наряду с этим следует отметить и факт наличия сторонников развития отношений с китайскими коммунистами. В годы войны в США даже возникло общественно-политическое течение, представленное либеральными публицистами (Э. Сноу, А.-Л. Стронг), дипломатами (Д. Ачесон, Дж. Дэвис, Дж. Сервис, Р. Ладден), учеными (О. Латтимор, Дж. Фэйрбэнк), которые рассматривали КПК прежде всего как национально ориентированную партию, пользующуюся поддержкой народа, и способную более эффективно нежели гоминьдановский режим

организовать участие страны в антияпонской борьбе [4, с. 58]. Однако большинство американского истеблишмента все же придерживалось прогоминьдановских позиций.

17 ноября 1944 г. посол США в Китае К. Гаусс, занимавший этот пост с 1941 г., был заменен генерал-майором П. Хэрли, который отмел всякую попытку заигрывания с коммунистами. Это был курс американской дипломатии на протяжении всего 1945 г., что в итоге убедило китайских коммунистов во враждебности Америки [3, с. 539]. Хотя по поводу китайской политики у представителей Вашингтона в тот период не было единой точки зрения. Разногласия возникшие между генералом П. Хэрли и дипломатом Дж. Сервисом отражали противоборство различных подходов в американских кругах относительно методов и средств осуществления военно-политического курса в Китае [2, с. 42].

В целом в указанный период Китай занимал важное место во внешнеполитических планах США. Вашингтон рассматривал данную страну как объект прямых американских интересов в политической и торгово-экономической сферах. При этом в условиях начавшейся японо-китайской войны Соединенные Штаты стремились сохранить позицию равноудаленности, что объяснялось прагматизмом американской дипломатии и острой борьбой в политических кругах Вашингтона относительно китайской политики страны. Морально американское общественно-политическое мнение было на стороне Китая, но на практике реальная помощь китайскому правительству со стороны американцев последовала только после вступления США во Вторую мировую войну. Однако дискуссии в военно-политических кругах Соединенных Штатов по поводу осуществления «китайской политики» продолжились, что сказывалось на внешнеполитическом курсе Вашингтона в условиях конфликтного потенциала между Гоминьданом и КПК и продолжающейся борьбы Китая с Японией.

Литература

1. Аварин, В.Я. Борьба за Тихий океан / В.Я. Аварин. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1952. – 672 с.
2. Воронцов, В.Б. Миссионеры и их наследники: Повороты политики США в отношении Китая / В.Б. Воронцов. – Москва: Политиздат, 1986. – 241 с.
3. Дэвис, Д.Э. Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке / Д.Э. Дэвис, Ю.П. Трани. – Москва: Вагриус, 2009. – 912 с.
4. Занегин, Б.Н. Китайская революция на геополитических весах / Б.Н. Занегин // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – № 1. – С. 54–64.
5. Занегин, Б.Н. США и Китай: конфликтный потенциал / Б.Н. Занегин // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 3 – 4. – С. 44–55.
6. История США: в 4-х т. / Г.А. Арбатов [и др.]; редкол.: Г.Н. Севастьянов (глав. ред.) [и др.]. – Москва: Наука, 1985. – Т. 3. – 672 с.
7. Кузнец, Ю.Л. Вступление США во вторую мировую войну / Ю.Л. Кузнец. – Москва: Соцэкгиз, 1962. – 290 с.
8. Лан, В.И. США в военные годы и послевоенные годы / В.И. Лан. – Москва: Наука, 1978. – 688 с.
9. Лан, В. США от первой до второй мировой войны / В. Лан. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1947. – 484 с.
10. Марушкин, Б.И. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937–1939 гг.) / Б.И. Марушкин. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 156 с.
11. Ополев, В. Политика США в Китае в годы японо-китайской войны. «Китайский вопрос» на Крымской конференции (февраль 1945 года) / В. Ополев // Военно-исторический сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tank.uw.ru/books/opolev/soviet-chinese-history-39/. – Дата доступа: 17.02. 2014.
12. Ополев, В. Помощь СССР и стран Запада Китаю в годы II мировой войны (1937–1945 годы) / В. Ополев // Военно-исторический сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tank.uw.ru/books/opolev/soviet-chinese-history-43/. – Дата доступа: 17.02.2014.
13. Уткин, А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта / А.И. Уткин. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. – 544 с.
14. Dallek, R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945 / R. Dallek. – New York: Oxford Univ. Press, 1979. – 657 p.
15. Fairbank, J.K. A History of East Asian Civilization: in 2 vol. / J.K. Fairbank, E.O. Reischauer, A.M. Craig. – Boston: Houghton Mifflin Co, 1965. – Vol. 2: East Asia. The Modern Transformation. – 971 p.
16. Tuchman, B. Stilwell and the American Experience in China, 1911–1945 / B. Tuchman. – New York: Harper&Row, 1971. – XXII+794 p.

Пронь Д.С.

ПАКТ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И СССР 13 АПРЕЛЯ 1941 г. И ЕГО ДЕНОНСАЦИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЙ КОЛЛАПС

С середины 1930-х гг. два очага агрессивных сил, виновных и ответственных за возникновение Второй мировой войны, с одной стороны, – гитлеровская Германия и фашистская Италия в Европе и Африке, с другой стороны, милитаристская Япония в Азии, серьёзно угрожали безопасности Советского Союза, особенно после подписания 25 сентября 1936 г. германо-японского Антикоминтерновского пакта [3, с. 455], направленного против СССР.

Нет необходимости доказывать, что в создавшихся условиях, основной задачей советской внешней политики было не только предотвращение войны, но и недопущение совместного нападения на страну и с Запада, и с Востока.

После разгрома частей японской Квантунской армии под Халхин-Голом в августе 1939 г. в результате четырехмесячной войны [1, с. 13] и подписания советско-германского договора «Молотова – Риббентропа» 23 августа 1939 г. [12, с. 407–408], позиция Японии в отношении «молниеносной войны» против СССР подверглась переосмыслению и изменению, что сделало возможным подписание в апреле 1941 г. между двумя странами пакта о нейтралитете.

Как сам пакт, так и его денонсация советской стороной 5 апреля 1945 г. до сегодняшнего дня остаются в фокусе научных дискуссий ученых многих держав.

Автор статьи затрагивая исключительно юридические аспекты проблемы (чем обусловлены и новизна, и актуальность), вместе с тем, не может остаться в стороне, в силу объективно-правдивой оценки, от исторических подходов.

Заметим, что вышеобозначенная тема была предметом изучения достаточного количества исследователей. Среди них – Л.Н. Кутаков, Д.В. Петров, Х.Т. Эйдус, Л.Н. Кудашев, С.Л. Тихвинский, И.И. Коваленко, А.А. Кошкин, В.Л. Мальков, В.В. Седнев, Н.А. Нарочницкая, доминирующей аргументацией для которых является исключительно история международных отношений, внешней политики, дипломатии. Представленная статья «отдаёт предпочтение» юридическим подходам *pro et contra* («за и против»).

Официально проект советско-японского соглашения о нейтралитете был вручен наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову послом Японии в Москве Того Сигенори 2 июля 1940 г. (состоял из трех статей, срок действия – 5 лет). После повторного посещения советского наркома 5 августа 1940 г., японской стороне только 14 августа В. Молотов вручил письменный ответ, пригласив Того, в котором подчеркивалось, что правительство СССР понимает, что «предложенное соглашение, как это видно из его содержания, будет не только договором о нейтралитете, но, по сути дела, это будет договор о ненападении…» [17, с. 266].

Повторный проект пакта, в связи с назначением нового японского посла генерал-лейтенанта в отставке Татекаву Йосицугу, был вручён 30 октября 1940 г. (содержал уже шесть статей и «сохранял силу» в течении десяти лет).

Особо хотелось бы обратить внимание на III и IV-ю статьи. Статья III свидетельствовала о том, что «Правительства обеих договаривающихся сторон будут поддерживать в будущем тесный контакт друг с другом для обмена информацией или для консультаций по вопросам, затрагивающим общие интересы обоих правительств». Статья IV указывала на то, что «Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которые прямо или косвенно направлена против другой стороны» [17, с. 268].

Согласно канонам международного права, действующих в тот период «государства вступают в договорные отношения, когда они договариваются друг с другом или с группой других государств взять на себя определенные обязательства». Документы, регистрирующие международные соглашения, носят различные названия: соглашение, договоренность, конвенция, декларация, обмен нотами … «Все они обладают одинаковой юридической силой, но различаются по форме и формулировкам» [18, с. 184–185].

Поэтому неудивительно, что в ответном предложении советского правительства от 18 ноября 1940 г. подчёркивалось, что целесообразно говорить не о заключении пакта о ненападении, а о заключении пакта о нейтралитете (советский проект содержал три статьи, предлагал срок действия 5 лет и во многом повторял «вариант» японской стороны от 2 июля 1940 г.).

Во время визита в Европу с 12 марта по 22 апреля 1941 г. министра иностранных дел Японии Мацуока Йосуке [11, с. 169], после предварительной договоренности до его визита в Берлин 24 марта и на обратном пути из столицы Германии 7 апреля и после тщательных обоюдных консультативных встреч 9 апреля, 11–12 апреля (с советской стороны принимали участие Вышинский, Лозовский, Павлов, Царапкин, Забродин, с японской – Ниси, Миякава, Сакамото, Сайто, Хираока), несмотря на высказанное Мацуокой пожелание заключить пакт о ненападении, 13 апреля 1941 г. в Москве состоялось подписание пакта о нейтралитете (состоял из четырёх статей и сохранял силу в течение пяти лет). В пакте, подписанном со стороны СССР В.М. Молотовым, а со стороны Японии Мацуокой Йосуке и Татекавой Йосицугу, особый интерес представляет первая статья. В ней указывалось на то, что «Обе Договаривающиеся стороны

обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Договаривающейся стороны» [13]. Примечательно, что в японском проекте 2 июля 1940 г. данная статья занимала вторую позицию, а в проектах 30 октября и 18 ноября (Японии, СССР – Д.П.) «переместилась» на первую «ступеньку». Автор уверен, что территориальная проблема (Курильские острова – Итуруп, Хабомаи, Кунашир, Шикотан), существующая между странами с XIX века и особенно обострившаяся в современных условиях, была и остаётся центрально-ключевым звеном в российско-японских отношениях. Необходимо напомнить, что именно в 1940-м г. СССР выдвинул в качестве условия заключения будущего пакта с Японией получение Курильских островов [9, p. 10]. Правда, как считает профессор Кимура Хироси, который, по мнению российских японоведов, «входит в тройку лучших экспертов так называемого территориального вопроса» [20, с. 104], Сталин «в послевоенном хаосе захватил не только Южный Сахалин и восемнадцать Курильских островов, но еще в придачу предпринял попытку приобрести северную половину Хоккайдо [7, с. 92].

Достаточно неясным, на первый взгляд, остается вопрос о трансформации формулировки японской стороной пакта о ненападении в пакт о нейтралитете. На наш взгляд, вина за «преобразование» данного юридически-правового акта, полностью лежит на представителях Японии, за что они, естественно, и ответственны.

Во-первых, поражает неискренность и двуличие министра иностранных дел Мацуока, который, подписывая пакт, был прекрасно осведомлён о готовящейся германо-советской войне, об этом утверждает и принц Коноэ Фумимаро в своём дневнике «Проигранная политика» [5, с. 41], который неоднократно возглавлял японское правительство. Этой точки зрения придерживается и военный историк Хаттори Такусиро, который пишет, что уже 15 мая 1941 г. «состоялось совещание руководящего состава генерального штаба, и был обсужден вопрос о возможности начала германо-советской войны» [19, с. 43].

Во-вторых, в приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 12 ноября 1948 г. чётко записано: «Было установлено, что Япония заключила пакт о нейтралитете неискренне и в качестве способа, который помог бы Японии осуществить свои агрессивные устремления против СССР» [1, с. 16].

В-третьих, как вспоминает М.И. Иванов, работающий с 1941 по 1946 гг. в консульском отделе советского посольства в Токио, «лёд враждебного отношения к нашей стране и после подписания пакта о нейтралитете таял более чем медленно. Советско-германские отношения накануне войны были предметом особого внимания дипломатического корпуса в Токио. Начиная с января 1941 г. упорно циркулировали слухи об ухудшении отношений между Германией и СССР. Больше других в этом неблаговидном деле усердствовал пресс-атташе британского посольства в Токио Рэдман, возглавивший … «английскую разведку в Японии» [5, с. 35–36].

5 апреля 1945 г. В.М. Молотов проинформировал посла Японии в СССР Сато Наотакэ о желании Советского Союза денонсировать пакт о нейтралитете [11, с. 223] в соответствии с его третьей статьей («Если ни одна из Договаривающихся сторон не денонсирует Пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет»)) [2, с. 550]. Мотивировала свое решение советская сторона тем, что «Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последний в её войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза». В заявлении правительства СССР также подчеркивалось, что из-за таких условий Пакт о нейтралитете «потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным» [4].

На возражение Сато, что пакт должен действовать до 25 апреля 1946 г., В.М. Молотов 29 мая 1945 г. ответил следующее: «Мы не разорвали пакт, а отказались его продлить» [16, с. 38].

До сегодняшнего времени даже среди российских учёных нет единой точки зрения касательно правовой оценки денонсации пакта. Например, А.А. Кириченко пишет: «Необходимо, наконец, честно признать, что Советский Союз в одностороннем порядке денонсировал договор о нейтралитете 5 апреля 1945 г., то есть за 1 год и 8 дней до окончания срока его действия. Раздаются голоса, что японцы неоднократно нарушали договор (топили советские суда, снабжали немцев разведывательной информацией и т.д.). Да, были такие случаи в 1941–1942 гг. Вот тогда-то и нужно было разорвать договор [15, с. 138]. Ему возражает известный и маститый профессор И.А. Латышев, подчёркивая, что «если следовать его [Кириченко – Д.П.] рассуждениям, то получится, что Совет-

ский Союз сам виноват в том, что Япония неоднократно и постоянно нарушала этот договор … Исходя из здравого смысла Советский Союз до поры, до времени, не давал должного силового отпора провокационным выходкам Японии в те тяжелые дни, когда вторжение гитлеровских полчищ угрожало самому существованию страны» [15, с. 145–146].

Американский японист Дж. Лэнсэн считает, что рано или поздно, но Япония также нарушила бы Пакт о нейтралитете [10, p. 37].

Как известно, различные степени легитимности могут потребоваться для денонсации договора в одностороннем порядке, среди которых: «а) коренные изменения обстоятельств, существующих на момент составления договора; … с) возникновение войны; … е) существенное нарушение договора другой стороной по договору» [18, с. 193].

Автор статьи, не занимая чью-либо сторону и, отбрасывая историческую (в том числе и обоюдную фактологическую аргументацию), придерживается юридической мотивации, вновь обращаясь к материал Токийского военного Трибунала 4–12 ноября 1948 г.: «Доказательства, предоставленные Трибуналу, указывают на то, что Япония, которая была далеко не нейтральной, которой она должна была быть в соответствии с пактом, заключенным с СССР, *осуществляла значительную помощь Германии*» (курсив – Д. П.) [14, с. 123; с. 150–152].

Исходя из выше изложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, безусловно, можно было бы занять позицию, поддерживающую исключительно политику и действия СССР, а именно, – сослаться на доктрину «rebus sic statibus», когда условия, при которых заключался договор, существенно изменились и его исполнение считалось не обязательным.

Во-вторых, рассматривая вопросы внешней политики СССР накануне Великой Отечественной войны, не следует забывать об уроках и последствиях сталинизма [6]. При этом нельзя не напомнить современным потомкам самураев об одном из основных постулатов Кодекса Бусидо [«Хагакурэ» (Сокрытое в листве), автор Ямамото Цунэтомо, 1716 г.] – «Проявлять великое сострадание и поступать во благо людям» [8, с. 261], что явно противоречит японским внешнеполитическим устремлениям середины 1930-х – первой половины 1940-х гг.

В-третьих, касательно пакта о нейтралитете между СССР и Японией, его последующей односторонней денонсации, автор статьи считает, что в данной ситуации наиболее приемлем и характерен принцип *guid pro guo* («что-то отданное взамен на другое»).

Литература

1. Березин, В.Н. Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники (из истории нормализации отношений СССР с послевоенной Японией) / В.Н. Березин. – Москва: Международные отношения, 1977. – 144 с.
2. Внешняя политика СССР: сб. документов. – Москва: Гос. изд-во полит. литературы, 1946. – Т. 4. – 764 с.
3. Всесвітня історія: навч. посіб. / Б.М. Гончар [и др.]. – 3-тє вид. – Київ: Знання, 2007. – 694 с.
4. Заявление правительства СССР от 5 апреля 1945 г. // Известия. – 1945. – 6 апреля. – С. 1.
5. Иванов, М.И. Япония в годы войны (записки очевидца) / М.И. Иванов. – Москва: Глав. редакция восточн. лит-ры изд-ва «Наука», 1978. – 253 с.
6. История и сталинизм / сост. А.Н. Мерцалов. – Москва: Политиздат, 1991. – 448 с.
7. Кимура, Х. Курильская проблема. История японо-российских переговоров по пограничным вопросам / Хироси Кимура. – Киев: Юринком, 1996. – 240 с.
8. Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве. – Москва: Эксмо, 2006. – 432 с.
9. Lensen, G.A. The Strange Neutrality / G.A. Lensen. – Talahasee: Farleign Dickinson University Press, 1972. – 188 p.
10. Lensen, G.A. Early Russo-Japanese Relations / G.A. Lensen // The Far Eastern Quarterly. – Vol. X. – № 1. – 1950. – P. 32–48.
11. Молодяков, В.Э. История Японии. XX век / В.Э. Молодяков, Э.В. Молодякова, С.Б. Маркарьян. – Москва: ИВ РАН; Крафт+, 2007. – 528 с.
12. Нарочницкая, Н.А. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? / Н.А. Нарочницкая, В.М. Фалин. – Москва: Вече, 2009. – 416 с.
13. Правда. – 1941. – 14 апреля. – С. 1.
14. Рагинский, М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов / М.Ю. Рагинский. – Москва: Юридическая лит-ра, 1985. – 234 с.
15. Россия и Азия: состояние и перспективы сотрудничества / отв. ред. академик А.М. Хазанов. – Москва: ИВ РАН, 1995. – 152 с.
16. Славинский, Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 / Б.Н. Славинский. – Москва: Новина, 1995. – 204 с.
17. Тихвинский, С.Л. Век стремительных перемен / С.Л. Тихвинский. – Москва: Наука, 2005. – 541 с.
18. Фельтхэм, Р.Дж. Настольная книга дипломата / Р.Дж. Фельтхэм. – Минск: Новое знание, 2004. – 304 с.
19. Хаттори, Т. Япония в войне 1941–1945 гг. / Т. Хаттори – Москва: Воениздат, 1973. – 631 с.
20. Чугров, С.В. Большой зигзаг японской внешней политики / С.В. Чугров // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 3 – С. 102–105.

Пик С.М.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ГЕРМАНИИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Абсолютная власть в Германии перешла к А. Гитлеру после смерти президента П. фон Гинденбурга в августе 1934 г. Государство начали систематически превращать в “военную машину”, но пока она не стала достаточно сильной, Гитлер и его окружение добивались своих целей с помощью дипломатии и разведки. Для информационного обеспечения высшего политического руководства была создана широкая система сбора информации за рубежом. Ее составляли: абвер (военная разведка), иностранная организация НСДАП (Auslandsorganisation – АО), иностранный отдел гестапо (тайной государственной полиции), внешнеполитический отдел НСДАП, специальная служба министерства иностранных дел, иностранный отдел министерства пропаганды, иностранный отдел министерства экономики и др. Специальные дипломатические поручения исполняли доверенные эмиссары Гитлера. Качественная информация о восприятии германского нацистского режима за рубежом помогала Гитлеру относительно беспроигрышно просчитывать свои внешнеполитические инициативы.

В начале 1935 г. Германия без противодействия со стороны Франции возобновила контроль над Сааром. Предварительно эмиссар Гитлера И. фон Риббентроп достиг соглашения с министром иностранных дел Франции П. Лавалем о проведении плебисцита в Сааре на предмет территориальной принадлежности. Германское руководство обязывалось признать результат волеизъявления местного населения и впредь не иметь территориальных претензий к Франции. В то же время в Сааре была задействована германская агентура и пропаганда, что и предопределило выгодный для Берлина результат плебисцита.

В 1935–1936 гг. деятельность германских спецслужб значительно активизировалась. Глава абвера В. Канарис начал с реорганизации агентурной работы военной разведки. Главный интерес для нее представляли Англия, Франция, Польша, Чехословакия, Россия, Испания, опосредованный – Бельгия, Швейцария, Югославия, Румыния, США. Австрия, Италия, Венгрия, Болгария, Финляндия, Эстония, Япония считались дружественными и против них разведывательная деятельность запрещалась [2, с. 209]. Естественно, акценты в работе абвера корректировались в соответствии с внешнеполитическими целями германского руководства. Количество агентов военной разведки постоянно возрастало и география их деятельности розширялась. Абвер сотрудничал с литовской разведкой, которая предоставляла ему информацию о России, от венгерской получал информацию о Чехословакии, Югославии, Румынии, а от итальянской – о Балканах и странах Средиземноморья.

Кроме военной разведки для германского руководства огромное значение имела политическая разведка, сформированная в рамках НСДАП. Из всех разведорганов специальных формаций партии самой влиятельной была служба безопасности или СД (Sicherheitsdienst – SD), создана в 1931 г. главой СС Г. Гиммлером. Сотрудники СД работали за рубежом под прикрытием германских дипломатических миссий, внедрялись в руководящие круги иностранных государств, занимались политической разведкой и подрывной деятельностью. В самой Германии СД имела широчайшую агентурную сеть, вела тотальную слежку за населением, контролировала все государственные и партийные учреждения, организации, а также частные предприятия и компании. Фактически она исполняла функции внутрипартийной и внешнеполитической разведки. СД сотрудничала с гестапо (Geheime Staatspolizei – Gestapo), созданной в 1933 г. и постепенно превратившейся в аппарат политических репрессий при СС. Гестапо выявляла и производила ликвидацию противников нацистского режима в Германии и за ее пределами [9, с. 3].

В ходе масштабной разведдеятельности, которую вели абвер, СД и гестапо, неминуемой была их конкуренция и дублирование в работе, но все же Гитлер не спешил переводить военную разведку в подчинение к политической вплоть до 1944 г. Благодаря информации спецслужб Гитлер умело воспользовался нежеланием французского и английского правительств обострять отношения с Германией из-за Рейнской зоны и беспрепятственно осуществил ее ремилитаризацию в 1936 г.

Ярким примером эффективной работы германской дипломатии и разведки стала подготовка к аншлюсу Австрии. В результате переговоров германского посла в Вене Ф. фон Папена с австрийским канцлером К. фон Шушнигом 11 июля 1936 г. стороны подписали соглашение, в котором де-

кларировали обоюдное невмешательство во внутренние дела друг друга. Подтверждая суверитет Австрии, документ указывал на то, что “правительство австрийского федерального государства будет постоянно руководствоваться в своей общей политике и в частности в своей политике по отношению к Германии тем принципом, что Австрия признает себя германским государством” [4, с. 574]. После усиления позиций Германии за счет союзных соглашений с Италией и Японией, а также после достижения в 1937 г. тайных дипломатических договореностей с Англией и Францией о невмешательстве последних в “германские дела” в Центральной Европе на Австрию начали оказывать серьезное политическое давление. Принимая в феврале 1938 г. в своей резиденции в Баварии фон Шушнига, Гитлер обвинял австрийское правительство в саботаже австро-германского соглашения 1936 г., критиковал за подавление деятельности национал-социалистов в стране, требовал для них амнистии и назначения на пост министра полиции А. Зейсс-Инкварта, одного из лидеров национал-социалистов. Гитлер заявил фон Шушнигу, что Германия готова к применению силы против Австрии и нет смысла рассчитывать на поддержку со стороны Италии, а также Англии с Францией. В подтверждение его слов вблизи австро-германской границы начались военные маневры. На территории Австрии Абвер инициировал операцию по дезинформации о скором германском вторжении. Канарис распорядился отменить отпуска в VII армейском корпусе, задействованном в наступлении против Австрии, собрать все пустые железнодорожные эшелоны в Мюнхене, Аугсбурге и Регенсбурге, усилить пограничные посты, информировать работников таможен об учениях горно-стрелковых бригад, запланированных в ближайшее время в районе Фрайлассинга, Райхенхалла и Берхтесгадена [2, с. 274–275]. Военный атташе в Вене был отозван для консультаций в Берлин, а сам Канарис выехал в Мюнхен, чтобы лично “руководить” фиктивной операцией. В результате в Австрии начали всерьез опасаться военного столкновения.

Давление со стороны Берлина и отсутствие международной поддержки вынудили фон Шушнига согласиться с требованиями Гитлера, после чего деятельность национал-социалистов в Австрии стала практически неконтролированой. По всей стране проходили парады и демонстрации, которые перерастали в кровавые бойни между национал-социалистами и сторонниками независимости Австрии. Правительство теряло контроль над ситуацией и решило провести плебисцит на предмет будущего статуса государства. В свою очередь Германия передислоцировала на границу с Австрией 200 тыс. солдат, требовала отмены плебисцита и отставки фон Шушнига. Ультиматум, предъявленный австрийскому канцлеру 11 марта 1938 г., вынудил его уйти в отставку под угрозой военной интервенции. Пост канцлера занял Зейсс-Инкварт и в радиообращении к австрийскому народу призвал удерживаться от сопротивления в случае вступления на территорию страны германских войск. Так части вермахта беспрепятственно вошли в Австрию и государство утратило независимость.

Необходимо отметить, что Германия формально не имела повода для введения своих войск на территорию Австрии. Для этого была составлена специальная телеграмма, которую Зейсс-Инкварт должен был отправить в Берлин от имени австрийского правительства. Текст телеграммы, продиктованный генерал-фельдмаршалом авиации Г. Герингом статс-секретарю Австрии В. Кепплеру в телефонном разговоре 11 марта, гласил: “Временное правительство Австрии, которое после отставки правительства фон Шушнига считает своим долгом возобновление спокойствия и порядка в Австрии, обращается к германскому правительству со срочной просьбой поддержать его в достижении этой цели и помочь предотвратить кровопролитие. В связи с этим оно просит германское правительство о незамедлительной отправке германских войск” [10, s. 362]. Зейсс-Инкварт отказался отправлять подобную телеграмму, поскольку это дискредитировало его как канцлера. И хотя телеграмму никто не отправлял, о ее содержании напечатали германские газеты, объясняя причины ввода войск в Австрию [5, с. 248–249]. В итоге германская дипломатия, спецслужбы и демонстрация военной мощи превратили Австрию в “германское государство”.

В ходе этих событий Абвер выступал в роли главного детектора европейской реакции, в первую очередь правительств Италии, Англии и Франции. От агентов из-за рубежа тревожной информации не поступало. Италия не собиралась действовать против своего германского союзника, в английской и французской армиях не наблюдалось никаких военных приготовлений. Лондон и Париж ограничились протестом против силового давления Берлина на Вену, но глава МИД Германии фон Риббентроп отказался его принять, ответив, что отношения Германии и Австрии представляют внутреннее дело германского народа и что третьи государства не имеют

к этому делу никакого отношения [4, с. 618]. Англия и Франция были вынуждены де-факто признать аншлюс Австрии.

Далее Германия начала подготовку к захвату Чехословакии по похожему сценарию. С помощью абвера судетские немцы во главе с К. Генлейном активизировали пропагандистскую деятельность, требуя предоставления автономии для Судетской области, возмещения убытков, понесенных судетскими немцами с 1918 г., разрешения открыто поддерживать национал-социализм. Берлин оказывал политическое давление на Прагу, а в мае 1938 г. на границе с Чехословакией начали сосредоточение германские войска. Неуступчивость чехословацкого руководства, объявившего о частичной мобилизации в стране, провоцирует Гитлера утвердить план "Грюн" (Grün) – план разгрома Чехословакии. Военные приготовления идут полным ходом, абвер занимается подрывной деятельностью, пропагандой и планированием террористических акций с целью дестабилизации ситуации в Чехословакии в момент вторжения германских войск. Теоретически все напоминало некую авантюру: Чехословакия имела достаточно сил для отражения агрессии, а также располагала официальными обязательствами Англии, Франции и СССР о предоставлении помощи, но рассчет Гитлера строился не на "военной рациональности", а на понимании политической стороны ситуации. Он пользовался тем, что правительства Англии и Франции стремились любой ценой избежать войны и конфронтации с Германией, о чем был хорошо информирован. "Миротворческие" усилия премьер-министра Англии Н. Чемберлена в сентябре 1938 г. закончились Мюнхенским соглашением о разделе Чехословакии. Ближайший военный советник Гитлера А. Йодль в своем служебном дневнике записал: "Чехословакия перестала существовать как фактор силы. … Гений фюрера и его решимость не бояться мировой войны опять привели (нас) к победе без применения силы" [3, с. 310].

После Мюнхена возникла иллюзия сближения между Англией и Германией, которую "подпитывали" тайные инициативы английской стороны с предложением о выработке двустороннего соглашения о разграничении сфер влияния (ноябрь 1938 г.); обмен визитами представителей торгово-экономической отрасли (зима 1938–1939 гг.); переговоры представителей объединений промышленников обеих стран (Дюссельдорф, март 1939 г.); тайные переговоры об экономическом сотрудничестве на широкой основе (Лондон, июнь, июль 1939 г.); переговоры между представителями руководящих и промышленных кругов на разных уровнях (май – август 1939 г.) [1, с. 147, 157–158; 7, с. 189–192]. Соглашение с Англией давало возможность Гитлеру удовлетворить территориальные претензии в отношении Польши – следующего после Чехословакии объекта германских притязаний. В то же время, германская дипломатия летом 1939 г. активизировала поиск точек соприкосновения в отношениях с советским правительством [8, с. 228, 250–251]. Гитлер стремился получить советские гарантии невмешательства в его "польскую" политику и обеспечить безопасность восточной границы Германии. Как засвидетельствовала история, "мюнхенский" сценарий для Польши не сработал, поскольку подписание англо-германского соглашения было сорвано. Гитлер использовал альтернативный вариант – силовой, который оказался успешным во многом благодаря Пакту о ненападении, подписанном с СССР 23 августа 1939 г., но в первую очередь благодаря полной несостоятельности "политики умиротворения", проводимой Англией и Францией в отношении Германии. С этой точки зрения работа германской дипломатии и разведки в интересах внешней политики государства была выполнена качественно и достаточно эффективно.

Литература

1. Безыменский, Л. Разгаданные загадки Третьего рейха. 1933–1941 / Л. Безыменский. – Москва: АПН, 1981. – 279 с.
2. Волков, А. Адмирал Канарис – "Железный" адмирал / А. Волков, С. Славин. – Москва: Олимп; Смоленск: Русич, 1999. – 556 с.
3. Из официального дневника Иодля (с 4 января 1937 г. по 12 июня 1942 г.) // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. материалов в 3 т. / под общ. ред. Р.А. Руденко. – Москва: Юридическая лит-ра, 1965. – Т. 1. – С. 285–340.
4. История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина: в 3 т.– Москва: Гос. изд-во полит. литературы, 1945. – Т. 3. – 883 с.
5. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. материалов в 3 т. / под общ. ред. Р.А. Руденко. – Москва: Юридическая лит-ра, 1965. – Т. 1. – 798 с.
6. СССР – Германия: 1939–1941: сб. документов. В 2 кн. / сост. Ю. Фельштинский. – Вильнюс: Мокслас, 1989. – Кн. 1. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. – 127 с.
7. Трухановский, В.Г. Антони Иден. Страницы английской дипломатии, 30–50-е годы / В. Г. Трухановский. – Москва: Междунар. отношения, 1976. – 422 с.
8. Фляйшхауэр, И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939 / И. Фляйшхауэр; пер. с нем. – Москва: Прогресс, 1990. – 480 с.
9. Чуев, С.Г. Спецслужбы Третьего рейха: в 2 кн. / С.Г. Чуев. – Санкт-Петербург: Нева, 2003. – Кн. 2. – 447 с.
10. Kleindel, W. Österreich. Zahlen, Daten, Fakten / W. Kleindel. – Wien: Andreas & Müller, 2007. – 713 s.

Яцук А.А.

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Организованное планирование военных действий против своих соседей Польша начала вести сразу же после подписания мирных договоров с ними. В ходе «малых приграничных войн» поляки смогли отобрать территории фактически у всех прилегающих к их границам государств, тем самым окружив свою страну не соседями, а врагами. Понимая, что обеспечивая себе «новые» границы, расходящиеся с Версальскими решениями, Польша одновременно приобретает жаждущих реванша соперников на долгие десятилетия, генштаб Второй Речи Посполитой прорабатывал варианты военных действий практически со всеми соседними странами. Цель нашего исследования – анализ эволюции основных тенденций военной политики Польши в межвоенный период.

В целом, польская оборонительная концепция вписывалась в разрабатываемую лидерами европейской дипломатии концепцию «санитарного кордона», термина впервые упоминавшегося в речи итальянского премьер-министра Витторио Орландо на Версальской конференции 21 января 1919: «Обычно, чтобы остановить распространение эпидемии, устанавливают санитарный кордон. Если принять подобные же меры против распространения большевизма, он мог бы быть побеждён, ибо изолировать его – значит победить» [3, с. 17]. Поляки, стараясь обеспечить обороноспособность нового государства, сделали выводы из уроков мировой войны. Опыт Первой мировой привел к ревизии существовавшей до этого системы подготовки государства и общества к войне. Р. Старжиньский, майор польского Генерального Штаба, заявлял в 1927 г. на страницах журнала «Беллона»: «…даже лучшая кадровая система, опирающаяся на всеобщую воинскую обязанность, и мощнейшая вооружённая сила не в состоянии выполнить все задачи, которые ставит на порядок дня современная война. Оказалось, что вести войну должны не только вооружённые силы отдельных государств, но и всё общество, вся нация» [5, s. 50].

Начало подготовки Польши к будущей войне было положено 7 января 1921 г. указом Юзефа Пилсудского «Об организации Вооруженных сил», который предусматривал создание нового Генерального штаба Войска Польского [5, s. 55].

Функциями, связанными с организацией и мобилизацией армии занимался I отдел Генштаба ВП, в некоторой степени сотрудничавший с Французской военной миссией в Польше. Польский генштаб (в 1928 г. переименован в Главный Штаб) разрабатывал отдельно два вида стратегических планов: мобилизационные и оперативные. Причем мобилизационные планы должны были учитывать войну с разными противниками, оперативные же предусматривали военные действия против одной конкретной страны. В частности план «S», окончательно утвержденный в 1926 г., содержал в себе оперативные варианты «Восток» и «Запад». Мобилизационная концепция была во многом ориентирована на французскую модель мобилизации и представляла собой компромисс между оперативными нуждами армии и материальными возможностями страны. В 1920-е гг. мобилизационные возможности Польши оценивались в 60 пехотных дивизий, а также сопоставимое количество иных войск и вспомогательных служб [6, s. 72]. Эти расчеты также проводились по алгоритму, которым определялись мобилизационные возможности Франции: по одной дивизии на 500 тысяч человек населения.

Несмотря на потенциальную возможность нападения практически с любого из направлений, реально разрабатывались лишь два потенциальных агрессора: СССР и Германия. Причем, исходя из дальнейших действий Польши, до конца 1938 г. основным противником считался именно СССР, а не Германия. Данный тезис подтверждают слова современника тех событий Я. Радзивилла: «Военная граница не может быть ничем иным, как линией двух могучих рек – Двины и Днепра, – и будет являться линией, отделяющей Европу от азиатско-византийского востока» [1, с. 232].

Восточная граница Польши с СССР простиралась на 1412 км, что составляло 25,5% ее границ. Всего же общая протяженность границы с потенциальными агрессорами, Германией и СССР, составляла 4050 км, т.е. 73% границ Второй Речи Посполитой [4, s. 265]. По расчетам польского генштаба немцы могли ударить по Польше с четырех направлений: юго-запада, северо-запада, севера и юга. Советская же атака ожидалась в одном направлении – на Варшаву, традиционный для русских путь, которым они подавляли народные восстания Польши в XIX в.,

а также во время советско-польской войны 1919–1921 гг. Наступление на польскую столицу могло быть организовано на двух направлениях: с северо-востока и юго-востока, в обход Полесья. Именно Полесские болота, по замыслам польского командования, должны были стать опорой польской обороны на востоке, вокруг них должны были строиться оборонительные сооружения, прикрывающие польские войска на границе.

Началом сооружения оборонительной линии на Востоке стало приспособление к обороне старых немецких и австрийских бетонных укреплений времен Первой мировой войны. Система рвов с деревянными и бетонными укреплениями тянулась от озера Дривяты через Поставы к озеру Нарочь, далее, на запад от Молодечно через Сморгонь, на восток от Барановичей, до озера Выгоновского и вдоль канала Огинского до Пинска [1, с. 127].

Конец 1920-х гг. ознаменовался серией так называемых «военных тревог» прежде всего 1927 и 1930 гг., которые характеризовались фактическим началом международной изоляции СССР и сближением Франции и Германии, а, следовательно, улучшением отношений между Германией и Польшей. Этот период совпал с усилением оборонительной линии поляков на восточной границе, активизацией политики «прометеизма», и готовностью борьбы с СССР, прежде всего, за Украину [4, s. 85]. В то же время в польской прессе появляется концепция «превентивной войны» против СССР. Успех такой войны объяснялся социально-экономическими трудностями СССР, а также мероприятиями коллективизации.

Надо отметить, что СССР не был уверен в победе в будущей войне. Генерал Шапошников в 1930 г. заявлял следующее: «Прогноз будущей войны всегда являлся делом трудным. Одно с уверенностью можно сказать, что каждая война имеет свои особенные черты и с началом каждой войны приходится считаться с фактом неподготовленности к ней воюющих сторон» [1, с. 126]. Это доказывает, что в тот период советские военные считали вполне реальной польскую угрозу, и далеко было еще до самоуверенных лозунгов конца 1930-х «бить врага малой кровью и на его территории».

Однако к середине 1930-х гг. политическая ситуация в Европе коренным образом изменилась в связи с приходом к власти фашистов в Германии и началом ее агрессивной экспансии. Мобилизационный план «S», разработанный в реалиях 1920-х гг. уже не отвечал стратегическим требованиям момента. В этой связи в 1935 г. началась разработка нового мобилизационного плана, получившего название «W», по инициалам шефа I отдела генерального штаба Йозефа Альбина Вятра (Wiatr). Особенностями нового стратегического плана являлись:

1. Оборонительный характер – в предстоящей войне Войско Польское должно было обороняться;
2. Согласованность – план должен был быть приспособлен как к варианту «Восток», так и варианту «Запад»;
3. Скорость – мобилизация должна была пройти в кратчайшие сроки;
4. Секретность – отмобилизовать максимальное количество войск перед объявлением всеобщей мобилизации [6, s. 70].

Изменилась ситуация и в фортификации. Если в период с 1926 по 1935 гг. укреплялась, в основном, неспокойная восточная граница с СССР, то с 1935 г., в связи с усилением напряженности международных отношений, Польша начала равномерно отстраивать оборонительные рубежи на западе, севере и юге. Огромное количество средств, которое требовало такое строительство, предопределило его незавершенность к началу войны 1939 г. Относительно хорошо укрепленными были участки «Барановичи» (около 300 бетонных укреплений), и «Сарны» (к 1939 г. было закончено 209 бетонных укреплений) [2, с. 125]. В целом, стремление укрепить свою границу по примеру Франции неприступными оборонительными рубежами, способными сдержать многократно превосходящие силы противника провалилась, столкнувшись с низкими производственными возможностями Польши.

Таким образом, практически на всем протяжении своего существования, Вторая Речь Посполитая рассматривала СССР как своего основного противника, Германия же рассматривалась как враг второстепенный, а в 1930-е гг. – даже как потенциальный союзник. События сентября 1939 г. показали очевидный просчет польской политики, корни которого уходят в начало 1920-х гг., когда Германия, казалось, была навсегда ослаблена в военном отношении последствиями Версальских соглашений, а Советская Россия представала как извечный и жаждущий реванша за поражение в Советско-Польской войне враг. Идея балтийского союза провалилась

из-за слишком различной политической ориентации стран-участниц данного военного блока и непоследовательной политики Польши. Оборонительные рубежи с западной стороны, таким образом, оказались незащищенными, восточную границу поляки подготовили сравнительно неплохо, однако неожиданная смена потенциального направления атаки в конце 1938 г. (не с востока, а с запада) полностью нивелировала эти военные приготовления.

Польская историография и политика всегда позиционировала Польшу в предвоенной истории как объект «четвертого раздела» и жертву «удара в спину» от России. Однако оборонительная стратегия Польши рассматриваемого двадцатилетнего периода свидетельствует об обратном: фактически, до 1938 г., главный удар ожидался с востока, война с Германией, которая, предположительно, могла выступить на стороне СССР оставлялась на западных союзников Польши. О подобной ориентации оборонительных планов Польши свидетельствует и состояние фортификационного строительства: до 1935 г. они велись исключительно на восточной границе. Кроме того, своим нежеланием принять так старательно предлагаемый Францией союз с Чехословакией, Польша собственноручно лишила себя реального союзника, совместные действия с которым могли противостоять немецкой экспансии. Поэтому причиной поражения Польши в «сентябрьской войне» являются не «удары в спину» и «сговоры орлов», а собственная недальновидность в выборе стратегии обороны, отсутствие *реальных* союзников и фактическое предательство союзников *формальных*.

Литература

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. – Москва, 1966. – Т. IV. – 524 с.
2. Половнев, С.А. Железобетонные фортификационные сооружения Польши / С.А. Половнев // ВИА, 1941. – 77 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fortressby.com/index.php?option=com_docman&task=doc_download&gid=183&Itemid=43. – Дата доступа: 21.11.2012.
3. Черчилль, У. Мировой кризис. / У.Черчилль; пер. с англ., с предисл. И. Минца. – Ленинград: Гос. военное изд-во, 1932. – 328 с. // Библиотека Грачева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://grachev62. narod.ru/churchill/content.htm. – Дата доступа: 20.05.2013.
4. Leczyk, M. Polska i sasiedzi. Stosunki wojskowe 1921–1939 / M. Leczyk. – Bialystok, 1997. – 453 s.
5. Stawecki, P. Polityka wojskowa Polski. 1921–1926 / P. Stawecki. –Warszawa, 1981. – 357 s.
6. Szubański, R. Plan operacyjny «Wschód»/ R. Szubański. – Warszawa: ZP Wydawnictwo Rok, 2010. – 188 s.

Самсонюк Т.Н.

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА ПОЛЬШИ НА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ГРАНИЦЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

На протяжении 1920-х–1930-х гг. советское руководство считало Польшу условной буферной зоной между Европой и СССР, на которой европейские государства вели подрывную деятельность, направленную против коммунистического режима. Развитие отношений Польши с Англией и Германией воспринималось как потенциальная угроза безопасности Советского Союза. Такая реакция СССР была небезосновательна, поскольку польские спецслужбы накануне Второй мировой войны проводили активную разведывательную деятельность по выявлению военного потенциала как на приграничных территориях, так и в центральных регионах СССР. Как отмечает В. Хаустов, понятное стремление правительства Польши, которая совсем недавно пережила массированное вторжение Красной армии, иметь достоверную информацию об обороноспособности советской стороны, в Политбюро ЦК ВКП(б) воспринималось как подготовка Ю. Пилсудским агрессивных действий против СССР [3].

В смежных с УССР приграничных уездах Волынского воеводства в 1938–1939 гг. развернулась бурная деятельность по внедрению на советскую территорию польских агентов. Основная работа по подготовке агентуры для шпионской деятельности на территории СССР проводилась Ровенской «пляцувкой» (локальным разведывательным центром) № 8 Корпуса охраны пограничья (КОП). Последний был подразделением 2-го Отдела Генерального штаба Польской армии с функциями разведывательной и контрразведывательной деятельностью в пограничной полосе.

Ровенский разведцентр оперировал сетью резидентов проживающих на территории Корецкой, Острожской, Шумской, Гороховской и Здолбуновской гмин. В общем резидентуру составляли поляки, или украинцы, принявшие римско-католическое вероисповедание, офицеры и унтер-офицеры резерва, государственные служащие, служащие жандармерии и железной доро-

ги. Каждый резидент имел сформированную сеть агентов из числа украинцев или русских, которые регулярно перебрасывались на территорию СССР [1, л. 23–24].

Особое внимание служащих Ровенской пляцувки № 8 уделялось вербовке информаторов из числа работников железной дороги, особенно тех, кто работал на Шепетовском направлении и часто бывал на советской территории. Именно этот факт станет ключевым в судьбе многих железнодорожников после восстановления советской власти на территории Западной Украины. Большинство из них будет арестовано на протяжении сентября – ноября 1939 г. органами НКВД.

В преддверии немецко-польской войны особое внимание Ровенского разведцентра сосредотачивалось на радиоразведке. Еще вначале 1939 г. здесь было налажено радиопрослушивание, в том числе и силами частных лиц, которые своими радиоприемниками перехватывали информацию, касающуюся дислокации Красной армии и передавали полученную информацию в разведцентр [1, л. 27–28].

Об особом внимании правительства Польши к разведывательным структурам накануне войны свидетельствует увеличение финансирования на их нужды: в конце 1938 – начале 1939 гг. сумма ежемесячных расходов превышала 3 000 злотых на отделение [1, л. 29].

Что касается Ровенского разведцентра, то его основное внимание было направлено на разработку советского направления: служащие пляцувки № 8 допрашивали советских разведчиков задержанных КОПом, пассажиров следовавших через железнодорожную станцию Здолбунов из УССР, получали и анализировали информацию от секретных информаторов из числа железнодорожников. Отметим, что именно они в числе первых в августе 1939 г. заметили передвижение советских войск в пограничной полосе и их значительное наращивание на польско-советской границе [1, л. 156].

Другое направление работы, которое требовало значительных усилий – подготовка и перебрасывание разведчиков на территорию СССР. В 1939 г. совершать такие акции ставало значительно труднее, поскольку в советской приграничной полосе наблюдалось усиление охраны. Докладная записка заместителя наркома внутренних дел УССР А. Кабулова наркому внутренних дел СССР Л. Берии свидетельствует о том, что за период с 1 января по 1 июля 1939 г. на территории УССР было задержано 138 нарушителей границы со стороны Польши. Результатом длительной следственной деятельности стало разоблачение 25 агентов польской разведки. В документе указано, что особую активность польская разведка стала проявлять с мая 1939 г. Если в феврале – марте задерживалось по одному агенту, то в мае задержанных было уже 7, а в июне – 14 [2, с. 362].

Перед проведением акций по пересечению границы польских агентов тщательно готовили. С этой целью в г. Здолбунов в конце 1938 – начале 1939 гг. функционировало четыре конспиративных квартиры. В предвоенный период на каждой квартире было подготовлено по два агента [1, л. 36–37].

Обучение агентов совершалось по определенной программе, состоящей из нескольких разделов. Первый раздел включал в себя информацию об СССР: а) административное устройство СССР, республики, автономные края, области, районы, сельсоветы; б) административное устройство УССР, центр, область, район; в) государственное устройство СССР, выборы в Верховный Совет, госучреждения в масштабе района и особенно сельсовета и др. Второй раздел касался Коммунистической партии: а) краткая история; б) цель и задания; в) организационное устройство – ВКП(б), ЦК, Политбюро ЦК ВКП(б), обком, райком; г) руководители партии, правительства. Третий раздел касался ВЛКСМ. Четвертый раздел включал информацию относительно Красной армии: а) форма родов войск и знаки отличия; б) структура Красной армии до дивизий; в) Нарком обороны; г) НКВД и милиция. Пятый раздел – чтение советской периодики и литературы. Шестой раздел – спецдисциплины: а) компас, ориентация по компасу днем и ночью, практические занятия с топографическими картами, определение масштаба; б) ориентировка по созвездиям, солнцу, деревьям; в) марш-броски днем и ночью от 10-ти до 30-ти км. Седьмой раздел – знакомство с оружием: а) револьвер, пистолет, граната; б) практические занятия. Восьмой раздел – наблюдения: а) методы ведения наблюдений; б) как уйти от преследования; в) практические занятия. Девятый раздел – организация охраны границы: а) способы переброски через границу; б) знакомство с участком границы, где планируется переход; в) уничтожение следов перехода специальными средствами. Десятый раздел – общее ознакомление и

поведение: а) знакомство с советскими деньгами, проездными документами, нумерацией и типами вагонов и др. Одиннадцатый раздел – задания и документы. Задания давались за 2–3 дня до переброски на советскую сторону. Непосредственно перед переходом границы агентам вручались документы [1, л. 39–41].

Агенты, прошедшие обучение в г. Ровно, перебрасывались на территорию УССР в июне – июле 1939 г. К примеру, первая пара (Ильченко – Боер) была переброшена на участке заставы Киликиев 20-го пограничного отряда. Перед ней стояло задание: а) пройти до г. Мирополь, откуда поездом доехать до г. Бердичев, где определить род войск размещенных в казармах; б) определить концентрацию войск в районе г. Бердичев; в) добыть указы подписанные комендантом города и несколько экземпляров местной прессы [1, л. 51].

При переправе на советскую сторону агентура обеспечивалась документами: справкой из сельсовета, паспортом, схемой пути, советской одеждой. Особое внимание уделялось обуви, которая обязательно должна была быть на резиновой подошве. Также агенты получали советские деньги в сумме от 50 до 200 рублей на человека в зависимости от заданий и продукты питания: хлеб, колбасу, шоколад (без обертки), зимой водку. Для самозащиты каждая пара обеспечивалась оружием: одним – двумя пистолетами, тремя блоками патрон, двумя гранатами, а также ножами, компасом, часами, карманными фонариками и др. [1, л. 45–47].

Следует отметить, что, несмотря на высокий уровень профессиональных навыков, подготовка агентов проводилась ускоренными темпами и не давала ожидаемых результатов. Большинство переброшенных на территорию СССР агентов перехватывалось советскими пограничниками, а некоторые сами добровольно сдавались в плен. Среди ошибок, которые становились фатальными для польских агентов, распространенным было использование в разговорной речи польских терминов (секретарь сельсовета – писарь) и т.д. Даже такой продукт питания как сало, часто выдавал чужаков, поскольку в польском продукте кожа была ошпарена кипятком и очищена, тогда как в Советском Союзе ее осмаливали, или вообще срезали.

Несмотря на сложную ситуацию, в которую попала Польша, пребывая в состоянии войны с Германией, работа агентов и шпионов на советской территории не прекращалась. С 1 по 7 сентября 1939 г. советскими пограничниками было задержано 9 нарушителей границы [2, с. 365]. Результатом полученной от них информации стали аресты штатных и контрактных сотрудников польских разведывательных структур после 17 сентября 1939 г. В тюрьмы НКВД попало и огромное количество жителей приграничной полосы, заподозренных в шпионаже, контрабандистов, привлекаемых для разведывательных целей, беженцев из УССР, которые в 1930-х гг. избежали раскулачивания и выселения в отдаленные регионы СССР. Последние, по мнению органов НКВД, выдавали секретную информацию об СССР. Все они осуждались к длительным срокам заключения (8–10 лет) в исправительно-трудовых лагерях. Что же касается служащих польской разведки, то этот факт, как не парадоксально, свидетельствует о значительном уровне их профессионализма, в котором советские органы контрразведки видели серьезную угрозу.

Литература

1. Государственный архив Ровенской области. – Фонд Р.2771. – Оп. 2. – Д. 5646.
2. Советские органы государственной безопасности в 1939 – июне 1941 г.: документы ОГА СБ Украины / сост.: В. Даниленко, С. Кокин. – Киев: Киево-Могилянская академия, 2009. – 1311 с.
3. Хаустов, В.Н. Из предыстории массовых репрессий поляков. Середина 1930-х гг. / В.Н. Хаустов // Мемориал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.memo.ru/history/POLAcy/chaucorr.htm. – Дата доступа: 23.02.2014.

Гарбуль П.И.

НАПАДЕНИЕ ГЕРМАНИИ НА ПОЛЬШУ И СИТУАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В СЕНТЯБРЕ 1939 ГОДА

31 августа 1939 г. германские спецслужбы организовали ряд провокаций на нескольких участках польско-немецкой границы, из которых наибольшую известность получило нападение вооружённых эсесовцев, переодетых в польскую форму, на здание радиостанции пограничного с Польшей немецкого города Глейвиц, вошедшее в историю как операция «Гимлер». После этого радиостанции Германии передали сообщение о якобы совершённом поляками нападении на германскую территорию [1, с. 43]. Тем самым был исполнен задуманный Гитлером план

подготовки пропагандистского повода для развязывания войны. На следующий день, 1 сентября 1939 г., в 4 часа 45 минут, вооружённые силы Германии перешли польскую границу. Началась Вторая мировая война.

Подготовка к нападению на Польшу началась сразу после ликвидации Чехословакии. План военного захвата Польши, получивший кодовое название «Вайс», Гитлер утвердил 11 апреля 1939 г. В конце того же месяца Германия заявила о денонсации подписанного в 1934 г. между Польшей и Германией договора о ненападении, а 31 августа 1939 г. была принята директива о нападении на Польшу.

План «Вайс» исходил из идеи «молниеносной» войны, предусматривал разгромить главные силы польской армии западнее рек Висла и Нарев ударами с юга и юго-запада (из Моравии и Силезии) и с севера и северо-запада (из Восточной Пруссии и Померании).

В Силезии и Моравии была развёрнута группа армий «Юг» (133 дивизии) под командованием генерал-полковника Г. фон Рундштедта, войскам которой надлежало наступать на Варшаву, выйти к Висле, уничтожить польские соединения в западных областях страны.

В Померании и Восточной Пруссии была сосредоточена группа армий «Север» (21 дивизия) под командованием генерал-полковника Ф. фон Бока, которая также должна была наступать на Варшаву, разгромить польские силы севернее Вислы, а затем, взаимодействуя с войсками группы армий «Юг», завершить разгром польских войск в западных районах страны. Общая численность войск, предназначенных для завоевания Польши, составляла 1,6 млн. человек, 2,8 тыс. танков, 6 тыс. орудий и миномётов, 2 тыс. самолётов [1, с. 45].

На случай войны с Германией главный штаб польской армии разработал план «Захуд», предусматривавший упорной обороной и контрударами остановить немецкое наступление, а после вступления в войну союзников (Великобритании и Франции), с которыми у Польши были заключены договоры о взаимопомощи, перейти в контрнаступление. Польская армия мирного времени насчитывала около 260 тыс. человек [5, с. 86]. В соответствии с мобилизационным планом польская сухопутная армия должна была состоять из 39 пехотных дивизий и 16 бригад, сведённых в 6 армий («Модлин», «Поможе», «Познань», «Лодзь», «Краков», «Карпаты») и две оперативные группы («Нарев», «Вышкув»). Эти польские силы располагались в первом стратегическом эшелоне на границе с Германией. Кроме того, в резерве командования находилась армия «Прусы». Всего Польша могла выставить 1 млн. человек, 4300 орудий и миномётов, 870 танков, танкеток и бронемашин, 800 самолётов [1, с. 45; 2, с. 38–39].

Германское наступление началось на широком фронте. Первым удар принял Вестерплятте – полуостров на Балтийском побережье, который до 7 сентября оборонял немногочисленный польский отряд. Через час после начала войны немецкие самолёты уже бомбили Варшаву, а к полудню – Брест. Лётчики «Люфтваффе» атаковали крепость, нанесли удар по мосту через Мухавец, обстреляли поезд с резервистами, отправлявшийся из Бреста в Белосток [4, с. 12].

Правительство Польши 6 сентября покинуло Варшаву и перебралось в Люблин, оттуда – в Кременец и далее – в Лондон. Военное командование во главе с маршалом Э. Рыдз-Смиглы 7 сентября укрылось в Брестской крепости, где главнокомандующий провёл несколько совещаний и встреч. Но оставаться в Бресте, который регулярно подвергался бомбардировкам, было небезопасно. Поэтому 10 сентября ставка Рыдз-Смиглы переместилась во Владимир-Волынский, а руководить обороной Брестской крепости маршал оставил отозванного из запаса генерала К. Плисовского, который возглавил группировку «Брест» [4, с. 17].

Франция и Великобритания, связанные с Польшей союзническими обязательствами, 3 сентября 1939 г. объявили войну Германии, однако реальной помощи не оказали, ограничившись сочувственными пожеланиями и демонстрацией активности. Они не воспользовались своим перевесом в силах в Европе для нанесения по Германии эффективного удара с Запада.

Командование польской армии «Познань» 9 сентября предприняло попытку контрудара, причинив противнику большой урон и создав угрозу его тыловым коммуникациям. В ответ немецкое командование провело перегруппировку сил и нанесло контрнаступающим польским частям поражение. 13 сентября в районе Радома была уничтожена польская резервная армия «Прусы», 15 сентября немецкие соединения захватили Люблин, а спустя ещё несколько дней польская армия была расчленена на изолированные группы и блокирована в районе Кутно, Варшава, Люблин, Перемышль. 27 сентября, после 20-дневной героической обороны, капиту-

лировала Варшава. К этому времени польской армии уже практически не существовало. Её потери составили 65 тыс. убитых, 140 тыс. раненых, 400 тыс. пленных [2, с. 39].

Бои за Брест и крепость развернулись с 13 по 18 сентября 1939 г. 13 сентября произошло первое столкновение немецкой разведки с защитниками Цитадели. 14 сентября подразделения 10-й немецкой танковой дивизии, входившей в состав танкового корпуса Г. Гудериана, заняли Брест, начались бои за крепость, которые продолжались и следующий день. 16 сентября командующий польской группировкой «Брест» К. Плисовский созвал совещание, на котором, учитывая многократное превосходство немцев в силах, было принято решение покинуть крепость. 17 сентября польские части вышли из Цитадели и двинулись по направлению к Тересполю. 18 сентября в покинутую поляками крепость вступили немецкие войска [3, с. 271–275].

Германское руководство, развязав Вторую мировую войну, постоянно подталкивало Советский Союз к активным действиям против Польши, ссылаясь на договор о ненападении от 23 августа 1939 г. Уже 3 сентября германский посол в Москве Ф. фон Шуленбург получил из Берлина от министра иностранных дел И. фон Риббентропа телеграмму, в которой ему поручалось встретиться с наркомом иностранных дел СССР В. Молотовым и выяснить собирается ли Советский Союз выступить против Польши и занять территорию в своей сфере влияния. В. Молотов дал уклончивый ответ, заявив, что время ещё не настало [4, с. 39]. Тем самым подчёркивалось, что Советский Союз намерен действовать в польском вопросе осторожно и не спешить с применением силы. Однако давление с немецкой стороны становилось всё более настойчивым. Советское и германское руководство обменялись жёсткими посланиями, после чего СССР принял решение приступить к практическим действиям. В пропагандистских целях в центральных и республиканских газетах была проведена кампания по разъяснению тяжёлой судьбы белорусов и украинцев на оккупированной Польшей территории, неотлагательной необходимости выступить в их защиту и ввести в Западную Белоруссию и Западную Украину войска Красной Армии.

11 сентября 1939 г. для оказания помощи белорусскому и украинскому населению, проживающему на территории Польши, были созданы Белорусский (командующий – М. Ковалёв) и Украинский (командующий – С. Тимошенко) фронты, проведена мобилизация. 16 сентября фронты общей численностью в 466 тыс. человек были развёрнуты для наступления. 17 сентября заместитель иностранных дел СССР В. Потёмкин вручил польскому послу в Москве В. Гжибовскому ноту советского правительства, в которой говорилось, что польское государство должно прекратить своё существование. Войска Белорусского и Украинского фронтов получили приказ перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Белоруссии и Западной Украины.

Белорусский фронт состоял из 4-х армий, стрелкового корпуса, конно-механизированной группы, Днепровской военной флотилии и насчитывал 200 тыс. солдат и офицеров. Силам фронта противостояли 45 тыс. польских солдат и офицеров, из которых около половины не были вооружены и сведены в воинские части. Вдоль границы с БССР размещались части корпуса пограничной охраны количеством в 8 тыс. человек. Наиболее боеспособной была оперативная группа «Полесье», которой командовал генерал Ф. Клебер. Она насчитывала 17 тыс. солдат и офицеров.

Главнокомандующий польской армией Э. Рыдз-Смиглы распорядился в бои с Советами не вступать и противодействовать только в случае попытки разоружения. По этой причине польские части серьёзного сопротивления не оказали. Зафиксировано 40 случаев сопротивления пограничных патрулей, а также бои под Кобрином, Гродно, Вильно, Белостоком. Наиболее упорные сражения прошли 20–21 сентября в Гродно, где 15-й советский танковый корпус потерял 12 танков, более 47 человек убитыми и 156 – ранеными. Хронология вступления соединений Красной Армии в крупнейшие города Западной Беларуси следующая: 17 сентября – Барановичи; 18 сентября – Новогрудок, Лида, Слоним; 19 сентября – Вильня, Пружаны, Кобрин; 20 сентября – Гродно; 21 сентября – Пинск; 22 сентября – Брест, Белосток [2, с. 42]. К 25 сентября войска Красной Армии овладели всей территорией Западной Белоруссии.

В походе в Западную Белоруссию активное участие принимала 29-я танковая бригада под командованием С. Кривошеина, которая первой вступила в Барановичи, Пружаны и Брест. Вступив в Брест, комбриг С. Кривошеин провёл встречу с находящимся в городе командующим немецким танковым корпусом генералом Г. Гудерианом, по итогам которой была под-

тверждена ранее достигнутая договорённость о передаче города под управление советского командования, проведении совместного парада войск, выводе немецких частей из города за пределы советской зоны влияния [4, с. 92].

28 сентября 1939 г. в ходе визита в Москву министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Спустя два дня командование Белорусского фронта получило примерное описание границы для подготовки к отводу войск, находящихся к западу от указанной линии. 2 октября нарком обороны К. Ворошилов, начальник Генерального штаба Б. Шапошников встретились с представителями германского военного командования и согласовали демаркационную линию. Вечером того же дня в войска поступила соответствующая директива наркома обороны, в которой излагались основные положения советско-германского протокола. В результате анализа полученного документа, командующий Белорусским фронтом М. Ковалёв выяснил, что установленная линия границы по реке Западный Буг у г. Бреста крайне невыгодна для советской стороны и попросил пересмотреть её, направив в Москву соответствующие предложения. Ответ из Москвы был категоричным – «вопрос закрыт». Тогда М. Ковалёв проявил смекалку, приказав изменить русло Западного Буга так, чтобы сохранить за советской стороной всю Брестскую крепость, в том числе и Тереспольское укрепление. Немецкие представители этой советской уловки предпочли не заметить во имя более важного для них стратегического вопроса – скорейшей ратификации договора [4, с. 110]. 4 октября 1939 г. демаркационная линия между СССР и Германией была утверждена. Таким образом, устанавливалась новая государственная граница Советского Союза, в соответствии с которой Западная Белоруссия отходила к СССР.

Литература

1. Вторая Мировая война. Краткая история / Д. Айххольц [и др.]. – Москва: Наука, 1984. – 590 с.
2. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны): вучэб. дапам. для студэнтаў устаноў, якія забяспечваюць атрыманне вышэйшай адукацыі / А.А. Каваленя [і інш.]; пад рэд.: А.А. Кавалені [і інш.]. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2004. – 279 с.
3. Памяць. Гіст.-дакум. хроніка Брэста. У 2 кн. Кн. 1 / рэд. кал.: Р.Р. Быcюк [і інш.]; укладальнік А.П. Кондак. – Мінск: БЕЛТА, 1997. – 576 с.
4. Сарычев, В. В поисках утраченного времени / В. Сарычев. – Брест: Брестская типография, 2007. – Кн. 2. – 312 с
5. Усовский, А. Проданная Польша: истоки сентябрьской катастрофы / А. Усовский. – Минск: Современная шк., 2010. – 320 с.

Гапионок Е.В.

ПОЛИТИКА ИККИ В ОТНОШЕНИИ ЕВРОПЕЙСКИХ КОМПАРТИЙ (1939–1940 гг.)

После заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. и начала Второй мировой войны Исполком Коминтерна стал срочно готовить директивный материал для компартий с оценкой новой ситуации в мире и задач коммунистов Так как Коминтерн неоднократно заявлял о справедливости антифашистской, национальной войны, рядовые коммунисты заняли патриотическую позицию. 16 сентября в издании «World News and Views» были опубликованы заявления скандинавских коммунистических партий, в поддержку военных усилий, предпринимаемых Францией и Великобританией. Во Франции коммунисты продолжали эту линию антифашистской национальной борьбы вплоть до 19 сентября [1, p. 46].

Г. Димитров от имени руководства ИККИ попросил в связи с этим И. Сталина принять его для беседы, которая состоялась в присутствии В. Молотова и А. Жданова 7 сентября 1939 г. И. Сталин видел события как «войну за передел мира, за господство над миром и мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга»; особенно, если руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран, в частности Англии. Сталин признавал, что пакт о ненападении « в некоторой степени помогает Германии», а деление капиталистических государств на фашистские и демократические утратило прежний смысл. В отношении зарубежных компартий, он предложил снять лозунг единый народный фронт. Коммунисты должны выступить «решительно против своих правительств, против войны», «что плохого было бы, если в результате разгрома Польши, мы распространили социалистическую систему на новые территории и население» [2, с. 181–182]. 8 сентября 1939 г. ИККИ подготовил краткую директиву компартиям по вопросу об отношении к начавшейся войне, в ней отразились основные оценки Сталина. На заседании Президиума ИККИ 19–20 октября 1939 г. обсуждали вопрос «о позиции и тактике компартий в условиях империалистической

войны», а в постановлении указали на необходимость «систематической помощи компартиям по исправлению допущенных ошибок и установлению правильной позиции и тактики компартий в обстановке войны» [4, л. 47–48]. Для обоснования и пропаганды новых установок Г. Димитров подготовил статью «Война и рабочий класс», которая после рецензии Сталина, была опубликована в журнале «Коммунистический Интернационал». Назвав конфликт «второй империалистической войной», которая, по его словам, в действительности началась с нападения на Эфиопию, Испанию и Китай, Димитров определил войну следующим образом: «По своему характеру и сущности существующая война с обеих враждующих сторон является империалистической, несправедливой войной, несмотря на мошеннические лозунги, используемые правящими классами враждующих капиталистических государств». После падения Польши Димитров заявил, что британские и французские империалисты более других желали продолжения войны. Война была империалистической войной, в которой интересы пролетариата совершенно не были учтены [3, с. 24–34]. Анализ, проведенный Димитровым, оставался основной линией Коминтерна до июня 1941 г.

В ноябре 1939 г. Исполком Коминтерна опубликовал воззвание, в котором была дана оценка международного положения, определялись задачи компартий в связи с начавшейся войной: сплотить народные массы и повести их на борьбу за восстановление национальной независимости – становится все отчетливее после расширение фашистской агрессии, оккупации гитлеровской Германией стран Западной и Северной Европы. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) в октябре 1939 г. ИККИ был предоставлен кредит до конца 1939 г. в размере 3500 тыс. червонных рублей и 200 тыс. золотых рублей [5, л. 75].

Новые условия заставили Коминтерн произвести некоторые изменения в организационной структуре. В 1940 г. должность « политического помощника» была упразднена. На базе сектора пропаганды появился отдел, который призван «осуществлять помощь» в работе секций КИ по руководству печатной и устной пропаганде марксизма-ленинизма». Лозунг «превратим империалистическую войну в войну гражданскую» не использовался в общественной пропаганде в этот период, но свободно использовался в самих коммунистических партиях, по словам Дугласа Хайда, британского коммуниста. Отделу пропаганды было поручено руководство издательствами ИККИ, контроль над издательством литературы на иностранных языках в СССР, проверка идеологического качества издаваемых работ и содействовать их распространению. В составе отдела пропаганды были организованы три сектора: редакционно-издательский, массовой пропаганды марксизма-ленинизма (устная, а также через радио и газеты) и учебы партийных кадров: школы и курсы для партийного актива и бюллетень «В помощь марксистко-ленинскому образованию». В 1940 г. отдел был упразднен [7, л. 70, 73–87].

К концу 1939 г. работа отдела прессы и агитации (печати и пропаганды) охватывала 35 стран, в том числе Англию, Францию, США, Польшу и Испанию. Сектор прессы посылал статьи по вопросам марксизма-ленинизма, мировой политики, движения за мир, социал-демократии, социалистического строительства в СССР, Красной Армии, национальной политики в СССР, но ни одной против фашизма и нацизма. Сектор контролировал все легальные центральные органы компартий, за исключением ВКП(б). Телеграфное агентство регулярно направляло материалы и информацию более чем 600 газет различных направлений: коммунистических, социал-демократических, профсоюзных, либерально-буржуазных. Ежедневно выпускались два информационных бюллетеня на русском, немецком, английском и испанском языках, в том числе специальные выпуски по латиноамериканским странам, съездам и конференциям компартий, международному профсоюзному движению, советско-германскому пакту о ненападении и другим вопросам. Редакция иностранного вещания Всесоюзного радио работала на 7 языках: английском, немецком, французском, итальянском, голландском, шведском и венгерском. В конце 1940 г. штат сотрудников увеличили с 49 до 70 [8, л. 28–40].

В феврале 1940 г. секретариат решил «продолжить выпуск легального издания журнала «Коммунистический Интернационал», пока существует такая возможность. В Англии, США, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Дании начали готовить базу, чтобы выпускать журнал, но под другим названием. Предлагалось создать за границей «центр, способный гибко и самостоятельно реагировать на изменения в обстановке, приспосабливать форму издания» к условиям той страны, в которой издается. С руководством европейских компартий также прорабатывались

вопросы нелегального издания журнала, где ещё были сохранены условия его распространения среди партийного актива. Русская версия «Коммунистического Интернационала», должна была знакомить читателей с проблемами международного рабочего движения, а иностранным изданиям предписывалось большое внимание уделять проблемам СССР, ВКП(б) и задачам социализма. Руководство Коминтерна и зарубежных компартий обязывались регулярно публиковаться в журнале, однако в постановлении ни слова не было сказано о необходимости развертывания компартиями антифашистской борьбы [8, л. 65–66].

Несмотря на серию провалов, продолжали работать пункты связи в Париже (после оккупации нацистами перенесли на юг страны), Праге, Брюсселе. В Стокгольме была создана резервная точка радиосвязи на случай вынужденного закрытия радиостанций в Голландии и во Франции; открылся пункт связи в Югославии. С началом второй мировой войны прекратилась практика вербовки в пункты службы связи ИККИ лиц из числа эмигрантов, находящихся под надзором политической полиции в своих странах. Вместо постоянных курьеров стали применять практику разовых, из числа отобранных для этой цели компартиями лиц, а в случаях экстренной необходимости привлекались ответственные работники московского аппарата ИККИ. Вопросами строительства, снабжения, транспортом, изготовлением фальшивых документов, тайнописью занимался институт № 301, подчиненный службе связи [9, л. 2–3].

В структуре Коминтерна активно работали и политические референты, 14 из них занимались странами и группами стран. Они сами обрабатывали материалы, поддерживали контакты с представителями компартий. Отдельно были выделены направления международного движения за мир, против войны и фашизма; международного женского и юношеского движения и международного профсоюзного т кооперативного движений.

Германия в мае и июне 1940 г., добилась полного успеха на континенте, захватив Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Люксембург и Францию. Представители французской компартии Торез, Марти, Раметт и Гюйюо подготовили декларацию, определившую позицию партии на том этапе войны. Текст декларации содержал следующие положения: вторжение германской армии не меняет империалистический характер войны, поскольку у власти остается буржуазия. При этом ФКП не ставила вопрос о создании революционного правительства, но предлагалось рассмотреть мероприятия по перенесению издержек войны и ее последствий на буржуазию. Уже 19 июня 1940 г. был утвержден секретариатом ИККИ текст, где говорилось, что рабочий класс, народ Франции не примирился с иноземным порабощением. Торез писал, что в сентябре 1939 г. французская буржуазия, ранее сдавшая Испанию Франко, предав друг за другом своих союзников, объявила войну Германии под предлогом оказания помощи буржуазии и помещикам Польши, этой «тюрьмы народов» [12, л. 35].

В июле 1940 г. секретариат ИККИ постановил не проводить 1 августа антивоенный день, а перенести его на 1 сентября. Зарубежным компартиям рекомендовали в статьях показать уроки первого года войны для народных масс каждой страны, «разъяснить исключительное значение внешней политики Советского Союза и в особенности подчеркнуть значение интернациональной солидарности рабочего класса в борьбе против войны». В 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) выделило на особые расходы 12 400 тыс. червонных рублей [10, л. 76]; также было распространено действие постановления СНК от 18 июля 1940 г. «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы» на бывших бойцов испанской республиканской армии и добровольцев интернациональных бригад, проживающих в пределах СССР [11, л. 34, 99].

В августе 1940 г. Г. Димитров направил письмо в ЦК ВКП(б) с предложением о переподготовке руководящих кадров братских компартий, находящихся на территории СССР: предлагалось объединить школу для «испанских товарищей» и учебную группу для «китайских товарищей» в одну. Решение было принято 23 декабря 1940 г., структура школы состояла из общей на 65 человек, и делилась на испанскую, и германо-австрийскую. В феврале по распоряжению А.А. Жданова и Г.М. Маленкова планы каждой школы стали утверждаться отдельно, основное направление – подготовка кадров для славянских стран. Учебный план предусматривал лекционные и семинарские занятия по истории ВКП(б), диалектическому и историческому материализму, всеобщей истории, политической экономике, истории Коминтерна, международные отношения и внешняя политика СССР, русский язык. С началом Великой Отечественной войны и переездом аппарата ИККИ в г. Уфу, подготовка была организована по национальным группам в

школе в селе Кушнаренково, в документах она стала фигурировать как сектор № 4 или спецшкола ИККИ [12, л. 68–70].

С заключением советско-германского пакта о ненападении и началом Второй мировой войны наступает полоса полного подчинения Коминтерна установкам внешней политики СССР. Руководство ВКП(б) считало расширение сферы влияния СССР главным методом распространения социализма в мире, а Коминтерну отводилась вспомогательная роль. В интересах советской внешней политики Коминтерн должен был значительно приглушить антифашистскую направленность своей деятельности и не допускать, чтобы компартии дали Гитлеру какой-либо «повод» для срыва договора о ненападении с СССР. Тем более что СССР далеко еще не был готов к большой войне с фашистской Германией.

Литература

1. Rossi, G. The Russo-German Alliance, August 1939 – June 1941 / G. Rossi – Liverpool, 2007. – 210 p.
2. Коминтерн и Вторая мировая война / Ин-т всеобщей истории, РАН; редкол.: К.Андерсон [и др.]. – Москва: Памятники истор. мысли, 1994. – Ч. 1. – 560 с.
3. Димитров, Г. Война и рабочий класс капиталистических стран / Г. Димитров // Коммунистический интернационал. – 1939. – № 8 – 9. – С. 24–34.
4. Российский архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 495. – Оп. 18. – Д. 1292.
5. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 26.
6. РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 18. – Д. 1327.
7. РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 18. – Д. 1316.
8. РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 18. – Д. 1319.
9. РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 73. – Д. 84.
10. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 28.
11. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 1026.
12. РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 73. – Д. 84.

Довгялло М.С.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ ЗА БОЛГАРИЮ (1939–1941 гг.)

Борьба за региональное и мировое господство, восстановление утраченных территорий и сфер влияния одними державами и защита завоеваний другими во многом определила в предвоенные годы дипломатическую и политическую борьбу Советского Союза и Германии за Балканы. Балканы стали регионом, где столкнулись противоположные интересы двух ведущих европейских стран.

Советско-германский пакт о ненападении, заключенный 23 августа 1939 г. правительственными кругами и населением в Болгарии, был встречен одобрительно. Царь Борис III и премьер-министр Кьосеиванов считали, что «этот пакт принесет некоторое успокоение в оппозиционных кругах и вызовет одобрение внешней политики Болгарии» [2, с. 643]. До этого времени Болгария, находившаяся в хороших отношениях как с Германией, так и с Советским Союзом, после установления дипломатических отношений в июле 1934 г. [7, с. 363], стояла перед дилеммой, что она будет делать в случае войны Германии с СССР. После получения извещения, болгарская печать изменила свой тон в отношении СССР после подписания пакта. Средства массовой информации о внешней политике Советского Союза избегали враждебных выпадов. Ярким проявлением сближения в отношениях между двумя странами стал прием группы депутатов болгарского парламента в Москве. В августе сельскохозяйственную выставку посетила группа парламентариев Болгарии в количестве 21 человека во главе с заместителем председателя парламента Г. Марковым. Во время встречи делегации в Кремле с председателем СНК и наркомом иностранных дел СССР В. Молотовым был поднят вопрос о ревизии Нейиского мирного договора. Нарком высказался за возвращение Болгарии Южной Добруджи и за обоснованность требования выхода Болгарии к Эгейскому морю. Советское правительство признало их и не имело возражений против их реализации [6, с. 209.]. Важную роль в деле сближения Болгарии с СССР в рассматриваемый период играли и экономические причины. В связи с войной в Европе Болгария испытывала большие трудности в снабжении таких важнейших для экономики страны материалов, как, нефть, бензин, металлы, хлопок и др. Вместе с тем болгарскому правительству необходимо было считаться и с Германией. Так, 80% болгарского экспорта шло в Германию [2, с. 534]. Экономическая зависимость

Болгарии от одной страны представлялась для болгарского правительства стеснительной и нежелательной. Не будь этих чрезвычайных обстоятельств, Болгария, возможно, не встала бы так скоро на путь конкретизации и улучшения отношений с Советским Союзом.

Осенью советское правительство впервые выразило желание придать отношениям между двумя странами новый импульс и предложило заключить договор о взаимной помощи [7, с. 465]. Однако подобное развитие событий не входило в планы болгарских властей. Председатель совета министров и министр иностранных дел Болгарии Г. Кьосеиванов на советское предложение ответил, что на первом этапе возможно заключение только торгового договора, соглашения о мореплавании и воздушном сообщении, а также конвенции о культурной связи. София отказалась заключить с Советским Союзом пакт о взаимной помощи [7, с. 468–469], так как оно могло бы вызвать подозрение у стран Балканского полуострова и Европы. Советская сторона, в свою очередь, констатировала, что «болгары правы, говоря об опасности для Болгарии, связанных в данный момент с заключением пакта о взаимопомощи» [3, с. 279]. Не отказываясь от своего замысла, советское правительство решило подождать до более подходящего момента, так как Болгария в это время испытавала дипломатическое давление со стороны Германии, Италии, Великобритании, которых объединяло нежелание допустить советско-болгарское сближение.

В результате переговоров с болгарской торговой делегацией 5 января 1940 г. состоялось подписание советско-болгарского договора о торговле и мореплавании и соглашения о товарообороте, платежах на 1940 г. [7, с. 475–477, 486–489]. Основу советского товарооборота составляли: по импорту – свинина, рис, кожевенное сырье, табак, розовое масло; по экспорту – хлопок, нефтепродукты, черные металлы, сельскохозяйственные машины, химикалии, удобрения и др.

Чтобы теснее привязать к себе руководство Болгарии, строившее планы создания «Великой Болгарии», гитлеровское правительство поддерживало его территориальные претензии к Румынии, Югославии и Греции. Под давлением Германии Румыния подписала 7 сентября 1940 г. в г. Крайова соглашение о возврате Болгарии Южной Добруджи. Это территориальное приобретение Болгарией оказалось единственным, которое признали все государства, независимо от того, к какому из воюющих блоков они принадлежали, и которое было сохранено за ней после окончания Второй мировой войны.

Несмотря на сильное дипломатическое давление со стороны СССР и Германии, царь Борис III и болгарское правительство не спешили примкнуть к той или иной стране, занимали выжидательную позицию, поскольку они осознавали, что геополитическое положение страны и ее экономические связи не позволят ей долго оставаться вдали от международного конфликта. Маневрируя между великими странами, царь стремился доказать, сколь выгоден для каждой из них нейтралитет Болгарии. Так, 15 сентября 1939 г. правительство Г. Кьосеиванова выступило с декларацией о полном нейтралитете Болгарии в начавшейся войне и продолжении миролюбивой политики [7, с. 464]. В Болгарском правительстве существовали опасения в связи с агрессивными устремлениями стран Балканской Антанты.

После подписания Тройственного пакта Германия стала более активно добиваться присоединения к нему других государств. Первое предложение о присоединении к пакту было сделано Болгарии 16 октября 1940 г., причем в ультимативной форме, обещая поддержку ее территориальных претензий. Ответные дипломатические шаги болгарских властей свидетельствовали об их попытках отказаться от присоединения к пакту. В Софии опасались осложнить отношения с Балканскими странами и СССР, поэтому болгарский царь просил А. Гитлера отсрочить этот шаг, ссылаясь на сложности внешнеполитического характера. Требование со стороны А. Гитлера поступило царю Борису 17 ноября 1940 г. во время их встречи в резиденции А. Гитлера Берхтесгадене. И на этот раз царь Борис отклонил предложение. Единственное, чего удалось добиться А. Гитлеру, это согласия царя Бориса III на прохождение германских войск через территорию Болгарии. Одновременно начинается давление на Болгарию с тем, чтобы она не принимала никаких предложений от СССР.

В ноябре 1940 г. и Советский Союз возобновил свои попытки сближения, причем в Кремле имели в виду, что Болгария станет частью сферы влияния СССР, вплоть до его военного присутствия в этой стране, без изменения внутреннего режима и государственного строя, чтобы помочь ей в случае угрозы или нападения на нее третьей страны [4, с. 61, 70, 76, 110,

159]. Болгария занимала геополитическое положение по отношению к Черноморским проливам, вопрос о которых занимал тогда особо важное место во внешней политике СССР.

В ноябре 1940 г. В. Молотов посетил Берлин, где вел переговоры с Гитлером и Риббентропом. Для ведения переговоров руководитель делегации получил «Некоторые директивы к Берлинской поездке» [13, с. 8] от И. Сталина. В составе правительственной делегации находилось 65 человек, включая наркома черной металлургии И. Тевосяна, пять заместителей В. Молотова из НКИД, представителя Генштаба генерала А. Василевского, ряд заведующих отделами НКИД и др. [11, с. 110]. Основное внимание на переговорах было обращено на Юго-Восточную Европу и, в частности, на Болгарию. Один из пунктов сталинских директив на переговорах от 9 ноября гласил: «Болгария – главный вопрос переговоров – должна быть, по договоренности с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию» [10, с. 350; 4, с. 78]. В телеграмме И. Сталина В. Молотову в Берлин 13 ноября 1940 г. говорилось: «Безопасность причерноморских районов СССР нельзя считать обеспеченной без урегулирования вопроса о проливах. Обеспечение спокойствия в районе проливов невозможно без договоренности с Болгарией о пропуске советских войск для защиты входов в Черное море» [4, с. 61]. В ходе переговоров В. Молотова с немецким руководством он заверял, что СССР ни в коем случае не хочет вмешиваться во внутренний порядок Болгарии. Они не будут изменены «ни на йоту» [12, с. 111]. Размещение советских войск превращалось, таким образом, в ключевой вопрос обеспечения советских интересов в районе Черноморских проливов. Гитлер, не говоря прямо «нет», ссылался на необходимость «узнать, желает ли Болгария иметь гарантии от Советского Союза и каково будет к этому отношение Италии, действительно ли Болгария запрашивала о гарантиях» [10, с. 382; 6, с. 289] и заявил о невозможности высказать собственную позицию до выяснения их мнения.

В последний день переговоров, В. Молотов получил от Риббентропа «черновые наброски» о присоединении Советского Союза к Тройственному пакту. Следует отметить, что текст этого предложения был передан не в письменном виде, а был продиктован рейхминистром В. Молотову поздно вечером, накануне его отъезда из Берлина. Через две недели, 25 ноября 1940 г. В. Молотов сообщил германскому послу в Москве Ф. Шуленбургу, что СССР «согласен принять проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи при условии одновременного принятия партнерами СССР ряда советских предложений: германские войска будут выведены из Финляндии, будет заключен пакт о взаимопомощи между СССР и Болгарией, и будет создана военная и военно-морская базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды» и др. [4, с. 136–137]. Таким образом, ответ В.Молотова предусматривал выработку единой политической линии его участников, а также их обязательство не входить в блоки государств и не придерживаться никаких международных блоков, направленных против одного из них. Формально этот документ, лично врученный послу Германии в Москве Шуленбургу, остался без ответа, хотя советская сторона его активно добивалась. Так, в январе 1941 г. В. Молотов во время встречи с послом выразил Шуленбургу свое удивление по этому поводу, на что тот ответил: «для ответа сначала необходимы переговоры с Японией и Италией» [4, с. 343]. Таким образом, А. Гитлер использовал рассматриваемый документ не для переговоров с Москвой, а во враждебных Советскому Союзу целях. После переговоров В. Молотова в Берлине политические и дипломатические проблемы в отношениях между странами стали подниматься все реже.

После поездки в Берлин В. Молотова, в ноябре 1940 г. поступило новое предложение болгарской стороне заключить пакт о дружбе и взаипомощи между СССР и Болгарией. Это предложение сопровождалось обещанием, что СССР окажет Софии экономическую помощь и поддержку, поддержит ее «справедливые территориальные притязания к ее соседям» [4, с. 110]. Этот пакт, – говорилось в заявлении, – поможет Болгарии реализовать ее национальные стремления не только в Западной, но и в Восточной Фракии, «при условии заключения советско-болгарского пакта о взаимопомощи. Отпадут возражения СССР против присоединения Болгарии к Тройственному пакту и что в таком случае вполне возможно присоединение самого Советского Союза к Тройственному пакту» [14, с. 34]. Последнее, очевидно, как раз подразумевало создание «пакта четырех держав».

Не имея реальных рычагов воздействия на царя Бориса III, советское руководство попыталось оказать на него нажим через народные массы, используя болгарских коммунистов, инспирировав всенародную кампанию. Она вошла в историю Болгарии под названием «Соболевской акции» по фамилии А. Соболева, генерального секретаря Наркоминдела СССР, через которого было передано предложение премьер-министру Б. Филову и царю Борису III [9, с. 54]. Сведения о предложении СССР были сообщены Г. Димитровым софийским коммунистическим деятелям телеграммой: «Примите самые быстрые и энергичные меры, чтобы это предложение стало достоянием в парламенте и вне его, печати и массах. Мобилизуйте для этих целей наших депутатов» [15, с. 8]. В Болгарии была развернута кампания в пользу подписания договора. Страна была засыпана листовками ЦК БРП, а стены домов и ограды покрылись лозунгами: «Требуем пакта с СССР!», «Да здравствует союз с СССР!» и др. Вскоре, Г. Димитров посылает новую телеграмму об ошибочности распространения листовок и дает директиву болгарской рабочей партии: «Кампания о пакте не должна носить партийный, антибуржуазный, антидинастический и антигерманский характер. Надо ее вести не на классовой, а на общенациональной и государственной почве» [15, с. 8]. Кроме этого, 21 января 1941 г. В. Молотов проинформировал Г. Димитрова о заявлении правительства СССР правительству Болгарии, что Болгария и Проливы входят в сферу безопасности СССР.

В конце ноября Болгария официально отклонила советское предложение о пакте, уведомив Москву, что еще до его предложения она начала переговоры с Германией о присоединении к трехстороннему пакту. Отказ был мотивирован и тем, что «советское правительство обсуждало в Берлине вопрос о возможности присоединения СССР к пакту трех [4, с. 158–161]. Таким образом, «Соболевская акция» и подписание плана «Барбаросса» 18 декабря 1940 г. [1, с. 86], наметивший дату нападения на СССР – середина мая 1941 г., завершили первый этап советско-германского противоборства на Балканах, когда он носил дипломатический, «кабинетный» характер. С начала 1941 г. СССР и Германия вступают в открытую политическую борьбу за Балканы, включая и Болгарию. Германские действия на Балканах определялись концепцией близкого военного столкновения с СССР и игнорировали его политическую реакцию. Тогда как советская сторона принимала за исходный пункт заинтересованность Германии в сохранении пакта о ненападении и рассчитывала остановить немецкую экспансию на Балканах политическими средствами.

Тем временем, к концу 1940 г. возможности политики неприсоединения и нейтралитета Болгарии оказались полностью исчерпанными. Болгария попала в непосредственные планы Германии, связанные с подготовкой операции по захвату Балкан. В январе 1941 г. болгарский премьер Б. Филов отправился в Вену для продолжения переговоров с А. Гитлером и министром иностранных дел И. фон Риббентропом, во время которых обсуждались вопросы о сроках присоединения Болгарии к Тройственному пакту и о политической подготовке этого акта. Во время встречи были даны заверения, что Болгарии не грозит никакая опасность, и что ей следует подписать пакт как можно скорее, а также обещание о возврате Болгарии Западной Фракии.

13 января 1941 г. было опубликовано заявление ТАСС о том, что ни германское, ни болгарское правительство не обсуждали о перемещении немецких войск в Болгарию с СССР, и если эти слухи верны, «то все это произошло и происходит без ведома и согласия СССР» [4, с. 327]. Берлин и София официально опровергли слухи о переброске вермахта в Болгарию, при этом Германия заявила, что никаких разногласий с СССР по болгарскому вопросу нет. Тем не менее, В. Молотов в беседе с послом Германии в Москве отметил, что советское правительство несколько раз заявляло германскому правительству, что оно «считает территорию Болгарии и обоих Проливов зоной безопасности СССР, ввиду чего оно не может остаться безучастным к событиям, угрожающим интересам безопасности СССР». Поэтому «советское правительство считает своим долгом предупредить, что появление каких-либо иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и обоих Проливов оно будет считать нарушением безопасности СССР» [4, с. 344].

Вечером 28 февраля 1941 г. Ф. Шуленбург сообщил В. Молотову, что 1 марта Болгария подпишет протокол о присоединении к Тройственному пакту. Выслушав сообщение, В. Молотов заявил, что германское правительство знало позицию СССР относительно Болгарии, а подобные действия идут в разрез с этой позицией [4, с. 434–435]. 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту [7, с. 545–546]. При этом она поставила условие, что ее ар-

мия не примет непосредственного участия в военных действиях на Балканах, и партнеры по пакту поддержат ее стремление получить выход к Эгейскому морю. Было заявлено, что пребывание немецких войск в Болгарии является временной мерой, и не ухудшит ее отношения с СССР, которые она считает постоянным элементом своей внешней политики. В беседе с германским послом в Москве Ф. Шуленбургом В. Молотов охарактеризовал германские действия как «военную оккупацию Болгарии» и как «курс, наносящий ущерб интересам безопасности СССР» [8, с. 328]. 2 марта германские войска с согласия болгарского правительства вступили на территорию Болгарии. Это было откровенное игнорирование Германией советских интересов на Балканах, где в соответствии с советско-германскими договоренностями обе стороны обязались действовать согласованно.

3 марта 1941 г. в ответ на сообщение Болгарии о вступлении германских войск на ее территорию, советское правительство заявило, что «не может разделить мнение Болгарского правительства о правильности позиции», поскольку она «ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии». Советский Союз «не может ввиду этого оказать какую-либо поддержку Болгарскому правительству в проведении его нынешней политики» [5, с. 448].

Таким образом, СССР не был в состоянии что-либо противопоставить такому положению и оказался фактически в роли бессильного наблюдателя того, как на протяжении конца 1940 – начала 1941 гг. А. Гитлер усиливал давление на Болгарию к ее присоединению к Тройственному пакту и вступлению на ее территорию немецких войск. Советское правительство осудило германское правительство, которое «сочло возможным стать на путь нарушения интересов безопасности СССР и решило занять войсками Болгарию» [10, с. 706]. Попытки превратить Болгарию в союзника советской политики на Балканах и в зоне Проливов, выработки нового курса в отношении Болгарии, основанного на осуждении ее присоединения к Тройственному пакту, завершились провалом для Советской дипломатии. СССР в межвоенный период оказался не в состоянии противопоставить германской экспансии на Балканах ни военную силу, ни какие-либо иные средства, которые бы заставили считаться с его интересами. Дипломатическая и политическая борьба Советского Союза и Германии за Балканы завершилась в пользу «третьего рейха».

Литература

1. Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки: документы и материалы / В.И. Дашичев; отв. ред. А.М. Самсонов. – Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи». 1941–1945 гг. – Москва: Наука, 1973. – 664 с.
2. Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. В 2 кн. Кн. 1. Январь – август. – Москва: Междунар. отношения, 1992. – 712 с.
3. Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. В 2 кн. Кн. 2:. Сентябрь – декабрь – Москва: Междунар. отношения, 1992. – 688 с.
4. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. В 2 кн. Кн. 2 (1) 1 ноября 1940 – 1 марта 1941 г. – Москва: Междунар. отношения, 1998. – 448 с.
5. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. В 2 кн. Кн.2 (2) 2 марта 1941 – 22 июня 1941 г. – Москва: Междунар. отношения, 1998. – 448 с.
6. Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. – Москва: ТЕРРА – Кн. клуб, 2004. – 400 с.
7. Советско-болгарские отношения и связи: документы и материалы. Т. 1. (ноябрь 1917 – сентябрь 1944). – Москва: Наука, 1976. – 651 с.
8. СССР – Германия. 1939–1941. Секретные документы / под ред. Ю.Г. Фельштинского. – Москва: Эксмо, 2011. – 384 с.
9. Чернявский, Г.И. Дневники Г.М. Димитрова / Г.И. Чернявсий // Новая и новейшая история. – 2001. – № 5. – С.47–58.
10. 1941 год. В 2 кн. Кн. 1 / сост.: Л.Е. Решин [и др.]; под ред. В.П. Наумова. – Москва: Междунар. фонд «Демократия», 1998. – 832 с. – (Россия. XX век. Документы); Директивы И.В. Сталина В.М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. – 1995. – № 4. – С. 76–79.
11. Басистов, Ю.В. На крутых перевалах XX века. Очерки по истории Второй мировой войны / Ю.В. Басистов. – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2010. – 424 с.
12. Безыменский, Л. Накануне. Переговоры В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 года. /Л. Безыменский, С. Горлов // Международная жизнь. – 1991. – № 8. – С. 104–119.
13. Волков, В.К. Советско-германские отношения во второй половине 1940 гг. / В.К. Волков. // Вопросы истории. – 1997. – № 2. – С. 3–17.
14. Гибианский, Л.Я. Балканские страны в перекрестке политики Гитлера и Сталина в начале Второй мировой войны: от поражения Франции до установления господства «оси» на Балканах / Л.Я. Гибианский // Славяноведение. – 2013. – № 1. – С. 24–42.
15. Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы накануне нападения Германии на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941 гг.) // Советское славяноведение. – 1991. – № 4. – С. 3–23.

Краско Г.Г.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦСЛУЖБ СССР И ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В результате наступления немецко-фашистских войск летом 1941 г. территория Белорусской ССР была оккупирована.

Власть на оккупированной территории принадлежала немецкой военной и гражданской администрации, которая опиралась на различные военизированные формирования, полицейские, а также коллаборационистские структуры. Определенная ниша в вопросах установления и поддерживания «нового порядка» на оккупированных территориях отводилась и специальным службам фашистской Германии. На спецслужбы и их агентуру, вербуемую из числа местного населения, возлагалось не столько решение стратегических разведывательных или контрразведывательных задач, сколько выявление партизан, подпольщиков и членов их семей, граждан, оказывавших им помощь, коммунистов, комсомольцев, советского актива, евреев, а также иных лиц, представлявших угрозу для оккупационных властей. Необходимо отметить, что немецкие спецслужбы вербовочную работу в западных регионах Советского Союза начали активно проводить еще перед началом военных действий. Так, по оценкам отдельных исследователей, в 1940 г. общее количество выявленной на территории СССР немецкой агентуры по сравнению с 1939 г. увеличилось в четыре раза [2, с. 103]. В 1940 – начале 1941 гг. советскими органами государственной безопасности было выявлено 66 резидентур немецкой разведки и разоблачено более 1600 агентов, из которых около 1400 – в западных районах СССР [3, с. 138]. Рассматривая территорию БССР, в это связи необходимо отметить, что с момента объединения белорусских земель осенью 1939 г. до начала немецкого вторжения прошло менее 2 лет. За этот короткий срок, естественно, не произошло полной интеграции западных районов, население которых почти два десятка лет пребывало под властью Польши, в советское идеологическое, политическое, социальное, культурно-ценностное пространство. Это, в свою очередь не могло не сказаться на эффективности функционирования той модели обеспечения государственной безопасности, которая была в СССР.

С учетом реалий советской действительности 1930-х – начала 1940-х гг. закономерно предположить, что в приведенные выше статистические данные были включены и не причастные к сотрудничеству с немецкими спецслужбами граждане. Однако дальнейшее развитие событий (уже в первые часы и дни немецкого вторжения) позволяет согласиться с тем, что немецкие спецслужбы к началу Великой Отечественной войны занимали одно из ключевых мест в силовом блоке Германии и являлись серьезным противникомдля советского государства, а их агентурный аппарат и его расстановка действительно представляли в то время реальную угрозу его обороноспособности.

В складывавшихся обстоятельствах действенно противостоять отлаженной работе немецких разведывательных и контрразведывательных органов можно было только оптимизировав работу своей спецслужбы. Однако время для эффективной реорганизации системы обеспечения государственной безопасности советским политическим руководством было упущено. Отдельные подготовительные мероприятия в советских органах государственной безопасности прошли только накануне войны. В начале февраля 1941 г. для повышения эффективности их оперативно-служебной деятельности в связи с угрозой немецкого вторжения, а также возросшим объемом работы, проводимой НКВД в условиях осложнившейся военно-политической и оперативной обстановки, было принятие решения о выделении органов государственной безопасности из состава объединенного ведомства и образовании Народного комиссариата государственной безопасности СССР (НКГБ). В свою очередь НКВД Белорусской ССР в соответствии с указом Президиума Верховного Совета БССР от 4 марта 1941 г. также был разделен на два ведомства – НКГБ и НКВД [4, с. 127]. Главной целью данной реорганизации являлось обеспечение надлежащей подготовки советской спецслужбы к работе в условиях военного времени. В качестве приоритетных задач самостоятельного НКГБ были выделены следующие: ведение разведывательной работы за границей, организация борьбы со шпионажем, диверсионной, террористической и иной деятельностью иностранных разведок на советской территории, борьба с противниками советской политической системы внутри страны, охрана партийного и государственного руководства [1, с. 343]. Мобилизационные мероприятия в НКГБ БССР начали проводиться уже

в марте 1941 г. Планировалось, что к июлю 1941 г. мобилизационная готовность НКГБ БССР будет достигнута в полном объеме. Однако отведенного до начала немецкой агрессии времени советским органам государственной безопасности, которые к тому же были ослаблены в результате значительных кадровых потерь, понесенных в результате недавних репрессий «силовиков», оказалось недостаточно. Войну пришлось встречать в стадии незавершенной реорганизации, при наличии нерешенных организационных и кадровых проблем, отдельные из которых были критически важными для всей системы обеспечения безопасностисоветского государственной.

Дальнейшее развитие советских органов государственной безопасности диктовалось уже не столько стратегическими замыслами партийного руководства, сколько складывавшейся военно-политической обстановкой. Тяжелые поражения начального периода Великой Отечественной войны, продвижение врага вглубь советской территории требовали принятия организационных решений по дальнейшему функционированию и координации деятельности всех силовых структур в условиях войны.

Литература

1. Воронцов, С.А. Спецслужбы России: учеб. / С.А. Воронцов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 512 с.
2. Долгополов, Ю.Б. Война без линии фронта / Ю.Б. Долгополов. – Москва: Воениздат, 1981. – 200 с.
3. Надтачаев, В.Н. Военная контрразведка Беларуси: судьбы, трагедии, победы… / В.Н. Надтачаев. – Минск: Кавалер, 2008. – 416 с.
4. Щит и меч Отечества / КГБ Респ. Беларусь, М-во информ. Респ. Беларусь; под общ. ред. С.Н. Сухоренко. – Минск: Междунар. центр интеграц. информ., Обществ. пресс-центр Дома прессы, 2006. – 340 с.

Нестерович А.А.

ФОРМИРОВАНИЕ ДВИЖЕНИЯ «СВОБОДНАЯ ФРАНЦИЯ» И ЕГО ОТНОШЕНИЯ С СССР В 1941 г.

В мае 1940 г. гитлеровская Германия начала наступление на Западном фронте. В течение нескольких недель Франция была разгромлена. Возглавивший с 16 июня французское правительство маршал А.Ф. Петен обратился к немцам с просьбой о перемирии. 22 июня французский уполномоченный генерал Хюнтцигер подписал Компьенское перемирие, согласно которому вся Франция делилась на оккупированную и не оккупированную зоны. В оккупированную зону входили Северная и Западная части Франции, занимающие 300 тысяч кв. км из общего количества 550 тысяч кв. км ее территории. По условиям перемирия французское правительство должно было демобилизовать и разоружить все свои вооруженные силы, включая военно-морской флот. Правительство Петена, обосновавшееся в маленьком курортном городке Виши, осуществляло власть над южной зоной, формально сохранившей свою независимость [5, с. 52].

5 июня 1940 г. П. Рейно реформировал свой кабинет и включил Ш. де Голля в состав правительства в качестве своего заместителя по министерству национальной обороны. После прихода к власти Петена, де Голь 16 июня покинул Францию, перебрался в Лондон. Из столицы Великобритании 18 июня он обратился по радио ко всем французам, которые находятся на британской территории или могут там оказаться в будущем, призывая их установить с ним контакт для продолжения борьбы против фашистской Германии [1, с. 179]. После подписания капитуляции правительством Петена, де Голь принял меры по установлению власти «Свободной Франции» во французской колониальной империи. В это время генерал идет на контакт со всеми патриотически-настроенными силами за пределами Франции. Де Голль из Лондона руководил деятельностью разрозненных людей и организаций, пытаясь сплотить их вокруг единого центра. Из Франции начались побеги недовольных политикой Петена, и генерал, стремился установить контакты со всеми, кто желал сотрудничать, привлекая их на свою сторону.

Однако после капитуляции французы не прекратили борьбы против захватчиков. Эта борьба вылилась в организацию национального сопротивления гитлеровским оккупантам и вишистским коллаборационистам, вставшим на путь открытого сотрудничества с оккупантами. Но кроме движения Сопротивления внутри страны вне пределов Франции возникло также движение французов, стремившихся к освобождению своей родины от немецких захватчиков. Это движение, получившее название «Свободная Франция», возглавил генерал Ш. де Голль.

Ему удалось проделать колоссальную работу, организаций подобно его в первые месяцы после поражения Франции создавалось десятки, но лишь ему одному удалось создать и взрас-

тить семена будущего французского сопротивления. Французский генерал стремился к известности и расширению поля деятельности. Фактически с первых дней созданию организации покровительствовал У. Черчилль. В течение лета 1940 г. генералу удалось сформировать первые боеспособные французские части на английской земле. Первыми его солдатами стали французские подразделения, эвакуированные из-под Дюнкерка на Британские острова. По договорённости с Черчиллем на территории Англии началось формирование первых частей «Свободной Франции» [1, с. 236]. Такую лояльность Черчилля можно объяснить лишь тем, что Англия осталась один на один с Германией и остро нуждалась в дополнительной военной силе. С помощью примкнувших к нему французских сил и английских войск ему удалось укрепиться в некоторых французских колониях, власти которых заявили о своем разрыве с правительством Петена и о присоединении к движению «Свободная Франция». Де Голль занимался расширением деятельности сети свободных французов в оккупированной Франции, постоянно выступал по радио с призывами сопротивления германской оккупации. Генерал стремится установить связи с французским подпольем, где главную роль играла коммунистическая партия.

До 22 июня 1941 г. никаких отношений между «Свободной Францией» и СССР не существовало. Французское посольство в Москве занимали представители Виши. После нападения Германии на Советский Союз ситуация меняется, Виши разрывает дипломатические отношения с ним, а начавшаяся война способствует поиску союзников. Черчилль стремится использовать нападение Германии на СССР в своих целях, начинает дипломатическую переписку со Сталиным. В летние месяцы 1941 года закладывается основа будущей антигитлеровской коалиции, прежде всего отношений Черчилля и Сталина.

Ш. де Голль, также стремится установить отношения с СССР. Уже 23 июня 1941 года он отправил телеграмму на имя советского посла, в ней говорилось, что французский народ поддерживает русский и желает установления военного сотрудничества. 29 июня произошёл официальный разрыв дипломатических отношений СССР с правительством Виши. Этот факт положительно повлиял на взаимоотношения движения «Свободная Франция» и СССР. Руководитель свободных французов ищет более настойчиво пути сотрудничества с Советским Союзом, говорит об общих задачах, которые предстоит решить и которые не всегда смогут понять и принять во внимание англосаксонские страны. Поэтому, по мнению генерала де Голля, было бы очень важно, если бы Франция и Советский Союз установили прямой контакт. Расширение числа стран, воюющих против Гитлера, даёт возможность де Голлю проводить более независимую политику [1, с. 388]. Черчилль постоянно стремился оказывать влияние на французское движение, поэтому сразу ищет точки пересечения с советской стороной по этому вопросу. Де Голль, со своей стороны, сказал, что вступление СССР в войну является шансом, на который он раньше не надеялся. Конечно, нельзя сейчас точно определить, когда будет достигнута победа, но генерал де Голль выражал безусловную уверенность в том, что немцы, в конце концов, будут разгромлены [4, с. 47].

Советская сторона благожелательно отнеслась к предложению де Голля, хотя официальное установление отношений было отложено до начала осени. Советский Союз в условиях первых месяцев войны пошёл на сближение с западными странами, которые уже два года воевали против Гитлера. После успешных переговоров с Черчиллем пошла череда признаний эмигрантских правительств, находящихся в Лондоне. СССР 26 сентября 1941 г. в письме на имя председателя Национального комитета «Свободной Франции» заявил о признании этой организации на тех же условиях, что и правительство Великобритании и готовности оказать свободным французам всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками. Это был огромный успех для де Голля, его движение делало следующий шаг по пути превращения в правительство в изгнании. Дипломатические контакты его организации с Советским союзом поднимали авторитет всего подпольного движения во Франции. Следующим шагом правительства генерала де Голля была отправка Гарро в СССР как своего официального представителя или как своего связного для постоянного контакта [3, с. 112].

7 декабря СССР принял представителей де Голля. Руководство «Свободной Франции» стремилось наладить отношения с Советским Союзом, о чём не раз упоминалось в беседах французских представителей с советскими дипломатами в Лондоне. Сейчас во Франции только одни коммунисты хорошо организованы. Сторонники де Голля представляют собой толпу без

связи с де Голлем. У них нет даже радиосвязи. Много болтающих, но мало организованных, отмечал Дежан [2, с. 64].

С конца 1941 г. в Лондоне происходят постоянные встречи между советскими и деголевскими представителями. В них, прежде всего обсуждаются вопросы установления связи с французским подпольем и возможности более тесного сотрудничества между «Свободной Францией» и СССР. Это было необходимо для координации борьбы против немцев, как внутри Франции, так и за её пределами. Растущий авторитет де Голля, как возможного руководителя всего французского сопротивления снижал давление на него со стороны Великобритании. Вступление в войну США и формирование антигитлеровской коалиции вынуждали де Голля продолжать сотрудничества с СССР. Советская сторона занимала наиболее благожелательную политику в отношении французского движения. США не шли на установление дипломатических отношений с де Голлем. В беседе, представителя «Свободной Францией» в Лондоне господина Дежана и Богомолова, народного комиссара иностранных дел СССР при союзных правительствах заявил что: де Голль хотел бы установить более тесные отношения с СССР. Он сообщил, что теперь они уже начали регулярную работу по созданию своей организации во Франции, но что пока еще результатов очень мало. Кому-то поручено установить связь с коммунистами. Богомолов отметил, что те большие резервы, которые они потенциально имеют во Франции, использованы ими недостаточно. Движение их стихийно и без организации не даст должного результата. Только на базе широкого демократического и патриотического движения они смогут поднять народ против немцев и спасти Францию. Дежан ответил, что они пытаются это делать, но, по-видимому, им самим не ясно, как это сделать [3, с. 138].

Советская сторона также была заинтересована в отношениях с де Голлем, несмотря на установление отношений с Великобританией и США, их общие интересы в победе над Германией, возрождение сильной Франции не соответствовало целям союзников. СССР в таких условиях пошёл на дипломатическую поддержку «Свободной Франции», если до этого времени переговоры велись через посла СССР в Великобритании Майского, то распоряжением Сталина теперь велись через представителя при союзных правительствах Богомолова, что ёще больше повышало политический статус эмигрантской французской организации.

Литература

1. Голль, Ш. де. Военные мемуары. Призыв 1940–1941 / Ш. де Голль. – Москва: АСТ, 2003. – 814 с.
2. Майский, И.М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. / И.М. Майский. – Москва: Наука, 1971. – 312 с.
3. Письмо посла СССР в Великобритании председателю Национального комитета Свободной Франции 26 сентября 1941 г. // Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы: в 2-х т. – Москва: Политиздат, 1983. – Т. 1. 1941–1943. – 431 с.
4. Антюхина-Московченко, В.И. Шарль де Голль и Советский Союз / В.И. Антюхина-Московченко. – Москва: Книга, 1990. – 270 с.
5. Смирнов, В.П. Франция в XX веке / В.П. Смирнов. – Москва: Дрофа, 2001. – 400 с.

Фридман А.

«ЛЮКСЕМБУРГ БЛАГОДАРИТ СТАЛИНГРАД». СССР И ВЕЛИКОЕ ГЕРЦОГСТВО ЛЮКСЕМБУРГ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В конце августа 1935 г. в советской и люксембургской прессе появились краткие официальные сообщения об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Великим Герцогством Люксембург [2, с. 105; 9]. Для Советского Союза данный шаг стал частью кампании по завоеванию международного признания. Решение люксембургских властей было прежде всего обусловлено напряженным международным положением в Европе после прихода Гитлера к власти в Германии. Присоединение соседней с Люксембургом Саарской области к «третьему рейху» в 1935 г. усилило опасения правительства Великого Герцогства. Не последнюю роль сыграл по всей видимости и пример Бельгии (ключевого партнера Люксембурга), установившей в июле 1935 г. дипломатические отношения с СССР. Кадровый дипломат Е.В. Рубинин, назначенный 2 ноября 1935 г. на должность полномочного представителя Советского Союза в Бельгии, представлял с 21 сентября 1936 г. по совместительству интересы СССР в Люксембурге и содействовал развитию дипломатических и торговых отношений между двумя странами во второй половине 1930-х гг. [2, с. 105].

Дипломатические отношения между СССР и Люксембургом были прерваны после оккупации Великого Герцогства Германией в мае 1940 г. В середине мая 1940 г. в советской печати публиковались сообщения о германском вторжении в «индустриально развитый» Люксембург и об оккупационном режиме в этой стране. Отмечалось, в частности, что Великое Герцогство не оказало сопротивления Германии, сдавшись на милость победителя, которому потребовались ровно одни сутки для занятия нейтрального государства. Советские читатели узнали, что великая герцогиня Шарлотта и ее правительство бежали вместе с архивом и золотым запасом Люксембурга в Бельгию, Францию, Португалию, а затем в Лондон [11].

В первой части данной статьи будут кратко охарактеризованы германская оккупационная политика в Люксембурге и ее особенности. Малоизученные в советской, российской и западной историографии отношения между СССР и Люксембургом во время Второй Мировой войны будут проанализированы во второй части статьи.

Германский оккупационный режим в Люксембурге. После оккупации Люксембург был включен в состав «третьего рейха». Население Великого Герцогства подверглось насильственной германизации. Использование французского языка (родного для значительной части люксембуржцев) было запрещено, политические партии и парламент распущены, в прессе была введена строжайшая цензура. Противники нацизма были смещены со своих постов, депортированы из Люксембурга или отправлены в концентрационные лагеря. На территории Великого Герцогства начали действовать немецкие законы, в том числе и расовые «нюрнбергские законы». Еврейские беженцы из Саарской области, перебравшиеся в Люксембург в 1935 г., и другие евреи, не сумевшие своевременно покинуть Великое Герцогство, подверглись дискриминации, преследованию и физическому уничтожению. Жертвами Холокоста стали 1.495 люксембургских евреев [3]. 18 декабря 1942 г. представители Люксембурга подписали совместную декларацию правительств Великобритании, США, СССР, а также правительств оккупированных европейских стран в изгнании о проводимом нацистами целенаправленном истреблении еврейского населения в Европе [2, с. 68–69]. Во время войны в Люксембург были пригнаны советские военнопленные и принудительные рабочие из СССР и других стран Восточной Европы.

Германское вторжение и оккупация были восприняты в Люксембурге неоднозначно: Люксембургские коллаборационисты приветствовали «новый нацистский порядок» и приняли активное участие в его установлении. Однако уже в 1940 г. в стране возникло антифашистское движение сопротивления, поддерживавшее отношения с лондонским правительством Люксембурга. Значительную роль в антифашистском сопротивлении сыграли люксембургские коммунисты. Большая часть населения ограничилась в годы оккупации пассивным осторожным сопротивлением германским властям. Объявленный 30 августа 1942 г. призыв молодежи 1920–1927 годов рождения на трудовую и военную службу значительно усилил и без того сильные антигерманские настроения в Люксембурге и спровоцировал всеобщую забастовку, жестоко подавленную оккупантами и ставшую символом антифашистского сопротивления люксембургского народа. После подавления забастовки в Люксембурге было объявленно военное положение и организованы военно-полевые суды. По стране прокатилась волна арестов и депортаций в концлагеря и восточные регионы Германии. В сентябре 1944 г. Великое Герцогство (северная часть повторно в январе 1945 г.) было освобождено американской армией. По подсчетам люксембургских историков потери Великого Герцогства в войне составили около 4.400 человек (примерно 1,5% всего населения страны) [3; 4; 5; 8].

Великая герцогиня и «великий вождь». После оккупации в мае 1940 г. Люксембург постепенно исчез из поля зрения советской пропаганды [11]. После нападения Германии на СССР и форсирования создания антигитлеровской коалиции Советский Союз установил отношения с лондонскими правительствами оккупированных нацистами стран Европы. В их числе было и правительство Великого Герцогства Люксембург во главе с Пьером Дюпоном. Ввиду резкого ужесточения оккупационного режима и отправки молодых люксембуржцев в составе германского вермахта на восточный фронт великая герцогиня Шарлотта и правительство Дюпона были кровно заинтересованы в установлении дружественных отношений с СССР. Первый шаг в этом направлении был сделан в начале ноября 1942 г.: советский дипломат А.Е. Богомолов стал черезвычайным и полномочным послом Советского Союза при правительстве Люксембурга в Лондоне. Защиту интересов Люксембурга в СССР взял на себя бельгийский посол Роберт Ван де Керков д'Аллебаст [2, с. 67–68].

В последующие годы министр иностранных дел Люксембурга Жозеф Беш, люксембургский посланник в Москве Рене Блюм, премьер-министр Дюпон и лично великая герцогиня Шарлотта приложили значительные усилия, дабы завоевать симпатию Кремля и прежде всего И.В. Сталина. В своей переписке с советскими руководителями люксембургские официальные лица подчеркивали трагическую судьбу своей маленькой нейтральной страны, ставшей жертвой вероломного могучего фашистского агрессора, акцентировали внимание на антифашистских настроениях населения Люксембурга, выражали надежду на скорое избавление от «ненавистного ига», желали СССР скорейшей победы над врагом и не переставали восхищаться «славной русской армией», «великой», «героической» и «победоносной» советской страной и ее «прославленным вождем» Сталиным. Отмечалось, что население Люксембурга с глубокой симпатией относится к советским военнопленным и принудительным рабочим, пригнанным в страну немцами. В лице Российской Империи, сыгравшей значительную дипломатическую роль в мирномиразрешени т.н. «люксембургского кризиса» (противостояния между Пруссией и Францией в 1867 г. [7]) и обретении Великим Герцогством независимости, и в первую очередь в лице СССР люксембургские политики видели решительного поборника самостоятельности Люксембурга [2, с. 69–76, 78, 82; 1]

В 1943 г. правительство Люксембурга призвало люксембугских солдат германской армии сложить оружие и перейти на сторону советских «союзников» и «друзей». О случаях дезертирства среди люксембуржцев сообщала и советская печать [2, с. 70–71]. Начиная с 1943 г. великая герцогиня Шарлотта и другие официальные лица регулярно затрагивали в переписке с советским руководством вопрос о судьбе военнопленных люксембуржцев и их возможной репатриации на родину после освобождения Великого Герцогства. Люксембургская сторона стремилась при этом убедить Москву в насильственном характере призыва люксембуржцев на службу в вермахт [2, с. 74–77, 112]. 11 апреля 1945 г. великая герцогиня Шарлотта обратилась лично к председателю президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину с просьбой об освобождении и репатриации около двух тысяч люксембуржцев [2, с. 81–82]. Просьба герцогини была удовлетворена. 29 сентября 1945 г. Калинин уведомил Шарлотту об отправке 1.309 люксембуржцев на родину. Еще 820 человек должны были покинуть СССР в ближайшее время [2, с. 83].

«Слава и признательность Советскому Союзу». После окончания Второй Мировой войны по всей Европе наблюдался всплеск благодарности, интереса и симпатии к Советскому Союзу, внесшему ценой огромных потерь решающий вклад в разгром нацистской Германии и освобождение Европы от фашистского господства. Не стал исключением и Люксембург. Памятуя об опыте Второй Мировой войны и стремясь укрепить свое международное положение, люксембургские власти хотя и проявили себя решительными сторонниками интеграционных процессов в Западной Европе и взяли курс на интеграцию в Организацию Североатлантического договора, но не отказались, невзирая на начало «холодной войны», от укрепления особых дружественных отношений с СССР. Еще в начале 1945 г. управление почт Великого Герцогства выпустило серию почтовых «марок освобождения», среди которых была и именная марка «Слава СССР» – «Слава и признательность Советскому Союзу». 25 апреля 1945 г. люксембургский посол Рене Блюм передал серию «марок освобождения» главе советского правительства В.М. Молотову [2, с. 78, 114; 12]. 21 февраля 1948 г. руководство армии Люксембурга поздравило «выдающегося руководителя» Красной Армии Сталина с годовщиной создания советских вооруженных сил [2, с. 89; 13]. Год спустя правительство Великого Герцогства преподнесло в дар СССР шахматный столик с надписью «Люксембург благодарит Сталинград» [2, с. 114]. В 1957 г. в Эш-сюр-Альзетте (втором по величине городе Люксембурга) был воздвигнут монумент в память о советских военнопленных и гасторбайтерах.

Во второй половине 1940-х гг. русский язык, история и география России и СССР заняли достойное место в программах школ и других учебных заведений Великого Герцогства [2, с. 79–80]. Спортивное, торговое, культурное и научное сотрудничество между двумя странами вышло на качественно новый уровень, а в 1949 г. в Люксембурге широко отмечалось 150-летие со дня рождения А.С. Пушкина [2, с. 84–91].

В краткой исторической справке о развитии советско-люксембургских отношений посольство Российской Федерации в Великом Герцогстве справедливо указывает, что «Россия стояла в середине XIX века у истоков государственности Люксембурга, была одним из гарантов границ Великого Герцогства и его нейтралитета. Представительство России подчеркивает,

что дипломатические отношения между Люксембургом и СССР были установлены в 1935 году, прерваны войной и возобновлены в 1946 году» [6]. Военная эпоха, ставшая тяжелым испытанием для народа Люксембурга и заложившая фундамент развития сотрудничества между двумя странами после 1945 г. остается таким образом без внимания. Прагматичная позиция люксембургской дипломатии, не гнушавшейся для спасения своих граждан подобострастным заискиванием перед могущественным Советским Союзом и его руководством, позволила правительству Люксембурга добиться быстрого освобождения и репатриации военнопленных люксембургского происхождения на родину.

Литература

1. Blum, René. Die Russisch-Sowjetisch-Luxemburgische Freundschaft im Laufe der Geschichte / René Blum. – Luxemburg: Verlag "Luxembourg-URSS", 1957. – 38 s.
2. СССР – Люксембург: страницы истории, 1867–1984 гг.: документы и материалы / ред. А.А. Громыко [и др.]. – Москва: Политиздат, 1985. – 271 с.
3. Luxembourg [Electronic resource]. – Mode of access: http://www. yadvashem.org/yv/en/exhibitions/this_month/resources/luxembourg.asp. – Date of access: 15.03.2014.
4. Volkmann, Hans-Erich. Luxemburg im Zeichen des Hakenkreuzes. Eine politische Wirtschaftsgeschichte 1933 bis 1944 / Hans-Erich Volkmann. – Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh Verlag, 2010. – 582 s.
5. Wallerang, Mathias. Luxemburg unter nationalsozialistischer Besatzung. Luxemburger berichten / Mathias Wallerang. – Mainz: Gesellschaft für Volkskunde Rheinland-Pfalz, 1997. – 297 s.
6. Сайт посольства Российской Федерации в Великом Герцогстве Люксембург [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ambruslu.com/dvustoronnie-otnosheniya. – Дата доступа: 15.03.2014.
7. Шнеерсон, Л.М. В предверии франко-прусской войны: франко-германский конфликт из-за Люксембурга / Л.М. Шнеерсон. – Минск: Изд-во БГУ, 1969. – 187 с.
8. Erinnerung an die Opfer des Zweiten Weltkriegs. "Journée de la commémoration" in vielen Ortschaften des Landes // wort.lu [Electronic resource]. – 11.10.2013. – Mode of access: http://www.wort.lu/de/view/ erinnerung-an-die-opfer-des-zweiten-weltkriegs. – Date of access: 15.03.2014.
9. ТАСС: СССР и Люксембург // Правда. – 1935. – 27 августа. – С. 5; СССР и Люксембург // Восточно-Сибирская правда. – 1935. – 28 августа. – С. 2; ТАСС: Обмен письмами об установлении нормальных дипломатических отношений между Герцогством Люксембург и СССР // Советский Сахалин. – 1935. – 1 сентября. – С. 3.
10. ТАСС: Прибытие правительства Люксембурга в Бельгию. Меморандум германского правительства Люксембургу. Люксембург. Справка // Правда. – 1940. – 11 мая. – С. 4; ТАСС: Занятие Люксембурга // Правда. – 1940. – 12 мая. – С. 5; ТАСС: Германские войска перешли границы Голландии, Бельгии и Люксембурга. Бегство правительства Люксембурга // Советская Сибирь. – 1940. – 11 мая. – С. 4; ТАСС: Меморандум германского правительства Люксембургу // Советская Сибирь. – 1940. – 12 мая. – С. 4; ТАСС: Германские войска перешли границы Голландии, Бельгии и Люксембурга. Меморандумы германского правительсва // Восточно-Сибирская правда. – 1940. – 12 мая. – С. 1; ТАСС: Прибытие герцогини люксембургской во Францию. Бельгия, Голландия и великое герцогство Люксембург. Справка // Восточно-Сибирская правда. – 1940. – 14 мая. – С. 3.
11. Положение в Люксембурге // Известия. – 1940. – 23 августа. – С. 2.
12. Палецкис Ю. Пять дней в Люксембурге / Ю. Палецкис // Новое время. – 1956. – № 31. – С. 12–13.

Рубо О.П.

ИТОГИ КАИРСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1943 ГОДА

В 1943 г. положение на Тихом океане стабилизировалось. Япония перешла к закреплению своих стратегических позиций и накоплению сил. Союзники также закрепились на новых позициях. Несмотря на то, что американские войска в феврале 1943 г. вынудили японцев эвакуировать остров Гуадалканал (Соломоновы острова) и затем начали теснить их на Новой Гвинее, эти сражения решающего значения не имели. Положение на Азиатском материке все еще было неблагоприятным для союзников. Япония изолировала Китай от моря и готовилась к проведению операций, которые позволили бы ей контролировать страну. Связь с Китаем союзники поддерживали лишь по воздуху из Индии через Гималаи. К тому же, Чан Кай-ши не хотел воевать с Японией и готовился к сражению против коммунистических китайских армий. Американцы и англичане опасались, что гоминдановский Китай может капитулировать перед Японией. Союзники понимали, что Китаю необходимо оказать помощь [1, с. 456–457].

22–26 ноября 1943 г. Рузвельт, Черчилль и Чан Кай-ши встретились на конференции в Каире. Расхождения между англичанами и американцами начались с процедурных вопросов. Черчилль и его советники были недовольны, что Рузвельт пригласил Чан Кай-ши прибыть на конференцию до того, как англичане и американцы договорились по основным вопросам. Английская дипломатия всегда стремилась сталкивать своих партнеров друг с другом и старалась, сепаратно сговориться с одним из них с тем, чтобы затем навязать результаты такого сговора третьему партнеру [1, с. 457].

Решения Каирской конференции касались военно-стратегических и политических проблем на Дальнем Востоке. Американская сторона предложила план наступательной операции из Индии через Бирму в направлении Китая. В Северной Бирме планировалось крупное наступление китайских, английских и американских войск, которое должно было освободить Бирму от японцев и восстановить сухопутные коммуникации с Китаем [1, с. 457–458].

Однако Черчилля это не устраивало, так как не хотел допустить, чтобы английскую колонию Бирму отвоевали американцы и китайцы. Национально-освободительное движение в Бирме вынудило английское правительство в 1940 г. обещать ей в будущем независимость и статут доминиона. Тот факт, что японцы вышибли англичан, не способствовал росту престижа Англии у народов Бирмы. Черчилль понимал, что если освободят Бирму от японцев не сами англичане, а американцы и китайцы, то это затруднит восстановление в стране колониальных порядков Англии. Стратегия Черчилля объяснялась в первую очередь этими политическими мотивами. Он полагал, что разгром Японии должен быть осуществлен силам военно-морских флотов, которые должны перерезать коммуникации японцев и блокадой вынудить Японию капитулировать [1, с. 457–458].

Учитывая тот факт, что Япония прочно опиралась в военном отношении на континент, эта стратегия была неосуществимой [1, с. 458]. И американцы это понимали. Они считали, что невозможно одержать победу, пока японские армии в Китае, Индокитае, Малайе, Бирме и Филиппинах способны действовать самостоятельно на протяжении долгого времени, даже если они будут отрезаны от Японии [3, p. 773].

Поэтому, чтобы разбить Японию, союзникам требовалась сухопутная армия, способная нанести поражение японским войскам на Азиатском материке. Такую армию должен был предоставить Китай. Но Рузвельт и его советники понимали, хотя и не до конца, слабость гоминдановского Китая и надеялись на помощь СССР в войне против Японии. В итоге позиция Рузвельта победила. Американцы и англичане пообещали Чан Кай-ши сухопутную операцию в Северной Бирме и десантную операцию к югу от нее [1, с. 458–459]. Поэтому, когда генерал Чан Кай-ши и его жена отправились 28 ноября в Чунцин, они питали большие надежды, что их требования, наконец, будут выполнены и что союзники предпримут для этого необходимые меры. И это будут не просто слова [3, p. 774].

Однако Черчилль не собирался выполнять эту договоренность, и вскоре ход событий ему помог в этом. Из Каира Рузвельт и Черчилль направились на Тегеранскую конференцию, где выяснилось, что СССР готов оказать союзникам помощь в войне против Японии. Это, как утверждал Черчилль, «изменило всю стратегическую картину», и соответственно отпала необходимость в осуществлении операций, о которых договорились в Каире. Рузвельт уступил на этот раз Черчиллю. Он опасался, что если Чан Кай-ши узнает, что каирские решения не будут выполнены, то может заключить соглашение с японцами. В то же время американский президент понимал, что раз англичане не хотят давать силы для десантной операции южнее Бирмы, то они их и не дадут. Рузвельт не желал идти на конфликт с Черчиллем по этому вопросу. Соответственно, принятый на Каирской конференции стратегический план просуществовал лишь десять дней [1, с. 459].

Обсуждение стратегии для Дальнего Востока на конференции в Каире продемонстрировало серьезные разногласия между союзниками в этом регионе. Шервурд этой связи писал, что «в Юго-Восточной Азии англичане и американцы вели две разные войны и имели различные цели, а гоминдановское правительство Китая вело третью войну, преследуя в первую очередь свои собственные интересы» [3, p. 773].

На Каирской конференции была выработана заключительная декларация, принятая Англией, США и Китаем. Декларация гласила: «Три великих союзника ведут эту войну, чтобы остановить и покарать агрессию Японии. Они не стремятся ни к каким завоеваниям для самих себя и не имеют никаких помыслов о территориальной экспансии. Их цель заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала первой мировой войны 1914 г., и в том, чтобы все территории, которые Японии отторгла у китайцев, как например, Маньчжурия, Фомоза и Пескадорские острова были возвращены Китайской республике. Япония будет также изгнана со всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности» [2].

Таким образом, США и Англия, упорно настаивавшие, когда дело касалось Советского Союза, что решение территориальных вопросов необходимо отложить до мирной конференции, в Каире приняли важное решение относительно Дальнего Востока. Эта непосредственность объяснялась необходимостью лишить правительство Чан Кай-ши возможности заключить сепаратный мир с Японией. К тому же, обещание вернуть Китаю Тайвань и другие территории должно было поощрять его желание внести свой вклад в дело обеспечения победы на Дальнем Востоке. Рузвельт с помощью Каирской декларации желал поднять Китай до ранга великой державы. Кроме того, в конце 1943 г., когда роль СССР в войне и в послевоенном мире уже в известной степени определилась, сравнительно сильный Китай был нужен США не только как орудие на Дальнем Востоке, но и в качестве американского и английского союзника против СССР [1, с. 460].

Инициатором подписания декларации выступил Рузвельт, Черчилль отнесся к ней критически. Английский премьер с недовольством относился ко всему, что способствовало возведению Китая в ранг великой державы. Он не без оснований полагал, что США используют Китай и против английских интересов на Дальнем Востоке. К тому же, еще не став реально великой державой, Китай во главе с генералом Чан Кай-ши заранее заявлял о своих экспансионистских намерениях, причем эти намерения касались и Британской империи [1, с. 460].

Китайское правительство критиковало действия англичан в Индии. Жена Чан Кай-ши, принимавшая активное участие в государственных делах гоминдановского Китая, проявляла усердие по этому вопросу во время своего визита в США в 1943 г. В марте 1943 г. Чан Кай-ши опубликовал книгу «судьба Китая», в которой прослеживалась изрядная доза критики в адрес Англии. Не осталось незамеченным в Лондоне и то, что министерство информации Китая в июле 1943 г. опубликовало карту, на которой вся территория Северной Бирмы, т.е. английской колонии, была показана как китайская территория [1, с. 461].

Постепенно активность в дипломатических отношениях между Англией и Китаем снизилась, и с конца 1943 г. США начали выступать от имени союзников в переговорах с Китаем [1, с. 461].

Литература

1. Трухановский, В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939–1945) / В.Г. Трухановский. – Москва: Наука, 1965. – 638 с.
2. Foreign relations of the United States diplomatic papers, The Conferences at Cairo and Tehran, 1943 // United States Department of State [Electronic resource]. – Mode of access: http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1943CairoTehran/reference/frus.frus1943cairotehran.i0011.pdf. – Date of access: 27.02.2014.
3. Sherwood, R.E. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History/ R. E. Sherwood. – New York: Harper & Brothers, 1950. – 1002 p.

Ермаковіч Л.І.

КРЫМСКАЯ (ЯЛЦІНСКАЯ) КАНФЕРЭНЦЫЯ Ў ЛЁСЕ ПАСЛЯВАЕННАЙ ЕЎРОПЫ

Напярэдадні завяршальных удараў узброеных сіл Аб'яднаных Нацый па фашысцкай Германіі кіраўнікі ўрадаў Савецкага Саюза, Вялікабрытаніі і Злучаных Штатаў Амерыкі сустрэліся ў Ялце. У канферэнцыі, якая працягвалася з 4 па 11 лютага 1945 года, прынялі ўдзел Старшыня Савета Народных Камісараў СССР І. Сталін, прэм'ер-міністр Вялікабрытаніі У. Чэрчыль і прэзідэнт ЗША Ф. Рузвельт.

Сама думка аб чарговай сустрэчы кіраўнікоў "вялікай тройкі", як можна меркаваць з гістарычных крыніц, першапачаткова ўзнікла ў кіраўнікоў Вялікабрытаніі і ЗША і была прапанавана імі І. Сталіну ў ліпені 1944 года [2, с. 288]. Гэта быў час, калі Чырвоная Армія вяла трыумфальнае наступленне на савецка-германскім фронце, вынікамі якога сталі ўжо амаль поўнае вызваленне савецкай тэрыторыі і пачатак вызвалення краін Усходняй Еўропы.

Зразумела, што час прапанаванай сустрэчы быў абраны невыпадкова. У. Чэрчыль і Ф. Рузвельт добра разумелі, што канчатковы разгром фашысцкай Германіі непазбежны і што з гэтай задачай Чырвоная Армія ў стане справіцца самастойна. Таму іх хвалявалі як лёс вызваленых савецкімі войскамі усходнеўрапейскіх краін, так і сферы іх уплыву ў пасляваеннай Еўропе, якія ў значнай ступені залежалі ад лёсу гэтых краін. Натуральна, што І. Сталіну на дадзеным этапе ва ўмовах катастрафічных паражэнняў германскай арміі такая сустрэча была непатрэбна. Таму ён ад яе адмовіўся, спаслаўшыся на тое, што "в данное время, когда советские армии ве-

дут бои по такому широкому фронту, все более развивая свое наступление, я лишен возможности выехать из Советского Союза и оставить руководство армиями даже на самое короткое время" [2, с. 291].

Лідэры Вялікабрытаніі і ЗША працягвалі настойваць на правядзенні сумеснай сустрэчы з І. Сталіным. Напрыканцы верасня 1944 года яны прапанавалі яму сустрэцца ў Гаазе. Аднак і на гэты раз І. Сталін знайшоў падставу, каб адмовіцца ад сустрэчы. У пісьме У. Чэрчылю ад 4 кастрычніка 1944 года ён адзначыў: "Конечно, у меня имеется большое желание встретиться с Вами и Президентом. Я придаю этому большое значение с точки зрения интересов нашего общего дела. Однако в отношении себя я вынужден сделать оговорку: врачи не советуют мне предпринимать большие поездки. На известный период мне придется с этим считаться» [2, с. 307].

Мяркуем, што У. Чэрчылю і Ф. Рузвельту вельмі добра былі зразумелыя сапраўдныя прычыны адмовы савецкага лідэра ад сустрэчы, бо на ёй абавязкова былі б акрэслены палітычныя рамкі паводзін яе удзельнікаў у вызваляемай Еўропе, што, натуральна, І. Сталіну было непатрэбна, які ўжо адчуваў сябе пераможцам у вайне. І толькі тады, калі лёс Германіі ўжо вызначыўся – Чывоная Армія заняла ўсходнееўрапейскія краіны – Польшчу, Румынію, Венгрыю, Балгарыю, І. Сталін пагадзіўся на сустрэчу з кіраўнікамі Вялікабрытаніі і ЗША, якая, прынамсі, адбылася на тэрыторыі СССР.

Такім чынам, да пачатку Крымскай канферэнцыі капітуляцыя Германіі была пытаннем некалькіх месяцаў, у той час, як сітуацыя з Японіяй у палітычнага кіраўніцтва ЗША яшчэ да канца не была высветленай. Начальнікі штабоў амерыканскіх узброеных сіл паведамлялі свайму прэзідэнту, што без удзелу Савецкага Саюза вайна супраць Японіі аднымі амерыканскімі сіламі будзе працягвацца не меней 18 месяцаў, гэта значыць да сярэдзіны 1946 года [1, с. 219]. Да гэтага часу амерыканцы вызвалялі краіны і абтокі, якія былі акупіраваны японцамі ў Азіі і на Ціхім акіяні, і неслі пры гэтым вялікія страты. Цяпер на чарзе стаяла высадка ў самой Японіі, якая, на думку амерыканскіх стратэгаў, будзе каштаваць сотняў тысяч жыццяў амерыканскіх салдат. Як высветлілася апасля, гэтыя разлікі аказаліся памылковымі, паколькі Японія знаходзілася на зыходзе сіл, нават без выкарыстання амерыканскіх атамных бомбаў. Верагодна, што амерыканскі прэзідэнт, добра ведаючы зацятасць японцаў у вайне на Ціхім акіяне, і баючыся вялікіх страт амерыканскай арміі пры высадцы ў Японіі, разлічваў схіліць І. Сталіна да ўдзелу ў вайне супраць Японіі [1, с. 220]. Да таго ж прэзідэнт, верагодна, улічваў, што ў адрозненне ад заходняй стратэгіі максімальна эканоміць жыццё салдат, стратэгія І. Сталіна і яго генералаў была заснавана на масіраваным і безаглядным выдаткаванні салдацкіх жыццяў.

Са свайго боку У. Чэрчылю было надзвычай важна на зыходзе Другой Сусветнай вайны выратаваць Брытанскую імперыю ад распаду, калі не ў сяброўстве з І. Сталіным, то хоць бы пры нейтралітэце з яго боку [1, с. 220].

Якраз вышэйакрэсленыя абставіны спрычыніліся да тых рашэняў, якія былі прыняты лідэрамі "вялікай тройкі" на Крымскай канферэнцыі. Гэтыя рашэнні можна вызначыць як трыумф савецкай знешняй палітыкі. Падставамі для такой высновы з'яўляюцца:

1. Удзельнікі канферэнцыі ў Ялце дамовіліся аб пасляваенным лёсе ўсходнееўрапейскіх народаў, якія, як дэкларавалася, створаць у сябе дэмакратычныя рэжымы пры свабодных тайных выбарах. У сувязі з гэтым падкрэслівалася, што ўрады СССР, ЗША і Вялікабрытаніі будуць дапамагаць усходнееўрапейскім народам ствараць часовыя органы ўлады, якія будуць прадстаўляць усе дэмакратычныя элементы насельніцтва і якія ў бліжэйшы час шляхам свабодных выбараў утвораць урады, адпавядаючыя волі народаў. Такія абяцанні "дэмакрат" І. Сталін даў і ў адносінах да ўсіх яшчэ невызваленых краін Усходняй Еўропы. Аднак Чырвоная Армія, уступаючы ва Усходнюю Еўропу, ужо везла ў сваім абозе камуністычных кіраўнікоў для кожнай вызваленай краіны – усіх гэтых дзімітравых, готвальдаў, ракашы, ульбрыхтаў, – якія неадкладна прыступалі да саветызацыі сваіх краін і народаў.

Такім чынам, галоўнае пытанне Крымскай канферэнцыі – пасляваенны лёс усходнееўрапейскіх народаў – фармальна вырашалася у дэмакратычным духу, шляхам волевыяўлення саміх народаў, аднак без вызначэння рэальных механізмаў уздзеяння ЗША і Вялікабрытаніі на вырашэнне гэтага пытання.

2. У адпаведнасці з крамлёўскімі інтарэсамі на канферэнцыі было вырашана і пытанне аб лёсе Польшчы. Калі гаварыць больш дакладна, то яно было вырашана на карысць Масквы

яшчэ задоўга да Крымскай канферэнцыі. Калі ў ліпені 1994 года Чырвоная Армія наблізілася да межаў Польшчы У. Чэрчыль і Ф. Рузвельт звярнуліся да І. Сталіна з просьбай не вырашаць палітычную будучыню Польшчы ў аднабаковым парадку, без уліку падыходаў усіх польскіх дэмакратычных сіл, у тым ліку без удзелу польскага ўрада ў эміграцыі (у Лондане), на што была дадзена згода. І. Сталін тады заявіў, што савецкі ўрад імкнецца "видеть Польшу сильной, независимой, демократической, а советско-польские отношения – добрососедскими и основанными на прочной дружбе» [3, с. 156]. Аднак палітычнае кіраўніцтва СССР неўзабаве зрабіла стаўку на прасавецкія сілы ў Польшчы, якія групаваліся вакол Польскага Камітэту Нацыянальнага Вызвалення і адмовілася ад супрацоўніцтва з польскім урадам у Лондане начале з Мікалайчыкам.

На просьбу Ф. Рузвельта да І. Сталіна не прызнаваць створаны напрыканцы снежня 1944 года ў Любліне Часовы ўрад Польшчы, які быў складзены з аднародных (прасавецкіх) палітычных сіл, І. Сталін даў Ф. Рузвельту наступны адказ: "Дело в том, что 27 декабря Президиум Верховного Совета СССР на соответствующий запрос поляков уже сообщил, что он намерен признать Временное Правительство Польши, как только оно будет сформировано. Это обстоятельство делает меня бессильным выполнить Ваше пожелание» [3, с. 195]. Згода І. Сталіна на Крымскай канферэнцыі ўключыць у склад Часовага польскага ўраду дэмакратычных дзеячаў з самой Польшчы, а таксама з-за яе межаў, па-сутнасці нічога не змяняла ў палітычнай афарбоўцы гэтага ўраду і не змяншала магчымасці савецкага кіраўніцтва яго кантраляваць.

Неабходна таксама зазначыць, што да пачатку Крымскай канферэнцыі былі ўжо вызначаны і тэрытарыяльныя межы польскай дзяржавы, якія на Ўсходзе абмяжоўваліся так званай "лініяй Керзана", вызначанайу якасці савецка-польскай мяжы Вярхоўнай радай Антанты ў 1919 годзе. Такое рашэнне поўнасцю задаволіла савецкае кіраўніцтва, бо ў сферу ўплыву СССР траплялі Заходняя Беларусь, Заходняя Украіна і Літва.

3. Задаволілі савецкае кіраўніцтва і вызначаныя Крымскай канферэнцыяй падыходы да вырашэння германскага пытання.

Завяршылася Крымская канферэнцыя прыняццем яе ўдзельнікамі Дэкларацыі аб вызваленай Еўропе, якая падцвярджала права ўсіх народаў свабодна выбіраць форму праўлення і ствараць дэмакратычныя ўстановы па іх уласнаму выбару. Савецкі Саюз, Вялікабрытанія і ЗША абавязаліся аказваць у гэтым дапамогу вызваленым народам.

З пункту гледжання пасляваеннай будучыні Еўропы Крымская канферэнцыя была запозненай спробай заходніх саюзнікаў выратаваць усходнееўрапейскія краіны ад савецкага занявольвання. На самой справе атрымалася міжвольная санкцыя заходніх краін на падзел Еўропы, якая ў многім была прадвызначана тагачаснымі палітычнымі і ваеннымі інтарэсамі гэтых краін, аб якіх гаварылася вышэй. Гэты падзел прадвызначыў лёс кантынента да канца 1980-х гадоў, калі ў выніку заканчэння "халоднай вайны", аб'яднання Германіі і дэмакратычных рэвалюцый ва Ўсходняй Еўропе было скончана з ялцінска-патсдамскай сістэмай пасляваенага ўладкавання Еўропы.

Літаратура

1. Авторханов, А. Империя Кремля / А. Авторханов // Prometeus-Verlag, Postfach. 1746. – D. 8100 Garmisch-Partenkirchen. Federal Republik of Germany, 1988. – 425 с.
2. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. – 2-е изд. – Москва: Политиздат, 1976. – Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К.Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). – 472 с.
3. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. – 2-е изд. – Москва: Политиздат, 1976. – Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). – 327 с.

Кульчицкая Е.В.

ВО ИМЯ МИРА И ПРОГРЕССА. УКРАИНСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА КОНФЕРЕНЦИИ В САН-ФРАНЦИСКО

На современном этапе одной из важнейших проблем мирового сообщества остается проблема укрепления международного мира и безопасности. И сегодня ко многим политикам и дипломатам должно прийти осознание того, что именно мирное сосуществование народов различных государств должно лежать в основе внешнеполитических отношений. В свое время миллионные жертвы времен Второй мировой войны и желание народов жить в мире объедини-

ли многие страны с целью создания международной организации, которая бы обеспечила развитие международного сотрудничества по охране и укреплению всеобщего мира и предовращения новых войн. Такая задача возлагалась на Организацию Объединенных Наций, основные принципы функционирования которой разрабатывались и утверждались на конференции в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.).

Данной проблеме в советкий период посвящалось значительное кооличество трудов и публикаций, среди которых можно выделить работы С.Б. Крылова [7] и А.А. Рощина [8]. Несмотря на ценный фактологичекий материал, основной акцент в этих работах сосредотачивался на участии в конференции делегации СССР, а деятельность представителей бывших союзных республик, УССР и БССР, освещалась вскользь.

Несколько позже белорусский исследователь А.Е. Гуринович [2] и украинские ученые С.В. Виднянский и А.Ю. Мартынов [1] показали причины, по которым Украинскую ССР и Белорусскую ССР пригласили на конференцию в качестве первоначальных членов-учредителей. Ценность этих работ заключается в том, что в них представлена не только общая обстановка, царящая на конференции в Сан-Франциско, но и рассмотрены шаги, предпринятые представителями дипломатии, которые заложили фундамент для работы в ООН многих независимых государств.

В то же время следует отметить, что ряд вопросов, связанных с деятельностью УССР в ООН, в момент ее образования, не исследован еще полностью. В связи с этим, автор поставила своей целью внести определенные дополнения, позволяющие расширить представление о пребывании украинской делегации и об ее практической деятельности на конференции в Сан-Франциско.

Вопрос об участии УССР в этой конференции был рассмотрен на совете “трех” в Ялте. После чего, молодой аппарат НКИД УССР начал вести тщательную подготовительную работу по сбору необходимых материалов, составлению справок, меморандума, обращения к участникам конференции. В то же время, в иностранной прессе наблюдалась большая дискуссия – допускать или не допускать Украину и Беларусь на конференцию в качестве членов-основателей будущей международной Организации Объединенных Наций.

Конференция в Сан-Франциско открылась в исторический день 25 апреля 1945 г., когда войска 1-го Украинского фронта соединились в Германии в районе г. Торгау с союзными американскими и английскими войсками.

27 апреля 1945 г. на заседании глав делегаций В.М. Молотов выступил с предложением о приглашении Украины и Беларуси на конференцию, передав при этом меморандумы обоих республик, в которых они обращались к представителям конференции с просьбой об участии в ее работе.

В.М. Молотов сослался на договор трех великих держав по этому вопросу, подчеркнул роль обеих республик и их вклад в разгром фашизма. Исполнительный комитет в составе представителей Австралии, Бразилии, Канады, Чили, Китая, Чехословакии, Франции, Ирана, Мексики, Нидерландов, Великоблитании, США и Югославии на своем заседании 30 апреля 1945 г. единогласно высказался за приглашение Украины и Беларуси на конференцию [10, л. 13].

Отметим, что своевременно были подготовлены все необходимые материалы и сформирована делегация, но она никуда из Киева не выезжала до официального приглашения со стороны руководства конференции.

Несмотря на некоторые ухищрения со стороны представителей отдельных государств, требования УССР об участии делегации в конференции были удовлетворены.

Накануне празднования 1 Мая Украина получила официальное приглашение на конференцию, и украинская делегация срочно стала готовиться к отлету из Киева.

1 Мая украинскую делегацию празднично провожали с аэродрома на конференцию в Сан-Франциско. В 9.30 самолет взлетел и взял курс на Москву. Открывшиеся с высоты полета руины советских городов и сел, нацеливали украинских представителей на необходимость плодотворной работы – создания эффективной международной организации по предотвращению войны в будущем.

Следует отметить, что полет был длительным и трудным из-за сложных метеоусловий и необходимости совершать несколько остановок для дозаправки самолета горючим в Омске, Новосибирске, Красноярске, Якутске, Фербенксе и Эдмонтоне. Однако, 6 мая 1945 г. украинская делегация благополучно прибыла в Сан-Франциско.

Все пленарные заседания конференции проходили в здании оперы “Хауз”, в зале которой размещалось приблизительно 3,5 тысячи человек. Весь центр города на время конференции был закрыт для проезда и пешеходного передвижения посторонних лиц. Туда можно было попасть, имея специальный пропуск и значок члена делегации, а также на специальных автомобилях, что свидетельствовало о том, что хозяева конференции предусмотрели необходимые меры предосторожности для безопасности делегатов.

Все делегации размещались в 13 крупнейших отелях г. Сан-Франциско. На улицах города, в кино, в гостиницах можно было увидеть представителей 50 наций мира. Бросалось в глаза обилие национальных флагов в центре города на магазинах, кинотеатрах, на больших площадях [3, л. 77].

На нужном уровне было организовано обеспечение делегаций информационными материалами, необходимыми для работы в комиссиях, комитетах. Слаженно работали телефонная, телеграфная и почтовая связь [4, л. 53].

Следует отметить, что общественность Сан-Франциско проявляла определенный интерес к украинской делегации. Всюду можно было наблюдать как взрослые, подростки и дети просили автографы у членов делегации. Кроме того делегаты УССР получали десятки телеграмм и сотни писем с высказываниями симпатии от общественных организаций и частных лиц.

7 мая начали работать все комиссии и комитеты по рассмотрению многочисленных предложений и поправок для Устава ООН. Члены украинской делегации были представлены среди всех комитетов и комиссий. А поскольку делегация не была многочисленной (12 человек), то представителям от УССР на этой конференции приходилось иногда подменять друг друга в комитетах [6, л. 53].

Основные усилия дипломатов на конференции были прикованы к следующм вопросам: о руководстве конференции, о региональных соглашениях, о процедуре голосования в Совете Безопасности и о праве вето. Данным вопросам придавалось особое значение [6, л. 79–81].

Во многих комитетах и комиссиях представители украинской дипломатии проявляли свою конструктивную деятельность. Например, следует отметить, что украинская делегация поддержала название Организация Объединенных Наций, выдвинутое на заседании I комитета 1-й комиссии. Кроме того, в комитете № 1, где председательствовал глава украинской делегации Д.З. Мануильский, разрабатывали преамбулу, I главу (Задачи организации) и II главу (Принципы) Устава ООН. Украинские делегаты принимали участие в работе II (Политические функции и вопросы безопасности) и III (Экономическое и социальное сотрудничество) комитетов 2-й комиссии (Генеральная Асссамблея) [9, л. 31].

Активная работа украинской делегации проявилась не только в деятельности комиссий и комитетов. Ее глава, Д.З. Мануильский посчитал необходимым провести 25 мая пресс-конференцию для представителей масс-медиа с тем, чтобы об УССР, ее внешнеполитических позициях и взглядах на послевоенное устройство мира узнали представители мировой общественности.

Значительная часть вопросов касалась установлению дипломатических отношений между УССР и другими странами, а также взаимовыгодных внешнеторговых связей.

Ответы Д.З. Мануильского были точны и понятны для аудитории. Они часто сопровождались шутками и точными замечаниями, что особенно нравилось присутствующим, и свидетельствовало о доброжелательной атмосфере, царившей на пресс-конференции. Д.З. Мануильский подчеркнул, что правительство УССР намерено обменяться дипломатическими и консульскими представителями с другими странами. О готовности к сотрудничеству и серьезности взглядов УССР в отношении других стран свидетельствовала последняя фраза главы украинской делегации: “Наш адрес известен и любое предложение мы рассмотрим с благодарностью” [5, л. 56].

Таким образом, работа представителей 50 государств на конференции в Сан-Франциско засвидетельствовала неимоверное желание присутствующих делегаций, с разными политическими убеждениями и социально-экономическим развитием, объединить свои усилия и создать такую международную организацию, которая в соответствии с разработанным и принятым Уставом содействовала бы укреплению мира и не допустила бы развязывания новой войны.

На примере деятельности представителей украинской делегации были показаны шаги послевоенной дипломатии, направленные на формирование дружественных отношений с представителями мирового сообщества. А представленные в комиссиях и комитетах инициативы и

поправки, предложенные украинскими дипломатами, засвидетельствовали их актуальность и необходимость для всех народов мира. Они выдержали проверку десятилетиями и не утратили своего значения и на современном этапе.

Самым важным результатом конференции в Сан-Франциско стало создание ООН и ее Устава. Поэтому данный факт следует рассматривать как действительную победу послевоенной дипломатии, одержанную во имя мира и прогресса всего человечества.

Литература

1. Виднянський, С.В. Україна в Організації Об'єднаних Націй: 60 років участі у розв'язанні найважливіших міжнародних проблем / С.В. Віднянський, А.Ю. Мартинов. – Київ: Ґенеза, 2006. – 240 с.
2. Гуринович, А.Е. Участие Белорусской ССР в деятельности ООН / А.Е. Гуринович. – Минск: Беларусь, 1982. – 143 с.
3. Историко-Архивное Управление МИД Украины (далее – ИАУ МИД Украины). – Фонд 10. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 77.
4. ИАУ МИД Украины. – Фонд 10. – Оп. 2. – Д. 84. – Л. 53.
5. ИАУ МИД Украины. – Фонд. 10. – Оп. 2.– Д. 7.– Л. 56.
6. ИАУ МИД Украины. – Фонд. 10. – Оп. 2. – Д. 84. – Л. 53.
7. Крылов, С.Б. История создания Организации Объединенных Наций / С.Б. Крылов. – Москва: ИМО, 1960. – 342 с.
8. Рощин, А.А. Конференция в Сан-Франциско 1945 г. Из воспоминаний советского дипломата / А.А. Рощин // Новая и новейшая история. – 1978. – № 1. – С. 68–78.
9. Центральный Государственный Архив Общественных Объединений (далее – ЦГАОО). – Ф. 1. – Оп. 23. – Д. 1447. – Л. 31.
10. ЦГАОО. – Фонд 1. – Оп. 25. – Д. 432. – Л. 13.

Белов Д.А., Болотов Н.А.

ДВИЖЕНИЕ ПОРОДНЕННЫХ ГОРОДОВ: ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ В ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Сталинград (Волгоград) и английский город Ковентри связывают узы дружбы со времен Второй мировой войны. Это первые города-побратимы, и официальные дружеские отношения между ними, впервые оформленные в истории дипломатии в 1944 г., заложили фундамент современного движения породненных городов.

В настоящее время в истории международных отношений это движение стало одним из важных инструментов «народной дипломатии» (т.н. «мягкой силы») на уровне межмуниципального взаимодействия. На наш взгляд, становление движения в военные годы и его дальнейшее послевоенное развитие как факты общественно-политической и международной жизни стран-участников являются одними из интересных страниц дипломатической истории Второй мировой войны.

Материалы об истории становления и развития этих отношений хранятся в Государственном архиве Волгоградской области (далее – ГАВО), в Государственном музее-панораме «Сталинградская битва» (г. Волгоград), в Государственном архиве Российской Федерации и архиве г. Ковентри. Это официальная переписка мэров Ковентри и Волгограда, переписка Совинформбюро и МИД СССР с исполкомом и обкомом Сталинграда (Волгограда), информационные материалы местной печати Сталинградской (Волгоградской) правды, иностранный прессы (The Coventry Evening Telegraph и др.), фотографии, альбомы, письма разных лиц и т.п.

В краеведческой литературе и научных публикациях началом дружеских отношений между первыми городами-побратимами (Ковентри и Сталинградом) принято считать 14 октября 1942 г., когда за подписью мэра Ковентри А.Р. Гриндлея в Сталинград была послана телеграмма, выражающая сочувствие и солидарность со сражающимся городом [1]. Однако, судя по материалам английских архивов и периодической печати, эта телеграмма была лишь продолжением уже установившихся связей. Они начались с сентября 1941 г., когда немцы уже подвергли сильным бомбежкам Ковентри, а Сталинград еще, казалось, был в глубоком тылу. Группа женщин Ковентри под председательством члена горсовета С. Гриффитс решила обратиться с приветственным посланием к женщинам Сталинграда (он был выбран потому, что являлся таким же крупным промышленным центром, как Ковентри, примерно с таким же населением). Свидетельство об этом имеется в воспоминаниях одной из тех, кто стоял у истоков связей Ковентри – Волгограда, почетного секретаря комитета англо-советского единства с конца 1941 г. по 1949 г. Э. Трент (она же – Майл). Сообщение о письме было помещено в «Coventry Evening Telegraph» 6 октября 1941 г. Под письмом поставили подписи 7 тысяч женщин. 13 ноября 1941 г.

С. Гриффитс передала А.А. Майской (жене советского посла в Великобритании И.М. Майского) альбом с подписями женщин Ковентри для женщин Сталинграда. 1 ноября 1941 г. по инициативе местного отделения лейбористской партии был создан комитет англо-советского единства, который действовал под руководством мэра Ковентри (первым председателем был А.Р. Гриндлей, близкий к консерваторам по своим взглядам).

Письмо женщин Ковентри в мае 1942 г. было передано на промышленные предприятия Сталинграда. На заводах прошли митинги, было принято ответное послание с приветственными пожеланиями, подписанное 36 тысячами сталинградок, которое в переплетенном виде было передан мэру Ковентри Э. Смит женой советского посла А.А. Майской в январе 1943 г., накануне Сталинградской победы [2; 3].

Жители Ковентри одними из первых решили оказать адресную гуманитарную помощь населению разрушенного Сталинграда и собрали с 1943 г. по 1946 г. почти 20 тысяч фунтов стерлингов для покупки высококачественного медицинского оборудования [4, л. 11; 5, с. 80].

Символом солидарности и восхищения героическим подвигом Сталинграда стала скатерть, переданная председателю исполкома горсовета Сталинграда И.Ф. Зименкову во время посещения советской делегацией депутатов Верховного Совета СССР Ковентри 31 марта 1947 г. На этой скатерти вышиты имена 830 жителей Ковентри, в основном женщин-работниц, которые внесли свои скромные пожертвования в помощь сталинградцам. Инициатором этого подарка была М. Адамс, представлявшая в комитете англо-советского единства женский кооператив. Она начала вышивать скатерть сразу после Сталинградской победы и организовала сбор пожертвований для жителей героического города на Волге [6]. Сейчас скатерть экспонируется в 8-м зале Волгоградского музея-заповедника «Сталинградская битва» [7, л. 57].

Комитет англо-советского единства г. Ковентри в конце войны обратился к руководству Сталинграда с пожеланием закрепить сложившиеся дружеские связи и продолжить их после войны. Ковентри и Сталинград стали зачинателями движения породненных городов, официальный документ об этом был принят в июне 1944 г. [8, л. 53]. Именно в этой связи в 2014 г. в рамках движения городов-побратимов будет отмечаться 70-я годовщина его становления.

В годы «холодной войны», в очень напряженный период англо-советских отношений сразу после войны и в 1950-е гг. отношения между Ковентри и Сталинградом могли служить примером дружбы и нежелания повторения новой войны. Переписка между мэрами Ковентри и Волгограда, обмен делегациями продолжались в течение всего рассматриваемого периода. В ноябре 1951 г. Ковентри посетила делегация Сталинграда во главе с заместителем председателя горисполкома Т.С. Мурашкиной. Приезд делегации освещался в местной печати как крупное внешнеполитическое событие в дипломатической истории двух стран событие. Люди из Сталинграда интересовались работой предприятий, учреждений образования и здравоохранения. Аналогичной была заинтересованность делегаций из Ковентри. В 1953 г. в Ковентри была открыты выставка, подготовленная в Сталинграде и посвященная успехам восстановления героического города [9]. В 1954 г. лорд-мэр Ковентри Д. Феннел обратился к председателю исполкома горсовета Сталинграда С. Шапурову с предложением о совместном обращении в ООН с требованием запрещения водородной бомбы [10, л. 2об–5].

В последующие, 1960–1980-е, годы наряду с официальными делегациями Волгоград и Ковентри обменивались и туристскими группами. Велась переписка в рамках клубов интернациональной дружбы молодежи и школьников, шла индивидуальная переписка. Постоянные контакты существовали у Волгоградского пединститута с учебными заведениями в Ковентри, с университетом в Уорвике. На факультете иностранных языков были налажены обмены преподавателями и студентами. Мэры Ковентри и Волгограда постоянно переоформляли договоры о дружбе и сотрудничестве. В результате разнообразных культурных контактов жители Ковентри и Сталинграда (Волгограда) смогли лучше узнать о жизни друг друга, эти связи способствовали миру и дружбе между народами Англии и России.

Следует сказать еще об одном человеке, стоявшем у истоков связей двух городов, который был «связным» между прошлым и настоящим в течение почти всего рассматриваемого периода. Это Джордж Ходжкинсон – руководитель ковентрийского отделения лейбористской партии. Именно он был первым почетным секретарем Комитета англо-советского единства в Ковентри. Оставив из-за загруженности основной работой этот пост, он, будучи олдерменом

Ковентри, активно участвовал в работе по укреплению дружеских связей между народами и городами.

Знакомство с материалами о культурных связях двух городов-побратимов показывает, что с самого начала инициатива, как правило, исходила о местных властей и общественных организаций Ковентри, а не от советской стороны, которая все время предпринимала только ответные шаги. Английская сторона все время занималась разработкой конкретных проектов по проведению совместных мероприятий. В планы городских властей Ковентри, которые, к сожалению, так и остались на бумаге, входила организация совместных футбольных матчей и регулярных визитов делегаций рабочих, студентов и школьников, создание совместных фотовыставок, участие в работе международных научных конференций, налаживание постоянных связей между профсоюзными, молодежными и религиозными организациями двух городов и др. Первоначально, такая ситуация была объяснима: сражающемуся и разрушенному Сталинграду было не до этого. Позже такое отношение диктовалось политическими условиями и бюрократизмом, усиленным этими условиями. Большая часть переписки осуществлялась исключительно через посольство. Председатель Сталинградского горисполкома в военные и первые послевоенные годы Д.М. Пигалев в 1947 г., ссылаясь на занятость, отказывался от приглашения участвовать в конференции Международного союза городов в Париже и от приезда в Ковентри [10, л. 13]. Вероятно, это была лишь отговорка. Мэры Ковентри неоднократно посещали Сталинград. Первая официальная делегация от Сталинграда посетила Ковентри лишь в 1951 г. Такое отношение, конечно, сужало взаимные контакты. Однако именно в период 1940 – 1950-х гг. именно эти связи были наиболее оживленными.

В 1980-е гг., несмотря на открывшиеся в политическом плане широкие возможности международного общения, а, возможно, именно вследствие этого, они, к сожалению, ослабели. И только выставка, посвященная 60-летию этих связей в 2004 г. в Государственном музее-заповеднике «Сталинградская битва» (г. Волгоград), на открытии которой присутствовал мэр Ковентри, напомнила об этом братстве, скрепленном кровью военных лет.

Литература

1. Телеграмма мэра английского города Ковентри А.Р. Гриндлея на имя председателя Сталинградского городского совета депутатов трудящихся Д.М. Пигалева от 14 октября 1942 г. (подлинник) // Волгоградский государственный историко-мемориальный «Музей-заповедник «Сталинградская битва» (далее – ВГМЗСБ). – Инв. №4901.
2. Coventry Evening Telegraph. – 1943. – 20 Jan. – P. 5.
3. Британский союзник. – 1943. – 7 марта. – №10 (30). – С. 7.
4. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Фонд 71. – Оп. 1. – Д. 1078а.
5. Альбом фонда «Сталинградская больница» Британского Объединенного Комитета помощи Советскому Союзу с перечнем городов и поселков Великобритании, жители, организации и частные лица которых участвовали с мая 1943 г. в сборе добровольных пожертвований в фонд «Сталинградская больница» // ВГМЗСБ. – Инв. № 3337. – Т. 1.
6. Coventry Evening Telegraph. – 1985. – 12 Mar. – P. 3.
7. ГАВО. – Фонд 71. – Оп. 4. – Д. 1041.
8. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 5283. – Оп. 15. – Д. 39; Coventry Evening Telegraph. – 1944. – 8 June. - P. 3, – 10 June. – P. 5.
9. Coventry Evening Telegraph. – 1951. – 21 Nov. – P. 5, – 22 Nov. – P. 5, – 23 Nov. – P. 3; Coventry Archives. – CCA/TC/26/33.
10. ГАВО. – Фонд 71. – Оп. 1. – Д. 1486б.

Чуракова О.В.

КЛУБЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ДРУЖБЫ МОРЯКОВ КАК АРЕНА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ АРХАНГЕЛЬСКОГО ИНТЕРКЛУБА ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

Война – это не только противостояние в бою, но и диалог культур, где взаимодействуют и соперники, и союзники. Кроме того, в данной системе координат важна гендерная составляющая. Например, в Интерклубах периода Второй мировой войны женский мир советской России «встречался» с мужским из совершенно иной – «буржуазной» – культуры, с другими ценностные ориентациями и ментальными установками.

По мнению Гастона Бутуля, основателя полемологии – науки о войне, необходимо изучать войну как социальное явление, так как война относится к «ускоренным формам потери социального равновесия». Вне сомнения, мировые войны не только «выводили из равновесия» российское общество, но и коренным образом меняли жизнь самых уязвимых слоев общества:

женщин, детей, подростков. В военное время трансформируются гендерные роли женщин и детей, их социальный статус, нормативные предписания и коммуникативные практики; расширяется круг их профессиональной и общественной деятельности. Социализация молодежи происходит в экстремальных условиях, что приводит к раннему «взрослению», росту маскулинных качеств, эмансипации.

На материалах войны можно проследить эволюцию женского самосознания, воздействие войны на ценностные ориентации, мораль, поведенческие практики и т.д. Более всего это касается юных женщин, так как гендерные установки и предписания наиболее строги в отношении таких маргинальных групп, как девочки и девушки. Девичество очень важный период в жизни женщины: в этот период проходит социализация будущей матери и члена общества. Особенную специфику имеют эти процессы в экстремальные периоды: смуты, перестройки, войны. В свою очередь, это отражается на психическом здоровье молодой женщины, так как она более эмоционально, нежели юноши, воспринимает многие ситуации.

В исторической литературе весьма слабо рассмотрено влияние войны на такую возрастную категорию как девушки. Экономический, социальный вклад молодых женщин в дело Победы, их личная жизнь долгое время оставались невидимыми для историков. Почти не изученными остаются и такие гендерные аспекты военно-исторических изысканий, как проблема влияния войны на повседневную жизнь маленьких городов, на милитаризацию культурных практик, например, складывание особых «военных» ритуалов подростковой культуры.

Весьма перспективными, поэтому, представляются попытки использования гендерного анализа для воссоздания истории повседневности учреждений культуры, например, клубов интернациональной дружбы моряков. Обычно социальные и культурные учреждения рассматриваются с точки знания их институциализации и функционирования. Между тем, «проблематика гендерной истории стала своего рода вызовом традиционной историографии» [3, с. 14], поставив новые проблемы. Кто, например, задает правила публичной жизни в провинции? Какова гендерная специфика ментальных установок при восприятии процессов социальных трансформаций (в частности, войны)? Гендерный подход в данной теме особенно ценен, потому что он «позволяет разглядеть за объективными данностями самого человека» [3, с. 14], обратиться к анализу исторического текста в дискурсах культурно-исторической антропологии, локальной и микроистории.

Возможно рассмотреть данные темы на примере жизни Архангельского интерклуба периода Второй мировой войны. Повседневная жизнь Архангельска не отличалась от будней любого другого провинциального города, находящегося в прифронтовой зоне: страшный голод (по уровню смертности от истощения Архангельск находился на втором месте после блокадного Ленинграда), инфекционные и простудные заболевания (зимы в годы войны были очень холодные), налеты немецкой авиации. Но, несмотря на тяжелейшие условия жизни в военный период, в Архангельске не останавливалась производственная и общественная жизнь, в которую в полной мере были вовлечены женщины и девушки.

Женщины северных городов России в годы Второй мировой войны оказались в крайне тяжелой ситуации, так как хозяйственная инфраструктура региона (разгрузка судов, ремонт железнодорожных путей, лесоповал и лесосплав) предполагала наличие «мужских рук». Особенно важно было не прерывать работы в северных портах, так как через Архангельск, Мурманск и Молотовск (ныне Северодвинск) шли грузы по «ленд-лизу». Женщины северянки сами разгружали и ремонтировали корабли. Американские моряки называли сварочные швы на бортах своих судов «губной помадой», так как сварщицами на северных верфях были женщины [4, с. 134].

Кроме того, что девушки были основной рабочей силой на производстве, они же дежурили в госпиталях, гасили зажигательные бомбы на крышах домов во время вражеских налетов, сдавали кровь для раненых, оказывали помощь семьям фронтовиков, собирали денежные средства для строительства танков и самолетов, теплые вещи для фронта [1, л. 5об.–6]. После работы и учебы девушки участвовали в концертах художественной самодеятельности, давали спектакли для раненых в госпиталях, а в свободное время находили силы для походов на танцы и в кино.

Уникальными «очагами культуры» в Мурманске, Молотовске, Архангельске в военные годы были интерклубы, где проводили свободное время моряки с судов, доставлявших в СССР грузы по «ленд-лизу». По официальным данным, архангельский интерклуб за период Великой Отечественной войны «охватил» культурно-массовыми мероприятиями 381000 военных и торговых моряков [8]. Основной задачей работы интерклубов была политическая пропаганда [2,

л. 14]. Для этого использовались лекции и радиопередачи, транслировавшие сводки Совинформбюро, приказы Сталина, статьи из газеты «Moscow News». В клубе союзных моряков учили русскому языку, на литературных вечерах и концертах самодеятельности иностранцы пели советские песни на русском и английском языках, исполняли русские народные танцы. Были в интерклубе спортивный и зрительный залы, комнаты отдыха, комнаты для выставок, бильярдная, библиотека и пр. [2, л. 11]. Кроме того, для моряков организовывали экскурсии в краеведческий музей, культпоходы в театр и цирк, летом – поездки за город, походы на шлюпках, зимой – лыжные соревнования. В киноклубе демонстрировались лучшие советские, и реже – иностранные фильмы. Это была перекличка культур, идеологий. При наличии универсальных, общечеловеческих ценностей, в фильмах пропагандировались разные идеологические установки. Иностранные моряки видели на экране шедевры советской кинематографии: «Юность Максима», «Петр Первый», «Александр Невский», «Свинарка и пастух», «Депутат Балтики», «Два бойца», «Жди меня», «Волга-Волга», «Веселые ребята», «Иван Грозный». А для советских зрителей, особенно девушек, открытием стали зарубежные ленты «без купюр»: «Маленькая мама», «Серенада солнечной долины», «Под крышами Парижа», Анна Каренина» (с Гретой Гарбо). Молодым архангелогородкам хотелось выглядеть похожими на героинь на экране. «Забыв про войну и тощую краюху хлеба на домашнем кухонном столе, девочки хотели хорошо выглядеть – они крутили на голове модные валики», из старой маминой одежды шили шикарные платья «рюмочкой» [5, с. 16]. Это свидетельство проявления гендерной идентичности женщин: в любой ситуации оставаться женственными и привлекательными.

Но не только совместный просмотр фильмов помогал россиянам и иностранцам лучше понять друг друга. Самыми привлекательными «мероприятиями» и для моряков, и для архангельских девушек вечера танцев в Интерклубе. На танцевальной площадке и ресторане «Интурист» играл настоящий джаз-оркестр, в репертуаре его были мировые хиты «музыки для толстых». Русские девушки знакомились с иностранными моряками и влюблялись. Они видели в них «героев, которые прошли сквозь ад огненных конвоев». Союзники были очарованы северянками, «их белыми кудряшками, рассыпанными по точеным плечикам, талией рюмочкой» [7, с. 55–57]. Но за связь с иностранцами девушек исключали из комсомола, партии, института, выгоняли с работы. По словам английского капитана Питера Сквайра, с иностранцами у русских «может встречаться либо самоубийца, либо человек, тайно работающий в органах НКВД» [6, с. 246]. Действительно, «главным распорядителем интернациональной любви» был НКВД. В 1944 году интерклубы были переданы ВОКСу (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей), «курировавшемуся» непосредственно НКВД.

Кроме того, в этой время в советской России, по периодизации американский исследовательницы Г. Лапидус и российского социолога И. Кона, был период «тотальной андрогинии» в гендерных отношениях. Демографические проблемы в стране регулировались законодательством. Для предотвращения оттока молодых женщин из страны, отношения российских женщин с иностранцами жестко табуировались государством. В 1947 году браки с гражданами других стран были запрещены. Русские жены и подруги моряков союзных войск не могли выехать из страны, став заложницами патерналистской политики советского государства.

Таким образом, повседневная жизнь провинциального города военного времени демонстрирует то, как переосмысливалась гендерная идентичность и шла корреляция автостереотипов различных социальных групп. Взаимоотношения государства и личности, особенности жизни портового города военного периода, гендерные феномены военных лет, – темы, достойные исследования в русле таких научных трендов, как гендерные исследования, культурно-историческая антропология, полемология. Подобные научные траектории, выявляющие «психологическую матрицу эпохи», способны внести «свежую кровь» в гуманитарное знание, призваны способствовать выявлению особенностей мировосприятия и культурно-поведенческих норм, духовного строя различных исторических эпох. А рассмотрение многомерного феномена войны помогает изучению и формированию культуры мира.

Литература

1. Государственный архив Архангельской области. – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 25.
2. Государственный архив Архангельской области. – Ф. 1649. – Оп. 2. – Д. 2.
3. Заболотная, Л.П. Проблемы исследования женской истории в средневековой Молдове: историко-правовой аспект / Л.П. Заболотная // Актуальные проблемы современного гуманитарного познания: материалы международной научной конференции,

Витебск, 29–30 октября 2009 г. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009. – С. 14–16.
4. Барашков, Ю.А. Арктические конвои в настроении Глена Миллера. Опыт коллективной памяти / Ю.А. Барашков. – Архангельск: М'Арт, 2000. – 230 с.
5. Голубцова, О.В. Любовь по ленд-лизу: документальная повесть о судьбах женщин, друживших с иностранцами / О.В. Голубцова. – Архангельск: Правда Севера, 2007. – 207 с.
6. Быстрова, И.В. Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945) / И.В. Быстрова. – Москва: РОССПЭН, 2011. – 438 с.
7. Голубцова, О. Военная любовь по-английски: документальная повесть / О.В. Голубцова. – Северодвинск, 2001. – 150 с.
8. Архангельский интернациональный клуб моряков в годы Великой Отечественной войны: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: velikaya-otechestvennaya-voyna/158/. – Дата доступа: 14.02.2014.

Стрелец М.В.

ОТНОШЕНИЕ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ К ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«Вопрос о государственном существовании Германии и ее статусе в Европе» [1, с. 3] следует, прежде всего, анализировать, исходя из принципа историзма. Начальный этап в его истории совпадает с Второй мировой войной. Разумеется, что в годы войны из зарубежных по отношению к Германии стран к данному вопросу проявляли наибольший интерес державы антигитлеровской коалиции. В данных странах можно проследить формирование соответствующих представлений как на уровне властных структур, так и вне их, как на уровне экспертного сообщества, так и на уровне обыденного сознания.

В 1939–1941 годах англосаксонская политическая элита считала действия Германии, развязавшей Вторую мировую войну и совершавшей преступления против человечности, немецким национальным проектом. Общий знаменатель касательно всех представителей титульного этноса Германии подавался таким – «подонки человечества» [2], имманентно чуждые демократическому политическому режиму, цивилизованным нормам человеческого общежития. Одновременно с точностью наоборот характеризовались англосаксы. Из сказанного делался вывод о том, что в послевоенное время немцев нельзя сразу пускать в свободное плавание, что потребуется не год и не два, а много лет для того, чтобы англосаксы привили им нормы цивилизованного поведения. К сожалению, получалось так, что, претендуя в будущем на роль опекунов соотечественников Бетховена, Гегеля, Гёте, Шиллера, указанная политическая элита забыла о том, что всегда существовал свободомыслящий сегмент немецкого этноса.

Заметим, что в выдвижении планов по решению германского вопроса у англосаксов властные структуры отставали от лиц, не облечённых властью. Ещё большее отставание чувствовалось на уровне межгосударственных отношений. Только 14 августа 1941 года первые лица США и Великобритании скрепили своими подписями Атлантическую хартию, где впервые излагалось видение соответствующего решения. Правда, данный документ не содержал того, что принято квалифицировать как дорожную карту или концептуальные подходы. Его главным минусом было отсутствие конкретных пояснений общих принципов, прописанных вполне корректно с международно-правовой точки зрения.

Указанные принципы провозглашались в тот момент, когда без малого уже два месяца продолжалась Великая Отечественная война и, естественно, представлялся крайне актуальным вопрос о реакции на неё советской стороны. Эта реакция впервые была доведена до сведения союзников в британской столице 24 сентября 1941 года, где проходила соответствующая конференция. Они узнали, что нет никаких расхождений между данными принципами и декларацией высшего органа исполнительной власти СССР. Вместе с тем у данного документа, проникнутого стремлением к «разгрому гитлеровской агрессии и уничтожения ига нацизма» [2] были те же недостатки, что и у Атлантической хартии. Вопрос об их преодолении оставался открытым и после аналогичной конференции в советской столице, проходившей в конце сентября – начале октября 1941 года.

Точно такой же вывод можно сделать, прочитав и другие документы времён Второй мировой войны. Например, скреплённую подписями уполномоченных представителей 26 стран «Декларацию объединенных наций» от 1 января 1942 года, договор между СССР и Великобританией о союзе в войне, о сотрудничестве и взаимной помощи после войны от 26 мая 1942 года, соглашение между правительствами США и СССР о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии от 11 июня 1942 года.

Можно однозначно утверждать, что до осени 1943 года Москва, Лондон и Вашингтон не дошли до предметного рассмотрения «вопроса о государственном существовании Германии и её статусе в Европе» [2]. В этом отношении прорывной оказалась конференция глав внешнеполитических ведомств трёх стран, датированная 19–30 октября 1943 года. На ней в качестве хозяина выступал народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов. Его иностранные коллеги не скрывали, что их правительства хотели бы видеть в послевоенной Европе на месте поверженного третьего рейха расчленённый территориальный массив. С советской стороны не было выражено ни поддержки такого подхода, ни его однозначного отклонения. При этом она использовала удачную формулировку: «вопрос находится в процессе изучения» [2]. Если бы глава делегации СССР В.М. Молотов озвучил то, что ещё в сентябре 1943 года в закрытом порядке предлагала советская научная элита, то все руководители внешнеполитических ведомств выступили бы в качестве единомышленников.

Народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов, государственный секретарь США Корделл Хэлл, министр иностранных дел Великобритании и Северной Ирландии Антони Иден скрепили своими подписями «Декларацию об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства». Подписанты декларации были едины в том, что объекты преступлений третьего рейха в лице конкретных народов полностью правомочны быть субъектами принятия решений по всему комплексу аспектов, касавшихся данной ответственности. Прослеживалось общее понимание того, что итоговые судебные решения должны быть адекватны имевшим место преступлениям.

Участники конференции заложили юридическую базу для возникновения Европейской Консультативной Комиссии (ЕКК). Естественно, членами ЕКК становились СССР, США и Великобритания. Появление ЕКК диктовалось вполне очевидным общеевропейским измерением германского вопроса, который для каждого государства-участника был тогда главным вопросом его европейской политики. Несомненно, ЕКК призвана была стать первым опытом комплексного рассмотрения германского вопроса.

Германский вопрос занял важное место в ходе работы Тегеранской конференции руководителей СССР, США и Великобритании, которая проходила 28 ноября – 1 декабря 1943 года. И.В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль были едины в том, что тот территориальный массив, который охватывала тогдашняя Германия, должен быть изменён таким образом, чтобы её роль как центра силы в Европе навсегда была бы сдана в исторический архив. Реализация американского проекта имела бы следующие итоги: 1) появление 5 новых субъектов международных отношений и международного права; 2) «Пруссия ... максимально ослаблена и уменьшена в своих размерах» [2]. Британская сторона в своём проекте также учитывала прусский фактор. «Черчилль заявил, что надо изолировать Пруссию от остальной Германии, а её южные провинции включить в «дунайскую конфедерацию». Сталин отверг идею объединения дунайских государств и сказал, что «план Рузвельта об ослаблении Германии может быть рассмотрен» [2]. В итоге, три лидера согласились передать изучение германского вопроса в ЕКК.

Германский вопрос в Тегеране приобрел новый оттенок и в связи с тем, что Сталин, обсуждая предложения Черчилля о границах Польши, которые должны были быть расширены за счет Германии, неожиданно потребовал передать Советскому Союзу незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель, и соответствующую часть Восточной Пруссии [2].

ЕКК четырнадцать месяцев основательно прорабатывала пакет проектов решений, который был представлен участникам Крымской конференции, которая проходила с 4 по 11 февраля 1945 года. На ней были те же главы делегаций, что и на Тегеранской конференции. На Крымской конференции были достигнуты решения по следующим позициям:

1. Сразу после войны Германия должна быть расчленена.

2. Территориальный массив, совпадающий с третьим рейхом, уменьшается по причине передачи его некоторых частей Польше и СССР.

3. Германская территория делится на четыре оккупационные зоны: американскую, британскую, советскую, французскую.

4. Германия выплачивает репарации странам, ставшим жертвами её агрессии. Общая сумма репарационных выплат равна 20 млрд долларов США, из них 20 млрд долларов получает СССР.

Следующая конференция, на которой принимались решения по германскому вопросу, проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г. в Потсдаме. Советскую делегацию вновь возглавлял

И.В. Сталин. Касательно британской делегации сначала в этом качестве находился У. Черчилль, а затем К. Эттли. Поскольку в апреле 1945 года умер Ф. Рузвельт, главой американской делегации стал его преемник Г. Трумэн. «Дискуссия по германскому вопросу, которая развернулась в Потсдаме, отличалась от той, которая проходила в Ялте. Её главное отличие заключалось в том, что основные политические, территориальные, административные, экономические проблемы были уже обговорены и отчасти согласованы в Крыму. В Потсдаме должны были быть выработаны общие принципы проведения координированной политики союзников и механизм их реализации. Решения Потсдамской конференции (в отличие от решений, принятых в Ялте) должны были быть доведены до населения Германии. Единственным документом, принятым по итогам двухнедельных дебатов, был «Протокол Берлинской конференции трех великих держав» [2].

В Протоколе были чётко прописаны следующие моменты:

1. Механизм управления оккупационными зонами. В качестве высшей инстанции определялся главнокомандующий вооружёнными силами. Высшие органы исполнительной власти в своём Отечестве предписывали ему, что и как делать.

2. Поведение главнокомандующих на тот случай, когда возникают ситуации, касающиеся всех зон оккупации. Именно на этот случай каждый из них выступал в качестве члена Союзного Контрольного Совета.

3. В каждой оккупационной зоне должны быть осуществлены демилитаризация, денацификация, демократизация, декартелизация.

4. Согласование границ Германии. Полностью прошло «предложение делегации СССР о западной границе Польши», в котором предлагалась следующая линия границы (с севера на юг): «западнее Свинемюнде до реки Одер с оставлением г. Штеттина на стороне Польши, далее вверх по течению реки Одер до устья реки Зап. Нейсе и отсюда по реке Зап. Нейсе до чехословацкой границы» … Границы Германии серьезно менялись и в результате передачи Советскому Союзу г. Кенигсберга с прилегающим районом (ныне это г. Калининград и Калининградская область РФ) ... СССР получал территорию площадью 15,1 тыс. кв. км» [2].

5. Окончательные уточнения на предмет репараций.

6. Наказание военных преступников.

7. Упорядоченное перемещение германского населения из стран Центральной и Восточной Европы.

8. Учреждался Совет министров иностранных дел (СМИД), который должен был на своих заседаниях подготовить тот вариант мирного договора, который единая Германия должна была подписать с СССР, США, Великобританией и Францией. В СМИД вошли главы внешнеполитических ведомств США, Англии, Франции, СССР, Китая. В результате, учреждение СМИДа означало необходимость упразднения ЕКК, что и было сделано.

Литература

1. Loth, W. Die deutsche Frage als europäisches Problem / W. Loth // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 1982. – B. – № 51 – 52/82. – S. 3–13.
2. История Германии. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века / под ред.: Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова // Библиотека обучающей и информационной литературы: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.k2x2.info/uchebniki/istorija_germanii_tom_2_ot_sozdanija_germanskoi_imperii_do_nachala_xxi_veka/p6.php. – Дата доступа: 04.01.2014.

Космач В.А.

ИЗМЕНА СОЮЗНИЧЕСКОМУ ДОЛГУ: ПОДПИСАНИЕ КАПИТУЛЯЦИИ ГЕРМАНСКОГО ВЕРМАХТА НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В ЛЮНЕБУРГЕ И РЕЙМСЕ 4 И 7 МАЯ 1945 ГОДА (ИЗ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

В конце 1945 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер предпринял попытку установить связь с фельдмаршалом Бернардом Монтгомери с целью сепаратного сговора ради спасения германского вермахта и самой Германии от наступавшей Красной Армии. При этом сдача германских войск на Западе рассматривалась в контексте будущей войны с СССР, которую поведут уже совместно США, Великобритания и Германия [3, с. 192]. Инициатива Г. Гиммлера, и не только его одного,

нашла полное понимание в Лондоне и Вашингтоне. Как заявит позже У. Черчилль (23 ноября 1954 г., выступая в своём избирательном округе Вудфорд), «ещё до того, как кончилась война, и в то время, когда немцы сдавались сотнями тысяч, а наши улицы были заполнены ликующими толпами, я направил Монтгомери телеграмму, предписывая тщательно собирать и складывать оружие, чтобы его можно было легко снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы русские продолжили своё наступление» [3, с. 192].

Как заметила Н.С. Лебедева, «германские штабные радиограммы и телеграммы свидетельствуют также, что инициатива осуществления капитуляции по частям перед одними западными союзниками принадлежала не «правительству» Дёница, как это принято считать, а исходила от главного командования союзных, т.е. англо-американских, вооруженных сил в Европе» [3, с. 193]. Несомненно, что подобная позиция противоречила ялтинским договорённостям И.В. Сталина, У. Черчилля и Ф. Рузвельта о недопущении каких-либо переговоров о капитуляции с гитлеровским правительством [3, с. 10]. Опять же, по мнению Н.С. Лебедевой, путём проведения капитуляции германских войск на отдельных участках Западного фронта союзниками по антигитлеровской коалиции вопреки Москве «предпринималась также попытка свести на нет торжественно декларировавшийся в течение нескольких лет принцип безоговорочной капитуляции Германии» [3, с. 194].

А. Кессеринг ещё в конце марта 1945 г. получил от К. Вольфа, ведшего переговоры с главой американской разведывательной службы в Европе А. Даллесом, сведения, что англичане и американцы намерены сохранить структуру германских войск, сдавшихся в плен, чтобы при соответствующих обстоятельствах их можно было использовать на востоке. В ходе переговоров о капитуляции германского вермахта в Италии в апреле 1945 г. обсуждалась возможность оставить немецкие войска численностью в 1 млн. солдат и офицеров и сохранить их после войны в качестве «надёжных частей для охраны порядка в Германии» [9, с. 88]. В таком же духе шли сепаратные переговоры между имперским комиссаром Голландии А. Зейсс-Инквартом и генералом В. Беделлом Смитом, начальником штаба союзных экспедиционных сил [3, с. 193].

Сведения, полученные от А. Зейсс-Инкварта и А. Кессельринга, воодушевили «правительство» гросс-адмирала К. Дёница, отдавшего 2 мая 1945 г. указание всеми средствами налаживать сотрудничество с западными державами, обеспечить оккупацию большей части Германии войсками США и Великобритании, одновремённо оказывать упорное сопротивление на Востоке, добиваясь раскола антигитлеровской коалиции [2, с. 195]. 2 мая 1945 г. на вечернем заседании в ставке К. Дёница в Плене было принято решение о скорейшем начале переговоров с командующим 21-й группой армий фельдмаршала Б. Монтгомери. К нему должна была направиться делегация во главе с новым главнокомандующим германскими военно-морскими силами, адмиралом Г. Фридебургом. В ходе переговоров Г. Фридебургу поручалось обеспечить среди прочего военную капитуляцию германского вермахта в северо-западной Германии и пропуск через линию Западного фронта отводимой с востока группировки войск из трёх армий (3-й танковой, 21-й и 1-й пехотных) и сдачу их в плен англичанам [3, с. 195].

Утром 3 мая германская делегация прибыла в штаб Б. Мотгомери в Люнебурге и тут же приступила к переговорам. Во время переговоров Б. Монтогомери потребовал одновременной капитуляции германских войск на оккупированной ещё территории Голландии, а также в Дании и на Фризских островах. 4 мая во Фленсбурге было созвано очередное совещание «правительства» К. Дёница, на котором Г. Фридебург в присутствии К Дёница, Ш. фон Крозигка, В. Кейтеля, А. Йодля и других доложил о ходе переговоров в Люнебурге. Главное, говорил Г. Фридебург, Б. Монтгомери согласился на частичную капитуляцию, не выдвинув условия одновремённой капитуляции войск всех фронтов на Западе и Востоке, как то требовали русские [3, с. 196–197]. Сам К. Дёниц расценил условия, выдвинутые Б. Монтгомери, не как безоговорочную капитуляцию, а как почётную. Г. Фридебургу было предписано вернуться в Люнебург и подписать акт капитуляции. 4 мая 1945 г. в 18.30 минут Г. Фридебург и Б. Монтгомери подписали акт о капитуляции войск германского вермахта в Голландии, Северо-Западной Германии, Шлезвиг – Гольдштейне и Дании перед 21-й группой армий [2, с. 197]. В итоге только в период с 3 по 6 мая англо-американским войскам в плен сдалось до 3 млн. немецких военнослужащих, в целом же приблизительно 7 млн. человек [3, с. 196].

Между тем, 1 мая 1945 г. начальник штаба германских сухопутных сил генерал Г. Кребс сообщил генералу В.И. Чуйкову о самоубийстве А. Гитлера и передал предложение Й. Геббельса и

М. Бормана о временном прекращении военных действий в Берлине с целью подготовки условий для проведения мирных переговоров между Германией и СССР. Но Москва, сохраняя верность ялтинским договорённостям, отказалась от ведения каких-либо сепаратных переговоров с нацистским руководством гибнущего «третьего рейха» за спиной правительств США и Великобритании. Штурм осаждённой в Берлине группировки вермахта был возобновлён и уже 2 мая 1945 г. Берлин пал. Ещё 30 апреля над рейхстагом взвилось Красное знамя – знамя Победы.

После падения Берлина «правительство» К. Дёница продолжало предпринимать отчаянные попытки, чтобы капитулировать только перед англо-американскими войсками, с целью «сохранить для германской нации возможно большее число немцев и спасти их от большевиков» [6, с. 18]. 6 мая 1945 г. в г. Реймс (ставка Д. Эйзенхауэра) прибыл генерал-полковник А. Йодль, заместитель В. Кейтеля. Ему была поставлена задача заключить перемирие с западными державами с тем, чтобы немецкие войска имели время отойти с восточного фронта и сдаться в плен армиям Д. Эйзенхауэра [6, с. 18]. Б. Смит, начальник штаба Д. Эйзенхауэра, на просьбу А. Йодля дать двое суток на то, «чтобы необходимые указания дошли до немецких частей», ответил отказом. Он доложил о просьбе А. Йодля Д. Эйзенхауэру, на что тот заявил, что если А. Йодль не подпишет документ о капитуляции перед всеми союзными державами, «он прервёт и закроет силой немецкое отступление на Запад» [6, с. 18]. Но одновременно Д. Эйзенхауэр позволил немцам отсрочку. 7 мая, сразу после полуночи, К. Дёниц предоставил А. Йодлю право подписать капитуляцию.

В 2 часа ночи 7 мая 1945 г. в Реймсе собрались генералы У.Б. Смит, Ф. Морган, Г.С. Батчелл, Г. Берроу, К. Спаатс, К. Стронг и А. Теддер, представитель Франции генерал Франсуа Севез, и советский генерал Иван Суслопаров, представитель советских вооружённых сил при штабе союзников. В присутствии этих генералов А. Йодль, вошедший в зал Политехнической школы в сопровождении адмирала Г. Фридебурга и его адъютанта, подписал капитуляцию [1, с. 307]. Генерал И. Суслопаров, не имея указаний из Москвы, поставил вместе с союзниками свою подпись, подтверждающую акт, но сделал приписку, что данный протокол о военной капитуляции Германии не исключает в дальнейшем подписания более полного акта о капитуляции, если о том заявит какое-либо союзное правительство [6, с. 18–19]. Вместе И. Суслопаровым в Реймсе находились И. Черняев и И. Зенкович.

Советский представитель И. Суслопаров подписал акт в Реймсе на свой страх и риск, поскольку на момент его подписания инструкции из Кремля ещё не пришли. И.В. Сталин был возмущён подписанием капитуляции в Реймсе, при котором ведущую роль играли союзники. И.В. Сталин заявил: «Договор, подписанный в Реймсе, нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический акт и принята не на территории победителей, и там, откуда пришла фашистская армия, – в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции» [1; 4; 5; 10; 11]. В ответ союзники согласились провести церемонию вторичного подписания акта в Берлине. Д. Эйзенхауэр известил А. Йодля, что германским главнокомандующим видами вооружённых сил следует явиться для совершения окончательной официальной процедуры в то время и место, какое будет указано советским и союзным командованиями.

В результате по требованию Советского Союза 9 мая 1945 г. был подписан общий Акт о безоговорочной капитуляции Германии. Германские войска прекращали военные действия с 23.01 8 мая (01.01. 9 мая по московскому времени). Подписывать принятый Акт о капитуляции должны были Г.К. Жуков и Д. Эйзенхауэр. Но последний прислал вместо себя своего заместителя генерала А.Теддера. Они встретились в 16.00 8 мая (по среднеевропейскому времени). Но тут в помещение, где должен был быть подписан Акт о капитуляции, прибыл генерал Ж. де Латтр де Тассиньи с полномочиями от Ш. де Голля на подпись под актом. А. Теддер выступил против. Он заявил, что только он один уполномочен от всех западных союзников ставить свою подпись под Актом. Произошёл спор, занявший немало времени. В итоге было решено: подписи принявших капитуляцию ставят Г.К. Жуков и А. Теддер, а Ж. де Латтр де Тассиньи и генерал К. Спаатс (США) подписывают Акт в качестве свидетелей [5, с. 19].

Официально капитуляция была подписана 9 мая 1945 г. в 00.43 по московскому времени (8 мая в 22.43 по среднеевропейскому времени) в Карлсхорсте, тогда предместье Берлина (ныне в черте города), в здании военно-инженерного училища [4; 5; 9; 13, с. 22]. Акт о безоговорочной капитуляции Германии подписали по полномочию главы германского правительства

К. Дёница доставленные из Фленсбурга в Берлин (под охраной английского конвоя) бывший начальник штаба Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель, главнокомандующий военно-морскими силами фашистской Германии адмирал фон Г. Фридебург и командующий ВВС генерал-полковник авиации Г. Штумпф [4; 5; 7]. Подписание Акта было принято по уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым, по уполномочию Верховного Главнокомандующего экспедиционными силами союзников его заместителем – главным маршалом авиации Великобритании А. Теддером. В качестве свидетелей со стороны победителей присутствовали и подписали Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии – командующий стратегической авиации США генерал Карл Спаатс и главнокомандующий французской армии генерал Ж. де Латтр де Тассиньи [4; 5; 7; 9; 11; 13]. «Третий» и «тысячелетний рейх» перестал существовать.

Излагая события мая 1945 г., А.И. Патрушев подчеркнул: «2 мая 1945 г. капитулировал ожесточённо сражавшийся берлинский гарнизон. 7 мая в американской главной штаб-квартире во французском Реймсе была принята общая капитуляция Германии. В ночь с 8 на 9 мая, по желанию И.В. Сталина, в берлинском районе Карлсхорст состоялась повторная процедура подписания акта о полной безоговорочной капитуляции Германии. Вторая мировая война, унесшая жизни по меньшей мере 70 млн. людей, окончилась» [8, с. 277]. Требование И.В. Сталина о повторной капитуляции фашисткой Германии было абсолютно справедливым. Оно восстановило ялтинские договорённости, от которых пытались уйти американцы и англичане фактически сразу после Ялты.

По согласованию между правительством СССР, США и Великобритании была достигнута договорённость считать процедуру в Реймсе предварительной. Именно таковой она трактовалась в СССР, где значение акта 7 мая всячески принижалось (в принципе справедливо – В.К.), а сам Акт замалчивался, тогда как на Западе он расценивался как собственно подписание капитуляции, а акт в Карлсхорсте – как его ратификация. Так, У. Черчилль в своём радиообращении от 8 мая 1945 г. заявил: «Вчера утром, в 2.41 утра генерал Йодль … и гросс-адмирал Дёниц … подписали акт безоговорочной капитуляции всех германских сухопутных, морских и воздушных сил … Сегодня это соглашение будет ратифицировано и подтверждено в Берлине» [11; 13]. Показательно, что в фундаментальной работе американского историка У. Ширера «Взлёт и падение Третьего рейха» Акт о капитуляции в Карлсхорсте даже не упомянут. Оговаривается лишь, что «за Россию» Акт о капитуляции подписал «генерал Иван Суслопаров (в качестве свидетеля)» [12, с. 674].

Литература

1. Исраэлян, В.Л. Дипломатическая история Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Л.В. Исраэлян. – Москва: ИМО, 1959. – 367 с.
2. Космач, В.А. Агония и крах «Третьего рейха» / В.А. Космач // Материалы XIII научной сессии преподавателей и студентов Витебского филиала УО ФПБ «МИТСО»: сб. докладов. В 3 ч. – Витебск: ВФ УО ФПБ МИТСО, 2010. – Ч.1. – С. 208–211.
3. Лебедева, Н.С. Переговоры Монтгомери – Фридебурга о частичной капитуляции сил вермахта / Н.С. Лебедева // Ежегодник германской истории. 1984. – Москва: Наука, 1986. – С. 192–212.
4. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 3. Вторая мировая война: историч. очерк / отв. ред. Е.Н. Кульков. – Москва: Наука, 2002. – 597 с.
5. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война: документы и материалы / отв. ред. М.Ю. Мягков. – Москва: Наука, 2002. – 677 с.
6. Орлов, А.С. Крушение «третьего рейха»/ А.С. Орлов // Новая и новейшая история. – 2005. – № 2. – С. 3–19.
7. Павлов, Н.В. История современной Германии. 1945–2005 / Н.В. Павлов. – Москва: АСТ, Астрель, 2006. – 512 с.
8. Патрушев, А.И. Германия в XX веке / А.И. Патрушев. – Москва: Дрофа, 2004. – 432 с.
9. Розанов, Г.Л. Крушение фашистской Германии / Г.Л. Розанов. – Москва: ИМО, 1963. – 263 с.
10. Сиполс, В.Я. На путях к великой Победе. Советская дипломатия в 1941–1945 гг. / В.Я. Сиполс. – Москва: Политиздат, 1985. – 526 с.
11. Уткин, А.И. Вторая мировая война / А.И. Уткина. – Москва: Алгоритм, 2002. – 864 с.
12. Ширер, У. Взлёт падение Третьего рейха. В 2 кн. Кн. 2. / У. Ширер. – Москва: Богат, 2007. – 704 с.
13. Eschenburg, Th. Jahre der Besatzug: 1945–1949 / Th. Eschenburg. – Stuttgart: Deutsche Verlags – Anstalt; Wiesbaden: F.A. Brockhaus, 1983. – 627 s.

Величко Н.В.

УЧАСТИЕ ФРАНЦИИ В СОЮЗНОМ КОНТРОЛЬНОМ МЕХАНИЗМЕ НАД ЗОНАМИ ОККУПАЦИИ ГЕРМАНИИ

Для осуществления провозглашённых в Ялте и закреплённых в Потсдаме целей политики союзников в отношении Германии в июне 1945 г. был создан соответствующий контрольный

механизм. Германия была временно подвергнута военной оккупации и разбита на четыре оккупационные зоны, а Берлин – на четыре сектора. Правовые основы управления Германией и Берлином, структура контрольного механизма и его задачи определялись Протоколом соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции.

Соглашение от 1 мая 1945 г. предусматривало, что верховная власть в Германии осуществляется главнокомандующими четырёх держав, каждым в своей зоне оккупации, а также совместно – по вопросам, затрагивающим Германию в целом.

Контрольный механизм для Германии имел, согласно этому соглашению, следующую структуру. Четыре главнокомандующих, действующих совместно, образовывали верховный контрольный орган – Контрольный совет по Германии. Задача Контрольного совета состояла в том, чтобы обеспечивать согласованность действий главнокомандующих в своих зонах; вырабатывать совместные решения по основным военным, политическим, экономическим и другим вопросам, касающимся всей Германии; осуществлять контроль над центральной германской администрацией и руководство через соответствующие органы за администрацией Большого Берлина. Заместители главнокомандующих образовывали Комитет координации, на котором лежала вся практическая работа. Контрольный совет был размещён в Берлине, в одном из наиболее крупных зданий в центре города по Айзхольцистрасс, 32.

Чтобы обеспечить нормальную работу Контрольного совета, было решено выделить Берлин в особый район в рамках советской зоны и создать для него особый режим, поставив город временно под совместное управление и совместную оккупацию. Берлин был разбит на четыре сектора, три из которых временно отводилось под административную ответственность западных держав, разместивших в ней свой аппарат Контрольного совета и определённое количество войск, необходимых для охраны, поддержания порядка и обеспечения выполнений решений Потсдама. Секторы были установлены Протоколом соглашения от 12 сентября 1944 г. 26 июня 1945 г. в этот протокол были внесены изменения в связи с выделением сектора для Франции [2, с. 341]. Решением Контрольного совета от 30 июля 1945 г. два района города (Райникендорф и Веддинг) были выделены для занятия их французами. Окончательно секторные границы в городе были уточнены и утверждены на заседании Союзной комендатуры Берлина 1 августа 1945 г. Берлин управлялся Союзной комендатурой под общим руководством Контрольного совета. Задачи комендатуры заключались в наблюдении и контроле за деятельностью местных органов Берлина в соответствии с решениями Потсдама [2, с. 472–473].

Берлин не превращался в особую, пятую зону оккупации. В связи с этим комендатура наделялась только административными функциями, подчинялась непосредственно Совету (Комитету) координации и, в отличие от Контрольного совета, могла издавать не законы, а только приказы и распоряжения.

Союзный контрольный механизм создавался на период выполнения Германией основных требований безоговорочной капитуляции. «Учреждение контрольных органов для Германии и Берлина создавало необходимые условия для быстрого претворения в жизнь решений Ялты и Потсдама» [3, с. 214].

Основные принципы, выработанные в Потсдаме по германскому вопросу, полностью соответствовали интересам Парижа, поскольку они уничтожали военную и политическую угрозу для Франции со стороны «сильной Германии». Как отмечает М.М. Наринский, «весьма важным для Франции было и то, что к имевшемуся соглашению о выделении для Франции зоны оккупации в Германии прибавилось приглашение участвовать в работе Совета министров иностранных дел и Союзной репарационной комиссии» [1, с. 50], а также Союзном контрольном совете (СКС). Но пытаясь максимально унизить Германию, исключить ее навсегда из числа великих европейских держав, отомстить за унижения французов со стороны немцев во время двух мировых войн и в войне 1870–1871 гг., Франция полагала, что меры по денацификации, демонополизации, демилитаризации и демократизации Германии в «духе Потсдама» явно недостаточны.

Участие Франции в контрольном механизме над Германией на равной основе с СССР, США и Великобританией было определено дополнительным соглашением от 1 мая 1945 г. В Контрольном Союзном совете (КСС) Франция выступала за сохранение немецкого экономического единства, но ни в коем случае не хотела допустить централизации германского прави-

тельства. Поэтому политику, проводимую Францией в своей зоне оккупации в 1945–1947 гг., называют двойственной или амбивалентной.

Будучи самой малой по размерам, французская зона оккупации составляла 42000 км² и включала 5900000 чел. гражданского населения [9, с. 86]. В южную её часть входили южные территории Бадена и Вюртемберга, Баварский Пфальц, регион Линдау, который граничил с Австрией, и небольшой отрезок земли Гогенцоллернов. Северная часть включала Баварский Палатинат, два района Гессена, рейнский Гессен, четыре западных района Гессен-Насссау, южную часть Рейнской провинции, княжество Биркенфельд и Саарскую область. По сравнению с двумя другими западными зонами, французская оккупационная зона была самой отсталой в экономическом плане и не могла полностью обеспечить продовольственные потребности населения. По причине этой кризисной ситуации военное руководство зоны было вынуждено прекратить поток беженцев с Востока [8, с. 245].

С выделением французской оккупационной зоны были нарушены исторические границы Гессена, Баварского Палатината и княжества Биркенфельда, которые были разделены по Рейну между французами и американцами. В Париже хотели обменять южный Вюртемберг и земли Гогенцоллернов на северную часть земли Баден. По расчётам Франции Вюртемберг должен был стать ядром нового конфедеративного немецкого государства. Баден также планировалось сделать центром небольшого германского государства с заметным сохранением там французского влияния. Саарская область должна была стать автономной и в будущем присоединиться к денежной и таможенной системе Франции. Оставшаяся часть выделенной французской зоны оккупации предполагала власть французской администрации [6, с. 27].

Административный аппарат французской зоны оккупации был разнородным по своему составу. Военная комиссия по германским и австрийским делам за четыре недели обеспечила 8000 человек высшего кадрового состава и несколько десятков тысяч служащих отобранных среди кадровых военных, бывших сопротивленцев, чиновников вишистского правительства. Многие из них возглавили военные корпуса [4, с. 13]. Их неправомерные действия по захвату материальных благ, происхождение и чрезмерные привилегии послужили поводом к возникновению во Франции кампаний по подрыву их авторитета [10, с. 116].

Франция выступала против политического единства Германии и в течение 1945–1946 гг. отстаивала идею её федерализации. Однако, учитывая отсталость регионов своей зоны, Франция ратовала за экономически единую Германию. Идея федерализации предполагала возрождение автономии бывших немецких государств по правому берегу Рейна и присоединение к Франции левого берега. Это вызвало различные линии поведения французских властей в северной и южной частях оккупационной зоны. Власти северной части провели централизацию в рейнско-палатинатской земле, созданной 30 августа 1946 г. Это облегчило бы её присоединение к Франции или гарантировало бы тесное сотрудничество с этим регионом в случае его возвращения к Германии. В южной же части власти всячески способствовали децентрализации Бадена и Вюртемберга [7, с. 38]

Французы выступали против создания на территории своей зоны центрального немецкого органа, в отличие от немецкой консультативной ассамблеи в Штутгарте в американской зоне или консультативной комиссии в английской зоне. Во французской зоне был образован Министерат, вокруг которого группировались главы Секретариатов, под руководством генерала П. Кёнига. Секретариаты представляли собой правительства земель. Они были уполномочены принимать решения законодательного характера по декларации генерала П. Кёнига от 4 декабря 1946 г. Однако, указом от 9 декабря полномочия правительств земель сильно ограничивались. В дальнейшем власть местных правительств являлась лишь прикрытием, они были полностью поставлены под контроль военной администрации [9, с. 89]. 12 декабря 1946 г. в каждой земле была принята конституция, легализовавшая деятельность немецких политических партий. Генерал П. Кёниг создал разветвлённый бюрократический аппарат, неспособный к управлению. Генеральный администратор Э. Лаффон не имел контроля над всеми департаментами, многие из которых напрямую зависели от военного управления П. Кёнига [9, с. 91]. Приверженец расширения полномочий местных парламентов, способствующего слиянию трёх западных зон и созданию Совета Союзных земель (Ландерата), Э. Лаффон вскоре вступил в противостояние с генералом П. Кёнигом. Это окончательно произошло 15 ноября 1947 г.

7 июля 1945 г. в Париже был создан Межминистерский комитет по немецким и австрийским делам, переименованный в декабре 1945 г. в Генеральный комиссариат по немецким и австрийским делам. Генеральным комиссаром был назначен Р. Майер. Этот комиссариат должен был выработать чёткие принципы, которыми следовало руководствоваться административному аппарату французской зоны. Генеральный комиссариат подчинялся французскому правительству, которое так и не смогло выработать общие приоритеты, цели и методы в деле обращения с Германией. Следовательно, деятельность Генерального комиссариата была только формальной [5, с. 33].

В виду отсутствия чётких принципов, во французской политике в германском вопросе временно возобладала линия компенсации ущерба, который был нанесён Франции за годы германской оккупации. Французская оккупационная зона являлась для Франции, прежде всего, гарантией и источником репараций.

Литература

1. Наринский, М.М. Англия и Франция в послевоенной Европе. 1945–1949 / М.М. Наринский. – Москва: Наука, 1972. – 277 с.
2. СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. В 3 т. / редкол.: Г.П. Кынин и Й. Лауфер. – Москва: Международные отношения, 1996. – 2003. – Т. II: 9 мая 1945 г. – 3 октября 1946 г. – 2000. – 880 с.
3. Тегеран – Ялта – Потсдам: сб. документов. – Москва: Международные отношения, 1970. – 416 с.
4. Carmoy, G. Les politiques etrangères de la France 1944–1966 / G. Carmoy. – Paris: La table ronde, 1967. – 519 p.
5. Durand, P. Vignt ans. Chronique 1945–1965 / P. Durand. – Paris: Ed. sociales, 1965. – 445 p.
6. Gaulle, Ch. Discours et messages: V. 3 / Ch. Gaulle. – Paris: Bergei-Levrault & Plon, 1970. – V.2: Dans l`Attende. Février 1946 – April 1958. – 662 p.
7. Grosser, A. Affaires extérieures: La politique de la France, 1944 – 1984 / A. Grosser. – Paris: Flammarion, 1984. – 347 p.
8. La Gorce, P.-M. Naissance de la France moderne. L`Après guerre 1944–1952 / P.-M. La Gorce. – Paris: Grasset, 1978. – 525 p.
9. Gerbet, P. Le relèvement 1944–1949 / P. Gerbet; avec la collab. de J. Laroy et al. – Paris: Impr. Nat., 1991. – 481 p.
10. Pflimlin, P. Mémoires d`un Européen: De la IV-e à la V-e République / P. Pflimlin. – Paris: Fayard, 1991. – 391 p.

РАЗДЕЛ 2
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ФРОНТАХ

Новікаў С.Я.

НОВЫЯ ПАДЫХОДЫ Ў ДАСЛЕДАВАННІ БАЯВЫХ ДЗЕЯННЯЎ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ ЛЕТАМ 1941 ГОДА

Становішча айчыннай гістарыяграфіі на сучасным этапе яе развіцця пераканаўча сведчаць аб неабходнасці даследавання гісторыі баявых дзеянняў на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. на аснове не толькі значнага пашырэння базы дакументальных крыніц [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7], у тым ліку нямецкіх, але і важнасці ўсебаковага вывучэння ходу абарончых баёў Чырвонай арміі ў першыя два месяцы вайны з улікам адэкватных метадаў даследавання [8; 9; 10].

Аднаўленне карціны тых падзей, з аднаго боку, праз увядзенне ў шырокі зварот новага масіву малавядомых айчынных і замежных (нямецкіх) дакументаў пакуль дазволіла зрабіць толькі першы крок у напрамку да аб'ектыўнага вывучэння пачатковага перыяду вайны, аднак не прывяло да атрымання новых якасных ведаў і напісання цэласнай карціны баявых дзеянняў Чырвонай арміі ў Беларусі ў пачатковы перыяд вайны. У гэтай сувязі важна мець на ўвазе, што па цяперашні час застаюцца недастаткова вывучаныя, маладаследаваныя, дыскусійныя пытанні ў дачыненні да гістарычных падзей лета 1941 г., калі войскі Заходняга фронту вялі ўпартыя баі на тэрыторыі Беларусі, вынікам якіх стала не толькі спыненне разгортвання вераломнага ўдару групы армій "Цэнтр", колькі яе пераходу фактычна ўпершыню да абароны на цэнтральным напрамку наступлення на Маскву. Гэта азначае, што баявыя дзеянні Заходняга і Цэнтральнага (створанага 24.7.41 г.) франтоў якраз у Беларусі зламалі рытм правядзення маланкавай вайны супраць СССР.

Такая выснова стала магчымай у выніку як шматгадовага збору, сістэматызацыі, аналізу і сінтэзу дакументальных матэрыялаў рознага паходжання, так і іх вывучэння з апорай на метад гістарыяграфічнай і крыніцазнаўчай кампаратывістыкі. Без звароту да такога падыходу на цяперашнім этапе развіцця гістарычнай навукі немагчыма не толькі паглыбіць гістарычныя веды, але і падняць іх на новы якасны ўзровень ў дачыненні да аднаго з самым трагічных, супярэчлівых і дыскусійных перыядаў гісторыі Вялікай Айчынай вайны [11].

Спынімся толькі на асобных мамантах ваеннай гісторыі Беларусі летам 1941 г., прапануючы чытачу пазнаёміцца з новымі дакументальнымі крыніцамі, тэхналогіяй аўтарскага пошуку ў ходзе навуковага даследавання на аснове выкарыстання параўнача-гістарычнага метаду.

Новым пры даследаванні гісторыі абароны Брэсцкай крэпасці летам 1941 г. неабходна лічыць увядзенне ў навуковы зварот масіву дакументальных крыніц нямецкага паходжання [1; 11], з апорай на якія і трэба аналізаваць вынікі двухбаковых баявых дзеянняў, з аднаго боку 8-дзённага штурму савецкага ўмацаванага рубяжа 45-й нямецкай пяхотнай дывізіяй, а з другога – яго абароны сіламі 6-й і 42-й стралковых дывізій і іншых савецкіх падраздзяленняў. Паводле нямецкага данясення аб ходзе баявых дзеянняў пры ўзяцці крэпасці Брэст-Літоўск [11, с. 109–117], арганізаваны штурм крэпасці завяршыўся ўзяццем апошняга ачага арганізаванай абароны – Усходняга форту 29 чэрвеня 1941 г. Пры гэтым у нямецкім данясенні адзначаецца, што "падраздзяленні рускіх змагаліся выключна ўпарта і стойка, паказалі адметную падрыхтоўку пяхоты і шматлікімі прыкладамі даказалі высокі баявы дух" [12, с. 117]. У тым жа данясенні пачала пісацца адна з самых трагічных старонак гісторыі вайны ў Беларусі, лёсу радавых, сяржантаў, камандзіраў і камісараў Чырвонай арміі, хто ў першыя дні вайны апынуўся ў нямецкім палоне. Калі ў савецкай гістарыяграфіі пра гэта нельга было знайсці дакументальных звестак, дык нямецкае данясенне ўтрымлівае дакладныя лічбы: на канец штурму ў палоне апынуліся 7223 чырвонаармейцы, у тым ліку 101 афіцэр Чырвонай арміі [11, с. 116]. Аднак ці знойдзем мы сёння на тэрыторыі мемарыяльнага комплексу "Брэсцкая крэпасць-герой" помнік тым, хто тут патрапіў у нямецкіх палон? Чаму ў некропалі згадваецца лічба ў 850 пахаваных, тады як насамрэч вядомы імёны толькі 224 байцоў? Але ці параўнальна гэта з лічбай тых, хто апынуўся ў нямецкім палоне? Ці маем мы права забываць імёны ўсіх, хто на момант пачатку нямецкага

штурму складаў гарнізон абаронцаў крэпасці? Калі там з'явіцца помнік самай вялікай колькасці абаронцаў – савецкім ваеннапалонным?

Новыя падыходы ў даследаванні баявых падзей на Віцебшчыне ў першыя тыдні вайны нам бачыцца шырокае выкарыстанне нямецкіх дакументальных крыніц для аб'ектыўнага паказа ходу так званай танкавай бітвы пад Сянно ў пачатку ліпеня 1941 г. Аналіз тых падзей метадам параўнання айчынных (Цэнтральнага архіва Міністэрства абарона РФ) і замежных дакументальных крыніц (Федэральнага ваеннага архіва Германіі, BA-MA) прыводзіць да высноў, якія ставяць пад сумней факт маштабных танкавых баталій пад Сянно, для паказу якога не знайшлося месца ў фундаментальнай энцыклапедыі савецкага часу "Великая Отечественная война 1941–1945" (М., 1985) і найноўшай расійскай энцыклапедыі "Великая Отечественная война" (М., 2010)". Зварот да дакументаў камандавання 20-й арміі Заходняга фронту паказвае, што з мэтай спынення наступлення падраздзяленняў 3-й танкавай групы на Полацк і Віцебск камандаванне Заходняга фронту праводзіла сіламі двух механізаваных (5-га і 7-га) карпусоў Лепельскую аперацыю, вынікам якой стала не толькі страта 2/3 баявых адзінак танкавай тэхнікі на працягу 6–11 ліпеня, але і прарыў нямецкімі сіламі рубяжа абароны ў раёне Віцебска 9 ліпеня 1941 г. Адной з актуальных задач беларускай ваенна-гістарычнай навукі з'яўляецца правядзенне спецыяльнага даследаванне аб гэтай аперацыі, у аснову якога будзе пакладзены прынцып супастаўлення дакументальных крыніц айчыннага і замежнага паходжання. Толькі так можна абнавіць рэальную карціну тых гістарычных падзей пачатковага перыяду Вялікай Айчыннай вайны [11, с. 55].

Новым у айчыннай гістарыяграфіі пры даследаванні баявых падзей на Дняпроўскім рубяжы пад Магілёвам летам 1941 г. з'яўляюцца гістарычныя ацэнкі, якія вынікаюць з нямецкіх дакументальных крыніц, напрыклад: Магілёўская бітва! Бастыён на Дняпры! Крэпасць-Магілёў! Кожнае з іх мае дакументальнае пацверджанне і сведчыць пра тое, што пад Магілёвам войскі германскага вермахта не здолелі адразу ўзяць умацаваны абарончы рубеж Чырвонай арміі, а вымушаны былі падцягваць новыя сілы, у тым ліку выкарыстоўваць палявыя падраздзяленні з рэзерву сухапутных войск вермахта. Паводле нямецкіх дакументаў, пад Магілёвам размова ідзе не аб звычайнай абароне, а аб унікальнай абарончай аперацыі, фактычна першай удала арганізаванай без дырэктыў зверху і па-майстэрску праведзенай у неверагодна складаных умовах абарончай бітве, якую высока ацаніла камандаванне 7-га армейскага пяхотнага корпуса [13, с. 181]. З нямецкіх дакументаў вынікае, што абарону Магілёўскага плацдарма вялі не толькі дзве штатных дывізіі (110-я і 172-я), якія раней не былі задзейнічаны ў баявых дзеяннях, але і тры выматаныя, між тым баяздольныя дывізіі (148-я, 161-я і 210-я матарызаваныя), а таксама рэшткі 24-й, 50-й, 100-й стралковых і іншых дывізій [11, с. 83]. Дзякуючы нямецкіх дакументаў удаецца ўпершыню ўнесці істотныя ўдакладненні ў колькасныя даныя аб савецкіх ваеннапалонных, лічба якіх пад Магілёвам пераўзыходзіла 35 тыс. чалавек [13, с. 181]. Зразумела, што звесткі, выяўленыя ў нямецкіх дакументальных крыніцах, патрабуюць узважанага аналізу, крытычнага падыходу і грунтоўнага вывучэння.

Па-новаму нам неабходна ацэньваць і баявыя дзеянні, якія адбыліся на Гомельшчыне летам 1941 г. Выяўленне ў нямецкіх дакументах новых гістарычных фактаў прыводзіць да высновы, што пакуль застаюцца "белыя плямы" і ў вывучэнні абароны Жлобіна, Рагачова і Гомеля. Параўнанне выяўленых дакументальных звестак з ужо замацаванымі ў айчыннай гістарыяграфіі паказвае, што гісторыкам неабходна рашуча рухацца наперад у стварэнні цэласнай карціны гістарычных падзей з улікам як новых дакументальных крыніц, так і крытычнага аналізу традыцыйных падыходаў. У такой сітуацыі мэтай будзе з'яўляцца не выстаўленне нейкіх ацэнак, а вызначэнне навуковай верагоднасці фактаў у традыцыйнай гістарыяграфіі, характарыстыка глыбіні выкарыстання дакументальных крыніц і паўнаты ўвядзення ў сучасную беларускую гістарычную навуку новых азначэнняў, ацэнак і высноў у дачыненні да летняй франтавой наступальнай аперацыі на Гомельшчыне падраздзяленнямі Чырвонай арміі Цэнтральнага фронту, зусім невыпадкова створанага пад такой назвай у канцы ліпеня 1941 г. Пры ўсім гэтым асабліва важна мець на ўвазе наступны гістарычных факт. Упартыя баявыя дзеянні савецкіх сілаў на тэрыторыі Беларусі ў значнай меры сталі прычынай таго, што А. Гітлер 30 ліпеня 1941 г. падпісвае дырэктыву № 34 [14, с. 204], якой фактычна ўпершыню аддае загад аб пераходзе групы армій "Цэнтр" да абароны. Што азначае нішто іншае як пачатак фактычнага краху плана германскага "бліцкрыгу" на ўсходзе.

Адной з самых трагічных старонак ваеннай лета 1941 г. у Беларусі з'яўляецца гісторыя савецкіх ваеннапалонных, якія праходзяць у найноўшай расійскай літаратуры як "беззваротныя страты". У гэтым плане больш дакладнае ўяўленне аб маштабах той трагедыі даюць нямецкія статыстычныя звесткі, адлюстраваныя з першых дзён вайны ў дакументах вермахта. Паводле лічбаў статыстыкі, у тыле групы армій "Цэнтр" да канца жніўня 1941 г. былі ўзяты ў палон 784 тыс. чырвонаармейцаў: у ходзе баявых дзеянняў (да 9 ліпеня) пад Беластокам і Мінскам – 323 тыс., у ходзе бітвы (канец ліпеня) пад Магілёвам – больш за 35 тыс., у час бітвы (сярэдзіна жніўня) пад Гомелем і Крычавам – 78 тыс. чалавек [15, с. 242; 16, с. 243; 17, с. 245; 18, с. 247]. Атрымліваецца, што да канца лета на тэрыторыі Беларусі ў палон патрапілі 436 тыс. чырвонаармейцаў, або кожны другі воін Чырвонай арміі з занесеных у лік афіцыйных "беззваротных страт" баявога ўліковага складу Заходняга фронту. Акрамя таго, неабходна ўлічваць, што лічба ваеннапалонных складае больш за трэць баявога складу войскаў фронту на момант пачатку баявых дзеянняў на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. [11, с. 97]. Трэба памятаць таксама і пра тое, што за гады германскай акупацыі на беларускай зямлі загінуў фактычна кожны трэці вайсковец, які быў узяты ў палон групай армій "Цэнтр", ці кожны пяты ваеннапалонны, хто ўвогуле загінуў у гады Вялікай Айчыннай вайны [11, с. 100]. Таму сярод актуальных задач сучаснай беларускай гістарыяграфіі застаецца даследаванне трагічнага лёсу савецкіх ваеннапалонных як на тэрыторыі Беларусі, так і па-за яе межамі ў гады Другой сусветнай вайны.

Такім чынам, нават агульнае знаёмства з нямецкімі дакументальнымі крыніцамі стварае новыя ўмовы для правядзення на аснове ўсяго ўведзенага на цяперашні час комплексу дакументаў і матэрыялаў спецыяльнага даследавання аб баявых дзеяннях Чырвонай арміі на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г., а таксама ставіць перад айчыннымі гісторыкамі некалькі неадкладных задач. Па-першае, сёння гісторыкі не маюць права глядзець на мінулае з іншых пазіцый, чым навуковыя; па-другое, мы не можам надалей замоўчваць гістарычныя факты, на цяперашні час пацверджаныя дакументальна; па-трэцяе, гістарычная навука патрабуе не абыходзіць маўчаннем і не пакідаць без аналізу трагічныя старонкі гісторыі Вялікай Айчыннай вайны.

Літаратура

1. Алиев, Р.В. Брестская крепость. Воспоминания и документы / Р.В. Алиев. – Москва: Вече, 2010. – 448 с.
2. Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941 г.): документы и материалы / сост.: В.И. Адакушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2006. – 458 с.
3. Иринархов, В.С. Агония 1941: Кровавые дороги отступления / В.С. Иринархов. – Москва: Яуза: Эксмо, 2011. – 544 с.
4. Дакументы і матэрыялы // Новікаў, С.Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С.Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2014. – С. 104–272.
5. 1941 год. Страна в огне: в 2 кн. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – Кн. 2. Документы и материалы. – 720 с.
6. 1941: в 2 т. / сост.: Ю.А. Никифоров [и др.]. – Санкт-Петербург: ФГБУ «Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина», 2011. – Т 1: документы и материалы к 70-летию начала Великой Отечественной войны. – 408 с.
7. 1941: в 2 т. / сост.: Ю.А. Никифоров [и др.]. – Санкт-Петербург: ФГБУ «Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина», 2011. – Т 2: документы и материалы к 70-летию начала Великой Отечественной войны. – 579 с.
8. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. – Москва: Кучково поле, 2012. – Т. 2. Происхождение и начало войны. – 1008 с.
9. 1941 год. Страна в огне: в 2 кн. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – Кн. 1. Очерки. – 720 с.
10. Україна в Другій світовій війні. Погляд з XXI ст. Історичні нариси. У 2 кн. / редкол.: В.А. Смолій (голова колегії) [і др.]. – Київ: Наукова думка, 2011. – Кн. 1. – 734 с.
11. Новікаў, С.Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С.Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2014. – 300 с.
12. Данясенне камандзіра 45-й пяхотнай дывізіі генерал-маёра Ф. Шліпера аб ходзе баявых дзеянняў пры ўзяцці Брэст-Літоўска (22.6–29.6451 г.) // Новікаў, С.Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С.Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2014. – С. 109–117.
13. Данясенне 7-га армейскага корпуса аб ўзяцці ўмацаванага плацдарма Магілёў (20.7–26.7.41 г.) // Новікаў, С.Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С.Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2014. – С. 109–117.
14. Дырэктыва А. Гітлера № 34 аб далейшым вядзенні вайны на ўсходзе ад 30.7.41 г. // Новікаў, С.Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С.Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2014. – С. 204.
15. Загад камандуючага групай армій "Цэнтр" ад 8.7.41 г. // Новікаў, С.Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С.Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2014. – С. 242.
16. Пералік лагераў і армейскіх зборных пунктаў ваеннапалонных каменданта лагераў ваеннапалонных акругі "J" па стане на 10.7.41 г. // Новікаў, С.Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С.Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2014. – С. 243.
17. Пералік лагераў ваеннапалонных, іх размяшчэння і падпарадкаванасці па стане на 9.8.41 г. // Новікаў, С.Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С.Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2014. – С. 245.
18. Выніковае данясенне камандуючага групай армій "Цэнтр" аб бітве пад Гомелем і Крычавам ад 20.8.41 г. // Новікаў, С.Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С.Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2014. – С. 247.

Мандрик И.В.

ПРАВЯЩАЯ ПАРТИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941–1945 гг.)

Событие, которое будет широко отмечаться в 2015 году в Беларуси, неизбежно побуждает к размышлению о минувшем. В это время исключительно важно донести до молодого поколения страны объективную информацию о самой страшной войне в истории человечества, пресекать любые попытки исказить правду о ней.

В войне с СССР нацисты ставили задачу истребить еврейское, значительную часть славянского населения страны. В первую очередь предполагалось расправиться с функционерами советского государства: партийными, советскими работниками, активистами этих институтов власти, комиссарами, политработниками. Однако выполнить ее Германии оказалось не по силам. Как правильно отмечают отечественные и зарубежные историки, советская общественно политическая система выдержала суровое испытание благодаря своей способности сконцентрировать имеющиеся людские и материальные ресурсы страны на разгром врага. Это связано с огромным созидательным потенциалом трудящихся страны, с самоотверженностью людей на фронте и в тылу, со слаженностью и четкостью в работе органов управления на всех уровнях.

В этой связи не лишним будет уделить внимание одному из важнейшим слагаемых Победы СССР в Великой Отечественной войне. Ранее, в исторической литературе в числе приоритетных факторов в разгроме фашистского блока называлась ведущая роль Коммунистической партии. В последние годы отдельные авторы перестали считаться с этим фактором, стыдятся его упоминать. Есть и такие, кто перечеркивает прошлое, приписывает партии только негативную роль, обвиняет ее во всех просчетах [9, с. 4]. Такой подход не только не верен, он опасен. От неумения объективно, с патриотических позиций, оценить прошлое своего народа случаются многие беды.

Автор определенно, как и ранее, находится на стороне тех политиков, ученых, профессиональных военных, которые считают, что одним из решающих факторов победы советского народа в Великой Отечественной войне является героизм, патриотизм населения многонациональной страны, вставшего на защиту своего Отечества.

Но названные факторы не могут рассматриваться в отрыве от политической составляющей. Они напрямую связаны с позитивным влиянием правящей партии на конечный результат в Великой Отечественной войне. Смею утверждать, «цементирующим» ядром общества достижении Победы являлись коммунисты. Люди, состоящие в рядах партии и вступившие в ее ряды в годы войны, находились в центре ратной и трудовой жизни, они объединяли вокруг себя всех патриотов страны. Не следует бояться вывода о том, что партийные комитеты, члены ВКП(б), сыграли исключительную роль в мобилизации советских людей на разгром врага. Партия, при всех ее изъянах, была гигантской организационной школой.

В годы, предшествующие началу Великой Отечественной войны, в партии происходили сложные, болезненные процессы. Нельзя не признать, что с 1930-х гг. ВКП(б) строилось на предельном централизме. Создание в партийных комитетах отраслевых отделов и отделов партийного контроля хозяйственной деятельности сделало ВКП(б) частью государственной системы. Она интегрировалась в хозяйственно-административную власть. Выполняя несвойственные для политической организации функции, партийные комитеты подменяли собой Советы, хозяйственные органы. Смешивание функций партийных комитетов, государственных и хозяйственных органов в верхних эшелонах отражалось на деятельности первичных организаций и активности коммунистов. Чрезмерно много было формализма и авторитаризма. От накапливающихся дисбалансов во внутрипартийной жизни, когда под лозунгом борьбы с чужеродностью и несоциалистичностью творилось беззаконие, пострадали в это время больше всего коммунисты, выступавшие за объективный анализ процессов общественного развития. Но и после репрессий в многомиллионной партии оставалось немало высоконравственных, преданных своей стране людей. Поэтому с начала войны шанс для доказательств своих лидирующих позиций у ВКП(б) как у политической организации сохранялся. «Верхушка» партии также пришла к выводу, что противостоять могущественному внешнему врагу возможно лишь аккумулировав все силы. Не терпящий инакомыслия «сталинизм» отступил. Все составляющие ВКП(б), от первичной организации до ЦК, провели перестройку своей деятельности.

Руководящим структурам удалось преодолеть привычку к запоздалым действиям, отказаться от формализма и заорганизованности. В это время централизованная, дисциплинированная, пронизывающая все общество, ВКП(б) являлась ядром политической системы. Организационно-практическая функция партийных комитетов проявлялась в современной и четкой постановке политических задач в сфере военного строительства, эвакуации населения и имущества, развитии экономики в тылу. На второй день войны ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О задачах партийных и советских органов в условиях военного времени». На крупных предприятиях промышленности, строительства и транспорта был учрежден институт парторгов ВКП(б), а также парторгов местных партийных комитетов. К важнейшим программным, партийным и правительственным документам на первоначальном этапе войны следует отнести директиву СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. В ней изложена программа превращения страны в единый боевой лагерь, первоочередные меры по мобилизации всех сил народа и ресурсов страны на отпор врагу. В этом судьбоносном документе указывались пути решения главных военно-политических задач в борьбе с нацизмом, были определены справедливые, освободительные цели войны, ее всенародный характер. «Задача большевиков подчеркивалось в директиве – сплотить народ… для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы» [2, с. 356]. В условиях войны, все партийные структуры действовали как единый сплоченный коллектив. Сложные проблемы, которые встали перед страной, и в крайне неблагоприятной обстановке разрешались при высокой организации управления и подчинения всего имеющегося потенциала общества потребностям обороны. Несмотря на то, что на Германию работала экономика почти всей оккупированной Европы, СССР смог в сжатые сроки провести перестройку хозяйственного комплекса и превзойти агрессора по производству военной техники, дать своей армии современное вооружение.

В 1941–1945 гг. ВКП(б) была сражающейся партией. С начала войны до конца 1941 г. на партийно-политическую работу в Красную Армию и Флот было послано 8800 руководящих партийных работников. За первые шесть месяцев войны по партийному призыву, добровольно и по общей мобилизации влились в действующую армию более 1100 коммунистов [16, с. 7]. К концу 1941 г. в Вооруженных силах насчитывалось 1300 тыс. коммунистов, то есть 42,4% всего состава партии [11, с. 441]. Члены партии были примером организованности и стойкости в боях с фашистами. В самой тяжелой и значимой битве сурового первого периода войны в обороне Москвы погибло 936,6 тыс. воинов Красной Армии, из них на московском поле боя пало более 400 тыс. коммунистов [12, с. 3].

Политработники, комиссары не отсиживались в тылу, блиндажах, как смеют утверждать отдельные историки и политики. Писатель И. Стаднюк, сам прошедший дорогами войны, свидетельствует: «Из училища нас выпустили в конце мая 1941 года полторы тысячи человек (3 батальона политработников). А после войны, по картотеке партучета Политуправления сухопутных войск, я выяснил, что из них уцелело около двух десятков…» [15, с. 183]. Любой человек, знающий арифметику, найдет ответ на вопрос, как вели себя во время боя коммунисты.

Фашисты, как уже выше сказано, намеревались, в первую очередь, истребить комиссаров, политруков, коммунистов, но приток в ряды ВКП(б) с каждым днем возрастал. Основное пополнение шло через армейские и флотские организации, подпольные райкомы и горкомы, парткомы тыловых предприятий. Зная, что «красная книжечка» не дает привилегий, кроме одной: «быть впереди других на фронте, на решающих участках, ни на шаг не отступать, первым подниматься в атаку», тысячи бойцов и командиров в самое тяжелое ответственное время писали заявление с неизменными словами: «хочу в бой идти коммунистом». В 1942–1944 гг. в партию ежемесячно вступали в среднем 125 тыс. человек [7, с. 72]. Летом 1943 г. в Советских Вооруженных силах было 6,4 млн. чел. В их числе – 40% коммунистов [6, с. 152–153]. Почти три четверти всех Героев Советского Союза – коммунисты. Из трехсот воинов, занесенных за беспримерные подвиги в списки личного состава частей, кораблей, военно-учебных заведений, – 134 коммуниста [7, с. 643].

В сложных условиях пришлось вести свою деятельность партийным организациям Беларуси. Коммунисты не могли принять и не приняли «новый немецкий порядок». Члены ЦК, обкомов, горкомов ушли в действующую армию, налаживали работу эвакуированных предприятий в тыловых районах страны. В начальный период войны партийные комитеты, первичные организации стали центрами помощи действующей армии. Из коммунистов, комсомольцев для

охраны предприятий, дорог, мостов, борьбы с вражескими лазутчиками, парашютистами повсеместно создавались вооруженные группы и отряды. Только в Витебской области было сформировано 26 истребительных отрядов и батальонов, которые насчитывали 3648 человек [13, с.100]. Крупные добровольческие отряды сформированы в Орше, Полоцке, Россонском, Суражском, Лиозненском районах. Сдерживая силы противника, бойцы этих формирований проявляли высокое мужество. В июльские дни 1941 г. партийная организация области понесла первые потери в своих рядах. В неравном бою с отборными фашистскими армиями погибло много партийных и комсомольских активистов, в том числе первый секретарь Глубокского райкома партии В.Т. Анисковец, секретарь Браславского райкома партии П.Г. Печенко [10, с. 19].

На территории, занятой врагом, уже в первые дни войны четко прослеживалось специфическое социально-политическое содержание партийной деятельности: переход партийных комитетов на нелегальное положение с целью сплочения своих членов и населения страны на борьбу с захватчиками. Создание широкого патриотического движения стало первейшим делом Компартии Беларуси. 30 июня 1941 г. ЦК КП(б)Б принял директивы «О переходе на подпольную работу партийных организаций районов, занятых врагом», а 1 июля – директиву «По развертыванию партизанской войны в тылу врага» [1, с. 55]. Реализуя их, партийные организации создавали антифашистское подполье. В первую очередь оно формировалось за счет коммунистов и комсомольцев. Верховное командование Германии признало, что «…с самого начала военной компании против советской России в оккупированных… областях возникло коммунистическое повстанческое движение» [14, с. 89].

В БССР в годы войны функционировало около 200 подпольных структур КП(б)Б (обкомов, горкомов, межрайпартцентров, межрайкомов, райкомов). В партизанских отрядах насчитывалось 1200 первичных партийных организаций.

В Витебской области в начале июля 1941 г. с участием секретарей ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, В.Г. Ванеева, И.И. Рыжикова, Г.Б. Эйдинова и первого секретаря ЦК ЛКСМБ М.В. Зимянина разработаны мероприятия по организации отпора врагу, укомплектованы партийные центры (тройки), созданы 72 первичные подпольные организации. Было подобрано для работы в подполье из числа партийного актива области более 60 коммунистов, в том числе секретари Железнодорожного райкома партии города Витебска Б.К. Семенов и И.Г. Григорьев, коммунисты-железнодорожники Н.А. Купалов, Н.В. Любченко, А.И. Колосовский, Н.В. Пальческий, И.И. Голдаевич, В.Э. Трестер. По линии комсомола для подпольной работы на оккупированной территории также сформирована большая группа молодежи. Среди них молодой коммунист, секретарь комсомольской организации облисполкома А.Е. Белохвостиков, внештатный секретарь Первомайского райкома комсомола В.А. Козловский и ряд студентов- коммунистов педагогического института [17, с.19].

В нынешних границах Витебской области действовало 20 райкомов партии, обком, горком партии. Располагаясь в деревнях Бор, Есиновец Усвятского, Беляево Велижского районов, Витебский обком КП(б)Б был центром народного сопротивления. В рамках нынешнего административно-территориального деления области обком координировал деятельность 59 партизанских бригад [4, с.19, 31].

За партийными организациями была решающая роль в повышении организованности и боеспособности в отрядах и соединениях. Во многих партизанских отрядах партийная прослойка доходила до 20% [7, с. 492]. Казалось бы, сохранить себя, своих близких в условиях оккупации надежнее было бы, оставаясь беспартийным. Но зрелость и ответственность за судьбу страны, что наблюдалось в партийной среде, побуждали людей к вступлению в ряды политической организации. В то время, когда приходилось отбивать атаки отборных соединений гитлеровцев, блокировавших партизанскую бригаду «Дяди Кости», ее командир К. Заслонов написал заявление о приеме в ВКП(б). В заявлении он указывал: «обещаю устав нашей партии выполнять честно и полностью, выполнять любые партийные поручения и государственные задания не щадя ни собственных сил, ни жизни». 14 сентября 1942 г. на заседании Богушевского подпольного райкома партии К. Заслонов был принят в ряды ВКП(б). Коммунист К. Заслонов с честью выполнил свой долг перед родиной.

К началу 1944 г. партийные организации Беларуси приняли в партию более 10 тыс. человек. За все годы войны в партию вступили 12,5 тыс. партизан [7, с. 496]. Командование возлагало на коммунистов самые трудные задачи. В разведке, в бою – всюду, где была наибольшая

опасность, коммунисты своим примером поднимали боевой дух, увлекали бойцов на героические поступки.

Подпольные партийные структуры наладили среди населения оккупированных территорий широкую политическую работу. Устная агитация сочеталась с печатной, создавалась полиграфическая база. Уже в 1942 г. подпольщики и партизаны Беларуси получили несколько десятков портативных типографий, это позволило выпускать не только листовки, но и газеты. В 1943 г. в Беларуси выпускалось 162 газеты – больше, чем накануне войны. 7 июня 1942 г. возобновилось издание газеты Витебского подпольного обкома партии «Віцебскі рабочы» [4, с. 30]. Партийно-политическая работа в тылу врага имела огромное значение в мобилизации населения на вооруженную борьбу с оккупантами, на срыв их планов экономического использования занятых территорий, на предотвращение угона советских людей в гитлеровскую Германию. Население уклонялось от работы на оккупантов, саботировало их распоряжения. За все годы войны гитлеровцам под дулом автоматов удалось привлечь на временные работы на предприятиях республики менее 1% трудоспособного населения [5, с. 92].

Всю сущность гитлеровского «нового порядка» испытало на себе население оккупированных территорий. Беларусь не была полным исключением деструктивного поведения отдельных лиц. В этих жутких условиях из-за карьеристских помыслов, надежды добиться национальной государственности, малодушия, а также желания физического выживания небольшая часть граждан участвовала в создании угодных для оккупантов формирований. Можно понять и сочувственно отнестись к людям, которые испытали особую жестокость фашистов, истязания, голод и холод. Но ни в коем случае нельзя оправдать тех, кто выступил на стороне злейшего врага гуманизма и справедливости – фашизма.

Поведение коллаборационистов никакой реабилитации не подлежит. Среди белорусского населения оккупанты нашли мало своих сторонников. Там, где можно насчитать десятки предателей родины, хорошо просматриваются сотни тысяч людей, которые честно и самоотверженно защищали свое Отечество. Борьба против фашистов на территории Беларуси была поистине всенародной, она изумила весь мир своим размахом: 374 тыс. человек вступили в борьбу с захватчиками в составе партизанских вооруженных сил, 70 тыс. – в подпольных организациях, сотни тысяч патриотов насчитывалось в массовом движении. Фактически резервом партизан и подпольщиков были все советские люди, стремившиеся к борьбе с врагом. В конце 1943 г. 60% территории Беларуси находилось в партизанских зонах, где партийные комитеты выступали как территориальные руководящие органы. За годы оккупации патриоты Беларуси уничтожили полмиллиона гитлеровских захватчиков [3, с. 275]. Такие сведения нельзя оставлять без внимания. Народ непокорившейся Беларуси заслужил всеобщее признание и благодарность на века, его подвиг бессмертен.

Катастрофа фашистов на Восточном фронте предопределена уже в самом начале Великой Отечественной войны. Пунктуально рассчитанные по дням и часам оперативные планы и графики главного командования вермахта были перечеркнуты в первые же часы войны. То, чего не видел Гитлер в Берлине, сразу стало ясно тем, кто возглавлял армейские соединения, ворвавшиеся на территорию СССР. По оценке немецкого командования с первых дней войны (скорее всего уже в г. Бресте) солдаты вермахта впервые после успешных завоеваний узнали, что значит драться согласно русскому образцу. Агрессоры признали, что война с Россией – это такая война, где знаешь, как начать, но не знаешь, чем она окончится.

Не являясь приверженцем категорических утверждений, здесь, однако, выскажусь однозначно: Победа в Великой Отечественной войне обеспечена не действием страха, духа, безысходности, жертвенности и насилия со стороны режима, как пишут некоторые авторы, она обеспечена сплоченностью людей, наличием у наших соотечественников богатого духовного мира, мужества, стойкости и трудолюбия. Эти черты, проявляющиеся в массовом порядке, нередко выливались в фанатизм, несвойственный западному гражданскому обществу.

Исторический аспект этой проблемы в обобщенном виде, на наш взгляд, состоит в том, что такие чувства и действия во время войны, скорее всего – свойство славянского характера, когда в решающий момент происходит концентрация энергии.

Период Великой Отечественной войны – наиболее яркая страница в истории правящей партии. Миллионы ее членов честно и самоотверженно выполняли свой долг перед народом, находились в центре ратной и трудовой жизни. В разведке, в бою всюду, где была наибольшая

опасность, коммунисты своим примером поднимали боевой дух, увлекали бойцов на героические поступки. Несмотря ни на какие издержки, члены партии в годы войны сумели донести до народа главную и неоспоримую идею о смертельной опасности, нависшей над страной, о жизни и смерти страны и государства. Они оказывали сильное влияние на формирование в обществе морально-политического единства и сплоченность народа, что являлось одним из важнейших слагаемых нашей Победы.

Литература

1. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 г.): документы и материалы. – Минск, 1967. – Т. 1. – 432 с.
2. Вопросы истории КПСС. – 1965. – № 5. – С. 6–10.
3. Гісторыя Беларусі: вучэб. дапам.: у 2 ч. / Я.К. Новік [і інш.]; пад рэд.: Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск: Універсітэцкае, 2000. – Ч. 2: Люты 1917–2000 гг. – 464 с.
4. Дорофеенко, Н.В. Витебская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.) / Н.В. Дорофеенко // История Витебской областной партийной организации: тезисы докладов науч.-теор. конф. традиции и преемственность. – Витебск, 1987. – С. 21–32.
5. Дубовик, А.К. Профсоюзы Беларуси в период Великой Отечественной войны / А.К. Дубовик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2005. – № 2. – С. 90–97.
6. Жуков, Г.К. Воспоминание и размышление. В 2 т. / Г.К. Жуков. – Москва: Агентство печати Новости. – 1975. – Т. 2. – 617 с.
7. История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. – Кн. 1 (1938–1945 гг.). – Москва: Политиздат, 1970. – Т. 5. – 691 с.
8. История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. – Москва: Воен. изд-во, 1982. – Т. 12. – 495 с.
9. Крапивин, С. Исход номенклатуры и народная трагедия / С. Крапивин // Народная воля. – 2010. – 29 июня. – С. 4.
10. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза // Сборник документов, 1917–1958 гг. – Москва: Госкомиздат, 1958.– 453 с.
11. КПСС и строительстве Вооруженных Сил. – Москва: Воениздат, 1959. – 523 с.
12. Кожемяко,С. Сражающаяся партия / С. Кожемяко // Правда. – 2010. – 27–28 апр.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Фонд 4. – Оп. 33. – Д. 65.
14. Признание начальника верховного командования вермахта Кейтеля // Преступные цели – преступные средства. – 3-е изд. – Москва, 1985. – 456 с.
15. Стаднюк, И. Исповедь сталиниста / И. Стаднюк. – Москва: Патриот, 1964. – 411 с.
16. Тозик, А.А. В дни суровых испытаний / А.А. Тозик. – Минск,1981. – 287 с.
17. Якубовский, Н.А. Храня верность. / Н.А. Якубовский. Блокнот агитатора. – 1970. – № 5. – С. 17–23.

Карманенков А.Ю.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 21-го МОТОРИЗОВАННОГО ТОПОГРАФИЧЕСКОГО ОТРЯДА НАКАНУНЕ И В ПЕРВЫЙ ГОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Военно-топографическая служба Красной армии была создана, конечно, не в полной мере, но все же, на базе Корпуса военных топографов. История службы связана как с постоянным совершенствованием и развитием способов и технологий топогеодезических работ, так и с эволюцией организационно-штатных структур [1, с. 15].

Отряд сформирован в г. Каунасе согласно директиве заместителя начальника ГШ КА № 0/3/104674 от 17.07.1940 г.: «…к 1.10.1940 г. сформировать 21-й топографический отряд по штату № 22/905 в Прибалтийской военном округе, с дислокацией по решению Военного Совета» [2, с. 1]. Первый приказ по отряду датируется 19.10.1940 г. Основу отряда составили выпускники Ленинградского военно-топографического училища, получившие звание «лейтенант» и назначенные в отряд приказом НКО СССР № 04532 от 7.10.1940 г. Размещался отряд в помещениях бывшего Военно-топографического отдела штаба Литовской армии (ул. Мишко, 10). Приказом войскам Прибалтийского особого военного округа № 0305 от 18.12.1940 г. к отряду были временно прикомандированы 19 офицеров-топографов бывшей Литовской Народной армии (трое – начальники отделений, один инженер, 15 военных топографов). Следующим аналогичным приказом № 0306 были прикомандированы 11 офицеров-топографов Эстонской Народной армии (трое – начальники отделений, 8 военных топографов) [2, с. 1].

Личный состав 21-го топографического отряда проводил геодезические работы на территории ранее принадлежащей Польше, Литве, Латвии и Эстонии. Было выполнено: перевычисление координат пунктов литовской триангуляции из Варшавской системы в Пулковскую и координат Зольднера в координаты Гаусса-Крюгера. Совместно с советскими офицерами вычислениями занимались военные топографы бывшей Литовской армии, (они ожидали назначения в 21-й топографический отряд). С 3.02.1941 г. литовские военные топографы были зачислены в кадры Красной Армии и вошли в состав сформированного топографического отряда при 29-м Литовском национальном стрелковом корпусе Прибалтийского Особого военного округа.

С мая 1941 г. отряд выполнял полевые работы по съемке пограничной полосы с Германией (район г. Мемель) и далее по побережью Балтийского моря, включая острова Эзель (Сааремаа) и Даго (Хийумаа). В июне 1941 г. штаб отряда располагался на территории Литовской ССР в местечке Алседжяй, это было совсем рядом с границей. К 20-му июня 1941 г. отделениями отряда были подготовлены планшеты с обоснованием, но перенести этот материал на карты они уже не успели – началась война [3, с. 2].

Войну топографы отряда встретили практически сразу. В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. недалеко от полевого штаба отряда литовские националисты зверски убили топографа 2-го разряда лейтенанта М.П. Трикозенко вместе с женой, грудным ребенком и пятью красноармейцами. В эту же ночь в г. Каунас была зарезана семья комиссара отряда старшего батальонного комиссара Ф.П. Асафьева (жена, дочь и двое малолетних сыновей). В первые часы войны личный состав отряда подвергся внезапному нападению как с фронта (немецко-фашистские войска), так и с тыла (литовские фашисты). Многие военные топографы, работавшие в приграничных районах, вместе с пограничниками участвовали в боевых действиях (капитан А.Д. Соколов, ст. лейтенант К.Ф. Левушкин и пр.). Лейтенант П.С. Яшин отправил одного красноармейца в штаб отряда со съемочным планшетом, а с остальными принял бой и попал в плен. Лейтенант В.А. Поросятников оказался в окружении, уничтожил все документы и инструменты и погиб, отстреливаясь до последнего патрона [2, с. 1].

С 22 июня 1941 г. 21-й моторизованный топографический отряд отступал в направлении г. Каунаса. Последними эшелонами в ночь на 23 июня были эвакуированы семьи военных топографов. В ходе эвакуации, которая проводилась слишком быстро, погибла значительная часть топогеодезических материалов. Часть личного состава отряда и штаб, вышедшие из окружения, отступали от границы вглубь страны. Путь отступления проходил через города: Шауляй, Рига, Старая Русса, Псков, Новгород. В городе Рига в течение двух дней (25–26 июня) военнослужащие отряда участвовали, под непрерывными бомбардировками, в эвакуации Рижской картографической части, склада карт и непосредственно топографического отдела штаба фронта.

14 июля 1941 г. отряд прибыл в г. Бежецк (Калининская обл.), где находился отдел Военно-топографической службы фронта (ВТС). После доукомплектования (в первую очередь, рядовым составом) и получения топографических инструментов отряд приступил к выполнению задач, поставленных 26 июля отделом ВТС штаба фронта. В частности, отделение капитана Н.М. Кондратова 27 июля убыло для выполнения задач в штаб 11-й армии, а отделение капитана С.М. Удальцова – в штаб 34-й армии, для обеспечения артиллерии геодезическими данными. 16 августа весь отряд убыл во фронтовую полосу, штаб расположился в пос. Куженкино (Калининская обл.). Отряд выполнял работы по обеспечению топогеодезическими данными артиллерии всего Северо-Западного фронта (на передовых и тыловых рубежах), а также инженерных сооружений [2, с. 2].

Далее, в течение 1941 г. отряд выполнял много топогеодезических работ по обеспечению операций советских войск, было вычислено 2781 км теодолитных ходов, определено на местности 7134 координатные точки, изготовлено большое количество различных тактико-оперативных документов для войск фронта. К награде были представлены офицеры топографического отделения капитана В.С. Франчука.

Личный состав 21-го отряда продолжил славные традиции Корпуса военных топографов прошлого и с честью выполнял возложенные командованием задачи до самого конца войны.

Литература

1. Долгов, Е.И. История частей топографической службы / Е.И. Долгов, С.В. Сергеев. – Москва: Аксимо, 2012. – 642 с.
2. 21-й моторизованный топографический Штеттинский Краснознаменный отряд // Российская военная техника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russianarms. myll. ru / 2012.pdf. – Дата доступа: 07.12.2012.
3. Ершов, Э.Б. Роль топографической службы в годы Великой Отечественной войны (Из воспоминаний участника ВОВ, офицера 21-го топографического отряда, майора запаса Бориса Васильевича Закаляпина) / Э.Б. Ершов // Российская военная техника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russianarms. myll.ru/2014.pdf. – Дата доступа: 04.01.2014.

Егоров А.М.

ПЕРВЫЕ БОИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ ЛЕТОМ 1941 ГОДА

В период Великой Отечественной войны Псковский край стал одним из первых рубежей обороны, способствовавших замедлению вероломного наступления немецко-фашистских войск в июне-июле 1941 года. Одним из первых удар захватчиков на Северо-Западе России принял на себя город Остров, лежащий на полпути между Псковом и Опочкой. В этом районе находится пересечение трассы Санкт-Петербург – Киев (Псковское шоссе) с дорогой на Даугавпилс, которая летом 1941 года послужила прямым коридором продвижения восточного фланга немецкой группы армий «Север» из Восточной Пруссии через Прибалтику в направлении Ленинграда.

По мере продвижения врага к псковскому участку старой советской границы возрастало сопротивление ему. Еще 27 июня 1941 года, на седьмой день войны, младший лейтенант Петр Харитонов, вылетев на патрулирование воздушных подступов к Ленинграду, недалеко от Пушкинских Гор встретил вражеский бомбардировщик «Юнкерс-88» и атаковал его. После того, как отказало оружие, советский пилот, подойдя вплотную, ударил винтом «Ю-88» и сбил его.

На следующий день подвиг однополчанина повторил Степан Здоровцев, таранивший немецкий самолет-разведчик. Выбросившиеся на парашютах немецкие летчик и штурман были взяты в плен в окрестностях села Михайловского. А Степан Здоровцев благополучно приземлился на своем аэродроме в Острове. На допросе пленные жаловались, что советские летчики дерутся не по правилам и применяют такой вид боя, от которого невозможно спастись [1, с. 21].

Через несколько дней пилот того же авиаполка Михаил Жуков перехватил фашистский бомбардировщик, направлявшийся в сторону Пскова. Израсходовав весь боекомплект, советский истребитель пошел на таран, спасаясь от которого немецкий самолет потерял высоту и упал в близлежащее озеро.

Чуть позже, 8 июля 1941 года Указом президиума Верховного Совета СССР указанным летчикам – первым в Великой Отечественной войне – за проведенные тараны вражеских самолетов было присвоено звание Героев Советского Союза.

Упорное сопротивление фашистским захватчикам на островском направлении оказали и наши наземные войска, которым приходилось действовать в условиях если не численного, то позиционного превосходства противника. В то время, как советские соединения были равномерно растянуты вдоль линии Северо-Западного фронта, протянувшейся от Пярну, на северном берегу Рижского залива, через Тарту до Чудского озера и от Пскова вдоль реки Великой до Пушкинских Гор и Опочки, немецкие части концентрировались для удара по линии Остров – Псков.

Утром 4 июля 1941 года волна немецкого наступления докатилась до Острова. Ожесточенные бои за этот стратегический перекресток продолжались три дня. Немецкие танки с мотопехотой несколькими группами обошли расположенный перед городом укрепрайон, после чего вышли на Псковское шоссе возле деревни Гораи в 30 км южнее.

Вечером того же дня передовая колонна танков противника прорвалась на южную окраину Острова. Шоссейный и железнодорожный мосты через Великую оказались захвачены врагом неповрежденными – хотя ранее они были подготовлены к взрыву. Казалось, прямой путь на Псков открыт. Однако враг просчитался. Командование Северо-Западного фронта отреагировало на изменение оперативной обстановки весьма оперативно: уже в 18:00 наши войска получили приказ предпринять контрнаступление с целью отбить мосты и отбросить врага за линию укрепрайонов.

В течение следующих суток город дважды переходил из рук в руки. За это время немцы потеряли под Островом более 140 танков [3, с. 256]. В период указанных боев командир авиаэскадрильи, переброшенной под Остров из Пскова, капитан Леонид Михайлов повторил подвиг Николая Гастелло, направив свой подбитый самолет на колонну вражеских танков.

На пути врага встали воины 111-й стрелковой дивизии под командованием полковника И.М. Иванова. Однако 6 июля крупные танковые соединения врага при мощной поддержке авиации прорвали нашу оборону и окончательно заняли Остров. 111-я стрелковая дивизия вынуждена была отступить к Пскову и окопалась на его южных окраинах между шоссе и рекой Великой. Одновременно с этими событиями Ставкой было принято решение о срочной подготовке Лужского оборонительного рубежа по рекам Луга, Мшага и Шелонь до озера Ильмень.

В то время, как главные силы немцев боролись за переправы в Острове, их 36-я моторизованная дивизия из состава 41-го танкового корпуса действовала автономно, продвигаясь к Пскову западнее – вдоль левого берега реки Великой через граничащие с Латвией и Эстонией районы Псковщины. 4 июля она вышла в окрестности Качаново в 35 км северо-западнее Острова и нанесла удар в стык между 399-м и 532-м стрелковыми полками 111-й дивизии.

5 июля 36-я моторизованная дивизия немцев атаковала Псковский укрепленный район у деревни Филатова гора, расположенной на левом берегу реки Великой в 20 км юго-западнее Пскова. Несмотря на это, подразделения 118-й дивизии прочно удерживали оборону по старой государственной границе вплоть до 7 июля 1941 года. Однако в их тылу по другую сторону реки – на ее правом, восточном берегу – обстановка складывалась все более драматически.

Вечером 6 июля враги окончательно заняли Остров. Отсюда главные силы 4-й немецкой танковой армии начали наступление на Псков, после захвата которого они смогли бы ударить через Лугу прямо на Ленинград. 41-му танковому корпусу было приказано двигаться на север по шоссе Остров – Псков. 56-му корпусу, вновь направленному восточнее, поставили задачу продвигаться через Порхов в направлении Новгорода и Чудова с тем, чтобы, по возможности, перерезать сообщение между Ленинградом и Москвой. Дивизия СС «Мертвая голова» была переброшена южнее Острова в качестве резерва танковой группы.

Наши войска перешли к обороне на рубеже Псковский укрепрайон – река Великая – река Череха и далее по восточному берегу Великой до Опочки и южнее.

Запоздалый выход советских подкреплений в район Пскова позволил противнику завладеть стратегической инициативой и развить наступление в данном направлении. 111-я и 118-я дивизии 41-го стрелкового корпуса, отправленные из Костромы и Ярославля, выгружались из эшелонов на станциях Псков, Карамышево и Черская начиная с 1 июля. Однако последние эшелоны прибыли только 6 июля, и лишь в этот день все их части смогли занять назначенные рубежи обороны.

Отступавшая из Эстонии 28-я танковая дивизия Красной Армии, также получила задание закрепиться в районе реки Череха по линии шоссе Псков – Остров. Вечером 7 июля на шоссе южнее Черехи развернулось настоящее танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало не менее 200 машин. В районе Летово (между стоящими на трассе деревнями Соловьи и Стремутка) экипажи подбитых танков вступали друг с другом даже в рукопашный бой [2, с. 38–39].

8 июля танки противника опять не смогли пробиться к Пскову со стороны Острова. Его 36-я моторизованная дивизия была на какое-то время задержана защитниками Псковского укрепрайона на левом берегу Великой. Встретив упорное сопротивление, фашисты обошли Псков с востока, форсировали Череху на переправах у деревни Карамышево и начали развивать наступление в сторону Луги. Это создало реальную угрозу окружения тех красноармейских частей, которые находились за рекой Великой.

Под угрозой полного окружения 118-я и 111-я стрелковые дивизии вынуждены были 9 июля оставить Псков.

Особое внимание наступавший враг уделял Великим Лукам как мощному железнодорожному узлу, открывающему короткий путь на Москву. Поэтому после захвата Острова штурмовые части противника разделились. В то время, как их основная масса двинулась на север и северо-восток в направлении Пскова и Порхова, 10-й корпус немцев получил приказ форсировать реку Великую южнее – между Островом и Опочкой у деревни Селихново, после чего захватить Пушкинские Горы и Новоржев. Оседлав дорогу Пушгоры – Новоржев гитлеровцы рассчитывали получить подход к Великим Лукам с севера, что позволяло им, в свою очередь, поддержать наступление левого фланга группы армий «Центр» в разворачивавшемся на московском направлении Смоленском сражении (10 июля – 10 сентября 1941 года).

Одновременно с этими событиями части 24-го стрелкового и 21-го механизированного корпусов Красной Армии, оборонявших город Остров, получили новую задачу: отойти на юго-восток и укрепиться в окрестностях Пушкинских Гор, на правом берегу реки Великой – главной водной артерии, пересекающей с юга на север до Псковско-Чудского водоема западные районы края. Участок фронта, занимаемый указанными корпусами, протянулся от города Опочки до места впадения реки Сороти в Великую более чем на 30 километров. По приказу

командования Северо-Западного фронта корпуса перешли в распоряжение 27-й армии под руководством генерал-майора Н.Е. Берзарина (первого коменданта Берлина в 1945 году).

Два дня, 7-го и 8-го июля, с переменным успехом шли ожесточенные бои за Пушкинские Горы. Бросая в бой свежие силы, фашистам удалось обойти левый фланг 128-й дивизии и вечером 9 июля ворваться в Пушкинские Горы. Однако уже утром 10 июля наши войска контратаковали и выбили врага с занятых на несколько часов позиций. Не добившись успеха лобовыми атаками, гитлеровцы спешно начали перегруппировку своих сил. После захвата Пскова 9 июля они перебросили на юг под Опочку значительное число боевой техники.

Значительно активизировали свою деятельность фашистские диверсанты, причиняя немалый урон защитникам Пушкинских Гор. Так, от их пуль в районе Михайловского и Петровского погибли полковник Авдеев, подполковник Карасев, старший политрук Лукьянов, старший лейтенант Наумок [1, с. 32–33].

Новое наступление передовых соединений противника в этом районе началось 13 июля 1941 года. Упорное сопротивление советских воинов не позволило им развить лобовую атаку. Однако вечером 15 июля, обойдя левый фланг 195-го полка, противник с юга ворвался в город Новоржев, расположенный восточнее Пушкинских Гор. В тот же день другая часть немецкой армии, двигавшаяся от поселка Выбор, подошла к Новоржеву с северной стороны. В результате красноармейские подразделения, оборонявшие Пушкинские Горы, попали в окружение и в ночь на 16 июля начали отступление, сумев к 27 июля выйти из окружения.

Можно обоснованно утверждать, что героическая оборона левого фланга Северо-Западного фронта не позволила немцам в июле 1941 года развить наступление в направлении Великих Лук, что предотвратило, в свою очередь, выход противника в тыл советским войскам, державшим оборону в районе Идрицы – на правом фланге Западного фронта, прикрывавшего Москву.

Значение мужественных действий защитников псковского рубежа для западного направления летней кампании 1941 года было признано руководством страны позднее – уже в ходе Смоленского сражения, происходившего с 10 июля по 10 сентября. В связи с этим, 31 августа 1941 года в центральных газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении красноармейцев, отличившихся в боях с немецкими войсками в районе Пушкинских Гор.

Литература

1. Бакусов, Г.А. В лесах за Соротью / Г.А. Бакусов. – Ленинград: Лениздат, 1988. – 320 с.
2. Ланнуа, Ф. де. Битва за Ленинград. 1941. 22 июня – 31 декабря / Ф. де Ланнуа. – Москва: Эксмо, 2009. – 184 с.
3. Псковский край в истории России / под ред. Е.П. Иванова. – Псков: Изд-во Псковского обл. ин-та усовершенствования учителей, 1996. – 288 с.

Никитин Р.М.

ЗАЩИТА ВИТЕБСКА 9–12 ИЮЛЯ 1941 ГОДА И ПРОБЛЕМАТИКА ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

До недавнего времени в массовом сознании и даже среди исследователей начального периода Великой Отечественной войны была распространена гиперболизированная поэтическая характеристика витебских событий 9 – 12 июля 1941 г. Выраженная в известном стихотворении белорусского советского поэта Аркадия Кулешова, первой строкой которого является утвердительное «сдан город Витебск…», она не имеет ничего общего с реальностью тех дней даже в географическом плане. Защитники Витебска, красноармейцы и ополченцы, не «уходили вдоль Двины», а «откатывались» от нее под напором превосходящих сил противника. Однако случилось это лишь на третий день упорных уличных боев. И вместе с тем, у поэта есть своя правда, пронизанная горечью потери любимого города, со сквозящим между строк вопросом: как же такое могло произойти?

Сдача Витебска, открывавшая путь на Смоленск, не могла привидеться Ставке Главного Командования и в страшном сне. Тем не менее, именно ее председатель, народный комиссар обороны маршал С.К. Тимошенко несет ответственность за прорыв к городу 20-й танковой дивизии 39-го армейского (моторизованного) корпуса 3-й танковой группы (командующий – ге-

нерал-полковник Герман Гот) с последующим овладением его западной частью 9 июля 1941 г. Так как в период со 2 по 19 июля Тимошенко непосредственно командовал Западным фронтом, его ответственность является прямой, полной и безусловной. Именно он, прельстившись возможностью разгрома оторвавшихся от пехотных дивизий моторизованных соединений вермахта, 4 июля подписал директиву № 16 о подготовке контрудара на Сенно и далее на Лепель [1], неудача которого во многом предопределила дальнейший ход событий на данном участке фронта. Что касается подписанной им позднее директивы на уничтожение прорвавшегося к Витебску противника с созданием «прочной» обороны на восточном берегу Западной Двины [2], то она была трудно выполнима, о чем Военный Совет Западного фронта не мог не знать. Прежде всего – по причине медленного развертывания 19-й армии (I-го формирования), вынужденной вступать в бой по частям по мере их прибытия. Иными словами, Советское командование могло рассчитывать, что контрудар под Сенно окажется таким сокрушительным, что врагу будет не до Витебска, а также на то, что город окажется надежно прикрыт с севера и запада целой армией, вместо одной единственной 186-й стрелковой дивизии 22-й армии (I-го формирования) Западного фронта, занимавшей с приданным ей Лепельским минометным училищем полосу в 60 километров по фронту. Итоговое поражение 5-го и 7-го механизированных корпусов и запаздывание с развертыванием на Витебском направлении 19-й армии [3] превратили замысел командующего вырвать стратегическую инициативу у противника и перейти от войны оборонительной к войне наступательной в авантюру. К сожалению, в те июльские дни германской армии удалось ровно то, что не получилось у Советской, – наступать, обороняясь, примерами чего являются, и вместе, и по отдельности, Сенно-Лепельская и Витебская операции. Между тем, наиболее нежелательным вариантом для немецкого командования еще при разработке будущего плана «Барбаросса» была та самая «прочная» оборона по рубежам Западной Двины, Днепра и в их междуречье – так называемых «Смоленских воротах», о которой издал свою запоздалую директиву нарком обороны. Вариант, при котором армии первого советского стратегического эшелона, не ввязываясь в приграничное сражение, отойдут к Западной Двине и Днепру, был признан немецкими штабистами наихудшим из возможных [4, с. 318]. Как мы знаем, в реальности он осуществлен не был, но на тех же рубежах судьба предоставила еще один шанс уже второму стратегическому эшелону.

Перечисляя в своей справке соединения, имевшиеся в распоряжении 19-й армии к 9 июля 1941 г., ее штаб делает категоричное заключение: «Таким образом, на витебском направлении войск 19 армии не было вовсе. В связи с этим армии был подчинен 23 механизированный корпус, сосредоточившийся в районе Стасево и имевший в качестве реальной силы одну 220 мсд (фактически едва сформированное по штатам мсд соединение без танков и машин при неполном оснащении артиллерией)».

Одной из главных проблем существующего в настоящее время освещения защиты Витебска 09–12 июля 1941 г. является его фрагментарность. За исключением, возможно, лишь работы В.В. Акуневича «Оборона Витебска летом 1941-го» [6], целостная картина событий тех дней практически отсутствует: оборона 9-го июля словно отделена от боев 10–12-го глухой стеной. Это обусловлено как характером самих боевых действий, так и спецификой их исследований. Лишь в ночь с 9-го на 10-е в городе появляется единственное крупное соединение РККА, 220-я дивизия, имевшая печать моторизованной, в большинстве документов указанная как мотострелковая, а, по сути, ввиду некомплекта матчасти – стрелковая дивизия, на что пытался обратить внимание Генштаба ее командир генерал-майор Н.Г. Хоруженко. Благодаря личному участию начальника штаба дивизии майора С.Н. Переверткина, впоследствии выдающегося советского военного деятеля, архивный фонд этого соединения в ЦАМО [5] располагает восстановленным после утраты в окружении журналом боевых действий 220-й мсд за 1941 г. по конец июля включительно. Однако, при всей уникальности этого ЖБД, являющего собой, по сути, авторизованный гибрид исторического формуляра и канонического боевого документа, к сожалению, из него не удается почерпнуть никакой информации о героической обороне 9-го июля, а также о взаимодействии армейских частей и народного ополчения. Эти сведения содержатся в сборнике воспоминаний, документов и публикаций «Витебск: первые дни войны…» [7]. При этом важно отметить, что здесь встречается ряд упоминаний о том, что с подходом войск Красной Армии, витебские ополченцы влились в их ряды [7, с. 58–61, 75–77, 79–83, 86–89]. Можно с полным правом говорить о том, что не какая-либо армейская часть, получившая

приказ на оборону, а именно ополченцы удержали восточную часть города до подхода войск. Отмечая достаточную исследованность их боевого подвига, нельзя не упомянуть выявленный недавно уникальный документ – «полевую записку» (копия имеется в распоряжении ВОКМ), свидетельствующую о существовании его единого дивизионного управления, пытавшегося наладить связь с частями РККА и сообщить о прорыве противника к Витебску. В то время, как все имеющиеся в настоящее время доступные источники говорят о сопротивлении, оказанном врагу лишь отдельными батальонами, дравшимися изолированно друг от друга.

Не последнюю роль в том, что 8–9 июля Витебск оказался, по сути, без войсковой защиты, сыграло смещение к 06.07.1941 г. разграничительной линии между соседними 22-й и 20-й армией, последовавшее за передачей 153-й стрелковой дивизии (I-го формирования) в подчинение последней. Разграничительная линия прошла прямо через город, причем для 22-й армии и ее левофланговой 186-й сд он стал исключением. Оборонять его должна была 153-я сд. Именно она, еще до передачи в подчинение 20-й армии «силами войск и местного населения подготавливала круговую оборону города Витебска по линии Мишкуры, Терерки, отметка 178, исключительно станция Княжица, Вороники» [8, с. 95]. Однако, дивизия приняла бой не на этих позициях, а юго-западнее – она оказалась задействована в Сенно-Лепельской операции. Сыграл свою роль и географический фактор, в частности, особенность направления течения Западной Двины (что хорошо осознавало немецкое командование), при которой переправа в районе Уллы открывала дорогу на Витебск без риска иметь дело с сохранившими боеспособность 153-й, 229-й сд, а также 14-й танковой дивизией РККА, и без дополнительной водной преграды – реки Лучоса. Учитывая то, что, переправившись 8-го июля через Западную Двину, части 20-й танковой дивизии вермахта оттеснили от Витебска на северо-восток, расчленили и частично окружили186-ю стрелковую дивизию, 9-го июля город оказался совершенно беззащитен. И хотя там пытались обороняться отдельные группы курсантов отступившего без приказа на западную окраину города Лепельского минометного училища, бойцы и командиры 37-й сд (I-го формирования), целыми армейскими частями они не являлись. Таковых в Витебске на тот момент вообще не имелось, если не считать 6-го отдельного разведывательного батальона 50-й стрелковой дивизии, имевшего в составе артиллерию и легкую бронетехнику. Что касается двух небезызвестных эпизодов, связанных с использованием в боях 9-го июля ремонтировавшихся здесь же тяжелых танков «КВ-2», то, по крайней мере, к одному из них следует отнестись критически. Речь о знаменитом колоссе, свалившемся под откос у здания тогдашнего обкома партии. Вот что говорится об этом в документах 14-й танковой дивизии, которой принадлежал танк: «…Машиной командовал лейтенант (фамилия неизвестна) из 137 дивизии. Машина ходила в разведку, и когда возвращалась, после отказа тормозов на подъеме после моста через р. Зап. Двина свалилась под откос, и 10.07.41 г. была взорвана» [9]. Тщетными окажутся поиски на фотографиях злосчастного танка, выставленных на международном аукционе E-Bay, следов того самого взрыва, факт которого, кстати, не подтвердил и местный житель, подростком ставший свидетелем этих событий. По-видимому, тот, кто составлял отчет, не предполагал когда-либо вернуться в Витебск и не подозревал о количестве фотоаппаратов у противника. Отдельный вопрос – упоминание о неизвестном лейтенанте из 137-й дивизии. Можно с уверенность сказать, что дивизии с таким номером в Витебске и поблизости не было. Утром 10-го июля в город ворвалась сводная рота 137-го танкового полка, входившего в 220-ю мсд. Таким образом, удалось установить, что опрокидывание, возможно, технически неисправного или выведенного из строя танка, произошло не 9-го июля, а уже 10-го либо 11-го.

Не в меньшей степени заслуживают критики и немецкие источники. Так, например, Герман Гот оценивает сопротивление в Витебске как слабое [10, с. 100]. Между тем, в отчете подчиненной ему как командующему 3-й танковой группой 20-й танковой дивизии вермахта говорится о совершенно обратном: «Постоянная авиаразведка предоставляла сведения о передвижениях вражеских войск. Они подтверждались жестким сопротивлением, на которое передовой отряд натолкнулся в Витебске…» [11].

На основании вышеизложенного, закономерным представляется вывод о том, что, несмотря на крупные просчеты советского командования, прорыв немецко-фашистских войск к Витебску не привел к немедленной сдаче города. Напротив, в течение трех дней за него шли упорные бои, в которых вместе с целыми и разрозненными частями Красной Армии героически сражались витебские ополченцы и милиционеры. Вместе с тем, воссоздание достоверной и целостной картины витеб-

ской обороны невозможно без исследования всех «белых пятен», связанных с участием в боях ряда советских и немецких частей (например, пограничных и других войск НКВД, 20-й тд вермахта), а также без критического осмысления уже известных источников.

Литература

1. ЦАМО. – Ф. 208. – Оп. 10169сс. – Д. 4. – Л. 128–129.
2. ЦАМО. – Ф. 208. – Оп. 10169сс. – Д. 4. – Л. 190.
3. ЦАМО. – Ф. 208. – Оп. 3038сс. – Д. 36. – Л. 27–36.
4. Лопуховский, Л. Июнь 1941. Запрограммированное поражение / Л. Лопуховский, Б. Кавалерчик. – Москва: Яуза; Эксмо, 2010. – 736 с.
5. ЦАМО. – Ф. 1490. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 1–30об.
6. Акуневич, В.В. Оборона Витебска летом 1941-го / В.В. Акуневич // Віцебшчына ў гады Вялікай Айчыннай вайны: мат-лы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, 24 чэрвеня 2004 г. – Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2004. – С. 12–17.
7. Витебск. Первые дни войны: хроника событий / сост. А.М. Подлипский. – Витебск: Витеб. обл. тип., 2011. – 96 с.
8. Еременко, А. В начале войны / А. Еременко. – Москва: Наука, 1965. – 320 с.
9. ЦАМО. – Ф. 3014. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 50.
10. Гот, Г. Танковые операции / Г. Гот. – Москва: Воениздат, 1961. – 208 с.
11. Мартов, В. Белорусские хроники, 1941 год / В. Мартов // Литературно-публицистический журнал ИДИОТ 41 [Электорнный ресурс]. – Режим доступа: http://www.idiot.vitebsk.net/i41/mart41_1. htm. – Дата доступа: 02.03.2014.

Дьяков Д.А.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЯХ 1941 г. НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Накануне Великой Отечественной войны Западный особый военный округ (ЗапОВО) (командующий Герой Советского Союза генерал армии Д.Г. Павлов) характеризовался как один из сильнейших военных округов на территории СССР. Здесь базировалась большая авиационная группировка, состоявшая из Военно-воздушных сил (ВВС) округа, дальнебомбардировочной авиации (ДБА) и авиации Пинской военной флотилии, а также авиации НКВД.

ВВС ЗапОВО (с 22.06.1941 г. – ВВС Западного фронта (ЗФ)) в зависимости от выполняемых задач подразделялись на фронтовую, армейскую и войсковую авиацию.

Боевые действия ВВС ЗФ начали с первых минут Великой Отечественной войны. Ранним утром 22 июня 1941 г. авиация 2-го воздушного флота (ВФ) противника нанесла удары по аэродромам армейской авиация ВВС ЗапОВО. Несмотря на сложную обстановку, летчики истребительной авиации, отражая налеты, сбили 143 самолета [1, л. 17] (по другим данным – более 100 самолетов) [2, с. 32]. Особенно активно действовали истребительные полки 10-й сад (33-й, 123-й иап) и 11-й сад (127-й иап и частично 122-й иап), которые менее пострадали от первых налетов. По нашим подсчетам, летчики этих полков сбили более 40 самолетов противника [3 л. 4; 4, л. 39]. Так, летчик 127-го иап старший лейтенант И.И. Дроздов выполнил пять вылетов и сбил два самолета, старший политрук А.А. Артемьев в девяти вылетах сбил три самолета противника. Отметим, что в этом полку начал войну заместитель командира эскадрильи лейтенант С.Я. Жуковский (будущий командующий 26-й ВА Белорусского военного округа).

В первый день войны пять летчиков применили воздушные тараны. Первый был совершен в 5.00 командиром звена 124-го иап младшим лейтенантом Д.В. Кокаревым в районе Замбров [5, л. 4]. Через 20 минут над Пружанами заместитель командира эскадрильи 33-го иап старший лейтенант С.М. Гудимов таранил бомбардировщик Хе-111, при этом погиб. Тараны также применили: старший политрук А.С. Данилов (122-й иап), младший лейтенант Е.Панфилов (126-й иап), лейтенант П.С. Рябцев (123-й иап) [6, с. 240–266].

На вторые сутки из-за постоянных ударов по аэродромам, все полки армейской авиации утратили боеспособность и были выведены на переформирование. Уцелевшие самолеты армейской авиации перебазировались сначала в Лиду, Барановичи, Лунинец и Минск, а затем в Могилев и Гомель, после чего убыли в тыл на переформирование. При этом 9-я сад была расформирована, 10-я сад после формирования вошла в состав ВВС Резервного фронта, 11-я сад – в ВВС Брянского фронта. Отметим, что практически все истребительные полки этих дивизий были переданы в состав авиации ПВО Москвы и Ленинграда.

Фронтовая бомбардировочная авиация ВВС ЗФ в первый день войны выполняла боевые вылеты на бомбардировку танковых групп противника в районе Сувалки, Домбров, Гродно с одновременным ударом по аэродромному базированию противника на меридиане Августов, Седлец. Однако, ввиду отсутствия истребителей сопровождения, авиационные полки 12-й бад и 13-й бад понесли потери. Особенно это касается 13-й бад, которая потеряла 64 самолета [7, л. 3].

Из бомбардировочных частей армейской авиации боевые задачи выполнял только 39-й сбап (10-я сад). Остальные были уничтожены на аэродромах.

По данным штаба ВВС ЗФ потери в первый день войны составили 538 самолетов (62% от предвоенного состава) [8]. При этом, 9-я сад была практически полностью уничтожена. Позже ее командир Герой Советского Союза генерал-майор С.А. Черных был обвинен в преступном бездействии, 9 июля арестован, 29 июля приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 16 октября 1941 г.

В течение 22 – 23 июня потери в армейской авиации составили 659 самолетов (75 % от первоначального состава), 131 самолет сбит в воздушных боях [9, с. 107]. Общие потери авиации на западном направлении с учетом 3-го ДБАК составили 538 самолетов [1, л. 16] (по другим данным – 738 [8]). Однако потери в летном составе оказались сравнительно небольшими. Так, по нашим подсчетам, только в 10-й сад в первые три дня войны потери составили 9 человек летного состава и 67 пропали без вести [3, л. 7].

Узнав о причиненном уроне, командующий ВВС ЗФ генерал-майор И.И. Копец во второй половине 22 июня застрелился в своем служебном кабинете [10]. Командование принял его заместитель генерал-майор авиации А.И. Таюрский.

В последующие дни приграничных сражений основные усилия авиации фронта были сосредоточены на уничтожении мощной танковой группировки противника, двигавшейся в направлении на Ошмяны. А с 27 июня борьба с мотомеханизированными частями противника приняла характер эшелонированных ударов авиации и охватывала новые территории вдоль Брестского шоссе (район Пружан и Березы) и районы Молодечно, Барановичи, Ошмяны, Минск, Бобруйск.

В интересах ЗФ действовал также 3-й ДБАК. Однако использование дальнебомбардировочной авиации без соответствующего истребительного прикрытия также вело к большим потерям. Так, 26 июня над Радошковичами было сбито 15 самолетов 3-го ТБАК.

Большие потери были обусловлены несовершенной тактикой применения бомбардировочной авиации. В соответствии с директивой Ставки Главного Командования, требовалось систематическими и непрерывными налетами уничтожать танки противника, не допуская переправы их через р. Днепр. При этом предписывалось бомбить с малых высот (400 м.) и целыми полками [11].

На второй день войны боеспособные истребители остались только в 43-й иад, которая являлась самой молодой в ВВС ЗФ (из 315 летчиков 232 вводились в строй после училищ) [12]. Ввиду того, что 159-я и 160-я иад находились в стадии формирования, на 43-ю иад легли задачи по прикрытию Минска, Барановичей и Пуховичей. Только защищая Минск, летчики 160-го иап на устаревших самолетах И-16 и И-153 сбили более 20 самолетов противника [13, с. 119].

12-я и 13-я бад, а также полки 3-го ТБАК в течение 24–26 июня наносили удары по механизированным колоннам, двигавшимся вдоль шоссе Брест – Барановичи и Пружаны – Слоним. Если первые вылеты были успешными, то в последующем без истребительного прикрытия авиация ЗФ несла большие потери от авиации и зенитной артиллерии противника. Только в районе Береза–Ивацевичи, по нашим подсчетам, ВВС ЗФ и ДБА потеряли около 50 самолетов.

Всего за восемь дней войны ВВС ЗФ выполнили 2969 с/в, в воздушных боях и на аэродромах уничтожили 422 самолета противника (26% от состава 2-го ВФ на 22.06.1941 г.) [8]. Общие потери ВВС ЗФ с учетом ДБА составили 1163 самолета (70% от состава на 22.06.1941 г.) [1, л. 25], при этом, боевой состав авиации ВВС ЗФ уменьшился в четыре раза, и к 1 июля состоял из 498 самолетов (с учетом ДБА), из них 374 бомбардировщика и 124 истребителя – всего 9 авиационных дивизий и 1 авиационный корпус [1, л. 33].

В конце июня для усиления ВВС ЗФ прибыли две авиационные дивизии: 47-я сад (прибыла 23 июня из Орловского военного округа, командир – полковник О.В. Толстиков) и 23-я сад (прибыла 26 июня из Московского ВО, командир – полковник В.Е. Нестерцов), а также ряд авиационных полков.

В июле войска ЗФ вели оборонительные бои и под давлением превосходящих сил противника отходили от Березино, Борисова и Бобруйска к востоку. К этому времени штаб ВВС

ЗФ переехал в Могилев. 13-я бад и 43-я иад перебазировались под Рогачев и Могилев, 12-я бад оставалась под Витебском. В это время командующего ВВС ЗФ генерал-майора авиации А.И. Таюрского (был арестован и расстрелян 23.02.1942 г.) сменил полковник Н.Ф. Науменко (до того – командующий ВВС Орловского ВО).

Наибольшую угрозу для ЗФ представляло направление Березино-Могилев. В связи с этим активно действовали бомбардировщики и штурмовики ВВС ЗФ и ДБА по разрушению переправ через р. Березина и в районе Бобруйска.

Чтобы уменьшить потери бомбардировочной авиации, в соответствии с директивой Ставки Главного Командования, удары стали наносится мелкими группами – не более звена, в крайнем случае, эскадрильи [14].

В начале июля германские танковые дивизии форсировали р. Березина на участке 80 км между г. Березино и Бобруйском и стали развивать наступление на Могилев. Войска ЗФ прикрывала только одна 43-я иад, которая вынесла всю тяжесть боевой работы в небе Приднепровья. Летчики, которые действовали с Могилевского аэродрома, сбили 100 самолетов противника [15]. Только 41-й иап (прибыл из 9-й сад) уничтожил более 20 самолетов [13, с. 128]. Командир эскадрильи 161-го иап командир АЭ старший лейтенант Н.В. Терехин 8 июля на И-16 одним тараном уничтожил сразу три бомбардировщика Хе-111 (произошло их столкновение). Всего в ходе боев за Могилев немецкий 2-й ВФ потерял в небе и на земле 124 самолета. Летчики Западного фронта, действовавшие с Могилевских аэродромов, сбили 100 вражеских самолетов, еще 24 уничтожили зенитчики и бойцы сухопутных войск [15].

На 8 июля в ВВС ЗФ было 389 самолетов: из них – 166 во фронтовом подчинении, остальные 223 – в армейском [8].

На протяжении второй половины 1941 г. ВВС ЗФ, отступая с войсками, вели боевые действия на территории Смоленской и Московской областей и приняли участие в Смоленской оборонительной операции и Московской битве.

На 11 июля в составе ВВС ЗФ было 7 авиационных дивизий, из них только две входили в состав фронтовой авиации, а остальные - в армейскую авиацию – ВВС армий [1, л. 34]. К 1 августа в состав ВВС ЗФ входило только 4 авиационные дивизии (43-й, 47-й, 46-й и 23-й), имевшие на вооружении 180 самолетов, из них – 67 неисправных (имелись полки, в которых вообще не осталось самолетов).

Таким образом, в ходе оборонительного сражения на территории Беларуси в 1941 г. ВВС ЗФ не смогли выполнить задачи предвоенного плана использования ВВС ЗапОВО. В то же время бомбардировочными действиями немецким войскам был нанесен значительный урон и замедлены темпы наступления, что дало возможность советскому командованию развернуть войска 2-го стратегического эшелона. При этом, по сравнению с потерянными самолетами, потери в летном составе армейской авиации оказались не большими, что позволило в кратчайшие сроки произвести переформирование авиационных полков. Несмотря на подавляющее превосходство в силах и средствах, противник не смог морально сломить летчиков ЗФ. В доступных архивных документах и опубликованной литературе нами не обнаружены факты трусости и предательства среди летного состава.

Литература

1. ЦАМО РФ. – Фонд 290. – Оп. 3284. – Д. 20.
2. Советские Военно-воздушные силы в Великой отечественной войне 1941–1945 гг. / Н.И. Алабин [и др.]. – Москва: Воениздат, 1968. – 450 с.
3. ЦАМО РФ. – Фонд 20050. – Оп. 1. – Д. 1.
4. ЦАМО РФ. – Фонд 20054а. – Оп.1. – Д. 12.
5. ЦАМО РФ. – Фонд 124 иап. – Оп. 621169. – Д. 1.
6. Коваленко, А.П. Бессмертные подвиги / А.П. Коваленко, А.А. Сгибнев. – Москва: Воениздат, 1980. – 351 с.
7. ЦАМО РФ. – Фонд 20060. – Оп. 1. – Д. 1.
8. ЦАМО РФ. – Фонд 208. – Оп. 142690сс. – Д. 2. – Л. 13–16. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ru.wikisource.org/wiki. – Дата доступа: 01.01.2014.
9. Егоров, Д.Н. Июнь 1941. Разгром Западного фронта / Д.Н. Егоров. – Москва: Яуза; Эксмо, 2008. – 800 с.
10. Качук, Н. Звезды и тернии генерала Копеца / Н. Качук // Белорусская нива. 11.08.2011 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.belniva.by/news_ full.php?id_news=23814. – Дата доступа: 3.01.2014.
11. ЦАМО РФ. – Фонд 96а. – Оп. 1711. – Д. 1. – Л. 11. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://rudocs.exdat.com/docs/index-168288. – Дата доступа: 03.01.2014.
12. ЦАМО РФ. – Фонд 35. – Оп. 107559сс. – Д. 5. – Л.116–153, 170–207.
13. Захаров, Г.Н. Я – истребитель / Г.Н. Захаров. – Москва: Воениздат, 1985. – 284 с.
14. ЦАМО РФ. – Фонд 48а. – Оп. 3408. – Д. 15. – Л. 162. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://rudocs.exdat.com/docs/index-168288. – Дата доступа: 03.01.2014.

15. Третьяк, С. В пылающем небе Могилевщины / С. Третьяк // Во славу Родины 23.06.2004 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://rudocs.exdat.com/docs/ index-168288. – Дата доступа: 03.01.2014.

Копыл С.П.

46-я АВИАЦИОННАЯ ДИВИЗИЯ ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЯХ НА ВИТЕБЩИНЕ В ИЮЛЕ 1941 г.

Ранним утром 27.06.1941 г. артиллеристы 390 гаубичного артиллерийского полка полоцкого гарнизона не позволили противнику сходу захватить мосты в Полоцке. Ожесточённые бои, в которых кроме 174-й сд приняли участие части 98-й и 186-й стрелковых дивизий 22-ой армии, задержали продвижение немецких войск и тем самым сорвали планы вермахта по своевременному обеспечению наступления правого фланга немецкой группы армий «Север», нацеленной на Ленинград. Боевые действия советских войск с воздуха на Великолукском операционном направлении обеспечивала 46-я скоростная бомбардировочная авиационная дивизия (сбад). Она была сформирована в 1940 г. в Московском военном округе. На 22.06.1941 г. в её боевой состав входили: управление дивизии, четыре авиационных полка (95-й, 98-й, 134-й, 208-й), внештатные курсы командиров звеньев, части и подразделения 167-й авиабазы. Полки дивизии под командованием командира дивизии полковника Писарского Б.Р. базировались на аэродромах Калининского и Московского аэроузлов. На её вооружении находились пикирующие бомбардировщики Пе-2, Ар-2, скоростные бомбардировщики СБ-2 и дальние бомбардировщики ДБ-3. Всего было 183 самолета, из них в боевой готовности – 137 самолётов или 75% [1, л. 1]. Согласно организационным мероприятиям, 98 авиаполк на ДБ-3 был выведен из состава 46-й сбад и впоследствии передан в состав дальнебомбардировочной авиации. По состоянию на 23.06.1941 г. в списочном лётном составе 46-й ад числилось 805 чел.

В связи с резким ухудшением наземной и воздушной обстановки на фронте, Ставкой Главного Командования Красной Армии было принято решение о передаче ряда авиационных дивизий из внутренних военных округов в состав Действующей армии. Среди них была и 46-я сбад, поступившая в оперативное подчинение 22-ой армии Западного фронта. С момента вхождения в состав Действующей армии (30.06.1941 г.) в её боевом составе числилось 165 боевых машин примерно с одинаковыми требованиями по их техническому обслуживанию.

Первым в войну вступил 208-й скоростной бомбардировочный авиационный полк (сбап) под командованием майора Л.В. Коломейцева. Произошло это 30.06.1941 г. В сложных метеоусловиях все шесть эскадрилий вылетели на бомбардировку вражеских переправ через р. Западная Двина у г. Двинска (ныне г. Даугавпилс). Из-за большого расстояния от аэродрома постоянного базирования до объектов удара для дозаправки горючим был выделен промежуточный аэродром г. Великие Луки. Боевая задача была выполнена частично: большая часть самолетов до г. Двинска не сумела долететь. Задание было выполнено только третьей эскадрильей в составе 9-ти СБ. В 15.53 она с высоты 2000 м в условиях сильного противовоздушного противодействия нанесла удар по переправам через Западную Двину. На противника было сброшено 80 бомб ФАБ-100. Экипажами отмечены прямые попадания в переправы. При отходе от цели один самолет загорелся и стал падать [4, л. 8]. Судьба еще трёх экипажей оставалась неизвестной. На базу они не вернулись. Впоследствии все четыре самолёта были отнесены в категорию сбитых. Таким образом, первый результат оказался весьма скромным: на боевое задание вылетел 51 самолёт из 55, к цели вышло 9 самолётов. В бою было потеряно 4 машины, и ещё одна разбилась при посадке. И хотя третья эскадрилья претендует на уничтожение 5-ти немецких истребителей, подтверждения этому нет. Полёты на предельную дальность с максимальной бомбовой нагрузкой в сложных метеоусловиях показали недостаточную выучку лётного состава и, прежде всего, командиров эскадрилий и их заместителей. 03.07.1941 г. 134 сбап в составе 5-ти эскадрилий (42 самолёта) вылетел на уничтожение танковых колонн противника в районах Докшицы, Плещеницы. При посадке с бомбами в Витебске для дозаправки один Ар-2 получил повреждения и продолжить полёт не смог. Остальные экипажи выполнили поставленную боевую задачу. Вторая эскадрилья нанесла удар по скоплению пехоты на восточной окраине м. Браслав [1, л. 17; 2, л. 1]. 208-й авиаполк 4-мя эскадрильями (40 самолётов) при сильном противодействии противовоздушной обороны (ПВО) противника действовал по скоплению танков северо-западнее г. Двинска [4, л. 17]. Кроме того, в период с 13.30 до 14.30 авиаразведкой 95 бап в районе м. Глубокое установлено продвижение нескольких мотомеханизированных

колонн противника протяжённостью от 4-х до 10 км каждая в общем направлении Полоцк, Дисна [6, л. 1–2].

Этот разведывательный батальон 19-й немецкой танковой дивизии после ожесточённого боя занял большую часть г. Дисна и попытался сходу переправиться на правый берег Западной Двины. Контратакой 98-й советской стрелковой дивизии 22А немцы были отброшены в исходный район. Рано утром следующего дня уже двумя усиленными группами они повторили попытку закрепиться на противоположном берегу. С одного плацдарма немцы были выбиты, но другой сумели удержать за собой, и приступили к подготовке наведения переправ. Штабом ВВС 22А на дисненский плацдарм было выделено две эскадрильи пикирующих бомбардировщиков Ар-2 из 134 сбап. В воздушном бою над Дисной был потерян один самолёт, но и сбит один истребитель противника Ме-109.

04.07.1941 г. звено лейтенанта Быкова А.И. из 134-й сбап при подходе к цели было встречено зенитной артиллерией противника. Один самолёт получил повреждение. Командир звена приказал сомкнуть строй и первым пошёл в атаку на колонну танков. Отбомбившись, звено взяло курс на свой аэродром. Через некоторое время оно подверглось нападению немецких истребителей. Отбивая их атаки, Быков не покидал подбитого товарища. После вынужденной посадки последнего он посадил рядом свой бомбардировщик, забрал экипаж подбитого самолёта и благополучно вернулся на базу.

К исходу дня явственно обозначилось значение дисненского плацдарма для противоборствующих сторон. До 15.07.1941 г. на нём развернулись ожесточённые, кровопролитные бои. Особенностью ведения боевых действий 22А было то, что её соединениям приходилось сражаться на трёх направлениях: на Себежском, Полоцком и Витебском. Поэтому полки 46-й сбад были вынуждены действовать на широком фронте при сильном противодействии ПВО противника.

Потери самолётного парка по полкам дивизии в период с начала боевых действий по 29.07.1941 г. составили 130 машин или 79% первоначального состава. При этом на свои аэродромы не вернулся 151 чел. лётного состава [3, л. 2–20]. Объясняя высокие потери лётчиков, начальник штаба 134-й сбап майор С.М. Могиндовид в донесении в штаб дивизии писал: «*Причины понесённых потерь* (объясняются следующим – С.К.): *работа над полем боя без прикрытия истребителями, старая матчасть (малая скорость), усталость лётного состава (круглосуточная работа и незначительный отдых)*» [3, л. 14]. К этому следует добавить противодействие зенитной артиллерии и авиации противника. Существует и ещё один фактор, повлиявший на высокие потери советского лётного состава. В официальных документах про это упоминается вскользь. Немецкие лётчики не только стремились сбить советские самолёты, но и уничтожить их экипажи, расстреливая летчиков в воздухе при аварийном покидании подбитой машины с парашютами или на земле в момент совершения вынужденной посадки. Один из командиров эскадрилий 208-й сбап, фамилия которого отсутствует в боевом донесении на имя командира дивизии (имеется только его личная подпись) о посадке горящего самолёта, писал: «*Один из вражеских истребителей не прекращал атаки до момента посадки самолёта в лесу и даже когда я уже после посадки вылез из кабины, он зашёл, дал 2–3 очереди с высоты 25–30 м, второй заход он сделал на очень низкой высоте буквально надо мной, приоткрыл боковую переднюю часть своей кабины и сфотографировал меня у моего самолёта. Я дал по нему два выстрела из пистолета. Он медленно прошёл надо мной и больше не показывался*» [7, л. 16]. Сохранилась объяснительная записка командира звена 134-й ап лейтенанта Камалягина. В ней он описывает почти курьёзный случай, когда 04.07.1941 г. после попадания в его самолёт зенитного снаряда у кабины штурмана выбило нижние люки и выбросило зимний комбинезон. И по этому комбинезону два немецких истребителя Ме-109 произвели атаку, стремясь убить советского лётчика.

В фонде Полевого управления 22А сохранился список личного состава частей 46-й сбад, представляемого к правительственным наградам по состоянию на 16.07.1941 г. В списке – 92 фамилии лётного состава управления дивизии, 134-го и 208-го авиаполков. Документ интересен тем, что в силу различных обстоятельств не был реализован. Некоторые выдержки из него: *«Командир экипажа лейтенант Хрущёв Леонид Никитович (сын Никиты Сергеевича), член ВЛКСМ, имеет 12 боевых вылетов. Все боевые задания выполняет отлично. В воздушном бою 6.7.41 г. храбро дрался с истребителями противника, вышел с изрешечённой машиной». «Стрелок-бомбардир лейтенант Король Надежда Гавриловна, член ВКП(б). Имеет 5 боевых вылетов, как штурман метко поражает цели противника. В бою сбила один вражеский ис-*

требитель». «Стрелок-радист младший сержант Смирнов Иван Андреевич, имеет 4-е боевых вылета. В воздушном бою 12.7.41 г. в районе Городок, защищая жизнь экипажа и других товарищей, метким огнём пулемётов сбил два Не-112. Огонь вёл до тех пор, пока горящий самолёт, на котором летал Смирнов, не врезался в землю» [5, л.4, 10, 20].

Это заслуженное признание ратного труда воинов советским командованием, но имеется и оценка действия советской авиации, в том числе, и 46-й сбад, противником. В военных дневниках 3-й танковой группы немало записей, посвящённых советским лётчикам. До выхода передового отряда 19-й тд к Западной Двине действия советской авиации оцениваются достаточно скромно*:«2.7.41 г. 21.00. Авиация противника не действует, за исключением двух русских самолётов-разведчиков»* [9, f 130]. Но уже в последующие дни картина кардинально меняется: *«4.7.41 г. 13.00. противник многократными ударами с воздуха противодействует переправе 19 тд через Двину»* [9, f 138], *«5.7.41 г. 19 тд с самого раннего утра подавляется русскими бомбардировщиками…и из-за этого несёт серьёзные потери, вновь просит прикрыть её истребителями»* [9, f 148]. Сами танкисты в отчёте о боевых действиях этот день описали более подробно: *«В течение всего дня последовали бомбовые удары русских ВВС, каждый с участием от 3-х до 13-ти машин по месту наводки моста, маршруту наступления и окружающим лесам. В ходе одного из ударов 19 мотоциклетный батальон потерял убитыми 33 человека и ранеными 99 человек»* [9, f 127]. Не изменилась картина и в последующие дни. Советская авиация продолжала наносить непрерывные удары по немецким войскам. Прикрытие истребителями Люфтваффе плацдарма было признано *«не полностью эффективным».* Непрерывное воздействие советских летчиков по противнику, деморализующее подействовало на его личный состав. Стали отмечаться массовые случаи применения оружия по своей авиации. Был сбит самолёт-разведчик Хеншель-123 и еще несколько повреждены. Раздражённый потерями в лётном составе и технике командир 8-ого воздушного корпуса генерал авиации барон фон Рихтгофен отдал приказ: *«Отныне, в случае обстрела со стороны собственных зенитных средств, наносить ответный удар по открывшему огонь орудию»* [8, f 602].

Таким образом, действуя в интересах наземных войск 22-ой армии, лётчики 46-й скоростной бомбардировочной авиационной дивизии осуществляли разведку и бомбардировку танковых, мотомеханизированных колонн противника, его войск на поле боя и вражеских самолетов на аэродромах. Систематическими ударами эскадрильями и звеньями успешно разрушались переправы через р. Западную Двину, и тем самым срывалась переброска немецких войск, горючего и боеприпасов. Только за первые три недели боёв экипажи 46-й авиационной дивизии совершили 1049 самолётовылетов, сбросив на противника около 342 т авиабомб. При этом отличились: майоры С.А. Кибирин, П.Н. Ткачёв и Дедов-Дзедушинский, капитан Тимофеев, старшие лейтенанты Г.Ф. Кляпчин, Н.В. Томашевский, Павлюк. А капитан В.С. Солоденко был представлен к званию Герой Советского Союза.

Литература

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). – Фонд 20110. – Оп. 1. – Д. 22.
2. ЦАМО РФ. – Фонд 134. – Оп. 143488. – Д. 1.
3. ЦФМО РФ. – Фонд 20110. – Оп. 1. – Д. 11.
4. ЦФМО РФ. – Фонд 20110. – Оп. 1. – Д. 4.
5. ЦАМО РФ. – Фонд 376. – Оп. 10841. – Д. 2.
6. ЦФМО РФ. – Фонд 20110. – Оп. 1 – Д. 7.
7. ЦАМО РФ. – Фонд. 20110. – Оп. 1. – Д. 25.
8. National Archives and Records Administration (U.S.A.) (NARA). – T. 313 – R 227.
9. National Archives and Records Administration (U.S.A.) (NARA). – T 314 – R 1470.

Ткачева Г.А.

ОБОРУДОВАНИЕ МИННО-ЗАГРАДИТЕЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ НА ПОДХОДАХ К ВОЕННО-МОРСКИМ БАЗАМ ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА В 1941–1945 гг.

Геополитическая и военно-стратегическая расстановка сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе в годы Великой Отечественной войны вынуждала советское руководство принимать дополнительные меры, направленные на усиление обороноспособности восточных рубежей страны. 22 июня 1941 г., после получения телеграфного сообщения (в 14.00 по местному вре-

мени) о нападении фашистской Германии на Советский Союз, соединения Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии приступили к выполнению оперативного плана по защите побережья, коммуникаций в Татарском проливе, Японском и Охотском морях, который определял поэтапное мобилизационное развертывание сил флота и армий, схему их взаимодействия при обороне военно-морских баз и секторов береговой обороны [2].

В официальных документах предусматривалось, что оборона наиболее важных участков советского побережья должна носить активный характер, который обеспечивается созданием многополосной, глубоко эшелонированной оборонительной системы и осуществляется при взаимодействии сил флота и сухопутных воинских соединений. В соответствии с военно-стратегическими разработками, допускалась возможность не только прорыва противником минно-артиллерийских позиций, прикрывавших военно-морские базы, нападения на корабли и береговые объекты, но и высадка десанта. С учетом вероятности быстрого продвижения противника при условии оснащения их боевыми и техническими средствами, Тихоокеанский флот должен поддерживать оборонявшиеся войска огнем корабельной и береговой артиллерии; морской авиацией, прикрывать подступы к военно-морским базам средствами противовоздушной обороны, силами надводного и подводного флота, обеспечивать непрерывность морских сообщений путем активных действий.

В зависимости от выполняемых задач, силы Тихоокеанского флота (2 лидера, 14 эсминцев, 6 сторожевых кораблей, 8 минных и 2 сетевых заградителя, 91 подводная лодка, 135 торпедных катеров, 30 тральщиков, 46 катеров-тральщиков, 19 охотников за подводными лодками, 73 сторожевых катера) приводились в боевую готовность, которая предусматривала четырехчасовую подготовку боевых кораблей к выходу в море, а для кораблей, находящихся в строю по мирному времени, – шестичасовую. На специальные позиции высылались подводные лодки, проводилась воздушная разведка [1, с. 22, 26].

В рамках усиления противовоздушной обороны зенитная артиллерия крупного калибра (100-миллиметровые) приготовилась прикрывать базы со стороны морских подступов, среднего (76- и 85-миллиметровые) – важные стратегические направления, малого (37-миллиметровые) – точечные объекты (корабли, доки, склады, батареи). Система наблюдения и связи была развернута в пределах возможностей мирного времени и при хорошей видимости контролировала подходы к пунктам базирования флота [3].

Опасаясь спровоцировать нападение Японии, все мобилизационные мероприятия в Дальневосточном регионе проводились скрытно в рамках «военно-учебной подготовки». Увольнения личного состава свели до минимума, усилили охрану и маскировку военных объектов, части укрепрайонов и береговой обороны занимали огневые позиции (передвижение воинских подразделений осуществлялось только в ночное время). Запрещалось открыто передавать сведения, содержавшие военную тайну, в частности номера оборонных предприятий, численность рядового и командного состава. Для служебных и оперативных переговоров по прямому проводу вводится кодовая таблица и кодовые карты, а для обозначения местонахождения воздушного противника при передаче донесений «Воздух» – единая кодированная карта с нанесенной ориентирной сеткой. Одновременно были установлены правила полетов гражданского воздушного флота, авиации Тихоокеанского флота и Народного комиссариата внутренних дел с учетом наличия запретных зон на территории Дальневосточного фронта [4].

Еще 26 июня 1941 г. Штаб Военно-Морского флота СССР принимает решение о постановке первой (ряд линий, расположенных у внешней кромки запретной зоны и на флангах) и второй (большие поля, идущие в глубину запретных зон) очередей минных заграждений на подходах к военно-морским базам Тихоокеанского флота. Лидер «Тбилиси», эсминцы «Резвый» и «Расторопный», имея на борту по шесть боевых торпед, готовились к принятию минного вооружения. Однако ввиду неопределенности обстановки на советско-германском фронте и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, разрешение на начало операции не было получено.

Вопрос о необходимости проведения минно-заградительной операции проходил множество согласований на уровне высших государственных структур с 4 по 11 июля 1941 г. и только в ночь с 12 на 13 июля началось оборудование минных позиций на подходах к военно-морским базам. Его осуществляли шесть заградительных отрядов (групп): в Главной военно-морской базе – первый, второй, третий, во Владимиро-Ольгинской – четвертый, в Совгаваньской – пятый, Петропавловск-Камчатской – шестой, седьмой находился в резерве и участия в операции не принимал.

В состав отрядов входили корабли разного технического состояния и уровня подготовки личного состава: лидер «Тбилиси», эсминцы «Расторопный» и «Резвый», минные заградители «Аргунь», «Ворошиловск», «Астрахань», «Теодор Нетте» и «Томск» (бывшая плавбаза и минный блокшив), сторожевые корабли «Зарница» и «Молния», «Охотск», «Дзержинский», тральщики № 11, 12, 14.

Оборудование позиций проводилось как отдельными кораблями, так и группами по 2–4 корабля, боевое обеспечение операции включало разведку, дозор, охранение и прикрытие. Основными исполнительными документами были планы заграждений – кальки с указанием курсов, координат контура и навигационного обеспечения, сведения о месте пополнения боезапаса, группах прикрытия и связи. После выполнения задания в оперативный отдел сдавались отчетные материалы: навигационная карта и журнал, таблица условных сигналов, отчетная минная карточка, список номеров поставленных мин и, в случае необходимости, рапорт исполнителя. Командиры заградительных отрядов взаимодействовали в зависимости от района операции с командирами военно-воздушных сил, секторов обороны, частей охранения и прикрытия [5].

Таблица 1

Оборудование минных заграждений на подходах к военно-морским базам Тихоокеанского флота (июль 1941 г. – июль 1943 г.)

Показатели	Военно-морские базы				Всего
	Главная	Владимиро-Ольгинская	Совгаваньская	Петропавловск-Камчатская	
Площадь позиций, кв. миль	666,5	104,2	132,6	90,0	993,3
Выставлено линий при оборудовании заграждений	30	7	8	16	61
Поставлено всего мин, шт.	6385	580	1420	720	9105
Поставлено минных защитников, шт.	933	—	430	—	1363
Обнаружено всплывших мин	734	44	98	100	976
Выбыло мин из заграждений, шт.	922	63	186	141	1312
Из них: обезврежено	632	24	78	58	792
не обезврежено	63	19	21	18	121
самоуничтожено	227	20	87	65	399

Источник. ЦА ВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1022. Л. 121–122об.; Ф. 2450. Оп. 4. Д. 17. Л. 50, 63–64; Д. 58. Л. 193; Д. 105. Л. 93–104 (сост. авт.).

В июле 1941 г. на подходах к основным военно-морским базам Тихоокеанского флота была оборудована 61 линия минных заграждений (выставлено 9105 мин и 1363 минных защитника), в том числе 30 линий (6385 мин и 933 защитников) – к Главной военно-морской базе, 7 линий (580 мин) – Владимиро-Ольгинской, 8 линий (1420 мин и 430 минных защитников) – Совгаваньской, 16 линий (720 мин) – Петропавловско-Камчатской (см. табл. 1).

Минно-артиллерийские позиции на подходах к Владивостокской и Владимиро-Ольгинской базам имели большое значение для прикрытия наиболее значимых, с военной точки зрения, оперативных направлений, а в случае начала военных действий могли задержать продвижение противника, позволяя провести мобилизацию Тихоокеанского флота и подготовиться к обороне важных стратегических объектов в Приморском крае. Подготовке оборонительных рубежей вдоль побережья Охотского моря и Камчатки, закрывавших Татарский пролив от возможного проникновения японских судов, усиливавших противодесантную оборону северных районов Дальнего Востока, также придавалось большое значение.

Как отмечалось в отчетных материалах командования Тихоокеанского флота, объединение заградительных сил в отдельные отряды оправдало себя и заслуживает внимания как один из способов проведения подобного рода операций. В ходе выполнения поставленных задач было проверено и отремонтировано 50% минного запаса, выдано и рассредоточено 31,2 тыс. т минно-торпедного имущества (мины образца 1908, 1912, 1916, 1926 гг.) и все военно-морские базы были обеспечены боезапасом. Навигационная обстановка во время проведения операции являлась неблагоприятной, но сила ветра не превышала 6 м/сек., волнение моря – 4 балла.

Связь осуществлялась через посты службы наблюдения и связи (радиообмен составил 150 радиограмм, из них 68 кодовых и 82 шифрованных) [6].

Необученность личного состава кораблей по приему и постановке боезапаса, слабая подготовка штурманов и неточность исчислений, условия хранения мин на складах и необорудованных площадках явились основными причинами допущенных ошибок: плавающие мины обнаруживались уже на стадии постановки. Существующая система обследования минных полей и уничтожение мин, обеспечивали безопасность мореплавания вблизи запретных зон и в районах военно-морских баз, но не гарантировали, особенно в штормовой период, от внештатных ситуаций. В начале ноября 1941 г. японские широковещательные станции оповещали о появлении плавающих мин у побережья Сахалина и севера Кореи (пострадали гражданские суда), что стало поводом обострения отношений между СССР и Японией. С миноносцев и советских торговых кораблей поступали аналогичные сообщения.

По отчетным данным, с июля 1941 по август 1943 г. в районах военно-морских баз визуально было зафиксировано 975 плавающих мин, из них более трети к началу 1942 г. Всего из заграждений выбыло 1312 мин: в Главной базе – 922, Владимиро-Ольгинской – 63, Совгаваньской – 186, Петропавловской – 141, или 14,5% общего количества выставленных. Если учесть обнаруженные и у берегов Японии 97 мин (данные перехваченных сообщений), то потери составили примерно 15,5% (1408 мин), из них мин образца 1908 г. – 16,8%, 1912 г. – 4,7%, 1916 г. – 1,3%, 1926 г. – 7%, минных защитников – 6,6%.

По заключению специалистов на минные заграждения влияли метеорологические условия, в частности в районах Петропавловска-Камчатского и Советской Гавани ветер, постоянная зыбь, течение, дрейфующий лед обрывали якорную цепь. Мины всплывали в основном из-за обрыва минрепа (недостаточная крепость), несовершенства буфера якоря (не обеспечивал амортизацию рывков), взрывались от ударов о берег, воздействия льдов, а также скопления касаток. Большое количество не уничтоженных мин объясняется противоречивостью сообщений, отсутствием точных координат и длительностью перехода к месту их обнаружения.

Проведённое в 1943 г. выборочное траление показало, что из общего количества мин, поставленных в 1941 г., осталось 5–10%, не представлявших опасности для противника (из-за отсутствия достаточного количества тральщиков составленный в 1942 г. план подновления минных заграждений не был выполнен). При анализе сложившейся ситуации стало ясно, что путем их подновления задача укрепления военно-морских баз Тихоокеанского флота не будет решена, и принимается решение – осуществить проверку минных заграждений, а их постановку осуществить только при реальной угрозе безопасности восточных районов страны или в случае начала военных действий Советского Союза на Тихом океане [7].

В соответствии с выполнением поставленных стратегических задач, вторая минно-заградительная операция проводилась 9–11 августа 1945 г., в период участия СССР в военных действиях против Японии. К этому времени было проверено всего 22% минных заграждений 1941 г., в том числе на подходах к Главной базе 18,4% (шесть линий, 1199 мин) и Владимиро-Ольгинской – 35,3% (2 линии, 124 мины), Совгаваньской – 15% (1 линия, 220 мин), Петропавловско-Камчатской – 46% (12 линий, 220 мин) [8].

По новому уточненному плану предусматривалось выставить 4635 мин, прежде всего, в протраленных районах и фарватерах на подходах к Владивостокской, Владимиро-Ольгинской, Совгаваньской, Де-Кастринской, Петропавловской-на-Камчатке военно-морским базам, а в Татарском и Сахалинском проливах, в лимане р. Амур, Тауйской губе – в зависимости от обстановки. В ходе проведения операции пять отрядов выставили 1788 мин и 170 минных защитников (1281 мина образца 1926 г., 308 – КБ-3, 199 – 1912 г.) и в связи с изменением обстановки оборудование минно-заградительных позиций на подходах к базам Тихоокеанского флота было прекращено [9].

Минно-артиллерийские и пехотные позиции, усиленные дальнобойными береговыми батареями, составляли основу обороны побережья и военно-морских баз. Постановка оборонительных заграждений в советских территориальных водах обеспечила тактическое преимущество, сковала действия противника в советских территориальных водах. Существование запретных и прибрежных (секретных) зон являлось школой военной выучки для личного состава. Укрепление Дальнего Востока СССР проводилось исходя из стратегии активной обороны, которая предусматривала не только отражение, но и разгром любых военных формирований в

случае начала агрессивных действий.

Литература
1. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – Москва: Воениздат, 1963. – 932 с.
2. Центральный архив Военно-морского флота (ЦА ВМФ). Ф. 2450. – Оп. 4. – Д. 25. – Л. 283–284.
3. ЦА ВМФ. – Ф. 2450. – Оп. 4. – Д. 17. – Л. 8–9; – Д. 25. – Л. 249–250.
4. ЦА ВМФ. – Ф. 2450. – Оп. 4. – Д. 25. – Л. 69–70, 208; – Д. 26. – Л. 198; – Д. 31. – Л. 109; – Д. 32. – Л. 63.
5. ЦА ВМФ. – Ф. 2450. – Оп. 4. – Д. 17. – Л. 21–22, 41.
6. ЦА ВМФ. – Ф. 2450. – Оп. 4. – Д. 17. – Л. 42–43; – Д. 58. – Л. 232.
7. ЦА ВМФ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 998. – Л. 5.
8. ЦА ВМФ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1022. – Л. 121.
9. ЦА ВМФ. – Ф. 2. – Оп.1. – Д. 1013. – Л. 1,2, 4, 5, 15.

Исаева О.Н.

ДНЕПРОВСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ: ВОСПОМИНАНИЯ МАТРОСА

Начало Великой Отечественной войны 1941–1945 годов – самый трагический и самый кровавый период, который заключает в себе многочисленные «белые пятна». Свет на боевые действия первых месяцев войны проливают воспоминания очевидцев. В фондах Шевченковского национального заповедника (г. Канев, Украина) хранится интересный документ – воспоминания Тананы Петра Федоровича (1917–2000), старшего матроса из канонерской лодки «Верный». Это объемная тетрадь инесколько отдельных листов, исписанных крупным почерком. В повествовании автор излагает свое отношение к тем или иным людям и событиям, забегая наперед, анализирует причины и следствия действий отдельных личностей. Также в воспоминаниях описываются мельчайшие детали повседневной жизни бойцов, содержится информация о дальнейших судьбах боевых побратимов. По почерку можно определить отношение автора к описываемым событиям. Например, когда Петр Федорович описывает гибель корабля и большей части его команды, от волнения почерк становится не разборчивым. Однако, не смотря на трагичность ситуации, весь рассказ преисполнен оптимизма и юмора. Воспоминания написаны по просьбе Каневского краеведа Ивана Ивановича Сорокопуда 21 марта 1978 года. Приведу лишь несколько отрывков из рукописи П.Ф.Тананы, печатаются языком оригинала.

С первых дней войны город Канев потерпел от бомбовых ударов фашистской авиации, которые были нацелены на подступы к важному стратегическому объекту – Каневскому железнодорожному мосту. Фашисты рвались к переправе через Днепр и уже в первые дни августа 1941 года здесь кипели жестокие бои. Для ликвидации Каневского плацдарма гитлеровское командование бросило отборную 94-ю мотопехотную дивизию под командованием генерал-майора Пфейфера и танки Клейста. Им противостояли военные соединения 26-й Армии, усиленные бронепоездом № 56 (командир П.К.Ищенко) и кораблями Днепровской военной флотилии «Верный», «Передовой», «Жемчужин». Несмотря на жестокое сопротивление красноармейцев, 15 августа 1941 года командование Юго-Западного направления приказало войскам отступать на левый берег Днепра [1, с. 50–64].

Корабли Днепровской военной флотилии взаимодействовали с частями 26-й армии генерал-лейтенанта Ф.Л.Костенка, 37-й армии генерала О.И.Лопатина и 38-й армии генерал-лейтенанта Д.И.Рябишева, пытаясь создать устойчивую оборону на рубеже Днепра – от Киева до Кременчуга. В составе Днепровкой флотилии были мониторы «Левачев» и «Флягин», канонерские лодки «Передовой», «Смольный», «Кремль», «Каганович», «Трудовой», «Белоруссия», «Верный», 2 тральщика, 2 плавучие зенитные батареи, сторожевые корабли и др. Также флотилия имела в своем составе плавучую мастерскую, баржи с продовольствием и запасом топлива [3, с. 70].

Старший матрос Танана Петр Федорович был артиллерийским наводчиком на «Верном». Описание событий начинается с последнего мирного дня – 21 июня 1941 года. В этот день проходили боевые учения в районе Ржищев-Кальное (Кальное – село на левом берегу Днепра, затопленное водами Каневского водохранилища в 1972 году) «…с поливкой из самолета боевым ипритом…» [2, с. 1]. Учения прошли успешно. Личный состав «Верного» был измучен и нуждался в отдыхе, но в 4^{15} утра бойцов разбудил сигнал боевой тревоги: «… люди схвачивались из постели пулей бежали каждый на свой боевой пост. Но не так как всегда, люди были злые и

недовольные и каждый работал с недоумением…» [2, с. 2].Впоследствии все стало ясно: началась война.

Первым боевым заданием «Верного» было поставка продовольствия, боеприпасов, горючего и нового пополнения. Для выполнения задания лодка ушла в Киев. По дороге встречались вражеские бомбардировщики, но ни одна из сторон не открывала огня. Только на подступах к Киеву «Верный» обстрелял из зенитного орудия немецкий самолет: «Фашистский стервятник пошел на посадку и сел в Дарнице. Летчика ранило в руку осколком. Командир пришел из штаба и сказал, что весь Крещатик говорит, что самолета сбил «Верный». После его (самолета) перевезли на 5-тонных машинах на Крещатик на показ. …» [2, л. 2].

Основная часть флотилии отступила до устья Припяти, потом легкие лодки и катера пошли на Березину и Сож, где возникла угроза переправы немецких частей. Вскоре сБерезины начали спускаться изуродованные катера, что порождало слухи, будто лодки флотилии вступают в открытый бой с немецкими танками, и никто не прикрывает их ни с воздуха, ни с суши: «… Кто-то может сказать, что эти ваши коробки были не везде бронированы, и их пробивали снаряды, и они погибли. Да, это верно, но не забудьте, что конлодки и мониторы не предназначены в лобовую из танками и орудиями, они должны прикрываться наземными войсками. Их задача и назначение через головы своих войск при наступлении или отступлении прикрывать огнем, разбить переправу помочь прикрыть построить переправу, разбить мост сооружения, подкинуть боеприпасы, войска, подкрепления, но не в лобовую ити, как почти все время приходилось им…» [2, л. 22].

Воспоминания матроса Тананы дают возможность четко проследить боевой путь канонерской лодки «Верный», но, к сожалению, автор не дает точной датировки времени. Подробно описываются бои, в частности бой под Бужином (село Чигиринского района Черкасской области, затопленное водами Кременчугского водохранилища в 1959–1961 гг.), где моряки-днепровцыизрядно потрепали отборную дивизию СС «Мертвая голова»: «… и как будто эта дивизия шла маршем от самого Берлина и нигде не вступала в бой. Значит, первое крещения получила с нами …» [2, с. 57].

В этом бою лодка получила серьезные повреждения, были потери в личном составе. Во время боя произошло несколько необъяснимых случаев, вернее чудодейственных, в частности: «… Бондаренко, пулеметчик из приписного состава … он сидел за пулеметом Дехтярьова. По-видимому, в этом бою был другом ангел-хранитель, в разгар боя ему в лоб попали три вражеские пули, но благодаря, что он был в каске и две пули рекошетом сделали умятины чуть ли не сквозные, а третя, пробила каску и скользнула верх и затронула волос и кожу на лбу, и побежала капилярна кров, так, что он даже не оставил свое место, а строчил до последнего … После боя каску Бондаренкарасматривали все и командир взял ее у себе в сейф как икземпляр как историческое доказательство и говорил, что покажу и докажу, что каска советская себя оправдывает полностю…» [2, с. 41–43]. Петр Федорович отмечает, что во время боя прострелили всю посуду – не в чем было и чая вскипятить. За Бужинский бой 9 бойцов из личного состава «Верного» были награждены орденами и медалями, в частности, наводчик П.Ф. Танана награжден орденом Красного Знамени [2, с. 60]. А сам корабль матросы стали звать «… Днепровским «Варягом» или маленький «Варяг» [2, с. 57].

Дойдя до Черкасс, встали на ремонт, а раненых отдали в госпиталь: «…В госпитале кто то из персонала показали в палате немецкого летчика раненого, что был сбит над Черкасами. Наши матроси были очень растроены … и боцман Щербина вворвался в палату к летчику схватил его за горлянку с такими словами: что паскуда! пшеницу и сала украинского захотел? Летчик сразу загилготав, а потом посинел, но глав врач подоспел и рванул Щербину за плечи и приказал удалиться. …» [2, с. 58–59].

После ремонта «Верный» пошел вверх по Днепру. К нему присоединились канонерские лодки «Левачев», «Смольный», «Ростовцев», «Ударник», «Белоруссия» и др. Путь был тяжелый, правый берег Днепра уверенно удерживали фашисты. Каневский мост уже был подорван, что затрудняло проход судов вверх по Днепру. Но отход бронекатеров прикрывала советская артиллерия с Левобережья.

Без особых приключений лодки подошли к Киеву и здесь, с Корчеватого, начался шквальный артиллерийский обстрел. Эскадрилья открыла ответный огонь, однако идти дальше не смогла: только суда начинали двигаться – начинался прицельный огонь. Прибегли к хитро-

сти: «… На тральщик взяли несколько дымовых шашек и подожгли он обошел всю эскадру и заволокло густым черным дымом весь рейд, и стала непроглядная ноч …» [2, с. 82].

Лишь в Киевском речном порту выяснилось, что суда обстреляли свои: в армейских штабах эскадру приняли за немецкие корабли, которые пытаются занять Киев со стороны Днепра. Хочу подчеркнуть, что начальный период войны отмечался неопределенностью, хаосом, несогласованностью действий. Подобные «недоразумения» часто приводили к трагедиям.

Из Киева канонерская лодка «Верный» отправляется в свое последнее боевое задание: уничтожение Печинского моста (село Печи Борзнянского района Черниговской области). Фашисты, захватив мост, спешно перебрасывали свои части, но на рассвете 25 августа мост был уничтожен. Эту операцию подробно описал Лактионов И.И. в книге «Пинская и Днепровская военная флотилия в Великой Отечественной войне», вышедшая в Москве в 1958 году. Петр Федорович не во всем соглашается с автором, что отмечает в своей рукописи: «… пишет Локтионов, что бомбила наша авиация этот мост, это не правда никто его не бомбил до нас, разве токо после нас, это возможно…» [2, с. 107].

Выполнив боевую задачу, на обратном пути «Верный» разбомбили фашистские самолеты. С болью и горечью описывает Петр Федорович последние минуты жизни своих товарищей по оружию и гибель самой лодки. С особой теплотой автор вспоминает командира корабля старшего лейтенанта Алексея Феофановича Терехина, который выступает как опытный и решительный командир. Своего командира «… команда корабля любя… называли Алешей…» [2, с. 49], а он своих бойцов «соколиками» [2, с. 11]. Алексей Терехин погиб вместе с кораблем. Командир канонерской лодки «Верный» Алексей Терехин был награжден орденом Ленина (посмертно) [3, с. 78].

После разгрома «Верного» в живых остались лишь 8 бойцов личного состава: «… Постепеновсе стало совсем затихать. Наш корабль к/л «Верный» сел окончательно на грунт осталось … 25/30 см трубы кормовой. Нас 8 человек … стали на берегу против корабля, кто был в фуражке тот снял… … Прощай наш командир Алексей Феодосиевич прощайте друзя, и прощай наш любимийстаричек «Верный». Мы тебя чистили драили до последней ржавчини и ремонтировали почти своими силами так, как рабочих на заводе не хватало, и ти не много нам послужил, можна было б еще много чего сделать для победи. И кто то из наших ребят добавил: Прощай наш любимый Днепровський «Варяг». И ми поклялись твердо, что помстимся за командиров и рядових и за «Верного» сколько будет в нас сили и мужества.Здесь же ми вспомнили, что Терехин говорил: когда корабли потоплять, а ми останемся в живих, я соберу добровольцев и только добровольцев, и поведу в тил врагу, и будем действовать так, что бы горела под ними наша советская земля. И будем мстить им беспощадно. Вклонились и молча сповешиними головами ушли…» [2, с.143–144]. Матросы-днепровцы сражались бок о бок с пехотинцами, обороняя Киев от фашистских захватчиков.

Петр Федорович Танана прошел всю войну, вернулся в родной Канев, где прожил всю свою жизнь, умер в 2000 году и похоронен в родной земле. Его воспоминания требуют более тщательного изучения и проработки, возможно с их помощью сотрутся отдельные «белые пятна» в истории начального периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Литература

1. Іщенко, М.Є. Канівщина / М.Є. Іщенко, Л.Г. Мотов, І.І. Сорокопуд. – Дніпропетровськ: Промінь, 1969. – 127 с.
2. Зошит [спогади Петра Федоровича Танани] із вкладкою. – 1978. 194 с. – ШНЗ/КИМ-5209. А-5.
3. Страшевич, В.Б. Участь Дніпровського загону Пінської військової флотилії в оборонних боях липня-вересня 1941 року / В.Б. Страшевич // Черкащина в контекст іісторії України. Матеріали Другої науково-краєзнавчої конференції Черкащини, присвяченої 60-річчю Перемоги у Великій Вітчизняній війні 1941–1945 рр. / ред. кол.: В.М. Мельниченко (відповідальний редактор) [та ін.]. – Черкаси: «ВашДім», видавець ПП Дикий О.О., 2005. – 476 с.

Ладыга А.И.

УЧАСТИЕ ВОЕННЫХ КОНТИНГЕНТОВ СОЮЗНИКОВ ГЕРМАНИИ В ВОЙНЕ С СССР В 1941–1942 гг.

Последние годы в западной (в первую очередь, английской, итальянской, румынской, венгерской, в меньшей мере финской) и даже молдавской, украинской и российской историографии говорится о том, что следует пересмотреть большинство базовых положений относительно участия союзников Германии в войне с Советским Союзом. Это касается как причин,

которые побуждали правительства стран Оси вступить в войну с СССР, так и влияния вооруженных сил союзников Германии на ход событий на Восточном фронте.

Обобщенно эти утверждения следующие: 1. Такие «малые» страны, как Румыния, Венгрия, Финляндия имели только две альтернативы, находясь между двумя мощными государствами (СССР и Германией): или стать союзниками Германии в надежде остаться частично независимыми, или быть «оккупированными СССР». 2. Для Румынии и Финляндии это были ещё и «освободительные» войны, которые позволяли возвратить «исконную» территорию, захваченную СССР в 1939–1940 гг. 3. Словакия, Хорватия и Испания предоставили свои военные контингенты, потому что пытались отблагодарить Германию за предоставление (Словакия, Хорватия) или «поддержку» (Испания) независимости. 4. Причина вступления в войну Италии объясняется как «частная инициатива Муссолини» и «досадная ошибка» или вынужденный шаг со стороны Муссолини в оплату долга за помощь, предоставленную немцами итальянским войскам в Северной Африке. 5. Вооружённые силы сателлитов Германии были в плохом техническом состоянии.

Много трудов историков этих стран пронизано сожалением по поводу исторического хода событий 1943–1945 гг., в отдельных работах просматриваются сугубо профашистские взгляды, например, в румынском и молдавском работах по истории [7; 8].

Конечно, существуют исследования, которые комплексно изучают причины участия военных контингентов союзников Германии на Восточном фронте. Но, по нашему мнению, наиболее честно и цинично настроения венгерские и других европейских правящих кругов, да и большинства простых граждан Европы, проиллюстрировал начальник Генерального штаба венгерской армии Хенрик Верт, которые он изложил в своём докладе военному министру: «Мы должны принять участие в войне с СССР, потому что: 1. Это обеспечит территориальную целостность страны и сохранит наш общественный и экономический порядок; 2. Ослабит российского соседа и отдалит от наших границ; 3. Это христианская обязанность и наша принципиальная позиция против большевизма; 4. Политически мы окончательно стали на сторону стран Оси; 5. Мы рассчитываем на последующее увеличение наших территорий» [3, с. 49]. Низкая активность в войне против СССР рассматривалась хортистами как прямая угроза перспективам создания «Большой Венгрии» и вместе с желанием выслужиться перед Гитлером послужило толчком, который ускорил их вступление в войну против СССР. Очевиден факт, что они надеялись этим заслужить благосклонность Берлина при решении вопроса о своих территориальных претензиях к Румынии.

Признавая, что во Второй Мировой войне против СССР воевали не только войска вермахта, западные и «отечественные демократические историки» часто участие союзников Германии в войне против СССР сознательно приуменьшают. Да, отмечалось, конечно, что на Восточном фронте были подразделения отдельных стран, но на ход военных действий они не повлияли, несли конвойную и оккупационную службу, их было незначительное количество, и отправлены они были на эту войну против их воли [2].

Главная идея, которую пытаются донести, например, современные венгерские военные историки заключается в том, что «с военной точки зрения, – вопреки распространённому мнению – участие венгерских военных во Второй Мировой войне более значимым было при оккупационных действиях и военных операциях на Восточном фронте в 1944–1945 гг. (прим. автора статьи: жестокое и умелое сопротивление Красной Армии и, как следствие, ее большие потери, объясняются венгерскими учеными высоким патриотизмом армии и чувством воинского долга). Битвы второго армейского корпуса меньше повлияли на события мировой войны, нежели деятельность венгерских оккупационных войск» [9, p. 41]. Подобные идеи, часто не подкреплённые фактами, встречаем и в итальянских работах [6, с.13–27]. Финские историки говорят в первую очередь о возвращении «собственных этнических территорий» [1, с. 202], забывая о своей попытке реализации проекта «Большой Финляндии», о том, что именно они обеспечили блокаду Ленинграда и сковывали активными военными действиями армии двух советских фронтов и двух флотов.

По нашему мнению, союзники Германии «выложились действительно по полной», обеспечивая победу фашистской Германии и, в первую очередь, себе, с той разницей, что мотивы привлечения своих войск для войны с СССР в 1941, 1942 и 1945 гг. несколько отличались.

Статистика и объективный анализ доказывают – численность военных контингентов «стран-сателлитов» была более чем значительной, а участие войск немецких союзников в войне

на Восточном фронте было весьма деятельным. Да и в «подневольном» характере участия немецких союзников в войне против СССР есть очень серьёзные сомнения. Как известно, до 22 июня в 1941 г. кроме немецких соединений у границ СССР развернулись 29 дивизий и 16 бригад союзников Германии – Финляндии, Венгрии и Румынии. То есть 20% сил вторжения составляли войска немецких сателлитов.

Таблица 1 – Войска союзников Германии (**на август – сентябрь 1941 г.)**

Страна	Пехотн. и мото-риз. ди-визии	Пехотн. и мото-риз. бригады	Кавалерийские бригады	Танки и самоходные установки	Артиллерия и минометы (без зени-ток)	Боевые самолеты	Корабли разных классов
Италия	3	-	-	60	1000	73	-
Финляндия	16	2	1	86	около 2000	307	52
Румыния	13	6	3	60	около 3000	623	57
Венгрия	-	4	1	189	больше 200	48	-
Словакия	1	1	-	50	больше 100	71	-

Эта цифра принципиальна – потому что даже в апреле в 1945 г. все союзные Красной Армии войска (польские, румынские, болгарские, чехословацкие, французские) составляли лишь 12% от численности советских войск [5]. Это имело решающее значение для хода военных операций, когда даже свежий батальон решал судьбу прорыва обороны, захвата стратегически важного пункта или прорыва окружённых войск.

Почему же после поражения в зимней кампании в 1941 г. и ощутимых потерь в живой силе и технике союзники Германии «не угомонились» и не отозвали свои контингенты в 1942 г., а даже увеличили их?

Ещё летом 1941 г., посылая на Восточный фронт войска, лидеры Венгрии, Италии и других стран предлагали Гитлеру немедленно направить вслед ещё войска, но он отказал [4, с. 87].

Однако, например, Муссолини не оставлял мысль расширить своё «военное присутствие» на Восточном фронте. 10 октября 1941 г. министр иностранных дел Чиано сделал примечательную запись в своём дневнике: «Конёк Муссолини – это отправление итальянских вооружённых сил в Россию. Он хочет послать туда весной ещё двадцать дивизий, доказав, таким образом, что мы приблизим наше военное усилие к немецкому и избежим того, что после победы (он уверен, что она будет) Германия начнёт нам диктовать свои условия точно так же, как побеждённым странам» [10, p. 71].

Позиция немцев относительно увеличения контингентов союзников на Восточном фронте начала постепенно меняться в конце осени 1941 г. Так, в ходе переговоров, которые вёл Чиано с Гитлером и Риббентропом по этому вопросу в октябре – ноябре, Гитлер согласился, что «было бы полезным участие итальянских альпийских частей в боях за Кавказ» [4, с. 91]. Позиция Гитлера кардинально изменилась после поражения под Москвой и в ходе стратегического наступления Западного фронта зимой 1941/42 г. Немецко-фашистские войска понесли большие потери, и теперь немецкое руководство было сильно заинтересовано в получении возможно большего количества войск сателлитов.

29 декабря 1941 г. Гитлер в своих трёх письмах приблизительно аналогичного содержания сообщил Муссолини, Антонеску и Хорти о своём решении «с первым теплом в 1942 г. начать наступление на Восточном фронте с целью полного уничтожения Советского Союза» и указал на необходимость предоставления своевременной дополнительной военной помощи итальянскими, румынскими и венгерскими войсками [4, с. 92].

Руководство стран-сателлитов, как и в 1941 г., все ещё слепо верило в быструю победу Германии, немедленно отозвалось на эти письма. Было отдано распоряжение готовить для отправления в СССР новые контингенты войск. Безусловно, в данном случае они руководствовались не столько оперативно-стратегической целесообразностью, сколько политическими расчётами. Будучи твердо уверенными в победе, они стремились обеспечить себе место среди претендентов на большие восточные территории. В этой связи заслуживает внимания мысль, выраженная итальянским историком Л. Чева. Он допускает, что одним из главных мотивов отправления войск против Советского Союза было желание укрепить внутриполитическое поло-

жение режимов в самой Италии, Румынии и Венгрии, за счёт участия в «идеологической» войне [4, с. 92].

За год, который прошёл со времени отправления на фронт военных контингентов, ситуация в этих странах осложнилась. Положение фашистских режимов становилось все более шатким. Неудачи на Восточном фронте, продовольственные трудности – все это способствовало росту антифашистских настроений. Нередким явлением стали стихийные антивоенные демонстрации. Начали активную работу антифашистские группы Сопротивления. Усилили свою деятельность коммунистические партии этих стран: на заводах и фабриках регулярно появлялись листовки и подпольные издания, которые призывали к свержению тоталитарных режимов. Без сомнения, есть и факты, которые доказывают давление на союзников. Например, после четырёх дней переговоров, Риббентроп дал понять, что размеры территориальных уступок хортистам в Трансильвании будут зависеть от масштабов поддержки, которую они предоставят Германии. Ставя в пример Румынию в этом отношении, он требовал увеличения поставок в Германию и отправления на фронт «всех имеющихся венгерских вооружённых сил» [6, с. 193].

Ажиотаж относительно участия в войне с СССР в 1942 г. мы наблюдаем и в Румынии, и в Италии. Кроме того, испанцы, хорваты, французы и другие европейские добровольцы пытаются быстрее вступить в бой с «большевистскими ордами». Участие в войне на Востоке начинает напоминать массовую истерию.

Уже 4 января 1942 г. румынский кондукэтор издал приказ, в котором, напомнив «о славе румынского оружия», объявил, что румынскую армию ожидает «новая миссия». «Наши немецкие союзники, – сказано в приказе, – ведут тяжёлые бои и зовут нас на фронт...». В распоряжении немецкого командования в феврале 1942г. было около 10 больших румынских соединений, общая численность которых составляла 180 тыс. чел. [11, p. 68].

Не отставали и итальянцы, в январе 1942 г. итальянский посол Альфьери получил сообщение, что Гитлер просил ускорить отправку итальянских войск. В связи с этим Кейтель 6 февраля послал письмо, в котором настаивал на том, чтобы первый итальянский корпус в составе трёх дивизий был готов к отправлению до 1 мая [4, с. 92].

Таким образом, если в 1941 г. гарантии участия Румынии и Финляндии в войне на стороне Германии дали уверенность Гитлеру в решении вопроса об агрессии против СССР. Совместные действия румынских, финских, венгерских, итальянских и словацких войск на Восточном фронте максимально повысили боевые возможности вермахта, позволив ему сосредоточить ударные силы на главных направлениях и общими силами разбить армии РККА. Фактически, благодаря финнам на севере, румынам на Юге Украины и в Крыму, итальянцам в Донбассе, словакам под Ростовом, фронт на Востоке не рухнул, и война не закончилась весной 1942 г. разгромом Германии. Это дало надежду Гитлеру на победу в 1942 г., но для её реализации нужно было задействовать беспрецедентные человеческие и материальные ресурсы. Получить их можно было только за счёт старых и новых союзников. Как уже было сказано выше, дипломатические усилия Германии и желания, интересы союзников Германии совпали. На фронт были отправлены их лучшие части.

Таблица 2 – Войска союзников Германии (**на май – сентябрь 1942 г.**)

Страна	Пехотн. и моториз. дивизии	Пехотн. и моториз. бригады	Кавалерийские бригады	Танки и самоходные установки	Артиллерия и минометы	Боевые самолеты	Корабли разных классов
Италия	9	3	-	74	2906	73	26
Финляндия	16	2	1	бл. 200	около 2000	200	52
Румыния	18	10	6	бл. 200	около 6000	400	500
Венгрия	10	9 (оккупац.)	1	110	больше 2000	90	-
Словакия	2	1	-	40	больше 300	40	-
Хорватия	0,5	1		30	больше 200	50	6

Эти цифры являются неопровержимым доказательством того, какое значение руководство союзников Германии уделяло военным усилиям на Восточном фронте и какое место в их планах этот фронт занял к лету 1942 г.

Следовательно, именно благодаря усилиям союзников Германии стал возможным захват стратегической инициативы в войне на Восточном фронте странами Оси. Удержав, благодаря союзникам, оборону зимой 1942 г., немецкие войска пришли в себя от поражения и создали условия для успехов в военной кампании лета – осени 1942 г. В течение апреля – ноября 1942 г., несмотря на сокрушительные контрудары, они держали фронт протяжённостью: 3-я румынская армия – 170 км., 4-я румынская армия – 200 км., 8-я итальянская армия – 180 км., 2-я венгерская армия – 160 км., финские войска – больше 1000 км. Кроме того, с учётом словацких, французских, испанских и хорватских контингентов, а также авиационных частей союзников – к осени 1942 г. войска стран-союзниц Германии насчитывали уже 25% сил, которые принимали участие в боевых действиях, с охранными частями – 30 %. Это имело решающее воздействие не только на ход военных операций, но и вообще делало невозможным ведение войны Германией без союзников.

Как видим, сегодняшние подходы к участию союзников Германии в военных действиях на Восточном фронте в 1941–1942 гг. достаточно заполитизированы. Общая картина, которая вырисовывается из анализа того небольшого, проанализированного автором, фрагмента военной истории доказывает, что эта проблематика учёными разрабатывается постоянно. К сожалению, взаимообмена между учёными пока ещё почти нет, как нет и научных диалогов, дискуссий и обсуждений проблем или фрагментов истории, причём даже тех историй, которые в силу исторических обстоятельств во многом могут претендовать на «общие истории».

Литература

1. Барышников, Н.И. Мифы финской историографии о войне продолжении / Н.И. Барышников // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг. : сб. статей / под ред. В.Н. Барышникова, Т.Н. Гордецкой [и др.]. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – С. 201–206.
2. Кречетников, А. Союзники Третьего рейха – боеспособные и не очень / Артем Кречетников. – BBC Russian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pseudology.org. – Дата доступа: 12.03.2014.
3. Зефиров, М.В. Асы Второй мировой войны. Союзники Люфтваффе: Венгрия. Румыния. Болгария. Хорватия. Словакия. Испания / М.В. Зефиров. – Москва: АСТ, 2002. – 526 с.
4. Сафронов, В. Итальянские войска на советско-германском фронте: 1941–1943 / В.Г. Сафронов. – Москва: Наука, 1990. – 240 с.
5. Усовский, А. Союзники Германии на Восточном фронте / Александр Усовский. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pseudology.org. – Дата доступа: 12.03.2014.
6. Пушкаш, А.И. Венгрия в годы Второй мировой войны / А.И. Пушкаш. – Москва: Наука, 1966. – 527 с.
7. Din istoria Transnistriei (in contextul istoriei nationale) / Demir Dragnev, Ion Chirtoga, Ion Jarcutchi, Elena Negru. – Chisinau, 1997. – 210 p.
8. Moraru, P. Basarabia, basarabenii si serviciile secrete (1918–2005). Dictionar alfabetic / P. Moraru. – Chisinau, 2005. – 320 p.
9. Ungváry, K. A magyar honvédség a második világháborúban / Kristián Ungváry. – Budapest: Osiris Kiadő, 2005. – 607 old.
10. Ciano, G. Diari. Vol. II. / G. Ciano. – Roma, 1947. – 360 p.
11. Armata Romana // Anale. – 1960. – № 1.

Кринко Е.Ф.

БОЛЬШАЯ ИЗЛУЧИНА ДОНА В СРАЖЕНИЯХ 1942–1943 гг.: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ[1]

Несмотря на значительное количество трудов о Великой Отечественной войне, в ее истории сохраняются малоизвестные страницы. К ним относятся и боевые действия в большой излучине Дона, до революции 1917 г. входившей в состав Области Войска Донского, а в настоящее время разделенной между Ростовской и Волгоградской областями. Вместе с прилегающими территориями – юга Воронежской области, востока Луганской и Донецкой областей Украины, севера Краснодарского и Ставропольского краев и Республики Калмыкия – она стала в 1942–1943 гг. зоной кровопролитных боев стратегического значения.

Появившиеся еще в годы войны первые работы о событиях на южном крыле советско-германского фронта имели в основном прикладные задачи – обобщить опыт ведения боевых действий, мобилизовать советских людей на борьбу с захватчиками, преломляя описываемые события сквозь пропагандистские установки [3, с. 19]. В 1960–1980-е гг. боевые действия на Нижнем и Среднем Дону получили отражение в фундаментальных обобщающих трудах по ис-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)»

тории Великой Отечественной войны и Второй мировой войны [9, с. 10], специальных исследованиях [2, с. 15]. В основном, они были посвящены Сталинградской битве, в «тени» которой «растворялись» и оборонительные бои лета 1942 г., и наступательные операции зимы-весны 1943 г. в большой излучине Дона.

Многочисленные публикации раскрыли героизм советских бойцов и командиров, мобилизацию всех сил на борьбу с противником, помощь советского тыла фронту [7, с. 13]. Немаловажный вклад в осмысление хода боевых действий вносили и воспоминания очевидцев, в том числе командующих крупными войсковыми соединениями и объединениями, штабных работников [4, с. 5, 6, 18]. При этом советские авторы нередко приуменьшали масштаб потерь Красной армии и преувеличивали ущерб, нанесенный противнику. Причины тяжелых поражений и отступления советских войск связывались с превосходством противника в живой силе и технике, а также с отсутствием второго фронта в Западной Европе, который мог бы отвлечь на себя значительные силы Германии. Свою роль играл и субъективный фактор, вследствие чего значение тех или иных эпизодов боевых действий менялось в зависимости от участия в них тех или иных советских руководителей. В работах немецких авторов подчеркивалась личная вина Гитлера в провале операций на данном направлении, содержалась апология действий вермахта и военного командования [12].

В конце XX в. начался новый этап в изучении рассматриваемой проблемы. Современные исследователи анализируют боевые действия в большой излучине Дона, опираясь на новые источники и отказываясь от прежних догм [8, с. 14]. Многие авторы стремятся раскрыть боевые действия сквозь призму личного опыта их участников, воевавших по разные стороны линии фронта [1, с. 11]. Поиск новых подходов выражается в обращении к ранее неизученным сюжетам, военной повседневности, трагической судьбе жителей прифронтовой и оккупированной территории, мотивам и масштабам коллаборационизма и сопротивления захватчикам. Развитие историографии сопровождается созданием фундаментальных справочных трудов [17], совместных работ российских и зарубежных исследователей, в которых переосмысливается значение боевых операций на юге страны, прежде всего Сталинградской битвы, и их влияние на различные стороны жизни как воевавших, так и нейтральных стран [16].

Тем не менее, бои в большой излучине Дона все еще недостаточно изучены. В большинстве военно-исторических исследований рассматриваются отдельные военные операции или боевые действия отдельных воинских объединений и соединений. В значительной степени это объясняется как их не всегда удачным исходом, так и особенностями становления самой источниковой базы (комплектование архивных фондов военными документами по фондообразователям – соответствующим воинским формированиям и учреждениям). В свою очередь, историки, рассматривающие развитие отдельных регионов в годы Великой Отечественной войны, редко анализируют ход боевых действий за пределами их административных границ. Фрагментарность приводимых сведений, шаблонность подходов не позволяют воссоздать целостной картины данных событий.

По плану немецкого командования именно на юге в летнюю кампанию 1942 г. наносился решающий удар, для реализации которого было сконцентрировано более трети всех пехотных и более половины всех танковых и механизированных соединений вермахта. В ходе Воронежско-Ворошиловградской, первых этапов Сталинградской и Северо-Кавказской стратегических оборонительных операций советским войскам пришлось отступить, неся большие потери. Красная армия сумела остановить наступление противника только на Волге и в предгорьях Кавказа. В конце 1942 г. – начале 1943 г. большая излучина Дона вновь встала ареной жестоких сражений в связи с переходом советских войск в контрнаступление. В ходе Сталинградской, Северо-Кавказской, Воронежско-Харьковской наступательных стратегических, а также крупных фронтовых операций – Котельниковской (12 – 23.12.1942), Среднедонской («Малый Сатурн») (16 – 31.12.1942), Ростовской наступательной (01.01 – 14.12.1943), Острогожско-Россошанской (13 – 27.01.1943), «Кольцо» (10.01 – 02.02.1943) советские войска окружили и уничтожили немецкую группировку под Сталинградом, изгнали противника с Дона.

Одним из наиболее перспективных направлений в изучении данных событий является использование комплексного междисциплинарного подхода, учет влияния сложной совокупности природных и социальных факторов на боевые действия в большой излучине Дона. Донская излучина, по форме напоминающая петлю, при ограниченном количестве переправ создавала своеобразную «ловушку» как для оборонявшихся, так и для наступавших войск противоборствующих сторон. Откры-

тое степное пространство (территория бывшего Дикого поля) обеспечивало возможности для маневра крупных воинских соединений, сдерживаемого слабо развитой транспортной инфраструктурой, а отсутствие крупных лесных массивов, горных гряд и других естественных рубежей придавало дополнительное значение обретению противоборствующими силами господства в воздухе. В результате боевые действия в большой излучине Дона на протяжении всего периода лета 1942 г. – весны 1943 г. характеризует активная оборона, применявшаяся как войсками Красной армии, так и вермахта. Обе стороны использовали крупные бронетанковые и механизированные соединения в ходе операций, направленных на окружение и уничтожение группировок противника. Свое влияние на ход боевых действий оказывали высокая температура летом и низкая зимой, сильный ветер и другие климатические особенности местности. Организация снабжения, обеспечение военнослужащих вооружением, боеприпасами, продовольствием и всеми необходимыми предметами воинского снаряжения становились важнейшими условиями военных успехов, а повседневная жизнь комбатантов приобретала свою специфику.

Необходимо учитывать и роль социально-экономической инфраструктуры в развитии событий в 1942–1943 гг. Носящий преимущественно сельскохозяйственный характер, данный регион давно и тесно связан с такими центрами промышленного производства, как Донбасс и Кавказ, поэтому обладание указанными территориями носило взаимодополняющий характер. Положение населения, оказавшегося в зоне активных боевых действий, менялось, вместе с изменениями условий жизни на советской тыловой, прифронтовой, а затем оккупированной противником территории, порождая необходимость выработки соответствующих стратегий выживания.

В предшествующей историографии недостаточно внимания уделялось взаимоотношениям мирных советских граждан с частями действующей армии. Как правило, она сводилась к оказанию помощи фронту в создании оборонительных рубежей, действительно, потребовавших гигантских усилий, но в большинстве своем оказавшихся неиспользованными РККА. Между тем, среди жителей было немало людей, недовольных советской властью. Это недовольство стало одной из причин массового сотрудничества с противником в период нацистской оккупации, которая имела свои особенности в связи с ее сроком, а также стремлением захватчиков использовать в своих интересах военный потенциал донского казачества. Представители донского казачества, как, впрочем, и других этносоциальных групп советского общества, в 1941–1945 гг. воевали по обе стороны фронта, что позволяет отдельным авторам говорить применительно к данным событиям о рецидивах Гражданской войны. Причинами перехода части казаков на сторону противника в значительной степени определялись событиями его предшествовавшей истории, а также политикой расказачивания, осуществлявшейся в первые годы советской власти. В то же время значительная часть жителей оказывала сопротивление оккупационным властям и приветствовала советские войска, как своих освободителей.

В целом, события, происходившие в большой излучине Дона летом 1942 – весной 1943 гг., имели существенное значение для коренного перелома в Великой Отечественной войне. Без всестороннего анализа всех обстоятельств данных сражений нельзя понять ход военных действий, объяснить причины побед и поражений Красной армии.

Литература

1. Бивор, Э. Сталинград / Э. Бивор. – Смоленск: Русич, 1999. – 448 с.
2. Битва за Сталинград. – Волгоград: Нижне-Волж. кн. изд-во, 1973. – 593 с.
3. Героический Сталинград. – Астрахань: Сталинград. книгоизд-во, 1943. – 196 с.
4. Егоров, А.В. В донских степях / А.В. Егоров. – Москва: ДОСААФ, 1988. – 165 с.
5. Ерёменко, А.И. Сталинград / А.И. Ерёменко. – Москва: Воениздат, 1961. – 500 с.
6. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. – Москва: , 2002. – 415 с.
7. Зайцев, В.П. Дон в годы Великой Отечественной войны / В.П. Зайцев. – Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1958. – 48 с.
8. Исаев, А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет / А.В. Исаев. – Москва: Яуза, Эксмо, 2008. – 448 с.
9. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. – Москва: Воениздат, 1961. – Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). – 682 с.; Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.). – 652 с.
10. История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. – Москва, Воениздат, 1975–1976. – Т. 5. Провал агрессивных планов фашистского блока. – 512 с.; Т. 6. Коренной перелом в войне. – 520 с.
11. Карель, П. Восточный фронт. Кн. III. Сталинград. Крах операции «Блау». Военнопленные. Вермахт за колючей проволокой / П. Карель, Г. Бедекер. – Москва: Эксмо, 2008. – 592 с.
12. Манштейн, Э. Утерянные победы / Э. Манштейн. – Москва; Санкт-Петербург: АСТ; Terra Fantastica, 1999. – 896 с.
13. Маркусенко, И.С. Дон в Великой Отечественной войне / И.С. Маркусенко. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1977. – 180 с.
14. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.) / Г.Г. Матишов [и др.]. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 284 с.
15. Самсонов, А.М. Сталинградская битва / А.М. Самсонов. – 3-е изд., доп. – Москва: Наука, 1985. – 584 с.
16. Сталинград. Событие. Воздействие. Символ / пер. с нем. – Москва: Прогресс-Академия, 1995. – 528 с.
17. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энц. – Волгоград: Издатель, 2007. – 510 с.
18. Чуйков, В.И. Сражение века / В.И. Чуйков. – Москва: Советская Россия, 1975. – 400 с.

19. Юдович, И. Возрождение / И. Юдович. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1944. – 32 с.

Александрович С.С.

БЕЛОРУСЫ В СТАЛИНГРАДСКОМ СРАЖЕНИИ

Среди защитников Сталинграда были представители всех народов Советского Союза. Свой вклад в разгром гитлеровцев в битве на Вогге внесли и белорусы. Белорусы отличились во всех родах войск, от пехоты до флота, и были представлены на всех уровнях фронтовой иерархии, от рядовых до командующих армиями.

К началу Сталинградской битвы в высшем командном составе Красной Армии было шестьдесят шесть генералов-белорусов. Из них шесть командовало армиями, восемь генералов возглавляли штабы армий, два являлись заместителями начальника штаба фронта, два командовало корпусами, десять командовало дивизиями [7, с. 38]. Белорусские командармы, комбриги и комдивы отважно дрались за Сталинград. Полководческий талант, командное мастерство показали командующий 17-й воздушной армией генерал С.А. Красовский, командующий 5-й танковой армией генерал А.И. Лизюков (погиб в оборонительных боях), командир 91-й танковой бригады полковник И.И. Якубовский, командующий 3-й армией генерал П.П. Корзун, командир 7-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал Я.С. Шарабурко, командир 161-го отдельного артиллерийского полка И.М. Богушевич, командиры стрелковых дивизий генералы А.И. Пастревич, В.Н. Мартинкевич, Г.С. Зданович, полковник В.А. Пеньковский, командир 8-й артиллерийской дивизии генерал П.М. Рожанович.

Командир 106-й танковой бригады, белорус, полковник И.Е. Алексеев в январе 1943 г. со своей бригадой прорвал оборону врага в районе города Россошь, Воронежская область. За ночь бригада прошла по тылам противника более 70 км и освободила свыше 20 населенных пунктов, в том числе железнодорожную станцию Россошь, где захватила вражеский эшелон. Погиб комбриг в этом бою 15 января 1943 г. 4 февраля 1943 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Под Сталинградом прославилась 40-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала А.И. Пастревича, уроженца Могилевской области. 100 суток воины дивизии сдерживали атаки фашистов в районе станции Сиротинской. Дивизия стала Краснознаменной. Впоследствии отважный генерал командовал корпусом. Александр Иванович награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени.

В 138-й стрелковой дивизии Героя Советского Союза И.И. Людникова сражался наш земляк-белорус Владимир Ануфриевич Коноваленко, уроженец деревни Скребни Витебского района Витебской области [2, с. 39]. Майор Коноваленко командовал полком, который в составе дивизии более трех месяцев в Сталинграде удерживал завод «Баррикады» на западном берегу Волги (так называемый «остров Людникова»). Комдив Людников считал Владимира Коноваленко лучшим офицером своей дивизии. Перспективный военачальник, 26-летний командир полка В.А. Коноваленко пал в бою 19 марта 1944 г., освобождая Украину. Самое удивительное, что его командиру, генералу Людникову, в 1944 г. пришлось освобождать от фашистов родину Коноваленко – Витебский район и г. Витебск [3, с. 54].

В конце июля 1942 г. всю страну облетела весть о подвиге, который совершила отважная четверка советских бронебойщиков 84-го гвардейского стрелкового полка близ хутора Калмыков, недалеко от станицы Клетской (ныне Клетский район Волгоградской области), на подступах к Сталинграду. На их позиции обрушились десятки немецких танков и самолетов. Но солдаты выстояли в неравном бою, отбили вражескую атаку и остались живы. На поле боя осталось пятнадцать подбитых немецких машин. Среди четверки героев: русские Константин Беликов и Петр Самойлов, украинец Петр Болота, был и белорус Иван Алейников [4, с. 96].

В музее-панораме «Сталинградская битва» хранится листовка политического отдела 10 дивизии оперативных войск Народного Комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР, посвященная героическому подвигу комсомольца, белоруса Алексея Егоровича Ващенко, уроженца деревни Оскоты Городокского района Витебской области. 5 сентября 1942 г. рота, в которой служил Ващенко, отбив несколько атак, перешла в наступление. В бою красноармеец Ващенко закрыл собой амбразуру вражеского дзота. Алексей Егорович Ващенко посмертно награжден орденом Ленина и навечно зачислен в списки своей роты. В Волгограде есть улица имени нашего земляка-героя.

Защищая южные подступы к Сталинграду, храбро сражался с врагом белорус, командир батареи гвардии старший лейтенант В. С. Качулко, родом из деревни Княжицы Могилевского района. 5 сентября 1942 г. батарея Качулко отбивала атаки прорвавшегося врага близ деревни Большие Чепурники. Артиллеристы отбили 8 атак, уничтожив более 250 фашистов, 4 орудия с тягачами и не пустили врага в г. Красноармейск (сейчас это район Волгограда).

На подступах к Волге мужественно воевал командир батареи младший лейтенант В.Т. Чеботько, уроженец г. Старые Дороги Минской области. С 23 июля по 10 сентября 1942 г. его батарея уничтожила 23 танка, 30 автомашин и сотни немецких солдат и офицеров.

Храбро сражались в сталинградском небе летчики-белорусы. С первых дней войны дрался с фашистами лейтенант М. А. Карначенок, уроженец Шкловского района Могилевской области. Герой совершил 349 боевых вылетов, лично сбил 9 немецких самолетов, 5 из них – в небе Сталинграда. 22 сентября 1942 г. М.А. Корначенок погиб. Лейтенант удостоен звания Героя Советского Союза посмертно [5, с. 72].

Совершил более 250 боевых вылетов и провел 85 воздушных боев за годы войны гвардии лейтенант Иван Яковлевич Сержантов, уроженец Оршанского района Витебской области. За оборону Сталинграда и участие в разгроме врага на Волге лейтенанту Сержантову присвоено звание Героя Советского Союза.

За период Сталинградской битвы летчик-белорус старший лейтенант П.Я. Головачев совершил 150 боевых вылетов и сбил 8 вражеских самолетов. За оборону города Головачев награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны I степени.

В боях за Сталинград отличились белорусы, командиры эскадрилий майор А.А. Олехнович, старший лейтенант Г.В. Пастревич, командиры звеньев старший лейтенант И.Ф. Казаков, лейтенанты Г.С. Захаров, В. Быховец, И.П. Мильвет, А.Г. Ивашко, воздушный стрелок А. Соболь.

Прославили белорусы и флот. За оборону Сталинграда награждена орденом Красного Знамени канонерская лодка «Усыскин», названная в честь выдающегося советского воздухоплавателя 1930-х годов. Экипаж лодки комплектовался, том числе, белорусами. Главным старшиной на канонерке служил член ВКП (б) минчанин С.И. Дружинский, командиром орудия – гомельчанин, старшина 2-ой статьи комсомолец А.А. Кондратенко. Более двух месяцев лодка, умело замаскированная экипажем, не давала врагу возможности приблизиться к Волге, уничтожая его солдат и технику. 17 октября 1942 г. канонерскую лодку лично посетил командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник Андрей Иванович Еременко. Командующий фронтом поставил лодке боевую задачу – уничтожить батарею тяжелых орудий немцев. Задача была успешно выполнена, лодка отмечена благодарностью Еременко. В боях за Сталинград орудие Кондратенко уничтожило 10 танков, 200 автомашин, артиллерийскую батарею и склад с боеприпасами. За умелые боевые действия С.И. Дружинский награжден орденом Красного Знамени, А.А. Кондратенко – орденом Красной Звезды.

Белорусы были и среди политработников. Они личным примером показывали солдатам и офицерам, как нужно бить врага. В Сталинграде воевал начальник политотдела Волжской военной флотилии, будущий контр-адмирал Петр Тихонович Бондаренко, родом из Могилевской области. Минчанин М.В Коржель служил политруком телефонно-кабельной роты 142-го отдельного батальона связи 91-ой стрелковой дивизии. В августе 1942 г. политрук с группой связистов вступил в бой с передовыми частями немцев на подступах к Сталинграду. Чтобы дать возможность товарищам отойти и выполнить боевую задачу, Коржель остался один на позиции и отбивался до последнего патрона, буквально завалив трупами врага поле перед собой. Герой уничтожил более 60 гитлеровцев и сам пал смертью храбрых. Коржель посмертно награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Яркой страницей в истории борьбы белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков явилось участие его дочерей в битве на Волге. Среди женщин из Белорусии в Сталинградском сражении прославились летчицы Г.И. Докутович и П.В. Гельман, а также медики А.С. Кунцевич, З.М. Туснолобова-Марченко, машинист Е.М. Чухнюк и другие, чей ратный подвиг приближал Великую Победу [6, с. 217].

В ходе Сталинградской битвы отличилась Стемпковская Елена Константиновна, уроженка д. Мазурщина Солигорского района Минской области, радистка стрелкового батальона 216-го полка 76-й стрелковой дивизии 21-й армии. Младший сержант Стемпковская в августе 1942 г. во время выхода батальона из окружения в районе деревни Зимовенька, ныне Шебекин-

ский район Белгородской области, обеспечивала связь со штабом полка, заменив погибшего корректировщика, вызвала огонь на себя. Отважной белоруске посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [1, с. 70].

В небольшой статье невозможно передать и крупицы Великого Подвига нашего народа, отстоявшего свободу Беларуси на берегах великой русской реки. Десятки тысяч белорусов, солдат и офицеров, отдали жизни в Сталинградской битве, защищая свою Родину.

Литература

1. Кравченко, И.С. Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны / И.С. Кравченко, А.И. Залесский. – Минск: Госиздат БССР, 1959. – 146 с.
2. Людников, И.И. Дорога длиною в жизнь / И.И. Людников. – Москва: Воениздат, 1969. – 180 с.
3. Людников, И.И. Огненный остров / И.И. Людников. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1971. – 176 с.
4. Самсонов, А.М. Сталинградская битва / А.М. Самсонов. – Москва: Наука, 1989. – 629 с.
5. Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне. 1941–1945. – Москва: Воениздат, 1968. – 452 с.
6. Чухнюк, Е.М. К самому фронту / Е.М. Чухнюк // Гвардия тыла. – Москва, 1962. – С. 215–223.
7. Цунаева, Е. Сталинградские комдивы / Е. Цунаева // Родина. – 2013. – № 1. – С. 38–39.

Коробкина И.А.

«БИТВА ЗА КАВКАЗ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ

Зарубежные исследователи до недавнего времени традиционно отдавали предпочтение изучению предыстории и первоначального периода войны между Германией и Советским Союзом, рассматривали отдельные аспекты внешней и оккупационной политики Германии, проблемы тактического руководства боевыми операциями, исследовали претворение в жизнь концепции «военной экономики», много внимания уделяли изучению коллаборационистских формирований, профессиональных качеств военной элиты «третьего рейха». Вместе с тем, до сих пор нет основанного на солидной источниковой базе обобщающего исследования военного планирования Германии, представляющего собой нечто большее, чем просто описание во временной последовательности событий на советско-германском фронте после завершения первого этапа операции «Барбаросса» [2, с. 513].

По мнению Б. Вегнера, безусловный пробел в исторических исследованиях обусловлен упрощенным представлением о том, что сражения 1942–1945 гг. представляют собой лишь приведение в исполнение смертного приговора «третьему рейху», который тогда, в сущности, уже проиграл войну [2, с. 514]. Исследуя «Битву за Кавказ», зарубежные авторы, в число которых входят и непосредственные участники событий, обычно обращают внимание на следующие факторы: немецкое оперативное планирование, осуществление военных операций, причины неудач летне-осенней кампании 1942–1943 гг.

Ряд зарубежных авторов трактуют план «Блау», план второго «восточного похода» как просто второе издание плана «Барбаросса», предназначенного для осуществления под другим названием несколько иных оперативных целей. Б. Вегнер отмечает, что осуществление плана «Блау» представляло собой военную кампанию с совершенно самостоятельными стратегическими целями, которые во многом отличались от всех предыдущих наступлений вермахта. Это была уже не чисто европейская война, так как в декабре 1941 г. в войну вступили США и Япония. Одновременно имевшееся у руководства рейха пространство для маневра значительно уменьшилось. При планировании учитывалась боевая мощь Красной Армии и хорошая подготовка. И, наконец, отсутствовал присущий начальному этапу операции «Барбаросса» момент внезапности, как в политической, так и в стратегической сферах [2, с. 514].

К. Барнет считает, что военное планирование Германии на 1942 г. отмечалось смещением акцентов и относительной скромностью задач. Впервые с 1938 г. Гитлер не замышлял новых безумных предприятий, таких, как открытие нового фронта, а вместо этого решил возобновить активные военные действия в России. «Голубой план» предусматривал наступление только на южной половине Восточного фронта. Это свидетельствовало о признании Гитлером преобладания военной мощи России над военной мощью Германии [1, с. 22].

По мнению Г.А. Якобсена запланированное в четыре фазы наступление согласно директиве № 41 от 5 апреля 1941 (план «Блау») – взятие Воронежа, уничтожение советских сил между Донцом и Доном, захват Сталинграда и поворот на Кавказ не было полностью обеспечено сосредоточенными на южном крыле фронта войсками и их боеспособностью. Из 162 дивизий,

действовавших на Восточном фронте, полностью были пригодны для предстоящего наступления только 8, 3 – после кратковременного доукомплектования, а 47 – ограниченно пригодны для оборонительных целей. На 16 танковых дивизий приходились всего лишь 140 боеспособных танков. Уверенность в успехе исходила из убеждений Гитлера о том, что русские – на пределе своих сил и свои последние резервы уже ввели под Москвой. Это противоречило оценкам отдела «Иностранные армии Востока», который отмечал возрастающую силу Красной Армии. Г.А. Якобсен также отмечает, что советские войска научились на опыте первого года войны: ловким маневрированием они сумели вывести свои главные силы на своем южном фланге из создавшегося немецкого котла и отвести их на восток. Это положило начало роковому для немцев ходу событий [9, с. 37].

Практически все авторы, включая и немецких, которые в своих исследованиях рассматривали события весенне-летней кампании 1942 г. на Восточном фронте, дают однозначно негативную оценку авантюристической, не соответствующей принципам классической стратегии ведения войны директиве № 45 от 23 июля 1942 г. «О продолжении операции «Брауншвейг»», в которой Гитлер вместо первоначально предусмотренных эшелонированных операций приказал провести расходящееся по направлениям одновременное наступление к Волге и на Кавказ. Тем самым вермахту, который к началу летнего наступления занимал фронт протяженностью 800 км., приказывалось захватить полосу протяженностью 4100 км. и удерживать её от вражеских атак.

Г.А. Якобсен отмечает, что, не говоря о трудностях подвоза и снабжения, которые должны были возникнуть вследствие этого, стратегическая цель уже никоим образом не соответствовала наличным средствам. К тому же боевые действия в июне 1942 г. доказали, что ни на пути к Волге, ни на Кавказе главные силы Красной Армии разбить было нельзя. В этом, по мнению немецкого историка, и лежала главная трагедия 6-й армии [9, с. 38].

К. Цейтцлер считает первой роковой ошибкой 1942 г. не только решение о проведении наступательной операции по расходящимся операционным направлениям, но и согласие Гитлера с предложением Йодля о привлечении к удержанию фронта после прекращения немецкого наступления свежих дивизий от нацистских союзников: итальянские, румынские и венгерские соединения, которые не отвечали требованиям войны на этом суровом театре военных действий. Однако Гитлера интересовало лишь увеличение количества дивизий на его штабных картах [7, с. 179].

У. Ширер называет директиву № 45 одним из наиболее роковых документов, изданных Гитлером за всю войну. В этой директиве воплотилась фанатичная решимость захватить одновременно и Сталинград, и Кавказ вопреки советам начальника генерального штаба ОКХ Гальдера. Одним из результатов осуществления операции «Брауншвейг» явилась переброска 4-й танковой армии Гота со сталинградского направления для усиления 1-й танковой армии Клейста для наступления на Кавказ. С У. Ширером соглашаются многие авторы о вероятности в тот момент почти беспрепятственного продвижения 4-й танковой армии к Сталинграду, который тогда почти некому было оборонять. Осуществление директивы № 45 привело к тому, что в конечном итоге не была достигнута ни одна из поставленных в ней целей и Германия потерпела самое унизительное поражение в своей истории. Вскоре стало совершенно ясно, что Гитлеру никогда не удастся выиграть войну и что дни «тысячелетнего третьего рейха» сочтены [8, с. 440].

Уже в ходе быстрого продвижения немецких войск в юго-восточном направлении возникли первые трудности со снабжением войск, которые затем стали хроническими и постепенно превратились в настоящее бедствие. Особенно это касалось снабжения горючим. К. Типпельскирх, непосредственный участник событий, пишет о том, что иногда острая нехватка горючего даже вынуждала доставлять его по воздуху. Коммуникации настолько удлинились, что автоколонны, подвозившие горючее, сами расходовали в пути большую часть своего груза. Иногда дело доходило до парадокса: для транспортировки горючего использовались караваны верблюдов. По мнению К. Типпельскирха, затруднения с подвозом помешали внезапно захватить кавказские перевалы, прежде чем русские сумели усилить их оборону. 21 августа 1942 г. немецкие горные стрелки на Эльбрусе подняли немецкий флаг, однако, как метко заметил К. Типпельскирх – это значительное достижение альпинизма не имело ни тактического, ни тем более стратегического значения [6, с. 236].

На нехватку горючего как одну из причин неудач немецкого наступления на Кавказе указывал и командующий 1-й танковой армией генерал-полковник фон Клейст. Снабжались

немецкие войска по железной дороге через узкую горловину в Ростове, так как путь по Черному морю считался небезопасным. Часть горючего перебрасывалась по воздуху, однако, общий объём поставок был недостаточен для обеспечения высокого темпа наступательных операций. Но главной причиной провала операций на Кавказе Клейст считал растаскивание по частям его армии для поддержки войск, наступавших на Сталинград. Клейст помимо нескольких моторизованных частей передал корпус зенитной артиллерии и все военно-воздушные силы, за исключением разведывательных эскадрилий [4, с. 234].

Немаловажным фактором срыва немецкой операции на Кавказе явилась и необъективная оценка при оперативном планировании боеспособности Красной Армии. Начальник штаба ОКВ генерал-фельдмаршал Кейтель, анализируя провал операции на Кавказе, отмечал изменение самого характера боевых действий: противник научился избегать клещей, охватов и фланговых обходов – число захваченных пленных в битвах на окружение стало незначительным по сравнению с первым этапом войны. Советские войска оказывали упорное сопротивление только на сталинградском направлении и в предгорьях Кавказа, на всех остальных участках фронта активно маневрировали и всячески избегали боевого соприкосновения и огневого контакта [3, с. 319].

Генерал-майор фон Бутлар указывает на то, что немецкое верховное командование недооценило новую тактику советских вооруженных сил. За время растянутого немецкого наступления, которое хронически сопровождали перебои в снабжении, советские войска пополнили свои силы, подготовились к обороне кавказских перевалов и усилили войска, прикрывавшие нефтяные промыслы Грозного. Немецкое наступление на Кавказе захлебнулось. По мнению Бутлара, вермахт не имел больше сил, для того чтобы выйти на оперативный простор. Советские войска подготовили хорошо оборудованные горные позиции и ожесточенно оборонялись на них. Сопротивление, которое они оказывали, постоянно росло. Сломить его немцы просто не могли, считает Бутлар [5, с. 192]. И далее он заключает, что, оценивая сегодня события того времени, можно прийти к выводу, что невозможность продолжения наступления войск группы армий «А» была, вероятно, и для неё и для её командования просто счастьем, потому что даже при полном успехе наступления ей вряд ли удалось бы повлиять на ход событий в излучине Дона. Не подлежит сомнению, что если бы ее войска и преодолели горный хребет и даже вышли бы к южной границе Советского Союза, то после катастрофы в верхнем течении Дона и под Сталинградом они просто не сумели бы пробиться из Закавказья назад и соединиться с главными силами вермахта [5, с. 192].

Литература

1. Барнет, К. Военная элита рейха / К. Барнет. – Смоленск: Русич, 1999. – 528 с.
2. Вегнер, Б. Второй поход Гитлера против Советского Союза / Б. Вегнер // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / пер. с нем. – Москва: Весь мир, 1997. – 704 с.
3. Кейтель, В. 12 ступенек на эшафот... / В. Кейтель. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 416 с.
4. Лиддел Гарт, Б. Что рассказали немецкие генералы / Б. Лиддел Гарт // От Мюнхена до Токийского залива. – Москва: Изд-во полит. лит-ры, 1992. – 448 с.
5. Мировая война 1939–1945 годы. – Москва: Иностранная лит-ра, 1957. – 587 с.
6. Типпельскирх, К. История второй мировой войны / К. Типпельскирх. – Санкт-Петербург: Полигон, 1994. – Т. 1. 1939–1943. – 298 с.
7. Цейтцлер, К. Сталинградская битва / К. Цейтцлер // Роковые решения вермахта. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 216 с.
8. Ширер, У. Крах нацистской империи / У. Ширер. – Смоленск: Русич, 1999. – 736 с.
9. Якобсен, Г.-А. 1939–1945. Вторая мировая война: хроника и документы / Г.-А. Якобсен // Вторая мировая война: Два взгляда. – Москва: Мысль, 1995. – 556 с.

Костякова Ю.Б.

ПИСЬМА С ФРОНТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ ХАКАСИИ И ГОРНОГО АЛТАЯ)

В годы Великой Отечественной войны пресса нередко инициировала установление и поддержание коммуникативных связей между фронтовиками и жителями тыла. Поэтому газеты военных лет сохранили немало произведений эпистолярного жанра, которые служат ценным историческим источником для реконструкции представлений фронтовиков о современной им действительности.

В Хакасии и Горном Алтае (до 1948 г. – Ойротии) – двух автономных областях Южной Сибири – главную роль в информировании аудитории играли областные издания: русскоязыч-

ные «Советская Хакасия» и «Красная Ойротия» и национальные по языку «Хызыл аал» и «Кызыл Ойрот». Наиболее активно в роли посредника между фронтом и тылом выступала «Советская Хакасия», которая 31 июня 1941 г. обратилась к своим читателям с призывом: «шлите в адрес редакции письма на фронт. Через «Советскую Хакасию» установим связи с бойцами Действующей армии» [1, с. 3]. В дальнейшем для публикации подобных материалов были созданы специальные рубрики «Письма на фронт» и «Письма с фронта». В других рассматриваемых изданиях переписка использовалась реже, соответствующие рубрики были созданы позже и выходили нерегулярно.

Однако в письмах военнослужащих, опубликованных в «Красной Ойротии» и «Кызыл Ойрот», нередкими были упоминания о том, что призванные из Горного Алтая читают на фронте местные издания. Несмотря на дефицит, связанный с сокращением тиража областной прессы, редакции оформляли подписку для воинских подразделений, где служили алтайцы [4, л. 34–35]. Поэтому письма-отклики на газетные сообщения служили эффективным средством воздействия на местную аудиторию и использовались для повышения трудовой активности: «Здесь на фронте мы внимательно следим по газетам за тем, что делается в родной Ойротии… На днях мы получили газеты, в которых пишется, что ряд аймаков нашей области все еще отстает с обмолотом хлебов. Это очень обидно» [11, с. 2].

Из четырех рассмотренных областных газет, больше всего фронтовых писем было опубликовано в «Советской Хакасии». В «Хызыл аал» таких публикаций обнаруживается меньше, их авторами (судя по фамилиям) были, преимущественно, хакасы. Поэтому, за исключением нескольких переведенных с русского языка, все остальные письма представляют собой оригинальные, т.е. написанные по-хакасски тексты, адресованные в «свое» издание.

«Красная Ойротия», сообщавшая, что писем из действующей армии в редакцию поступало много, публиковала их редко. Обзоры и подборки таких посланий под рубрикой «Фронтовики пишут» на страницах газеты стали появляться с конца 1942 г., но до окончания войны их публикация не носила системного и регулярного характера. На наш взгляд, такое неактивное использование фронтовой корреспонденции было вызвано не недостатком писем, а позицией самой редакции, не сумевшей наладить информационное взаимодействие представителей фронта и тыла через газету. «Кызыл Ойрот», дублируя содержание «Красной Ойротии», также перепечатывала и письма. Некоторые послания, судя по стилю и фамилиям авторов, представляли собой оригинальные послания солдат-алтайцев, адресованные в национальное издание. После перевода они также публиковались в русскоязычной областной газете.

Фронтовые письма условно можно разделить на индивидуальные и коллективные. Для последних характерна форма обращения к многочисленным адресатам, в роли которых выступали односельчане, трудовые коллективы или все жители области. Основной задачей таких писем, текст которых часто принимался на общем собрании бойцов подразделения, было призвать жителей тыла к трудовой активности в выращивании урожая, производстве сельскохозяйственной и другой продукции. Эти послания своей совокупностью способствовали росту патриотических настроений в обществе, воспитанию трудящихся «в духе презрения и жгучей ненависти к озверевшим фашистским бандам, в духе беспредельной преданности и любви к советской родине и большевистской партии» [6, л. 86].

Индивидуальные, т.е. созданные одним автором, письма были более оригинальными по стилю, содержали личные мысли, описание переживаний, испытываемых адресантом в сложной боевой обстановке, чувств по отношению к родным и близким, родине, воинскому долгу. Однако и эту категорию публикаций также необходимо разделить на две группы. Первую составляют послания, адресованные родным, которые те вместе со своим ответом на фронт приносили в редакцию. Такая форма переписки через редакцию была распространенной в 1941–1942 гг. По характеру общения адресантов и адресатов, сообщаемых фактов и их изложения эти письма можно назвать личными. Вторую группу составляют письма фронтовиков, адресованные непосредственно в газеты и претендующие на опубликование, что, по мнению А.Ю. Иванова, позволяет их отнести «к особой группе писем – так называемым публицистическим письмам» [3, с. 16]. Подавляющее их большинство было напечатано в газетах во второй половине 1942 г. – начале 1944 г.

В посланиях, включенных нами в первую группу, о ратных делах сообщалось скудно: «не даем пощады немецким захватчикам, не жалеем себя» или «О себе писать особенно нечего –

здоровье отличное, настроение бодрое, получила правительственную награду – медаль «За боевые заслуги»» [5, с. 3]. Подобную краткость, на наш взгляд, можно объяснить нежеланием авторов вдаваться в тяжелые и нелицеприятные подробности фронтовой жизни, опасением санкций со стороны цензурных органов, тщательной редакторской правкой предлагаемых к публикации текстов.

Среди публицистических писем, то есть адресованных непосредственно в редакцию, особое место занимают письма командиров воинских подразделений, которые стали регулярно публиковаться в газетах с 1942 г. Эти письма являлись специфическими по своему содержанию материалами, в которых, в основном, содержались благодарности родителям, членам трудового коллектива, руководителям курсов всеобуча «за воспитание смелого бойца», сообщения о его воинских доблестях (уничтожил столько-то единиц техники или вражеских солдат), о награждении солдата орденом или медалью или представлении к награде, о вынесении ему благодарности от командования. Такое письмо служило особой формой похвалы отличившегося военнослужащего. Своей совокупностью подобные послания выполняли задачи по укреплению связи фронта и тыла, содействовали патриотической работе с населением, формировали у солдат и офицеров Действующей армии мотивации для ответственного и доблестного выполнения долга. Несмотря на то, что в письме солдат напрямую не назывался героем, сам факт получения на родине такого официального послания «от командования» являлся подтверждением его героического статуса и поводом для газетного материала.

В более многочисленной группе публицистических писем чаще всего содержалось описание боевого пути автора. В послании нередко присутствовало сравнение того, кем он был в довоенный период, когда, например, «мало интересовался охотой, стрелял не особо хорошо», и кем стал на фронте: «мною уже убито 20 немецких солдат и 2 офицера» [7, с. 2]. Чтобы выделить своё письмо в потоке корреспонденции, авторы нередко «кооперировались», отправляя в газету коллективное обращение. В нем, наряду с описанием своих героических деяний («на нашем боевом счету уже около 100 уничтоженных немецких солдат и офицеров») и обязательствами («обязуемся убрать с лица советской земли еще не одну сотню фрицев»), авторы озвучивали призывы к землякам: «от того, как вы будете работать в тылу, будут зависеть успехи фронта» [9, с. 2].

Напечатанные в прессе послания с фронта подвергались предварительной корректуре, но сохраняли немало интересных фактов и авторских мыслей. Их анализ позволил выделить основные причины создания подобных писем. Одной из них можно считать желание похвастаться своими или коллективными боевыми успехами. Для таких посланий было характерно подробное описание хода сражения и ущерба, нанесенного противнику (живая сила, пленные, техника), перечисление трофеев, захваченных у врага. При этом особый акцент делался на то, что совершение героической операции обошлось «без потерь личного состава», либо с указанием на «нескольких раненых», которых удалось благополучно доставить в расположение части: «Их было много, нас – горстка. Мы поклялись умереть, но не отступить» [10, с. 2].

Также причиной написания в редакцию, по нашему мнению, было стремление авторов поделиться переживаниями, высказать свои мысли о войне, объяснить причины жестокого отношения к врагу, мотивы мести неприятелю: «Мы видели трупы замученных фашистским зверьем наших братьев и сестер, мы видели трупы женщины и ее пятилетнего сына, убитых немцами при отступлении. И над этими трупами мы поклялись отомстить поганым фрицам за все их злодеяния» [2, с. 2]. Такие послания нередко являлись «криком души» или способом высказать свое отношение к оставшимся дома, к их письмам: «тут пьют каждую букву, пьют, как человек, которого измучила жажда, и он припал ртом к источнику» [8, с. 1].

Третьей причиной, на наш взгляд, была потребность с помощью газеты сохранить память о себе, своих делах и чувствах у большого числа людей. В условиях войны и постоянной опасности гибели комбатанта газетная публикация служила своеобразным «свидетельством» его жизни, документом, который родные могли сохранить в семейном архиве, передать следующим поколениям, и особенно ценным, если человек лишился семьи и близких. Последнее способствовало появлению новой формы общения представителей фронта и тыла через газету, когда потерявшие родных военнослужащие с помощью прессы искали и находили поддержку в своем горе у совершенно незнакомых людей, получали приглашение после войны приехать жить и работать в конкретный колхоз или на предприятие.

В годы войны, когда миллионы людей оказались разлученными со своими родными, близкими, знакомыми, письма позволяли не только поддерживать эмоциональную связь, получать моральную поддержку в сложной ситуации, но и выражать свои мысли и чаяния, рисовать собственное видение настоящего и будущего. Некоторые из них можно назвать мемуарами очевидцев, написанными по «горячим следам» событий Великой Отечественной. Газеты Хакасии и Горного Алтая уделяли большое внимание поддержке коммуникативных связей между фронтом и тылом, выступая своеобразным посредником в обмене коллективными и индивидуальными, публичными и личными посланиями. С их помощью проводилось патриотическое воспитание населения, вызывалась ненависть к захватчикам и уважение к советским солдатам.

Литература

1. Все мы куем победу // Советская Хакасия. – 1941. – 31 июня. – С. 3.
2. За победу! // Советская Хакасия. – 1942. – 27 ноября. – С. 2.
3. Иванов, А.Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник (по материалам Республики Татарстан): автореф. дис. канд. ист. наук / А.Ю. Иванов. – Казань, 2009. – 24 с.
4. Комитет по делам архивов Республики Алтай. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 145.
5. Коронатова, Е. Фронтовики пишут / Е. Коронатова // Советская Хакасия. – 1944. – 12 ноября. – С. 3.
6. Краевое государственное бюджетное учреждение Государственный архив Красноярского края. – Фонд 26. – Оп. 3. – Д. 432.
7. Куранаков, Н. Бью врага без промаха / Н. Куранаков // Красная Ойротия. – 1942. – 6 декабря. – С. 2.
8. Носков. Любовь и война / Носков // Советская Хакасия. – 1942. – 7 ноября. – С. 1.
9. Умножим наш счет / Г. Паршуткин [и др.] // Красная Ойротия. – 1942. – 6 декабря. – С. 2.
10. Помякшев, Г. Контратака немцев захлебнулась / Г. Помякшев // Красная Ойротия. – 1943. – 5 декабря. – С. 2.
11. Титков, Н. Равняйтесь по фронтовикам / Н. Титков // Красная Ойротия. – 1942. – 6 декабря. – С. 2.

Третяк В.Л.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ АРМЕЙСКОЙ ПРЕССЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Пресса является мощным средством пропаганды, благодаря своей массовости и доступности практически для любого слоя населения. По справедливости оценивая силу печатного слова, руководство Советского Союза создало мощную структуру периодической печати, которая включала в себя центральные, республиканские, областные, районные, городские, сельские и другие типы газет. О выдающейся роли прессы в общественной жизни страны говорилось во всевозможных публичных выступлениях партийной верхушки СССР в 20–30-е гг. XX ст. [4; 10, с. 3].

В СССР интенсивно велось развитие и армейской прессы, чему способствовало относительно большое количество военных конфликтов, участие в которых принимала Красная армия. Военные действия ставили перед работниками редакций армейских газет широкий спектр задач по подбору и выкладке материала, определяли виды и формы корреспонденций. Но, в силу объективных причин именно во время Великой Отечественной войны армейская пресса достигла апогея своего развития, являясь, по сути, главным средством государственной пропаганды. В отличие от партийной армейская пресса имела тесную взаимосвязь с солдатами, что давало возможность оперативно освещать события на фронте, подавать репортажи непосредственных участников сражений. К тому же, с помощью армейской прессы перед широкой аудиторией ставились конкретные задания и цели, облегчавшие мобилизацию личного состава на выполнение приказов командования.

Разнообразная информация, которую несли на своих страницах фронтовые газеты, стала ценным источником для военных историков и постоянно находилась в поле зрения с момента введения армейской прессы в ранг государственной политики, то есть со второй половины 20-х гг. XX ст. Фундаментальными в этой области стали исследования С. Жукова [2], А. Кочкурова [5], А. Мишуриса [6]. На постсоветском пространстве эта тема, хоть и в меньших объемах, тоже вызывает интерес у исследователей. Среди последних можно назвать Н. Румянцева [11], Э. Галумова [1] и других.

Коллекция Мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» в г. Киеве располагает обширным собранием фронтовой прессы, хотя этот факт не является темой данного сообщения. Задача исследования – становление и развитие советской армейской прессы в годы Великой Отечественной войны.

До начала войны в СССР основное внимание уделялось партийной прессе. Организацию и руководство армейской периодикой осуществляло Политическое управление РККА, создан-

ное в 1929 г. как самостоятельный отдел при ЦК ВКП(б). Управление занималось, кроме всего прочего, выработкой рекомендаций для коллективов редакций армейских газет, определением тематической направленности печатаемых материалов, рецензированием и т.п. В распоряжении управления была мощная издательская база. Кроме центрального органа «Красной звезды», выходили газеты «На страже» (с 1939 г. периодичностью 3 раза в неделю) и «Боевая подготовка», ориентированная преимущественно на личный состав отделений и взводов (выходила до 12 июля 1941 г.). Газеты « Красная звезда» и «Боевая подготовка» выходили каждая месячным тиражом по 500–600 тыс. экземпляров. Постоянно росла сеть окружных изданий. В 1938 г. насчитывалось 13 ежедневных газет такого рода, в 1941 г. – 17. Кроме того, к 22 июня 1941 г. издавалось 11 военных журналов. Крупнейшие из них – «Пропагандист и агитатор РККА», а также «Политучеба красноармейца»– были печатными органами Политуправления РККА. Последний, который выходил общим тиражом в 80 тыс экземпляров, издавался по решению ЦК ВКП(б) с февраля 1939 г. и предназначался для руководителей политических занятий с личным составом. В 1939 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) постановило увеличить тираж журнала на 25 тыс. экземпляров. Вдвое меньше в 1939 г. был тираж журналов «Партийно-политическая работа в РККА» и «Красноармеец» (по 50 тыс. экземпляров каждый).

В апреле 1939 г. по решению ЦК ВКП(б) начали создаваться армейские газеты. В конце 1930-х гг., кроме 2 центральных, издавалось 16 окружных, 11 армейских, 3 корпусных, 589 газет соединений и учебных заведений [7, с. 63].

С началом Великой Отечественной в пользу армейской прессы пошли на сокращение изданий партийных органов, что было обусловлено расширением сети военных печатных органов, нехваткой кадров, бумаги, сокращением полиграфической базы и т.д. В частности, о нехватке кадров в партийной прессе свидетельствует обращение 22 июля 1941 г. редактора газеты «Советская Украина», главного органа ЦК КП(б)У, В. Прожогина, к начальнику отдела кадров штаба Юго-Западного фронта с просьбой предоставить в их распоряжение свободного сотрудника газеты «Красная Армия» Я. Волошина в связи с полным отсутствием работников в художественном отделе [12].

Если накануне войны выходило 39 центральных газет, то в военное время их осталось 18. Всего в 1942 г. в стране осталась 4561 газета, в то время как в 1940 г. их насчитывалось 8806, а общий тираж прессы с 38,4 млн уменьшился до 18 млн экземпляров [4, с. 80].

Задачи печатного слова в период Великой Отечественной войны определялись постановлениями ЦК ВКП(б) и директивами Главного управления политической пропаганды РККА (переименованное Политическое управление РККА) и ВМФ, такими как: «О содержании фронтовой, армейской и дивизионной печати» и «О работе армейской, окружной и дивизионной печати в связи с призывом в армию» от 23 июля 1941 г.; «Об организации партийно-политической работы на флоте в условиях войны» от 22 июля 1941 г.; «О работе на фронте специальных корреспондентов», в котором говорилось, что для полного и всестороннего информирования о событиях на фронте газетам «Правда», «Известия», «Красная Звезда», «Красный флот», «Комсомольская правда», «Сталинский сокол» предоставлялось право иметь своих постоянных корреспондентов на фронте. 3 марта 1942 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главное политическое управление РККА утвердили положение «О работе военных корреспондентов на фронте», в котором отмечалось, что все постоянные военные корреспонденты зачисляются в личный состав Красной армии (ВМФ) и на их плечи ложится обеспечение печати и радио военной информацией. В соответствии с Постановлением Государственного комитета обороны СССР № 929 от 20 ноября 1941 г. и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 июля 1943 г. «О порядке присвоения военных званий военнослужащим Красной армии» фронтовым корреспондентам присваивались военные звания и определялся порядок награждения их боевыми наградами [13]. 24 мая 1943 г. было издано Постановление ЦК ВКП (б) «По реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усиления роли фронтовых, армейских и дивизионных газет». В том же году был издан приказ № 114 Главного политического управления о необходимости изучения военного дела в редакциях, что позволит более квалифицированно освещать ход боевых событий.

Главное политическое управление РККА также занималось комплектацией редакций и подготовкой основного костяка военной прессы – журналистов и корреспондентов. Приказом № 0045 от 24 июня 1941 г. на фронт была направлена первая группа журналистов и писателей.

Только газета «Правда» направила на фронт около 40 своих сотрудников, «Красная Звезда» – 41 сотрудника. Более 100 советских писателей и 900 членов Союза художников вступили в ряды действующей армии. Всего в годы войны в военных редакциях работало более 4500 военных журналистов, 280 писателей, сотни тысяч военкоров [9, с. 5].

В начале войны организовывали работу по выпуску газет в сложных боевых условиях. Это и недостаток средств для печати, и сбор корреспондентами материалов непосредственно после боя, и участие самих газетчиков в боях. Так, в первые годы войны на передовицах фронтовых газет появилась надпись «Прочитай и передай товарищу», ставшая результатом недостатка бумаги и трудностей печати газеты вручную.

Несмотря на это, количество фронтовых периодических изданий во время Великой Отечественной постоянно росло. Если накануне войны в 1941 г. в Красной армии и ВМФ издавалось 5 центральных, 21 окружная и флотская, 22 армейские и флотские газеты общим тиражом 1 млн 840 тыс экземпляров, то к концу 1942 г. число армейских газет уже составляло 60. Всего же в 1942 г., кроме 4 центральных и 60 армейских, издавалось 13 фронтовых, 33 корпусных, более 600 дивизионных и бригадных газет. В 1943 г. для личного состава вооруженных сил издавалось 128 ежедневных газет и 600 газет, выходивших 3 раза в неделю. В 1944 г. выходила 821 военная газета, в том числе 13 фронтовых, с общим разовым тиражом в 3 млн 195 тыс экземпляров, 20 фронтовых журналов с тиражом в 1 млн 960 тыс экземпляров [8, с. 14].

При создании фронтовых газет Главное политическое управление учитывало специфику войск. В ходе войны в соответствии с наполнением Красной армии авиацией, танками и артиллерией росла сеть газет в соответствующих частях. Так, в 1943 г. в числе заново организованных 74 дивизионных газет 48 были созданы в танковых и артиллерийских дивизиях [2, с. 6].

К началу 1944 г. окончательно сложились и закрепились следующие типы газет: стрелковых дивизий (дивизионные), отдельных механизированных и кавалерийских корпусов (корпусные), общевойсковых армий (армейские), танковых армий, фронтов (фронтовые). Обычно периодические издания обслуживали части и соединения в течение всего периода войны. Номера, которые выходили большим тиражом, находились ближе (чем вся другая печатная продукция) к личному составу боевых частей и соединений. Как правило эти газеты, первыми поступали на передовую, информируя читателя о последних событиях.

Как видим, несмотря на все трудности, которые возникли с организацией армейской прессы, в первые, особенно тяжелые, годы войны сеть военных изданий увеличивалась из года в год. При создании этих изданий учитывалась ситуация на фронтах, количество войск, входивших в состав фронтов, специфика войск и т.п. Армейская пресса в годы войны отодвинула на второй план партийную печать, став таким образом основным и самым массовым способом пропаганды и оказав в большей или меньшей степени духовное воздействие в рамках советской доктрины на всех солдат Красной армии.

Литература

1. Галумов, Э.А. «Известия» на информационном и боевом фронтах / Э.А. Галумов // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 11. – С. 29–33.
2. Жуков, С.И. Фронтовая печать в годы Великой Отечественной войны / С.И. Жуков. – Москва: Изд-во Московского университета, 1968. – 388 с.
3. Калінін, М.І. Преса в руках більшовиків – могутня сила / М.І. Калінін. – Київ: Державне видавництво політичної літератури РНК УРСР, 1938. – 16 с.
4. Комков, Г.Д. На идеологическом фронте Великой Отечественной... 1941–1945 / Г.Д. Комков. – Москва: Наука, 1983. – 280 с.
5 Кочкуров, А.М. Армейская газета в наступлении / А.М. Кочкуров. – Москва: Военное изд-во Мин. Вооруженных сил Союза ССР, 1949. – 200 с.
6. Мишурис, А.Л. Советская публицистика в годы Великой Отечественной войны / А.Л. Мишурис. – Москва, 1980. – 642 с.
7. Невежин, В.А. Если завтра в поход… Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х–40-х годах / В.А. Невежин. – Москва: Яуза, Эксмо, 2007. – С. 52–63.
8. Полковенко, В.В. Українська радянська журналістика у Великій Вітчизняній війні / В.В. Полковенко. – Київ: Видавниче об‘єднання «Вища школа», 1975. – 168 с.
9. Попов, Н.П. Советская печать в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / Н.П. Попов, Н.А. Горохов. – Москва: Воениздат, 1981. –416 с.
10. Пузин, А.О. О некоторых задачах в печати в дни Отечественной войны / А.О. Пузин. – Москва: ОГИЗ Гос. изд-во полит. литры, 1942. – 20 с.
11. Румянцев, Н.И. Журналистика в военной шинели / Н.И. Румянцев. // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 6. – С. 25–26.
12. Фонды Мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» (далее НМИВВВ). – Временный фонд – 4557.
13. Фонды НМИВВВ. – Книга поступлення – 223775. – Документ – 38614.

Болсун Г.А.

ОБРАЗ ВРАГА В СОВЕТСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПРОПАГАНДЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В период Великой Отечественной войны пропаганда не только превратилась в мощное оружие, но и стала одним из ключевых факторов достижения победы. Однако пропаганда не была статичным явлением. Агитационные лозунги и пропагандистские установки менялись, акценты смещались в зависимости от ситуации на фронтах и задач текущего периода. Достижение коренного перелома на Восточном фронте после победы советских войск под Сталинградом и Курском, начало освобождения Беларуси осенью 1943 г., окончательное освобождение нашей республики в ходе операции «Багратион» летом 1944 г. – все эти факторы внесли серьезные коррективы в пропагандистскую деятельность.

В данной статье предпринята попытка проанализировать трансформацию образа врага и освещения военных действий в советских и немецких агитационных материалах.

Одним из основных направлений агитационной работы на протяжении всего периода Великой Отечественной войны был анализ хода военных действий. В 1941 г. фашисты стремились показать лавинообразный характер победоносного шествия вермахта по территории СССР. Населению занятых областей представляли начавшуюся войну как освободительную миссию Германии, спасающей СССР от «оков жидо-большевизма». На картах, вывешенных на специальных щитах, опубликованных в газетах и журналах, было отмечено продвижение «крестового похода» в глубь советской территории. Летом – осенью 1941 г. успех военных операций вермахта был очевиден, и немецкие агитационные материалы достаточно объективно освещали события на фронте.

После провала стратегии молниеносной войны в ходе успешных боев Красной армии под Москвой, противником были выдвинуты новые пропагандистские установки. Затяжной характер войны агитационные материалы объясняли тем, что сталинское руководство безжалостно использует свой народ в качестве «пушечного мяса».

Последние победоносные сводки с фронта прозвучали в немецкой прессе осенью 1942 г., когда фашистские войска добились успехов на Кавказе и на подступах к Сталинграду. Однако планам Гитлера не суждено было сбыться. Й. Геббельс был вынужден спешно компенсировать провалы германской армии. Резко был изменен образ врага. До этого момента усилиями немецкой пропаганды в сознание солдат вермахта прочно вошел тезис о «тупости», «варварстве», почти «дегенеративности» советских солдат и непобедимости германской армии, выполняющей священную миссию расширения границ рейха. В 1941 г. фашистская пропаганда даже отказалась от использования словосочетания «русский солдат», предписывая называть противника на Восточном фронте «советским армейцем», оставляя слово «солдат» для военнослужащих вермахта [1, с. 36].

После победы советских войск под Сталинградом Й. Геббельс был вынужден признать, что красноармейцы оказались более стойкими, чем ожидалось. Но причина этой стойкости, по мнению Й. Геббельса, не в храбрости, а в том, что им противостоят «существа низшего порядка». Еще в июле 1942 г., инструктируя журналистов, Й. Геббельс заявляет: «…Что касается сопротивления большевиков, речь здесь идет вообще не о героизме и храбрости. То, что нам здесь противостоит в русской массовой душе, является ничем иным, как примитивной животной сущностью славянства…Есть живые существа, которые слишком способны к сопротивлению потому, что они настолько же неполноценны…Поведение русских находится в резком противоречии с сознательным героизмом человека, который обладает силой целиком посвятить себя большому делу и умереть за него…Потому для информирования должна быть создана определенная шкала понятий, которая бы резко отделяла храбрость и героизм немецкого солдата от примитивной животной выдержки большевиков» [2, с. 49–50]. С 1943 г. это клише прочно войдет во все агитационные материалы противника.

После поражения вермахта под Сталинградом в фашистской пропаганде появляется еще один новый тезис. Если раньше Германия была символом «Новой Европы», которая противопоставлялась Европе старой, хиреющей, неспособной к прогрессу, то теперь Германия изображалась в роли единственного защитника Европы, да и всей западной цивилизации от «больше-

вистского нашествия», «славянских орд, надвигавшихся с востока». С 1943 г. рассказы о «зверствах большевиков» станут любимым рассуждением всех немецких агитационных материалов.

Например, вплоть до лета 1944 г. немецкие агитационные материалы стремились убедить население Беларуси, что если большевики вернутся, то все жители будут немедленно выселены в Сибирь. Оккупационная газета «Новое слово» 12 марта 1944 г. опубликовала статью о том, что перебежавший к немцам капитан Красной армии И. Капор, выступил на народном собрании в Минске, поведав слушателям о существовании тайного приказа Сталина о полном истреблении белорусского народа [4, с. 1].

Необходимо отметить, что подобные сообщения дезориентировали население. В своих воспоминаниях К.Т. Мазуров указывает: «Фашисты распускают различные провокационные слухи, запугивают людей. В деревнях меня, например, спрашивали, правда ли, что с приходом Красной армии жителей западных областей выселят в Сибирь? Я объяснял, что это геббельсовская ложь» [5, с. 321].

На страницах оккупационных изданий появился еще один новый термин – «эластичный фронт». Газета «Новый путь» давала ему такое определение: «Сокращением линии фронта называется концентрация сил на коротком расстоянии с учетом наибольшего сбережения жизней солдат. Германскому командованию нет нужды гнаться за противником в глубь его страны, не имея при этом возможности заставить его принять решительный бой. Последние месяцы войны доказали, что тактика эластичной обороны принесла германским войскам самую большую пользу».

Теперь немецкая пропаганда не замечала реального положения. Вплоть до весны 1944 г., даже когда часть республики была освобождена от захватчиков Красной армией, все статьи, обращения, посвященные положению дел на фронте, заканчивались уверениями, что новое, невиданное до сих пор наступление германской армии вот-вот начнется и победа вермахта очевидна. «Три года назад, – говорилось в передовице оккупационной газеты «За Родину» от 22 июня 1944 г., – начался молниеносный и сокрушительный поход германских войск против большевизма…Германское командование не ставило и не ставит перед собой территориально-завоевательных целей, ибо характер нынешней подвижной и «безокопной» войны делает эти цели излишними. Главная задача – разбить армии противников. Согласно общепризнанной военной теории Клаузевица, оборона является сильнейшим средством обессилить противник. И на восточном фронте эта теория лишний раз оправдалась блестяще. Нельзя, конечно, сказать, что Красная армия уже воевать не способна, но нельзя и сравнивать ее сегодняшнее состояние с возможностями германской… После поражения англо-американцев, без сомнения, вновь оживится восточный фронт, вторичный разгром Красной армии на этот раз будет последним, но днем исторического перелома в судьбе большевизма…останется навсегда 22 июня 1941 г.» [3, с. 1].

Анализируя пропагандистские материалы противника, можно сделать вывод, что если летом – осенью 1941 года немцы достаточно объективно освещали события на советско-германском фронте, то после поражения вермахта под Москвой реальное положение все более искажалось. Публиковались неправдоподобные сообщения о потерях Красной армии, явные неудачи немцев объявлялись временными. Чем дальше на запад продвигалась линия фронта, тем активнее фашистская пропаганда эксплуатировала тезис о «зверствах большевиков» в занимаемых областях, доказывая, что только германские вооруженные силы могут спасти жителей республики от террора НКВД.

Приведенные документы свидетельствуют о том, как трактовала немецкая пропаганда причины, цели и ход войны с СССР. Рассмотрим, как освещали и трактовали эти события советские агитационные материалы. Руководство СССР с первого дня войны выдвинуло доктрину «воюющего народа». Во главу угла всей пропагандистской работы была поставлена идея защиты своей Родины, своего Отечества, которая объединяла весь советский народ для борьбы с захватчиками. Однако основная проблема советской пропаганды была связана с излишней идеологизацией материалов, издаваемых как в тылу, так и непосредственно на оккупированной территории. Интернационализм, антиимпериализм, социализм – эти понятия доминировали в советской пропаганде на начальном этапе войны. С классовых позиций давалась оценка германского фашизма как открытой террористической диктатуры наиболее реакционных и шовинистических элементов капитализма. Гитлер, Геббельс, Геринг были объявлены крупнейшими монополистами. Немецкий народ не олицетворялся со своими лидерами. Один из призывов

ЦК ВКП(б) к 24-й годовщине октябрьской революции гласил: «Привет германскому народу, стонущему под игом гитлеровских черносотенных банд, – пожелаем ему победы над кровавым Гитлером».

Потребовалось время, чтобы акценты советской пропаганды сместились с доктринально-классовых на национально-патриотические. В выступлениях и публикациях стало широко использоваться обращение к героическим примерам прошлого, патриотическим традициям русского, белорусского, украинского народов. Так, в газете «За Савецкую Беларусь» 16 сентября 1941 г. была напечатана статья «Били, бьем и бить будем», в которой рассказывалось о славных победах славянских народов в борьбе с иноземными завоевателям.

В июле 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были учреждены ордена А.Невского, А.Суворова, М.Кутузова. Тогда же в Беларуси создаваемым партизанским отрядам и бригадам присваивались имена этих знаменитых полководцев. На оккупированной территории Кринковского, Соколовского, Белостокского, Кнышинского, Граевского районов Белостокской области в октябре 1942 г. была создана бригада им. Кастуся Калиновского. Обращение к патриотическим традициям, к истории освободительной борьбы, должно было убедить людей в неизбежности нашей победы над врагом. Герои прошлого, словно воскресая, призывали людей сражаться за независимость своего Отечества. Тема «Родина в опасности» была доминирующей в советской пропаганде вплоть до победы под Сталинградом. В 1943 г. ее сменяет тема «Окончательно разгромим и уничтожим врага».

Стоит отметить, что после освобождения советских территорий от фашистских захватчиков вновь наметился определенный поворот в пропаганде патриотизма. С начала 1944 г. на страницах газет и журналов, в выступлениях партийных лидеров активно стала звучать озабоченность излишним увлечением опытом дореволюционного прошлого, механическим перенесением его на современную почву. Настойчиво напоминалось о революционных традициях и примерах героизма из истории коммунистической партии, жизни вождей, верности народа социалистическим идеалам.

Образу советского патриота и защитника Родины противопоставлялся образ врага. Установка на воспитание ненависти к фашизму в условиях жесточайшей войны была оправдана и необходима. Материалы, рисующие истинный образ солдат противника, появляются в центральных изданиях уже в 1941 г. Так, в «Правде» 7 декабря была опубликована статья «Вот они какие – немецкие грабители и убийцы». Фотографию гитлеровского солдата в дамской сорочке сопровождали рассказы о том, что гитлеровская грабьармия не гнушается ничем, отбирая у населения даже личные вещи.Материалы о злодеяниях гитлеровских захватчиков на оккупированной территории появляются в белорусских изданиях в начале 1942 г.

Образ врага характеризовали такие эпитеты – «гитлеровские людоеды», «фашистские бандиты», «немецкие звери». Постепенно слово «немец» стало синонимом слова «враг». Советская пропаганда сформировала собирательный образ «немецкого фрица», который лишен человеческих черт. В пословицах и поговорках фашистов сравнивали с животными – псом, волком, шакалом. Знаменитый призыв И.Эренбурга – «Убей немца!» долгое время не сходил со страниц газет и листовок. Позднее позиция И.Эренбурга подверглась критике. После вступления советских войск на территорию Германии вновь по-новому трактовался вопрос об ответственности немецкой нации за развязывание войны. Однако очевидно, что целью данных публикаций в период фашистской оккупации была активизация населения для борьбы с захватчиками. Истребление врага стало священным долгом каждого советского человека, а тема возмездия одной из центральных в агитационных и пропагандистских материалах на протяжении всей войны.

Освещение советской пропагандой хода военных действий в первые месяцы войны осложнялось отсутствием у подпольщиков и партизан информации о положении дел на фронте. Докладные записки, отчеты, рапорты командиров партизанских отрядов и групп этого периода свидетельствуют, что газеты и листовки из советского тыла поступали крайне редко, а в ряде мест их не видели с начала войны.

Успехи Красной Армии в конце 1942 – начале 1943 гг., исправление допущенных ошибок при подготовке агитационных материалов изменили ситуацию в нашу пользу. Как в военном, так и в психологическом плане одним из величайших переломных этапов войны был Сталинград. Тон нашей пропаганды после Сталинградской битвы стал уверенным и наступательным. Названия передовиц советских газет так характеризовали это событие: «Сталинград – сверкающее знамя побе-

ды», «Блестящая победа наших войск под Сталинградом», «Победа, которой еще не знал мир». Большой психологический эффект имело и пленение германского штаба во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Это событие нашло отражение во всех агитационных материалах.

Наши пропагандисты использовали победу под Сталинградом для укрепления веры жителей оккупированных территорий в неизбежность освобождения и непобедимости Красной Армии. Интересен тот факт, что на оккупированной территории Беларуси немецкие солдаты узнали о результатах Сталинградского сражения позднее, чем местное население [6, с. 161].

С осени 1943 г. пропагандистская работа советской стороны еще более активизировалась в связи с вступлением Красной Армии в пределы республики и началом ее освобождения от оккупантов. Сообщения наших агитационных материалов о положении на фронте подкреплялись теперь реальными успехами. Пресса, радио широко освещали открытие второго фронта, военные операции британских и американских войск, противопоставляя мощь англо-советско-американской коалиции итало-германскому союзу, а также продвижение на запад линии восточного фронта. 5 июля 1944 г. газета «Правда» вышла с долгожданным лозунгом на белорусском языке «Слава роднай Чырвонай Арміі, вызваліўшай з нямецка-фашысцкай няволі сталіцу Савецкай Беларусі – Мінск!». В передовице «Столица белорусского народа освобождена!» говорилось: «Минск возвращен белорусскому народу. Недалек тот день, когда будет очищена от немцев-захватчиков вся белорусская земля… В новейшую историю белорусского народа входит теперь третья славная дата…3 июля 1944 г., когда освобождением Минска восстанавливается золотая цепь развития Белоруссии, прерванная на время разбойничьим нападением гитлеровских разбойников» [7, с. 1].

Подводя итог, необходимо отметить, что фашистская пропаганда среди населения оккупированных областей, несмотря на возросшее качество, смещение акцентов и выдвижение новых лозунгов, полностью провалилась. Голод, грабежи и реквизиции, массовые уничтожения мирного населения, отношение к военнопленным служили наглядным доказательством лживости пропагандистских обещаний противника.

Успеху советской пропаганды способствовала, во-первых, деидеологизация агитационных материалов, апелляция к патриотизму, национальным символам и святыням, выдвижение на первый план общечеловеческих ценностей. Идея мировой революции и освобождения «немецких братьев по классу» сменилась ненавистью к врагу, независимо от его классовой принадлежности и решимостью отомстить за поруганную Родину. Во-вторых, заявления советской пропаганды о неизбежности нашей победы подтверждались уже реальными успехами на фронте.

Литература

1. Айрапетов, А.Г. Вермахт в войне против СССР (историко-психологический аспект) / А.Г. Айрапетов, С.Н. Молотков // Новая и новейшая история. – 2010. – № 4. – С. 32–46.
2. Гогун, А. Черный PR Адольфа Гитлера / А. Гогун. – Москва: Яуза: Эксмо, 2004. – 414 с.
3. День великого перелома // За Родину [г. Рига]. – 1944. – 22 июня. – С. 1.
4. Истребление белорусов // Новое слово [г. Берлин]. – 1944. – 12 марта. – С. 1.
5. Мазуров, К.Т. Незабываемое / К.Т. Мазуров. – Минск: Беларусь, 1984. – 351 с.
6. Национальный Архив Республики Беларусь. – Фонд 4683. – Оп. 3. – Д. 948.
7. Столица белорусского народа освобождена // Правда [г. Москва]. – 1944. – 5 июля. – С. 1.

Симперович В.Н.

КВИТЧАНСКАЯ ОБОРОНА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Одной из составляющих Корсунь-Шевченковской наступательной операции (24 января – 17 февраля 1944 г.) была оборона села Квиток местными жителями, вновь мобилизованными в Красную Армию (так называемая Квитчанская оборона). Большинство советских фундаментальных трудов по истории Великой Отечественной войны касалось этой страницы Корсунь-Шевченковской битвы – «Сталинграда на Волге». В условиях современного историографического процесса научная заинтересованность историей обороны Квиток не угасает. О ней вспоминают в обобщающих монографиях и научных статьях на военную тематику, о ней не забывают и историки-краеведы. Эта проблема также опосредствованно рассматривается в общих и специализированных историографических работах по военной тематике. Мы попытаемся выделить главные достижения, малоисследованные и дискусионные вопросы этой темы в проблемно-историографическом ракурсе.

Осуществленный историографический анализ наиболее обстоятельных советских и постсоветских научных исследований проблемы засвидетельствовал, что в общих чертах абрисы Квитчанской обороны начерченные достаточно детально. Научные и научно-популярные, мемуарные и энциклопедические издания эпохи Советского Союза, которые в той или иной мере рассматривали разнообразные аспекты Корсунь-Шевченковской битвы, касались массово-патриотической составляющей обороны Квиток, прославляли патриотизм народа, особенности участия местных жителей в оборонительных боях вокруг села и разведывательных действиях войск Красной Армии, провозглашали преданность Родине, ненависть к врагу, героизм и отдельные подвиги квитчан [4; 5; 8; 10; 15]. Научным трудам советского историографического периода присуща определенная ограниченность, идеологическая патетика, пропагандистская направленность, отсутствие беспристрастного исследовательского взгляда на проблему, четкая установка на «единственно правильный» компартийный принцип научного познания. Основные исторические акценты были сосредоточены только на успехах, победах и героических подвигах квитчанских красноармейцев-новобранцев. Игнорировалась и замалчивалась тема отдельных тактических поражений и потерь среди только что мобилизованных мирных жителей села.

В реалиях постсоветской историографической действительности летопись проблемы заметно обогатилась неизвестными ранее знаниями и умозаключениями, появились новые обобщающие и специализированные монографические исследования, многочисленные научные статьи, материалы международных и региональных научно-практических конференций [1; 2; 3; 6; 7; 9; 11; 12; 13; 14; 16; 17]. Стоит отметить, что историография проблемы, основываясь на достаточно широком комплексе исторических источников, в том числе на материалах «устной истории» и извещениях о гибели военнослужащих Красной Армии, постепенно стала раскрывать разнообразные аспекты темы на научном уровне. Акцентуализация исследования Квитчанской обороны сместилась на раскрытие особенностей мобилизационной составляющей советских властей в Квитках так называемыми «полевыми военкоматами», своеобразную персонификацию событий оборонительных боев в селе Квитки. Например, украинская ученая Л. Рыбченко в контексте исследования советских военных мобилизаций 1943–1944 гг. и сквозь призму участия только что мобилизованного пополнения в Корсунь-Шевченковской битве неопровержимо довела, что только что призванные мужчины не только пополнили действующие части через «полевые военкоматы» и стали им помогать держать оборону родного села, а сразу же сами стали этими передовыми боевыми подразделениями с соответствующими заданиями – оборонять, наступать, проводить разведки и тому подобное [14, с. 76–79].

Положительно оценивая достижения исследователей в изучении Квитчанской обороны, следует отметить, что некоторые аспекты проблемы остаются еще недостаточно проработанными, противоречивыми и дискусионными. Ставить точку в исследовании данной проблематики рановато, поскольку еще остается огромное поле для последующих научных поисков.

Итак, следует констатировать, что историография еще не произвела определенных подходов даже к трактовке основных этапов боев за село Квитки. Как пример, наведем «варианты» периодизации оборонительных боев. Так, часть исследователей утверждает, что воинские части 180-й стрелковой дивизии Красной Армии заняли населенный пункт 30 января 1944 г. [15, с. 123; 17, с. 135], другие ученые апеллируют – 31 января 1944 г. [1, с. 191; 14, с. 76]. А отсюда – и «разнобой» хронологических рамок Квитчанской обороны: от пяти до четырнадцати дней [3, с. 97; 12, с. 180].

До сих пор отсутствует и полная картина количества мобилизированных жителей Квиток и потерь среди них во время боев за село. Большинство исследователей оперируют цифрой около/более 500 человек, которые пополнили лавы советских войск, и около 600 женщин, людей преклонного возраста и детей, работавших на строительстве оборонительных сооружений и подносивших боеприпасы. Однако, по мнению И. Мощанского, на оборонном строительстве работали 800 человек [11, с. 60]. Историографический анализ удостоверяет наличие нескольких разных подходов к проблеме потерь среди мобилизированных местных жителей. Большая часть публикаций оперирует цифрой потерь 200 человек. Отдельные исследователи называют другую цифру – во время боев за село погибло 54 жителя [17, с. 138].

Подытоживая состояние и полноту изучения истории Квитчанской обороны, необходимо отметить, что в целом этот вопрос изучается достаточно активно. Основным критерием последующего развития исследований истории обороны Квиток должен быть выход исторической

науки на новые, более качественные рубежи поиска исторической правды. Следовательно, анализ историографии проблемы позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на достаточно широкий круг литературы, на сегодня еще не создано специального научного исследования проблемы. Существующие научные работы не решают задания комплексной проблемной разработки темы. Лишь при условии использования всего историографически аккумулированного фактографического материала, привлечения широкого круга исторических источников, в первую очередь архивных и «устной истории», задание целостной проработки проблемы будет выполнено. Поможет его реализовать и создание мощного биобиблиографического указателя к теме. Вне поля зрения исследователей остаются вопросы, связанные с общей оценкой анализируемых событий, количеством мобилизованных, уточнением потерь. Имеющийся исследовательский потенциал удостоверяет, что решение этих и других вопросов полностью возможно, необходимо лишь учесть как приобретенный опыт, так и новые реалии современности.

Литература

1. Бахмут, А.І. Допомога місцевого населення військам Червоної армії під час Корсунь-Шевченківської операції / А.І. Бахмут // Роль і місце Корсунь-Шевченківської наступальної операції в звільненні Правобережної України: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 60-річчю Корсунь-Шевченківської битви. 11 лютого 2004 р. / редкол.: П.Я. Степенькіна (відп. ред.) [та ін.]. – Корсунь-Шевченківський, 2004. – С. 186–193.
2. Бережинский, В.Г. Корсунь-Шевченковская операция (24 января – 17 февраля 1944 г.) / В.Г. Бережинский, Ю.Г. Короткин, С.В. Сидоров // Патріот України: довідково-інформаційне видання. – Київ: Пошуково-видавниче агентство «Книги Пам'яті України», 2003. – С. 64–77.
3. Борщ, М. Подвиги черкащан під час Корсунь-Шевченківської наступальної операції у січні – лютому 1944 року / М. Борщ // Корсунь Шевченківська операція – частина стратегічного наступу військ Червоної армії на території України в зимово-весняну кампанію 1944 року: матеріали науково-практичної конференції, присвяченої 65-річчю Корсунь-Шевченківської наступальної операції / редкол.: П.Я. Степенькіна (відп. ред.) [та ін.]. – Корсунь-Шевченківський, 2009. – С. 93–103.
4. Грушецкий, И.С. Народ и армия / И.С. Грушецкий // Корсунь-Шевченковская битва / сост.: Н.И. Береза, В.П. Мыслюк, Б.П. Педченко. – Київ: Политиздат Украины, 1989. – С. 59–76.
5. Захаров, М.В. Канны на Днепре / М.В. Захаров // Военный вестник. – 1969. – № 1. – С. 13–15.
6. Захарченко, О. Канни на Дніпрі / О. Захарченко // Персонал-Плюс. – 2009. – 25 лютого – 3 березня.
7. Іваненко, Л.М. Мобілізація до Червоної армії під час Корсунь-Шевченківської операції та втрати новобранців / Л.М. Іваненко // Черкащина в контексті історії України: матеріали науково-краєзнавчої конференції. – Черкаси, 2005. – С. 140–144.
8. Конев, И.С. В безудержном порыве / И.С. Конев // Корсунь-Шевченковская битва / сост.: Н.И. Береза, В.П. Мыслюк, Б.П. Педченко. – Київ: Политиздат Украины, 1989. – С. 12–31.
9. Лішавський, В.Г. Стратегія Корсунь-Шевченківської перемоги / В.Г. Лішавський. – Київ, 2004. – 216 с.
10. Матвиенко, И.К. Страницы героической борьбы / И.К. Матвиенко // Корсунь-Шевченковская битва / сост. Н.И. Береза, В.П. Мыслюк, Б.П. Педченко. – Київ: Политиздат Украины, 1989. – С. 189–198.
11. Мощанский, И.Б. Освобождение Правобережной Украины / И.Б. Мощанский. – Москва: Вече, 2011. – 320 с.
12. Овсієнко, Л.Г. Визволення Корсунського району від німецьких військ у ході Корсунь-Шевченківської наступальної операції (за матеріалами Центрального архіву Міністерства оборони Російської Федерації) / Л.Г. Овсієнко // Роль і місце Корсунь-Шевченківської наступальної операції в звільненні Правобережної України: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 60-річчю Корсунь-Шевченківської битви. 11 лютого 2004 р. / редкол.: П.Я. Степенькіна (відп. ред) [та ін.]. – Корсунь-Шевченківський, 2004. – С. 176–185.
13. Пасічко, Я. Корсунь-Шевченківська наступальна операція в експозиції та у фондових колекціях Меморіального комплексу «Національний музей історії Великої Вітчизняної війни 1941–1945 років» / Я. Пасічко // Корсунь Шевченківська операція – частина стратегічного наступу військ Червоної армії на території України в зимово-весняну кампанію 1944 року: матеріали науково-практичної конференції, присвяченої 65-річчю Корсунь-Шевченківської наступальної операції / редкол.: П.Я. Степенькіна (відп. ред.) [та ін.]. – Корсунь-Шевченківський, 2009. – С. 82–92.
14. Рибченко, Л. Радянські військові мобілізації 1943–1944 років. Участь щойно мобілізованого поповнення в Корсунь-Шевченківській битві / Л. Рибченко // Корсунь Шевченківська операція – частина стратегічного наступу військ Червоної армії на території України в зимово-весняну кампанію 1944 року: матеріали науково-практичної конференції, присвяченої 65-річчю Корсунь-Шевченківської наступальної операції / редкол.: П.Я. Степенькіна (відп. ред.) [та ін.]. – Корсунь-Шевченківський, 2009. – С. 72–81.
15. Смирнов, С. Сталинград на Днепре. Очерк Корсунь-Шевченковской битвы / С. Смирнов. – Москва: Советский писатель, 1958. – 272 с.
16. Стецик, П. Невідомий етап та деякі непарадні штрихи Корсунь-Шевченківської битви / П. Стецик // Корсунський часопис. – 1998. – № 7–8. – С. 13–17.
17. Цьоменко, Л. Допомога жителів села Квітки підрозділам Червоної армії під час боїв за село у січні – лютому 1944 року / Л. Цьоменко // Корсунь-Шевченківська операція – частина стратегічного наступу військ Червоної армії на території України в зимово-весняну кампанію 1944 року: матеріали науково-практичної конференції, присвяченої 65-річчю Корсунь-Шевченківської наступальної операції / редкол.: П.Я. Степенькіна (відп. ред.) [та ін.]. – Корсунь-Шевченківський, 2009. – С. 134–139.

Шатько В.И., Романов А.П.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ОПЕРАЦИЯХ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ ЮГО-ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ БЕЛАРУСИ (КОНЕЦ 1943 – НАЧАЛО 1944 ГОДА)

В ходе боевых действий по освобождению восточных районов Беларуси советское военное искусство получило свое дальнейшее развитие. Особого внимания заслуживают операции по освобождению Гомеля, Лоева, Калинкович, Мозыря, Речицы.

В ходе этих операций советские войска вели наступление в лесисто-болотистой местности, форсировали водные преграды, показали высокие морально-боевые качества: смелость и небывалую храбрость, изобретательность и отменное боевое мастерство, упорство и настойчивость в достижении намеченной цели, мужество и героизм, дружбу и взаимовыручку.

Заслуживают особого внимания пути решения проблем прорыва хорошо подготовленной обороны противника и развитие успеха в глубине. Важнейшими из них являлись: достижение внезапности; надежное огневое поражение позиций, районов и объектов противника; своевременное наращивание усилий с целью поддержания высоких темпов наступления противника. В большей степени успех операций зависел от их подготовки, которая осуществлялась, как правило, в ходе предыдущих сражений.

Так, форсирование Днепра, захват и удержание плацдарма у Лоева готовились войсками 65-й армии в течение всего лишь нескольких суток. Внимательно изучалась система обороны противника на противоположном берегу. Велась разведка огневых средств. На ближних озерах Беховш, Заборское, Воротище проводились специальные занятия по строительству плотов и других переправочных средств. Воины неустанно тренировались в гребле, учились плавать. С командирами подразделений различных родов войск отрабатывали вопросы взаимодействия.

Командующий 65-й армии генерал П.И. Батов вспоминал: «Осенние ночи прозрачны, над водой – густой туман, людей не видно, и лишь по звук догадываешься, что здесь делается. Мерные всплески вес старший на лодке подсчитывает: "раз, два ... раз, два", ускоряя темп. Это тренируются в гребле. В другом месте слышно, как группа солдат тащит к воде пушку и грузит ее. В третьем постукивают топоры – собирают паром. Оснащают лодки. На каждой операции стараются сэкономить минуты – те самые минуты, которые позволят проскочить на тот берег перед носом у смерти.

Большую помощь воинам оказали партизаны и местные жители. Так, в один из напряженных дней подготовки к форсированию реки местный крестьянин дер. Лопатни П.А. Саенко, кавалер четырех георгиевских крестов, помог командиру 69-й стрелковой дивизии генералу Кузовкину выбрать наиболее удобное место для переправы.

Форсирование Днепра началось в 6 час. 30 мин. 16 октября после артиллерийской и авиационной подготовки. Первыми высадились на противоположный берег разведчики во главе с сержантом Пахомовым, вслед за ними переправился 2-й батальон 120-стрелкового полка капитана Кулешова 69-й стрелковой дивизии. Внезапная высадка передовых отрядов вызвала переполох среди фашистских войск. Они открыли шквальный огонь по переправе и плацдарму. Сотни мин и снарядов падали в воду. Немало лодок и плотов перевернулось, и бойцы оказывались в ледяной воде. На крохотном кусочке берега развернулись жаркие бои. Однако, к 10 часам на западном берегу Днепра уже были 4 батальона – 60, 143 и 106-й стрелковых дивизий. По их примеру справа и слева высаживались все новые и новые подразделения, которые, несмотря на сопротивление врага, расширяли плацдарм.

Лоевский плацдарм имел важное оперативное значение: во-первых, он позволил сосредоточить значительное количество советских войск для последующего наступления на Калинковичском и Речицком направлениях; во-вторых, нависал над всей гомельской группировкой противника, создавая угрозу выхода ей в тыл. в короткие сроки на сравнительно небольшом пятачке земли, кроме четырех стрелковых дивизий, были сконцентрированы 1-й гвардейский и 9-й танковый корпуса, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса, а также артиллерийский корпус прорыва.

В ходе отражения ударов советские войска готовились к Гомельско-Речицкой операции, по замыслу которой предусматривалось нанести два удара, обойти с флангов Гомельскую группировку противника и уничтожить ее. Главный удар планировался с Лоевского плацдарма

силами трех армий (48, 65: 61 –и), двух танковых корпусов (9-го и 1-го гвардейского). 2-х кавалерийских корпусов (7 и 2-го гвардейских) в направлении на Речицу с последующим выходом в тыл группировки противника с юга. Второй удар намечалось нанести из района севернее Гомеля войсками двух армий (11 и 63-й) в направлении на Жлобин с тем, чтобы обойти группировку врага с севера и запада, а главное – отвлечь внимание гитлеровского командования от направления главного удара, приковать к себе как можно больше вражеских сил.

Касаясь плана и замысла операции, командующий фронтом К.К. Рокоссовский в своих мемуарах писал: «Перед нашим Белорусским фронтом действовали войска немецко-фашистской группы армий «Центр» (4, 9 и 2-я армии), выполнявшие задачу гитлеровского командования – не допустить прорыва Восточного вала. Мы уже убедились в прочности этого рубежа. В лоб его взять трудно. Тут нужен смелый маневр и умение обмануть противника. Но инициатива находилась в наших руках. Мы могли идти на риск, демонстрируя сосредоточение сил на одном участке фронта, в то время как готовили удар совсем на другом направлении. Мы так и поступили. 11-я армия Федюнинского вместе с войсками Колпакчи непрерывно атаковали противника севернее Гомеля, приковывая к этому участку его внимание. А основной удар нами уже был подготовлен с Лоевского плацдарма».

В период с 8 по 20 января 1944 г. Белорусский фронт провел – Калинковичско-Мозырскую операцию. Перед фронтом стояла задача разгромить группировку противника в районе Мозыря и Калинкович, захватить плацдарм и создать условия для последующего наступления на Бобруйск и Минск. В операции участвовали войска левого крыла Белорусского фронта: 61-я и 65-я армии, которыми командовали генералы Белов и Батов.

8 января перешли в наступление соединения 65-й армии. Стрелковые дивизии во взаимодействии с танками при активной поддержке артиллерии и штурмовой авиации уже в первый день операции преодолели оборону 2-й немецкой армии. В ходе тринадцатидневных боев советские войска при участии партизан Минского и Полесского партизанских соединений нанесли поражение мозырско-калинковичской группировке противника. 14 января они освободили Калинковичи и Мозырь, 21 января – Озаричи, 23 января –Лельчицы. Гитлеровские войска были отброшены к реке Птичь и в район Петрикова.

Несмотря на успех операции, военный совет Белорусского фронта, подводя итоги Калинковичско-Мозырскую операции, отмечал не только положительный опыт в действиях войск, но вскрывал и недостатки. В частности, в директиве, изданной 14 февраля 1944 г., указывались серьезные недочеты в области применения артиллерии: огонь велся не по конкретным разведанным целям, а по площадям, расточительно расходовались боеприпасы, наблюдалась низкая эффективность боевых действий артиллерийских и минометных частей и соединений. Исходя из этого, Военный совет фронта потребовал от командующих, командиров и штабов более тщательно готовить к боевым действиям артиллерию, исключить бесцельную стрельбу, добиться тесного взаимодействия между наступающими войсками и артиллерийскими средствами на поле боя в ходе артиллерийской поддержки и сопровождения пехоты и танков непосредственной поддержки пехоты. Весь этот опыт в полной мере пригодился в последующих операциях.

В период с 21 по 25 февраля 1944 г. часть войск этого фронта (3-я и 50-я армии – командующие генералы Горбатов и Болдин) провели Рогачевско-Жлобинскую наступательную операцию, в ходе которой наши соединения прорвали оборону 9-й немецкой армии, форсировали Днепр и перерезали железную дорогу Могилев -Жлобин, а 24 февраля освободили Рогачев. В дальнейшем, выйдя к реке Друть, советские войска захватили плацдарм на ее западном берегу, который имел важное значение при подготовке и проведении последующих операций летом 1944 года.

21 февраля в районе Рогачёва войска 3-й армии перешли в наступление. Успех советским войскам обеспечил неожиданный маневр: атака была начата не после артиллерийской подготовки, а одновременно с ней. Под прикрытием артподготовки, советские части в темноте преодолели пойму Днепра, подошли к его правому обрывистому берегу и к началу атаки были уже в так называемом «мертвом пространстве», недосягаемом огню противника.

К десяти часам утра передний край противника с двумя-тремя траншеями и несколькими укрепленными пунктами на берегу реки почти всюду был занят советскими войсками. В некоторых местах они продвинулись на два-три километра. За первый день операции был захвачен плацдарм в четырнадцать километров по фронту и до пяти километров в глубину. Но тактиче-

ская оборона противника из-за отставания артиллерии ещё не была прорвана. Поэтому в тыл противника был направлен сводный отряд лыжников, который юго-восточнее Старого Села перекрыл все дороги, идущие от Рогачева на Мадоры и Быхов, в том числе и железную дорогу Могилев – Рогачёв, тем самым лишив немцев путей отхода и подтягивания резервов. На второй день наступления, 22 февраля, советские войска овладели населенными пунктами Желиховка, Двойчаны, Осиповка, Александровка, Мадоры. 22 февраля начали наступление левофланговые соединения 50-й армии. Это позволило на третий день наступления, 23 февраля, советским войскам прорвать тактическую оборону противника, а 120-я гвардейская стрелковая дивизия 41-го корпуса завязала бой за город.

Несмотря на попытку командования группой армий «Центр» остановить наступление, войска 3-й армии, отразив контратаки противника, 24 февраля ночным штурмом освободили Рогачёв.

На этом Рогачевско-Жлобинская операция завершилась. Советские войска форсировали Днепр, прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника, захватили выгодный в оперативном отношении плацдарм (шестьдесят два километра по фронту и до тридцати километров в глубину), очистили от противника плацдарм на восточном берегу Днепра, освободили город Рогачёв, перерезали железнодорожную линию Жлобин – Могилев и захватили плацдарм на реке Друть.

Этой операцией завершились действия войск Красной Армии по освобождению юго-восточных районов республики от оккупантов.

Анализ боевых действий показал, что задачи, поставленные перед советскими войсками, не всегда соответствовали их реальным возможностям. Стрелковые и танковые соединения и части были слабо укомплектованы личным составом и боевой техникой, плохо обеспечивались в материально-техническом отношении. Боевые потери восполнялись на 30–40%, что серьезно снижало боевой потенциал советских войск. Ставка ВГК недооценила противника на этом направлении, переоценила наступательные возможности своих войск, не создала необходимого превосходства в силах и средствах над врагом, не полностью учла сложные климатические и природные условия. Не был учтен и тот факт, что за время летних операций наши войска устали. К тому же силы и средства фронтов и армий слабо массировались на главных направлениях, отстали их тылы, наступление готовилось поспешно, без учета всех факторов.

Вместе с тем советские войска получили опыт прорыва сильной позиционной обороны противника, форсирования водных преград, развития успеха наступления в тяжелых условиях лесисто-болотистой местности и осенней распутицы, организации тесного взаимодействия с партизанскими формированиями. Боевые действия продемонстрировали высокий наступательный порыв советских воинов. Кроме того, они помогли вскрыть серьезные недочеты в подготовке и проведении наступательных операций, устранение которых позволило успешно и в короткие сроки осуществить освобождение Беларуси летом 1944 года.

Свинтицкий Ф.А.

БИТВА ЗА ДНЕПР В ХОДЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Началом освобождения Беларуси стала битва за Днепр 1943 года. В исторической литературе достаточно широко освещены события этого сражения на территории Украины. В тоже время документы о форсировании Днепра на белорусском направлении исследованы недостаточно. Хронологические рамки битвы за Днепр в военной истории ограничены 1943 годом. Но форсирование Днепра продолжалось в 1944 году в ходе Рогачевско-Жлобинской, Витебско-Оршанской и Могилевской наступательных операций.

Первыми на рубеж Днепра вышли войска 13-й и 61-й армий Центрального фронта. Отметим, что 13-я армия, первой вступившая на белорусскую землю, была сформирована в 1941 году в Могилеве. Командующий армией генерал-лейтенант Н.П. Пухов в набросках своих мемуаров утверждал, что передовые отряды стрелковых корпусов генералов Людникова и Бондарева форсировали Днепр в ночь на 22 сентября. Причем гитлеровцы обнаружили переправу лишь после того как целый наш полк закрепился на правом берегу [1, с. 30].

Утверждение командующего подтверждает запись в журнале боевых действий армии за 22 сентября: “Войска армии продолжали переправу частей 17-го гвардейского стрелкового корпуса на западный берег р. Днепр. Главными силами 15-го стрелкового корпуса вышли на восточный берег р. Днепр и передовыми отрядами закрепили и расширили плацдарм на западном берегу р. Днепр” [2, л. 251]. Одним из первых захватил плацдарм на западном берегу реки 109-й стрелковый полк 74-й стрелковой дивизии. Командир 6-й роты лейтенант Игнатий Мацкевич, уроженец д. Заольшье Лиозненского района Витебской области, четыре дня отбивал с ротой многочисленные контратаки противника. Будучи раненым, продолжал руководить боем, лично уничтожил гранатами два немецких танка, геройски погиб в бою за удержание плацдарма.

Войска 61-й армии под командованием генерал-лейтенанта П.А. Белова вышли к Днепру 26 сентября. В документах Центрального фронта в этот день имеется запись о начале форсирования Днепра войсками армии: “7-й гвардейский кавалерийский корпус ночью двумя эскадронами форсировал р. Днепр в районе Неданчичи и закрепился на западном берегу. Остальные силы вели подготовку к форсированию р. Днепр” [3, л. 86].

В ночь на 28 сентября южнее деревни Глушец Лоевского района захватила плацдарм 12-я гвардейская стрелковая дивизия. Штурмовой отряд 32-го гвардейского полка под командованием капитана Алексея Денисова на лодках высадился на остров посреди реки и захватил его. Атака была стремительной, немцы не успели убрать мостик от острова на правый берег, чем воспользовалась штурмовая группа. В ожесточенном рукопашном бою, где в ход были пущены автоматы и гранаты, штыки и саперные лопаты, штурмовой отряд удержал плацдарм, обеспечив переправу частей дивизии.

В журнале боевых действий армии 29 сентября 1943 года записано: “12 гвардейская стрелковая дивизия переправилась на западный берег р. Днепр в составе 29 и 32 гвардейских стрелковых полков, продолжают переправу 37-й гвардейский полк и спецподразделения. Переправившиеся части ведут бой с контратакующим противником. В течение дня отбито 7 контратак” [4, л. 27]. 6 октября дивизия овладела деревней Глушец, освободив от фашистских захватчиков первый населенный пункт Лоевского района.

Плацдарм у д. Глушец имел только тактическое значение. Командующий фронтом генерал-полковник К.К. Рокоссовский принял решение провести перегруппировку основных сил 65-й армии генерал-лейтенанта П.И. Батова с гомельского направления в район Лоева. Стрелковые корпуса, артиллерийские и инженерные части в ночное время совершили марш-маневр на расстояние 35–40 км. Движение войск на юг осуществлялось батальонными колоннами только ночью со всеми мерами предосторожности.

Боевую задачу по форсированию Днепра и захвату плацдармов на 20-км участке от Лоева до Радуля 15 октября 1943 года предстояло выполнить штурмовым батальонам четырех стрелковых дивизий первого эшелона. Перед 106-й стрелковой дивизией была поставлена задача: форсировать Днепр на участке в районе д. Каменка, ударом слева прорвать оборону противника, овладеть высотой 138,8, м. Лоев и в дальнейшем наступать в направлении Козероги [5, л. 74]. Участок переправы был выбран там, где этого менее всего ожидал противник. В состав штурмового батальона капитана Гордополова вошли первый батальон 43-го стрелкового полка и армейская штрафная рота, общая численность личного состава – 605 человек. Кроме стрелкового оружия батальону было придано 3 орудия калибра 45-мм, 6 минометов, 6 станковых и 10 ручных пулеметов, ружья ПТР [6, л. 21] .

На участке форсирования 193-й дивизии успешно действовал штурмовой отряд под командованием майора В.Ф. Нестерова. Батальон майора Нестерова был наиболее подготовленным в полку, отличился в боях на Волге и Курской дуге. Действия батальона по захвату плацдарма отмечены в историческом формуляре дивизии: “В 7.00 1/685 выбил противника из первой линии траншей и к 11.00 вышел на южную опушку рощи южнее отметки 133,6” [7, л. 5]. Весь день батальон Нестерова вел тяжелый бой за удержание плацдарма, отбив 7 контратак и создав на правом берегу Днепра плацдарм для всей дивизии. За мужество и героизм при захвате и удержании плацдарма 22 бойца батальона удостоены звания Героя Советского Союза. Плацдарм на правом берегу Днепра также захватил штурмовой батальон 120-го стрелкового полка 69-й стрелковой дивизии, которым командовал капитан И.З. Кулешов.

В составе батальона капитана Г.Д. Гордополова действовала 261-я штрафная рота, укомплектованная в основном “окруженцами”, призванными в армию полевыми военкоматами в

освобожденных от оккупантов районах. Все они имели боевой опыт. В послевоенных публикациях, когда о штрафниках не принять было говорить, она названа отдельной стрелковой ротой, но таких рот в штате полков не было. Штрафники геройски дрались на плацдарме, однако самостоятельной задачи по захвату плацдармов роты не имели и действовали под руководством командиров штурмовых батальонов.

Штрафной батальон фронта был передан в состав армии уже после захвата плацдарма. Выводы подтверждаются приказом по 8-му отдельному штрафному батальону № 237 от 20 октября 1943 года: "На основании распоряжения начальника штаба 65-й армии личный состав и имущество передислоцируются в район Радуль. Сосредоточиться к исходу дня 21.10.43 года. 2-ю стрелковую роту полагать убывшей в распоряжение командира 69-й сд для участия в боевой операции" [8, л. 8]. Из документов армии также видно, что в тылу наступающих частей не было заградительных отрядов. В 65-й армии в качестве штурмовых батальонов для захвата плацдармов выделялись лучшие стрелковые батальоны. Успех батальонов по захвату плацдармов обеспечивался их грамотным комплектованием, тщательной подготовкой и высоким боевым настроем.

Ураганным огнем из всех видов оружия фашисты пытались сбросить наши войска в Днепр. Ожесточенные бои шли за каждый метр плацдарма, неоднократно вспыхивали рукопашные схватки, некоторые прибрежные деревни несколько раз переходили из рук в руки. Пехота при поддержке артиллерии и авиации твердо удерживала плацдарм. Командир минометной батареи капитан М. Щербаченя вспоминал: " Чтобы сбросить нас с плацдарма немецкие захватчики организовали психическую атаку с оркестром. Немцы собрали крупный рогатый скот, во втором эшелоне пустили стариков и детей. Прикрываясь живым щитом, за ними шли гитлеровские автоматчики с оркестром. Старики кричат, дети плачут, скот мычит, стрелять из винтовок и пушек по немцам нельзя. Тогда командир приказал открыть огонь по немецкой колонне из минометов. Оркестр так накрыли, что только трубы по сторонам летели" [9, с. 2].

В ночь на 17 октября после ввода в строй дополнительных переправ на плацдармы были переброшены вторые эшелоны стрелковых корпусов и дивизионная артиллерия. Сконцентрировав на плацдармах дополнительные силы и средства, армия выполнила поставленную задачу: плацдармы были объединены в единый армейский (18 км по фронту и до 13 км в глубину) [10, с. 56]. В последующих боях размеры плацдарма удалось увеличить.

Наступательная операция по форсированию Днепра стала последней в боевой летописи Центрального фронта, 20 октября 1943 года он был переименован в Белорусский. Лоевский плацдарм обеспечил фронту возможность переброски за Днепр фронтовых резервов. Войска фронта подготовили и успешно провели с 10 по 30 ноября 1943 года Гомельско-Речицкую операцию. Главный удар планировался на левом крыле фронта с плацдарма у Лоева силами трех армий (48, 65, 61-й), двух танковых и двух кавалерийских корпусов в общем направлении на Речицу [11, с. 601].

В феврале 1944 года 3-я армия генерала А.В.Горбатова провела наступательную операцию, преодолев при форсировании Днепра многочисленные полыньи и обледеневший правый берег. Ночным штурмом армия к 8.30 24 февраля освободила Рогачев. Противник лишился железнодорожного узла и важного опорного пункта на бобруйском направлении. Было освобождено до 150 населенных пунктов с общей площадью до 2400 кв. километров [12, л. 170].

В ходе Витебско – Оршанской операции форсировали Днепр войска 11-й гвардейской и 31-й армий 3-го Белорусского фронта. Особенно отличились саперы 381-го отдельного саперного батальона , захватившие железнодорожный мост через Днепр в г. Орша, подготовленный к взрыву. Группа саперов во главе с сержантом Егором Макеевым вступила в бой за мост и, уничтожив охрану, успела перерезать провода, ведущие к подрывным зарядам, в которых находилось 5300 килограмм взрывчатки [13, л. 177].

Форсирование Днепра в Могилевской наступательной операции проводилось всеми войсками 2-го Белорусского фронта. Подготовка к форсированию проводилась до начала наступления. В газете 64-й Могилевской стрелковой дивизии "Вперед за Родину" сообщалось: "Перед операциями на Днепре мы тщательно подготовились к ним. На озере по ширине примерно равном Днепру, натренировались с ходу занимать места в лодках, плыть с полной выкладкой, слегка придерживаясь за бревна, доски. Прицельно, несмотря на волну, стрелять с лодки из пулеметов, винтовок, автоматов" [14, с.72].

Водную преграду на Днепре войска преодолевали сходу, на 4–5 день операции на широком фронте от Быхова до Шклова, захватив несколько плацдармов. Первый плацдарм был захвачен у деревни Добрейка Шкловского района группой солдат 44-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Т.Н. Яскина. Этот плацдарм дал возможность саперам майора А.И. Канарчика навести понтонный мост, обеспечил успех наступления полка, дивизии, корпуса, фронта. 28 июня Москва салютовала войскам фронта, форсировавшим Днепр и овладевшим городами Могилев, Шклов, Быхов.

Воинским частям и соединениям, отличившимся в битве за Днепр на территории Беларуси, присвоены почетные наименования: Днепровских – 5, Речицких – 22, Рогачевских – 13, Жлобинских – 3, Оршанских – 41, Могилевских – 21, Верхнеднепровских – 32. За мужество и героизм, проявленные при форсировании Днепра на белорусской земле, более 700 солдат и офицеров Красной Армии удостоено звания Героя Советского Союза.

Литература

1. Пухов, Н.П. Годы испытаний / Н.П. Пухов. – Москва: Воениздат, 1959. – 88 с.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). – Ф. 310. – Оп. 6079. – Д. 221.
3. ЦАМО РФ. – Ф. 62. – Оп. 391. – Д. 190.
4. ЦАМО РФ. – Ф. 418. – Оп. 10695. – Д. 194.
5. ЦАМО РФ. – Ф. 201. – Оп. 390. – Д. 11. – Л. 74.
6. ЦАМО РФ. – Ф. 422. – Оп. 10496. – Д. 97.
7. ЦАМО РФ. – Ф. 193 сд. – Оп. 1. – Д. 1.
8. ЦАМО РФ. – Ф. 8 ошб. – Оп. 80747 с. – Д. 12.
9. Фонды Лоевского музея “Битвы за Днепр”. – Инв. № 1642.
10. Батов, П.И. Форсирование рек. 1942–1945 гг. (из опыта 65-й армии) / П.И. Батов. – Москва: Воениздат, 1986. – 160 с.
11. Советская военная энциклопедия. В 8 т. Т. 2. – Москва: Воениздат, 1976.
12. ЦАМО РФ. – Ф 310. – Оп. 4376. – Д. 286.
13. ЦАМО РФ. – Ф. 33. – Оп. 686046. – Д. 23.
14. Свинтицкий, Ф.А. Могилевская наступательная операция 1944 года: монография / Ф.А. Свинтицкий. – Могилев: МГУП, 2012. – 208 с.

Сухоруков В.Е.

ОСОБЕННОСТИ НАСТУПЛЕНИЯ В ЛЕСИСТО-БОЛОТИСТОЙ МЕСТНОСТИ ПО ОПЫТУ ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»

Одним из главных условий успешного проведения операции «Багратион» летом 1944 г. явилось быстрое преодоление советскими войсками лесисто-болотистой местности.

К основным тактическим свойствам лесистой и лесисто-болотистой местности относятся ее защитные и маскирующие свойства, условия наблюдения, ориентирования, ведения огня и его корректирования, проходимости и инженерного оборудования. Закрытый характер лесисто-болотистой местности благоприятствует скрытому передвижению, маневру и сосредоточению войск, хорошо укрывает от наземного и воздушного наблюдения, способствует организации защиты от средств поражения.

В то же время в лесисто-болотистой местности затрудняется наблюдение, ориентирование и управление огнем, значительно усложняются управление подразделениями и организация взаимодействия войск на поле боя. Трудности корректирования огня артиллерии увеличивают расход боеприпасов на поражение целей, что вызывает необходимость создания повышенных запасов как возимых, так и создаваемых в опорных пунктах и на огневых позициях.

Характер лесисто-болотистой местности благоприятствует скрытному передвижению, маневру и сосредоточению наступающих войск, просачиванию подразделений в промежутки между обороняющимися войсками. Лесисто-болотистая местность ограничивает маневренность и проходимость боевых и транспортных машин. Проходимость местности, занятой лесами, зависит от наличия дорог и просек, возможности прокладывать колонные пути через болота, растительные массивы. В лесу замедляются темпы продвижения при совершении маневра и нанесении контратак. Для повышения маневренности стрелковых подразделений необходимо предусматривать их усиление танками и инженерными подразделениями.

Труднодоступность лесисто-болотистой местности ограничивает оперативную емкость направлений. Большие площади болот, малое количество дорог вынуждают вести боевые действия по отдельным направлениям ограниченными силами. Болота имеют очень низкую несу-

щую способность. Автомобиль или танк при движении по болоту своей тяжестью может разорвать слой дерна и полностью погрузиться в ил или воду, находящиеся под слоем торфа. Преодоление болот производится лишь в исключительных случаях, когда нельзя обойти их стороной. Преодоление болот тяжелой боевой техникой связано с большими трудностями. Необходимость оборудования колонных путей и переправ для форсирования водных преград требует от войск больших затрат материальных средств, времени и людских ресурсов. Труднодоступность лесисто-болотистой местности затрудняет использование боевой техники, автомобилей, инженерных средств. Это вызывает необходимость вести бои стрелковыми подразделениями зачастую без огневой поддержки и выполнять большое количество инженерных мероприятий вручную, своими силами.

В лесисто-болотистой местности затруднено применение всех средств связи, а следовательно, и управление войсками. Дальность действия коротковолновых радиостанций уменьшается в полтора-два раза по сравнению с открытой местностью. Наводка линий проводной связи в лесу требует много времени и хорошей топографической подготовки связистов. Лесные завалы, образующиеся в результате огневого воздействия противника, могут вызвать вывод из строя проводных линий связи и сильно затруднить их восстановление.

Лесисто-болотистая местность с ограниченной видимостью, недостатком, а иногда и полным отсутствием на ней четко выраженных местных предметов усложняет управление войсками, организацию и поддержание взаимодействия между ними. Отсутствие хорошего обзора вызывает необходимость максимально приближать к войскам пункты управления, создавать широкую сеть наблюдательных постов не только на земле, но и на деревьях и вышках.

Таким образом, лесисто-болотистая местность оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на организацию боевых действий войск.

Командующий 1-м Прибалтийским фронтом генерал И.Х. Баграмян отмечал, что лесисто-болотистый район крайне затруднял возможность развертывания ударной группировки и до предела ограничивал свободу маневра войск. Учитывая все это, после повторного тщательного изучения местности, значительно расширяли участок прорыва.

Характерным в постановке боевых задач являлось разделение их на ближайшую, последующую и задачу дня, что способствовало улучшению организации взаимодействия. Содержанием ближайшей задачи дивизии являлся прорыв одной-двух позиций, последующей – овладение главной полосой, то есть завершение прорыва всей тактической зоны.

Оперативное построение армий, как правило, было одноэшелонным. Боевые порядки войск строились в два эшелона. Особенно это было характерно для стрелковых полков: из 109 полков первого эшелона более 80 % имели двухэшелонное построение, а 11 % – трехэшелонное. В условиях лесисто-болотистой местности такое построение позволяло осуществить более эффективный маневр частями и подразделениями при вводе их в бой.

При выборе главного удара в условиях лесисто-болотистой местности одним из определяющих успех боя (операции) моментов являлся выбор направления, где у противника сосредоточены наименьшие силы и средства и где он не имеет глубоко эшелонированной обороны. Так направление главного удара 65-й армии 1-го Белорусского фронта было выбрано через болота, где оборона противника слабее, что привело к успеху действий 18-го корпуса.

Боевые действия советских войск при проведении Белорусской операции поучительны достижением высоких темпов прорыва тактической зоны обороны противника. Из 22 стрелковых корпусов, действующих на направлениях главных ударов армий, в первый день операции 6 корпусов прорвали главную полосу, а 8 – тактическую зону вражеской обороны. Цель достигалась решительным сосредоточением сил и средств на важнейших направлениях, тщательной подготовкой войск, надежным поражением противника артиллерией и авиацией, нанесением сильного первоначального удара, своевременным наращиванием усилий, смелыми и решительными действиями всех родов войск в тесном их взаимодействии, твердым управлением войсками, тщательным учетом условий местности.

Для того, чтобы быстро преодолеть оборону противника, на участках прорыва было сконцентрировано до 80 % всех имевшихся на фронтах орудий и минометов, танков и самоходно-артиллерийских установок. Это позволило создать высокую оперативную плотность войск. На 1 км фронта на участках прорыва приходилось в среднем 160–180 орудий и минометов, 12–20 танков непосредственной поддержки пехоты; на 1 стрелковую дивизию – немногим более

1–1,5 км. Превосходство наших войск над противником на этих участках составляло: по живой силе – в 2,2 раза; по артиллерии – в 2,3; по танкам и самоходно-артиллерийским установкам – в 10 раз. Такая плотность позволяла усилить ударную мощь стрелковых соединений и повысить темпы прорыва обороны противника.

Прорыв обороны осуществлялся не только днем, но и ночью. Для ночных действий в каждой дивизии выделялись усиленные стрелковые батальоны или полки. Некоторые дивизии наступали ночью всем составом. Непрерывность наступления не давала передышки противнику, изматывала его.

К.К. Рокоссовский вспоминал, что готовились к боям тщательно, составлению плана предшествовала большая работа на местности, в особенности на переднем крае. При этом приходилось в буквальном смысле слова ползать на животе. Так как предстояло нелегкое дело – пройти эти гиблые места с боями, стремительно, то и люди готовили себя к этому: пехотинцы невдалеке от переднего края учились плавать, преодолевать болота и речки на подручных средствах, ориентироваться в лесу; танкисты на созданном в армейском тылу специальном танкодроме на болоте учились преодолевать топи, вместе с саперами оборудовали каждый танк фашинами, бревнами и специальными треугольниками для прохода через широкие рвы. Было изготовлено множество «мокроступов» (болотных лыж), волокуш для пулеметов, минометов и легкой артиллерии, построены лодки и плоты.

Штабы частей, соединений и объединений много внимания уделяли вопросам управления и связи. Из-за ограниченной видимости в условиях лесисто-болотистой местности командные и наблюдательные пункты выдвигались вперед. Намечался порядок их перемещения и управления войсками в ходе стремительного наступления. Наблюдательные пункты командиров дивизий накануне операции размещались в 500-1000 м от исходного положения для атаки. Наблюдательные пункты командиров корпусов располагались от переднего края в 1,5–2 км. Для лучшего обозрения местности в ряде мест были построены наблюдательные вышки.

В центре внимания командиров и штабов находились вопросы инженерного обеспечения боя и операции. Хотя в большинстве случаев стрелковые корпуса кроме штатных саперных подразделений получали на усиление 2–3 саперных батальона, а дивизии – 2–3 саперные роты, в связи с возрастанием объема инженерных работ в условиях лесисто-болотистой местности своевременно выполнить их они не могли. Поэтому к инженерным работам широко привлекался личный состав стрелковых, артиллерийских и танковых частей и подразделений, обученный инженерному делу еще в подготовительный период.

На болотах велось строительство гатей. Каждую ночь на них появлялось несколько десятков метров бревенчатых колейных путей. На отдельных участках, где глубина топи доходила до полутора метров, бревна укладывались слоями.

Лесисто-болотистая местность обусловила некоторые особенности организации и ведения разведки. Трудность наблюдения потребовала оборудования большего количества дополнительных наблюдательных пунктов и одновременно повысила роль других способов и видов разведки (поисков, засад, подслушивания, артиллерийской, инженерной, воздушной разведки, а также радиоразведки). Наши войска вели круглосуточное наблюдение за противником, фиксировали малейшие изменения в его группировке и системе огня.

Особая роль при ведении боевых действий в лесисто-болотистой местности уделяется действиям партизан. В целях более эффективного использования партизанских сил были определены конкретные районы боевых действий для партизанских формирований. Для согласования боевых усилий регулярной армии и партизан при всех штабах фронтов Белорусский штаб партизанского движения создал свои оперативные группы, которые занимались организацией тактического и оперативного взаимодействия с частями Красной Армии.

Грандиозное наступление в Белоруссии, начатое 23 июня, закончилось 29 августа 1944 г. Это была одна из самых крупных операций Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. Белорусская операция значительно обогатила теорию и практику окружения и уничтожения противника в лесисто-болотистой местности.

Бурень Н.В.

УЧАСТИЕ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ В ОСВОБОЖДЕНИИ ВИТЕБЩИНЫ

Значительную роль в освобождении Белоруссии в годы Великой Отечественной войны сыграли Военно-воздушные силы Красной Армии. Следует отметить, что на Оршанском направлении, с наиболее укрепленной линией обороны, авиационную поддержку войск 3-го Белорусского фронта (командующий войсками фронта Герой Советского Союза генерал-полковник И.Д. Черняховский) осуществляла 1-я Воздушная армия под командованием Героя Советского Союза генерал-полковника авиации Т.Т. Хрюкина.

Начало операции ознаменовала мощная артиллерийская подготовка, начавшаяся в 6 часов утра 23 июня 1944 года. В 8 часов 45 минут вступила в бой авиация. Правда, погода не позволила использовать авиационные корпуса и дивизии 1-й Воздушной армии в полном объеме, как это было предусмотрено заранее. Перед началом атаки удалось осуществить удар силами 160 пикирующих бомбардировщиков Пе-2 1-го гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса (командир гвардии генерал-лейтенант авиации В.А. Ушаков). С началом наступления штурмовики Ил-2 стали действовать по позициям противника мелкими группами с интервалом 8-12 минут. Самолеты беспрерывно находились над полем боя и по наведению с земли отрабатывали цели впереди пехоты.

Первые два дня наступление советских войск развивалось медленно. 11-я гвардейская армия (командующий гвардии генерал-лейтенант К.Н. Галицкий) сумела продвинуться только на 3–5 км, а 31-я армия (командующий генерал-лейтенант В.Ф. Глаголев) не имела успеха вообще. Противник на Оршанском направлении оказал упорное сопротивление и бился до последнего солдата, временами переходил в решительные контратаки в связи с тем, здесь находились самые удобные коммуникации для дальнейшего наступления, в том числе и на столицу советской Белоруссии.

Командующий 1-й Воздушной армии принял меры по усилению поддержки пехоты: 3-й штурмовой авиационный корпус под командованием генерал-майора авиации М.И. Горлаченко нанес удар по штабу 78-й штурмовой дивизии немцев (командир генерал-лейтенант Ганс Траут) в населенном пункте Выдрица. 18 Ил-2 сделали три захода с высоты 900 метров со снижением до 20 метров и полностью разгромили штаб, нарушили управление войсками. Вторая группа Ил-2 должна была действовать по штабу 27-го армейского корпуса (командир генерал пехоты Пауль Фёлькерс), но из-за сложных метеоусловий пробиться к цели не смогла и штурмовала запасную – артиллерийские и минометные позиции противника.

К вечеру второго дня наступления погода улучшилась и с 17.00 до 18.00 штурмовики тремя группами по 30-36 Ил-2 произвели от двух до восьми заходов по целям, мешающим продвижению пехоты.

В связи с особо ожесточенным сопротивлением противника генерал-полковник авиации Т.Т. Хрюкин также привлек на данное направление из своего резерва 6-ю гвардейскую бомбардировочную авиационную дивизию (командир гвардии полковник Г.А. Чучев), которая в составе двух групп самолетов по 25 Пе-2 и одной группы из 18 самолетов А-20 «Бостон» под прикрытием 38 Як-9 240-й истребительной авиационной дивизии (командир полковник Г.В. Зимин) была направлена на бомбежку опорных узлов обороны противника в районе Выдрица-Ступаки. Когда бомбардировщики подходила к линии фронта, противник открыл сильный артиллерийский огонь по нашим войскам. Командующий 1-й Воздушной армией решил немедленно перенацелить летчиков на артиллерийские позиции. Колонну бомбардировщиков вел командир дивизии Г.А. Чучев. Он четко выполнил сложный маневр в воздухе и, по наведению по радио с земли, точно отбомбился по артиллерии врага.

Днем 25 июня разведчики из 523-го и 900-го истребительных авиационных полков капитан М.А. Ануфриев и старший лейтенант Ф.М. Балюн доложили командующему армией, что на аэродромах Болбасово и Соколка обнаружили большое количество истребителей противника. Это означало, что противник начал подтягивать свою авиацию ближе к своим войскам. Командующий решил немедленно ударить по аэродромам врага. На аэродром Болбасово было направлено 44 Пе-2 и 18 А-20 «Бостон» 6-й гвардейской бомбардировочной авиационной дивизии (ведущий колонны подполковник Д.Д. Валентик), которые под прикрытием 35 Як-9 240-й

истребительной авиационной дивизии нанесли сосредоточенный удар и вывели из строя летное поле. Немцам так и не удалось впоследствии восстановить этот аэродром.

В первые три дня операции наша авиация безраздельно господствовала в воздухе. Наши истребители провели 78 воздушных боев и сбили в них 53 самолета противника. В воздушных боях отличились летчики 303-й истребительной авиационной дивизии генерал-майора Г.Н. Захарова капитаны В.Н. Барсуков, Н.Г. Пинчук, С.А. Сибирин, а также французские летчики из авиаполка «Нормандия» Роллан де ла Пуап, Жак Андрю, Лефевр Марсель, Альбер Масель, плечом к плечу сражающиеся с советскими пилотами.

В ходе наступления по агентурным данным и сведениям, поступавшим от партизан, стало известно, что на железнодорожном узле Орша находятся несколько путеразрушителей. По опыту Смоленской наступательной операции фронтовое командование знало, что после применения путеразрушителей приходилось вновь прокладывать железнодорожные пути.

На железнодорожном узле Орша скопилось более 25 железнодорожных составов. Где-то среди них маскировались путеразрушители. Можно было нанести массированный удар по железнодорожному узлу и закупорить там разрушительную технику, но для этого потребовалось бы снять большое количество авиации с других участков, и все равно это не гарантировало бы уничтожение разрушителей. Командующий 1-й Воздушной армией приказал организовать круглосуточное наблюдение за железнодорожным узлом Орша.

26 июня рано утром разведчик 523-го истребительного авиационного полка капитан Ф.А. Ануфриев по радио доложил: «На участке Орша-Толочин по обоим путям, головой на запад сплошной поток эшелонов. На станции Орша скопление эшелонов с паровозами под парами».

Все это говорило о том, что противник приступил к срочной эвакуации военного имущества и грузов, следом за которой он может начать разрушение путей. Немедленно было отдано боевое распоряжение командиру 1-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии гвардии полковнику Д.С. Пруткову, часть сил которого находилась в резерве командующего. Через 20 минут две группы штурмовиков были в воздухе. Первую группу повел в бой Герой Советского Союза старший лейтенант Б.С. Окрестин (погиб 6 июля 1944 г. при уничтожении окруженной группировки врага юго-восточнее Минска), а вторую старший лейтенант Л.И. Беда (впоследствии – дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации, командующий авиацией Белорусского Военного округа). Перед вылетом летчики договорились, что Окрестин будет действовать по головному, а Беда по замыкающему эшелону.

Группа Бориса Окрестина шла вдоль железной дороги, несколько в стороне от нее. Эшелоны двигались одновременно по обоим путям один за другим. Через десять километров путь впереди был чист. Развернув группу обратно и перестроив ее в правый пеленг, старший лейтенант Окрестин с малой высоты сбросил на паровоз две бомбы. Одна из них попала в цель. Ведомые Б.С. Окрестина лейтенанты Г.П. Викторов и И.П. Фонарев сбросили бомбы на середину эшелона. Вагоны полезли друг на друга и повалились на второй путь. Начались пожары и взрывы. Когда с первым эшелоном было покончено, командир повел группу на второй эшелон, следовавший по параллельному пути. Снова на него посыпались бомбы и реактивные снаряды.

Вторая группа Леонида Беды в это время действовала по замыкающему эшелону и также удачно. Движение как вперед, так и назад было наглухо закрыто. Путеразрушители остались на станции.

В целях воспрепятствования расчистке путей, последующие четверки Ил-2 под командованием ведущих летчиков П.А. Брандыса, В.В. Гамзина, Л.Ф. Коломойца, Д.В. Каприна и В.В. Покликушкина разгоняли восстановителей дороги и охрану мостов.

26 июня полки 1-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии произвели 138 самолето-вылетов на штурмовку эшелонов противника. В результате было подожжено 15 эшелонов противника, разбито десять паровозов. Кроме того, штурмовики не дали фашистам угнать 25 эшелонов, парализовали движение на участке железной дороги Орша-Толочин. Разбитые эшелоны, закупоренные пути, достались советским войскам как трофеи. Была в основном сохранена железная дорога, что позволило уже 10 июля прибыть в освобожденный Минск первым поездам. Так малыми силами летчики 1-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии выполнили сложную боевую задачу.

Как предусматривалось планом, 3-й штурмовой авиационный корпус с началом ввода в прорыв 2-го гвардейского танкового корпуса переключался на его поддержку и сопровождение.

Командир 3-го штурмового авиационного корпуса генерал-майор авиации М.И. Горлаченко находился на КП командира танкового корпуса генерал-майора танковых войск А.С. Бурдейного. В его распоряжении был предоставлен радиофицированный танк, с которого он имел возможность на месте и на ходу иметь связь с авиационными наводчиками в танковых бригадах и получать от них сведения о воздушной и наземной обстановке, а также самому связываться со штурмовиками в воздухе. Все это позволило добиться четких и слаженных действий летчиков и танкистов в деле огневого взаимодействия на поле боя.

27 июня совместными усилиями 11-й гвардейской и 31-й армий, 2-го гвардейского танкового корпуса при поддержке авиации 1-й Воздушной армии была освобождена Орша – крупный опорный пункт обороны немцев.

Москва салютовала доблестным войскам 3-го Белорусского фронта двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий. В благодарственном приказе Верховного Главнокомандующего были отмечены летчики генерал-лейтенанта авиации Е.М. Белецкого, генерал-лейтенанта авиации Е.Я. Савицкого, генерал-лейтенанта авиации В.А. Ушакова, генерал-майора авиации М.И. Горлаченко, генерал-лейтенанта авиации А.С. Благовещенского, генерал-майора Г.Н. Захарова, полковника С.Д. Пруткова, полковника Г.В. Зимина.

Во исполнение приказа Верховного Главнокомандующего собственные наименования «Оршанских» получили 2-й истребительный авиационный корпус, 4-я гвардейская истребительная авиационная дивизия, 154, 621 и 948-й штурмовые авиационные полки 3-го штурмового авиационного корпуса, 15-й и 274-й истребительные авиационные полки 3-го истребительного авиационного корпуса, 133-й истребительный авиационный полк 240-й истребительной авиационной дивизии, 952-й штурмовой авиационный полк 311-й штурмовой авиационной дивизии и 523-й истребительный авиационный полк 303-й истребительной авиационной дивизии.

Таким образом, активное применение ВВС при освобождении Витебщины позволило советским войскам нанести существенный урон врагу, поддерживать высокие темпы наступления, но при этом не допустить чрезмерных потерь в живой силе и технике, предотвратить разрушение противником транспортной инфраструктуры, жилого фонда, промышленных и сельскохозяйственных объектов.

Пушкін І.А., Пушкін Я.І.

ФРАНТАВЫ ДЗЁННІК САЛДАТА

Вялікае значэнне для ўшанавання памяці аб Вялікай Айчыннай вайне маюць дакументы тых часоў. У тым ліку лісты і запісы франтавікоў, у якіх адлюстраваны штодзённы клопат салдата – вызваліцеля.

У 2003 г. у г. Шклове памёр ветэран працы і Вялікай Айчыннай вайны Мацюшэўскі Рыгор Фаміч. Сын, згодна тэстаменту бацькі, перадаў у музей гісторыі горада Магілёва яго дакументальны і фота архівы, баявыя ўзнагароды і дзённік за 1945 г.

Рыгор Фаміч Мацюшэўскі нарадзіўся 1.08.1920 г. у вёсцы Любатынь Талачынскага раёну Віцебскай вобласці (Беларусь). Паходзіў з заможнай і шматдзетнай сям'і. У 1932 г. яго бацьку – Фаму Фадзеевіча Мацюшэўскага, за антысавецкую дзейнасць асудзілі на 10 гадоў. Маці з чатырма дзяцьмі засталася ў БССР. У шаснаццацігадовага падлетка Рыгора атрымалася збегчы з вёскі ў горад – Магілёў, дзе са жніўня 1936 па жнівень 1937 г. вучыўся ў школе "Стройуч". Затым ён на працягу двух годоў працаваў цесляром-сталяром у Харкаве (Украіна). Як пачалася Другая сусветная вайна (восень 1939 г.) вярнуўся на радзіму, працаваў у калгасе імя Калініна Талачынскага раёна. Са студзеня 1940 г. па чэрвень 1941 гг. – курсант, а затым трактарыст Талачынскай МТС. У перыяд гітлераўскай акупацыі Беларусі жыў і займаўся земляробствам у в. Любатынь, меў самаробны млын.

8.06.1944 г. быў мабілізаваны ў Чырвоную Армію. Да 9.05.1945 г., спачатку радавы, а затым яфрэйтар (сапёр) 142-га асобнага мотаінжынернага ордэна Аляксандра Неўскага батальёна 33-й асобнай мотаінжынернй Магілёўскай брыгады. Удзельнічаў у вызваленні Магілёўшчыны, Мінска, Гродна, Беластока, Варшавы, Усходне-Памеранскай і Берлінскай аперацыях. У баях за вызваленне Польшчы быў паранены ў абедзьве нагі. Дэмабілізаваны ў маі 1946 г. сяржантам, камандзірам аддзялення.

Але ён быў не проста салдатам, удзельнікам Вялікай Айчыннай вайны. Звернемся да цікавага дакумента, які захоўваецца ў Музеі гісторыі г. Магілёва: “*Вайсковая часть. Полевая почта 41703. Справка. Дана младшему сержанту Матюшевскому Григорию Фомичу в том, что он действительно выполнял обязанности фатографа по совместительству с несением воинской службы при В/ч п.п. 41703. Что и удостоверяется. Камандир В/ч п.п. 41703 подполковник Малыгин. Подпись, печать*” [3].

Рыгор Фаміч быў адначасова ў батальёне фатографам і зафіксаваў шмат эпізодаў з ваеннага жыцця аднапалчан. Багаты і цікавы ваенны фотаархіў Р.Ф. Мацюшэўскага дэманстраваўся музеем гісторыі г. Магілёва ў 2005 г. на яго персанальнай пасмяротнай выставе “Вайна вачыма аднаго салдата”.

Найбольшую цікавасць у даследчыка выклікае дзённік Рыгора Мацюшэўскага [2], які ён вёў на працягу 1945 г. Гэта невялічкая кніжка-блакнот (штодзённік), памерам 10,5 х 7 см, надрукаваная на нямецкай мове: “Kalender für 1945”. Штодзённік – трафейны здабытак Р. Мацюшэўскага. Першы запіс ён зрабіў напрыканцы студзеня. Раней не мог, бо ўдзельнічаў у баях за вызваленне ад гітлераўцаў г. Варшавы (вызвалена 17.01.1945 года).

Вашай ўвазе прапануюцца некаторыя запісы салдата-франтавіка (публікуюцца ўпершыню, захаваны аўтарскі правапіс і стыль). У пэўныя дні іх няма. Таму, што з-за ўдзелу ў баявых дзеяннях не хапала часу. Нават у маленькіх нататках салдата бачна спалучэнне гераізму (удзел у баях, раненне), трагічнага (гібель аднапалчан) і штодзённага клопату аб родных.

“*29.01.1945 г. Ночью прибыли в мястечка Герцегсвальдэ в раёне городав райхоу, и любштадт* (сучасны польскі горад – Мілакава) *и ночью уходили из этого населен. пункта в Райхау.*

30.01. С утра прыбыли к передавой в мястечко вечером в 5 часов. Ранен и отравлен в сан. часть.

6.02. Прыбыли в сан. взвод отправил посылочку.

19.02. Сняли повязку с ран…

1.03. Отправил посылочку с сапожн. материалом и ёщё кой чего.

8.03. Выписали с санвзвода и направили в свое подразделение для нясення дальнейшей службы и сегодня же прыбыл в свой взвод…”

Тут трэба дабавіць тое, чаго няма ў дзённіку – 13.04.1945 г. Р.Ф. Мацюшэўскі за праяўленныя доблесць і мужнасць пад час Усходне-Памеранскай аперацыі быў узнагароджаны медалём “За боевые заслуги”. З прадстаўлення да ўзнагароджання: “*В боевых операциях батальона в Восточной Пруссии красноармеец Матюшевский проявил образцовую смелость и отвагу, обладая этими высокими качествами, он увлекал за собой остальных бойцов своего отделения при отражении контратак противника в районе г. Толькемит и Фраузнбург. В боях за советскую Родину был легко ранен 30.01.45 г. под г. Либштадт*”.

Працягваем цытаваць запісы дзённіка [2]:

“*20.03. Выслав посылочку с места где стояли рядом с колбасной мастерской стирка гимнастерки.*

28.03. Данциг (сучасны польскі горад – Гданьск) *отправил посылочку мамаши...*

22.04. Переданы кавалерийскому соединению.

27.04. Пошли в наступление с кав. дивизией (6 гвардзейская кавалерыйская дывізія 3 гвардзейскага кавалерыйскага корпуса 2 Беларускага фронта).

28.04. Марш и постройка мостов двух.

29.04. Марш и постройка моста.

30.04. Марш.

1.05. Марш.

2.05. С утра марш и соединились с союзными войсками на реке Эльба.

3.05. Постройка пристани ночью.

5.05. Постройка пристани на стороне союзьников.

6.05. Выехали с мястечка где соединились с союзниками и марш на Штэтин (Шчэцін – горад на паўночным захадзе сучаснай Польшчы).

8.05. Прибыли в Штетин и расположились в разборных фрицивских бараках.

9.05. Обед в честь праздника победы и смерть мл. л. Веровкина.

12.05. Проверка на мины улиц г. Штетина и после обеда за 2 растегнутых пуговицы 3 суток".

Адбыўшы трое суток за знешні выгляд "не по уставу", 16.05.1945 г. Р.Ф. Мацюшэўскі за выкананне заданняў камандавання падчас Берлінскай аперацыі і праяўленную пры гэтым мужнасць, атрымаў узнагароду – медаль "За отвагу". З прадстаўлення да ўзнагароджання: "*В ночь с 28 на 29 апреля 1945 г. красноармеец Матюшевский с двумя бойцами произвёл инженерную разведку реки Хайель в месте проведения переправы возле хутора Лансеваль. Отважно переправившись на западный берег на плотике из бревён под огнём противника, красноармеец Матюшевский детально обследовал берег и выбрал наиболее подходящее место для постройки переправы и устройства подъездов к ней, чем обеспечил своевременное развёртывание работ по постройке переправы 2-й ротой*".

Узгаданая ў дзённіку, сустрэча з саюзнікамі адбылася крыху паўночней ад нямецкага г. Вітэнберга. 28-й гвардзейскі кавалерыйскі полк пад камандаваннем падпалкоўніка М.А. Вісаітава падчас наступлення ў авангардзе 6 гвардзейскай кавалерыйскай дывізіі ва ўзаемадзеянні з танкавымі і артылерыйскімі палкамі прарваў абарону ворага ў раёне горада Шведт (Германія). Напрыканцы дня 2.05.1945 г. полк выйшаў на раку Эльба ў раёне паўночней горада Вітэнберг і ў ліку першых сустрэўся з англа-амерыканскімі войскамі.

"*22.05. Выслав посылочку с шелком.*

1.06. Прибыли в польский город Бромберг (сучасны польскі горад – Быдгаш) *в пригород в лесную чащу разбитые воздушной волной бараки.*

2.06.Стоим на месте.

3.06. Троица. Поездка в город на поиски квартир празднество в городе и переезд на новое место стоянки в ляску Яхчица.

25.07. Отправил посылочку из Лигница (сучасны польскі горад – Легніца). *6 м шелку простынь и др.*

30.07. Видел сон здаетца вытащил зуб плохой и он на подобие какойто чашки.

18.08. Работы очень много с отъезжающими снимками в том числе и Иванченка. в 9 часов вечер посьвящение отправке демобилизуемых присутствовал на вечере и я.

19.08. Утром провожал Иванченку днем спортивн. соревн. по бригаде и моя фотоснемка их. Вечером кино.

1.09. День рождения Антонины Григорьевны Матюшевской моей дочери.

11.09. Отправил письмо Казанцаву".

22.10.1945 года ў жыцці Р. Мацюшэўскага адбылася яшчэ адна падзея. Працытуем дакумент: "*Выписка из приказа 142 Отдельного Мото-Инженерного ордена Александра Невского Батальона № 168 от 22 октября 1945 года г. Гольдберг. За отличное выполнение заданий в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками нагрождается подарком от командования 142 Отдельного Мото-Инженерного ордена Александра Невского Батальона ефрейтор Матюшевский Григорий Фомич ФОТО-АППОРАТОМ и увеличительным прибором. Начальник штаба 142 ОМИо АН Бат. Капитан Сысоев. Подпись, печать*" [1].

Апошнія запісы ў дзённіку датуюцца лістападам 1945 г. Пасля заканчэння баявых дзеянняў Рыгор Фаміч разам з байцамі свайго падраздзялення займаўся размініраваннем гарадоў Германіі і Польшчы.

Аналіз дакументаў Р.Ф. Мацюшэўскага ў фондах Музея гісторыі г. Магілёва дазваляе асвятліць тыповыя факты з асабістага і працоўнага жыцця любога салдата-франтавіка, удзельніка Вялікай Айчыннай вайны: беларус, быў жанаты, меў сына і дзве дачкі; у камсамоле не састаяў, але ў 1963 г. уступіў у КПСС. Сапёр-фатограф на вайне, пасля дэмабілізацыі працаваў трактарыстам, механікам, загадчыкам майстэрні ў розных прадпрыемствах Беларусі і Эстоніі. У маі 1982 г. выйшаў на пенсію і ў лістападзе вярнуўся на радзіму. Пабудаваў двухпавярховы дом з цэглы ў г. Шклове, дзе і жыў да сваёй смерці.

Р.Ф. Мацюшэўскі быў узнагароджаны ордэнам "Отечественной войны II степени", медалямі "За отвагу", "За боевые заслуги", "За освобождение Варшавы", "За победу над Германией", "Ветеран труда" (1980 г.) і 8 юбілейнымі.

Салдатам на вайне было катэгарычна забаронена весці нейкія запісы. Калі іх знаходзілі – маглі аддаць пад трыбунал і жорстка пакараць. Таму, захаваўшыйся франтавы дзённік

Р.Ф. Мацюшэўскага, – каштоўная гістарычная крыніца і рарытэтная рэч часоў Вялікай Айчыннай вайны, якая вартая належнага месца ў экспазіцыі любога музея.

Літаратура

1. Выписка из приказа 142 Отдельного Мото-Инженерного ордена Александра Невского Батальона № 168 // Фонды УК "Музей гісторыі горада Магілёва". – МГМ КП 3998.
2. Записная книжка // Фонды УК "Музей гісторыі горада Магілёва". – МГМ КП 3856.
3. Справка младшему сержанту Матюшевскому Григорию Фомичу // Фонды УК "Музей гісторыі горада Магілёва". – МГМ КП 4000.

Сливко С.В.

К ВОПРОСУ О БОЕВОМ ПРИМЕНЕНИИ В ВВС КРАСНОЙ АРМИИ БОМБАРДИРОВЩИКА NORTH AMERICAN B-25 «MITCHELL» (1942–1945 гг.)

Великая Отечественная война советского народа стала проверкой на прочность для всей экономики СССР, кардинально изменившей свой облик за время социалистической модернизации. Одной из отраслей народного хозяйства, наиболее активно развивавшейся в предвоенные годы, была авиационная промышленность. Однако, успокоенность достигнутым в середине 1930-х гг. высоким уровнем авиационной техники привела к отставанию от новейших зарубежных образцов, появившихся к концу 1930-х гг. Несмотря на комплекс антикризисных мер, предпринятых в авиационной промышленности партийно-государственным руководством в 1939–1941 гг., полностью ликвидировать техническое отставание от Германии к началу войны не удалось [13, с. 11–12, 98–100]. Современная техника либо только начала поступать в войска, либо находилась на стадии испытаний или налаживания серийного производства. Усугубили ситуацию события начального периода войны, приведшие к огромным потерям в технике, дефициту квалифицированных кадров в авиапромышленности, эвакуации подавляющей части предприятий с территорий, которым угрожала оккупация [13, с. 101–141]. Следствием производственных трудностей стал сильнейший спад производства в ноябре-декабре 1941 г., во время которого ЦК ВКП (б) вынес решение о неудовлетворительной оценке деятельности наркомата авиационной промышленности [13, с. 138].

Наряду с оказанием помощи по преодолению кризисной ситуации в авиационной промышленности, советское партийно-государственное руководство предпринимало активные действия по достижению договоренностей о поставках в СССР авиационной техники американского производства. Одним из свидетельств успеха переговоров с союзниками стали поставки по ленд-лизу американских двухмоторных бомбардировщиков North American B-25 «Mitchell». Всего в Советский Союз по программе ленд-лиза поступила 861 машина [6, с. 26] (по другим данным – 862) [12, с. 302].

Первой воинской частью, в которую поступили на вооружение B-25, стал 37 бомбардировочный авиационный полк. Сформированный в 1930 г. близ Ленинграда, он с 1934 г. до начала войны базировался на Дальнем Востоке. В июле 1941 г. 37 БАП прибыл на Западный фронт и принимал участие в боевых действиях на участках 22 и 27 армий. В конце сентября 1941 г., когда в полку осталось 7 экипажей и всего 3 бомбардировщика СБ, 37 БАП был отправлен в г. Петровск Саратовской области с целью укомплектования и переобучения экипажей на Пе-2. Однако, после окончания обучения, в начале мая 1942 г. личный состав полка прибыл на аэродром Монино (по другим данным – Кратово) для получения бомбардировщиков B-25 и освоения новой техники. Вслед за 37 БАП, на «Митчелл» были перевооружены 16 и 125 БАП. Из этих трех полков в июле 1942 г. была сформирована 222 бомбардировочная авиационная дивизия, вошедшая в состав 1 бомбардировочного авиационного корпуса [3].

Командование 1 БАК интенсивно использовали части 222 БАД для различных целей: бомбометания по опорным пунктам, аэродромам, скоплениям военной техники и живой силы противника, бомбардировки переднего края линии фронта в дневных условиях. За период с середины июля по сентябрь потери экипажей и боевой техники возросли настолько, что возникла угроза боеспособности дивизии. По воспоминаниям заместителя командира 222 БАД А.М. Аквилянова, «перед нами встала сложная проблема: или мы довольно скоро станем "безлошадны-

ми" и нас после такой титанической работы по освоению зарубежной техники пошлют в тыл для перевооружения на другие самолеты, или нам надо искать другой выход» [4]. По инициативе командира дивизии Ф.В. Титова был проведен анализ полученного перегонного и боевого опыта, а также тактико-технических характеристик В-25. Негласно проведенные испытания подтвердили выводы руководства дивизии о наибольшей целесообразности применения В-25 в авиации дальнего действия. Итогом инициативы руководства дивизии стало Постановление ГКО от 27 сентября 1942 г. «О самолетах Б-25», признавшее дивизию дальнебомбардировочной и передавшее ее в количестве 58 самолетов с летным и техническим составом в подчинение командующему авиации дальнего действия А.Е. Голованову [9].

По мнению исследователя А.А. Смирнова, данный шаг командования являлся крупной ошибкой, значительно ослабившей мощь фронтовой бомбардировочной авиации, которая испытывала большую потребность в дневном бомбардировщике, имевшем мощное вооружение, значительную бомбовую нагрузку, большой радиус действия. Главную причину передачи 222 БАД, вооруженной самолетами В-25, в состав АДД, он видит в неумении ВВС Красной Армии «применять машины такого класса в дневных условиях» [11, с. 468–470]. Причину высоких потерь дивизии в июле-сентябре 1942 г. он видит в тактике использования бомбардировщиков малыми группами или одиночными машинами для «обработки» переднего края обороны противника с малой высоты, что делало неповоротливые В-25 легко уязвимыми для ПВО и истребительной авиации противника. По мнению А.А. Смирнова, успешное применение В-25 в дневных условиях могло быть достигнуто за счет массированных авиационных налетов на позиции противника при мощном истребительном прикрытии. Однако, «косность советского командования лишила фронтовую бомбардировочную авиацию не только Ил-4, но и В-25» [11, с. 468–470]. В связи этим представляется необходимым рассмотреть причины массовых потерь 222 БАД летом-осенью 1942 г. и технические особенности бомбардировщика на предмет его соответствия задачам АДД.

Процесс освоения новой техники в полках 222 БАД занял 2 месяца. Общепринятой считается точка зрения о простоте освоения и управления В-25 как для опытных летчиков, так и для молодых пилотов. Однако, речь шла о первом опыте использования зарубежной техники подобного класса, а переобучение должно было пройти в чрезвычайно короткие сроки [5]. По воспоминаниям А.М. Аквилянова, «экипажи-перегонщики бегло ознакомили нас с самолетом, его моторами, оборудованием и вооружением. Предупредили, что красные ручки, кнопки, рычаги – аварийные, и их лучше не трогать; что в бортовой документации все есть, чтобы познать самолет, провели показательные полеты и отбыли. А нам предстояло быстро все освоить и приступить к боевым действиям» [4]. Однако, все описания, инструкции, схемы, изданные фирмой-изготовителем, были написаны на английском языке, незнакомом для летчиков. В итоге силами технического состава и ремонтной базы один самолет Б-25С был разобран в ангаре по стыковочным узлам для возможности ознакомления с системами и соединениями, а также лучшего подхода ко всем агрегатам и узлам конструкции. Совместно со специалистами ЦАГИ и НИИ ВВС производилось изучение летных качеств машины, создавались и размножались написанные на русском языке инструкции по эксплуатации самолетов. Однако, при эксплуатации самолета в боевых условиях возникали трудности из-за пробелов в знании его материальной части, особенно при эксплуатации винтомоторной группы. Это приводило к аварийности и небоевым потерям [7].

Еще одной стороной ввода в строй новой техники стало выявление производственного брака, дефектов конструкции и несоответствия ее климатическим условиям использования машин. Кроме того, возникала необходимость переоборудования самолетов (замена устаревших бомбовых прицелов на более совершенные, разработка системы подачи в баки отработанных газов, перенос приборов навигатора в носовую кабину, т.к. функции навигатора и бомбардира в ВВС Красной Армии выполнял один штурман). Наступление холодов показало, что «самолет не приспособлен для применения в условиях русской зимы – начались массовые отказы отдельных агрегатов самолета, приборов ЭСО, вооружения, вследствие небольшой морозостойкости шлангов появились подтекания гидрожидкости из системы торможения колес, управления уборкой и выпуском шасси, закрылками, створками бомболюков. Трещали маслорадиаторы, "капризничали" моторы из-за отказов свечей, трещин в изоляции проводов к ним, барахлили карбюраторы. Много неприятностей нам в то время доставляли резиновые бензо- и маслобаки, которые были изготовлены из нескольких слоев различной по физическим свойствам ре-

зины. Фирма рассчитывала, что если пуля или осколок пробьют бак, то средний слой "сырой" резины при соприкосновении с бензином или маслом разбухнет и затянет пробоину. Однако с наступлением резких перепадов температуры окружающего воздуха, что имело место в наших краях, внутреннее покрытие бензо- и маслобаков стало трескаться, и под воздействием бензина (или масла) резина из среднего слоя "выдавливалась". Куски растворенной ("как медуза") сырой резины, заполняли внутренность баков, а главное – закупоривали отверстия трубопроводов и бензофильтров. Выручала присущая нам русская смекалка, находчивость, инициатива и большое трудолюбие и выносливость всего инженерно-технического состава частей дивизии» [4].

Для эксплуатации В-25, ввиду его трехколесного шасси, требовалось высокое качество подготовки аэродромов. По воспоминаниям летчика-испытателя И.И. Шелеста, «трехколесное шасси давало отменный обзор на рулении, безупречную маневренность на земле, делало В-25 весьма мобильным при движении по бетону, при выруливании на старт, отруливании с посадочной полосы» [6, с. 29]. Однако, обеспечение тщательно подготовленной грунтовой взлетно-посадочной полосы, не говоря уже о взлетно-посадочной полосе с искусственным покрытием, во фронтовых условиях являлось весьма проблематичным. Между тем, отказ от использования в качестве фронтового бомбардировщика самолета Ер-2 по причине его «чрезмерной требовательности к аэродромам» А.А. Смирнов счел вполне обоснованным для его передачи в АДД [11, с. 470].

Существенной проблемой в эксплуатации В-25 фронтовой бомбардировочной авиацией было поверхностное знакомство с зарубежной техникой специалистов 1 БАК, который не имел своей ремонтной базы и не мог помочь техническими советами в поддержании авиационной техники на требуемом уровне исправности. Это усугублялось тем, что запасные части к самолетам приходили из США с перебоями и полки, вооруженные В-25, испытывали острый дефицит запчастей. Все приведенные выше технические нюансы позволяют сделать вывод: успешная эксплуатация самолета становилась невозможной без надлежащей материально-технической базы и особенно заботливого, бережного отношения к технике. Подобные возможности были в АДД, которая не без основания была прозвана «любимым детищем Сталина».

Боевое использование В-25 в качестве дневного фронтового бомбардировщика встречало трудности в его легкой уязвимости для истребителей противника. Немецкие истребители Ме-109 и Ме-110 превосходили В-25 по скорости и максимальной высоте полета, выигрывая при этом в маневренности. Мощное, в сравнении с другими советскими бомбардировщиками, вооружение, при этом помогало не всегда, т.к. в нижней полусфере имелись две «мертвые зоны». На малых высотах, не будучи пикировщиком, самолет Б-25 инертен и становился удобной мишенью для вражеских ПВО. Немецкие бомбардировщики Не-111, достигавшие высокой точности бомбардировки с высот 2-3 тысячи метров, обладали при этом более совершенными оптическими прицелами, чем установленные на В-25. При этом новизна машины для летного состава, неожиданно возникавшие неполадки и дефицит запасных частей также сказывались на ограниченности применения В-25 в дневных условиях. Кроме того, немецкая авиация также практиковала выход на боевые задания малыми группами или даже одиночными машинами, а массированные налеты в отдельных случаях приводили к крупным потерям в технике и личном составе. Поэтому, следует говорить не об одной, а о комплексе причин высоких потерь 222 БАД летом-осенью 1942 г. Для командования авиации дальнего действия, уже присматривавшейся к В-25, инициатива руководства дивизии была тем желанней, что возможности отечественной промышленности по производству самолетов подобного класса, даже при всех выявленных недостатках В-25, были весьма скромны. Советские аналоги Ту-2 и Ил-4 уступали В-25 по ряду важных показателей. Между тем, В-25 непрерывно совершенствовался, чему немало содействовали советские летчики, направлявшие производителям свои наблюдения за машиной и предложения по ее улучшению[4].

Еще одним обстоятельством, немаловажным для решения задач, стоявших перед дальней авиацией, являлось оснащение В-25 различными антиобледенительными устройствами. На ребрах атаки обоих плоскостей находился механический антиобледенитель фирмы "Гудрич". Резиновые "мешки" периодически надувались, скалывая лед, а винты омывались спиртом [7]. На самолетах советского производства антиобледенители стали внедрять только к концу войны [6, с. 30]. Частая необходимость производить боевые вылеты на значительные расстояния при неблагоприятных погодных условиях приводила к тому, что обледенение являлось для летчиков

одним из самых опасных природных явлений. Э.К. Пусэп неоднократно указывал в своих воспоминаниях его опасность и отмечал, что обледенение вызывало не только выход из строя радиосвязи, но и потерю управления самолетом [10, с. 19, 110].

Тем не менее, следует отметить, что наличие антиобледенительных устройств на В-25 не избавляло экипажи от проблем, связанных с обледенением. 23 февраля 1943 г. при возвращении с выполнения боевого задания, потерпели крушение 2 самолета В-25С, принадлежавшие 37 полку 222 дивизии АДД. Причина обеих катастроф – мокрый снегопад, не предусмотренный метеорологическим прогнозом, и обледенение самолетов. На одном из самолетов, разбившемся в 22 километрах юго-западнее Каширы, погибли командир 37 АПДД подполковник К.Ф. Катаржин и командир 222 дивизии АДД полковник Ф.В. Титов [2, л. 35об., 72об.].

Еще одна сильная сторона В-25, выгодно выделявшая его среди других стоявших на вооружении ВВС Красной Армии машин – приборное оснащение бомбардировщика, превосходившее отечественные аналоги как по точности и надежности, так и по сроку выработки ресурса [6, с. 30]. По воспоминаниям А.В. Дудакова, «В-25 был оснащен замечательными по тем временам пилотажно-навигационными приборами. Он имел два авиагоризонта – у левого и правого летчиков, хороший автопилот, который оказывал огромную помощь летчикам при длительных и "слепых" полетах, и главное – незаменимый в ночных полетах радиокомпас» [7]. В условиях, когда предприятия авиационного приборостроения были эвакуированы на Восток и оказались вынужденными налаживать свою работу в чрезвычайных условиях, при снижении квалификации кадров и трудностях с сырьем, высокое качество приборного оснащения В-25 превращало его в предмет пристального внимания со стороны командования АДД.

Именно в авиации дальнего действия В-25 проявил себя в полной мере. Главным образом он использовался как дальний ночной бомбардировщик, нанося удары по железнодорожным узлам, аэродромам, скоплениям техники, укрепленным районам противника. Командование признало исключительно удачным налет на Витебск 8 ноября 1942 г., где в результате бомбардировки на железнодорожной станции было уничтожено 500 вагонов и 20 паровозов, а на аэродроме взорваны 8 самолетов и разрушена столовая офицерского состава вместе с офицерами люфтваффе [1, л. 53]. Аналогичные налеты совершались на железнодорожные узлы Орши, Курска, Брянска, Орла. В сентябре 1943 г. В-25 участвовали в подавлении дальнобойных орудий противника под Ленинградом. Самолеты В-25 совершали рейды на Варшаву, Данциг, Бреслау, Тильзит, Кенигсберг, Берлин и др. В 1944 г. 222 дивизия АДД разрушила железнодорожный узел Дебрецен в Венгрии [6, с. 26].

Различные модификации В-25 применялись в качестве транспортных самолетов (например, при организации воздушных мостов помощи Словацкому освободительному восстанию 1944 г. или при выброске разведчиков в глубоком тылу противника), дальних самолетов-разведчиков, разбрасывали листовки над вражеской территорией [1, л. 8]. После окончания войны В-25 являлись основным дальним бомбардировщиком советских ВВС до появления Ту-4, а также использовались ряде ведомств и гражданском воздушном флоте как транспортные и пассажирские самолеты.

Литература

1. Центральный архив министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). – Фонд 33. – Оп. 682527. – Д. 38.
2. ЦАМО РФ – Фонд 20061. – Оп. 2. – Д. 5
3. 37-й бомбардировочный авиационный полк // Авиаторы Второй мировой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.allaces.ru/cgi-bin/s2.cgi/sssr/struct/p/apdd37.dat. – Дата доступа: 20.03.2014.
4. Аквилянов, А.Л. Митчелл в СССР / А.Л. Аквилянов // Ленд-лиз на airforce.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lend-lease.airforce.ru/articles/akvilyanov/. – Дата доступа: 20.03.2014.
5. Закутин, П. Очерк истории 13 (229) Гвардейского Краснознаменного Рославльского БАП АДД / П. Закутин // Ленд-лиз на airforce.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lend-lease.airforce.ru/articles/13bap/index.htm. – Дата доступа: 10.02.2014.
6. Котельников, В.Р. Бомбардировщик В-25 «Митчелл» / В.Р. Котельников // Авиаколлекция. – 2003. – № 2. – 32 с.
7. Круглов, Н. В-25 в советской авиации / Н. Круглов // Авиационная энциклопедия «Уголок неба» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.airwiki.org/history/av2ww/soviet/b25/b25.html – Дата доступа: 21.03.2014.
8. Самолёты второй мировой войны / В.А. Обухович [и др.]. – Минск: Попурри, 2003. – 736 с
9. Постановление ГКО №2343сс от 27 сентября 1942 г. // Солдат.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.soldat.ru/doc/gko/gko1942.html. – Дата доступа: 21.03.2014.
10. Пусэп, Э.К. На дальних воздушных дорогах. Воспоминания / Э. К. Пусэп. – Москва: Воениздат, 1975. – 184 с.
11. Смирнов, А.А. Почему «сталинские соколы» воевали хуже Люфтваффе? «Все было не так!» / А.А. Смирнов. – Москва: Яуза-пресс, 2013. – 554 с.
12. Харук, А.И. Ударная авиация Второй мировой – штурмовики, бомбардировщики, торпедоносцы / А.И. Харук – Москва: Яуза: ЭКСМО, 2012. – 400 с.

13. Шахурин, А.И. Крылья Победы / А.И. Шахурин – Москва: Госполитиздат, 1985. – 254 с.

Ермалёнак В.А.

УДЗЕЛ УРАДЖЭНЦАЎ МІЁРСКАГА РАЁНА Ў БАЯВЫХ ДЗЕЯННЯХ НА ЗАХОДНІХ ФРАНТАХ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

Не гледзячы на тое, што пасля пачатку Другой сусветнай вайны прайшло амаль 75 гадоў, да гэтай пары недастаткова распрацавана тэма аб удзеле беларусаў у ваенных дзеяннях супраць фашыстаў не толькі на савецка-германскім фронце, але і на іншых франтах Другой сусветнай вайны, а таксама ў руху Супраціўлення. Асабліва гэта актуальна для заходніх раёнаў Беларусі, якія да вайны ўваходзілі ў склад II Рэчы Паспалітай. Наша даследаванне заснавана на матэрыялах, змешчаных у працы Юрыя Грыбоўскага [3], копіях дакументаў з архіваў Вялікабрытаніі, Польшчы, Францыі, Расіі, гістарычнага музея СШ № 3 [4]. У нашай працы прааналізуем на прыкладзе воінаў-землякоў з нашага раёна іх удзел у ваенных дзеяннях у складзе антыфашысцкай кааліцыі, а таксама прывядзём прыклады іх гераізму ў барацьбе супраць фашысцкіх захопнікаў на Заходніх франтах.

Зыходзячы з таго, што тэрыторыя сучаснага Міёрскага раёна знаходзілася пасля Рыжскага мірнага дагавору ў складзе Рэчы Паспалітай, нашы землякі прынялі свой першы бой з фашыстамі ўжо 1 верасня 1939 года. Мабілізацыя пачалася яшчэ 23 жніўня і працягвалася да паловы верасня 1939 года. Акрамя таго ўступілі ў бой тыя салдаты польскага войска з нашай мясцовасці, якія праходзілі тэрміновую вайсковую службу. Таму мы знаходзім прозвішчы нашых землякоў, якія ваявалі ў найбольш значных бітвах верасня 1939 года. Так, ураджэнцы нашага раёна змагаліся ў складзе польскіх войск у бітвах на Млаве, удзельнічалі ў абароне паўвострава Хэль, крэпасці Модлін. Шмат нашых землякоў абараняла Варшаву. Адзін з гераічных прыкладаў змагання нашых землякоў – удзел у абароне польскай сталіцы Браніслава Гяча з в. Рачнёва. У складзе 3-й роты другога батальёна 144 палка ён прымаў удзел у абароне польскай сталіцы з 9 верасня. Гэты полк пад камандаваннем палкоўніка В.Дзюбкі трымаў абарону на заходнім напрамку, дзе наступалі дывізіі 8-й нямецкай арміі. Не гледзячы на несупынныя бомбавыя ўдары з паветра і агонь цяжкай артылерыі полк, дзе ваяваў наш зямляк, дзень за днём адбівалі атакі ворага. Апошняй кропкай абароны, якую адстойваў разам з сябрамі наш зямляк, быў форт імя генерала Бема. Старыя, 19 стагоддзя ўмацаванні, не вытрымлівалі цяжкіх снарадаў і бомбаў, рассыпаліся ў друз, гінулі салдаты, але не здавалі сваіх пазіцый. Абаронцы вытрымалі тры генеральных штурмы нямецкіх войска. Як сведчыць даведка, выдадзеная камандзірам роты капітанам Камінскім Браніславу Гячу, яго рота спыніла супраціўленне толькі пасля капітуляцыі Варшавы, але не 28 верасня, а яшчэ ў акружэнні вяла бой да вечара наступнага дня. Нашаму земляку цудам удалося пазбегнуць палону і вярнуцца дадому [1]. Пасля паражэння Польшчы большасць ураджэнцаў раёна, якія ваявалі ў польскіх узброеных сілах і засталіся ў жывых, трапілі ў савецкі палон, меншая частка апынулася ў нямецкім палоне. Вярнуцца на радзіму ў верасні-лістападзе 1939 года змаглі не больш 30 % салдат польскай арміі. У асноўным гэта былі радавыя. Малодшыя афіцэры былі накіраваны ў лагеры для ваеннапалонных і большасць з іх у 1940 годзе былі расстрэляны ў Катыні, Старабельску, Асташкове. З тых, хто пазбег арышту, пачала фарміравацца арганізацыя Саюза ўзброеннай барацьбы, а пазней яны прынялі ўдзел у баявых аперацыях у складзе 23–24 брыгад Арміі Краёвай. Частка ўдзельнікаў вайны 1939 года 3 былых ваеннапалонных і рэпрэсаваных прадстаўнікоў польскай інтэлігенцыі трапілі ў 1-ую армію Войска Польскага, якая пачала фарміравацца ў 1942 годзе на тэрыторыі савецкай краіны. У асноўным у яе шэрагі запісваліся прыхільнікі камуністычных поглядаў. З нашых землякоў быў афіцэрам у гэтым войску знакаміты ў будучым пісьменнік Ян Гушча. А ўраджэнец в. Дзедзінка, Аляксандр Даражкевіч, які ваяваў у 1-й арміі праславіўся тым, што першым у студзені 1944 года ўварваўся ў Варшаву і ўзняў над яе мурамі польскі сцяг. Яго біяграфія і здымак змешчаны ў музеі Войска Польскага [7].

Многія з удзельнікаў вайны 1939 года, пасля вызвалення раёна ў ліпені 1944 года былі мабілізаваны савецкім камандаваннем у склад 2-й Арміі Войска Польскага, якая прымала актыўны ўдзел у вызваленні Польшчы ад нямецкіх акупантаў і разгрому фашысцкай Германіі. Асабліва адзначаліся нашы землякі пры фарсіраванні рэк Віслы, Ніссы і Одэра. Шматлікімі польскімі і савецкімі ўзнагародамі за гераізм і мужнасць былі адзначаны Рубанік А., Сушко П., Анашка П., Адашкевіч Э., Мінчын І. і шмат інш. У адрозненні ад салдат, якія ваявалі ў складзе

ўзброеных фарміраванняў на Захадзе, вайскоўцы 1-й і 2-й Армій Войска Польскага былі як і воіны, што ваявалі ў складзе Чырвонай арміі, залічаны ў шэрагі ветэранаў вайны.

Па-іншаму склаўся лёс былых польскіх вайскоўцаў нашых землякоў, якія патрапілі ў савецкі палон. Большасць іх было накіравана на будаўніцтва аэрадромаў і ваенных умацаванняў на Украіне, адкуль пасля пачатку Вялікай Айчыннай вайны былі адпраўлены ў лагеры Комі АССР. Працавалі на лесапавале і ў шахтах, шмат хто памёр ад знясільваючай працы і голаду. Становішча іх змянілася, калі 30 ліпеня 1941 года быў падпісаны пакт Сікорскага-Майскага аб фарміраванні польскіх узброеных сіл з ваеннапалонных для сумеснай барацьбы супраць фашыстаў. Стварэнне войска было даручана генералу Уладзіславу Андэрсу. Не толькі ваеннапалонныя, але нават падлеткі і жанчыны з рэпрэсаваных у 1939–1941 гадах запісваліся добраахвотнікамі ў санітарную службу, абы пазбегнуць смерці ў лагерах. Па падліках сучасных беларускіх гісторыкаў колькасць беларусаў у яго войску складала каля 12 тысяч. Па нашых падліках ураджэнцаў Дзісенскага і Браслаўскага паветаў было не менш, як 1000 вайскоўцаў. Большасць з іх трапіла ў 5-ю Польскую Крэсовую дывізію, якая таму і называлася “крэсовай”, што яе фарміраванне адбывалася з прадстаўнікоў “крэсаў усходніх”, так называлі палякі Заходнюю Беларусь.

Каб трапіць у войска, многія нашы землякі хавалі сваю сапраўдную нацыянальнасць і запісваліся палякамі, нават змяняючы сваё імя і веравызнанне. Так, праваслаўны Матэленак Сцяпан з в. Папоўшчына запісаўся католікам Стэфанам. Палякамі запісаліся і беларусы: У. Міклушонак з в. Стэфанова, А. Лагун з в. Беляўцы, А. Шокель з в. Картавыя, Я. Мацюк з Мацюкоў і г.д. У нашым раёне пражывала шмат стараверaў, якія служылі і ваявалі ў верасні 1939 года, яны таксама змаглі патрапіць у войска Андэрса: вось некаторыя іх прозвішчы: Ерамееў з Мілеек, Васіл’еў з в.Трыбухі. У склад польскіх фарміраванняў траплялі нават яўрэі напрыклад: Мантэгерд Лейба з в. Гараўцы. Ужо пад час фарміравання войска панесла страты перш за ўсё ад цяжкіх кліматычных умоў. Знясіленыя палонам і лагерамі людзі не вытрымлівалі спякоты Сярэдняй Азіі і хваробаў. Вось толькі некаторыя прозвішчы нашых землякоў, якія памерлі, або загінулі пад час стварэння войска: Барцэвіч Мечыслаў з в. Язна, Баяр Іван з в. Гатоўка, Каяловіч Мікалай з Божай Волі, Кухта Міхаіл в. Генькі і шмат іншых. Разам з войскам Андэрса 5-ая Крэсовая дывізія пакінула тэрыторыю СССР у 1942 годзе і на працягу паўгода знаходзілася ў Іране, Іраку, дзе салдаты прымалі ўдзел у ахове аб’ектаў нафтавай прамысловасці. Увосень 1942 года з арміі Андэрса, выведзенай з СССР, быў утвораны 2-гі польскі корпус. Не гледзячы на тое, што тут не было баявых дзеянняў, дывізія несла страты.

Так, толькі ўраджэнцаў з Мёршчыны засталося навечна ў Іране больш 10 вайскоўцаў, у тым ліку падпалкоўнік Сігізмунд Жаба. Восенню 1942 года корпус быў накіраваны спачатку ў Палестыну, потым у Егіпет, а зімой 1943 года перакінуты на Апенінскі паўвостраў. Менавіта ў баях на італьянскай зямлі 5-ая крэсовая дывізія панесла найбольшыя страты. Тут дывізія атрымала неафіцыйную назву “Зубры” таму, што на рукавах былі нашыты нарукаўны знак з выявай сімвала Белавежскай пушчы. У складзе 1-га корпуса Андэрса нашы землякі праявілі мужнасць і гераізм пры штурме ўзвышша Сан-Анджэла і Монтэ-Касіна. У гістарычным музеі захоўваюцца дзесяткі ўспамінаў аб штурме непрыступных умацаванняў. Вось радкі ўспамінаў Міклушонка Уладзіміра з в. Стэфанова. “Быў мабілізаваны ў польскую армію ў жніўні 1939 года. Ваяваў пад Люблінам з фашыстамі з 1 верасня. Пасля паражэння Польшчы трапіў у палон да Чырвонай Арміі, спадзяваўся хутка вярнуцца да дому, дзе яго чакала жонка і трое дзяцей, але дарэмна. Будаваў на Украіне ваенныя дарогі, абарончыя збудаванні, аэрадром. Калі ў 1942 была створана з былых польскіх ваеннапалонных армія Андэрса, дабраахвотнікам запісаўся ў яе шэрагі. Разам з корпусам трапіў спачатку ў Іран, потым Ірак, Палестыну, ваяваў у Афрыцы супраць танкавай арміі Роммеля. Запомніліся У.І. Міклушонку баі ў Лівійскай пустыні, дзе салдаты гінулі не толькі ад куль і снарадаў, але і ад невыноснай спёкі, смагі, хваробаў. Але сапраўдным пеклам, апавядаў пазней ветэран, былі баі ў Італіі пры штурме фашысцкай абарончай лініі пад горадам Монтэ-Касіна. Там паўгода безпаспяхова вялі баі канадскія, амерыканская, фрнцузскія, новазеландскія дывізіі. І вось саюзнікі кінулі супраць непрыступнай гітлераўскай крэпасці корпус генерала Андэрса. Сем сутак вялі бой падраздзяленні, дзе плячо ў плячо змагаліся беларусы, палякі, украінцы, рускія. Уладзімір Міклушонак вёў агонь прамой наводкай з зянітнай гарматы па наземных цэлях. Ствол гарматы не астываў. Наўкола дым і грукат. Нібы сцяна з асколкаў мін і снарадаў, бомбаў закрыла варожыя пазіцыі. Здавалася, прайсці праз яе жывому чалавеку, немагчыма. Але коштам вялікіх страт салдаты-андэрсаўцы ўзялі крэпасць Монтэ-Касіна” [2].

Мужнасць салдат 5-й Крэсовай дывізіі адзначыў і камандуючы 8-й Брытанскай Арміі генерал Олівеэр Ліз у лісце да камандуючага дывізіяй Нікадыма Суліка: “Хачу даслаць маё асабістае віншаванне Вам і Вашаму Штабу, а таксама ваенным аддзелам за іхні бліскучы чын у нядаўнім змаганні. У час авалодання ўзвышшам Сан-Анджэла і пунктам 575, што з’яўляліся ключавымі пазіцыямі нямецкай абароны, ваша дывізія праявіла высокі дух і зацятасць у змаганні пад час прарыву нямецкай абароны” [5, с. 8]. Дывізія панесла значныя страты, у тым ліку і шмат нашых землякоў засталося навечна на магільніку Монтэ-Касіна: Дземідовіч А. в. Баяры, Маркевіч І. з в. Гарані, Крупка М. з в. Баравыя, Рамза Ф. з в. Барсукі, Мышко В. з в. Шніткі і шмат іншых. Пасля перамогі пад Монтэ-Касіна 5-ай Крэсовай дывізіі працягвала наступленне ўздоўж Адрыятыкі. Асабліва шмат загінула нашых землякоў пад Сан-Ларэттай. У іх ліку: Машара І. з в. Вялікае Сяло, Лях У. з в. Гняздзілава, Ляўковіч С. з в. Іванава і шмат іншых. З 1 па 18 жніўня 1944 г. яе салдаты прымалі ўдзел у авалоданні г. Анконай, сталіцай вобласці Маркэ. Пад час наступлення на Сан-Стэфана дывізія выконвала задачы цэлага корпусу. Да верасня 1944 года дывізія ўдзельнічала ў баях па фарсіраванню рэк Міса, Чэсана, Мэтара і Полья. Пасля невялікага адпачынку корпус Андэрса пачаў наступленне ў неспрыяльных умовах гарыстай мясцовасці Паўночных Апенінаў. “10 кастрычніка 1944 года 5-ая крэсовая авалодала Монтэ-Кроса (699 м.), Монтэ-Спінэ (600 м.) ад узроўня мора. Тады ж фарсіравалі раку Рабі. Разам з 5-м Брытанскім корпусам штурмавалі важны камунікацыйны вузел Форлі. Але найбольшыя страты дывізія панесла пад час наступлення на Балонію з 9 па 21 красавіка. Прозвішчы загінуўшых з нашай мясцовасці наступныя: Сівіцкі К. в. Маласць, Парфяновіч Г. з в. Лосава, Лапацкі В. в. Рубашкі, Крупка А., в. Пялікі, Кашталян С. в. Крапіўнікі, Арлоўскі Ф. в. Стараселле і інш. Па нашых падліках у баях у Італіі загінула, было паранена і прапала без весткі каля 30 працэнтаў ураджэнцаў нашага раёна [4]. Пасля заканчэння вайны, на пачатку 1946 года 2-гі корпус Андэрса быў перакінуты ў Англію, дзе ў хуткім часе расфарміраваны. Частка ветэранаў засталася на Захадзе; вярнуліся ў большасці тыя, хто ўжо заставіў да вайны свае сем’і.

Акрамя корпуса Андэрса ў меншай ступені нашы землякі ваявалі і ў іншых фарміраваннях на Захадзе. Некаторыя ўраджэнцы раёна ваявалі ў складзе ваенна-марскіх сіл. Мы ведаем, што некаторыя караблі польскага флоту змаглі ў 1939 годзе прарвацца ў Англію і прынялі ўдзел у баявых дзеяннях у складзе ваенна-марскіх сіл Вялікабрытаніі. На флот нашы землякі трапілі або праз тэрміновую службу ,або былі афіцэрамі флоту. Найбольш вядомыя з іх чатыры браты афіцэры-маракі Станкевічы з маёнтка Якубава: Ян, Мамерт, Раман і Аляксандр. Усе яны скончылі Пецярбургскі марскі корпус, ваявалі афіцэрамі яшчэ ў першую Сусветную вайну на караблях Расійскага ваеннага флоту. Прынялі актыўны ўдзел у стварэнні марскога флота незалежнай Рэчы Паспалітай. Перад вайной Мамерт Станкевіч быў капітанам карабля “Пілсудзкі”, які быў пабудаваны ў 1935 годзе ў Італіі пад яго наглядам. Карабль у пачатку вайны здолеў прарвацца ў Англію. Але праз некалькі месяцаў, пад час руху марскога канвою ў Аўстралію, быў атакаваны нямецкай падводнай лодкай і патануў. Разам з караблём загінуў і яго капітан, наш зямляк Мамерт Танкевіч. Яго брат Раман, камандор-падпаручнік загінуў годам пазней [6, с. 52–54]. Нашы землякі ваявалі і ў складзе ваенна-паветраных сіл на Захадзе, якія прымалі ўдзел у абароне паветранай прасторы над Англіяй. І тут мы знаходзім загінуўшых: стралка Папкова Юрыя і капрала Янчэўскага Леапольда з Дзісны. Ураджэнцы раёна ваявалі і ў складзе польскай арміі ў Францыі. У 1940 годзе загінуў пры абароне горада Тура маёр Леўша Баляслаў. Змагаліся супраць фашыстаў нашы землякі і ў складзе першай асобнай парашутнай брыгады, якая была створана ў 1942 годзе. Яе салдаты вызвалялі Францыю і Галандыю, грамілі фашыстаў у Германіі. Шмат ураджэнцаў нашага раёна змагаліся і ў складзе 1-й польскай танкавай брыгады. Асаблівыя страты брыгада панесла пры вызваленні Францыі, Бельгіі, Галандыі. Пры ўзяцці горада Лан-Жумо загінуў Рачыцкі Напалеон з Дзісны, Скур’ят Уладзіслаў з в. Баравікі, пры фарсіраванні канала Аксель у Галандыі Рудак Мікалай з Забалоцця. Ваявалі нашы землякі і ў ваенных аддзелах Вялікабрытаніі ў ахове ваенных аб’ектаў, зенітных часцях. Многія загінулі пад час бамбардзіроўкі нямецкай авіяцыяй гарадоў Англіі.

Такім чынам, мужнасць і гераізм нашых землякоў і на Заходніх франтах наблізілі перамогу над фашызмам.

Літаратура

1. Архіў гістарычнага музея СШ № 3 г. Міёры. – Асноўны фонд. – Справа № 845.
2. Архіў гістарычнага музея СШ № 3. – Справа № 348.

3. Грыбоўскі, Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фармаваннях 1918–1945 / Ю. Грыбоўскі. – Санкт-Пецярбург: Неўскі Прасцяг, 2006. – 832 с.
4. Ермалёнак, В.А. Забытыя салдаты мінулай вайны / В.А. Ермалёнак // Міёрскія навіны. – 2007. – № 68.
5. Сянькевіч, А. Пра ўдзел беларусаў у баявых дзеяннях на Заходніх франтах Другой сусветнай вайны / А. Сянькевіч // Зважай. – 1977. – № 2. – С. 8.
6. Sawicz, Cz. Ostatnie mogikane z nad Dzwine / Cz. Sawicz. – 2000. – C. 54.
7. Aleksander Dorożkiewicz – Dziedzinka // przebrodzie.blog. – 2007 – Mode of access: http://przebrodzie.blog.onet.pl/2007/02/23/aleksander-dorozkiewicz-dziedzinka/. – Date of access: 01.03.2104

РАЗДЕЛ 3
НАЦИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ

Здановіч У.В.

БЕЛАРУСЬ У ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ: АСАБЛІВАСЦІ СУЧАСНАГА ПЕРЫЯДУ АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Падзеі Вялікай Айчыннайвайны сталі гісторыяй. Пра яе напісаны дзясяткі тысяч розных работ: даследчых, мемуарных, публіцыстычных, мастацкіх. У айчыннай гістарыяграфіі гісторыі Вялікай Айчыннай вайны выдзеляюцца савецкі (1941 – канец 1991 г.) і сучасны, ці постсавецкі перыяды (з канца 1991 г. па сённяшні дзень). Пасля набыцця Рэспублікай Беларусь статуса незалежнай і суверэннай дзяржавы значна пашырылася і стала больш рэпрэзентатыўнай крыніцазнаўчая база навуковых даследаванняў. Гісторыкі пачалі выкарыстоўваць дакументы і матэрыялы архіваў замежных краін, у першую чаргу, Германіі і Польшчы.

Па найбольш вострых пытаннях мінулай вайны, да якіх несумненна адносіццапачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны, разгарнулася палеміка. Канцэптуальнай асновай гістарыяграфіі савецкага перыяду былі тэзісы аб арганізаваным характары мабілізацыйных мерапрыемстваў, праведзеных партыйнымі органамі ў выключна складаных умовах ваеннай абстаноўкі, аб нечаканасці вайны для Савецкага Саюза і значнай перавазе вермахта над Чырвонай Арміяй у жывой сіле і тэхніцы.Новыя факты, дакументы, уведзеныя ў навуковы ўжытак у постсавецкі перыяд, сведчаць аб тым, што ў стратэгічным плане савецкае кіраўніцтва рыхтавалася да вайны з Германіяй. Аднак дапушчаныя партыйнымі і дзяржаўнымі органамі і асабіста І.В. Сталіным пралікі прывялі да таго, што вайна стала нечаканасцю для савецкіх войск у ваенна-тактычным сэнсе. На пачатковым этапе не існавала тэхнічнай перавагі вермахта над войскамі Чырвонай Арміі. Па колькасці танкаў, самалётаў, гармат Савецкі Саюз пераўзыходзіў Германію, навукова-тэхнічны ўзровень савецкай тэхнікі не толькі адпавядаў лепшым сусветным стандартам, але і па некаторых напрамках апераджаў іх. Аднак савецкае кіраўніцтва неэфектыўна выкарыстала свае баявыя сілы, што стала прычынай адступлення войск Заходняга фронту ўглыб тэрыторыі СССР. Разам з тым група армій “Цэнтр” панесла значныя страты, былі запаволены тэмпы яе наступлення, што дало магчымасць савецкаму камандаванню перагрупаваць сілы Чырвонай Арміі і ў далейшым затрымаць нямецкія войскі. Новыя падыходы ў асвятленні падзей 1941 г. на тэрыторыі Беларусі замацаваны ў працах Р.П. Платонава І.А. Басюка, А.А. Кавалені, С.Я. Новікава, А.М. Літвіна, калектыўным выданні “Беларусь в годы Великой Отечественной войны” [2].

Характэрнай асаблівасцю новага перыяду беларускай гістарыяграфіі стала з’яўленне побач з традыцыйнымі тэмамі новых накірункаў даследаванняў, якія ў савецкія часы па розных прычынах, у першую чаргу ідэалагічных, заставаліся па-за сферай інтарэсаў даследчыкаў. Асаблівая ўвага надавалася вывучэнню дзейнасці Арміі Краёвай, украінскаму нацыяналістычнаму падполлю і найперш арганізацыям АУН-УПА, праблемам калабарацыі.

У савецкі час тэрмін “калабарацыя” ўжываўся пераважна для характарыстыкі з’явы ў заходнееўрапейскіх краінах. Што да асвятлення рэаліяў германскай акупацыі тэрыторыі СССР, то часта без вызначэння абставін і матываў усе тыя, хто супрацоўнічаў з акупантамі, былі залічаны ў разрад саўдзельнікаў у злачынствах і здраднікаў. У 1990-я гг. з’явіліся працы айчынных навукоўцаў, якія адлюстроўвалі новыя накірункі ў вывучэнні акрэсленай тэмы. У гістарыяграфічны ўжытак былі ўведзены паняцці “калабарацыянізм”, “калабарацыя”. Гісторыкі адышлі ад агульна-абвінаваўчага ўхілу ў вывучэнні пытанняў супрацоўніцтва з германскімі ўладамі, паспрабавалі разабрацца ў пабуджальных матывах калабарацыі. Разнастайныя аспекты гэтай праблемы даследаваліся А.М. Літвіным, А.А. Каваленем, А.К. Салаўёвым, У.І. Кузьменкам, І.Ю. Сервачынскім, Я.А. Грэбенем, А.В. Бяляевым, С.У. Жумарам і інш [3].

Аналіз прыведзеных у даследаваннях фактаў дае магчымасць зрабіць выснову: сацыяльна-палітычнае жыццё ў СССР напярэдадні вайны, паражэнні Чырвонай Арміі ў пачатку вайны, імклівы захоп вермахтам тэрыторыі Беларусі, жорсткі акупацыйны рэжым, актыўная ідэалагічна-прапагандысцкая апрацоўка насельніцтва германскімі ўладамі садзейнічалі ідэалагічнаму

размежаванню ў грамадстве, у тым ліку і маладзёжным асяроддзі. Усё гэта стала спрыяльнай псіхалагічнай падставай для стварэння прагерманскіх маладзёжных саюзаў і дазволіла нацысцкім прапагандыстам уцягнуць у сферу сваіх палітычных, эканамічных і ваенных інтарэсаў некаторую частку беларускай моладз. Аўтары выдзяляюць палітычную, эканамічную і ваенную калабарацыю. На практыцы калабарацыя ўяўляла сабой свядомае ідэйнае супрацоўніцтва (палітычныя і грамадскія аб'яднанні, арганізацыі і г.д.), супрацоўніцтва з карыслівага матэрыяльнага разліку (служба ў разнастайных органах) і прымусовае супрацоўніцтва (праца ў адміністрацыйна-гаспадарчых органах і на прадпрыемствах). Заслугоўвае ўвагі характарыстыка, дадзеная калабарантам У.І. Кузьменкам, пра тое, што сёння цяжка разабрацца, што было галоўным у кіраўнікоў калабаранцкіх арганізацый і структур: сапраўдны нацыянальны ідэалізм ці падкантрольнасць нямецкім спецслужбам, "замбіраванасць" імі. Несумненна, што побач з "узнёслымі ідэалістамі" сярод калабарантаў былі палітыканы і авантурысты, якія шукалі любой улады і поспеху, гатовых "дзеля гэтага служыць каму заўгодна" [8, с. 137]. Няма падстаў для паказу лідэраў палітычнай беларускай калабарацыі нацыянальнымі героямі, якія змагаліся супраць сталінізму за незалежную беларускую дзяржаву.У мэты нацысцкага кіраўніцтва Германіі не ўваходзіла захаванне незалежнай Беларусі. Наадварот, у часы акупацыі беларускі народ страціў не толькі дзяржаўную, але і тэрытарыяльную цэласнасць, і толькі барацьба насельніцтва супраць акупантаў пры велізарных людскіх стратах дазволіла захаваць Беларусь. Знаходзячыся на службе ў прагерманскіх арганізацыях і ваенных фарміраваннях, прадстаўнікі беларускай калабарацыі прымалі ўдзел у разнастайных мерапрыемствах акупантаў, у тым ліку ў карных экспедыцыях, барацьбе з партызанамі, знішчэнні савецкага актыву і прыхільнікаў СССР і Чырвонай Арміі. Разам з тым, нельга аднолькава ацэньваць вымушанае супрацоўніцтва насельніцтва з германскімі ўладамі і тыя выпадкі, калі калабаранты свядома прымалі ўдзел у злачынствах і тэроры.

У асвятленні гісторыі Арміі Краёвай аўтар дадзенага артыкула з'яўляецца прыхільнікам прынцыпу двухбаковасці, які падтрымліваюцьА.М. Літвін, В.І. Ермаловіч, С.В. Жумар, А.В. Касовіч, І.І. Коўкель, І.П. Крэнь, І.А. Валахановіч [5]. З аднаго боку, савецкія партызаны і фарміраванні АК, маючы аднаго ворага, аб'ектыўна знаходзіліся па адзін бок барыкады, што садзейнічала развіццю паміж імі нармальных добрасуседскіх стасункаў. З другога боку, палітычныя адносіны савецкага кіраўніцтва і лонданскага польскага ўрада, найперш, яго прэтэнзіі на землі Заходняй Беларусі, рабілі немагчымым доўгатэрміновае супрацоўніцтва і прыводзілі да непазбежнага канфлікту паміж акаўцамі і савецкімі партызанамі. Абвастрэнню адносінаў садзейнічалі факты супрацоўніцтва асобных атрадаў АК з акупацыйнымі ўладамі і вермахтам. Адмежаванне Лонданскага ўраду і кіраўніцтва АК у Варшаве ад такой тактыкі істотна на сітуацыю не ўплывалі, якая, як справядліва адзначае А.М. Літвін, паступова перарастала ў жорсткую грамадзянскую вайну [9, с. 125].

Адначасова дзейнасць Арміі Краёвай мела выразны антыбеларускі характар, аб чым сведчаць дакументальныя матэрыялы, выяўленыя намі ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь. Так, у дырэктыве кіруючага цэнтра партыі "Грэнадзёраў" ад 14.05.1943 г., падпісанай капітанам Ф. Дубінскім, у прыватнасці, адзначалася: "Немец і беларус – ворагі польскага народа. Зжывайцеся з партызанамі, заваёўвайце ў іх аўтарытэт, а пры зручным выпадку – забівайце іх" [10, арк. 325]. Праграмныя дакументы знаходзілі рэальнае ўвасабленне: 24 лістапада 1943 г. па загадзе камандзіра польскага коннага атрада Нуркевіча ("Ноч") каля в. Дубнякі Івянецкага раёна Баранавіцкай вобласці былі растраляны 11 савецкіх партызан. Факт растрэла пацвердзілі афіцэры польскага атрада Мілашэўскага – Ю. Бабравіцкі, М. Ржавускі, С. Гаворка, В. Пелка [10, арк. 218, 228, 229, 249, 290, 331].

У 1990-я гг. у рэспубліцы з'явіліся публікацыі па гісторыі ўкраінскіх, літоўскіх, польскіх падпольных фарміраванняў. Асаблівая ўвага надавалася ўкраінскаму нацыяналістычнаму падполлю і найперш арганізацыям АУН-УПА. У значнай ступені інтарэсы даследчыкаў стымулявалі дыскусіі пра значэнне ролі названых структур у гісторыі Украіны. Частка ўкраінскага грамадства выступіла за прызнанне членаў АУН-УПА ветэранамі Другой сусветнай вайны. Адначасова ў рэспубліцы пачаў актыўна культывавацца вобраз удзельнікаў нацыяналістычнага падполля як актыўных барацьбітоў супраць савецкага таталітарызму. Розныя погляды на дзейнасць АУН-УПА ў гады вайны знайшлі адлюстраванне на старонках выданняў.

Ацэньваючы дзейнасць АУН-УПА на тэрыторыі Беларусі, адзначым што да лета 1943 г. аўнаўцы не вялі актыўных баявых дзеянняў супраць савецкіх партызан, а ў адносінах да акупацыйных войск займалі тактыку пасіўнай абароны: на тэрор адказвалі тэрорам, не дапускалі вывазу насельніцтва і маёмасці ў Германію. Змяшчэнне акцэнтаў у дзейнасці АУН адбылося пасля прыняцця ў жніўні 1943 г. новай праграмы арганізацыі. Змянілася і тактыка ўкраінскіх нацыяналістычных фарміраванняў, якія ад супрацоўніцтва з савецкімі партызанскімі атрадамі і брыгадамі перайшлі да барацьбы з імі пад маркай таго, што яны актыўнымі дзеяннямі супраць акупантаў наклікаюць небывалы тэрор на насельніцтва. Адносна германскіх войск працягвала заставацца тактыка пасіўнай абароны. Дадзеная выснова знаходзіць пацвярджэнне ў кандыдацкіх дысертацыях Ю.В. Чарняка, С.А. Сільвановіча, Н.А. Рыбак, І.А. Валахановіча, артыкулах У.І. Гуленкі [6].

Характэрнай рысай сучаснай гістарыяграфічнай сітуацыі выступае з'яўленне разам з афіцыйнымі ацэнкамі альтэрнатыўных падыходаў, аўтарамі якіх часцяком выступаюць непрафесійныя гісторыкі. Некаторыя палажэнні, вывады і ацэнкі савецкай гістарыяграфіі змяніліся на супрацьлеглыя. Разам з навукова абгрунтаванымі сустракаюцца спрэчныя, непераканаўчыя, нават амбіцыйныя заключэнні, якія не пацвярджаюцца гістарычнымі фактамі і аргументамі. У асобных выданнях дэкларатыўна, без аргументацыі тэрмін “Вялікая Айчынная вайна” быў заменены паняццем “Нямецка-савецкая вайна” (З. Шыбека) [15, с. 310]. Адзначым, што дадзеная выснова не з’яўляецца новай і базіруецца на тэзісах замежнай гістарыяграфіі, паводле якіх Вялікая Айчынная вайна з’яўляецца часткай Другой сусветнай вайны. Не аспрэчваючы дадзенага сцвярджэння, падкрэслім, што Вялікая Айчынная вайна вырашальная частка, якая вырашыла зыход усёй Другой сусветнай вайны.Тэрмін “Вялікая Айчынная вайна” паказвае, што ў барацьбе супраць захопнікаў удзельнічалі прадстаўнікі ўсіх нацыянальнасцей і народнасцей, катэгорый, слаёў насельніцтва, якія пражывалі на тэрыторыі СССР і абаранялі сваю Айчыну. Упершыню гэта словазлучэнне ў звыклым нам выглядзе было выкарыстана ў адносінах да дадзенай вайне ў артыкулах газеты «Праўда» ад 23 і 24 чэрвень 1941 г. і спачатку ўспрымалася не як тэрмін, а як адно з газетных клішэ, нароўні з іншымі падобнымі словазлучэннямі : “святая народная вайна” , “свяшчэнная айчынная народная вайна”, “пераможная айчынная вайна”. Тэрмін “Айчынная вайна” быў замацаваны увядзеннем ваеннага Ордэна Айчыннай вайны Указама Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР ад 20 мая 1942 г.

У расійскай гістарыяграфіі ў пачатку 1990-х разгарнулася дыскусія па праблеме пярэдадня вайны і яе пачатку,краевугольным каменем якой сталавыснова В. Суворава аб тым, што І.В. Сталін, з’яўляючыся прадаўжальнікам справы К. Маркса і У. Леніна, з мэтай экспарту сацыялістычнай рэвалюцыі развязаў Другую сусветную вайну. Дзеля дасягнення пастаўленай мэты ён падтрымаў нацыстаў і садзейнічаў прыходу А. Гітлера да ўлады, дапамог Германіі ўзброіцца і з дапамогай пакта аб ненападзе ад 23 жніўня 1939 г. садзейнічаў пачатку вайны. Пры гэтым І.В. Сталін сам рыхтаваўся да нападу на Германію ў 1941 г. [13].

Не падтрымліваючы тэзіса В. Суворава аб адказнасці Савецкага Саюза ў развязванні вайны, адзначым,што ідэіаб прэвентыўным удары Савецкага Саюза распрацоўваліся прадстаўнікамі Генеральнага штаба Чырвонай Арміі, асобнымі тэарэтыкамі. Пацвярджэннем гэтага з’яўляюцца “Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками”, распрацаваныя Генеральным штабам Чырвонай Арміі 15 мая 1941 г. [12]. Аднак, як сведчыць дастаткова інфармаваны сведка і ўдзельнік тых падзей П.А. Судаплатаў, плана прэвентыўнай вайны з Германіяй не існавала. Г.М. Жукаў і А.М. Васілеўскі прапаноўвалі апярэдзіць немцаў у стратэгічным разгортванні войск у выпадку, калі Германія пачне ваенныя дзеянні. Але на практыцы і гэтыя прапановы не былі падтрыманы вышэйшым савецкім кіраўніцтвам і таму не былі рэалізаваны. На дадзены момант дакладных дакументальных сведчанняў аб прыняцці такога рашэння не існуе, і таму гаварыць аб рэальнасці дадзенага плана няма падстаў. Да таго ж кіраўніцтва СССР не аддавала загаду войскам пачаць вайну, што магло б лічыцца палітычным рашэннем яе пачатку.

У 1990-я гг. прадметам дыскусііне толькі ў навуковым асяроддзі, але і ў розныхслаяхграмадства стала праблемапартызанскагаруху. Найпершгэтапраявілася ў публіцыстыцы: у газетных і часопісных артыкулах гісторыя партызанскай барацьбы стала аб’ектам крытыкі, якая галоўным чынам канцэнтравалася вакол такіх праблем, як характар партызанскага руху і роля камуністычнай партыі ў ягостанаўленні і развіцці. Паказальнай у гэтым сэнсе з’яўляецца кніга

Ю. Туронка “Беларусь пад нямецкай акупацыяй”, у якой аўтар заяўляе, што ўсенародны характар партызанскай барацьбы звязаны з імкненнем улад БССР надаць ёй такі характар [14, с. 99]. “У людской свядомасці, – адзначае Ю. Туронак, – засталіся вельмі глыбокія прынцыповыя адрозненні паміж Беларуссю Заходняй і Усходняй. Гэта яскрава выявілася ў час акупацыі: паабапал былой мяжы панавалі розныя грамадскія адносіны, розныя настроі і паводзіны насельніцтва, розная ўдзельная вага і ўзаемадачыненні палітычных фактараў і груповак” [14, с. 4].

Высновы, зробленыя польскім даследчыкам, падтрымаў беларускі гісторык В.В. Барабаш, які сцвярджае, што “ў дачыненні рэгіёна Заходняй Беларусі не зусім прыймальнай з’яўляецца распаўсюджаная ў савецкай гістарыяграфіі фармулёўка ўсенароднай барацьбы супраць гітлераўскіх акупантаў. Паколькі ў гэтым рэгіёне існавалі і другія палітычныя рухі, якія мелі асабістыя мэты і ўплыў сярод мясцовага насельніцтва, у тым ліку і польскі рух Супраціўлення. Тут фарміраваўся і асноўны склад беларускіх калабарацыянісцкіх арганізацый” [1, с. 118]. Аналагічныя ацэнкі выказаў З.В. Шыбека: “Мінулая вайна не яднала народ Беларусі, не стала для яго патрыятычным абавязкам. Вайна не набыла характар народнай” [16].

Разнастайныя факты, у тым ліку і архіўныя матэрыялы, даюць права сцвярджаць, што высновы Я. Шыраева, Ю. Туронка, В. Барабаша, З. Шыбекі не адпавядаюць гістарычнай праўдзе. У атрадах і брыгадах налічвалася 374 000 чалавек, а праз партызанскія рэзервы прайшлі амаль 400 000 мясцовых жыхароў. Лічбы, якія прыводзяць беларускія гісторыкі, знаходзяць пацвярджэнне ў сучаснай нямецкай гістарыяграфіі. У прыватнасці, Х. Герлах прыводзіць наступныя дадзеныя па колькасці беларускіх партызан: “У жніўні 1941 г. – 1 200 чалавек, у канцы 1941 г. – 30 000, у пачатку 1942 г. – 23 000, у студзені 1943 г. – 57 700, у чэрвені 1943 г. – 80 700, у верасні 1943 г. – 103 600, у лістападзе 1943 г. – 122 600 (плюс 30 800 за лініяй фронту), у сакавіку 1944 г. – 180 000 чалавек, што складае ўвогуле 374 000 партызан, сярод якіх 283 000 байцоў. Да таго ж у партызанскім рэзерве знаходзілася амаль 400 000 чалавек [11, с. 153]. Зразумела, што актыўны ўдзел у барацьбе магла прыняць толькі частка насельніцтва, якая пражывала на тэрыторыі Беларусі, захопленай германскімі войскамі. Дзеці, людзі старэйшага ўзросту, інваліды, жанчыны ў большасці сваёй не маглі ўдзельнічаць ва ўзброенай барацьбе. Але менавіта на іх падтрымку і дапамогу абапіраліся актыўныя ўдзельнікі барацьбы. Такім чынам, нягледзячы на існаванне пэўнай часткі калабарантаў сярод беларускага насельніцтва, няма падстаў адмаўляцца ад усенароднага характару партызанскага руху.

Разам з тым неабходна адзначыць, што толькі з восені 1943 г. партызанскі рух набыў сапраўды ўсенародны характар. Як паказвае аналіз дакументальных крыніц і апублікаванай літаратуры, у пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны праблематычна гаварыць пра адзінства беларускага народа. Разам з патрыятычным уздымам, які быў характэрны найперш жыхарам усходняй Беларусі, мелі месца і тэндэнцыі ідэйна-палітычнага размежавання грамадства. Гэта было абумоўлена шэрагам аб’ектыўных і суб’ектыўных фактараў: незадавальненне часткі насельніцтва рэпрэсіўнай палітыкай І. Сталіна ў адносінах да жыхароў далучаных у 1939 г. тэрыторыі, супярэчнасці ў палітычным жыцці БССР, знешняя палітыка СССР напярэдадні вайны, паражэнні Чырвонай Арміі, шырокая прапагандысцкая кампанія акупацыйных уладаў па фарміраванні сярод насельніцтва антысавецкіх настрояў.

У некаторых працах знік тэрмін “камуністычная партыя” і быў заменены паняццем “кіруючыя органы”. У прыватнасці, В.В. Калюта ў кандыдацкай дысертацыі, прысвечанай дзейнасці падполля на тэрыторыі Беларусі ў першы перыяд Вялікай Айчыннай вайны, адну з задач сваёй навуковай працы фармулюе наступным чынам: “Прааналізаваць дзейнасць цэнтральных і мясцовых кіруючых органаў па арганізацыі на акупіраванай тэрыторыі падпольных цэнтраў і сеткі арганізацый і груп” [7, с. 13]. Узнікае заканамернае пытанне: “А што гэта за кіруючыя органы і цэнтры?” Аналіз працы паказвае, што пад паняццем “кіруючыя органы” даследчык разумее менавіта партыйныя органы. Такая падмена стварае ўяўленне, што ў гады вайны дзяржаўныя інстытуты дзейнічалі самастойна, незалежна ад камуністычнай партыі, што не адпавядае рэальнасці. Ад імя партыі выдаваліся ўсе дакументы па арганізацыі Супраціўлення. На чале кіруючых органаў партызанскага руху (ЦШПР, БШПР), камандзірамі злучэнняў былі сакратары ЦК КП(б)Б і падпольных партыйных абкамаў. Партыйны кантроль не дазволіў партызанскаму руху ператварыцца ў звычайную “партызаншчыну” з усімі яе наступствамі. Поўнае адмаўленне ролі камуністычнай партыі ў станаўленні і развіцці партызанскага руху па сутнасці з’яўляецца такім жа скажэннем гісторыі, як і яе празмернае ўхваленне. Неабходна

ўдумлівае, скрупулёзнае навуковае вывучэнне дадзенай праблемы, якое павінна грунтавацца не на ідэалагічных устаноўках, а на канкрэтных гістарычных фактах.

Праведзены гістарыяграфічны аналіз прац і апублікаваных крыніц сведчыць пра тое, што ў постсавецкі перыяд вывучэнне гісторыі Беларусі часоў Вялікай Айчыннай вайны паднялося на новы ўзровень. Пашырэнне крыніцазнаўчай базы дало магчымасць даследчыкам па-новаму асэнсаваць разнастайныя праблемы. Асаблівасцю постсавецкай гістарыяграфіі стала засваенне новых накірункаў даследавання, а таксама вывучэнне тых пытанняў, якія ў савецкі час асвятляліся няпоўна і аднабакова(пачатковы перыяд вайны, праблема калабарацыянізму, дзейнасць на тэрыторыі Беларусі Арміі Краёвай і антысавецкага падполля, роля партыі і інш.). Некаторыя палажэнні, вывады і ацэнкі савецкай гістарыяграфіі змяніліся на супрацьлеглыя. Разам з навукова абгрунтаванымі сустракаюцца спрэчныя, непераканаўчыя, нават амбіцыйныя заключэнні, якія не пацвярджаюцца гістарычнымі фактамі і аргументамі. Аднак, нягледзячы на наяўнасць у нашым даследаванні некаторых, зусім нязначных па колькасці, магчыма не ў поўнай меры навукова абгрунтаваных сцвярджэнняў па прычыне аб'ектыўнай адсутнасці дастатковай базы гістарыяграфічных крыніц і гістарычных фактаў, айчынныя даследчыкі ў сваёй абсалютнай большасці выступалі і выступаюць супраць перагляду гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, яе хода, вынікаў і значэння, асабліва ролі савецкага народа ў разгроме фашызму ў Еўропе.

Літаратура

1. Барабаш, В.В. Поляки в антифашистской борьбе на территории Беларуси (1941–1944 гг.) / В.В. Барабаш. – Гродно: ГрГУ, 1998. – 146 с.
2. Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / А.А. Коваленя (рук. авт. колл.) [и др.]. – Минск: Белта, 2005. – 544 с.; Басюк, І.А. Пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі: манаграфія / І.А. Басюк. – Гродна: ГрДУ, 2003. – 238 с.; Каваленя, А.А. Беларусь у гады Другой сусветнай вайны (1939–1945) / А.А. Каваленя. – Мінск: БДПУ, 1996. – 183 с.; Літвін, А.М. Баявыя дзеянні на тэрыторыі Беларусі ў пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны: да праблемы вывучэння / А.М. Літвін // 1941 год: трагедия, героизм, память: материалы междунар. научн. конф., посвящ. 65-годовщине начала Великой Отечественной войны, Брест, 22–23 июня 2006 г. / Ин-т истории НАН Беларуси [и др.], редкол.: М.Э. Чесновский [и др.]. – Брест, 2007. – С. 43–54.; Новікаў, С.Я. Абарона Брэсцкай крэпасці летам 1941 года ў ацэнцы гістарыяграфіі і ў святле дакументаў / С.Я. Новікаў // Беларус. думка. – 2010. – № 5. – С. 88–97.; Платонов, Р.П. Белоруссия, 1941-й: известное и неизвестное: по док. Нац. арх. Респ. Беларусь / Белорус. НИИ документоведения и арх. дела, Нац. арх. Респ. Беларусь / Р.П. Платонов. – Минск: БелНИИДАД, 2000. – 299 с.
3. Беларусь в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. / А.А. Коваленя (рук. авт. колл.) [и др.]. – Минск: Белта, 2005. – 544 с.
4. Беляев, А.В. Местная вспомогательная администрация в системе немецко-фашистского оккупационного режима в Беларуси (1941–1944 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.В. Беляев; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2005. – 16 с.; Гребень, Е.А. Привлечение нацистской Германией граждан Беларуси на принудительные работы (1941–1944 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.А. Гребень; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2005. – 16 с.; Жумарь, С.В. Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны / С.В. Жумарь. – Минск: БелНИИДАД, 1996. – 283 с.; Каваленя, А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць / А.А. Каваленя. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 1999. – 260 с.; Кузьменко, В.И. В суровые сороковые: интеллигенция Беларуси в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / В.И. Кузьменко; науч. ред. А.М. Литвин. – Минск: Ин-т истории НАН Беларуси, 2006. – 260 с.; Літвін, А.М. Акупацыя Беларусі (1941–1944): пытанні супраціву і калабарацыі / А.М. Літвін. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2000. – 288 с.; Сервачинский, И.Ю. Коллаборационизм на оккупированной территории Беларуси (июль 1941 – август 1944 гг.): автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / И.Ю. Сервачинский; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1999. – 16 с.; Соловьев, А.К. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах / А.К. Соловьев. – Минск: Наука и техника, 1995. – 176 с.
5. Валаханович, И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. / И.А. Валаханович. – Минск: Изд-во БГУ, 2002. – 146 с.; Ермолович, В.И. Огнем и мечом: хроника польского национа-листического подполья в Белоруссии (1939–1953 гг.) / В.И. Ермолович, С.В. Жумарь. – Минск: БелНИЦДААД, 1994. – 112 с.; Касович, А.В. Сопротивление германским оккупантам в западных областях Белоруссии в годы Великой Отечественной войны: 1941–1944 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Белорус. гос. пед. ун-т имени М. Танка; А.В. Косович. – Минск, 2004. – 23 с.; Армія Краёва на тэрыторыі Заходняй Беларусі (чэрвень 1941 – ліпень 1944 гг.): тэз. IV навук. канф. беларус. і пол. гісторыкаў, Гродна, 6–7 кастр. 1994 г. / Гродн. дзярж. ун-т.; рэдкал.: І.П. Крэнь [і інш.]. – Гродна, 1994. – 140 с.; Літвін, А.М. Акупацыя Беларусі (1941–1944): пытанні супраціву і калабарацыі / А.М. Літвін. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2000. – 288 с.
6. Валаханович, И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. / И.А. Валаханович. – Минск: Изд-во БГУ, 2002. – 146 с.; Гуленка, У.І. І тэрор мае свой колер, альбо пра тое, які след пакінулі бандэраўцы і акаўцы на Беларусі / У.І. Гуленка // Беларусь. – 1993. – № 3. – С. 16–17.; Рыбак, Н.А. Деятельность Армии Крайовой и постаковских формирований в Западной Беларуси в 1944–1945 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.А. Рыбак; Белорус. гос. пед. ун-т. – Минск, 2001. – 20 с.; Сільвановіч, С.А. Антысавецкае падполле ў заходніх абласцях Беларусі (верасень 1939–чэрвень 1941 гг.): аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.02 / С.А. Сільвановіч; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2006. – 22 с.; Черняк, Ю.В. Деятельность украинских организаций и их вооруженных формирований на территории Западной Беларуси в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю.В. Черняк; Белорус. гос. пед. ун-т. – Минск, 2007. – 20 с.
7. Калюта, В.В. Боевая и политическая деятельность подполья на территории Белоруссии в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941–1942 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / В.В. Калюта; Минск. гос. пед. ин-т имени А.М. Горького. – Минск, 1992. – 27 с.
8. Кузьменко, В.И. В суровые сороковые: интеллигенция Беларуси в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / В.И. Кузьменко; науч. ред. А.М. Литвин. – Минск: Ин-т истории НАН Беларуси, 2006. – 260 с.
9. Літвін, А.М. Акупацыя Беларусі (1941–1944): пытанні супраціву і калабарацыі / А.М. Літвін. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2000. – 288 с.
10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 1450. – Воп. 2. – Спр. 50. – Арк. 1–330.

11. Новікаў, С.Я. Беларусь у кантэксце германскай гістарыяграфіі гісторыі Другой сусветнай вайны / С.Я. Новікаў; навук. рэд. Э.Р. Іофе. – Мінск: МДЛУ, 2004. – 284 с.
12. Соображения по плану стратегического разведывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 2. – С. 17–19.
13. Суворов, В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну; День: Когда началась Вторая мировая война / В. Суворов. – Москва: ТКО АСТ, 1994. – 576 с.
14. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак; пер. з польск. В. Ждановіч, кам. А.М. Літвіна. – Мінск: Беларусь, 1993. – 236 с.
15. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі / З. Шыбека. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2003. – 490 с.
16. Шыбека, З.В. Малавядомыя бакі нацыянальнай бяды, прынесенай беларусам Другой сусветнай вайной / З.В. Шыбека // Першая і Другая сусветныя войны: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 5 мая 2005 г. / Мінскі міжнар. адукац. Цэнтр, Дортмундскі міжнар. адукац. цэнтр, Саюз беларус. яўрэйскіх грамад. аб'ядн. і абшчын, Гіст. майстэрня ў Мінску; адк. рэд.: В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. – Мінск, 2006. – С. 82–86.

Дубик М.Г.

ЗАВЕРШЕНИЕ ДИСКУССИИ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ВЕРМАХТА В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Одним из главных направлений немецкой историографии Второй мировой войны последних 20-ти лет стала разработка темы преступлений вермахта на оккупированных восточных территориях.

Дискуссия о преступлениях вермахта развернулась в Германии с середины 90-х годов, и в настоящее время ее можно считать завершенной, что дает возможность определить ее хронологические рамки и проанализировать ее истоки и итоги. Поводом для этой дискуссии стала фотовыставка «Война на уничтожение. Преступления вермахта 1941–1944» [12], подготовленная Гамбургским институтом социальных исследований.

Нельзя сказать, что эта тема являлась «белым пятном» для ученых – еще на Нюрнбергском процессе был поставлен вопрос о причастности вермахта к преступлениям, в послевоенный период эта тема тоже не оставалась без внимания историков, и эта причастность не вызывала сомнений, однако главная ответственность за преступления была возложена на СС, вермахт считался лишь вспомогательной силой в подобных явлениях. В отличие от научной среды, в обществе был распространен миф о «чистом» вермахте, согласно которому солдаты выполняли свой воинский долг, и все их действия на фронте и в тылу были вызваны необходимостью борьбы с врагом, и не могут считаться уголовными преступлениями, в отличие от карательных органов нацистов.

Еще до проведения фотовыставки в прессе эта тема была актуализирована в публикациях известных ученых о преступлениях вермахта на оккупированных восточных территориях [3]. Выставка сопровождалась научными докладами, конференциями, многочисленными публикациями. Феномен данной выставки заключается именно в том, что научный вопрос стал предметом общественной дискуссии, заставил задуматься о причастности каждого к прошлым событиям – о том, что в преступлениях принимали непосредственное участие родственники сегодняшних немцев, те, кто жил до сих пор живет по соседству. В 1995–1999 гг. выставка демонстрировалась в 33-х городах ФРГ, ее посетило более 800 тыс. немцев. Однако она была воспринята неоднозначно: выставка вызвала острую полемику в СМИ, два тура дебатов в Бундестаге и многочисленные дискуссии в земельных парламентах, в адрес организаторов прозвучали обвинения в огульном очернении всей армии, сомнения в подлинности некоторых фотографий и в правильности их трактовки, что привело к закрытию выставки в 2000 г.

Дискуссия вызвала целую волну научных исследований по данной теме. Как сформулировал Х. Гартман – основной вопрос этой дискуссии было о количестве причастных к преступлениям: менее 5%, по оценке Рольфа-Дитера Мюллера, сотрудника исследовательского центра военной истории в Потсдаме, или 60 – 80%, по оценке организатора фотовыставки Г. Гейера, и об отношении общества к тем, кто был и остается до сих пор его частью [4, с. 4].

Реакцией на дискуссию о преступлениях вермахта стал проект «Вермахт в диктатуре национал-социализма», начатый с 1999 г. Институтом современной истории в Мюнхене. В рамках данного проекта был издан целый ряд различных публикаций, главным образом, статьи в ежеквартальнике современной истории (Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte), и несколько монографий.

После закрытия фотовыставки работники Гамбургского института социальных исследований продолжили свои разработки и в 2001 г. подготовили новую по концепции фотовыставку о преступлениях вермахта, которая доказывала причастность армии к военным преступлениям против гражданского населения [11]. Эта выставка была оценена более позитивно.

В 2005 г. состоялась конференция Института современной истории и Гамбургского института социальных исследований, по ее результатам был издан сборник докладов, в котором было охарактеризовано состояние исследований по тематике и указаны еще имеющиеся пробелы [10].

Частью проекта Института современной истории стала книга Д. Поля «Господство вермахта. Немецкое военное управление и местное население в Советском Союзе 1941 – 1944» [8]. Автор провел сравнительный анализ немецкой оккупационной политики в Прибалтике, Беларуси и Украине во время Первой и Второй мировых войн, охарактеризовал планы нацистов в отношении оккупированных земель. Х. Гартман в исследовании «Вермахт в Восточной войне. Фронт и войсковой тыл 1941 – 1942» [5] проанализировал деятельность вермахта на восточном фронте и в тылу на примере пяти дивизий, которые он выбрал прототипами немецких сухопутных вооруженных сил – показал их формирование, возрастную и социальную структуру, исследовал преступления этих дивизий и предпринял попытку объяснить их причины не только идеологическими убеждениями воинов, но и многими другими факторами, которые действовали в конкретных случаях. На основании различных по происхождению источников автор утверждал, что наиболее кровавыми были действия именно тыловых дивизий. Завершением проекта Института современной истории стал сборник «Немецкая война на Востоке 1941 – 1944» [4], в котором было издано несколько ранее опубликованных исследований по теме.

Из общей темы преступлений выделились исследовательские направления по различным типам преступлений – сексуальные преступления, преступления против военнопленных, борьба с партизанским движением – и по использованию новых видов источников.

Значительная часть исследований выполнялась в русле военной антропологии и социальной истории. Так, А. Бартов посвятил свой труд психологии воинов вермахта, анализа причин фанатизма и жестокости немецких солдат на Восточном фронте [1]. Самостоятельным направлением стал анализ полевой почты с Восточного фронта как источника по изучению настроений обычных солдат, и обоснование критического отношения к нему, что определило новые перспективы междисциплинарных исследований по этому вопросу [6; 9; 10, с. 171–181].

Своеобразным завершением дискуссии о вермахте можно считать опубликованную в 2011 г. книгу, которая не оставляет сомнений относительно непосредственного участия вермахта в преступлениях, и ее обсуждение среди ученых. Речь идет об исследовании историка С. Найтцеля и социального психолога Г. Вельцера «Солдаты» [7], построенном на анализе уникального источника – протоколов прослушиваний пленных немецких солдат в специальных центрах в американском и английском плену. Эти документы хранятся в Национальных архивах Великобритании и США. Интересно, что протоколы в Лондоне стали доступными для исследователей с 1996 г., но еще 5 лет они ждали своего читателя, которым стал С. Найтцель, обнаруживший впоследствии и американский аналог, который к тому же оказался вдвое большим по объему. Поскольку анализ такого специфического источника предусматривал использование методов истории ментальности, истории повседневности и другого исследовательского инструментария, к сотрудничеству был приглашен социальный психолог Г. Вельцер, который уже был известен своими трудами по коллективной памяти и интерпретации воспоминаний о временах национал-социализма [13, 14, 15]. Подготовленная ими книга стала возможной благодаря осуществлению трехлетнего исследовательского проекта по разработке источников и их анализа на рубеже истории и психологии (исследовательская группа из 8 участников, созданная для реализации этого проекта, опубликовала также сборник статей, посвященных анализу протоколов [2]). В ходе реализации проекта было изучено более 100 тыс. листов протоколов прослушиваний около 15 тыс. немецких военнопленных, преимущественно взятых в плен в Африке, Италии и Западной Европе. Разумеется, этот источник имеет свои ограничения по репрезентативности относительно событий на восточном фронте. Вместе с тем, поскольку пленные принимали участие в военных операциях на многих фронтах, эти два архивных комплекса являются уникальными, учитывая их непосредственную близость к событиям, секретность прослушиваний, спонтанность высказываний и тематическую направленность разговоров.

Авторы исследования проанализировали документы по тематическим блокам, которые стали подразделами книги: сбивание (самолетами), власть ради власти, приключения, эстетика разрушения, наслаждение, охота, затопления (вражеских судов), убийство с точки зрения оккупанта, преступления в отношении военнопленных, представление об уничтожении, участие в расстрелах, слухи, чувства, секс, техника, вера в победу, вера в фюрера, идеология, военные ценности. Отдельные подразделы посвящены сравнительному анализу основного массива документов с протоколами прослушивания итальянских и японских военнопленных, а также служащих Ваффен-СС.

Итогом книги стали размышления о представлениях о войне в целом и особенностях действий в войне вермахта как армии национал-социализма. Авторы пришли к выводу, что преступление было нормой для солдат вермахта, из перспективы солдата его преступные действия не были преступлениями, в отличие от аналогичных действий врага. Повседневность преступления вызвала неприятие его как чего-то неординарного, наоборот, рутина преступных практик привела к тому, что военнослужащие получали удовольствие от них, как от хорошего выполнения своей «работы». Если война сама по себе имеет такую особенность, за короткий срок превращать нормальных людей в убийц, то Вторая мировая война все же имела отличия в этом от других. Хотя в других войнах также были распространены убийства военнопленных и другие преступления, расово мотивированное уничтожение миллионов военнопленных от голода выпадает из представлений о «нормальной войне» и вместе с убийствами евреев характеризует эти преступления, в понимании авторов, как типично национал-социалистическую политику уничтожения.

Впечатляющим стал также резонанс, вызванный книгой среди историков. Все рецензии были одобрительными, в особенности, относительно критического отношения авторов к источнику, междисциплинарного анализа, осмысления авторами понятия нормы в войне. Существенные критические замечания касались только ограниченного круга различий политики уничтожения национал-социализма по сравнению с другими войнами и необходимости большего обоснования некоторых обобщений.

Таким образом, предмет дискуссии о причастности вермахта к преступлениям на сегодня кажется исчерпанным. Обыденность преступлений для военнослужащих вермахта привела к тому, что после войны свидетели событий долгое время замалчивали неудобные подробности их действий на фронте, что можно наблюдать как с немецкой, так и с советской стороны. Именно поэтому и существовала в общественном сознании легенда о «чистом» вермахте, что те, кто принадлежал к нему, поддерживали эту легенду, как элемент оправдания себя перед потомками и перед собой. Именно поэтому и был таким болезненным шок общества, которое не хотело верить в причастность части себя к преступлениям.

Если суммировать результаты более чем двадцатилетней дискуссии о преступлениях вермахта, надо отметить, что однозначного ответа на вопрос о количестве причастных к преступлениям военнослужащих так и не было предоставлено, это невозможно по разным объективным причинам, с профессиональной точки зрения. Безусловным положительным результатом дискуссии о преступлениях вермахта стало введение в научный оборот источников, которые ранее не были востребованы профессиональными историками. Внедрение новых методов исследования по истории повседневности и других исторических направлений привело к обработке таких комплексов источников, которые ранее считались второстепенными, прежде всего это касается эго-документов. Безусловным результатом стали наработки исследователей, которые обогатили немецкую историографию Второй мировой войны, дали толчок разработкам смежных тем с новых ракурсов, с использованием новых подходов и нетрадиционных интерпретаций источников, что позволило совершить качественный скачок в исследовании данной темы.

Литература

1. Bartow, Omer. Hitlers Wehrmacht. Soldaten, Fanatismus und die Brutalisierung des Krieges / Omer Bartow. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH, 1995. – 335 s.
2. «Der Führer war wieder viel zu human, viel zu gefühlvoll!» / hrsg. von H. Welzer, S. Neitzel und Ch. Gudehus. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 2011. – 256 s.
3. Förster, Jürgen u.a. Wehrmachtsverbrechen. Ein Gespräch mit Jürgen Förster, Manfred Messerschmidt und Christian Streit über den “Vernichtungskrieg” der deutschen Wehrmacht im Osten / Jürgen Förster // Mittelweg. – Nr. 3. – 1994. – S. 41 – 50.
4. Hartmann Ch., Hürter J., Lieb P., Pohl D. Der deutsche Krieg im Osten 1941 – 1944. Facetten einer Grenzüberschreitung / Ch. Hartmann, J. Hürter, P. Lieb, D. Pohl. – München: R. Oldenbourg Verlag, 2009. – 404 s.

5. Hartmann, Christian. Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Hinterland 1941/42. 2 Auflage / Christian Hartmann. – München: R. Oldenbourg Verlag, 2010. – 928 s.
6. Humburg, Martin. Das Gesicht des Krieges. Feldpostbriefe von Wehrmachtsoldaten aus der Sowjetunion 1941 – 1944 / Martin Humburg. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998. – 310 s.
7. Neitzel, Sönke. Soldaten. Protokolle von Kämpfen, Töten und Sterben / Sönke Neitzel, Harald Welzer. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2011. – 521 s.
8. Pohl, Dieter. Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941 – 1944 / Dieter Pohl. – München: R.Oldenbourg Verlag, 2008. – 399 s.
9. Stenzel, Thilo. Das Rußlandbild des «kleines Mannes». Gesellschaftliche Prägung und Fremdwahrnehmung in Feldpostbriefen aus dem Ostfeldzug (1941 – 1944/45) [Mitteilungen des Osteuropa-Instituts, 27] / Thilo Stenzel. – München: Osteuropa-Institut, 1998. – 141 s.
10. Verbrechen der Wehrmacht. Bilanz einer Debatte / Hrsg. von Ch. Hartmann, J. Hürter, U. Jureit. Mit einem Vorwort von J.P.Reemtsma und H.Möller. – München: Verlag C.H.Beck, 2005. – 230 s.
11. Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941 – 1944. Begleitbroschure zur Ausstellung / Hg. vom Hamburger Institut für Sozialforschung.– Hamburg: Hamburger Edition, 2004. – 38 s.
12. Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Ausstellungskatalog / Hg. H. Heer. – Hamburg: Hamburger Edition, 1995. – 223 s.
13. Welzer H., Moller S., Tschuggnall K. „Opa war kein Nazi“. Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächnis / H. Welzer, S. Moller, K. Tschuggnall. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 2002. – 256 s.
14. Welzer H., Montau R., Plaß Ch. «Was wir für böse Menschen sind!» Der Nationalsozialismus im Gespräch zwischen den Generationen / H. Welzer, R. Montau, Ch. Plaß. – Tübingen: Edition Diskord, 1997. – 220 s.
15. Welzer, Harald. Täter. Wie aus ganz normalen Menschen Massenmörder werden / Harald Welzer. – Frankfurt am Main: S.Fischer Verlag, 2005. – 323 s.

Бездзель В.Я.

ПАЛІТЫКА АКУПАЦЫЙНЫХ УЛАД У ДАЧЫНЕННІ ДА ДЗІЦЯЧАГА НАСЕЛЬНІЦТВА НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (1941–1944 гг.)

Вялікая Айчынная вайна ўвайшла ў гісторыю беларускага народа як небывалы па жорсткасці, трагізму і гераізму перыяд барацьбы. Яна закранула кожную беларускую сям'ю, кожнага чалавека, незалежна ад полу і ўзросту. Ваенная праблематыка не губляе сваёй актуальнасці, тым больш, што шэраг праблем і аспектаў гісторыі Беларусі 1941–1945 гг. застаюцца недастаткова распрацаванымі і вывучанымі.

Даследаванне становішча дзяцей ва ўмовах фашысцкай агрэсіі з'яўляецца актуальным, паколькі з тэрыторыі Беларусі паспелі вывезці ў тыл каля 15 % дзяцей да 16 гадоў. Аналіз асноўных напрамкаў дзейнасці фашыстаў у дачыненні да падрастаючага пакалення сведчыць пра наяўнасць спецыяльнай праграмы анямечвання славянскіх, у тым ліку беларускіх дзяцей, як на акупаваных землях, так і ў Германіі. Выкарыстанне гітлераўцамі спецыяльнага тэрміна "бандэн кіндэр" падкрэслівае існаванне для акупантаў дадатковай праблемы ў выглядзе падрастаючага пакалення, што патрабавала правядзення спецыяльнай палітыкі, якая рэгламентавала б розныя сферы яго жыцця.

Нацысцкая мэтанакіраваная палітыка анямечвання і генацыду падрастаючага пакалення была накіравана на дасягненне наступных мэт: 1) не дапусціць ваеннага ўзмацнення суперніка, "воспрепятствовать развитию его биологической силы в будущем" [1, с. 81]; 2) прыцягнуць на свой бок як мага больш падлеткаў і моладзі, каб выкарыстаць іх ў якасці надзейнай апоры на каланізаваных тэрыторыях; 3) набіраць з ліку дзяцей танную рабочую сілу як для працы на месцы, так і ў Германіі; 4) садзейнічаць забыццю нацыянальных каранёў, ператварэнню дзяцей у паслухмяных рабоў праз правядзенне палітыкі германізацыі; 5) падтрымліваць высокую смяротнасць сярод насельніцтва, у тым ліку і дзяцей, спрыяць зніжэнню нараджальнасці; 6) выкарыстоўваць дзяцей як донараў для нямецкіх салдат, кроў якіх не магла "сапсаваць" арыйскую.

Такія дакументы нацысцкай Германіі, як план "Ост", "Зялёная папка", "Карычневая папка", дырэктывы па "асобай кампетэнцыі СС", распрацаваныя Г. Гімлерам, уяўлялі сабой праграму паэтапнай эксплуатацыі, каланізацыі і германізацыі тэрыторыі СССР [2, с. 78]. Прадугледжвалася, што насельніцтва будзе падвергнута адбору: выберуць найбольш прыгодных ў расавых адносінах, якіх затым асімілююць пераселеныя з Германіі этнічныя немцы. Астатніх чакала смерць або ператварэнне ў паслухмяных рабоў. У 1946 г. на Нюрнбергскім працэсе, дзе былі асуджаны галоўныя нямецка-фашысцкія злачынцы, было дадзена азначэнне паняццю "германізацыя" (анямечванне), што з'яўлялася часткай той палітыкі, якую праводзілі гітлераўцы на захопленых тэрыторыях: "Германизация, или онемечивание, означает уничтожение

национального характера захваченных территорий и искоренение всех элементов, которые не примут нацистской идеологии” [3, с. 557].

Першыя месяцы вайны паказалі адсутнасць канкрэтна акрэсленых мерапрыемстваў па германізацыі падрастаючага пакалення на тэрыторыі Беларусі. Дзейнасць нямецкіх войскаў і загады кіраўніцтва былі накіраваны на масавае знішчэнне грамадзянскага насельніцтва, падаўленне супраціўлення, поўнае падпарадкаванне захопленых зямель. У цяжкім становішчы апынуліся выхаванцы дзіцячых устаноў, якія ніхто не збіраўся забяспечваць. М. Кузняцоў, які сустрэў вайну ў піянерскім лагеры, што хутка быў ператвораны ў дзіцячы дом, успамінаў: “Жизнь впроголодь уже с первых недель оккупации побуждала детей к поискам съестного на стороне” [4, с. 86].

Жорсткасць акупацыйнай палітыкі адчулі на сабе і яўрэйскія дзеці. Разам з дарослымі яны накіроўваліся для пастаяннага пражывання на тэрыторыю гета. Яўрэйскіх дзяцей, што знаходзіліся ў дзіцячых установах, ізалявалі ад астатніх. Так зрабілі восенню 1941 г. з выхаванцамі Дамачаўскага дзетдома: 15 дзяцей яўрэйскай нацыянальнасці ва ўзросце ад 2 да 12 гадоў “были изъяты из детского дома и помещены в гетто, а затем 14 из них − расстреляны, и только Ковалеровой Оле 12 лет удалось спастись бегством” [1, с. 220]. Дзеці-яўрэі ўспрымаліся гітлераўцамі як “непрадуктыўныя асобы” (у адрозненне ад дарослай часткі, што была паспяхова задзейнічана на прымусовых работах), якіх прыходзілася яшчэ і карміць. Таму яны, асабліва дзеці-сіроты, станавіліся аб’ектам знішчальнай палітыкі. Так, на тэрыторыі Мінскага гета ў красавіку 1943 г., у час аднаго з пагромаў, быў цалкам выразаны дзіцячы дом на Заслаўскай вуліцы [5, с. 101].

Зусім іншай была палітыка германскіх улад у адносінах да фольксдойчэ і іх дзяцей, асоб нямецкай нацыянальнасці, што пражывалі на тэрыторыі СССР, у тым ліку і ў Беларусі, яшчэ да вайны. Улады адразу адмежавалі гэтую этнічную групу ад астатняга насельніцтва. Пасля праверкі, наколькі яны адпавядаюць “сапраўдным арыйцам”, у залежнасці ад “чысціні крыві”, забяспечвалі іх пасадамі ў сістэме кіравання. У параўнанні з астатнім насельніцтвам фольксдойчэ карысталіся шэрагам пераваг: яны атрымлівалі дадатковы паёк, большую зарплату, займалі кіруючыя пасады. Для іх дзяцей адкрывалі спецыяльныя школы, сярод якіх узорнай лічылася школа “Адольфа Гітлера” ў Смалявічах, дзе навучалася 30 дзяцей [6, с. 173]. Улічваючы цікавасць вайсковага кіраўніцтва да працы школы, хутчэй за ўсё дзяцей планавалася выкарыстаць як асабліва палітычна надзейных пры асваенні захопленых тэрыторый. Адкрыццё школ для фольксдойчэ з’яўлялася першачарговай справай. Так, у 1942–1943 гг. працавалі школы ў Мінску, Драздах, Смалявічах, Малым Залуччы, Гародні з агульнай колькасцю 150 вучняў [7, арк. 56]. Нацыянальны дэкрэт аб працы абараняў дзяцей-фольксдойчэ, якім не споўнілася 18 гадоў, ад выкарыстання на працы.

Асобныя пастановы нацысцкага кіраўніцтва рэгулявалі сферу дзетанараджэння і аховы дзяцінства. Асноўныя палажэнні выцякалі з прынцыпу пра непаўнацэннасць славянскіх народаў СССР. У дакуменце “Заўвагі і прапановы “Усходняга міністэрства” па Генеральным плане “Ост” гаварылася, што адзін са шляхоў падрыву біялагічнай моцы народа, ёсць давядзенне нараджальнасці рускіх да больш нізкага ўзроўню, чым у немцаў. Для дасягнення гэтага прапаноўвалася “не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей по уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней. … Не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям” [8, с. 132]. Германскі гісторык Х. Герлах зрабіў падлікі стратаў сярод дзяцей да 14 гадоў у раёне Барысаў – Орша – Магілёў, якія складалі 51 %. За 1941–1947 гг. на тэрыторыі Беларусі не нарадзілася каля 800000 дзяцей [9, с. 1159]. Па падліках савецкіх навукоўцаў, у гады вайны “неданарадзілася” прыкладна 35 % дзяцей [10, с. 50].

Захоп вялікай колькасці дзяцей пры барацьбе з партызанамі адпавядаў вырашэнню пытанняў рабочай сілы, навучання дыверсантаў, мэтам германізацыі. 6 студзеня 1943 г. Г. Гімлер падпісаў загад “Об обращении с бандитскими детьми”, які рэгламентаваў адбор “расово полноценных подростков мужского и женского пола” [11, арк. 83] для адпраўкі іх са зборных лагераў у распараджэнне гаспадарчых прадпрыемстваў Германіі ў якасці вучняў. Сістэма працоўнага навучання і перавыхавання была жорсткай і прадугледжвала “послушание, прилежание, безусловное подчинение и честность по отношению к немецким господам” [11, арк. 83]. Дзеці,

адарваныя ад сям'і, роднай зямлі, адчувалі на сабе моцнае псіхалагічнае ўздзеянне германскай прапаганды пра немагчымасць вяртання на Радзіму, перамогу Германіі ў вайне з СССР.

Пасля перамогі савецкіх войск на Арлоўска-Курскай дузе рэпрэсіўная палітыка гітлераўцаў дасягнула апагею жорсткасці. Для "дзяцей бандытаў" (гэта значыць дзяцей, якіх захапілі ў раёнах, дзе быў моцны партызанскі рух, ці тых, каго падазравалі ў сувязях з партызанамі і падпольшчыкамі) ужо з сярэдзіны 1943 г. у Германіі і на тэрыторыі Польшчы меліся лагеры для перавыхавання, у прыватнасці ў Канстантынуве, Любліне (за апошні адказваў обергрупэнфюрэр СС Поль). Фон Бах (упаўнаважаны па барацьбе з партызанамі) з сярэдзіны 1943 г. патрабаваў штодзённых паведамленняў пра колькасць дзяцей 2–10-гадовага узросту, захопленых у час карных экспедыцый [12, арк. 199]. Старэйшыя дзеці разглядаліся фашыстамі ў першую чаргу як працоўная сіла і выкарыстоўваліся на прымусовых работах.

Летам 1944 г. вываз дзяцей за межы рэспублікі набыў характар выкрадання. Па прызнанні нямецкіх злачынцаў, зробленых у час правядзення судовага працэсу ў Мінску ў студзені 1946 г., накірункаў вывазу дзяцей ад 8 да 15 гадоў было некалькі: праз Бабруйскі дзіцячы лагер (500 падлеткаў з г. Петрыкаў, 60 – з в. Макарычы [13, арк. 111, 151]), праз лагер на тэрыторыі вучэбнай гаспадаркі "Чырвоны Бераг" Жлобінскага раёна (1990 чалавек са Жлобінскага, Добрушскага, Рагачоўскага, Стрэшынскага раёнаў [14, арк. 26]), праз лагер у в. Дваранінавічы за 7 км ад Бабруйска (каля 2 тыс.) [15, арк. 28].

Такім чынам, палітыка гітлераўскіх улад прывяла да таго, што за 1941–1944 гг. на тэрыторыі Беларусі загінула больш за 166 тыс. непаўналетніх [16, с. 17], а сіротамі засталіся больш за 138 тыс. чалавек, 60 % з якіх дзеці загінуўшых чырвонаармейцаў і партызан.

Літаратура

1. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944 / сост. З.И. Белуга [и др.]. – Минск: Гос. изд-во БССР, 1963. – 436 с.
2. Безыменский, Л.А. Генеральный план «Ост»: замысел, цели, результаты: новые материалы / Л.А. Безыменский // Вопросы истории. – 1978. − № 5. – С. 74–94.
3. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. материалов. В 7 т. Т. 4. Военные преступления и преступления против человечности / под общ. ред. Р.А. Руденко. – Москва: Гос. изд-во юрид. лит-ры. – 1959. – 896 с.
4. Кузнецов, М. Это тоже наша история. Национал-социализм глазами малолетнего узника. Исповедь о пережитом / М. Кузнецов. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. – 386 с.
5. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Мінска. У 4 кн. Кн. 4. – Мінск: БЕЛТА, 2005. – 912 с.: іл.
6. Тугай, В.В. «Фольксдойче» в Беларуси (1941–1944 гг.) / В.В. Тугай, С.М. Тугай // Славянскі свет: мінулае і сучаснае: мат-лы рэспуб. навук. канф., 26 сакавіка 2004 г. – Мінск: БДПУ, 2004. – Ч. 2. – С. 166–182.
7. Дзяржаўны архіў Гродненскай вобласці. – Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 58.
8. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: документы и материалы / под ред. и с предисл. П.А. Жилина. – Москва: Воениздат, 1987. – 302 с.
9. Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde: die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Wessrussland 1941 tis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg, 2000. – 1232 s.
10. Шахотько, Л.П. Рождаемость в Белоруссии (социально-экономические вопросы) / Л.П. Шахотько. – Минск: Наука и техника, 1975. – 168 с.
11. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей НАРБ). – Фонд 510. – Воп. 1. – Спр. 56.
12. НАРБ. – Фонд 1440. – Воп. 3. – Спр. 930.
13. НАРБ. – Фонд 1363. – Воп. 1. – Спр. 597.
14. НАРБ. – Фонд 1363. – Воп. 1. – Спр. 1335.
15. НАРБ. – Фонд 1363. – Воп. 1. – Спр. 2834.
16. Жылінскі, М.Г. Адукацыя на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (чэрвень 1941 – ліпень 1944 гг.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / М.Г. Жылінскі; Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск, 2002. – 21 с.

Хлынина Т.П.

ОККУПАЦИЯ СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЕЕ ОЧЕВИДЦЕВ[2]

Война в пространстве индивидуальной памяти. Великая Отечественная война остается одним из немногих мест национальной памяти современного российского общества, переосмысление которых вызывает его повышенно болезненную реакцию. И дело не только в масштабах ее трагических последствий и вызванных к жизни геополитических реалиях. Война все чаще оказывается тем последним стратегическим бастионом, за пределами которого теряется не только смысл и высокое предназначение построения социализма «в отдельно взятой стране»,

[2] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14–01–00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

но и всей советской истории в целом. Тем не менее, будучи пространством затяжных позиционных столкновений, история советского общества, а вместе с ней и некогда монолитный образ войны, постепенно приобретают новое профессиональное измерение. Измерение, связанное, прежде всего, с реабилитацией другой памяти – памяти о неоправданных потерях и депортациях, стратегических просчетах и сотрудничестве с противником, штрафбатах и советских лагерях. Эта память, длительное время остававшаяся на периферии массового сознания, в ситуации теоретико-методологического разнообразия и снижения доверия к традиционным для постижения прошлого источникам получила практически уникальный шанс на обретение своей полноправной жизни. Жизни, в пределах которой война наделяется личным смыслом, а гибель миллионов соотечественников не воспринимается отстраненной трагедией.

Между тем, обладая высокой эмоциональной значимостью для их носителей, личные воспоминания о событиях военного времени в своей публичной ипостаси лишь изредка выходят за границы их общепринятого образа. Скупость и типичность индивидуальных воспоминаний о пережитом или увиденном на войне объясняются специфическими особенностями все той же памяти. Намерение не забывать того, что некогда перевернуло всю жизнь и сказалось на последующей судьбе человека, собственно, и приводит к эффекту *«осторожной»* памяти, когда иная, плохо созвучная представлениям другого времени тотальность воспоминаний перемещается на периферию индивидуальной памяти, уступая место ее общепринятому восприятию. Под его негласным давлением очевидцы и свидетели многих трагических страниц военного времени зачастую встраивают в историю своей жизни сведения, эпизоды и даже целые события, почерпнутые из совершенно иных источников – рассказов других людей, романов, документальных и художественных фильмов. Этот феномен, получивший название *«забвения источника»*, нередко присутствует в воспоминаниях, которые, по оценке специалистов, *«не истиннее и не аутентичнее иных; одни только связанные с ними эмоции содержат, хранят в себе след исходного происшествия, а все прочие может быть чистой воды артефактом»* [3]. Между тем, несмотря на столь неоднозначную оценку содержательной составляющей индивидуальных воспоминаний о войне, они оказываются единственным показателем глубины испытанных человеком чувств и его отношения к происходившему.

Оккупация в воспоминаниях очевидцев. Если война остается болевой точкой исторической памяти российского общества, то нацистская оккупация советских территорий выступает ее мобилизационным синдромом. Будучи символом трагедии гражданского населения и зверств немецко-фашистских захватчиков, она оказывается тем нравственным камертоном, что не позволяет забыть страшных событий прошлого. Вместе с тем, пережив период историографической оттепели и выхода за пределы морализаторских оценок, изучение оккупации и неизбежно связанных с нею взаимоотношений с противником обретает несколько иную и менее цельную тональность. Причинами тому оказываются не только смена исследовательской оптики и реабилитация памяти различных групп населения, переживших оккупацию, но и осознание профессиональным сообществом такого, казалось бы, очевидного факта, что *«не только советские люди, но и оккупанты вели себя по-разному»* [5, с. 7]. При этом столкновение с очевидностью разнообразия жизни в оккупации обрекает исследователя на поиски новой оправдательной мотивации ее существования: *«Да, были такие немцы, которые помогали советским людям (в основном в мелочах, конечно), подкармливали детей, давали им шоколадки. Но это вовсе не значит, что я обеляю захватчиков. Я просто пишу ту часть правды, которую я узнал»* [5, с. 7]. Необходимость и востребованность *«незацементированными мозгами»* такого рода правды связывается по преимуществу с правом свободного человека самостоятельно размышлять о жизни, опираясь на живой опыт и свидетельства прошлого. Однако у этой реабилитируемой правды есть и еще одно, представляющееся более важным в профессиональном отношении предназначение. Она помогает понять механизмы и практики выживания человека в ситуации реальной близости противника и совладения с его ежедневным присутствием.

Следует отметить, что характер восприятия и последующей мемориализации особенностей оккупации определяются рядом факторов. Продолжительностью ее существования, близостью линии фронта, национальной и войсковой принадлежностью оккупантов, возрастом и положением очевидцев и участников событий тех лет, временем сбора их воспоминаний. В наиболее тяжелой ситуации, как правило, оказывались жители прифронтовых территорий; регионов, где немецкий порядок в силу длительности оккупации получал полноту своего разви-

тия; городах и населенных пунктах по нескольку раз переходивших из рук в руки противоборствующих сторон. Так, Ростов-на-Дону, считавшийся «воротами Кавказа» и ставший эпицентром кровопролитных боев на южном направлении продвижения войск противника, был оккупирован дважды: в ноябре 1941 г. и июле 1942 г. Первая оккупация города, оказавшаяся полной неожиданностью для его жителей, продлилась ровно неделю. В течение этого времени сохранялась угроза окружения города советскими войсками, а закрепившиеся на Зеленом острове в черте города подразделения 230-го полка конвойных войск НКВД вели боевые действия в одном из его районов [1, с. 177–178]. Совершенные ими успешные вылазки, а также спонтанный отпор, зачастую оказываемый врагу подростками, стали одной из причин карательных акций оккупантов, уничтоживших за время своего пребывания в городе около 1000 жителей. По воспоминаниям военного разведчика Э.П. Кольцова, в 1942 г. бывшего 10-летним подростком, мальчишеская шалость стоила жизни жильцам целого дома: *«Был такой парень Витька по прозвищу Ферзь. Он еще до оккупации где-то достал винтовку и хвастался этим. Было ему лет тринадцать, наверное. Вот он залез на чердак дома Богораза, а по Александровскому саду, теперешнему парку Черевичкина, в это время шел немец-офицер. Витька стрельнул – и попал. Мальчишка убил немецкого офицера и сам испугался, бросил винтовку на чердаке и сбежал. Куда он делся, никто не знает, никто его потом не видел. Немцы же начали выяснять, кто стрелял. Собрали всех жильцов того дома, что напротив пароходства, и всех – и женщин, и детей – расстреляли»* [4]. В составленном после первого освобождения Ростова-на-Дону акте о зверстве немецких оккупантов указывалось, что как только немецкие войска вошли в город они *«начали грабить издеваться над мирными жителями, особенно евреями»* [1, с. 180].

В памяти очевидцев, чьи воспоминания были собраны и опубликованы в 2000-х гг., оккупация города запомнилась отступавшими группами красноармейцев, многие из которых просили показать дорогу или помочь переодеться в гражданскую одежду: *«И вот один парень забежал к нам, а у нас второй этаж, маленький дом. “Дайте переодеться, переодеться бы!”. Отец у меня роста небольшого, но мы все равно его взяли себе. В общем, это я думала, что немцы не придут, а взрослые, наверно, предполагали, потому что мама сразу завела его в комнату и отцу сказала: “Дай твое белье”. И положила его, и красноармейскую одежду его выбросили»* [6]; грабежами самим населением магазинов и складов: *«Во время “смены властей” в городе началась грабиловка. Растаскивали все подряд. Народ добывал товар и продукт поразному»* [5, с. 52]; первыми впечатлениями от встречи с противником: *«Я вышла в город в первый же день появления на улицах немецких войск. Не скрою – мне хотелось увидеть немцев: какие они, как вооружены, как оснащена их армия <...> Военной техники немцев не пришлось увидеть. Удивили повозки с конной упряжкой – добротные деревянные фургоны на резиновых шипах, а лошади фантастической красоты, огромные, рыжие, с белой гривой и мохнатыми ногами. Подумалось с завистью: нам бы такое. Обмундирование солдат и офицеров подогнано по размеру и росту и удивляло опрятностью – будто и в боях не были»* [2].

Во многом будничная тональность, прерывающаяся эмоционально окрашенными рассказами о потерях родных и близких, пережитых бытовых тяготах в период первой оккупации, в воспоминаниях о второй оккупации города становится оценочно более выраженной. Немецкий порядок, продержавшийся немногим больше полугода и ознаменовавшийся массовым расстрелом еврейского населения, символом которого стала Змиевская балка, вызывал в памяти сюжеты, связанные с поведением горожан, их борьбой за выживание, восприятием немцев и их союзников: *«Новая власть стала наводить “новый порядок”. Появились сразу первые полицейские русского происхождения. Как-то так получилось: одни отстаивают Родину, другие охраняют оккупантов»* [5, с. 145]. *«Немцы вели себя по-разному. Среди них ведь тоже всякие попадались. Иногда шоколадки детям давали, а то – пинка. Особенно мы боялись румын»* [5, с. 152]. *«На нашей улице жестоких случаев не было. Немцев принимали за кусок хлеба – каждый хотел выжить. Жили тяжело. Спичек не было. Добывали огонь как дикари, били камень о камень»* [5, с. 154]. *«Люди во дворе жили по-разному. Мы слышали, что в больших домах, где было много интеллигенции, евреев выдавали. Наши же дворовые не выдавали никого»* [5, с. 163]. Все чаще вспоминаются канун освобождения города, сопровождавшийся *«страшной бомбежкой нашей авиацией»*, угон в Германию и горькое возвращение из *«фашистского плена»*, наказание за *«работу при немцах»*: *«Только война закончилась, пришли забирать мою сестру. Постучали ночью: ту-тук-тук. Забрали за то, что она при немцах работала посудо-*

мойкой в ресторане. Говорят: ты – комсомолка, ты должна была идти к партизанам, совершать диверсии. Просидела она пять лет» [5, с. 180]. *«Позже, после окончания войны, стали в Ростов возвращаться те, кто был угнан в Германию … Что они там делали, никто не знал. Но общественное мнение было таким: официальные власти всячески унижали этих людей, как будто они сами, по своей воле туда уехали. Их нигде не брали на работу»* [5, с. 180]. Историческая память об оккупации советских территорий образца 2000-х гг. несет на себе отпечаток тех изменений, которые неизбежно переживают наука о прошлом. Всплывающие в памяти очевидцев того времени воспоминания зачастую оказываются ответной реакцией на происходящее переосмысление некогда привычного образа войны. Вместе с тем, нетипичные воспоминания о событиях военного времени ставят перед исследователем довольно сложную проблему примирения новой памяти с новым знанием, которое все еще формируется в порядке «от Победы к ее истокам».

Литература

1. Афанасенко, В.И. 56-я армия в боях за Ростов. Первая победа Красной армии. Октябрь – декабрь 1941 / В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко. – Москва: Центрполиграф, 2013. – 318 с.
2. Бакулина, Н.В. Пасмурные дни (1933–1953) / Н.В. Бакулина // Донской временник (альманах) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883. – Дата доступа: 21.01.2014.
3. Вельцер, Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы / Х. Вельцер // Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. – 2005. – № 2–3 (40–41). – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/. – Дата доступа: 21.01.2014.
4. Сапунова, В. Жизнь в оккупации / В. Сапунова // ProPostov Ежемесячный информационный журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.info-prav centr.com/index.php/prorostovpunkt/53-pro7/539-2011-02-09-09-28-31. – Дата доступа: 23.01.2014.
5. Смирнов, В.В. Ростов под тенью свастики / В.В. Смирнов. – Ростов-на-Дону, 2006. – 192 с.
6. Тихомирова Валерия Александровна, 1925 г.р., записаны Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлыниной 22 октября 2012 г. в Ростове-на-Дону // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Кирдякин С.Ю., Шамкин Д.В.

МИРНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОМЕЛЬЩИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНОЙ ИСТОРИИ)

Великая Отечественная война не должна быть забыта не только для того, чтобы современная молодёжь стремилась сохранять мир, но, и понимала, что человек способен на многое в трудные периоды жизни, и никогда не теряла веру в себя. История войны пишется непросто, и чем дальше уходит время, тем спокойнее воспринимаются её жестокие события. Но задача историков, преподавателей и учителей добиваться, чтобы учащиеся, узнавая о трудностях четырёх лет Великой Отечественной войны, никогда не переставали волноваться.

Исследования учёных, хронико-документальные издания, учебники, энциклопедии рассказывают о подвигах, о потерях и победах. Записаны сотни рассказов ветеранов, в том числе и женщин-фронтовичек. Однако не так много известно о «повседневном», «домашнем» героизме населения, проживавшего на оккупированной территории и в советском тылу. Обращение к воспоминаниям людей, переживших тяготы войны, остаётся актуальным и необходимым. Источниками для написания статьи послужили воспоминания гомельчан, проживавших в годы Великой Отечественной войны в различных районах Гомельской области: Ахремчук Анна Герасимовна (1925 г.р., д. Первомайск Речицкого района); Бондаренко Мария Макаровна (1936 г.р., д. Первомайск Речицкого района); Рылушкина Нина Ивановна (1933 г.р., д. Кунтаровка Ветковского района); Шевцова Анастасия Егоровна (1933 г.р., д. Новосёлки Ветковского района); Шустов Иван Иванович (1932 г.р., д. Крупец Добрушского района). Воспоминания собранны авторами летом – осенью 2013 г.

Несмотря на то, что более 70 лет прошло с драматических событий начала войны, и многие очевидцы, были подростками и детьми, они хорошо помнят те огненные годы. Как утверждал Алесь Адамович, сила памяти эмоционально переживаемых событий такова, что не существует дистанции времени. «На войне детей не бывает». Кажется противоестественным сближение самих этих понятий. Дети периода войны должны были расстаться с детством – в обычном, мирном смысле этого слова [1, с. 309].

Представленные воспоминания носят отрывочный характер, в них отражаются самые яркие детские впечатления военных лет. Как писала С. Алексиевич, в таких рассказах мало соб-

ственно военного и специального материала, но в них избыток материала человеческого, который приближал победу советского народа над фашизмом [2, с. 63].

Начало Великой Отечественной войны для многих советских граждан, особенно сельских, было неожиданным, узнавали о нём по-разному. Например, как вспоминает М.М. Бондаренко, «когда началась война 22 июня 1941 г. племянник отца, коммунист, работавший секретарём сельсовета в д. Комсомольск Речицкого района, сообщил о начале войны. Наша мама взяла нас, четырёх детей, и мы пошли в деревню Толстыки за р. Березину (в 15 км от нашей деревни), где жили её родители, «прятаться от войны», а там тоже война, и мы сразу вернулись домой». А.Е. Шевцова рассказывает, что «отца забрали на фронт на следующий день после начала войны, и через месяц он погиб под Рогачёвом. У мамы на руках осталось пятеро детей, самой младшей – Зине – 23 июня исполнился только год. Проходившие через деревню в конце июля 1941 г. немцы относились к мирному населению спокойно, забирали только скот, птицу и продукты питания». Н.И. Рылушкина добавляет, что «проходивших немцев было так много, что трудно было перебежать через улицу». Летом-осенью 1941 г., по воспоминаниям И.И. Шустова, «через Крупец ехали в сторону России немцы на лошадях с телегами, на которых везли продукты питания и оружие. Жителей деревни, наблюдавших за ними, немцы не трогали».

В период оккупации немецкие гарнизоны размещались не во всех сельских населённых пунктах: многое зависело от месторасположения, количества дворов в деревне и наличия в них хозяйственных объектов. Например, в деревне Новосёлки, вспоминает А.Е. Шевцова, стоял гарнизон. «Его солдаты размещались в двухэтажных кирпичных зданиях спиртзавода и конезавода. Среди солдат были немцы и выходцы из Западной Украины, которые были более жестокие. В деревню приезжали и каратели. Были всякие гитлеровцы. Наша семья проживала в небольшой хатке. Я и сестра Маня спали на лавке у окна и нередко мы просыпались в страхе от того, что немец постучит в окно, наставит на нас автомат и смеётся. Однажды гитлеровец дал маленькой Зине шоколадку, а затем приставил пистолет к головке, от чего она замерла от страха. Были среди немцев и молодые парни, которые приходили в хаты, где деревенские девушки и парни собирались вечером послушать музыку и потанцевать. В годы оккупации жители деревни болели тифом и малярией. В нашей семье все болели малярией, сопровождавшейся сильной лихорадкой. Лекарств не было. Лечились травами, а также тем, что в бочку наливали горячей воды и сидели в ней пока вода не остынет. Среди молодых людей деревни были такие, кто добровольно соглашался ехать в Германию. Старшую сестру Анну (1925 г.р.) тоже хотели отправить в Германию. Староста (бывший раскулаченный) приходил к маме и угрожал рассказать гитлеровцам о том, что наша семья скрывает старшую дочь (её переодевали старушкой), однако, он так и не выполнил своей угрозы, и Ане удалось избежать отправки в Германию».

М.М. Бондаренко рассказывает, что в их деревне, окружённой лесами, немцы не проживали, а располагались они недалеко в д. Узнож, и жители деревни продолжали свою обычную жизнь. «Когда началась война, наш отец не был призван в армию по возрасту, кроме того, он работал в леспромхозе в д. Озерщина и имел бронь. В июле 1942 г. у меня родилась сестра Тамара. Помню, как она училась ходить, когда мы уже прятались от немцев в лесу. У нас же было много партизан. Жили они в лесу, но часто по ночам приходили в деревню и забирали у людей вещи и продукты. Иногда продавали или обменивали эти вещи на продукты у других жителей деревни (потом люди выкупали свои вещи друг у друга). Весной 1943 г. за помощь партизанам немцы проводили карательные операции. Часть населения деревни убежала в сторону Березины, построили там шалаши и жили в лесу. Остальные жители бежали в сторону Узножа, где попали в облаву и были целыми семьями отправлены в Германию (после войны все они вернулись в деревню)». А.Г. Ахремчук добавляет, что когда они прятались в лесу «к ним приблудился немец. Видно дезертировал или отстал. По-русски он ничего не понимал, но всё время жестами показывал, что не хочет убивать. Но наши люди боялись, что он укажет место, где мы прячемся и мужики утопили его в Березине».

В воспоминаниях отмечается, что во всех деревнях были полицаи, и многие из них были такими же жестокими, как и фашисты. В д. Крупец, по словам И.И. Шустова, полицаи «гоняли местных жителей больше, чем немцы, грабили население, избивали людей, если они утаивали продукты и всё нужное для немцев». О жестокости полицаев говорит и М.М. Бондаренко: «В нашей деревне был староста Шкурат, который гонял людей на работы (чистить дорогу и др.). Он выдал Бондаренко Захара Филипповича, который был оставлен на подпольную работу

и держал связь с партизанами. Когда его связь с партизанами была раскрыта, ему приказали уйти в лес вместе с населением, расчищавшим дорогу от снега (зима 1942 г.). Шкурат вместе с двумя полицаями вывели З.Ф. Бондаренко из толпы, увезли в Шатилки и там его расстреляли. Позже партизаны повесили старосту ночью у него на огороде». По словам Н.И. Рылушкиной, «местные полицаи знали, что её отец был на фронте и, попав в 1941 г. под Орлом в плен, смог бежать и вернулся домой, но не выдали его немцам. Однако, когда полицаям стало известно, что жители д. Кунтаровка укрывают евреев, они донесли об этом немцам. Но их удалось спасти, переправив в другую деревню через болота, окружавшие деревню».

Особую жестокость и зверства, как отмечается во всех воспоминаниях, фашисты проявляли осенью 1943 г. При отступлении они сожгли деревни, и многие мирные жители, которые не успели убежать в лес, погибли. Например, А.Е. Шевцова и Н.И. Рылушкина отмечают, что «деревни Новосёлки и Кунтаровка Ветковского района гитлеровцы подожгли, жителей согнали и вели перед собой, прикрываясь ими от наступавших советских войск до посёлка Уваровичи. Кунтаровских пригнали на крахмальный завод, держали за колючей проволокой и готовили к отправке в Германию. Стариков, женщин и детей деревни Новосёлки загнали в болото и готовились расстрелять». Своевременная помощь партизан и подпольщиков предотвратила расстрел и отправку населения в Германию. Шустов И.И. рассказывает: «Когда немцы начали отступать, люди из Крупца и ближайших деревень ушли на карьеры (где ранее добывали торф, и болото заросло кустами). Прятались там, около месяца, пока прошли немцы. Вернулись в сожжённую деревню».

26 ноября был освобождён первый областной центр БССР город Гомель. Однако ожесточённая борьба за освобождение территории Гомельщины от немецко-фашистских захватчиков продолжалась. Долгое время люди боялись возвращаться в родные деревни. Как вспоминает М.М. Бондаренко, «когда нашу деревню освободили, и мы уже спокойно ходили по ней, вдруг услышали стрельбу. Некоторые выскочили из своих жилищ, побежали к лесу и попали под обстрел. Убили 4 человека, ранили мальчика и девушку. Оказалось при отступлении один немецкий танк отстал, прятался в лесу, а потом решил догонять своих. Ехал через нашу деревню и стрелял постоянно. Наши войска были ещё за 5–7 км от деревни». Н.И. Рылушкина отмечает, что немцы, отступая, оставили «опасные подарки». Жители, а чаще всего дети, находили куски мыла, ручки, которые были начинены взрывчатыми веществами.

После освобождения, остававшиеся в период оккупации мужчины, были призваны в действующую армию. Восстановление деревень легло на плечи стариков, женщин, детей и происходило в тяжёлых условиях голода, отсутствия нормальных бытовых условий для жизни. Однако люди старались помочь и поддержать друг друга. Например, в д. Кунтаровка, как рассказывает Н.И. Рылушкина, уцелело 6 домов, в которые и заселились жители большой ранее 220 дворов) деревни. В одном доме проживало по 30–40 человек». В деревне Новосёлки, по словам А.Е. Шевцовой, остались только три здания: спиртзавода, конезавода и школы. Все жилые дома были сожжены или разрушены. «От нашего дома осталась только крыша, под ней мы и жили всю зиму. Зима была тёплой. Мы собирали картошку, которую не успели убрать, ею и питались. На следующий год мы собрали брёвна и отстроили небольшую хатку».

О трудностях первых месяцев мирной жизни рассказывает М.М. Бондаренко: «Когда немцы отступили, мы вернулись из леса на пепелище. Построили себе «курени», некоторые выкопали землянки. Весной 1944 г. посеяли огород. Огороды вспахивали на себе. Впряжёмся по 8–9 человек в плуг и вспахиваем «несколько семей одному, потом другому». Коров жалели, те, на которых пахали, мало молока потом давали. Мы когда от немцев прятались, корову с собой в лес увели и сохранили её. Она была нашей кормилицей. Голодно было. Ходили за луговым луком, щавелем к реке Березине за 10 километров. Из гнилого картофеля пекли блины. Старшая сестра Анна (1926 г.р.) работала на лесозаготовках, получала паёк. Брат Павел собирал металл, который остался от стрельбы, и делал ложки, миски, которые менял у людей на продукты и одежду (кто, что даст). Недалеко от деревни работали на лесозаготовках много пленных немцев. Очень они боялись мороза. Закутают портянками голову, такими я их и запомнила».

Война живёт в душе переживших её людей воспоминаниями, которые они никогда не смогут забыть. Долг современного поколения дополнить летопись войны рассказами обычных людей, выживших в трудные годы Великой Отечественной войны, чтобы они не исчезли бесследно.

Литература

1. Линд, Е. Современники / Е. Линд // Дети военной поры / сост. Э. Максимов. – Москва: Политиздат, 1988. – С. 309–312.
2. Алексиевич, С. У войны не женское лицо / С. Алексиевич. – Минск: Мастацкая літаратура, 1985. – 317 с.

Латышева В.А.

СУДЬБЫ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

События Второй мировой войны вызвали появление относительно широкого круга работ отечественных психиатров, неврологов, военных врачей посвящённых психическому состоянию военнослужащих в условиях военной жизни. Уже в 1943 году вышла публикация известного исследователя и практикующего врача В.П. Осипова, посвящённая проблеме психических расстройств среди красноармейцев [5]. Особое внимание профессиональной послевоенной аудитории привлекла деятельность психоневрологического госпиталя 3466 на протяжении военного времени [6]. В 1946 году доктор И.Ф. Случевский обратил внимание на те особенности, которые приобретают психические заболевания и расстройства в условиях войны [10]. Тема, поднятая им, была продолжена коллегой И.Ф. Случевского, доктором С.Н. Давиденковым [3].

По ряду причин на протяжении значительного количества лет в работах отечественных историков, посвящённых Великой Отечественной войне, проблема психического состояния красноармейцев не освещалась. Однако источники указывают на то, что процент таких заболеваний был довольно высоким. Подтверждением этой уверенности может являться принятие ряда соответствующих решений советской власти начиная с 1944 года.

Известно, что, несмотря на тяжёлые социально-экономические условия, уже в октябре 1944 вышло постановление № 701 Совета народных комиссаров Белорусской ССР «Об утверждении решения № 44 Исполкома Минского Областного Совета депутатов трудящихся от 8 августа 1944 года» [1, л. 81]. Его целью была реконструкция системы психиатрической помощи на базе действующей в довоенное время трудовой колонии в Новинках, в пригороде Минска. Большинство из пациентов-мужчин здесь были бывшие красноармейцы. О факте необходимости расширения границ и форм такой помощи свидетельствуют и годовые отчеты психиатрических больниц Наркомздрава СССР за 1944 год. В них было отмечено значительное увеличение числа «больных из демобилизованных инвалидов Отечественной войны в связи с психическими заболеваниями у них, а также у военнослужащих» [2, л. 57].

Сегодня справедливо востребованными являются работы, отражающие различные стороны проблемы человека на войне. Оправданным видится обращение и к теме психического состояния красноармейцев, а тем более тех из них, кто, попав в немецкий плен, оказался в нечеловеческих условиях. Судьбы последних оказались незаслуженно забытыми. Частично сведения о них сохранились в материалах советских подпольных и партизанских организаций, собиравших информацию о положении на оккупированной территории, оккупационной и советской подпольной прессе, опубликованных и неопубликованных воспоминания очевидцев, дневниковых записях военных лет, докладах немецкого командования и местной оккупационной администрации, в материалах судебных процессов над нацистскими преступниками, отчётах Наркомздрава СССР и БССР. В первую очередь перечисленные источники позволяют исследователю обратиться к условиям содержания военнопленных из числа красноармейцев в плену на оккупированной территории Беларуси, обстановке, вызывающей расстройства их психики, характеру истребления этой наиболее уязвимой социальной группы, к чему и будет привлечено внимание в рамках предлагаемого материала.

Уже в первые месяцы войны десятки тысяч красноармейцев попали в немецкий плен и были отправлены в специальные лагеря. Однако непредвиденное для самих немцев увеличение количества пленных из числа красноармейцев побуждало оккупантов создавать лагеря наспех, заботясь лишь о необходимом, с их точки зрения, режиме. Положение в лагерях для военнопленных было нестерпимо тяжёлым и беспросветным. Ещё 10 июля 1941 года министериальный советник Дорш докладывал рейхслейтеру Розенбергу: «Военнопленные, проблема питания которых едва ли разрешима, живут по 6-8 дней без пищи. Их состояние – это животная апатия» [9, с. 19]. Скудное питание из продуктовых отбросов, проживание под открытым небом, непосильная работа, постоянные издевательства и избиения оставляли кровавый след.

С 15 по 29 января 1946 года в Минске состоялся судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР. На одном из заседаний свидетель П. М. Богдан, характеризуя бобруйский лагерь № 131, дал однозначную оценку созданному там режиму: «Его не могло выдержать ни одно животное» [11, с. 362]. Лагерь воз-

главлял капитан немецкой армии Лангут. На лагерной территории он отвёл площадку для 12 тыс. людей. Там ночью военнопленные были вынуждены находиться почти по колено в воде. В это время, к их несчастию, часто шли дожди. Спастись от таких условий они могли только днем, когда были заняты на тяжёлой работе.

В декабре 1941 года из Барановичского лагеря в Бобруйск пришло 17 вагонов с пленными, которых насчитывалось более одной тысячью человек. Они не ели 7 дней, ехали на открытых платформах. Почти половину из них привезли мертвыми, остальные были похожи на тени. По приказу Лангута эти вагоны загнали в тупик, и двое суток держал там живых людей вперемешку с умершими. После отправки вагонов на месте, где они стояли, оказалось целое кладбище.

Кандидат медицинских наук Л.А. Анатасян проработал 20 месяцев в лагерных лазаретах в Юхнове, Рославле, Кричеве и Бобруйске. В своём дневнике он отмечал: «Так называемая пища состояла из ½ литра отвратительной мучной похлебки с отрубями, без соли, выдавалась один раз в день. Хлеб в количестве 200 граммов – один раз в 2-3 дня. Воды не давали вовсе. Пленные помещались в неприспособленных для жилья и неотапливаемых бараках. В каждом из них находилось до 2000 человек. Теснота была настолько неимоверной, что люди могли поместиться там только стоя. Не только лечь, но даже сесть на загаженный земляной пол не представлялось возможным без риска быть задушенным» [4, л. 11–12].

В таких условиях не случайными были факты умственного помешательства. Всё тот же Л.А. Анатасян писал: „Не удивительно, если кто-либо из военнопленных, доведённый голодом, холодом и физическим утомлением до психоза, действительно вырезал у трупа кусок мяса. Невозможного ничего в этом нет. Позднее, в Бобруйске я узнал, что и здесь в первой ½ ноября 1941 года были обвинены в людоедстве двое пленных красноармейцев. Один из них был узбек, а другой русский. В сумке у них нашли кусок печени, якобы человеческой. Оба обвиняемых находились в лазарете. Расстрел их был произведён в присутствии всего медицинского состава лазарета» [4, л. 10].

В условиях обречённости на непосильный труд и невыносимое содержание многие доходили до состояния отчаяния и кончали жизнь самоубийством, либо провоцировали расстрел, как наиболее «приемлемое» и верное средство избавления от невыносимых мучений. Некоторые из больных бросались на проволоку, чтобы покончить с жизнью. Часто обезумевшие люди имитировали атаку, кричали «ура!». Их больное сознание подсказывало, что таким образом они смогут уйти из лагеря. И оно их не обманывало: душевнобольных тут же пристреливали конвоиры. В упомянутом выше лагерь № 131 (г. Бобруйск) суициды очень быстро приобрели массовый характер. Изболевшиеся и изголодавшиеся пленные не выдерживали этого ада и по 2–3 человека заходили в запретную зону в надежде быть расстрелянными [11, с. 20].

Лагеря были не единственным местом, где от нечеловеческих условий красноармейцы сходили с ума. В мае 1942 года в Белынечском районе Могилёвской области немецкими солдатами был задержан некий капитан Б. На момент задержания ему было 28 лет. Б. поместили в местную тюрьму и жестоко избивали. Постоянно подвергаемый побоям боец-десантник, по словам очевидцев «был доведён до психического расстройства». Больной не получал никакой помощи. Его вообще оставили без всякого внимания. Вспомнили о нём только в ноябре 1943 года, когда проводили специальные операции по зачистке мест преступления – уничтожению мест массового захоронения жителей района. Для этой цели и были использованы заключённые упомянутой тюрьмы. После выполнения ими такой работы, они, в том числе и душевнобольной капитан, были помещены в «душегубку». Через сорок минут её работы их обезображенные тела были сожжены [9, с. 147–148].

Как показывала практика, даже покинув лагерь, военнопленные не переставали быть заложниками тех ужасов, которые им пришлось испытать. П. Ф. С. бежал из плена и добрался до г. Полоцка. Там он стал активным участником антифашистской подпольной организации, которая действовала на станции Громы с осени 1941 года. Однако весной 1942 года организация была раскрыта. В апреле этого года почти все её участники были схвачены. Психика П. Ф. С. не выдержала. Помня ужасы лагерного существования, не вынеся пыток, он покончил с собой в камере полоцкой тюрьмы [8, с. 2].

В места принудительного содержания попадали и пленные с уже имеющимися расстройствами психики. Эта категория больных была обречена на более скорую смерть. На помощь немецких врачей им рассчитывать не приходилось. Администрация отказывала им в какой бы

то ни было медицинской помощи. Нацистов интересовало «лишь здоровое в расовом и физическом отношении» население. Если содержание больных было невыгодно с этой точки зрения, оно подлежало ликвидации.

«Элегантное» решение проблемы душевнобольных и инвалидов из числа военнопленный нашли в апреле 1942 немецкие врачи из Шталага 352 (Масюковщина, Минск). «Ампутированных, слепых на оба глаза, парализованных, с ранением мозга, психически больных, туберкулезных в последней стадии болезни, истощенных и с неизлечимыми хроническими заболеваниями» было решено отправить в специальный лагерь в Глубокое. Предварительно душевнобольных надлежало «основательно проверять, во избежание симуляции» [4, л. 30–31]. Врачи надеялись, что таким образом им удастся избавиться от «проблемы» содержания больных людей, когда они все вымрут, например от туберкулеза. Действительно, такой лагерь был создан и функционировал рядом с м. Глубокое Витебской области. Им оказался впоследствии печально известный лагерь «Березвечье».

Условия пребывания в этом лагере можно оценить по воспоминаниям В. К. [7, с. 197]. У него не было правой руки, что обусловило ему возможность после ряда усилий выбраться из лагеря в Салалспилсе и попасть в «заветное» место. Позже мужчина вспоминал, что когда их привезли в Березвечье, то оказалось, что и там были те же условия, обрекавшие пленных на голодную смерть. Лагерь находился на территории бывшего монастыря, в комплекс которого входили монастырские постройки, кельи, школа для монахов и конюшни. Последние были оборудованы двухъярусными нарами и отданы под помещения для военнопленных.

Самым большим плюсом Березвечья была возможность для военнопленных посещать баню и получать по 100 граммов хлеба утром и в обед. Если первое преимущество давало возможность избавиться от многочисленных вшей, то второе никак не спасало от неминуемой смерти.

Пополнение лагеря военнопленными-инвалидами происходило приблизительно один раз в месяц. Это вызывало резкое переполнение конюшен. Однако тесное соседство длилось две-три ночи. Смерть быстро уносила жизни ослабленных голодом инвалидов. Оставшиеся доходили до крайней меры отчаяния. Они вместе с собой на ночь клали ослабевших товарищей, ожидая их скорого ухода из жизни. Цель такого близкого «соседства» была одна – снять с трупов одежду и каким-то образом обменять её на еду. Проделав такую «операцию», обезумевшие люди начинали думать о новой «охоте».

Созданные в лагере условия преследовали лишь одну цель – умерщвление наиболее дешёвым способом. И это достигалось путём отказа больным в необходимом медицинском обслуживании, организации скудного и отвратительного по рациону двухразового питания и прочим. Всё эти черты были характерными практически для любого из созданных нацистами мест содержания военнопленных. Но именно в Березвечье планировалась массовая отправка туберкулёзных красноармейцев. Посредствам их нахождения в лагере открывалась возможность ускорения и увеличения масштабов случаев смертности людей, как с физическими, так и психическими ограниченными возможностями.

Сегодня трудно говорить о количестве подобных жертв из числа советских военнопленных, которые размещались на оккупированной территории Беларуси. Несомненным остаётся возрастание объёма наших знаний о подобных случаях. Изложенные выше факты позволяют говорить о прямом уничтожении рассматриваемой целевой группы. Кроме того, представленный материал позволяет обратить внимание на факты их косвенного уничтожения – отсутствие и не оказание так необходимой для них медицинской и другой помощи.

Возможности реконструкции жизни и судеб душевнобольных красноармейцев из среды пленных во время войны заключаются в обилии однотипных примеров для их обобщения. Проблема требует своего дальнейшего рассмотрения. В научной актуализации, выявлении социальной значимости нуждается ряд вопросы, которые поднимает данная тема. Выполнение подобного рода задач требует привлечения и более широкого круга источников, что считаем вполне выполнимой задачей.

Литература

1. Государственный архив Минской области. – Фонд 2. – Оп. 2. – Д. 4.
2. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 8009. – Оп.5. – Д. 242.
3. Давиденков, С.Н. Нервные болезни (особенности возникновения, течения, предупреждения и лечения во время войны) / С.Н. Давиденков // Опыт советской медицины в Великой Отечественной воне 1941–1945 гг. – Москва, 1949. – Т. 26. – С. 1–38.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 750. – Оп. 1. – Д. 135.

5. Осипов, В.П. Основы распознавания психозов и психотических состояний в практике военного врача / В.П. Осипов. – Ташкент, 1943. – 24 с.
6. Павловский, И.С. Анализ психиатрического материала фронтового психоневрологического госпиталя 3466 за период Великой Отечественной войны / И.С. Павловский // Психиатрия и невропатология в Великой Отечественной войне. – Москва, 1945. – С. 106–119.
7. Памяць. Гіст.-дакум. хроніка Глыбоцкага раёна / гал. рэд. Б.І. Сачанка [і інш.]; маст. А.М. Хількевіч. – Мінск: БелЭн., 1995. – 454 с.
8. Патриоты Полотчины // Знамя юности. – 1967. – № 237. – С. 2.
9. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии: 1941–1944 гг. – Минск: Госиздат, 1965. – 464 с.
10. Случевский, И.Ф. О некоторых наблюдениях над течением душевных заболеваний во время Отечественной войны / И.Ф. Случевский // Проблемы психиатрии и невропатологии. – Уфа, 1946. – Вып. 6. – С.18–40.
11. Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР и Нюрнбергский процесс. – Ленинград: 4-я типография, 1946. – 471 с.

Данильчук В.Р.

ВЫВОЗ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОВЕНСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ГЕРМАНИЮ

Население Украины в период Второй мировой войны пережило жесткий оккупационный режим, составляющей которого был вывоз и эксплуатация человеческих ресурсов в пользу Третьего рейха. Вывоз населения Ровенской области, которая в то время была составительной рейхскомиссариата «Украина» с центром в г. Ровно, на работы в Германию, начался в конце лета – осенью 1941 г. и продолжался до марта 1944 г. [16, с. 9].

Вербовка рабочей силы была одной из первоочередных задач агитационно-пропагандистской деятельности немецкой администрации. Важным средством воздействия на сознание ровенчан стала легальная украиноязычная пресса с помощью которой реализировали идеологическое воздействие на читательскую аудиторию для формирования выгодных для оккупантов представлений о работе в Германии. С этой целью тематические публикации появлялись на страницах «Волыни», «Костопольский вестей», «Голоса Сарненщины» и других местных изданий [2; 20; 22].

Не менее важным инструментом воздействия на массовое сознание стало распространение среди населения мелкой печатной продукции (листовок, объявлений, иллюстрированных брошюр) и наглядности (фотоснимков, крупноформатных черно-белых и цветных плакатов), жанровое разнообразие и количественно-качественные параметры которых свидетельствуют о значительных финансовых расходах, вложенных немцами в их разработку. К тому же, практиковали имитации торжественных проводов «добровольцев» и специально подготовленные рассказы псевдоостарбайтеров, которые якобы приезжали в отпуск [19; 21; 26]. Тоесть, посредством формирования предусмотренных образов, немецкие власти осуществляли планомерное психоэмоциональное воздействие на население, но результативность указанных акций была недостаточной в связи с недоверием населения, обусловленным горьким опытом родных и близких, находившихся в Третьем рейхе, что в корне противоречило представленным информационным материалам [23].

Усведомление немецкой властью неэффективности агитационно-пропагандистских форм вербовки в регионе, повлекло за собой апробацию с 1942 г. принудительных методов привлечения к труду, которые с весны стали доминирующими. Реализация насильственной концепции обеспечения экономики Германии рабочей силой происходила путем рассылки повесток с угрозами, проведения массовых облав, индивидуальных захватов. При этом, каждому населенному пункту назначали определенное количество жителей, необходимых для отправки в Германию, независимо от желания, семейного и имущественного положения. Формой наказания за отказ ехать на работу стало даже сожжение сел: в марте 1942 г. было сожжено с. Ремель Ровенского района, позже – села Дубровск Заречненского, Старое Рокитновского, Грани Дубровицкого района и другие [5, л. 21; 27, л. 31; 17, с. 52–53].

Мощная вербовочная кампания с четкой системой принудительных мер позволила оккупационной власти вывезти из Ровенской области, на принудительные работы в Германию и Австрию, не менее 28783 человек, из которых 54 % были вывезены в 1942 г. В период разгара принудительного вывоза (апрель–июнь 1942 г.), прослежены случаи добровольного выезда в связи с неудовлетворительным экономическим положением жителей края, боязнью разного рода преследований, влиянием агитационно-пропагандистской кампании. Распространенной

была «вынужденная добровольность» выезда. В целом, с Ровенщины на протяжении 1941–1944 гг. на работу в рейх в добровольном порядке выехали примерно 1 % от общего количества вывезенных из области жителей [10–14; 17, с. 48–67].

В 1943 г. соотношение от общего числа вывезенных из региона составило 21 %. Наибольшая активность принудительных акций имела место в апреле–мае 1943 г., после этого наблюдалось некое снижение интенсивности угона, а в конце года – его активизация. В январе–марте 1944 г. вывоз жителей Ровенщины немцы реализовывали в форме так называемой «эвакуации». По нашим подсчетам, таким образом было вывезено примерно 7,8 % от общего количества вывезенных из края людей. Точку в проведении последующих акций поставило наступление Красной армии [10–14; 17, с. 48–67].

Насилие оккупантов повлекло за собой противодействие местного населения в форме побегов, инфицирования разными болезнями, подкупа ответственных за вывоз лиц, заключения фиктивных браков, изменения года рождения. Отдельные жители шли служить в полицию или в другие действующие в регионе немецкие учреждения, поскольку на начальном этапе вербовочной кампании указанные категории людей немцы не рассматривали как объект вывоза. Однако под давлением неудач и потерь на фронтах, ситуация менялась и названные меры становились бесполезными.

Ощутимым было и сопротивление иностранному порабощению членов националистических, повстанческих и партизанских организаций в форме устной антинемецкой агитации, распространения тематических листовок, организации диверсий и вооруженных нападений на эшелоны, которые вывозили людей. В частности, известно о том, что осенью 1942 г. оуновской групой было устроено вооруженное нападение на немцев и полицаев, которые конвоировали людей к железнодорожной станции Клевань с целью вывезти на работу в Германию. Вследствие совершенной акции пойманные для каторжных работ люди (40 человек) разбежались [25, с. 189; 17, с. 62–66]. Все выше указанные действия значительно усложнили реализацию немецких планов вывоза в регионе, однако полностью защитить жителей они не смогли.

Статистическая обработка материалов фильтрационных дел Государственного архива Ровенской области засвидетельствовала некоторые социально-демографические параметры вывезеных из региона остарбайтеров. 65 % вывезенных составляли мужчины и 35 % женщины, многочисленной была группа остарбайтеров 1921–1925 гг. рождения, которая составляла 45,1 % от общего количества вывезенных из области человек. Численность малообразованных или необразованных составляла примерно 30 %. Среднее техническое или высшее образование имели 1,7 % вывезенных ровенчан, а среднее (иногда неполное) – 7,6 %. По национальным признакам 94,2 % вывезенных из Ровенщины были украинцами, 2,9 % поляками, 1,1 % русскими, остальные (1,8 %) чехами, белорусами, евреями. Большинство были сельскими жителями. Наибольшее количество людей вывезли из Дубенского, Вербского и Березновского районов области. На наш взгляд, причинами следует считать демографическую ситуацию в населенных пунктах – разную численность и возрастные категории населения, географические факторы, специфику деятельности сил сопротивления и т.п. [17, с. 67–68, 103–104].

Политика Германии в отношении остарбайтеров, среди которых были выходцы из Ровенщины, носила дискриминационный характер, и в частности предусматривала: закрытые лагеря содержания с охраной, специальные опознавательные знаки, номера, регламентацию рабочего дня, низкую оплату труда, минимизированный рацион питания, специальное налогообложение, систематические наказания, строгий запрет межличностных отношений между остарбайтерами и немцами, невозможность удовлетворения духовных и культурных потребностей и др. [4, с. 232–242; 24, с. 95–107; 28, л. 22–24].

Адаптация остарбайтеров из Ровенщины в чужеродном социуме зависела от рода деятельности, условий труда и проживания. Осложняли этот процесс неграмотность и языковой барьер. Часто надзирателей или хозяев раздражало непонимание или искажение рабочими их указаний, и они прибегали к «объяснению» путем избиения или отправки в штрафные лагеря. Сложности пребывания остарбайтеров в Германии были обусловлены прежде всего их статусом бесплатной рабочей силы, о ценности жизни которой не было и речи. Главным их предназначением был покорный труд при любых обстоятельствах и условиях для развития немецкой экономики и победы армии [16, с. 11–12].

Из общего количества вывезенных на принудительные работы жителей Ровенской области примерно одинаковое количество людей работало в сельском хозяйстве (37 %) и промыш-

ленности (36,9 %) Австрии и Германии. Незначительное количество женщин из региона было привлечено к работе домашней прислуги. Вывезенных в большинстве случаев использовали на тяжелых, трудоемких работах, тоесть как вспомогательную рабочую силу на заводах, фабриках, шахтах, мелких предприятиях, на железнодорожных станциях, реже – как квалифицированных рабочих [17, с. 86].

Привлечение к труду в промышленности было более сложным испытанием, чем работа в сельском хозяйстве. Например, в одной из немецких фабрик, где работали несколько жителей Ровенской области, рабочий день начинался с 6 часов утра и продолжался до 18.30. В 9 часов утра был 15-минутный перерыв, а с 12 до 13 – перерыв на обед. Питание остарбайтеров было очень низкокалорийным и однообразным: кофе, хлеб и борщ из брюквы. Зачастую остарбайтерам к месту работы и обратно приходилось ходить пешком по несколько киллометров. Заставляли работать и по выходным – отказ от работы влек за собой обязательное наказание [6; 15, л. 1–9].

Возможности приспособления сельскохозяйственных рабочих зависели преимущественно от личностных характеристик хозяина. Иногда наблюдались случаи налаживание доброжелательных отношений между хозяевами и остарбайтерами-ровенчанами, которые продолжались после возвращения последних на родину [3]. Среди промышленных рабочих таких примеров не зафиксировано.

Неоднократными были необоснованные переводы остарбайтеров с одного места работы на другое. Подобную тактику, очевидно, применяли для того, чтобы люди не могли адаптироваться к среде, не имели друзей, знакомых. Другой причиной было периодическое перераспределение резерва рабочей силы: на зимний период многих сельскохозяйственных рабочих привлекали к труду в промышленности; остарбайтеров с одних предприятий направляли на работу в места с ощутимым дефицитом человеческих ресурсов.

На завершающем этапе войны перед советским правительством возникла проблема репатриации граждан, вывезенных на принудительные работы в Германию. Это был очень неоднозначный процесс, который с одной стороны остарбайтеры рассматривали как возможность возвращения домой, к своей семье, а с другой – существовал страх быть осужденным за мнимые нарушения. Репатриационной работой руководило Управление уполномоченного по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран. При правительстве УССР с 1944 г. начал действовать Отдел по делам репатриации советских граждан. На Ровенщине с марта 1945 г. функционировали Дубенский, Здолбуновский, Ровенский приемно-распределительные пункты. С июня 1945 до 1953 г. действовал Ровенский областной отдел по делам репатриации, который возглавлял А. Леонтьев. В деятельности вышеназванных учреждений, занимавшихся приемом и обустройством возвращающихся лиц, прослеживались весомые недостатки [1, с. 206–212; 7, л. 1–76; 18, с. 103–107].

По состоянию на 1 января 1947 г. в Ровенскую область вернулось 17842 человека, из них – 55,1 % мужчин и 44,9 % женщин. В последующие годы количество репатриированных было незначительным. Так, на протяжении 1949 г. в Ровенскую область прибыли 44 репатрианты, в 1951 г. – 50, в 1952 г. – 22. Сравнительный анализ численности вывезенных из Ровенской области и репатриированных сюда до 1953 г. позволил констатировать, что значительное число людей, по разным причинам не вернулись [17, с. 69; 8, л. 38; 9, л. 1–21].

Судьба ровенчан, которые вернулись на места своего прежнего проживания, складывалась по-разному: работа в трудовых батальенах, служба в армии, переселение в Польшу и Чехословакию (по нашим подсчетам туда выехали около 2 % остарбайтеров с Ровенщины), значительное количество были репрессированы за «измену Родины», «пособничество немецким оккупантам», «агентурную деятельность», а также за подозрение в связях с УПА (репрессии коснулись примерно 3 % остарбайтеров из Ровенской области, вполне вероятно, что эта цифра не является окончательной) [17, с. 122–138].

Таким образом, оккупационный режим на Ровенщине сопровождался многочисленными акциями принудительного вывоза трудоспособного населения на работы в Третий рейх, что подавляло права и свободы тысяч человек. Условия пребывания украинских остарбайтеров в Австрии и Германии были чрезвычайно сложными, вся их жизнь состояла из сплошных ограничений и наказаний за любые действия. Продолжением трудностей и очередным испытанием для многих ровенчан стала репатриация. Несмотря на актуальность бытовых и материальных проблем, острым и мучительным было предвзятое и враждебное отношение к бывшим прину-

дительным работникам со стороны власти, которое наблюдали длительное время. В результате, годы тяжелого труда в неволе оставили глубокий след в жизни каждого остарбайтера и в значительной степени повлияли на его дальнейшую судьбу.

Литература

1. Буцько, О. Створення і діяльність радянських органів репатріації, 1944–1946 рр. / О. Буцько // Сторінки воєнної історії України. – 2005. – Вип. 9. – Ч. 3. – С. 206–212.
2. Веселий від'їзд до Німеччини // Костопільські вісті. – 1943. – Ч. 35.
3. Воспоминания Андрощука А.Т., вывезенного из Ровенской области, записанные автором 07.03.2010 г.; Воспоминания Гук О.С., вывезенной из Ровенской области, записанные автором 02.06.2009 г.
4. Гальчак, С. На узбіччі суспільства: Доля українських «остарбайтерів» (Поділля, 1942–2007 рр.) / С. Гальчак. – Вінниця, 2009. – 768 с.
5. Государственный архив Ровенской области (ГАРО). – Ф. 534. – Оп. 1. – Д. 4.
6. ГАРО. – Ф.Р-204. – Оп. 9. – Д. 5.
7. ГАРО. – Ф.Р-204. – Оп. 9. – Д. 18.
8. ГАРО. – Ф.Р-204. – Оп. 9. – Д. 36.
9. ГАРО. – Ф.Р-204. – Оп. 9. – Д. 52.
10. ГАРО. – Ф.Р-2771. – Оп. 1. – Д. 54.
11. ГАРО. – Ф.Р-2771. – Оп. 1. – Д. 67.
12. ГАРО. – Ф.Р-2771. – Оп. 1. – Д. 70.
13. ГАРО. – Ф.Р-2771. – Оп. 1. – Д. 526.
14. ГАРО. – Ф.Р-2771. – Оп. 1. – Д. 530.
15. ГАРО. – Ф.Р-2771. – Оп. 1. – Д. 1121.
16. Данильчук, В.Р. Українські остарбайтери 1941–1947 рр. (на прикладі Рівненської області): автореф. дис. канд. іст. наук / Данильчук Віталіна Романівна. – Луцьк, 2011. – 20 с.
17. Данильчук, В. Рейхскомісаріат – Рейхові. Українці з Рівненщини на примусових роботах в Австрії та Німеччині / В. Данильчук. – Рівне, 2013. – 282 с.
18. Куницький, М. Примусова репатріація радянських громадян до СРСР після Другої світової війни (український вектор) / М. Куницький. – Луцьк, 2007. – 248 с.
19. Курилишин, К. Українське життя в умовах німецької окупації (1939–1944 рр.): за матеріалами україномовної легальної преси / К. Курилишин. – Львів, 2010. – 328 с.
20. Листи українських робітників з Німеччини // Волинь. – 1942. – Ч. 36.
21. Михайлюк, М. Нацистська пропаганда в окупованому Києві // Український історичний журнал / М. Михайлюк. – 2006. – № 1. – С. 131–144.
22. Обов'язок служби праці української молоді // Голос Сарненщини. – 1943.
23. Остарбайтери. Спогади жителів Рівненщини, вивезених гітлерівцями на каторжні роботи до Німеччини. – Рівне, 1996. – 113 с.
24. Пастушенко, Т. Остарбайтери з Київщини: вербування, примусова праця, репатріація (1942–1953) / Т. Пастушенко. – Київ, 2009. – 282 с.
25. Патриляк, І. «Встань і борись! Слухай і вір…»: українське націоналістичне підпілля та повстанський рух (1939–1960 рр.) / І. Патриляк. – Львів, 2012. – 592 с.
26. Салата, О. Формування німецького інформаційного простору в рейхскомісаріаті «Україна» та в зоні військової адміністрації (червень 1941–1944 рр.) / О. Салата. – Донецьк, 2010. – 362 с.
27. Центральный государственный архив общественных объединений Украины. – Ф. 57. – Оп. 4. – Д. 275.
28. Центральный госархив общественных объединений Украины. – Ф. 166. – Оп. 3. – Д. 147.

Иода Н.В.

«ФИЛЬТРАЦИОННЫЕ ДЕЛА» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДЕПОРТАЦИИ ГРАЖДАН БССР НА ТЕРРИТОРИЮ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА (1942–1944 гг.)

Великая Отечественная война давно закончилась. Но общественный и исследовательский интерес к ней не угасает. Этот интерес подпитывают новые, ранее не известные материалы, которые время от времени вводятся в научный оборот.

На сегодняшний день хорошо известны ход войны, боевые действия, партизанское и подпольное движение и многие другие аспекты истории того времени, времени трагического и победного. Но есть такие сюжеты, которые научно разрабатываются относительно недавно. К ним относится проблема вывоза населения с оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории БССР на работы в Германию в 1942–1944 г. К тому же до сих пор в архивы не прекращают поступать запросы, касающиеся поиска информации о родственниках, угнанных в Германию в годы войны.

Изучение истории остарбайтеров – людей, как правило, насильственно вывезенных на работы в Третий рейх, – получает новые возможности с рассекречиванием фильтрационных дел и получением исследователями к ним доступа. Фильтрационные дела заводились на лиц, проходивших в годы Великой Отечественной войны и после войны проверку в фильтрационных лагерях, в том числе на репатриантов.

Каждый из граждан СССР, кто в 1942–1944 г. принудительно или добровольно выехал в Германию на работу, после освобождения, с возвращением на родину прошел через фильтрационный лагерь, где, по терминологии НКВД, прошел фильтрацию. Каждый «возвращенец» был опрошен, и по результатам данного опроса составлено так называемое фильтрационное дело. За каждым из таких дел стояла судьба конкретного человека – представителя поколения, которое уже отходит.

Фильтрационное дело содержит бланк опроса, который заполнялся самим освобожденным или же сотрудником НКВД, который проводил беседу. В бланке, как правило, указывались фамилия, имя, отчество; год рождения; место проживания; добровольно или принудительно выехал в Германию; где находился в Германии, где и кем работал. Иногда к опросному бланку прилагались показания свидетелей: односельчан, вместе с которыми человек был угнан, или тех, с кем он вместе жил и работал на территории Германии. Фильтрационное дело направлялось в НКВД той области, куда человек возвращался после освобождения [10].

С 1990-х г. идет передача фильтрационных дел из архивов КГБ на государственное хранение в госархивы областей. Государственный архив Гродненской области относительно недавно стал обладателем большого количества фильтрационных дел советских граждан, возвратившихся на Родину. Все дела объединены в фонд под номером 2757. Этот фонд состоит из 28 описей, причем описи с первой по десятую имеют по два тома. Общее количество дел в фонде 27 175. Содержащиеся в делах документы охватывают период с 1944 г. до 2005 г. В этом фонде доминируют документы, касающиеся бывших остарбайтеров.

Документы данного фонда позволяют исследователю детально проанализировать ряд вопросов, связанных с вывозом населения с оккупированной немецко-фашистскими захвачиками территории БССР на работы в Германию в 1942–1944 г., и получить ответы на следующие вопросы:

Социальный состав остарбайтеров. Кто, в своем большинстве, были вывезенные люди: их происхождение, места работы до войны и оккупации. Дела фонда позволяют проследить, как социальное положение до войны влияло на положение человека во время оккупации и во время работы в Германии.

Возраст вывезенных. В графе “возраст” в фильтрационных делах указывался год рождения.

Национальность. В 90% дел графа “национальность” заполнена.

Образование. Насколько грамотны и образованны были люди, которые попадали на территорию Германии? Какой процент составлял владеющих иностранным языком?

Партийность. Были ли среди увезенных члены партии? Или же все увезенные автоматически становились беспартийными? И вообще вывозили ли партийных?

Положение остарбайтеров. Кем работало большинство вывезенных? Где проживали? Применялись ли допросы и наказания? Если применялись, то за какие проступки? Причем проанализировать эти факты фильтрационные дела дают возможность не на уровне приказов, а на уровне обычного человека.

Темпоральность событий. Когда были вывезены люди и когда они вернулись в СССР? В делах можно встретить дату вывоза: март 1944 г. [5; 7] и даже май 1944 г. [4]. Дата репатриации тоже разная. У большинства репатриантов это 1945 или 1946 г., однако всречаются исключения. Как пример – 1956 год [3].

Географические сведения. Анализ дел может показать географию вывоза и географию расселения остарбайтеров на территории Третьего рейха.

Ход процесса репатриации. Как долго находились люди в фильтрационных лагерях? Каков был паек? География лагерей.

Послевоенные судьбы. Куда вернулись люди после освобождения? Как их встретили на родине? Чем стали/могли заниматься?

Многие дела содержат письма-обращения в КГБ, датированные 2003, 2005 г. с просьбой подтвердить их нахождение в Германии в годы войны для получения компенсаций за рабский принудительный труд из средств германского фонда «Память, ответственность и будущее» жертвам нацизма и их правомочным правопреемникам, которые выплачивал Белорусский республиканский фонд «Взаимопонимание и примирение” до 30 сентября 2006 г. [1; 2; 5; 6].

Документы фонда 2757 также дают ценные сведения о пособниках оккупантов – некоторые дела содержат имена и фамилии полицейских, солтысов [9]. Около 13% фильтрационных дел фонда 2757 ГАГО касаются военнопленных, причем даты пленения идут с 1939 г. [8].

Таким образом, фильтрационные дела фонда 2757 Государственного архива Гродненской области содержат разнообразные документы (опросные листы, протоколы допросов, рабочие удостоверения, личные письма), обладающие большим информационным потенциалом и отражающие практически все периоды жизни и сферы жизнедеятельности бывших остарбайтеров и военнопленных, которым удалось вернуться в СССР. Дела фонда позволяют осветить характер взаимоотношения оккупационных властей и местного населения в вопросе привлечения рабочей силы для Германии, дать характеристику методам и формам вывоза населения на работы в рейх, раскрыть судьбы военнопленных, остарбайтеров и других репатриированных граждан.

Литература

1. Государственный архив Гродненской области (далее – ГАГО). – Ф. 2757. – Оп. 1/1. – Д.
2. ГАГО. – Ф. 2757. – Оп. 1/1. – Д. 3.
3. ГАГО. – Ф. 2757. – Оп. 1/1. – Д. 6.
4. ГАГО. – Ф. 2757. – Оп. 1/1. – Д. 9.
5. ГАГО. – Ф. 2757. – Оп. 1/1. – Д. 10.
6. ГАГО. – Ф. 2757. – Оп. 1/1. – Д. 11.
7. ГАГО. – Ф. 2757. – Оп. 1/1. – Д. 13.
8. ГАГО. – Ф. 2757. – Оп. 1/1. – Д. 17.
9. ГАГО. – Ф. 2757. – Оп. 1/1. – Д. 22.
10. Сведения об угнанных в Германию. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eva-forum.com/blog/svedeniya-ob-ugnannyx-v-germaniyu/. – Дата доступа: 15.03.2014.

Корсак А.И.

РАЗВЕДДАННЫЕ ПАРТИЗАН 3-й БЕЛОРУССКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИСТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА В г. ПОЛОЦКЕ (1941–1944 гг.)

Несмотря на то, что с момента освобождения территории Беларуси от немецко-фашистских захватчиков прошло 70 лет, и, казалось бы, все стороны нацистского оккупационного режима изучены. Однако история Великой Отечественной войны хранит ещё много неисследованных или малоисследованных страниц, и это в первую очередь связано с ограниченным количеством сохранившихся архивных источников по данному периоду. Не исключением в этом плане является изучение темы нацисткой оккупации г. Полоцка. В фондах белорусских архивов (Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), Государственный архив Витебской области, Зональный государственный архив в г. Полоцке) практически отсутствует пласт документов, раскрывающий процессы реализации политики насилия и грабежа, в том числе и через установление оккупационных органов власти, на территории г. Полоцка в 1941–1944 гг. Существуют лишь отдельные документы по сельским (волостным) управам, которые подчинялись Полоцкой районной управе[3].

В связи с этим разведданные советских партизан, в частности 3-й Белорусской бригады под командованием А.Я. Марченко, являются одним из важных источников для изучения нацистского оккупационного режима в г. Полоцке в годы Великой Отечественной войны. Так, фонд 1403 НАРБ содержит дела №№ 252 и 253, отражающие боевую и разведывательную деятельность данной бригады на территории Полоцкого района в целом и г. Полоцка в частности.

Своё существование 3-я Белорусская партизанская бригада начинает с 1942 г. По решению Полоцкого подпольного райкома КП(б)Б 6 июня того же года партизанский отряд под командованием А.Я. Марченко был развернут в 3-ю Белорусскую бригаду в составе 1, 2, 3-го отрядов. К марту 1943 г. насчитывал 7 отрядов (Мещерякова, Австрийко, Жиганова, Мотецкого, Власенко, Букорева, Шервашидзе), действовавших в основном на территории Полоцкого района [1].

Основным документом, регламентирующим деятельность партизанских формирований на оккупированной территории, являлся Приказ Народного комиссара обороны СССР о задачах

[3] Корсак, А.И. Деятельность Экиманской сельской (волостной) управы Полоцкого района в структуре оккупационных органов власти на территории Тылового района группы армий “Центр” в 1941–1944 гг. / А.И. Корсак // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 113–118.

партизанского движения № 00189 от 5 сентября 1942 г., в котором определялись задачи и принципы разведывательной деятельности партизан. В частности п. 7 гласит, что «действиями партизан ещё не охвачены города. Партизанским отрядам, отдельным организациям и диверсантам обязательно проникнуть во все города, большие и малые, и широко развернуть там разведывательную и диверсионную работу. Разрушать и сжигать узлы связи, электростанции, котловые установки, водоснабжение, склады, ёмкости с горючим и другие объекты, имеющие военно-экономическое значение» [4, с. 294].

Судя по сохранившимся архивным документам, активизация разведывательной деятельности отрядов 3-й Белорусской партизанской бригады, имеющей отношение к г. Полоцку, начинается с лета 1942 г. Так, важной информацией из разведданных являются краткие сведения о военных объектах г. Полоцка, которые дают нам представление о дислокации не только военных, но и гражданских учреждений: «…здание местной комендатуры (в нём находятся рабочие комнаты сотрудников, столовая и общежитие, тут же живёт и комендант города); здание солдатского дома (является местом вечерних сборищ (от 6 до 9 часов вечера); полевая жандармерия; городская управа; казарма воинской части (находится в 10 метрах от горуправы, во дворе стоянка автомашин, здесь же обычно стоит и броневик); небольшой склад цемента; большая казарма в части; общежитие штатских немцев – строителей ж.д. моста (квалифицированные технические работники); полоцкая жандармерия; рабочая колонна немцев (30 автомашин); наземный бензосклад; деревянные длинные склады, расположены около ж.д. путей между станцией и переездом; Восточный вокзал; узел связи; школа по подготовке агентов шпионажа (10 – 15 человек); казарма рабочей колонны; гестапо и Управление транспорта; самая крупная нефтебаза, расположенная на большой площади; воинский хлебозавод мощностью до 15 тонн хлеба в сутки; группа крупных 3-ёх этажных зданий военного госпиталя; здание полоцкого ВИКО (хозяйственного управления); общежитие немцев на 30 – 40 человек; тюрьма» [2].

Следует отметить, что разведданные за 1942 г. отличаются своей несколько краткой информативностью. Связано, это в первую очередь, с отсутствием разведывательного опыта у партизанских отрядов. Ситуация изменилась в последующие годы. В подтверждение этому является появление большого количества докладных записок с картами и схемами расположения, как военных, так и гражданских объектов.

Так, пояснительная записка разведчиков 3-й Белорусской партизанской бригады от 10 февраля 1943 г. содержит наиболее полные сведения о г. Полоцке в условиях нацисткой оккупации. Приведём документ полностью: «**г. Полоцк как узел обороны**. На подходах к городу Полоцку создан ряд укреплённых пунктов, расположенных вокруг города. В такие укреплённые пункты превращены деревни Струння, Секеревщина, Зелёный городок, Гендики, Екимания, Бельчица, Коровники. В этих деревнях имеются деревоземляные укрепления и окопы. В них стоят постоянные гарнизоны немцев и полиции. Непосредственно за городской чертой создана непрерывная полоса оборонительных сооружений, состоящих из дзотов и окопов перемеживающихся с дотами. Эти укрепления охватывают город: С северо-востока другого, идущего от Витебской ж.д. через Невельскую до Псковской. На участке, лежащем между Витебской и Невельской ж.д., укрепления построены вдоль Витебской ветки. Основными из них являются Доты между Невельской и Псковской ж.д. Укрепления построены вдоль реки Полота. С северо-запада укрепления расположены вдоль левого берега реки Полота. Берег этот высок и обрывист (до 30 метров высотой). Город Полоцк опоясан проволочными заграждениями, возле которых во многих местах уложены противопехотные мины. Почти все основные улицы города изрыты окопами, во многих местах устроены дзоты и блиндажи. Красными кружками обозначены на схеме дзоты, красными линиями – окопы. Последнее время усиленно строятся укрепления на крутом левом берегу Двины (на городском участке).

Общие сведения о городе. Полоцк – железнодорожный узел. Имеются два вокзала – Западный (II) и Восточный (I). До войны 1941 г. наиболее мощным из них был Западный, теперь же наоборот – основную роль играет Восточный вокзал. Здания в центральной части города каменные, на левом берегу Двины и в Громах (около вокзала I) преимущественно деревянные. Часть города, ограниченная с севера железной дорогой, с запада ул. Фрунзе, с юга река Двина и с востока Гоголевской улицей почти совершенно уничтожены в результате пожаров и бомбардировок, остальные части города в основном сохранились. Здесь уцелели лишь немногие здания (главным образом кирпичные 2-ух и 3-ёх этажные), все они заняты либо под немецкие

учреждения, либо под казармы немецких солдат и полиции. В городе в настоящее время работают лишь некоторые предприятия: военный завод, мясокомбинат, лесозаводы, депо, крупное паровозоремонтное депо. Размеры (100 м на 20 м.). На северной окраине города действует кирпичный завод. Функционируют два моста через р. Двину: железнодорожный двухпутный и железный пешеходный. Мост разрушен в начале войны и не ремонтируется.

Военные объекты. Центр города. Основной интерес в центральной части города представляют здания за №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8. Все они расположены кучно вокруг площади Ленина и легко различимы с воздуха. Прекрасным ориентиром для их нахождения служит устье р. Полота и расположенной в устье на высокой горе (до 25 метров) Собор. Максимальная удалённость собора от этой группы зданий – 600 метров. Максимальное расстояние между зданиями этой группы – 300 метров. Площадь Ленина – квадрат со стороной в 100 метров. На этом участке расположены здания, занятые руководящими военными и местными властями (ортскомендатура, жандармерия, горуправа, солдатская гостиница, крупный госпиталь). Все эти здания кирпичные, двухэтажные. Во время бомбардировок немецкие воинские чины собираются в развалах военгоспиталя и в подвалах собора, в подвалы военгоспиталя выносятся и раненные. Подвалы сводчатые, кирпичные. Район Западного вокзала: депо, плодовинный завод, казармы, жандармерия, нефтебаза, казарма сапёров. Расстояние от вокзала до здания – 350 м, остальные здания менее удалены от вокзала. Район Восточного вокзала. Наиболее насыщен немцами. Здесь расположены: крупное застроенное в 1942 г. паровозное депо (100 м на 20 м), питательный пункт (деревянные барак напротив вокзала). Готовит до 3 000 блюд в сутки, изо всех зданий, расположенных в один ряд по обеим сторонам железной дороги на участках (IV–V), ограниченных ломанной линией, гражданское население выселено. Здания заняты под казармы, для немцев железнодорожников и ж.д. немецкой полиции. Таких зданий здесь до 30. Все здания одноэтажные, однотипные, деревянные (20 м на 12 м). Здесь приживает до 1 500 немцев. Вдоль этого участка ж.д. с южной стороны идёт улица, обсаженная по обеим сторонам высокими лиственными деревьями.

Средства ПВО. Зенитные пушки и пулемёты имеются у ж.д. моста, у железного пешеходного моста, у Западного и Восточного вокзалов. В районе Восточного вокзала имеется прожекторная установка, зенитные пушки автоматического действия. Общее число их не более 6–7» [3].

Исходя из того, что отсутствуют архивные документы, раскрывающие деятельность нацистских, как оккупационных, так и военных, органов власти по г. Полоцку, разведданные 3-й Белорусской партизанской бригады являются важным источником информации по исследуемой тематике. Естественно, для раскрытия полной картины нацистского оккупационного режима в г. Полоцке необходимо привлечение широкого круга источников, включая воспоминания участников партизанского движения и подпольных организаций, сохранившиеся косвенные архивные источники периода оккупации, а также периодическую печать.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1403. – Оп. 1. – Д. 252. – Л. 3.
2. НАРБ. – Фонд 1403. – Оп. 1. – Д. 253. – Л. 10.
3. НАРБ. – Фонд 1403. – Оп. 1. – Д. 253. – Л. 27–32.
4. Приказ о задачах партизанского движения Народного комиссара обороны СССР № 00189 от 5 сентября 1942 г. // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2 – 2). – Москва: ТЕРРА, 1997. – С. 292–295.

Новицкая О.В.

МЕСТЕЧКО МИР В ГОДЫ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Мирский замок является памятником архитектуры XVI–XX вв. Это один из самых популярных туристических объектов Беларуси, куда ежегодно приезжают тысячи белорусских и иностранных посетителей. Всего в музее «Замковый комплекс «Мир» насчитывается более 40 экспозиционных и выставочных залов, которые находятся в Северном корпусе дворца, четырёх башнях и церкви-усыпальнице князей Святополк-Мирских. Три из них посвящены событиям Великой Отечественной войны и нахождению гетто в Мирском замке. 26 января 2011 г. накануне Международного дня памяти жертв Холокоста состоялось открытие новой экспози-

ции. Эта тема была затронута неслучайно. Геноцид по отношению к жителям еврейской национальности стал одной из самых страшных сторон фашистского оккупационного режима.

27 июня 1941 г. Мир был оккупирован фашистами. Вот как описывает начало войны С.Б. Ландер (Хаймович) – бывшая жительница м. Мир. «…27.06.41 нас оккупировали. Я с мамой и ещё одним фармацевтом (Каплан) находились в аптеке. Мы видели как со стороны ул. Жуховицкой мчались фашистские автоматчики к речке мимо костёла, а со стороны улицы (ныне Красноармейской) отступала колонна грузовиков с солдатами. Завязался бой, потом пожар. Мы спрятались под буфетом столовой (нашей квартиры, находящейся сзади аптеки); слышали звон канонады, грохот падающих аптечных склянок и стук в окно соседей: «Вы горите». Мы выскочили и дворами помчались в поле, где во ржи пролежали весь день…» [8, с. 104]. Так началась война.

Предвестником массовых расстрелов стали события 20 июля 1941 г. [14, с. 42]. В Мире задержался карательный фашистский отряд, в центре местечка собрали около 25 молодых евреев и активистов – Ивана Ермаковича, Александра Синявского, Ивана Гурского и Николая Коробко, а затем погрузили в машины, вывезли в лес, в урочище Яблоновщина, где всех и расстреляли [13, с. 30].

В ноябре 1941 г. в Мире Райнхольдом Хайном был организован немецкий полицейский участок. Группа состояла примерно из 12 человек. Была ещё и Белорусская вспомогательная полиция, около 15 человек, которая подчинялась в Мире Семёну Серафимовичу [12, с. 61]. Заместитель полицмейстера Хайна, Вилли Шульц, гауптвахмистр вспомогательной полиции, проявлял особую жестокость по отношению к еврейскому населению. Ему доставляло удовольствие убивать детей в присутствии матерей, которых он лишал жизни через несколько дней. Он вёл также учёт убийств. В свой блокнот от точно заносил каждого убитого, однако детей младше 16 лет помечал как «количество» [12, с. 62].

По решению Хайна в Мире было организовано гетто, состоявшее из улиц Завальной, Высокой и Виленской. Оно было обнесено колючей проволокой. Повсюду в местечке были развешены плакаты, запрещающие евреям контактировать с местным населением, а также ходить по тротуарам. Все евреи в возрасте от 15 до 60 лет должны были работать, за это получали по 125 г хлеба в день [14, с. 45]. Был введён комендантский час: с 21 часа до 5 часов утра запрещалось выходить из дому.

9 ноября 1941 г. – день начала массового уничтожения евреев м. Мир. Около 1,5 тысячи человек были расстреляны в песчаном карьере вблизи Мирского замка. Ещё 750 евреев, собранных у здания юденрата (дом находился на углу нынешних улиц Ленинградской и Танкистов), отвели на западную окраину местечка (ныне ул. Октябрьская) к зданию скотобойни, где мужчин заставили вырыть ров, и всех людей расстреляли [8, с. 95].

После массовых расстрелов немцы приказали выйти из укрытий оставшимся в живых евреям. Они объясняли, что расстреляли только тех, кто травил хлеб и убивал немецких солдат, а остальных трогать не будут. После этого евреи начали выходить из своих укрытий. Был выбран новый юденрат. Гетто усиленно не охранялось, так как руководство откупалось большими деньгами. Но немцев всё таки не устраивало нахождение евреев в самом местечке, поэтому собранные во 2-ое гетто, оставшиеся в живых около 800 человек, были переведены в мае 1942 г. в Мирский замок [14, с. 45]. Евреями были заняты подвал и 1-ый этаж Северного корпуса, а также подвал и два нижних этажа северо-западной башни. Замок хорошо подходил для использования под гетто, потому, что был только один закрывающийся вход, и окна были размещены на большой высоте.

В 1942 г. в гетто еврейской молодёжью была организована группа сопротивления в количестве приблизительно 80 человек, усилия которой были направлены на получение оружия. Но попытки достать его были неудачны. Помог им в этом 20-летний юноша – еврей Освальд Руфайзен, который выдал себя за выходца из польско-немецкой семьи, прекрасно владел немецким языком и служил переводчиком в местном отделении полиции. Достать оружие для него не представляло трудности, так как имел к нему доступ. За короткое время было получено 6 немецких ручных гранат, 5 советских армейских пистолетов, 11 винтовок, 1 советская автоматическая винтовка и несколько тысяч патронов [12, с. 76]. Но между тем Освальд советовал не сопротивляться, а бежать. В итоге в ночь с 9-ого на 10-е августа 1942 г. из 800 жителей гетто бежали 300. Остальные узники тоже могли убежать, но остались по разным причинам: из-за

апатии, покорности судьбе, нерешительности или просто из-за того, что у них не было сил [12, с. 78]. Утром 10 августа юденрат дал команду собственной еврейской «полиции» держать ворота закрытыми – в гетто началась паника. Некоторые пытались спрятаться на территории и в разных укрытиях замка, что нескольким девочкам и удалось. Другие нашли рядом с окном водосточную трубу, через которую выбирались наружу. Наконец «староста» гетто, Эли Барух Шульман велел принести ему стул, встал на него и закричал: «Евреи, бегите! Я прошу полицию открыть ворота. Бегите все! Я останусь здесь с теми, кто бежать не может». Так он и остался и нашёл свою смерть, в то время как ещё многие сразу же покинули замок [12, с. 83].

Из воспоминаний С.Б. Ландер: «…На следующий день после побега 11.08.42 г., выглянув в бойницы, … мы увидели, что замок окружён. На валах автоматчики и пулемётчики. Всё стало ясно. Паники в замке уже не было. Женщины стали собирать маленьких детей и одевать их по-праздничному, чтобы в могилу идти чистенькими. Все понимали, что гибель неизбежна. Мужчины … молились» [8, с. 107]. Узники по-разному воспринимали то, что с ними происходит. Некоторые – не выдерживая, травили ядом своих детей и себя.

13 августа 1942 г. гетто было ликвидировано. Около 500 человек были расстреляны в урочище Яблоновщина.

Из донесения от 26 августа 1942 г. начальника жандармерии Барановичского округа коменданту жандармерии Беларуси об уничтожении евреев: «От комиссара Барановичского округа я получил задание предпринять всё, что в моих силах, чтобы очистить от евреев округ, особенно сельскую местность. Проведённые в последние месяцы, более значительные, чем ранее, акции привели к тому, что большая часть бежала и присоединилась к бандитским группам. Чтобы воспрепятствовать дальнейшему бегству, я устранил евреев в местечках Полонечка и Мир. Всего было расстреляно 719 евреев. Одновременно 320 евреев, которые ранее скрывались во время больших акций, были схвачены жандармскими постами и расстреляны согласно закону военного времени» [9, с. 188].

Часто выжившим евреям приходили на помощь простые белорусские люди, которые рисковали своими жизнями ради спасения других. Среди них – жители Мира – Софья и Игнат Ермаловичи, которые укрыли у себя еврейскую девушку Цылю Копелевич. Она была среди тех, кто 9 августа бежал из гетто. В течение трёх дней, блуждая по лесу, Цыля поняла, что осталась совсем одна, решила вернуться в Мир за помощью к тем, кто уже не один раз помогал ей спастись. Софья и Игнат Ермоловичи и теперь не оставили её в беде. Спрятали, накормили, дали одежду и обувь. На рассвете Игнат провёл Цылю в лес, где ей посчастливилось найти лагерь семьи Бельских. Подвиг жителей Мира не остался забытым. 26 ноября 1995 г. Национальный Мемориал Катастрофы и Героизма Яд ва-Шем в Израиле признал Игната и Софью Ермалович Праведниками народов мира [7]. Они в числе 587 белорусов (данные на 1 января 2013 г.), которым присвоено это почётное звание [10].

В июне 1943 г. гитлеровцы объявили в Столбцовском, Мирском, Кореличском и других районах «мобилизацию» населения для отправки в Германию на каторжные работы. Срок явки в управления был назначен на 18 июня. Однако население в немецкие управления не явилось благодаря хорошо проведённой агитационной работе подпольщиков и партизан. Тогда начались облавы, когда людей хватали на улицах. В результате проведённой фашистами такой облавы в м. Мир были схвачены только шесть человек, остальным удалось убежать [9, с. 186].

После уничтожения гетто в Мире была устроена база отдыха для немецких лётчиков и пункт обучения солдат. Количество фашистов в Мире постоянно менялось, о чём свидетельствуют развед-донесения. Разведданные отряда им. Калинина от 13 декабря 1943 г.: «В Мире находится гарнизон полиции численностью до 70 человек, кроме этого местная немецкая комендатура и немцы, проходящие военное обучение до 100 человек» [3, л. 47]. Из разведсводки штаба 1-ого Комсомольского отряда бригады им. Жукова от 22 декабря 1943 г.: «Из количества 120 человек немцев, находившихся в Мире 85–90 человек выехало в направлении Столбцы. В Мире находится от 30–35 человек немцев до 60 человек полиции» [3, л. 43]. С февраля 1944 г. количество фашистов в Мире начинает увеличиваться. Из развед-донесения 1-ого Комсомольского отряда за 19 февраля 1944 г.: «Мирский гарнизон: немцев 300 человек, никуда не выезжают. В Мир прибыло новое пополнение – французы 100–150 человек – проходят обучение» [3, л. 64]. 20 марта 1944 г. партизанской бригадой им. Жукова было организовано нападение на немецкий гарнизон м. Мир [2]. В результате этой акции были убиты немецкий офицер Шульц,

12 немцев-лётчиков, 20 полициантов, 6 человек командного состава полиции и переводчица [6]. После нападения местечко начинали усиленно охранять. По улицам были выставлены посты по 4 полицианта. 750 мобилизованных белорусов были разбиты на 4 роты. Мир начали окапывать с двух сторон по ул. Гуменской и ул. Подольной [4, л. 36]. В июне через агентов-разведчиков из полиции гарнизона Мир удалось получить план военного городка, личный список полиции и тайных полициантов [5, лл. 61–62].

Бой за Мир начался на рассвете 5 июля 1944 г. В нём принимал участие 2-ой батальон 856-го Краснознамённого ордена Кутузова стрелкового полка, который входил в состав Гомельской Краснознамённой ордена Суворова 283-й стрелковой дивизии под командованием В.А. Коновалова. 7 июля Мир был освобождён.

На момент освобождения в некогда процветавшем еврейском местечке оставалось только около 40 евреев [11, с. 134], а общая численность населения составила 1547 жителей (до войны – свыше 4600 человек). Уцелело только 20% строений довоенного периода [1, с. 58].

Литература

1. Гурин, М.Ф. Мир: истор.-экон. очерк / М.Ф. Гурин. – Минск: Беларусь, 1985. – 80 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1399. – Оп. 1. – Д. 531.
3. НАРБ. – Фонд 1399. – Оп. 1. – Д. 536.
4. НАРБ. – Фонд 1399. – Оп. 1. – Д. 537.
5. НАРБ. – Фонд 1399. – Оп. 1. – Д. 549.
6. НАРБ. – Фонд 1399. – Оп. 1. – Д. 552.
7. Навіцкая, В. Пра дачку каваля / В. Навіцкая // Культура. – 2012. – № 12. – С. 14.
8. Новицкая, О.В. Материалы о Великой Отечественной войне из частных архивов и музейных коллекций для экспозиции Мирского замка / О.В. Новицкая, Л.Е. Прокопенко // Мірскі замак. Крыніцы стварэння музейных экспазіцый: гісторыка-дакументальныя матэрыялы і інфармацыйныя тэхналогіі: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (г.п. Мір, 29 мая 2009 г.); пад навук. рэд. Н.М. Усавай. – Мінск: Медысонт, 2013. – 246 с.
9. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Карэліцкага раёна. – Мінск: Ураджай, 2000. – 645 с., іл.
10. Праведники мира // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki. – Дата доступа: 10.03.2014.
11. Раманава, І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары / І. Раманава, І. Махоўская. – Вільня: ЕГУ, 2009. – 248 с.
12. Ружанский, С. Освальд Руфайзен – Брат Даниэль: Антология / С. Ружанский, Л. Комиссаренко. – Ганновер: Общество любителей старины, 2012. – 510 с.
13. Хілімонаў, В.А. Мірскія былі: Гістарычны нарыс / В.А. Хілімонаў. – Мінск: Полымя, 1990. – 52 с.
14. Mir – Jerusalem: The Encyclopedia of the Diaspora, 1962. – 770 p.

Захарченко А.А.

НАЦИСТСКИЕ ПЛАНЫ АГРАРНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И КРЫМА

Оккупационная политика немецко-румынских захватчиков Украины в советской историографии не получила должного изучения, прежде всего из-за идеологических установок правящего режима, который опасался объективного и всестороннего освещения этой драматической страницы истории Второй мировой войны. Научный прорыв в изучении данной темы произошел только после краха тоталитарной системы. В современной историографии за последние два десятилетия произошли существенные и качественные изменения. Это дало возможность ученым проследить спорный и сложный круг вопросов относительно места и роли Южной Украины в экспансионистских планах немецко-румынских захватчиков. Поэтому целью статьи станет попытка автора показать то исключительное место, какое занимал Юг Украины в колонизаторских планах немецко-румынских оккупантов в годы войны.

В порабощении восточного пространства руководство Третьего рейха больше всего привлекали Северное Причерноморье и Крым. Впервые вопрос о судьбе этих территорий был поднят на совещании у Гитлера 16 июля 1941 года. Фюрер заявил: «Крым с прилагающими районами (область севернее Крыма) должен стать областью империи. Эти прилегающие районы должны быть как можно больше» [17, с. 162]. Своему союзнику Румынии, которая выставила более 700 тысяч солдат за участие в войне нацистский вождь пообещал отдать Одессу, хотя против этого высказались рейхсмаршал Г. Геринг и рейхсляйтер А. Розенберг. На момент обсуждения данной проблемы немецко-румынские войска непосредственно еще не угрожали указанным территориям. В конце июля 1941 года советский фронт был прорван и над Северным Причерноморьем нависла угроза немецко-румынской оккупации. На совещании 27 июля 1941 года Гитлер снова настоял на присоединении этого региона к Великой Германии: «Мы возьмем южную Украину, особенно Крым, и

превратим ее в исключительно немецкую колонию. Не будет вреда в том, что мы вытесним население, которое обитает сейчас. Немецкий колонист станет солдатом – крестьянином… Тех из них, кто вышел из крестьян, Рейх обеспечит полностью оборудованными фермами» [4, с. 313–314]. О важности оккупации Северного Причерноморья и Приазовья с их дальнейшей интенсивной колонизацией уроженцами рейха, указывал своему подчиненному рейхскомиссару Украины Э. Коху рейхсминистр оккупированных восточных территорий А. Розенберг. 18 ноября 1941 года он прислал Коху секретную директиву, в которой указывалось, что овладение Крымом с прилегающей к нему территорией, которое было бы усилено большим немецким поселением, имело бы решающее значение для охраны немецкого присутствия [8, с. 543]. В германизации Северного Причерноморья и Крыма большую активность проявил руководитель черного воинства – рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. После окончания в 1922 году сельскохозяйственного отделения высшего технического училища при Мюнхенском университете, Гиммлер получил диплом агрария. Будучи студентом он посещал курсы русского языка, даже делал запрос в советское посольство в Берлине о возможности выезда на Украину для работы агрономом в сельском хозяйстве [7, с. 70–71]. Немецкий журналист Г. Йост, который неоднократно сопровождал рейхсфюрера в его поездках на восток указывал, что Гиммлер любил остановить машину и пройтись по полю у дороги: «Наклонившись, он брал щепотку земли, растирал ее между пальцами, задумчиво нюхал, а затем оглядывал широкие бескрайние поля плодородной земли, размышляя вслух о том, как вырастут там деревья и кустарники, как заслонят они урожай от холодных ветров, дадут влагу и обеспечат экономический подъем «этих, теперь уже немецких земель»» [13, с. 285]. Для закрепления немецкого господства на завоеванных землях рейхсфюрер СС отстаивал идею создания большого числа поселений для солдатов – крестьян (Wehrbauern). Такое селение должно состоять из 30–40 хозяйств, где каждый «вербауэр» получит в собственность по 300 акров земли: «На этом построен весь план. Каждая деревня с 40 хозяйствами, крестьянами, их сыновьями и работниками своей силой будет примерно соответствовать роте, а ротный командир будет жить в усадебном доме. Все они будут сражаться за свою землю и свои очаги» [5, с. 178–179]. Гиммлер считал, что населенные вооруженными крестьянами селения станут основными поселениями на востоке, «фундаментом европейской крепостной стены» [11, с. 246]. Он мечтал создать отдельное эсесовское государство [16, с. 368]. В июне 1942 года согласно разработанному ведомством Гиммлера «Генеральному плану «Ост», предусматривалось создание эсесовцами в Крыму и нижнем Поднепровье «Готенгау» («готской области») [14, с. 28–29]. Раздачей земли и расселением эсесовцев занималось специально созданное еще до войны Главное управление расы и поселений РуСХА во главе с обергруппенфюрером СС О. Гофманном [15, с. 9]. Для ускоренного экономического освоения оккупированных территорий нацисты собирались задействовать воспитанную в национал – социалистическом духе молодежь – членов Гитлерюгенда. Юные нацисты ежегодно проходили обязательную сельскохозяйственную практику. К аграрной колонизации восточных земель активно готовились и молодые немки – члены союза германских девушек БДМ. Молодые многодетные немецкие крестьянские семьи представителей высшей «нордической расы» господ в нацистских планах виделись оплотом Великой Германии в Восточной Европе. Юные «арийцы» в первую очередь должны были заселить и обжить громадное «жизненное пространство», навсегда вытеснив с родной земли местное, в расовом отношении «неполноценное», население. Руководитель Гитлерюгенда А. Аксман в новогодней речи в конце 1941 года призвал молодых немцев начать незамедлительную колонизацию на завоеванных землях: «Мы воздвигнем на восточной границе стену из мяса и крови, которая будет крепче стали и бетона. Для закрепления на восточных землях нам потребуются самые лучшие молодые люди. Поэтому, добровольцы, вперед!» [6, с. 199].

Кроме представителей рейха в запланированной аграрной колонизации причерноморских степей фюрер надеялся заангажировать близких к «арийцам» датчан, шведов, норвежцев, голландцев, а после победного завершения войны – привлечь даже британцев [9, с. 244–245]. Особую роль Гитлер отводил Крыму, который называл в своих планах Готенландом. Крым должен был стать «германской Ривьерой» – курортной зоной для отдыха нацистской элиты. 14 декабря 1941 года в беседе с фюрером Розенберг подчеркнул, что «Крым должен быть очищен от ненемецкого населения. Я сказал, что также много думал о переименовании городов и придумал переименовать Симферополь в Готенбург и Севастополь в Теодорихсхафен» [14, с. 27–28]. Нацисты хотели полностью выселить с полуострова коренных жителей и заселить Крым выходцами с австрийского Тироля. Фюрер считал климатические условия Тироля и Крыма сходными и австрийские переселенцы достаточно быстро смогут здесь адаптироваться. Поэтому в 1942 году Гитлер назначил австрийца А. Фрауенфельда генеральным комиссаром

«Таврии», позже переименованной в генеральный округ «Крым» [3, с. 274]. Заполучить плодородные земли Северного Причерноморья мечтали и румынские захватчики, союзники рейха. Накануне решающего наступления на Одессу, 19 июля 1941 года маршал И. Антонеску издал приказ №1500 в котором обещал щедро наградить украинской землей своих солдат и офицеров, особо отличившихся в боях. Согласно приказа ставки румынского верховного командования, подписанного генералом Тетеряну, в воинских частях начали составлять списки желающих получить земельные наделы в Приднестровье и Прибужье. Адъютант Ф.Паулюса полковник В.Адам отмечал, что эти обстоятельства объясняли достаточно высокую мотивированность и боеспособность румынских войск в начале войны и их пассивность, инертность и несостоятельность в ходе Сталинградской битвы [1, с. 62]. Возвратив в августе 1941 года румынским союзникам потерянные в 1940 году Бессарабию и Северную Буковину, Гитлер разрешил румынам хазяйничать в так называемой «Транснистрии» (территории в междуречьи Днестра и Южного Буга) только в период оккупации. Зная о временности своего пребывания в Северном Причерноморье, румынские оккупанты и действовали соответственно, пытаясь максимально опустошить и разграбить сельскохозяйственные ресурсы региона для удовлетворения своих потребностей.

Фюрер ни с кем не желал делить Северное Причерноморье. 28 августа 1941 года Гитлер и Муссолини встретились в Умани, где приняли парад итальянских войск, которые прибыли на Украину для участия в совместном «восточном походе». Нацистский вождь распорядился ни в коем случае не допускать итальянцев к Северному Причерноморью и особенно в Крым. Поэтому командующему 11-й немецкой армии генералу Р. фон Шоберту, в состав которой входил итальянский корпус, был дан секретный приказ использовать итальянцев только на своем левом фланге, как можно дальше от Черного моря [12, с.12].

Основной опорой в аграрной колонизации края нацисты считали украинских этнических немцев (фольксдойче), которые издавна жили на Юге Украины, преимущественно в сельской местности. За немецкими данными на оккупированной территории Украины проживало около 200 тысяч фольксдойче в 486 населенных пунктах. Склонить к сотрудничеству нацисты пытались именно эту категорию граждан, поскольку прибывших из Германии имперских немцев (рейхсдойче) было очень мало – всего 500 человек. Они должны были управлять генеральным округом «Николаев» (Кировоградская, часть Херсонской и Николаевской областей), на территории в 44 тыс. квадратных километров с населением в 1 млн. 920 тысяч человек [2, с. 253].

Грандиозными были и планы нацистов по экономическому и хозяйственному освоению Южной Украины. Это еще раз говорит об исключительном значении этого региона, поскольку больше нигде на оккупированной советской территории в годы войны они не замышляли ничего подобного. 30 июля 1942 года на имя рейхскомиссара Э.Коха составлена памятная записка относительно орошения Северного Причерноморья и Крыма водами Ингульца и Днепра. План оросительной системы был представлен на отдельной карте со всеми подробностями и расчётами. Строительство планировалось начать незамедлительно и первую очередь ингулецко – днепровской оросительной системы хотели ввести в эксплуатацию уже через год – осенью 1943 года. Поскольку степные районы Юга Украины всегда страдали от суховеев, в июле 1942 года оккупанты издали распоряжение о высадке лесополос. Для улучшения вывоза сельхозпродукции в рейх генерал – комиссар Николаева Э.Опперман 28 сентября 1942 года издал приказ о строительстве узкоколейных железных дорог в генеральном округе «Николаев» [10, с.188–190].

Однако, планы нацистов по аграрной колонизации, полностью провалились и остались только на бумаге. После разгрома вермахта и ваффен СС в решающей битве мировой войны на Курской дуге, Красная Армия начала широкое наступление по всему фронту и освободила от оккупантов разоренную немцами и румынами многострадальную украинскую землю. Отступая под могучими ударами советских войск, по приказу нацистской клики, гитлеровцы осуществили варварскую тактику «выжженной земли» – оставляя после себя сплошные развалины, руины и пепелища.

Литература
1. Адам, В. Катастрофа на Волге. Мемуары адъютанта Ф. Паулюса / В. Адам. – Смоленск: Русич, 2001. – 480 с.
2. Армстронг, Дж. Украинский национализм. Факты и исследования / Дж. Армстронг. – Москва: Центрполиграф, 2008. – 368 с.
3. Бройнингер, В. Противники Гитлера в НСДАП, 1921–1945 / В. Бройнингер. – Москва: АСТ, Астрель, 2006. – 397 с.
4. Буллок, А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: в 2 т. / А. Буллок. – Смоленск: Русич, 1998. – Т. 1. – 688 с.
5. Керстен, Ф. Пять лет с Гиммлером. Воспоминания личного врача. 1940–1945 гг. / Ф. Керстен. – Москва: Центрполиграф, 2004. – 430 с.
6. Кнопп, Г. «Дети» Гитлера / Г. Кнопп. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 285 с.
7. Кнопп, Г. СС: Черная инквизиция / Г. Кнопп. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 284 с.
8. Косик, В. Україна і Німеччина у другій світовій війні / В. Косик. – Париж – Нью – Йорк – Львів, 1993. – 660 с.
9. Лесков, В.А. Штрихи к портрету фюрера / В.А. Лесков. – Москва: Вече, 2006. – 352 с.
10. Миколаївщина в роки Великої Вітчизняної війни: 1941–1944. – Миколаїв: КВІТ, 2004. – 503 с.
11. Мэнвелл, Р. Генрих Гиммлер / Р. Мэнвелл, Г. Франкель. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 384 с.
12. Петров, Б.Н. Как делили Украину Гитлер и Муссолини / Б.Н.Петров // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 6. – С. 10–15.
13. Пэдфилд, П. Рейхсфюрер СС / П. Пэдфилд. – Смоленск: Русич, 2002. – 544 с.
14. Родионов, В. «Истинные арийцы». Расовые мифы Гитлера / В. Родионов. – Москва: Яуза – пресс, 2012. – 384 с.
15. Семенов, К.К. Дивизии войск СС. История организации, структура, боевое применение / К.К. Семенов. – Москва: Яуза – пресс, 2007. – 288 с.
16. Хёне, Г. Орден «Мертвая голова». История СС / Г. Хёне. – Смоленск: Русич, 2002. – 576 с.
17. Ямпольский, В.П. «…Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер. 31 июля 1940 года): документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. / В. Ямпольский. – Москва: Кучково поле, 2008. – 656 с.

Куракова І.Я.

ДАКУМЕНТЫ ГЕРМАНСКІХ АКУПАЦЫЙНЫХ УЛАД ЯК КРЫНІЦА ДЛЯ ДАСЛЕДАВАННЯ ФІНАНСАВАЙ ПАЛІТЫКІ Ў ГЕНЕРАЛЬНАЙ АКРУЗЕ “ВАЛЫНЬ-ПАДОЛЛЕ” 1941–1944 гг. (ПА МАТЭРЫЯЛАХ ДЗЯРЖАРХІВА БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ)

У дзяржаўных абласных архівах Беларусі зберагаецца значны комплекс матэрыялаў, які адлюстроўвае як агульныя, так і рэгіянальныя аспекты акупацыйнага рэжыму 1941–1944 гг. на тэрыторыі Беларусі. З прычны працяглай закрытасці фондаў і напісання дакументаў пераважна на нямецкай мове яны і на сённяшні дзень застаюцца малазапатрабаванымі ў даследчыкаў. Дадзеная акалічнасць у поўнай меры адносіцца і да акупацыйных фондаў Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці (далей – ДАБВ). Комплекс арыгінальных першакрыніц ДАБВ з’яўляецца ключавым па пытанні фінансавай гаспадаркі і спецыфічным характары яе правядзення ў дазенай акрузе, дае магчымасць выявіць маштабы і спецыфіку эканамічнай экспансіі акупантаў, а таксама параўнаць яе праявы ў іншых адміністрацыйна-тэрытарыяльных зонах, створаных нямецкімі ўладамі на тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг.

Дакументы ДАБВ перыяду Вялікай Айчыннай вайны ў першую чаргу датычыцца беларускіх зямель, уключаных у склад створанай нямецкім кіраўніцтвам новай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі – генеральнай акругі “Валынь-Падолле”, якая з’яўлялася часткай Рэйхскамісарыята Украіна. Сярод фактараў, якія паўплывалі на вырашэнне гэтага пытання, перш за ўсё, трэба назваць эканамічныя. Такі падзел забяспечваў РК “Украіна” лесам і дрэваматэрыяламі, а таксама ствараліся ўмовы для выкарыстання сістэмаў каналаў Прыпяці і чыгункі Брэст-Гомель. У названую генеральную акругу былі ўключаны паўднёва-заходнія вобласці Беларусі – Брэсцкая, Пінская і Паслеская, плошчай каля 20 200 кв. км. з першапачатковай колькасцю насельніцтва амаль што 750 тыс. чалавек. У верасні 1941 г. гэта складала 1/6 частку ўсяго насельніцтва і 1/4 усёй тэрыторыі “Вылынь-Падолле”. На чале генеральнай акругі стаў генеральны камісар Шоне, адміністрацыйным цэнтрам з’яўляўся Брэст, а з 1942 г. Луцк.

У фондах ДАБВ матэрыялы па фінансавай палітыцы займаюць даволі значнае месца. Яны прадстаўлены дакументамі акупацыйнай улады, устаноў, арганізацый і прадпрыемстваў (Брэсцкага, Баранавіцкага і Пінскага акруговых камісарыятаў, гарадскіх, раённых і валасных управаў, гаспадарчых арганізацый за 1941–1944 гг.), адлюстроўваюць ўсталяванне “новага парадку” і палітыку нямецкіх улад у дачыненні да мясцовага насельніцтва.

Фонды згрупаваны па аддзелах і ахопліваюць: дакументы органаў акупацыйнай улады і кіравання (*ф. 192 – Брэст-Літоўскі акруговы камісар Генеральнага камісара Падолля і Валыні; ф. 201– Брэсцкая гарадская ўправа; ф. 658 – Нова-Мышская раённая ўправа*); матэрыялы органаў аховы акупацыйнага рэжыму (*ф. 2120 – Пінскі акруговы камісарыят Генеральнага Камісарыята Валынь-Падолле; ф. 2135 – Пінскае гарадское Упраўленне Пінскага акружного каміса-*

рыята); дакументы гаспадарча-эканамічных і фінансавых ўстаноў (*ф. 2150 – Пінскае аддзяленне Брэст-Літоўскага гаспадарчага банка; ф. 197 – Высокаўскі філіял Бельскай краёвай ашчаднай касы*); арганізацый, прадпрыемстваў, гандлёвых фірм і акцыянерных таварыстваў (*ф. 683 – Навамышская раённая кантора ЦГТ "Усход"*) і іншыя. Распараджэнні нямецка-фашысцкіх улад у галіне фінансавай гаспадаркі друкаваліся ў перыядычных выданнях генеральнай акругі "Валынь-Падолле", напрыклад "Пінская газета", "Наша слова", "Новая дарога", "Раніца" і іншыя, а таксама агітацыйных матэрыялах (аб'явы, улёткі, брашуры).

Большасць крыніц уяўляе справаводчую дакументацыю, якая ўзнікла ў працэсе практычнай дзейнасці органаў кіравання, устаноў і арганізацый. Дакументы на нямецкай і ўкраінскай мовах, зрэдку сустракаюцца на рускай, польскай ці беларускай. Стан захаванасці добры. Дакументы ў асноўным друкаваныя і з'яўляюцца арыгінальнымі крыніцамі, інфармацыйна насычаныя. Яны паказваюць адметнасці фінансавай палітыкі ў генеральнай акрузе "Валынь-Падолле". Паводле відавой класіфікацыі можна вылучыць: арганізацына-распарадчыя дакументы, матэрыялы кадравага характару, справаздачную, фінансавую і даведачна-інфармацыйную дакументацыю. Паводле паходжання – дакументы акружных, гарадскіх і раённых камісарыятаў.

Асаблівасці і маштабы рэалізацыі фінансавай палітыкі адпавядалі патрэбам ваеннага часу і загадзя створаным планам. Для генеральнай акругі "Валынь-Падолле" і іншых зон акупацыі з цывільным кіраўніцтвам была распрацавана т.зв. "Карычневая папка". Арыгінальная назва дакумента – *"Die Zivilverwaltung in den besetzten Ostgebieten (Braune Mappe). Teil A: Richtlinien für die Wirtschaftsführung"* – "Цывільнае кіраванне на занятых усходніх тэрыторыях (Карычневая папка). Частка А: Дырэктывы па вядзенні гаспадаркі" [1, арк.1–39]. Рэалізацыяй фінансавых планаў займаліся органы і ўстановы акупацыйных улад праз механізмы крэдытна-грашовай палітыкі, падаткаабкладанне і цэнаўтварэнне.

Генерыравалася фінансавая палітыка галоўным чынам у банкаўскіх установах. У гэтай сувязі значную цікавасць уяўляюць дакументы Пінскага аддзялення Брэст-Літоўскага гаспадарчага банка ў г. Пінску [2]. Дадзеныя матэрыялы ўтрымліваюць дырэктыўныя ўказанні Цэнтральнага і Брэсцкага банкаў, цыркуляры Саюза гаспадарчых банкаў Украіны, спісы банкаў, іх філіялаў і аддзелаў, перапіску з прадпрыемствамі аб парадку пералічэння грошай, адкрыцці рахункаў і па шматлікім іншым фінансавым пытанням.

На тэрыторыі генеральнай акругі "Валынь-Падолле" яшчэ на пачатку вайны пачалі дзейнічаць гаспадарчыя банкі, філіялы і іх аддзяленні. Спачатку яны адкрываліся на месцах былых савецкіх Дзяржаўных банкаў, а потым адчыняліся і новыя, спецыяльна створаныя акупантамі філіялы. Даволі інфарматыўнай крыніцай, якая раскрывае колькасныя паказчыкі наяўнасці створаных нямецкімі ўладамі банкаўскіх устаноў, з'яўляюцца *"Списки господарських банків, філій та відділів, станом на 14 липня 1941р."* [3, арк. 1–3]. Згодна дакументу, на 14 ліпеня 1941 г. па генеральнай акрузе "Валынь-Падолле" налічвалася 5 гаспадарчых банкаў і больш за 50 іх філіялаў і аддзелаў. Да верасня 1942 г. на тэрыторыі РК "Украіна" дзейнічала 17 галіновых гаспадарчых банкаў і больш за 200 філіялаў. Іншыя матэрыялы фондаў адзначаюць асаблівасці працы банкаўскіх устаноў, забеспячэнне іх адпаведнымі кадрамі, вызначаюць функцыі і метады работы ў ходзе правядзення крэдытных аперацый і іншае.

Матэрыялы фонда паведамляюць пра адкрыццё 5 сакавіка 1942 г. галоўнай банкаўскай установы – Цэнтральнага эмісійнага банка Украіны з месцам знаходжання ў Роўна. Банк меў права выпуску сваіх банкнот – карбованцаў, наміналам ад 5 да 500. Курс 1 карбованца раўняўся 1 рублю, а 10 карбованцаў = 1 рэйхсмаркі [4, арк. 4–5]. Насельніцтва павінна было ў тэрмін да 25 ліпеня 1942 г. абмяняць савецкія грошы ў купюрах ад 5 рублёў і вышэй на карбованцы. Аднак пры абмене савецкіх купюр наміналам больш за 10 рублёў новыя грошы на рукі не выдаваліся, а залічваліся на беспрацэнтны банкаўскі рахунак [5, арк. 2]. Такім чынам, фактычна здзяйснялася канфіскацыя савецкіх грошай. Акупацыйная перыёдыка паведамляла пра вынікі дзейнасці Цэнтральнага эмісійнага банка, і адзначла, што яго грашовы абарот на 17.09.1942 г. складаў 1,58 міліярдаў карбованцаў [6, арк. 3–4]. Нямецкі персанал на акупаванай тэрыторыі займаўся банкаўскай справай толькі ў нязначным аб'ёме і на самых вышэйшых пасадах. Кваліфікацыя і прафесіяналізм работнікаў банка немцаў амаль не цікавіла. Структура іх дзейнасці, а таксама функцыі служачых адлюстроўваліся ў цыркулярах вышэйшага кіраўніцтва, якое было зацікаўлена толькі ў забеспячэнні інтарэсаў Германіі [7, арк. 1–5].

Фонды змяшчаюць багаты матэрыял пра фінансавае забеспячэнне акупацыйных улад, войск вермахта і бюджэта рэйха. Дакументы ўтрымліваюць дырэктывы і цыркуляры па падаткаабкладанні, інструкцыі генеральных і акруговых камісараў аб вылічэнні і абкладанні падаткамі. Віды падаткаў, памеры іх ставак, а таксама аб'ёмы натуральных паставак карэктаваліся на працягу 1941–1944 гг. Сістэма падаткабкладання складалася не толькі з грашовых падаткаў і збораў, а таксама і з натуральных паставак і страхавых узносаў [8, арк. 6–7]. Існавалі і розныя штрафы, напрыклад за парушэнне парадку вулічнага руху ці паліцэйскіх гадзін [9, арк. 48].

Акупанты падкрэслівалі, што да падаткаабкладання мясцовага насельніцтва яны падыходзяць дыферэнцавана. Ільготамі карысталіся тыя, хто супрацоўнічаў з нацыстамі ці пацярпеў ад савецкай улады, нямецкія прадпрыемствы, якія працавалі на акупаваных тэрыторыях [10, арк. 4], а таксама асобы нямецкай народнасці і германскія падданыя. У некаторых рэгіёнах ад падаткаў вызвалялі праваслаўныя храмы [11, арк. 3]. Шматлікія даклады аб рэвізіях фінансавай дзейнасці ў гарадах і мястэчках сведчаць аб дрэнна наладжанай працы падатковых аддзелаў. Так у г. Пінску летам 1942 г. згодна дакладу рэвізіі фінансавай дзейнасці, асобы свабодных прафесій, якія мелі самастойныя крыніцы даходаў ад прыватнай практыкі (лекары, фельдчары, акушэры, духавенства) абкладанню падаткам прыцягнуты не былі. А вось спагнанне падаткаў з габрэяў (10 руб. з чалавека ў месяц), якое адбывалася праз юдэнрат, было ў поўным аб'ёме. З 1 студзеня 1942 г. па 1 чэрвеня 1942 г. ад габрэяў у касу горада паступіла 995 945 рублёў [12, арк. 7–34]. Гэтыя факты дэманструюць грабежніцкі некантралюемы характар сістэмы падаткаабкладання, наладжаны акупацыйнымі ўладамі.

Дакументы па цэнаўтварэнні на тэрыторыі генеральнай акругі "Валынь-Падолле" уключаюць распараджэнні гандлёвага аддзела аб усталяванні коштаў на тавары і паслугі, распараджэнні аб правілах продажу, прэйскуранты цэн для розных катэгорый паслуг насельніцтву, інфармацыю аб дзейнасці цэнтральнага гандлёвага таварыства "Усход" і іншае. На тэрыторыі генеральнай акругі "Валынь-Падолле" з мэтай кантраляваць працэсы цэнаўтварэння друкаваліся аб'явы тыпу *"Найвищі ціни на продукти харчування"* [13, арк. 15–17]. Але "цвёрды" кошт на тавары ўстанавіць было немагчыма. Паўсюдна назіраўся дэфіцыт тавараў. Недахоп прадукцыі па "вызначыных" цэнах у шырокім гандлі садзейнічаў узнікненню "чорнага" ці нелегальнага рынку, спекуляцыі і прамога прадуктаабмена. Для свабоднага вывазу тавараў у Германію з РК "Украіна" і іх ўвозу на тэрыторыю рэйхскамісарыята наладжваўся транзітны гандаль. Пэўныя фінансавыя механізмы рэгулявалі гэты працэс і паміж рэйхскамісарыятамі Остланд і Украіна [14, с. 4].

Такім чынам, матэрыялы фондаў ДАБВ утрымліваюць асноўны комплекс крыніц па акрэсленай праблеме і ўяўляюць значную цікавасць для даследчыкаў перыяду акупацыі Беларусі 1941–1944 гг. Вывучэнне зместу комплекса дакументаў германскіх акупацыйных улад дазваляе зрабіць выснову пра інфармацыйную насычанасць крыніц, што дазваляе выкарыстоўваць іх пры даследаванні фінансавай палітыкі на тэрыторыі генеральнай акругі "Валынь-Падолле" і параўноўваць з падобнымі дакументамі, якія выдаваліся ў іншых акупацыйных адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінках.

Літаратура

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. − Ф. 652. − Воп. 1. − Спр. 2.
2. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). − Ф. 2150. − Воп. 1. − Спр. 1−77.
3. ДАБВ. − Ф. 2150. − Воп. 1. − Спр. 10.
4. ДАБВ. − Ф. 2150. − Воп. 1. − Спр. 9.
5. ДАБВ. − Ф. 2150. − Воп. 1. − Спр. 9.
6. Господарски банки в Украини. Вимина грошей // Пинская газета. Орган окружного комиссара в Пинске. – 1942 року. – 17 вересня. – С. 3–4; – 1942 року. – 15 липня. − С. 2.
7. ДАБВ. − Ф. 2150. − Воп. 1. − Спр. 55.
8. ДАБВ. − Ф. 201. − Воп. 1. − Спр. 4975.
9. ДАБВ. − Ф. 201. − Воп. 1. − Спр. 4977.
10. ДАБВ. − Ф. 201. − Воп. 1. − Спр. 618.
11. ДАБВ. − Ф. 2120. − Воп. 1. − Спр. 332.
12. ДАБВ. − Ф. 2135. − Воп. 2. − Спр. 926.
13. ДАБВ. − Ф. 201. − Воп. 1. − Спр. 1322.
14. Транзитна торгівля між Генеральним губернаторством і Рейхськоміссаріатамі Остланд і Україна // Пінськая газета (Орган Окружного Коммiссаріата в Пінське). – 1943 року. –19 березня. – С. 4.

Гедз В.А.

АРХИВИСТИКА В ОККУПИРОВАННОМ КИЕВЕ: К ОСВЕЩЕНИЮ ВОПРОСА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Во времена независимости Украины историки ввели в научный оборот значительное количество документов по истории архивного дела 1941–1945 годов. Привлечение новых источников по истории украинских архивов в годы Второй мировой войны сделали возможным преодоление заидеологизованности, переосмысления и объективного анализа важных событий указанного периода развития архивистики.

Одним из первых фундаментальных исследований по истории архивного дела в период нацистской оккупации украинских земель была диссертация М. Дубик «Архивное дело в оккупированной Украине (1941–1944 гг.)», которая освещает состояние и деятельность архивов накануне и во времена оккупации, политику оккупационных властей относительно архивов, деятельности различных архивных учреждений [2]. Автор переосмыслила некоторые моменты военного этапа в истории архивного дела, отошла от идеологических стереотипов советской и немецкой историографии, упрощенных, субъективных подходов к этому вопросу. Исходя из анализа архивных документов, впервые привлеченных в научный оборот, М. Дубик поставила вопрос об изменении традиционных взглядов на политику рейха относительно культурных ценностей на оккупированных территориях Украины. Проследив пути эвакуации документальных материалов на восток, автор подала картину убытков государственных архивов Украины вследствие войны, целостно воссоздала картину архивной жизни в Украине.

В 2002 г. была защищена диссертационная работа И. Мищака «Развитие архивного дела в Украине (1943 – середина 1960-х годов)», в которой автор не касается работы архивных учреждений в оккупированной Украине [6]. Во втором разделе диссертации отражен процесс реэвакуации украинских архивов из восточных районов СССР, а также розыск и возвращение документов, вывезенных оккупантами за границу.

В 2002 г. в свет вышло пособие «Очерки истории архивного дела в Украине». В нем 17-й раздел посвящен архивам СССР в годы Второй мировой войны. Автор раздела также историк М. Дубик. Параграф 3 раздела рассказывает об архивах Украины на оккупированной территории. Наряду с информацией о деятельности архивных учреждений на территории оккупированной Украины исследовательница на основе справок ГАУ НКВД СССР и ГАУ НКВД УССР указывает, что в Германию из Киева было вывезено: 736 документов, 6 267 книг и 23 031 единицу хранения Центрального государственного архива древних актов; 100 тыс. негативов и 150 тыс. метров кинопленки Центрального государственного архива фото кинодокументов; часть документов Киевского военно-исторического архива; Документы о введении в Украине магдебурского права, о Первой мировой войне, о периоде немецкой оккупации Украины в 1918 году Государственного архива Киевской области [7, с. 453–454].

В 2009 г. на страницах журнала «Архивы Украины» была опубликована статья Т. Себты о Краевое управлении архивов, библиотек и музеев при рейхскомиссариате «Украины». С исследования узнаем, что в оккупированном Киеве функционировало Краевое управление, которое было создано 7 декабря 1942 г. Руководителем управления был д-р Г. Винтер, и размещалось оно на ул. Владимирской, 22 (ныне здание Центрального государственного музея-архива литературы и искусств Украины). В Киеве на основе Украинского главного исторического архива им. В.Б. Антоновича, который в то время объединял фонды бывшего Киевского центрального архива древних актов (КЦАДА), областного и городского архивов и отдельных спасенных ведомственных архивов 1 марта 1943 г. был образован Краевой архив Киева, который возглавлял д-р Э. Байнс. Он состоял из пяти отделов [9, с. 112].

Краевому архиву не подчинялись Военно-исторический архив в Киеве, конфискован в сентябре 1941 г. представителем Руководителя военных архивов полковником Р. фон Гедлем, и Центральный фото-киноархив, конфискован Оперативным штабом. Только 9 сентября 1943 г. Военно-исторический архив в количестве 7 097 связок было переданы Краевому управлению [9, с. 113–114]. Относительно вывезенных материалов, то Т. Себта отмечает, что с КЦАДА было отправлено 736 документов, 197 связок, 647 коробок и 1 878 томов [9, с. 120–121].

Архивы Украины в период Второй мировой войны были объектом изучения историка С. Кота. В своем исследовании «Вторая мировая война и судьба культурных ценностей Украины: перемещение и потери» он подробно изучив судьбу музейного и библиотечного фонда об

архивных учреждениях, отмечает: «Вследствие войны и оккупации оказались утраченными 18 млн. архивных дел, хранившихся в государственных центральных и областных архивах и их филиалах. А вместе с ведомственными, районными и городскими архивами общие потери государственного архивного фонда в Украине оцениваются в 46 млн дел, среди них – уникальные документы по истории Украины XII-XX ст. ...» [4, с. 256].

В 2002 г. Государственным комитетом архивов Украины был издан «Национальный реестр потерянных и перемещенных архивных фондов». К первой книге справочника включены сведения о потерянных архивных фондах части центральных государственных архивов, Государственного архива в Автономной Республике Крым, государственных архивов областей, Государственного архива г. Киева, Государственного архива г. Севастополя в период Второй мировой войны. Массив утраченных документов достигает, как минимум, 25 % (около 16 тыс. единиц) общего объема фондов только государственных архивов предвоенного периода. Списки утраченных фондов каждого архива дополняет раздел «Источники» – реестр довоенных списков фондов государственных архивов и их филиалов, списков эвакуируемых архивных фондов, актов о состоянии архивных документов на оккупированной территории, военные убытки государственных архивов, списков утраченных фондов и дел, состоявшие в первые послевоенные годы.

Составителями таблицы были собраны статистические данные о потерянных фондах украинских архивов. Архивные учреждения Киева подали следующую информацию: ЦГАВО Украина полностью потеряно 19 фондов, частично – 64; ЦГИА Украины полностью потеряно – 189 фондов, частично – 97; ГАК полностью потеряно – 238 фондов, частично – 50 [8, с. 985, 990].

В последнее время все чаще появляются исследования по истории отдельных архивов Киева. Особенно много подобных статей печатается на страницах журнала «Архивы Украины». В 2009 г. на страницах журнала было напечатано исследование В.С. Лозицкого по истории Центрального государственного архива общественных объединений Украины. В статье историк обращает внимание и на период оккупации. В частности он отмечает, что «...отсутствие достаточного количества транспортных средств и перегруженность путей эвакуации привели к большим потерям архивных материалов: значительное количество документов, прежде всего личного характера, была уничтожена архивистами. Всего за годы Великой Отечественной войны Центральный партийный архив ЦК КП(б) У потерял очень много документов – около 144 тыс. единиц хранения...» [5, с. 130]. Привлекает внимание тот факт, что автор не указывает на ограбление архива нацистами как на причину потери документов.

В 2011 г. на страницах журнала «Архивы Украины» исследовательница А.Н. Белая рассказала об истории Государственного архива Киевской области. Конечно, Ольга Николаевна не обошла период гитлеровской оккупации. В частности, о материалах архива в годы войны автор отмечает: «…17 сентября 1941 г. немецкая зажигательная бомба уничтожила в Феодосиевская церкви Киево-Печерской Лавры было уничтожено 1 200 фондов, более 395 тыс. дел, 10 тыс. кг документальных материалов, а также весь справочный аппарат отдела фондов Октябрьской революции и социалистического строительства... в период немецкой оккупации Киева в ноябре 1941 г. из материалов, оставшихся оккупационными властями, создан Киевский краевой исторический архив, который непосредственно подчинялся руководителю архивов, библиотек, музеев рейхскомиссариата «Украина» доктору Винтеру. Именно по его личному указанию из коллекции КОИА были вывезены в Германию документы о магдебургском праве в городах Украины, немецких колонистах, о первой мировой войне и пребывании немцев на Украине в 1918 г. В 1942 г. немцы также вывезли документальные материалы из хранилищ архива с Экономической, Воскресенской, Зачатиивской церквей, колокольни Киево-Печерской Лавры в 19-й корпус Музейного городка, где бросили их в хаотическом состоянии. В сентябре-октябре 1943 г. солдаты и офицеры немецкой воинской части, жившие в Музейном городке, выбросили из хранилищ более 70 фондов общим количеством 150 тыс. единиц хранения и использовали их для отопления блиндажей и укрепления траншей. Перед самым освобождением Киева немцы подожгли хранилище архива по улице Кирова, в котором сгорели более 100 фондов (240 тыс. единиц хранения)» [1, с. 98].

Сейчас самым полным исследованием по истории архивных учреждений Киева в период нацистской оккупации является статья М. Дубик, которая была напечатана в 1997 г. [3].

В ней исследовательница подробно осветила вопросы создания и деятельности Главного исторического архива им. Антоновича, который был создан в Киеве 21 октября 1941 г. Также

сосредотачивает внимание на преобразовании Главного исторического архива в Краевой архив, которое состоялось 26 февраля 1943 г. Согласно приказу Краевой архив включал в себя областной архив, архив древних актов, военно-исторический и городской архивы Киева. Группу архивов возглавил д-р Байнц [3, с. 528].

В результате проведенного историографического анализа видим, что тема ограбления гитлеровцами архивных учреждений Киева всегда интересовала украинских историков. С конца 90-х годов XX века начали печататься источники, рассказывающие не только об ограблении, но и о деятельности архивов Киева. В конце концов на основе справок ГАУ НКВД СССР и УССР были названы многочисленные потери архивов Киева.

Однако на сегодня не существует достаточно полного издания, где были бы собраны все доступные ныне документы и воспоминания об архивные учреждения Киева в 1941–1943 гг. Вопросы о вывозе архивных материалов и их возвращении назад и выяснении судьбы оставленных фондов до сих пор нераскрыты. Но в этом плане осуществляется работа как историками, так и архивистами. Не остаются в стороне от этой проблемы и научные работники Мемориального комплекса. Они продолжают изучение, разработку проблем по этой теме, осуществляют исследовательскую работу в архивах Украины, создают новые выставочные проекты, участвуют в научных конференциях, круглых столах и т.д.

Литература

1. Бєлая, О.М. Новий погляд на історію Державного архіву Київської області / О.М. Бєлая // Архіви України. – 2011. – № 4. – С. 82–99.
2. Дубик, М.Г. Архівна справа в окупованій Україні (1941–1944 рр.): автореф. дис… канд. істор. наук / М.Г. Дубик. – Київ, 1997. – 18 с.
3. Дубик, М.Г. Архіви Києва часів німецької окупації (вересень 1941 – листопад 1943) / М.Г. Дубик // Наукові записки: зб. праць молодих вчених та аспірантів / НАН України. Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. – Київ, 1997. – Т. 2. – С. 519–542.
4. Кот, С.І. Друга світова війна і доля культурних цінностей України: переміщення і втрати / С.І. Кот // Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI століття. Історичні нариси. У 2 кн. Кн. 2. – Київ: Наукова думка, 2011. – С. 231–276.
5. Лозицький, В.С. З історії Центрального державного архіву громадських об'єднань України (до 80-річчя створення Єдиного партійного архіву) / В.С. Лозицький // Архіви України. – 2009. – № 6. – С. 129–140.
6. Мищак, І.М. Розвиток архівної справи в Україні (1943 – середина 1960-х років): Автореф. дис… канд. істор. наук / І.М. Мищак. – Київ, 2002. – 12 с.
7. Нариси історії архівної справи в Україні. – Київ, КМ Академія, 2002. – С. 453–454.
8. Національний реєстр втрачених та переміщених архівних фондів. – Кн. 1: Архівні фонди України, втрачені в період Другої світової війни / автори-укладачі: Л.Г. Баланюк [та ін.]; упорядн.: К.І. Климова (кер. проекту), Н.П. Московченко, Н.П. Павловська; ред. колегія тому: Г.В. Боряк [та ін.]; Державний комітет архівів України; Український науково-дослідний інститут архівної справи та документознавства. – Київ, 2007. – 1033 с.
9. Себта, Т.М. Крайове управління архівів, бібліотек і музеїв при райхскомісаріаті України: історичний нарис / Т.М. Себта // Архіви України. – 2009. – № 3–4. – С. 11–127.

Шаповалов С.Н.

КУЛЬТУРА КУБАНИ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1942–1943 гг.)

Культура во все времена являлась неотъемлемой частью повседневной жизни человека. В ней содержались общечеловеческие ценности и нормы, идеи и идеалы. В моменты кризисов и суровых испытаний именно культура выступает в качестве особого интегрирующего начала, способного сплотить народные массы для достижения общей цели.

О роли и значении советской культуры в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в современной российской и зарубежной исторической науке написано достаточно много. Однако, на наш взгляд, региональная культура этого периода (особенно во время немецко-фашистской оккупации) все еще нуждается в детальном изучении. В рамках представленного доклада мы попытаемся раскрыть общие черты культуры Кубани во время немецко-фашистской оккупации.

Неблагоприятная обстановка, сложившаяся весной-летом 1942 г. на советско-германском фронте предопределила участь Кубани. Немецкое командование начало мощное наступление на Южном направлении. 24 июля 1942 г. противник взял Ростов – «ворота Кавказа» и уже через несколько дней вторгся в пределы Кубани. Несмотря на героическое сопротивление у кубанских станиц, Кущевской, Канеловской, Шкуринской, а также других населенных пунктов – немецко-фашистские войска стали оккупировать один район Краснодарского края за другим.

Уже 1 августа 1942 г. был захвачен Белоглинский район, 2 августа – Новопокровский и Ильинский, 3 августа – Крыловской, 9 августа – Краснодар [1, с. 592–593].

К концу лета 1942 г. были оккупированы другие города и станицы Кубани. Почти весь Краснодарский край, за исключением причерноморских городов Туапсе, Геленджика, Сочи и прилегающих к ним районов, оказался захваченным немецко-фашистскими войсками. Оккупация Кубани продлилась с августа 1942 г. до 9 октября 1943 г.

В незанятых районах и на оккупированных территориях Кубани культура стала важным духовным фактором, объединявшим население и скрашивавшим их тяжелые повседневные будни. Среди основных направлений культуры этого периода можно выделить: театральное и музыкальное искусство, музейную и библиотечную работу, периодическую печать и праздники.

С началом немецкого наступления основные театральные силы Краснодара в составе труппы Краснодарского драматического театра, объединенного с театром оперетты, были вывезены в Сочи. Здесь они ставили небольшие спектакли для местных жителей, эвакуированного из других районов населения, выступали с концертами в госпиталях для раненых солдат. В октябре 1942 г. в городе даже открылся новый кинотеатр «Ривьера», рассчитанный на 500 мест [2, с. 572]. Несмотря на близость фронта, в городе работало большинство учебных заведений и научных учреждений. В библиотеках, кинотеатрах и клубах проводились патриотические беседы и демонстрировались картины соответствующего содержания.

В Сочи временно издавалась и краевая газета «Большевик». Ее первый номер вышел 19 сентября 1942 г. Из-за трудностей с бумагой всего за период оккупации края было выпущено 13 номеров газеты «Большевик» для населения захваченных районов [3]. В ней печатались сообщения Совинформбюро о положении на фронте, статьи о героизме советских людей на фронте, партизанском движении на Кубани, преступлениях немецко-фашистских солдат в оккупированных городах и станицах.

Из артистов, не успевших эвакуироваться в период оккупации, в Краснодаре было создано несколько театральных трупп (в том числе украинская). В нее вошли многие довоенные любимцы краснодарской публики. В результате объединенная труппа драмы и оперетты возобновила прерванные спектакли. Для немцев представления шли в театре оперетты, а остального населения – в клубе профсоюзов, рядом с кинотеатром «Колос». В городе также работал театр «Варьете». Не прекращал работы местный театр драмы и комедии и в городе Армавире [4, с. 65].

В краснодарском краеведческом музее для посетителей работали разделы палеонтологии, природы и археологии. В местном художественном музее в ноябре 1942 г. была открыта выставка, на которой были представлены портретная живопись, пейзажи [4, с. 65]. После освобождения в залах проводились выставки, посвященные оккупационному периоду и героизму советских людей.

В кинотеатрах шли советские и немецкие фильмы, в основном комедии, мюзиклы, мелодрамы [5, с. 98]. Открывались кафе, бильярдные, клубы и рестораны. По донесениям советской разведки, в Краснодаре в клубах железнодорожников и «Путь к коммунизму» устраивались танцы для немцев и опрятно одетых граждан [2, с. 146].

Большое значение в период оккупации приобрела пропагандистская работа партизан и подпольщиков, проводимая среди населения захваченных немецкими войсками районов. Для этой цели в Апшеронском партизанском отряде была оборудована типография, в которой отпечатывались и распространялись сводки Совинформбюро, воззвания к трудящимся района с требованием прекратить работать. Отрядами Новороссийского куста издавались и распространялись по всем населенным пунктам листовки с обращением к населению. 26 сентября 1942 г. был отпечатан первый номер газеты «Партизанская правда» [3].

Листовки, обращения к гражданам оккупированных районов и местные газеты выпускались и в других населенных пунктах. Например, в селе Хамышки Тульского района Краснодарского края с ноября 1942 г. издавалась местная газета тиражом в 600–1000 экземпляров и распространялась среди населения временно оккупированных немцами станиц района [6, л. 94].

Немецкая пропаганда также широко использовала идеологические возможности печати. С этой целью на Кубани создавалась сеть газет, распространявших нужные фашистам сведения. Многие из них имели характерное название. В Краснодаре издавалась газета «Кубань», в Майкопе – «Майкопская жизнь», в Кропоткине – «Новое время», в Армавире – «Вестник Кубани», в Тихорецке – «Возрождение Кубани», в станице Славянской – «Станичник» [7, с. 110]. В них

освещались сюжеты, посвященные казакам и событиям культурной жизни, печатались статьи по украинской тематике, дореволюционной истории Кубани. Тем не менее, благодаря деятельности партизан и подпольщиков, а также прессе, издаваемой в неоккупированных районах, население информировалось о реальном положении дел на фронте и тылу, об убийствах и казнях советских граждан.

На оккупированных территориях создавалась иллюзия «возрождения» религиозной жизни. Для этого в храмах по поводу церковных праздников и важных событий проводились богослужения и молебствия. Велась работа по сбору средств на восстановление церковных учреждений. Так, в станице Старонижестеблиевской местный священник организовал сбор денег для ремонта церкви. Церковь восстановили в бывшем доме соцкультуры [8, л. 87].

Обобщая изложенный материал, можно отметить, что в период оккупации Кубани культурная жизнь несколько трансформировалась. В незахваченных районах функционировали привычные культурные учреждения, поднимавшие патриотический дух населения. В оккупированных районах культурная жизнь находилась под контролем, и зачастую использовалось немецкими захватчиками для достижения своих целей.

Литература

1. Екатеринодар – Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях… Материалы к Летописи / ред.-сост. И.Ю. Бондарь. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1993. – 800 с.
2. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: в 3-х кн. / сост.: А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. – Краснодар: Советская Кубань, 2000. – Кн. 1: Хроника событий. 1941–1942 гг. – 816 с.
3. Краткая хроника событий на Кубани в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 // Архивы Кубани: управление по делам архивов Краснодарского края. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kubanarchive.ru/kratkayachronika1945/. – Дата доступа: 24.02.2014.
4. Еремеева, А.Н. Культурная жизнь Кубани в XX веке / А.Н. Еремеева. – Краснодар: Платонов И., 2013. – 160 с.
5. Болдырев, Ю.А. Художественная культура Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны / Ю.А. Болдырев. – Санкт-Петербург: Нестор, 1996. – 143 с.
6. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. – Фонд 4372. – Оп. 1. – Д. 23.
7. Кринко, Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943) / Е.Ф. Кринко. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. – 242 с.
8. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. – Фонд 4372. – Оп. 1. – Д. 1.

Мартынов А.В.

СОЗДАНИЕ ВЛАСОВСКОЙ АРМИИ: ПЛАНЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ ВС КОНР

Объясняя причины поражения, большинство власовских мемуаристов создают устойчивую мифологему о «предательстве» их интересов нацистским руководством, «каиновой работе» по отношению к освободительному движению [3, с. 198].

Данная версия связана в первую очередь с именем генерал-лейтенанта Андрея Власова. Заместитель начальника штаба ВС КОНР полковник Андрей Нерянин (после войны Алдан) вспоминал, что вскоре после обнародования Пражского манифеста, названного им «периодом наиболее радужных надежд» Власов говорил: «Через 6–7 месяцев, то есть к маю – июню 1945 года, мы будем иметь минимум 10 линейных дивизий, несколько запасных бригад или полков, офицерское училище, вспомогательные части… Кроме того, в ближайшее время из немецких частей будут изъяты все русские роты, батальоны и отряды… У нас будут свои авиационные части и танковые войска» [1, с. 7–8]. О 10 дивизиях, танковых и авиационных частях меньшей численности писал и подполковник Вячеслав Артемьев, указывавший, что «к 1 февраля 1945 года предполагалось закончить формирование трех пехотных дивизий» [2, с. 26, 27]. В отличие от Алдана и Артемьева, историк Рольф-Дитер Мюллер считал, что 10 дивизий Власов предполагал сформировать в течение года [12, с. 254]. В тоже время, по мнению капитана власовской армии Михаила Шатова, «запланировано было сформирование 30 дивизий РОА, а также нужного количества воздушных сил… и всего, что необходимо для оснащения миллионной Русской освободительной армии» [19, с. 4]. Слова Шатова подтверждает замначальника радиоотдела главного управления пропаганды КОНР Лев Дудин. Он в числе прочего вспоминал, как «Власов неоднократно говорил, что ему нужно лишь, чтобы Германия продержалась примерно на тех линиях фронта, которые были в октябре – ноябре 1944 года, до весны 1945 года, так как он рассчитывал к этому времени создать армию до 30 – 40 дивизий и перейти в наступление на Восточном фронте уже собственными силами» [7, с. 44]. Правда, позднее на

встрече с главкомом люфтваффе, «наци номер два» Германом Герингом, состоявшейся 2 февраля 1945 года, согласно отчету оберфюрера СС Эрхарда Крегера, Власов заявил, что «наличного офицерского и солдатского состава хватит на 5 дивизий», оговорившись, что необходимо предварительное обучение офицеров [20]. Данное заявление не совсем понятно, если учесть, что на встрече с Йозефом Гиммлером говорилось о первоначальном создании лишь двух дивизий. Рейхсфюрер, в частности, сказал: «было бы крайне некорректно с моей стороны обещать вам сегодня больше и затем сокращать свои обязательства» [10, с. 186–187]. Названное количество было обусловлено предварительными консультациями Гиммлера с военным руководством. Так, в частности, в середине сентября его представители разговаривали с командующим восточными добровольческими войсками вермахта (Osttruppen) генералом от кавалерии Эрнстом Кестрингом о возможностях вермахта снабдить формирующиеся дивизии (первоначально речь шла по 5–7) вооружением. Кестринг в свою очередь консультировался с начальником штаба сухопутных войск генерал-полковником Гейнцем Гудерианом. Последний был согласен: «чем больше дивизий вы выставите, тем лучше» [22]. Данные переговоры опровергают миф будто бы на этом этапе руководство СС выступало против развертывания власовской армии. Парадоксально, но возражали некоторые высшие чины вермахта. Кестринг вспоминал, что единственный, кто выразил недовольство по поводу развертывания РОА, был начальник оперативного отдела OKW генерал-полковник Альфред Йодль, по мнению которого, это означало «самим готовить собственных палачей» [22]. Ко времени встречи Власова и Гиммлера ситуация со снабжением изменилась в худшую сторону, что привело к уменьшению числа дивизий. Впрочем, среди рядового состава власовской армии ходили разговоры, что для достижения «сильного морального впечатления на красноармейцев» было бы достаточно «крепкой боевой единицы из трех дивизий» [5, с. 97].

Сокращение числа дивизий вызвало непонимание со стороны коллаборантов, что привело к дальнейшему моделированию мифа о «предательстве» власовцев Германией. Духовник при штабе ВС КОНР протопресвитер Александр Киселев считал, что отказ рейха от формирования крупных соединений русских во время войны был непоправимой ошибкой. «Немцы не способны были одуматься… казалось, что им легче умереть, чем сдвинуться с проторенной дорожки. Гибкости для внутренней перестройки, быстрой ориентировки в ситуации развивающихся событий у них не оказалось». Он обращал внимание на то, что между разговором Гиммлера и Власова, в ходе которого было принято решение о формировании РОА (16 сентября 1944 года), и официальным объявлением генерала главнокомандующим (28 января 1945 года) прошло больше четырех месяцев [10, с. 143]. В свою очередь начальник главного управления пропаганды КОНР генерал-лейтенант Георгий Жиленков характеризовал политику германского правительства, как деятельность «клуба самоубийц» [19, с. 146].[4]

Его коллега, редактор газеты «Воля народа», Александр Казанцев видел в требовании OKW послать наличные части власовской армии на фронт, а не держать их в резерве до появления новых дивизий, «удар в спину и Освободительной армии и движению в целом». «Политически это было убийством… выступая против советских частей, они (власовцы – *А.М.)* должны были выступать как защитники Берлина… Со стороны немцев это было открытой провокацией, – дискредитировать части Движения как прямых пособников Гитлера» [9, с. 306].[5] В принципе тоже признавал и начальник личной кацелярии Власова полковник Константин Кромиади, писавший, что «каждому было ясно, что пойти на фронт, это значит отказаться от своей прямой миссии»[11, с. 228].

По сути, некий итог обвинениям в адрес рейха со стороны отечественной коллаборации дал Вячеслав Артемьев: «нацистское правительство, официально объявляя о создании Освободительной армии и заключая соглашение об этом с генералом Власовым, не собиралось выполнять обязательства, которые брало на себя, якобы в интересах народов России» [2, с. 30]. В последующем подполковник писал о власовской армии, как о силе, «которой не существовало и которую нацистское правительство и не намеревалось создавать» [2, с. 37].

---

[4] Ср. со словами полковника Клауса Шенка фон Штауффенберга о своих коллегах-заговорщиках: «Общество борьбы против опасного для жизни идиотства» [17, с. 41].

[5] Интересно, что Казанцев, обвиняя немцев, использовал язык национал-социалистической пропаганды. «Удар в спину» (Dolchstoßlegende) мифологема, согласно которой, поражение Германии в годы I Мировой войны было обусловлено предательскими действиями части населения (евреи, социал-демократы).

Помимо вполне логичного нежелания приносить в жертву собственные национальные интересы ради решения посторонних проблем в данном вопросе следует учитывать естественный скепсис германского командования, касающийся боеспособности коллаборантов, который сохранялся на протяжении всей войны. Кроме того, к концу боевых действий возник ряд объективных трудностей, связанных с ограниченностью ресурсов самой Германии о чем, в частности, писали западные историки Джордж Фишер и Йоахим Хоффманн [21, с. 78; 18, с. 136]. Разрушенные заводы по производству вооружений, дефицит топлива не давали возможность снабжать и комплектовать собственные дивизии, не говоря об оставшихся формированиях союзников, отсюда и «черепашья тактика», «черепаший темп», столь возмущавший коллаборантов [3, с. 197]. Генерального штаба генерал-майор, участник Гражданской войны, один из создателей и руководителей Главного управления казачьих войск в Германии Вячеслав Науменко (перешедший в дальнейшем в ВС КОНР) вспоминал о встрече главы ГУКВ генерала от кавалерии Петра Краснова и Эрнста Кестринга. В ответ на слова атамана «о том, что мы можем собрать более ста тысяч казаков… он с грустью сказал: “а чем мы их вооружим?”» [13, с. 340]. По мнению офицера-эмигранта («дроздовца»), служившего в одном из коллаборационистских формирований 9-й армии, Николая Старицкого, в данном вопросе сыграла роль «неосведомленность Власова, его надежды на возможность для немцев оснащения и вооружения большой армии РОА в конце 1944 года, когда даже сгоревшие в боевом огне немецкие дивизии не могли быть восстановлены из-за недостатка материальных средств» [16, с. 7].

В принципе об этом говорили и Власов, и Трухин, хотя, похоже, генералы не понимали всего масштаба проблем. Алдан вспоминал, как они признавали, что «конечно, надо понимать, что немцам трудно будет дать нам материальную часть для авиационных и танковых частей. Имеются также трудности в обеспечении наших частей автомобильным транспортом» [1, с. 8]. Впрочем, Власов позднее осознал невозможность формирования сколько-нибудь значимого числа частей в сложившихся условиях. 2 марта 1945 года во время визита в ставку главкома ВВС КОНР генерал-майора Виктора Мальцева заявил: «О десяти дивизиях и мечтать не приходится: время не позволяет. Если к концу апреля сформируем и вооружим три дивизии, то Богу слава!» [15, с. 61–62].

Важно учитывать и нежелание власовцев считаться с возникшими проблемами. Генерал-майор Сергей Буняченко не хотел приравнивания своей дивизии к фольксгренадерским («облегченный» вариант обычной дивизии вермахта конца войны), формирование и снабжение которых было более менее отлаженным, а требовал полноценного комплектования [18, с. 47].

Интересно, что не все власовцы разделяли подобную мифологему. Часть из них считала, что в сложившихся условиях «самым интенсивным темпом шло снабжение дивизии всем предусмотренным штабом оружием, имуществом и конским составом». Правда, поставки автомобильного транспорта, как и предполагало руководство ВС КОНР, были очень ограничены [14, с. 9].

Важно и то, что германское командование в случае наличия возможностей на местах, увеличивало численность коллаборационистских формирований. Так, добровольческий особый полк СС «Варяг» (Freiwilligen SS-Sonderregiment «Warager») в течение второй половины 1944 года был развернут из батальона в полк трехбатальонного состава, а число военнослужащих выросло с 1 500 до 2 500 человек [8, с. 216–217]. Полк, дислоцированный в Словении (Любляна) получал пополнение из лагерей военнопленных, расположенных в Германии и из числа завербованных сотрудниками полка остарбайтеров, работавших в Австрии [4, с. 77]. В принципе, подобное происходило с дивизиями РОА. Для их формирования немцы передавали, когда появлялась возможность, отдельные батальоны коллаборантов или их остатки. Так, с Восточного и Западного фронтов были переброшены 308, 439, 601, 603, 605, 618, 628, 630, 653, 654, 663, 665, 666, 669, 675, 681, 752, и часть 553 батальонов, вошедших в состав 1-й дивизии РОА. А 427, 600, 621 батальоны и часть 553-го были включены во 2-ю дивизию [6, с. 527–541]. Также, удалось полностью укомплектовать имеющийся штат ВВС КОНР всем необходимым вооружением, несмотря на то, что многие немецкие части испытывали серьезные недостатки в снабжении [15, с. 54].

Парадоксально, что иногда сами власовцы отказывались от подобных пополнений. Кромиади вспоминал, что на предложение обергруппенфюрера СС Готтлоба Бергера, организовать сборный пункт для русских солдат и офицеров из разбитых немецких частей, с целью их включения в состав ВС КОНР, Власов ответил отказом. «Приехав в Берлин, Власов сказал, что этим русским солдатам и офицерам здесь делать нечего и пусть пробираются дальше» [11, с. 204].

Также вполне естественным выглядит и стремление OKW использовать немногочисленные резервы, в том числе и состоящие из коллаборантов. В частности, «французская» 33-я дивизия СС «Шарлемань» обороняла Берлин. В данном контексте совершенно фантастической выглядит мысль о снятии с фронта и переброске в тыл русских батальонов. Хотя первоначально немцы не предполагали использовать власовские части до мая [1, с. 8]. С другой стороны и для Германии, и для коллаборантов было бы выгоднее, если бы части РОА использовали не только, как боевые единицы, но и как элемент психологической войны. Начальник медицинского отдела Главного гражданского управления КОНР Федор Богатырчук отмечал, что «наша дивизия по своей силе имела больше политическое, чем военное значение. Соответственно с последним, наши силы следовало помещать на хороших участках фронта, а не затыкать ими дыры во фронтовой линии, образовавшиеся вследствие поражения немецких частей» [3, с. 204]. Правда, на исход войны ВС КОНР повлиять вряд ли смогли бы. Думается, прав Мюллер, утверждавший, что в 1945 году «власовская армия даже при условии реализации его (Власова – *А.М.*) планов уже не смогла бы сыграть решающей роли в осуществлении перелома в войне, поскольку у противника имелось подавляющее превосходство», хотя, возможно, в отношении Восточного фронта, при соблюдении условий, высказанных Богатырчуком, ВС КОНР имели шансы затянуть боевые действия [12, с. 254].

Представляется, что рассмотренные трактовки событий являются частью сконструированного мифа о «третьей силе», в которой наряду с «предательством со стороны немцев», также входил миф о «чистой» коллаборации (по аналогии с «чистым» вермахтом), то есть отрицанием совершенных военных преступлений и стремлением дистанцироваться от связей с национал-социализмом.

Литература

1. Алдан, А.Г. Армия обреченных / А.Г. Алдан. – Нью-Йорк: Издательство Архив РОА, 1969. – 130 с.
2. Артемьев, В.П. Первая дивизия РОА / В.П. Артемьев. – Лондон (Онтарио): Изд-во СБОНР, 1974. – 182 с.
3. Богатырчук, Ф. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому Манифесту / Ф. Богатырчук. – Сан-Франциско: Глобус, 1978. – 336 с.
4. Делианич, А. Серега / А. Делианич // Борьба . – 1980. – Т. 77. – С. 76–82.
5. Дичбалис, С. Детство, отрочество, юность не по Льву Николаевичу Толстому. Воспоминания / С. Дичбалис. – Санкт-Петербург: Сатис, 1995. – 208 с.
6. Дробязко, С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. / С.И. Дробязко. – Москва: Эксмо, 2004. – 608 с.
7. Дудин, Л. Великий мираж / Л. Дудин. – Лондон (Онтарио): Изд-во СБОНР, 1970. – 80 с.
8. Жуков, Д. Русские эсэсовцы / Д. Жуков, И. Ковтун. – Москва: Вече, 2010. – 464 с.
9. Казанцев, А. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом / А. Казанцев. – Москва: Посев, 1994. – 344 с.
10. Киселев, А. Облик генерала А. А. Власова. Записки военного священника / А. Киселев. – Нью-Йорк: Путь жизни, 1977. – 232 с.
11. Кромиади, К. За землю, за волю… / К. Кромиади. – Сан-Франциско: Глобус, 1980. – 300 с.
12. Мюллер, Р.-Д. На стороне вермахта. Иностранные пособники Гитлера во время «крестового похода против большевизма» 1941–1945 гг. / Р.-Д. Мюллер. – Москва: РОССПЭН, 2012. – 304 с.
13. Науменко, В.Г. Великое предательство / В.Г. Науменко. – Санкт-Петербург: Нева, Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 448 с.
14. Осипов, А. Первая дивизия РОА (краткий исторический очерк) / А. Осипов // Часовой (Брюссель). – 1948. – Т. 278. – С. 8–9.
15. Плющов, Б. Генерал Мальцев: История военно-воздушных сил Русского освободительного движения в годы Второй мировой войны (1941–1945) / Б. Плющов. – Сан-Франциско: Глобус, 1982. – 116 с.
16. Старицкий, Н. К истории освободительного движения / Н. Старицкий // Доброволец. Орган внутренней связи кадров РОА (Мюнхен). – 1955. – Т. 25. – С. 6–8.
17. Стеенберг, С. Власов / С. Стеенберг. – Мельбурн: Русский дом в Мельбурне, 1974. – 254 с.
18. Хоффманн, Й. История власовской армии / Й. Хоффманн. – Париж: YMCA-Press, 1990. – 382 с.
19. Шатов, М. Предисловие / М. Шатов // Осокин В. Андрей Андреевич Власов. – Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1966. – 38 с.
20. Bundesarchiv. – NS. 19/3823.
21. Fisher, G. Soviet Opposition to Stalin / G. Fisher. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1952. – 230 p.
22. Institut für Zeitgeschichte. – ZS 85/3

Ратушняк О.В.

КАЗАЧИЙ СТАН В БЕЛОРУССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Создание казачьих воинских частей, сотрудничавших с гитлеровским оккупационным режимом на территории СССР, было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, вермахт не справлялся со всеми задачами, стоявшими перед оккупантами, и было решено часть этих задач переложить на добровольческие части. Во-вторых, на оккупированных казачьих землях нашлось немало лиц, в основном казачьего происхождения, изъявивших желание пойти на службу к оккупантам. Сотрудничество казаков с немцами выразилось как в организации воинских частей, так и в организации системы управления в казачьих областях.

Целью данной статьи является анализ деятельности одного из объединений казачества – Казачьего стана – в годы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии.

Осенью 1942 г. в г. Новочеркасске для создания и координации деятельности казачьих частей был создан штаб Донского войска. Здесь же была создана и одна из воинских казачьих частей, которую возглавил донской казак полковник С.В. Павлов. В скором времени С.В. Павлов обрел поддержку в лице бывшего донского атамана генерала П.Н. Краснова. П.Н. Краснов, находясь в эмиграции, с первых же дней начала Великой Отечественной войны высказал готовность и желание сотрудничать с немцами в деле борьбы с советской властью. Призывал он к этому сотрудничеству как казаков-эмигрантов, так и казаков, проживавших на территории СССР. П.Н. Краснов давал рекомендации и С.В. Павлову по формированию казачьих частей и организации деятельности повстанческого движения на Дону, направленного против советской власти.

Находясь в Таганроге, штаб Донского войска обратил внимание на информационное обеспечение деятельности казачьих частей, поддержав издание журнала «Донская волна». Большой проблемой в организации казачьих частей было отсутствие молодежи. Особенно среди офицерского состава. Так, командиром одного из полков был назначен 70 летний казак полковник Елкин [2, л. 59].

Отступая вместе с немцами на восток, С.В. Павлов, возглавив штаб Донского войска в качестве походного атамана, продолжил формирование донских частей. В целях восстановления казачьих традиций и поддержания морального духа бойцов каждую часть должен был окормлять священник. К лету 1943 г. казаки в количестве около 3 тысяч человек под командованием С.В. Павлова расположились в Кировограде. Еще около 7 тысяч казаков размещались в Проскурове (ныне Хмельницкий). С.В. Павлов пытается заручиться поддержкой не только П.Н. Краснова, но и других лидеров казачьей эмиграции. Так, в августе 1943 г. он пишет письмо генералу Е.И. Балабину, атаману Общеказачьего объединения в Чехии: «Военной мощью германского народа нам, пережившим советчину, предоставлено великое счастье совместно бороться против нашего 25-летнего врага. … Постоянная борьба за эти годы нас закалила. … У нас у всех один путь – борьба с большевизмом. С нами Великая Германия и – победа. Мы призываем Вас господин генерал, помочь казачьей стихии через Германское Верховное Командование» [3, л. 128].

10 ноября 1943 г. начальником штаба германского верховного командования В. Кейтелем и имперским министром Восточных областей А. Розенбергом была подписана декларация, в которой казаки объявлялись верными соратниками и союзниками германской армии. За ними признавались различные права и привилегии. В случае невозможности проживания в родных краях германское руководство обещало устроить «казачью жизнь на востоке Европы, под защитой Фюрера», обеспечив их всем необходимым [7, с. 2].

По-видимому, в это время и был создан непосредственно Казачий стан. Его образовывали не только воинские части, но и гражданские лица из числа беженцев из казачьих областей и краев (включая женщин и детей), не только донцы, но и кубанцы и терцы. Всего казачий стан насчитывал около 18 тысяч человек. С подачи П.Н. Краснова С.В. Павлов был назначен походным атаманом казачьих войск. В соответствии с декларацией от 10 ноября 1943 г. казакам предоставлялась возможность разместиться в районе с. Балино Каменец-Подольской области. С этого момента основной заботой С.В. Павлова стала организация жизни и деятельности Казачьего стана и обеспечение безопасности казаков из числа гражданских лиц.

С.В Павлов был включен в состав Главного управления казачьих войск, созданного по приказу командующего добровольческими войсками генерала Э. Кестринга 31 марта 1944 г.

Однако только казаки немного наладили свою жизнь на предоставленной им территории, как в конце мая 1944 г. поступил новый приказ о передислоцировании Казачьего стана в район Барановичи – Новогрудок (Белоруссия). Основными причинами принятия такого решения были: во-первых, наступление советских войск, во-вторых, стремление путем размещения казаков в месте активного действия партизан обеспечить безопасность данного района, представлявшего стратегическое значение для немецкого командования.

На новом месте дислокации С.В. Павловым была создана стройная система гражданского и военного управления. Казаки, принадлежавшие к одному войску, селились своими станицами, которые объединялись в отделы и округа. Строевые казаки были объединены в составе 11 казачьих полков. Здесь была создана и своеобразная Казачья епархия, которую возглавил

протоиерей В. Григорьев [9, с. 191–192]. Для обустройства и организации жизни в г. Новогрудке и с. Дворжице был открыт ряд различных мастерских [1, с. 101]. Обустроив место расположения Казачьего стана, С.В. Павлов провел смотр казачьих частей, о котором было впоследствии написано как в немецкой, так и эмигрантской прессе [8, с. 28].

В Белоруссии казаки пытались наладить мирную жизнь, готовились к посевной, открывали школы для детей… Однако в условиях продолжавшейся войны это было фактически невозможно. Казачьи части не только защищали свои позиции и свои семьи от нападения белорусских партизан, но и использовались германским командованием для охраны складов, мостов, дорог, а также для проведения облав и ударов по партизанам.

В июне 1944 г. в одной из стычек с партизанами С.В. Павлов был убит. В скором времени Казачий стан возглавил войсковой старшина, произведенный в полковники, Т.И. Доманов. Он также был назначен членом Главного управления казачьих войск от Донского войска и исполняющим обязанности походного атамана [2, л. 178–178 об.].

23 июня 1944 г. советские войска начали операцию «Багратион». Значительная роль в данной операции отводилась активным действиям партизанских отрядов, в большом количестве находившихся на территории Белоруссии. В июле 1944 г. Казачий стан вместе с германскими войсками отступил дальше на запад, на территорию Польши. При этом казаки не только охраняли от нападения партизан своих стариков, женщин и детей, но и выполняли боевые задачи германского командования, обеспечивая в частности охрану значимых путей сообщений, по которым проводилась эвакуация и переброска войск. За выполнение поставленных задач Т.И. Доманов был награжден германским крестом, а казаки представлены к другим наградам. Как видно из письма М.А. Ковалева (начальник сводной казачьей группы в Праге) С.В. Маракуеву: отход Казачьего стана в район Гродно начался своевременно и прошел благополучно. При этом М.А. Ковалев ссылается на информацию, полученную от атамана Кубанского казачьего войска генерала В.Г. Науменко, который вскользь упомянул только об одном трагическом случае (бомбардировки одной из казачьих колонн, во время которой погибли 65 кубанских казаков) [4, л. 4–3об.]. В то же время С.В. Маракуев, ссылаясь на другие источники, говорит о разгроме казаков в районе Барановичей и о вине в этом В.Г. Науменко, который до последнего задерживал эвакуацию казаков [5, л. 20об.]. По-видимому, это связано с тем, что казаки прорывались несколькими группами и В.Г. Науменко, упомянув об одной, «забыл» упомянуть о другой.

Отходя из Белоруссии казаки, используя немецкую тактику часто вели перед колонной пленных, чтобы таким образом обезопасить себя от возможных подрывов на минах, которые на пути отступления расставляли местные партизаны [8, с. 18].

После отступления из Белоруссии в Польшу Казачий стан насчитывал около 15–17 тысяч человек, включая стариков, женщин и детей [6, с. 445]. Однако в Польше казаки надолго не задержались. Впоследствии все они были переброшены в Италию, где фактически и размещались практически до самого конца войны.

Интересно то, что основной причиной переброски казаков в северо-восточную Италию было стремление немецкого командования обеспечить здесь, как и в Белоруссии, силами казаков порядок. Данная территория, как и Белоруссия, была наводнена партизанами, чему в немалой степени способствовали и местные условия (в Белоруссии – леса, в Северной Италии – горы). Стратегически данная территория была важна для германского командования, так как обеспечивала определенную связь между Балканами и Центральной Европой и находилась на пути англо-американских войск, продвигающихся с юга Аппенинского полуострова. Немцы прекрасно понимали, что как и в Белоруссии, казаки защищая свои семьи от партизан фактически будут обеспечивать безопасность и поддерживать порядок в местах своего размещения. Это видно и из приказа генерала П.Н. Краснова от 17 сентября 1944 г., в котором говорилось, что казачьи части походного атамана Т.И. Доманова «имеют особое назначение очистить от партизан и бандитов временную казачью землю для поселения на ней казачьих семей и для охраны их на этой земле» [3, л. 342 об.].

Литература

1. Быков, Н.А. Казачья трагедия (1940–1945-й гг.) / Н.А. Быков. – Нью-Йорк, 1959. – 156 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5761. – Оп. 1. – Д. 27.
3. ГАРФ. – Ф. 5761. – Оп. 1. – Д. 10.
4. ГАРФ. – Ф. 5842. – Оп. 1. – Д. 2. Л.
5. ГАРФ. – Ф. 6532. – Оп. 1. – Д. 89. – Л. 20об.

6. Крикунов, П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным / П. Крикунов. – Москва: Яуза, Эксмо, 2005. – 608 с.
7. На казачьем посту // Берлин. – 1943. – № 14. – С. 2.
8. Науменко, В.Г. Великое предательство / В.Г. Науменко. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 448 с.
9. Шкаровский, М.В. Казачий стан в Северной Италии и его церковная жизнь / М.В. Шкаровский // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции: международная научная конференция. – Москва: Русский путь, 2006. – С. 190–208.

Черняков Д.И.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ НА БРЯНЩИНЕ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1943 гг.

Самым заметным проявлением сотрудничества с оккупантами на Брянщине являлось существование Локотского округа. Данное административно-территориальное образование пользовалось широкими полномочиями в решении не только социальных и экономических вопросов, но и военных и политических.

Еще одной специфической стороной нацистской оккупации Брянщины стало включение ее территории в сферу интересов националистов соседней Белоруссии. Теме белорусского национализма посвящены немногочисленные работы исследователей М. Семиряги, О. Романько, С. Ерша, С. Чуева. В исследованиях указанных авторов обращалось внимание на истоки белорусского национализма, коллаборационизм в военной и административной сферах.

Тем не менее, белорусский национализм, как социально-политическое явление, изучен достаточно слабо. Частично объяснение можно найти в самом масштабе данного вида национализма. Объективная причина здесь кроется в слабо развитом национальном самосознании белорусского населения. Это признавали сами немцы: «Среди белорусов почти не различается чувства национальной принадлежности. Существует белорусский народ и язык, но нет белорусской проблемы как националистически-автономистской. Белорусский народ можно определить как аморфную массу, которая не имела своей интеллигенции и своего государства» [5, с. 234].

Как показывает О. Романько, белорусский национализм не был однородным явлением. Здесь существовали три направления. Первое представлено группой Я. Станкевича и В. Ивановского. Скептически оценивая возможность победы Германии в войне, Ивановский и Станкевич полагали, что окончательное решение вопроса белорусской государственности будет решаться Англией и Францией после войны на международном уровне.

Второе направление представляла Белорусская народная громада, созданная начальником полиции Минского округа Ю. Саковичем. Основная стратегия громады была нацелена на создание глубоко законспирированного подполья, целью которого была борьба за независимость Белоруссии.

Наиболее последовательно решала вопросы построения независимого белорусского государства в этнографических границах Белорусская независимая партия («Беларуская незалежніцккая партыя»). В отличие от первых двух направлений, действовавших в областях центра и запада Белоруссии, сторонники БНП активно действовали, в том числе, и в восточных областях. Амбиции националистических деятелей данной группы не ограничивались только Белорусской ССР и выходили далеко за ее границы. Основная задача БНП заключалась в том, чтобы объединить все белорусские этнографические земли и на их основе создать независимую Белоруссию. Прилегающие территории Брянщины и Смоленщины объявлялись «исконно белорусскими» с последующим их включением в состав Белоруссии [4, с. 130].

Заявления националистов-незалежников не расходились с делами. Деятели белорусского национализма проявили себя в создании полицейских формирований, политической, административной и религиозной сферах.

Проходивший 21 августа 1941г в Минске тайный совет националистических деятелей постановил создать Белорусскую независимую партию. Программа БНП предусматривала использование военных событий для достижения главного результата – восстановление независимого белорусского государства. Националисты надеялись, что в ходе противостояния нацистская Германия и Советский Союз ослабят друг друга. При этом «коммунистическая Москва» объявлялась врагом №1 белорусского народа, фашистская Германия – врагом №2. БНП объявила исконно белорусскими земли Смоленщины и Брянщины. Организацию сети БНП в фронтовой зоне и создание военных отделов в центральной части Восточного фронта приняли на себя Д. Космович и М. Витушка. Для налаживания партийной работы здесь действовали члены Центрального комитета БНП. Михаил Витушка и Дмитрий Космович, которые прибыли в Брянский округ в

начале ноября 1941 г., решали задачу организации на местах полицейских формирований. Вместе с ними прибыл видный националист Радослав Островский. Он являлся бургомистром Брянского округа. Проводимая им работа следовала в русле еще одного програмного пункта БНП – «выдавливать поляков и русских с административных постов и полиции».

Националисты проводили активную пропагандистскую работу. Космович, со своим заместителем Витушкой, кроме Брянска, с речами выступал в Карачеве, Навле, Выгоничах, Почепе, Жирятино, Дятьково, Жуковке. Здесь он проводил беседы на собраниях жителей и представителей коллаборационистской администрации. Основным мотивом его выступлений была критика колхозной системы и «сталинского атеистическо-коммунистического режима». Вместе с антисоветскими речами он говорил своим слушателям, что те принадлежат к «белорусскому народу, и только силой исторических событий были оторваны от Матери-Белоруссии». В качестве аргумента он приводил белорусское произношение местного населения. Космович предлагал совместно бороться за освобождение своей земли от большевиков [3, с. 129].

Созданная Космовичем служба порядка вела борьбу с партизанами и занималась контрразведывательной работой. Начало народной милиции положил отряд из 60 человек, которых Космович набрал из числа военнопленных и бывших служащих районного аппарата. Впоследствии отряд разросся, благодаря чему под контролем милиции находилась прилегающая к Брянску территория. Руководящий состав милиции комплектовался из числа военнопленных советских офицеров.

Небольшие отряды местной службы порядка не могли своими силами справиться с разраставшимися партизанскими отрядами. Для большего сопротивления партизанам Космович предложил немецкому военному командованию создать крупные моторизованные и хорошо вооруженные отряды. Не доверяя в полной мере начинаниям белорусских националистов, немцы не реализовали предложенный план. Однако в самом Брянске Космович все же создал моторизованные подразделения быстрого реагирования. За их организацию Космовичу было привоено звание майора и пост инспектора службы порядка тыловой зоны центральной армейской группировки [7, с. 98].

На городскую стражу Брянска, руководимую Д. Космовичем, возлагались и вопросы санитарного характера. Для предупреждения бешенства стражники занимались истреблением бродячих собак и кошек [1, л. 220].

Националисты проводили и подпольную политическую работу, создавая в частях службы порядка ячейки незалежницкой партии. После переезда в апреле 1942г в Смоленск, Космович поддерживал связь с националистическим подпольем через Рославль [3, с. 174].

Находясь в Смоленске, Космович отстаивал принадлежность населения части Брянщины к белорусскому народу. В ходе встречи с генерал-лейтенантом А.А. Власовым, проходившей 26 февраля 1943г, Космович заявлял, что готов сотрудничать с «Русским комитетом» при условии признания независимости Белоруссии. Собеседники коснулись вопроса возможных границ белорусского государства. На заявление Власова, что Смоленщина и Брянщина это русские земли, Космович посоветовал собеседнику «лучше познакомиться с историей белорусского народа и сопротивлением Брянщины и Смоленщины против Москвы, которая царским самодержавием и ленинским коммунизмом захватила их и присоединила к России» [3, с. 183].

Белорусский национализм проявил себя и в религиозной сфере. Незадолго до отъезда в Брянск, Р. Островский направил письмо находившемуся на покое митрополиту Пантелеимону (Рожновскому). В послании обращалось внимание на необходимость образования независимой от Москвы Белорусской автокефальной православной церкви. Средством достижения поставленной цели определялось ведение церковного делопроизводства и проповеднической деятельности в храмах только на белорусском языке [6, с. 5].

После приезда в Брянск, в городе и райцентрах Брянского округа белорусские националисты содействовали подготовке подходящих помещений для совершения церковных служб. Религиозные обряды в Брянске проводил архимандрит Павел (Мелетьев), который с 1937 г. нелегально проживал в городе и тайно совершал богослужения в домах своих последователей. В 1942 г. Павел получил от иерархии Белорусской церкви благословение на деятельность по возрождению религиозной жизни в Брянском округе [3, с. 134].

8–10 марта 1942 г. в Минске проходил Собор епископов Белорусской церкви. Согласно акту деяний Собора, была образована обширная Смоленская епархия, которая включала: Смо-

ленск, Невель, Велиж, Ярцево, Рославль и Брянск. Правящий архиерей должен был получить титул – «епископ Смоленский и Брянский». На епископскую кафедру назначался овдовевший протоиерей Симеон Севбо. Его посвящению в епископы должны были предшествовать монашеский постриг и возведение в сан архимандрита. Однако глава Белорусской церкви не спешил с вопросом назначения епископа Смоленского и Брянского, ограничившись только пострижением в монахи кандидата с именем Стефан и возведением в архимандриты. Только под давлением националистов и благодаря вмешательству Генерального комиссариата Белоруссии, возведение в епископы Стефана (Севбо) состоялось 17 мая 1942 г. [3, с. 134].

Но этот факт вовсе не означал, что отныне все православные приходы Брянщины автоматически включались в юрисдикцию Белорусской православной церкви. Многие священники вовсе не почувствовали над собой никакого епископского контроля. С мест в окружные центры поступала информация, что отдельные священники не имели никаких указаний со стороны новой церковной администрации.

Были приняты меры к единообразному совершению духовенством богослужений. Отныне настоятели приходов обязывались поминать в установленном порядке «Высокопреосвященнейшего Пантелеимона, митрополита Минского и Белорусского, и господина нашего Преосвященнейшего Стефана, епископа Смоленского и Брянского» [2, л. 19].

Епархия Белорусской православной церкви просуществовала на Брянщине вплоть до момента ее освобождения от немецких оккупантов в сентябре 1943 г.

Подводя итог отметим, что деятельность белорусских националистов на Брянщине нашла свое выражение в разных сферах общественной жизни: административной, политической и религиозной. Дальнейшее исследование обозначенных вопросов возможно при расширении базы первоисточников. Отмеченные в настоящей работе вопросы лишь определяют контуры для последующих, более детальных исследований. По всей видимости, дальнейшее изучение темы зависит от расширения источниковой базы и введения в научный оборот недоступных ныне широкому кругу исследователей засекреченных архивных документов.

Литература

1. Государственный архив Брянской области. – Ф. 1757. – Оп.1. – Д. 5.
2. Государственный архив Брянской области. – Ф. 2600. – Оп. 1. – Д. 77.
3. Ёрш, С. Вяртаньне БНП. Асобы і дакумэнты Беларускай незалежніцкай партыі / С. Ёрш. – Мінск – Слонім: Архіў найноўшае гісторыі, 1998. – 148 с.
4. Касмовіч, Д. За вольную і суверэнную Беларусь / Д. Касмовіч. – Вільня: Gudas, 2006. – 224 с.
5. Романько, О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941–1945 гг. / О.В. Романько, – Москва: Вече, 2008. – 448 с.
6. Семиряга, М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М.И. Семиряга. – Москва: РОССПЭН, 2000. – 863 с.
7. Силова, С.В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой отечественной войны (1941–1945 гг.) / С.В. Силова. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 105 с.
8. Чуев, С. Проклятые солдаты: предатели на стороне III рейха / С. Чуев. – Москва: Эксмо, 2004. – 571 с.

Ковальчук И.В.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ПОХОДНЫХ ГРУПП ОУН НА ТЕРРИТОРИЮ ЖИТОМИРСКОЙ И ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ КИЕВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В ИЮЛЕ–СЕНТЯБРЕ 1941 ГОДА

Накануне нападения Германии на СССР обе ОУН активно разрабатывали тактику проникновения на земли Центральной и Восточной Украины. Основой этой тактики стало формирование походных групп, штаб которых был образован в Кракове. Началом формирования самих групп большинство исследователей считает середину мая 1941 г. [10, с. 36]. Всего было создано по 3 походные группы от каждой ОУН: «Север», «Центр», «Юг» [9, с. 217]. Координацию деятельности бандеровских походных групп осуществлял Дмитрий Мирон («Орлик»). Движение же мельниковцев организовывал и координировал Олег Ольжич (Кандыба). Походные группы состояли из операционных групп (обычно по 7–12 человек), участники которых работали переводчиками, водителями при немецкой армии, и проникнув на оккупированную территорию, создавали там местное управление и милицию, опережая в этом деле нацистскую власть [6, с. 405]. Для дальнейшего продвижения по уже оккупированной территории им выдавали фальшивые документы, скрепленные немецкими печатями.

Перед походной группой ОУН(Б) «Север», которую возглавлял Николай Климишин («Непокорный»), была поставлена задача достичь Киева и области. Аналогичную по направлению движения и цели деятельности походную группу ОУН(М) возглавлял Игорь Шубский.

Отдельная походная группа ОУН(Б) вечером 30 июня 1941 г. вошла во Львов, где на собрании около 100 представителей украинской общественности [6, с. 405] Ярослав Стецько («Карбович»), заместитель Степана Бандеры в руководстве ОУН(Б) [последний был под пристальным наблюдением нацистских спецслужб и не смог выехать из Кракова. – И. К.] от имени Организации произнес «Акт о возрождении Украинского государства» [9, с. 187]. Это событие по праву считается наиболее весомым достижением деятельности бандеровских походных групп. Подтверждением данному утверждению служат «Особые инструкции по украинскому вопросу» изданы 11 июля 1941 г. начальником оперативного отдела тыла группы армий «Юг». В них отмечалось, что необходимо немедленно принять меры для ограничения политической деятельности украинцев [9, с. 135].

В течение июля 1941 г. эмиссары походных групп ОУН(Б) достигли Бердичева, Винницы, Житомира, Кривого Рога, Николаева, Херсона. Значительную активность в Житомире эмиссаров походных групп и местных жителей, которые вступили в ОУН, отмечают документы советского подполья: «украинско-немецкие националисты заняли все руководящие административные и хозяйственные должности <...> они выпустили много агитационной националистической литературы» [13, л. 17].

Сразу после прихода походных групп двух ОУН в Житомир, город стал центром украинских националистов на оккупированной территории Украины. Такой статус он сохранял до захвата немецкими войсками Киева. Поэтому, по мнению американского исследователя Дж. Армстронга, ситуация в Житомире в первые месяцы оккупации имеет исключительное значение и помогает понять роль всего националистического движения на востоке Украины во время начального этапа его деятельности [16, p. 91].

Приход и освоения украинскими националистами – бандеровцами и мельниковцами территории Житомирской и западных районов Киевской областей предусматривали обязательное создание организационной сети. Эта сеть должна была прежде всего обеспечивать пропаганду программных положений ОУН среди украинского населения и готовить идеологическую почву для будущей вооруженной борьбы за независимую Украину. Организационная сеть ОУН стала основой ее материального и финансового существования на этих территориях.

Опираясь на предыдущие исследования и архивные документы, определить структуру ОУН(Б) на много легче, нежели аналогичным образом исследовать построение ОУН(М). Очевидно, первичной организационной единицей сети украинских националистов было звено или тройка (насчитывала 3 человека), после нее располагалась сельская округа или станица (в составе 2–3-х звеньев), возглавляемая станичником. Она имела военный, связной и общественный отделы. Третий элемент структуры – куст (включал 3–4 станицы) [будущий руководитель военного округа УПА «Тютюнник» Федор Воробец («Верещака») указывал, что куст не был обязательным элементом структуры ОУН(Б) [5, л. 19], следующий – подрайон (объединял 2–3 куста или 5–6 станиц). В его состав входили проводник по военных вопросам, связи, молодежи и пропаганды [15, л. 146]. Район охватывал от 2 до 5 подрайонов и включал отделы безопасности, военных дел, женский, пропаганды, молодежи, старшего поколения, общественной опеки [15, л. 151]. Как правило, 3–4 района образовывали надрайоны. Это структурное звено не получило распространения на землях Центральной и Восточной Украины. При отсутствии надрайонов округ формировался непосредственно из районных проводов.

Наибольшей организационной единицей структуры ОУН на территории Житомирской и западных районов Киевской областей был областной провод [3, л. 26], в состав которого входило до пяти округов. Он имел целый ряд отделов и проводников: военный, организационный, молодежи, женщин, хозяйства (финансов), пропаганды, информации, безопасности, общественной опеки, связи, западных земель, общественно-политический и рабочего класса [14, л. 151]. Городской провод оуновцев состоял из звеньев, станиц, подрайонов, которые отвечали районному проводу.

По собственному опыту работы с архивными источниками, приходится признать, что такая четкая структура является несколько идеалистической, и ее подробное построение можно встретить только в инструкциях и приказах ОУН. Как правило, один человек мог одновременно

находиться на нескольких должностях или, исходя из конкретных реалий, некоторые отделы могли быть объединенными.

Кроме территориально-организационной структуры обе ОУН имели также и собственную иерархию кадров. Согласно Уставу и программным положения бандеровской Организации, тем или иным образом связанные с ней лица делились на: 1) членов ДОР (Дружины охраны революции) ОУН; 2) членов ОУН; 3) кандидатов в члены ОУН; 4) сторонников ОУН; 5) юношество ОУН. Каждой из указанных категорий определялся свой статус, права и обязанности. Эта градация предусматривала за добросовестную работу продвижения кадров из последних позиций в первые [12, л. 6, 8]. Что касается иерархии мельниковцев, то в их организации не была отдельно выделена только первая позиция. К лицу, которое изъявляло желание стать членом ОУН или ее юношеской секции, выдвигался ряд требований.

Главное – быть украинским по национальности и не иметь связи с советскими органами внутренних дел и государственной безопасности. Обязательной также была присяга члена ОУН. Однако, многие люди сотрудничали с украинскими националистами и даже выполняли их задания еще до принятия присяги. В течении 1941–1943 гг. для оуновцев было главным привлекать к сотрудничеству как можно больше людей, даже вопреки правилам и программным положениям. Также не всегда категорически выполнялось требование относительно украинской национальности кандидата. Нам удалось найти много примеров, когда членами ОУН на Житомирщине и Киевщине становились местные жители – русские, белорусы и поляки по национальности.

Построение оуновской сети в Центральной и Восточной Украине происходило в условиях строгой конспирации, сетка украинских националистов (как бандеровцев, так и мельниковцев) создавалась по так называемому принципу «пятерок», то есть каждый оуновец знал не больше четырех других членов [2, л. 101]. Хорошо функционировала и разведка. В большинстве случаев донесения были зашифрованы и переправлялись по специальным секретным каналам.

Важной характеристикой истории ОУН остается финансирование ее сети. К началу распространения влияния украинских националистов на территорию бывшей советской Украины все организационные средства или боевой фонд формировали и пополняли, прежде всего, за счет ежемесячных взносов членов и сторонников ОУН, и средств, полученных от отдельных лиц, сторонников украинской государственности. В условиях нацистской оккупации для украинских националистов этот вопрос был стратегически важным. Из местных архивных документов удалось установить, что сумма членских взносов для обеих ОУН составляла 5–10 рублей в месяц [1, л. 56об., 4, л. 112].

Актуальной остается тема отношения жителей Житомирской и западных районов Киевской областей к членам походных групп ОУН и их идеологии. На основе отдельных, преимущественно документальных свидетельств, делаются обобщенные выводы, которые чаще всего утверждают что-то вроде следующего: «Антибольшевистские настроения были характерны для широких слоев и различных категорий населения. Не воспринимали большевистскую власть не только те, кто был ей репрессирован и гоним, но и часть коммунистов и комсомольцев...» [7, с. 40]. Более красноречивыми являются уже послевоенные рефлексии члена походной группы ОУН(Б) Евгения Стахива: «1941 г. галицкие националисты пошли на центральные украинские земли, пошли с идеей революционными методами получить самостоятельное государство... Встретившись с Востоком, эта концепция потерпела полное поражение... Поэтому, на Центральной и Левобережной Украине ОУН должна отбросить лозунг «Украина для Украинцев», ведь он вызвал множество вопросов и опасений у различных национальных меньшинств, которые, подобно украинцам, тоже были лишены социальных и политических свобод» [11, с. 44]. Подобные настроения галичан и представителей центральноукраинских земель, по свидетельству Мирослава Прокопа, обусловили изменение принципиальных программных политических и идеологических установок, состоявшихся 21–25 августа 1943 г. на III Чрезвычайном Большом сборе ОУН [8, с. 28].

Поддержку украинских националистов из западных областей Украины продемонстрировал масштаб их организационной сети, деятельность органов украинской администрации и культурно-просветительных учреждений на территории Житомирской и западных районов Киевской областей. Походные группы обеих ОУН в течении июля-сентября 1941 г. в целом выполнили поставленную перед ними собственными Проводами задачу. В пределах территории

Житомирской и западных районов Киевской областей они совершили построение собственных организационных сетей и заложили мощные руководящие центры.

Литература

1. Архив Управленния Службы безопасности Украины в Житомирской области (дальше – АУ СБУ ЖО). – Основной фонд. – Д. 18919.
2. АУ СБУ ЖО. – Прекращенный фонд. – Д. 29579.
3. АУ СБУ ЖО. – Прекращенный фонд. – Д. 30121.
4. АУ СБУ ЖО. – Прекращенный фонд. – Д. 30338.
5. Ведомственный государственный архив Службы безопасности Украины (дальше – ВГА СБУ). – Фонд 5. – Д. 48139.
6. Головко М.Л. Суспільно-політичні організації та рухи України в період Другої світової війни. 1939–1945 рр.: [монографія] / Микола Леонтійович Головко. – Київ: Олан, 2004. – 704 с.
7. Жилюк В. М. Діяльність ОУН та УПА на Житомирщині у 1941–1955 рр.: [монографія] / В. М. Жилюк. – Рівне: Волинські обереги, 2008. – 308 с.
8. Касьянов Г. До питання про ідеологію Організації українських націоналістів (ОУН): [аналітичний огляд] /Г. Касьянов. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2003. – 63 с.
9. Кучер В.І. Україна у Другій світовій війні (1939–1945) / В. І. Кучер, П М. Чернега. – Київ: Генеза, 2004. – 272 с.
10. Стародубець Г. М. ОУН(б) в українському національно-визвольному русі на Волині в період Другої світової війни (1941–1943 рр.) / Г М. Стародубець. – Тернопіль: Підручники і посібники, 2002. – 144 с.
11. Стахів Є. Еволюція засад ОУН та УПА / Є. Стахів // Матеріали «круглого столу» Української Всесвітньої Координаційної Ради з нагоди 60-річчя УПА / [упоряд. О. Кочубейник]. – Київ: Альтерпрес, 2002. – С. 42–47.
12. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (дальше – ЦГАВО Украины). – Фонд 3833. – Оп. 1. – Д. 36.
13. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (дальше – ЦГАОО Украины). – Фонд 1. – Оп. 22. – Д. 227.
14. ЦГАОО Украины. – Фонд 1. – Оп. 23. – Д. 931.
15. ЦГАОО Украины. – Фонд 1. – Оп. 70. – Д. 80.
16. Armstrong J. A. Ukrainian nationalism / J. A. Armstrong. – [3rd ed.]. – Colorado: Ukrainian academic Press, 1990. – 271 p.

РАЗДЕЛ 4
ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОДПОЛЬНАЯ БОРЬБА

Литвин А.М.

БОЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПАРТИЗАН С КРАСНОЙ АРМИЕЙ В ПЕРИОД ОСВОБОЖДЕНИЯ БЕЛАРУСИ (СЕНТЯБРЬ 1943 – АПРЕЛЬ 1944 г.)

Боевое взаимодействие белорусских партизан с подразделениями и частями Красной Армии началось с первых дней возникновения партизанских отрядов и, в разных формах, осуществлялось до полного освобождения территории Беларуси. К началу освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков белорусскими партизанами был накоплен значительный опыт боевого взаимодействия с Красной Армией, которое осуществлялось в двух **взаимосвязанных формах непосредственного** (*тактического, оперативного)* и **косвенного** *(стратегического*) взаимодействия. **Косвенное взаимодействие** *(стратегическое),* заключалось в выполнении общих задач партизанской борьбы: военных, политических и экономических всеми участниками партизанского движения и подполья и тем самым оказания помощи Красной Армии в ее борьбе с агрессором. Эти формы вытекали из целей которые стояли перед советскими партизанами на разных этапах борьбы [1, с. 205].

Основные задачи борьбы в тылу врага вытекали из целей партизанского движения и состояли в уничтожении живой силы и военной техники противника, дезорганизации вражеского тыла, срыве всех мероприятий военных и гражданских властей, морально-психологическом воздействии на оккупационную администрацию и военнослужащих противника, а также укреплении уверенности советских людей в конечной победе над врагом, вовлечении широких масс в активное сопротивление оккупантам и т.д.

В концентрированном виде цели и задачи партизанской борьбы были изложены в постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. “Необходимо повести дело так, – говорилось в постановлении, – **чтобы патриотическая борьба в тылу врага получила размах непосредственной, широкой и героической поддержки Красной Армии, сражающейся на фронте с германским фашизмом»** (выделено нами – А.Л.) [2, с. 537]. Это требование являлось ключевым и в последующих директивных документах, которые подвели “правовую” основу, узаконили “партизанский фактор” (партизанскую войну, партизанское движение), который становился вспомогательной составной частью общей борьбы против захватчиков.

Благодаря огромной организаторской работе по активизации борьбы в тылу врага, проведенной на протяжении 1942 года, партизанский фактор приобрел стратегическое значение, **стал составной частью советской стратегии ведения войны**. Поэтому не случайно, что в стратегических планах советского военно-политического руководства на 1943 г. развитие широкого партизанского движения и подпольной борьбы в тылу врага определялось как одна из важнейших задач.

К началу освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков белорусскими партизанами был накоплен значительный опыт боевого взаимодействия с Красной Армией. Условно можно выделить несколько этапов в которых в разных формах осуществлялось это взаимоействие.

1-й – этап боевого взаимодействия в условиях ведения Красной Армией оборонительных сражений (июль 1941 г. – декабрь 1941 г.) В июле-августе 1941г. Красная Армия вела тяжелые оборонительные бои на территории Беларуси. В это же время шел активный процесс создания партизанских групп и отрядов, многие из которых, находясь в прифронтовой полосе, тесно взаимодействовали с частями и подразделениями Красной Армии (тактическое взаимодействие). Особенно это было характерным для партизан Пинской, Полесской, южных районов Минской, Гомельской и частично Могилевской и Витебской областей. В качестве примера можно назвать Пинский (В.З. Коржа), Туровский, Петриковский, Октябрьский, Глусский, Василевичский и Речицкий партизанские отряды. Все они первоначально создавались из местного населения как истребительные отряды (батальоны). После получения директивы от 29 июня на их основе стали создаваться партизанские отряды. Это взаимодействие проходило как в форме использования бойцов истребительных отрядов в качестве проводников-

разведчиков, так и в проведении совместных боевых операций этих формирований с подразделениями воинских частей, в ряде мест партизаны действовали вместе с воинскими подразделениями по удержанию определенного участка линии фронта. В качестве примера можно привести выдержку из отчета Речицкого партизанского отряда о взаимодействии с частями Красной армии в июле 1941 г.

«..11 июля 1941 г. отрядом во взаимодействии с 2 подразделениями 800 − го стрелкового полка под командованием капитана Долбина и лейтенанта Максимова в 6:00 было занято мест. Паричи. В бою была уничтожена 1 бронемашина, взят 1 мотоцикл, который передан 800 − му стрелковому полку. Убито 9 чел. Наших потерь нет…

С 18 по 21 июля 1941 г. отряд по приказанию генерал-майора тов. Судакова был придан стрелковому полку (командир полка майор Пипин). Занимали оборону в районе Ракшин, Чирковичи и Старина Паричского района.

22 июля 1941 г. отряд по приказанию генерал − лейтенанта Кузнецова был переброшен в Стрешинский район с задачей взаимодействовать с 66-м кавалерийским полком, где командир полка полковник Москаленко, занимать оборону в районе дер. Антоновка, Ящицы, Доброгощи, Василевичи, Кабановка и Стрешин. Совместные действия отряда с полком проходили до 1 августа 1941 г.

4 августа 1941 г. отрядом в мест. Стрешин был принят бой, где было уничтожено 2 бронемашины и захвачено одно 37 − мм орудие. Было убито 4 фашиста. Отряд потерь не имел.

С 4 по 18 августа 1941 г. отряд по приказанию штаба 3 − й армии проводил разведку в районе Паричи − Стрешин.

18 августа 1941 г. одной группой отряда в составе 50 чел. под командой командира Алексеенко на шоссе Гомель − Калинковичи у дер. Борщовка было уничтожено 8 грузовых автомашин, убито 35 фашистов. В бою группа имела потери в количестве 2 чел. Второй группой отряда в количестве 45 чел. под командой командира Иванова в районе сенозавода (Речицкого) было захвачено 12 мотоциклов. Из них 8 передано штабу 3-й армии, 4 уничтожено в период боя. Убито 25 фашистов. Группа потерь не имеет» [3, л. 2–7].

В совместных боевых действиях с подразделениями Красной Армии летом 1941 г. белорусские партизаны приобретали боевой опыт, учились тактическому взаимодействию, вырабатывали свою партизанскую тактику.

После оккупации территории Беларуси партизанские отряды и группы самостоятельно выполняли поставленные перед ними задачи. Наиболее эффективными были боевые и диверсионные действия партизан на железнодорожных коммуникациях. За период с сентября по декабрь 1941 г. партизаны Беларуси пустили под откос свыше 80 эшелонов противника. Боевые действия на коммуникациях срывали обеспечение гитлеровской армии вооружением, боеприпасами, продуктами питания, создавали затруднения в передислокации войск, оказывала воздействие на морально-психологические настроения войск противника. Особенно остро действия советских партизан в своем тылу, особенно на коммуникациях, гитлеровское руководство ощутило в период битвы за Москву (косвенное взаимодействие).

Уже 26 сентября 1941 г. генерал-квартирмейстер германской армии Вагнер информировал начальника генерального штаба сухопутных войск Гальдера о том, что группа армий «Центр» не может снабжаться «непосредственно через свой район из-за нарушений партизанами железнодорожных путей» [4, с. 148]. Для борьбы с белорусскими партизанами гитлеровское руководство вынуждено было привлекать огромные силы, которые так нужны были на фронте: три охранных (221-я, 286-я, 403-я) и две пехотных (339-я, 707-я) дивизии, 1-ю кавалерийскую бригаду СС, части полевой жандармерии, полицейские полки и батальоны. [5, л. 51–63].

2-й – этап боевого взаимодействия в условиях ведения Красной Армией наступательных и оборонительных операций (январь 1942 – лето 1943 г.). На этом этапе, разнообразные боевые действия партизанских сил Беларуси по разгрому вражеских гарнизонов, и, особенно, по выводу из строя вражеских коммуникаций, захвату и удержанию партизанских зон, срыву хозяйственных мероприятий, др.мероприятий оккупантов носили характер **косвенного взаимодействия** (оперативного и стратегического) в интересах проводимых в этот период важнейших стратегических, фронтовых и армейских оборонительных и наступательных операций Красной Армии. Оно стало возможным лишь благодаря тому, что было создано устойчивое

военно-оперативное руководство партизанским движением на территории Беларуси, которое осуществлялось ЦШПД, фронтовыми (Калининский, Западный, республиканским (БШПД) штабами партизанского движения.

Необходимо отметить, что в период с января 1942 по сентябрь 1942 г. осуществлялось также непосредственное (тактическое) взаимодействие Витебских партизан с частями Красной Армии по удержанию т.н. Витебских (Суражских) ворот – 40 км участка линии фронта.

Несколько характерных этапов боевого взаимодействия можно выделить и для первого периода начала освобождения Беларуси (сентябрь 1943 – апрель 1944 гг.):

- взаимодействие в прифронтовых областях до установления непосредственных контактов с частями Красной Армии;
- непосредственное взаимодействие при совершении совместных боевых действий во время наступательных операций Красной Армии;
- проведение боевых действий в период относительного затишья и перехода к обороне;

С приближением Красной Армии к границам республики и, особенно с началом освобождения ее первых районов, начался процесс более тесного взаимодействия партизанских формирований с частями Красной Армии на всех уровнях: стратегическом, оперативном и тактическом. Отличительной особенностью этого периода является то, что центрами планирования, координации, а также материально-технического обеспечения всех форм боевого взаимодействия белорусских партизан и Красной Армии становятся оперативные группы БШПД при военных советах фронтов и армий. В создании этих групп были заинтересованы не только руководство БССР и его военно-оперативный орган БШПД, но и командование фронтов и армий наступавших на белорусском направлении. Так, командование Брянского фронта в начале августа 1943 г. обратилось к начальнику ЦШПД П.К. Пономаренко с телеграммой создать при штабе фронта представительство ЦШПД. Приказом начальника ЦШПД от 18 августа 1943 г. такой орган был создан во главе с подполковником В.П. Шестаковым. Однако уже через месяц в связи с тем, что Брянский фронт при наступлении должен был выходить к границам Могилевской области, ЦК КП(б)Б 14 сентября принял решение образовать при Военном совете Брянского фронта представительство БШПД, с выделением в его распоряжение 16 радиостанций с радистами. Представителем БШПД был назначен генерал-майор А.А. Горшков, а его заместителем В.П. Шестаков, а ещё через неделю вместо А.А. Горшкова был назначен И.М. Кардович, имевший почти годовой опыт пребывания в тылу в качестве Уполномоченного ЦК КП(б)Б по Могилевской области. Оперативной группе БШПД на Западном фронте (начальник А.С. Шавров) в августе 1943 г. подчинялись партизанские формирования 12 районов Гомельской области, а также партизаны Могилевской области [6, л. 368–370].

Соответствующие представительства ЦШПД-БШПД (опергруппы) создавались и действовали на всех фронтах белорусского направления. Они работали в тесном контакте с военными советами фронтов и армий, а также с опергруппами соответствующих обкомов партии. Их штат был укомплектован опытными военными специалистами, а также партийными и партизанскими руководителями, имевшими опыт борьбы в тылу врага и хорошо знавшими дислокацию и боевые возможности бригад и отрядов, их командно-политический состав. Это позволяло оказывать действенную помощь командованию фронта в постановке задач партизанам, в систематизации и оценке поступающей от них развединформации, в переброске партизанским формированиям оружия и боеприпасов, в вывозе больных и раненых партизан в советский тыл [1, с. 450].

Кроме того, для осуществления координации боевой деятельности партизанских формирований при военных советах фронтов действовали оперативные группы ЦК КП(б)Б и обкомов партии. Так, при военном совете 61-й армии Центрального фронта при штабе объединения с конца августа 1943 г. стала функционировать оперативная группа Полесского обкома КП(б)Б во главе с его первым секретарем П.А. Левицким, которая поддерживала радиосвязь с секретарём Полесского подпольного обкома КП(б)Б и командиром партизанского соединения И.Д. Ветровым, а также с партизанскими бригадами и отдельными отрядами, действующими на территории Полесской области. Благодаря этому руководство 61-й армии располагало оперативной информацией о ситуации в тылу противника и использовало её при разработке операций. Непосредственно вопросами установления связей, материально-технического обеспечения партизан в полосе действия армии (доставка оружия, боеприпасов,

минноподрывных, связь, координация боевой деятельности и др.) занималась опергруппа партизанского движения 61-й армии во главе с майором Г.Ф. Бутом. Отметим, что опергруппы партизанского движения действовали и при штабах других общевойсковых армий. В свою очередь, в некоторых корпусах и дивизиях по мере необходимости выделялись офицеры связи для посылки в партизанского соединения для установления связи и координации действий. [7, с. 358, 380–381].

Вступление Красной Армии на территорию Беларуси и развёртывание боевых действий по её освобождению поставили перед подпольными партийными организациями и партизанскими отрядами республики новые задачи. В обобщенном виде они были изложены в директивном письме ЦК КП(б)Б от 21 сентября 1943 года об усилении ударов партизан по тылам гитлеровских войск и в Обращении Президиума Верховного Совета БССР, СНК БССР и ЦК КП(б)Б к белорусскому народу от 23 сентября 1943 г. [8, л.13, 127–130; 9, с. 365].

С призывом усилить удары по врагу к боровшимся в тылу врага патриотам обратился Военный совет Белорусского фронта. Обращение подписали командующий фронтом генерал армии К.К. Рокоссовский и членом Военного совета фронта генерал-лейтенант К.Ф. Телегин. В нем содержался призыв к партизанам и партизанкам, всему белорусскому народу отдать все силы для оказания всемерной помощи Красной Армии. *«Усилить удары по тылам немецкой армии. Бить всюду колонны противника. Все магистрали и дороги, по которым отступает враг, усеять засадами: не должно быть ни одного места, где немцы могли бы безнаказанно и беспрепятственно пройти. Встречать их всюду внезапными ударами, преследовать на каждом шагу»* [10, л. 13].

Патриотический подъем, начавшийся на оккупированной территории Беларуси в связи с началом освобождения, позволил советскому руководству более полно использовать партизанский фактор в интересах Красной Армии в оперативном и тактическом масштабах.

В качестве примера такого взаимодействия можно привести разработку плана взаимодействия могилевских партизан с войсками 50-й армии по разгрому группировки противника на западном берегу р. Днепр на участке Дашковка, Барколабово в период с 13 по 20 октября 1943 года. Операция была разработана штабом 50-й армии совместно с БШПД. План подписали командующий 5-й армии генерал-лейтенант И.В. Болдин, начальник штаба генерал-майор Н.Г. Брилев, член военного совета генерал-майор А.И, Карамышев и заместитель начальника БШПД Г.Б. Эйдинов. 13 октября 1943 года операция была утверждена командующим Центральным фронтом генералом армии К.К. Рокоссовским и членом военного совета генерал-лейтенантом К.Ф. Телегиным. Главная ее цель сводилась к тому, чтобы действиями партизанских сил Кличевской зоны содействовать войскам 50-й армии в захвате плацдарма на западном берегу Днепра на участке Дашковка – Барколабово [11, д. 1007, л. 24–26, д. 10, л. 201]. На основании разработанного плана операции военно-оперативная группа Могилевского подпольного обкома партии 15 октября 1943 года издала приказ отрядам Кировского, Быховского, Кличевского и Шкловского районов об оказании всемерной помощи наступающим частям Красной Армии в обеспечении форсирования ими Днепра на участке Новый Быхов – Тайманово – Барколабово – Стайки [12, с. 50].

Взаимодействиие регулярных частей Красной Армии и партизанских сил Гомельской области (13 бригад, полк и 2 отдельных отряда общей численностью 14,3 тысяч бойцов) начало осуществляться на завершающем этапе Брянской наступательной операции (1 сентября – 3 октября 1943 г.). Связь с советским тылом поддерживалась с помощью 15 радиостанций [13, с. 50; 14, с. 371].

Отступая, противник стремился всячески использовать в своих интересах естественные водные преграды. В связи с этим партизаны активно препятствовали возведению оккупантами переправ и разрушали уже построеные. Отряды 10-й Журавичской бригады (командир Гаврилов И.М) уничтожили все переправы противника в пределах Волынцевского и Струменского сельсоветов Кормянского района и тем самым максамально затруднили противнику путь на правый берег Сожа [15, л. 18]. В то же самое время партизаны 1-й Буда-Кошелёвской бригады (командир Демченко А.Н.) удерживали до прихода советских войск переправу через реку Сож у деревни Васильевка. Почти сутки партизаны этой же бригады совместно с воинами 17-й стрелковой дивизии вели бой за переправу через Сож возле деревни Струмень, по которой удалось переправить из вражеского на тыла на освобождённую от

противника территорию около 500 местных жителей и много крупного рогатого скота. Партизаны 1-й Гомельской бригады (командир Балыков П.А.) уничтожили три паромные переправы через реку Сож, затопили три баржи с продовольствием [13, с. 240].

С целью замедления движения отступавшего противника партизаны развернули активные боевые действия на основным дорогам, по которым проходили в западном направлении немецкие войска. Так, за период с 26 сентября по 2 октября 1943 г. 1-я Гомельская бригада уничожила и сожгла 28 машин с живой силой и боеприпасами, 2 танкетки, 3 пушки, 2 тягача, захватила большие трофеи, в том числе 2 танка и 2 штурмовых орудия, подорвала 18 дзотов, провела около 160 засад. В результате активных действий партизан бригады противник вынужден был отказаться от использования при своём отступлении дорог Сидоровичи – Чечерск и Светиловичи – Чечерск [16, л.108; 17, л. 39].

Чувствительные удары из засад по колоннам противника наносили и другие партизанские формирования, базировавшиеся на левобережье Сожа. Ярким примером тактического взаимодействи партизан с советскими войсками может служить бой, проведенный совместно 10-й Журавичской бригадой и частями 17-й стрелковой дивизии 48-й армии в районе д. Лозовица. Установив связь с командованием дивизии командир бригады И.М. Гаврилов доложив обстановку получил задание 2 октября 1943 г. силами партизан выбить батальон гитлеровце, укрепившийся на высотах западнее дер.Лозовица и прикрывавший отход свои частей. На рассвете 2 октября партизаны внезапно начали штурм укрепленных позиций. Не выержав натиска гитлеровцы обратились в бегство, оставив на поле боя 50 убитых солдат и офицеров, 15 пулеметов, много винтовок и боеприпасов. Совместно с подоспевшими частями 17-й дивизии разгром батальона был завершен. 2 октября 1943 г. основные силы бригады в количестве 2624 партизан и 187 партизанок вышли в советский тыл [18, д. 201, л. 18; 14, с. 378; 19, с. 46–47]. Интересно, что в этот период на территории Добрушского и Чечерского районов совместно с белорусскими партизанами сражались также бригады имени Д.М. Пожарского и А.В. Суворова, переброшенные по приказу ЦШПД с территории Орловской области.

Документы свидетельствуют, что практически все бригады, имевшие минно-подрывные средства в этот перио постоянно минировали дороги в зонах своей ответственности.

Примером активного тактического взаимодействия были удары партизан прифронтовой полосы по железнодорожным коммуникациям. Так, партизаны Гомельского соединения в двух местах перерезали железную дорогу между Жлобином и Калинковичами, частично разрушили мосты и полотно на железной дороге Василевичи – Хойники. По причине активности партизан с перебоями осуществлялось движение противника по шоссе Гомель – Калинковичи и Речица – Хойники, по грунтовым дорогам Речица – Красное – Шатилки и Речица – Горваль – Шацилки. Всего за октябрь 1943 г. партизанские формирования Гомельского соединения подорвали 59 эшелонов и 55 паровозов, 77 вагонов с личным составом, 15 – с танками, 48 – с автомашинами, 78 – с боеприпасами, 43 – с горючим. В ходе других операций, проведённых гомельскими партизанами в октябре 1943 г., было уничтожено 10 танков, 4 бронемашины, 375 автомобилей, 2307 вражеских солдат и офицеров, подорвано 2165 рельсов, выведено из эксплуатации 106 мостов, из них 4 железнодорожных [20, л. 31–33].

Активно действовали на коммуникациях и партизаны Полесской области. За октябрь 1943 г. при дефиците взрывчатых веществ они произвели 208 крушений эшелонов, в том числе 99 с живой силой, продовольствием, горючим, техникой и боеприпасами. Взорвали 25 мостов на шоссейных и грунтовых дорогах, уничтожили 63 автомашины, 26 танков, 5 самолетов. На активизацию боевой активности бригады с октября 1943 г. существенно повлияло установление связи её командования со штабом 61 -й армии и Полесским обкомом КП(б)Б. Благодаря этому на аэродром, оборудованный партизанами, армейская авиация доставляла бригаде боеприпасы и взрывчатку [21, л. 29, 39].

Широко практиковалась засылка в тыл армейских развечиков. Так по решению Военного совета 61-й армии были десантированы три группы парашютистов в количестве 90 человек с задачей изучать оперативную обстановку в тыле гитлеровских войск. Десантники совместно с партизанами участвовали в боях с врагом, вели разведку в гарнизонах Калинковичи, Мозырь, Хойники, на железнодорожных станциях от Речицы до Калинкович, на шоссейной дороге Гомель – Овруч, а также на реке Припять между Наровлей и Мозырем. Данные о противнике,

поступавшие от разведчиков-военнослужащих, партизан, связных, подпольщиков, четыре раза в день передавались в штаб 61-й армии [22, с. 342–343, 382].

Документы свидетельствуют, что в ходе проведения Гомельско-Речицкой наступательной операции партизанские формирования Гомельского соединения установ надёжный контроль на коммуникациях в зоне своей ответственности, оказали действенную помощь авангардным частям 65-й армии Белорусского фронта в освобождении г. Речица. На момент соединения с советскими воинскими частями в бригадах и отдельных подразделениях насчитывалось 7850 партизан [23, л.123; 14, с. 371, 378–399].

Актикивно взаимодействовали с частями Красной Армии и партизаны Полесской области. Так, в успешном штурме Наровли в ночь с 29 на 30 ноября 1943 г. участвовали – полк, наступавший с юга-востока, 23-й полк и 40 партизан, наносившие удар с юго-запада, а также 160 партизан и взвод красноармейцев, пробравшиеся чевез болота в тыл врага, и внезапно напавшие с северо-запада. Противник, выбитый с райцентра, спешно отступил вдоль левого берега Припяти по направлению к населённому пункту Верхний Млынок. Об ожесточённом характере боёв за этот населённый пункт свидетельствует тот факт, что один из батальонов 415-й дивизии, очутившийся в сложном положении, и оперативно пришедшее ему на помощь подразделение партизан под командованием В.В. Смирнова, отбили семь контратак оккупантов поддериваемых танками. При освобождении деревни Верхний Млынок потери партизан составили 8 убитых и 15 раненых. Благодаря осуществлённой 37-й партизанской бригадой (командир А.С. Мищенко) скрытой переброске армейских подразделений в тыл немцам, советским воинам во взаимодействии с партизанами удалось 27 ноября 1943 г. временно освободить от противника районный центр Ельск. Партизаны 27-й Наровлянской и местное население 10 дней в начале декабря 1943 г. строили мост на реке Припять, через который впоследствие переправились 2-й и 7-й кавалерийские корпуса для участия во взятии городов Мозырь и Калинковичи [24, д. 288, л. 15, 30–31; д. 279, л. 51; д. 285, л. 20].

Тесные связи установились между штабом 65-й армии и Минским подпольным обкомом. В период боёв советских войск в районах расположения партизан устанавливались личные контакты командования партизанских формирований с командованием соединений и частей Красной Армии для согласования планов совместных действий. С этой целью для уточнения обстановки в тылу врага, дачи конкретных указаний по реализации планов, а также проверке их исполнения в течение только января-мая 1944 г. из тыла противника было вызвано более 50 руководящих партийных работников и командиров партизанских соединений. За этот же период в тыл врага было направлено 134 представителя с заданиями и директивами БШПД и конкретными боевыми заданиями для партизан [25, л. 35]. Следует отметить, что почти во всех операциях по взаимодействию партизан с частями Красной Армии предусматривалась посылка в тыл врага представителя штаба для увязки и координации действий на местах.

С приближением линии фронта к границам Беларуси, в связи увеличением плотности отступающих войск, борьба партизан против гарнизонов значительно усложнялась. Тем не менее, в августе-сентябре 1943 г. активную борьбу против тыловых гарнизонов 4-й немецкой армии вели партизаны Могилевщины, которые в течении двух ночей – с 25 на 26 августа и с 10 на 11 сентября 1943 г. ликвидировали 20 гарнизонов противника [26, с. 274–275].

Также с действиями войск Западного и Калининского фронтов, вступивших в начале октября 1943 г. на территорию области, были увязаны боевые операции витебских партизан против вражеских гарнизонов. К этому времени на территории Витебской области действовало 29 партизанских бригад общей численностью более 24,7 тыс. человек, которые дислоцировались в 4-х зонах: Суражской (п/б Захарова, Райцева, Бирюлина, Воронова, Сафронова, Барсукова – 1429 чел.), Россонско-Освейской (п/б Марченко, Прудникова, Охотина, Герасимова, Кухаренко, Захарова –6468 чел), Лепельско-Ушачской (п/б Дубровского, Лобанка, Мельникова, Сакмаркина, Романова, Тябута, Толоквадзе, Райцева – 9125 чел.), Сенно-Оршанская (п/б Селицкого, Комлева, Леонова, Данукалова, Кириллова, Нарчука, Гудкова, Прохоренко, Шлапакова, полк Садчикова, отряды Бирюлина, отряд Гурко – 7808 чел.) [27, л. 133–135]. Это была значительная вооруженная сила с которой вынуждено было считаться немецко-фашистское командование. Совершенно очевидно, что этот потенциал всячески стремилось использовать советское командование. Партизанским отрядам рекомендовалось блокировать крупные и уничтожать мелкие гарнизоны, повсеместно устраивать засады и завалы на дорогах, рвать линии

связи, всячески лишать противника согласованных действий, постоянными обстрелами и диверсиями, средствами активной печатной и устной пропаганды деморализовать оккупантов.

3 октября 1943 г. войска Западного фронта возобновили наступление в направлении Орши, а через три дня войска Калининского фронта на Невельском направлении нанесли чувствительный удар по противнику в тыл Витебской группировке. В ходе упорных боев советские войска 7 октября освободили Невель и ж-д линию Дно-Новосокольники-Невель, прервав сообщение между гитлеровскими группами армий «Север» и «Центр». Между армиями образовался 20 км разрыв, не заполненный войсками. Это обстоятельство чрезвычайно встревожило гитлеровское военное руководство. Оно отчетливо понимало, что в случае потери Витебска, для Красной Армии откроется прямой путь через Даугавпилс на Ригу, в глубокий тыл группе армий "Север". Кроме того, существовало реальная угроза выхода советских войск к Полоцку, где вместе с партизанами Витебщины они могли составить серьезную угрозу тылам групп армий "Север" и "Центр". *"Командование 3-ой танковой армии считает, – докладывал в Ставку Гитлера начальник штаба генерал-майор Хейдкемпер, – что из района прорыва Невель, установив связь с крупными партизанскими районами Лепель и Россоны, противник может начать развитие зимней операции, последствия которой для группы армий "Север" и "Центр" нельзя даже представить и которая может иметь решающее значение для всего Восточного фронта"* [28, с. 374]. Поэтому в указанный район в спешном порядке была начата переброска значительных немецких войск – семи пехотных и одной танковой дивизии, а также усилились мероприятия по охране оперативного тыла 3-й танковой армии.

Блестящим примером оперативно-тактического взаимодействия партизан с частями Красной Армии при освобождении восточных районов Белоруссии является 2-й этап «рельсовой войны» проведённой в сентябре-октябре 1943 года, в ходе которой было подорвано 90 тыс. рельсов. В октябре партизаны ежедневно пускали под откос в среднем 28 эшелонов противника. Партизаны повсеместно громили отступавшие вражеские части, вносили разлад и дезорганизацию в их передвижении, смело вступали в бой, задерживали фашистов до подхода частей Красной Армии.

Таким образом, на 3-м этапе взаимодействия, в результате комплекса мероприятий, проведенных руководством партизан и военными органами по организации и совершенствованию боевого взаимодействия партизанских сил с частями Красной Армии, была создана и успешно функционировала система взаимодействия партизанской армии с наступающими частями Красной Армии. Деятельность партизан стала более тесно увязываться с военными операциями фронтов и армий, последние значительно усилили заброску партизанам оружия и боеприпасов, средств связи и т.д.

Это всё позволило в первый период боев по освобождению Беларуси, значительно активизировать партизанские удары по врагу путем проведения широкомаштабных боевых операций по выводу из строя коммуникаций и транспортных средств противника, разгрому вражеских гарнизонов, что имело важное значение для подрыва тыла группы армий «Центр» и морального состояния противника.

Литература

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя (рук. авт. колл.), А.М. Литвин, В.И. Кузьменко и др. – Минск: БЕЛТА, 2005. – 544 с.
2. Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941года – 1945 год): док-ты и материалы. – Москва, 1961. – 702 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 3943. – Оп. 1. – Д. 2.
4. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3-х т. Т.1. – Минск: Беларусь, 1983. – 591 с.
5. НАРБ. – Фонд 4683. – Оп. 3. – Д. 956.
6. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 165.
7. В грозные годы: Воспоминания участников борьбы против нем.–фашист. оккупантов на территории Гомел. и Полес. обл. – Минск: Беларусь, 1973. – 398 с.
8. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп.3. – Д. 1246.
9. Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Ч. 2. (1921–1966). – Мн., 1967.
10. НАРБ. – Фонд 4166. – Оп.1. – Д.3.
11. НАРБ. – Фонд 3500. – Оп. 1.
12. Долготович Б.Д. В одном строю – к единой цели. – Минск: Наука и техника, 1985. – 248 с.
13. Рудак А.Д. Экзамен на зрелость. – Минск: Беларусь, 1981. – 287 с.
14. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): крат. сведения об организац. структуре парт. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. – Минск: Беларусь, 1983. – 765 с.
15. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 4. – Д. 253.

16. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 1017.
17. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 4. – Д. 248.
18. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп.4. – Д. 201.
19. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3-х т. Т. 3. – Минск: Беларусь, 1985. – 531 с.
20. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп.4. – Д. 264.
21. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп.4. – Д. 268.
22. Беларусь непокоренная: Воспоминания, документы, хроника партизанского движения и подпольной борьбы 1941–1944. – Минск: БелТА 2005. – 392 с.
23. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 4. – Д 251.
24. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 4.
25. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 1002.
26. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3-х т. Т. 2. – Минск: Беларусь,1984. – 551 с.
27. НАРБ. – Фонд 3500. – Оп.4. – Д. 7.
28. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. Т. 3. – Москва: Воениздат, 1964. – 656 с.

Вербовой А.В., Власенко С.И.

ДОКУМЕНТЫ СУМСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО СОЕДИНЕНИЯ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ С.А. КОВПАКА КАК ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Партизанское движение на территории Украины в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и сегодня остается одной из актуальных тем исследования. Основные источники по данной тематике хранятся в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины): в фондах Украинского штаба партизанского движения (ф. 62), Центрального комитета Компартии Украины (ф. 1, оп. 16, 19, 22); партизанских соединений, дивизий, бригад и отдельных отрядов (фф. 63–86, 88–130, 133, 160, 259–262), Комиссии по истории Великой Отечественной войны (ф. 166), личных фондов и коллекций партизанских и государственных деятелей (фф. 240, 241, 326) [8, л. 21–24, 44–45, 161–232, 241–242, 284–285].

Документы свидетельствуют о многонациональности большинства партизанских формирований Украины, в частности и о большом количестве белорусов, входивших в их состав. Кроме того, часть партизанских соединений действовала непосредственно на территории Белоруссии или же вблизи ее границ, вела совместную с белорусскими партизанами боевую и диверсионную деятельность.

Одним из таких соединений является Сумское партизанское соединение под командованием С.А. Ковпака. Начав свой боевой путь летом 1941 г. как Путивльский партизанский отряд Сумской области, он в августе 1942 г. вырос в большое соединение, которое в феврале 1944 г. было переименовано на Первую Украинскую партизанскую дивизию имени дважды Героя Советского Союза С.А. Ковпака. Численность соединения в разные периоды была разной. К примеру, на время выхода в Карпатский рейд 12 июня 1943 г., оно насчитывало 1 928 бойцов и командиров [3, л. 76].

Действовали сумские партизаны и на территории Белоруской ССР. К примеру, во время Сталинского рейда (26 октября – средина ноября 1942 г.) соединение выходило в районы Гомельской и Полесской областей. В мае 1943 г., возвращаясь из рейда по Правобережной Украине, соединение сосредоточилось в Лельчицком районе Полесской области. Отсюда, с района деревни Милошевичи, оно выступило в свой героический Карпатский рейд 12 июня – 1 октября 1943 р. В белорусские леса, в район Мотоля в 40 км северо-западнее Пинска, вернулись сумские партизаны и после Варшавско-Львовского рейда (5 января – 31 марта 1944 г.).

Основной массив документов Сумского партизанского соединения сосредоточен в фонде № 63. Они были переданы на хранение в ЦГАОО Украины (на то время – партийный архив Института истории партии при ЦК КП(б)У) в 1950 г. Комиссией по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. при Академии наук УССР. Всего в фонде насчитывается 256 дел.

В них сосредоточены документы, касающиеся вопросов формирования соединения, его структуры, личного состава, боевой деятельности, материально-технического обеспечения и т.д. Они представлены приказами по основной деятельности и личному составу по соединению (военной части) и по его отрядам (батальонам); входящими и исходящими радиограммами и шифрограммами; перепиской с Украинским штабом партизанского движения (УШПД) и парти-

занскими формированиями о координации проведения боевой деятельности и диверсионных операций, обеспечении соединения вооружением и боеприпасами, награждении партизан; отчетами командования соединения и отчетами, рапортами, донесениями отдельных отрядов о боевой, диверсионной, разведывательной, политико-массовой работе, о материально-техническом обеспечении, отправке раненных в тыл; строевыми записками о боевом и количественном составе; списками личного состава соединения и отдельных отрядов; дневниковыми записями командиров и рядовых бойцов соединения и др.

Наиболее информационными среди всего массива документов соединения (дивизии) являются приказы по основной деятельности и личному составу (дд. 8–30). Они охватывают период с 22 сентября 1941 г. по 8 ноября 1944 г. и касаются всех аспектов жизни соединения. Приказы сохранились в полном объеме – в фонде имеются их несколько экземпляров (рукописных и машинописных, подлинников и засвидетельствованных копий), некоторые имеют несколько редакций. Кроме того, в фонде хранятся приказы отдельных отрядов (батальонов) соединения (дд. 166–168, 190–194, 219–221, 245, 246, 251).

Например, в приказе № 1 по Путивльскому партизанскому отряду от 22 сентября 1941 г. упоминается о так званой “группе белорусов” в составе четырех человек, оставленных для работы в Путивльском районе Сумской области: минеры-подрывники Н.М. Курс, В.Н. Островский, В.В. Терехов и Г.А. Юхновец [2, л. 1]. Позже, в приказе № 88 от 8 марта 1942 г. выясняется, что белорусами были лишь Н.М. Курс и В.Н. Островский [2, л. 115]. Кроме того, Н.М. Курс с 22 сентября по 18 октября 1941 г. (до объединения отрядов С.А. Ковпака и С.В. Руднева) был начальником штаба Путивльского партизанского отряда. Потом, приказом № 11 от 18 октября, он был переведен на должность помощника начштаба [2, л. 7]. 16 марта 1942 г. Н.М. Курс погиб в бою в районе села Старшее Хомутовского района Курской области РСФСР [2, л. 127].

Существенным информационным дополнением к приказам являются исходящие и входящие радиограммы соединения и УШПД, ЦК КП(б)У. Это особый вид документов, состоящий из оперативных данных о боевой, диверсионной, разведывательной деятельности соединения, его материально-техническом обеспечении и т.п. Анализ радиограмм свидетельствует, что в фонде № 63 они отложились частично (дд. 31–40); полный же объем переписки командования соединения с руководством украинских партизан хранится в фонде Украинского штаба партизанского движения (ф. 62, оп. 1).

Кроме того, информация о деятельности Сумского партизанского соединения содержится и в его переписке в виде докладных записок, донесений, сообщений, писем, направляемых в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У, Центральный и Украинский штабы партизанского движения, а также в партизанские отряды Украины, Белоруссии, России, воинские части Красной армии (д. 41, 43–45). В них шла речь о проведении боевых и диверсионных операций, координации совместных боевых действий; о снабжении соединения вооружением, боеприпасами, медикаментами, радиосвязью; о награждении бойцов и командиров, присвоении им очередных воинских званий; о передислокации отрядов и о других вопросах.

В фонде представлена также и переписка с партизанами Белоруссии, в частности со Штабами партизанского движения Гомельской и Пинской областей, Пинским партизанским соединением под командованием В.З. Коржа («Комарова»), Барановичским подпольным областным комитетом КП(б)Б и др. [4, л. 139–144, 147–168; 5, л. 1–39, 54–85, 88]. К примеру, вызывает интерес письмо комиссара Лельчицкой партизанской бригады, секретаря Лельчицкого подпольного райкома партии Ф. Лина в штаб Сумского партизанского соединения от 6 июля 1943 г. В нем сообщается о том, что жители района “в порядке благодарности за разгром немецких фашистов в городском поселке Лельчицы и в районе … отслужили молебен за успехи партизан соединения” [5, л. 39 и об.].

Обобщающие данные о боевой деятельности соединения, личном составе и вооружении отрядов, о проведении рейдов и др. сосредоточены в отчетах командования соединения, направляемых в УШПД и ЦК КП(б)У, а также в рапортах, донесениях, отчетах, боевых записках отдельных партизанских отрядов и групп в штаб соединения (дд. 1–6, 42, 47–53, 71–80, 171, 177, 198–203, 222, 223, 234, 237, 241, 247, 252–254). По этим документам можно проследить результаты боевой и диверсионной деятельности партизан, восстановить боевой и личный состав соединения, проанализи-

ровать динамику его количественных и качественных изменений. К примеру, исходя из отчетных данных устанавливаем численность в соединении партизан-белорусов: по состоянию на 1 февраля 1943 г. их насчитывалось 431 человек (27,6%); на 1 апреля – 405 чел. (22,2%); на 1 июня – 412 (21,4%); на 1 октября – 182 (19,3%); на 1 декабря – 259 (19%) [1, л. 83, 84, 87, 89, 90]. В рапорте командования Глуховского партизанского отряда о его боевой деятельности в период Карпатского рейда имеются данные об изменении количества белорусов в ходе рейда: из 79 человек (29% партизан отряда) осталось 53 [6, л. 14]. Всего же во время этого рейда количество партизан-белорусов соединения сократилось на 230 человек [1, л. 87, 89].

Чрезвычайно ценным источником для изучения количественного и боевого состава Сумского партизанского соединения являются обобщенные данные, таблицы, строевые записки как по соединению вообще, так и по его батальонам, ротам, группам (дд. 101–105, 180, 181, 206–208, 225, 238). В них имеется информация о количестве партизан в разные периоды деятельности соединения, в том числе и в разрезе по национальности, партийности, полу и т.п.; о вооружении, наличии боеприпасов, материальном обеспечении; о человеческих и материальных потерях и т.д.

Не менее важными являются документы с биографическими данными партизан соединения: списки личного состава, списки представленных к награждению, погибших, пропавших без вести и раненых, а также личные листы по учету кадров, наградные и аттестационные листы, характеристики и автобиографии (дд. 114–131, 134–147, 182–186, 210–215, 228–233, 239, 242, 248, 256 и др.). В них имеются достаточно полные сведения личного характера: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, национальность, партийность, образование, военное звание, место работы до вступления в партизанский отряд, время вступления в отряд, занимаемая должность в нем, перемещение по службе, награды, состав семьи и ее место проживание и т.п.

Дополнительным источником по изучению деятельности Сумского партизанского соединения являются дневниковые записи командиров и рядовых бойцов. Среди них: записные книжки командира соединения С.А. Ковпака и помощника начальника штаба Путивльского отряда П.Е. Брайко, дневники комиссара соединения С.В. Руднева, командира Шалыгинского отряда Ф.Д. Матющенко, рядовых партизан (дд. 83–86). К примеру, в дневнике С.В. Руднева имеется запись от 3 июня 1943 г., касающаяся ситуации в дер. Милошевичи Лельчицкого района: "…Представилась жуткая картина: замечательный хутор и село Милошевичи, в которых мы стояли зимой, сейчас сожжены до основания, торчат только одни дымоходы. По рассказам жителей много расстреляли и пожгли жителей. Прекрасный, жизнерадостный белорусский народ, который зимой показывал нам свои народные замечательные танцы в своих национальных костюмах… А теперь часть уцелевших жителей живет по лесам, но это уже не тот народ" [7, л. 15 и об.].

Таким образом, изучение документов Сумского партизанского соединения, хранящихся в ЦДАГО Украины, позволяет сделать выводы об их видовой и информационной полноте и разнообразии. Это свидетельствует о высоком уровне организации делопроизводства и сохранности документов в соединении. Как следствие, в архиве сосредоточены ценные источники о деятельности Сумского партизанского соединения, которые являются неотъемлемой составляющей документальной базы по изучению истории партизанского движения в период Великой Отечественной войны не только на территории Украины, но и в отдельных областях Белоруссии и России.

Литература

1. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). – Фонд 63. – Оп. 1. – Д. 1.
2. ЦГАОО Украины. – Фонд 63. – Оп. 1. – Д. 8.
3. ЦГАОО Украины. – Фонд 63. – Оп. 1. – Д. 43.
4. ЦГАОО Украины. – Фонд 63. – Оп. 1. – Д. 44.
5. ЦГАОО Украины. – Фонд 63. – Оп. 1. – Д. 45.
6. ЦГАОО Украины. – Фонд 63. – Оп. 1. – Д. 47.
7. ЦГАОО Украины. – Фонд 63. – Оп. 1. – Д. 85.
8. Центральний державний архів громадських об'єднань України. Путівник / Державний комітет архівів України, ЦДАГО України. – Київ, 2001. – 495 с.

Кулинок С.В.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПАРТИЗАН ПО ВЫЯВЛЕНИЮ СЕКРЕТНЫХ ШКОЛ ПРОТИВНИКА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА БШПД)

Деятельность немецких спецслужб на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны все больше привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Одним из ключевых и малоизученных аспектов этой деятельности является работа по созданию на оккупированной территории республики разветвленной сети специальных учебных заведений и курсов широкого профиля, которые готовили разведчиков, шпионов и диверсантов для действий в тылу Красной Армии и партизанских отрядах, а также пропагандистов, младший командный состав для полиции и казачьих формирований и других пособников немецких оккупационных властей.

В исторической науке Беларуси эта проблема до сих пор не оформилась в самостоятельную тему со своим понятийным аппаратом, разработанной и изученной историографией, подробным источниковедческим анализом и конкретными выводами, основанными на объективных количественных данных.

Несомненно и то, что одним из главных источников в изучении данной темы являются архивные документы, в частности фонд Белорусского штаба партизанского движения (№1450) Национального архива Республики Беларусь. Являясь руководящим и координирующим органом партизанского движения и располагая соответствующими отделами (оперативным, секретным, разведывательным – К.С.), БШПД концентрировал на себе огромный объем оперативной и разведывательной информации, в том числе и по деятельности спецшкол, поступавшей в него из многочисленных партизанских соединений в виде различных разведывательных документов.

Вопрос сбора и анализа информации о деятельности на территории Беларуси разведывательно-диверсионных и шпионских школ очень быстро занял важное место в работе разведывательных отделов (РО) руководящих партизанских органов. Уже в октябре 1942 г. в Центральном штабе партизанского движения (ЦШПД) была утверждена и разослана в республиканские штабы партизанского движения «Примерная схема разведывательной сводки Н-штаба партизанского движения», в которой указывалось, что «в разведывательных сводках необходимо отражать исчерпывающие данные по нижеперечисленным вопросам… п. 13. Где и какие школы открыты немцами по подготовке агентуры для переброски в наш тыл, и какие задачи стоят перед подготовляемой агентурой; п. 14. Где и когда немцами готовятся отряды или отдельные агенты для переброски и способ переброски» [1, л. 21–21об].

Данные о деятельности разведывательно-диверсионных школ на территории оккупированной Беларуси наиболее часто можно встретить в таких видах документации, как «разведывательные сводки БШПД», «директивы», «указания», «опросные листы», «протоколы бесед», «докладные записки», «справки» и др.

Как правило, директивы и указания определяли основные цели и задачи ведения контрразведывательной работы, а также содержали требования и рекомендации по их реализации [1, л. 41, 44; 3, л. 341; 7, л. 4–5; 11, л. 11об]. Так, в указании ЦШПД на имя начальника БШПД П. Калинина от 31 октября 1943 г. требовалось «шифром запросить все вверенные вам партизанские отряды о наличии по Белоруссии школ гестапо, их места дислокации, численный состав, кого из каких школ выпускают (разведчики, диверсанты, террористы)». Кроме того, указывалось, что из освобожденных Красной Армии районов Орши, Брянска, Смоленска, Рославля, Унечи и др. немцы передислоцируют школы гестапо в районы Белоруссии. Подчеркивалась исключительная важность этого вопроса и неоходимость своевременной реализации указаний [7, л. 4–5].

3 декабря 1943 г. заместитель начальника ЦШПД С. Бельченко направил в БШПД указание по разоблачению вражеских агентов, в котором указывалось, что «для успешного розыска вражеских разведчиков, переброшенных в наши тылы и партизанские отряды, просим дать указания командирам вверенных вам партизанских отрядов и аппарата вашего разведотдела, как от агентуры так и путем допроса разоблаченных разведчиков гестапо, добиваться получения на переброшенную агентуру или внедренную в партизанские отряды подробных сведений с ука-

занием: а) полных установочных данных; б) характеризующих данных агента и его предметы; в) района предполагаемой деятельности агента и его связи» [3, л. 341].

В июле 1943 г. начальник ЦШПД П. Пономаренко подписал «Директиву начальникам штабов партизанского движения и секретарям областных подпольных партийных комитетов», которая, в том числе, касалась и ведения разведки партизанскими соединениями «с целью выявления новых частей и подразделений «власовцев», школ по подготовке командного состава и пропагандистов» [1, л. 41, 44].

Иногда такие документы могли содержать сведения, которые ориентировали партизанскую разведку на конкретную работу. Так, в указаниях ЦШПД указывалось, что «документально установлено, что в разведывательной деятельности немцы широко используют в качестве своей агентуры лесников, егерей и служащих лесничеств. Просим ориентировать на это партизанские бригады и отряды, указав на необходимость исключительной бдительности при установлении каких бы то ни было связей с указанными категориями работников» [5, л. 22]. 13 сентября из г. Новгород-Волынского немецкими спецслужбами было направлено в партизанские отряды 46 врачей и фельдшеров для массового отравления командиров и бойцов. В этой связи всем соединениям настоятельно рекомендовалось «проверить… всех медработников, прибывших после августа 1943 г.» и взять их под тщательное агентурное наблюдение. Кроме того, необходимо было проверить всех лиц, работающих в пищевом блоке – поваров, кладовщиков, заготовителей. Кухни, склады продуктов и водоемы питьевой воды в дневное и ночное время должны были тщательно охраняться [7, л. 57].

Исполняя поручения и задания вышестоящих органов, партизанские соединения проводили тщательную разведывательную работу, собирая данные о спецшколах. Основным источником информации являлись донесения агентов и оперативно-чекистских групп [5, л. 4; 7, л. 120], протоколы допросов захваченных и разоблаченных немецких агентов и предателей [6, л. 49–51; 7, л. 197–199; 9, л. 27–31об], а также беседы с партизанами-разведчиками, оказавшимися на «большой земле» [4, л. 6об, 15–19об; 10, л. 76–79].

Так, в июле 1943 г. на станции Сходня состоялась беседа сотрудника разведотдела БШПД с командиром партизанской бригады Минского соединения П.М. Коноваловым. Отвечая на вопрос: «Что вам известно о школах гестапо?», П.М. Коновалов сообщил, что «школы гестапо находятся в Бобруйске, Осиповичах, Слуцке» и привёл некоторые данные о специализации агентов [10, л. 9–13].

Следующим шагом в работе разведывательных органов партизан была перепроверка и уточнение полученных данных, а также передача сведений вышестоящему руководству. С этой целью составлялись докладные записки [8, л. 140], отчеты [8, л. 30об–31, 87, 137–137об], справки [7, л. 14, 119], донесения [8, л. 138–139; 10, л. 83] и спецсообщения [7, л. 1–3].

В качестве примера можно привести докладную записку начальника Особого отдела Первомайской бригады Дианова от 19 сентября 1943 г., в которой он указывал, что «в настоящее время очень много прибыло беженцев из города Минска и Смоленска, которые специально засланы для шпионской работы в партизанские отряды. Особенно девушки и мужчины под видом нищих. С местечка Городище также выпущены шпионы из белорусов и пленных восточников и часть из поляков, в районы послано около 30 человек. Из них 10 человек известно по фамилии…» [8, л. 140].

В отчете о работе Особого отдела при штабе соединения партизанских отрядов Минской области за май 1943 г. в главе «Методы работы гестапо» было указано, что «крупные школы находятся в гг. Бобруйске, Минске, Борисове, в Слуцке в помещении бывшего педтехникума…», а «вербовку в шпионаж гестаповцы проводят среди жен военнослужащих, беженцев и переселенцев, военнопленных, евреев, молодых красивых девушек, детей-подростков, обещая им за это хорошую жизнь, некоторым выдают материальную помощь, а лица, не соглашающиеся на все эти обещания, запугиваются высылкой в Германию в трудовые лагеря или отнятием от них детей и прочее» [8, л. 137–137об].

Необходимо отметить, что в таких видах документов как отчеты, донесения и докладные записки, данные о деятельности разведывательно-диверсионных школ составляют незначительную часть информации, как правило, пункт, подпункт, либо текст в составе другого вопроса. Отдельное место среди документов занимают справки. Они составлялись руководителем разведки как для внутреннего пользования, так и для передачи вышестоящему руководству.

Справка представляла собой короткий документ по отдельно взятой или группе школ, в основу которого ложилась проверенная агентурная информация. Так, в справках можно встретить данные о деятельности школ в д. Белый Переезд, Борисове, Волковыске, Калинковичах, Лунинце, Минске и др.

Основными и наиболее важными разведывательными документами являются разведывательные сводки БШПД. Они составлялись в нескольких экземплярах (от 7 до 12) и отправлялись во все важнейшие военные и партийные органы руководства: Главное разведывательное управление, ЦШПД, ЦК КП(б)Б, Наркомат государственной безопасности БССР, оперативные отделы фронтов и др. С ними знакомились Г. Жуков, А. Василевский, П. Пономаренко, Л. Цанава. Следовательно, приводимые в документах сведения обладали высокой точностью и достоверностью. Только за 1943 г. в разведывательных сводках БШПД была передана информация о деятельности более 10 немецких школ и курсов на территории Беларуси, в том числе в Сенно, Могилеве, Борисове, Слуцке, Витебске, Петрикове, Минске, Полоцке, Бресте, Орше, Гомеле [2, л. 13, 89, 113, 129–130, 147, 172, 214, 219, 250, 316]. Информация о школах помещалась в подпунктах «Тайная агентура противника», «Проникновение шпионов и диверсантов в партизанские отряды», «Засылка агентуры гестапо в отряды и бригады», «Засылка гестаповской агентуры», «О школах противника», «Полицейские школы», «Школа разведчиков СД», «Школы гестапо» и др.

Таким образом, имеющиеся в фонде № 1450 Национального архива Республики Беларусь документы позволяют выявлять и получать общую информацию о деятельности разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, частично определять их систему подчинения, специализацию, контингент вербуемых и структуру. Вместе с тем, архивные документы не позволяют с достаточной уверенностью определить преподавательский состав, дисциплины и передислокацию учебных заведений, а все это является важными характеристиками при исследовании данной темы.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 1.
2. НАРБ.– Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 4.
3. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 15.
4. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 887.
5. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 53.
6. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 55.
7. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 56.
8. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 60.
9. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 1294.
10. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 1301.
11. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 3. – Д. 38.

Белый В.В.

РАЗВИТИЕ ФОРМ И СПОСОБОВ ВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В настоящее время Вооруженные Силы переходят на оптимальную систему подготовки войск, с учетом изменившейся сущности войны и вооруженной борьбы, поэтому изменилась система боевой подготовки и подготовка к ведению боевых действий, а также возросла роль сил специальных операций в войсках. Для эффективного формирования готовности подчиненных к ведению боевых действий в ходе боевой подготовки следует использовать богатый опыт предшествующих поколений, в том числе, накопленный во время Великой Отечественной войны.

Цель работы – проанализировать и обобщить опыт подготовки к ведению боевых действий на примерах Великой Отечественной войны, на основе этого анализа определить оптимальные и наиболее эффективные направления, формы и методы работы в процессе боевой подготовки подразделений сил специальных операций с практической направленностью.

Силы специальных операций выполняют возложенные на них задачи ведением специальных действий, под которыми понимается организованное применение в специальных формах имеющихся сил и средств, с целью снижения военного, морально-психологического, научно-технического, экономического, информационного потенциала противника, используемого им на всех этапах противоборства. Главная особенность сил специальных операций – постоянная готовность к применению.

Одним из основных видов специальных действий являются разведывательно-боевые действия. Их суть – воздействие на «жизненно важные органы» группировки войск противника: пункты управления (мозг), пути подвоза и эвакуации (кровеносные сосуды), связь (нервная система), а также изнурение его войск путём поддержания постоянного напряжения систематическими налётами, диверсиями и воздействием на тылы. Способами выполнения задач при ведении разведывательно-боевых действий являются: рейды, поиски, засады (нападение на подвижный объект противника) и налёты (нападение на стационарный объект), диверсии.

К сожалению не все руководство Красной Армии понимало важность в предстоящей войне специальных действий. Так в разговоре заместитель начальника 4-го управления НКВД и начальника Особой группы при наркоме внутренних дел Эйтингона с командующим Белорусским военным округом генералом Павловым на кануне войны 20 июня 1941 года, последний «не видел ни малейшей нужды в подрывных операциях для дезорганизации тыла войск противника».

Колоссальный вклад в развитие специальных действий внесло партизанское движение, развёрнутое на оккупированной территории Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Партизанская борьба против немецко-фашистских войск отличалась многообразием средств, форм и методов, применяемых в соответствии с боевыми задачами, обстановкой, условиями обеспеченности и снабжения, опытом партизан, их подготовленностью, наличием специалистов и многими другими факторами.

Об её эффективности красноречиво говорят факты. Всего за годы войны советские партизаны и подпольщики уничтожили, ранили и пленили около 1,5 млн. вражеских солдат и офицеров, пустили под откос 21 тыс. вражеских поездов, подорвали 116 бронепоездов, вывели из строя около 17 тыс. паровозов и 170 тыс. вагонов, взорвали или сожгли почти 12 тыс. железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожили более 65 тыс. автомашин и сотни тонн горючего, подорвали или вывели из строя более 4538 танков и бронемашин, сбили и уничтожили на аэродромах свыше 1100 самолётов, вывели из строя свыше 13 тыс. км линий связи. Партизаны срывали мероприятия гитлеровцев по вывозке с советских территорий продовольствия, сырья, леса. О роли и значении партизанского движения говорит и такой факт: командование немецко-фашистских войск было вынуждено, начиная с лета 1942 г., держать на оккупированной ими территории страны для борьбы с партизанами и охраны военно-экономических объектов до 10 % сухопутных войск (не считая охранных и полицейских сил), находящихся на советско-германском фронте.

По заданию разведорганов партизаны и подпольщики собирали сведения о дислокации вражеских частей и соединений, штабов и учреждений, баз снабжения, о направлении и характере перевозимых грузов, перегруппировках войск. Так, только с апреля 1943 г. до середины января 1944 г., по данным Центрального штаба партизанского движения, партизаны установили появление на советско-германском фронте ранее никем не отмечавшихся 41 соединения и части, подтвердили места дислокации 165 дивизий, 177 полков и 135 отдельных батальонов, при этом в 66 случаях была вскрыта их структура, стали известны численность и фамилии командного состава. За это время партизанская разведка сообщила в ЦШПД о 388 полевых аэродромах и посадочных площадках, местах расположения и характере охраны 871 склада. Партизаны захватили десятки тысяч оперативных документов, из которых 9150 наиболее важных были направлены командованию Советской Армии.

Своими действиями партизаны всегда стремились застать противника врасплох, неожиданными и сильными ударами, не ввязываясь в затяжные бои, нанести ему потери, умелым маневрированием организованно выйти из боя и оторваться от преследования.

Основным способом решения боевых задач, при котором партизаны не вступали в боевое соприкосновение с противником, были диверсии. Этот способ борьбы давал и наибольший эффект. Белорусские партизаны в первом полугодии 1942 г. ежемесячно в среднем осуществляли 20 крушений поездов, во втором полугодии – 150, в первом полугодии 1943 г. – 294, а во втором полугодии – 744.

Именно в эти годы рождалась одна из основных форм ведения специальных действий – специальная операция. Её предшественницами стали партизанские операции, проводимые под руководством ЦШПД на оккупированных территориях. Крупнейшей партизанской операцией в

годы Великой Отечественной войны стала так называемая «Рельсовая война», первый этап которой начался в ночь на 3 августа 1943 г. Около 74 тысяч партизан Белоруссии нанесли мощный удар по железнодорожным линиям оккупационных войск. Сотни штурмовых групп атаковали ДОТы и ДЗОТы противника, расположенные вдоль железнодорожных путей. Вслед за тем приступили к работе группы подрывников. В тылу врага огромная армия партизан впервые не только за весь период войны, но вообще в истории войн по единому плану и приказу «пошла в атаку».

Массовые и повсеместные диверсии дезорганизовывали работу тыла и транспорта врага, оказывали сильное влияние на моральное состояние его войск, вынуждали командование вермахта привлекать для охраны и обороны коммуникаций и тыловых объектов крупные контингенты войск.

Во втором периоде войны партизанское движение превратилось в активно действующий фронт в тылу противника. С конца 1943 г. партизаны Белоруссии контролировали 60% оккупированной территории (108 тыс. км^2), причём на площади 38 тыс. км^2 враг был полностью изгнан.

Партизанское движение внесло вклад и в теорию разведывательно-боевых действий. Так, особое рейдовое партизанское соединение «Тринадцать» под командованием Героя Советского Союза С. В. Гришина, действовавшее в 1941–1944 гг. на территории Смоленской области и в Белоруссии, за годы войны подорвало 333 железнодорожных эшелона, более 1 тыс. автомашин, 97 мостов, разгромило 6 штабов и 25 немецких гарнизонов.

Таким образом, Великая Отечественная война стала проверкой предвоенных военно-теоретических взглядов советского руководства на роль и место вооруженной борьбы в тылу противника. Сегодня в процессе боевой подготовки в войсках используется опыт подготовки к ведению боевых действий времен Великой Отечественной войны, Афганистана и Чечни, но накопленный богатый опыт не является гарантией успехов в будущем. Для этого необходимо, прежде всего, извлечь уроки из прошлого и объективно подойти к оценке современного состояния сил специальных операций.

Радюк А.В.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМЕНДАНТОВ НА ТЕРРИТОРИЯХ ПАРТИЗАНСКИХ ЗОН БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одним из показателей массовости партизанского движения на территории Беларуси является наличие партизанских зон, территорий, освобождённых партизанами от немецких оккупантов. Партизаны нападали на вражеские гарнизоны или опорные пункты врага и освобождали территории от немецко-полицейских гарнизонов. Целые районы переходили под контроль партизан. Всего на территории Беларуси существовало 25 партизанских зон [9, с. 38]. К концу 1943 года под контролем партизан находилось 108 тыс. кв. км., или 58,4% оккупированной территории. Свыше 38 тыс. кв. км. составляли партизанские зоны, куда врагу лишь временно удавалось прорваться, и то с помощью крупных воинских сил. Фактически под контролем противника находились только те места, где располагались его воинские охранные части, имелись крупные гарнизоны [2, с. 101].

На территории зон действовали органы Советской власти, небольшие предприятия, мастерские, школы, издавались газеты и листовки, проводились концерты художественной самодеятельности. Здесь находились подпольные обкомы и райкомы коммунистической партии Белоруссии, подпольные комитеты комсомола и штабы партизанских соединений. В освобожденных сельских населенных пунктах создавались партизанские гарнизоны.

В системе органов власти, действовавших в партизанских зонах, определяющая роль принадлежала партизанским отрядам и бригадам. Командование партизанских зон формировало низовые звенья местного аппарата. Оно назначало на должности председателей сельсоветов, комендантов, старост, начальников гарнизонов, определяло их компетенцию, решало вопросы хозяйственного и оборонного значения.

В деревнях, контролируемых партизанскими формированиями, партизанское командование назначало комендантов из числа наиболее подготовленных партизан или представителей местного населения. В некоторых партизанских зонах их называли старостами. В случае расположения партизанского формирования в деревне, назначался начальник гарнизона.

В компетенцию коменданта входило: изучение политического и экономического состояния деревни, стратегическое изучение местности на предмет ведения боя и организация самообороны деревень. Коменданты занимались распределением земли, лошадей, сельхозинвентаря. Они размещали беженцев. Руководили организацией сельскохозяйственных работ [5, л. 67об.–70]. Большое значение имели посевная и уборочная компании. Коменданты и старосты принимали активное участие в этих мероприятиях.

Летом 1942 года в совхозе Рованичи, Минско-Червенской партизанской зоны работал комендантом, партизан из отряда С.А. Ваупшасова, С.Р. Белохвостик. Это был пожилой человек, хорошо разбиравшийся в сельском хозяйстве. Он с двумя партизанами, бывшими рабочими-кузнецами ленинградского судостроительного завода отремонтировали молотилку. Под его руководством крестьяне провели сбор урожая, который был спрятан. Нуждающихся крестьян С.Р. Белохвостик наделял зерном. Крестьянам было приятно, что комендант сам работал на молотилке. Они отмечали, что немец, в отличие от С.Р. Белохвостика, «управлял только палкой и нагайкой» [1, с. 129].

Коменданты осуществляли контроль над проведением хозяйственных операций. За каждой партизанской бригадой и отрядом были закреплены свои деревни. Прибывшие партизаны из других отрядов на хозяйственные заготовки в эти деревни должны были осуществлять заготовки только с разрешения коменданта. Неправильно произведенные хозяйственные операции в деревнях разбирались в конфликтном порядке командованием бригады, которое выносило решение о возврате собственности владельцу. Имели место и конфликты между партизанскими бригадами из-за того, что одна партизанская бригада заготавливала продукты на территории деревень другой бригады [6, л. 161]. Партизаны стремились завоевать авторитет и доверие у населения. Для этого партизанское руководство предписывало правильное ведение политики во время заготовки продуктов и одежды. Командование партизанских формирований уделяло большое внимание борьбе с мародерством, самогоноварением, пьянством и прочими негативными проявлениями среди партизан. К нарушителям применялись строгие меры вплоть до расстрела [7, л. 42].

В центрах партизанских зон Бегомле, Россонах, Ушачах вопросами хозяйственной и культурной деятельности занимались партизанские комендатуры. Россонская комендатура была создана в сентябре 1942 года. Она состояла из комендантского взвода партизан, двух помощников коменданта и писаря. Возглавлял комендатуру Н.З. Мартынов. Это партизанское подразделение следило за общественным порядком, патрулировало дороги к районному центру. В первые дни работы комендатуры туда ежедневно с различными вопросами приходило до 120 человек. Через своих представителей комендатура осуществляла работу на местах. Так, в деревне Корзуново активную работу вела А.С. Горецкая, на льнозаводе – Д.Ф. Косоровская. Посредством комендантов партизаны были связаны с жителями района, которые выполняли задания партизанского командования.

Комендантом в Ушачах был назначен М.К. Зуев. В его распоряжении была группа партизан из 60 человек. Руководство комендатурой в Бегомле вначале было возложено на В.С. Костина, а с февраля 1943 года комендатуру возглавил П.В. Васильев. После весенне-летней блокады 1943 года комендантом был назначен Х.М. Вашкевич, который пользовался большим авторитетом среди населения [3, л. 137].

В партизанских зонах Пинской области командир командир Пинского партизанского соединения В.З. Корж ввел партизанские комендатуры, которые обеспечивали порядок в деревнях. Без их разрешения партизаны не имели права заготавливать продукты и брать лошадей. В.З. Корж ссорился с командирами других отрядов, которые приходили на Пинщину из других мест, если они нарушали установленный порядок взаимоотноений с населением. К нему, как представителю Советской власти в тылу врага, шел народ с жалобами [8, с. 42].

Коменданты также занимались организацией и руководством отрядами самообороны. Самооборона деревень охраняла все население и имущество от посягательств немцев и полицейских. Под руководством партизан население деревень строило в лесу землянки, в которых оно могло

укрыться в случаи карательной операции. Через комендантов распространялась печатная литература в деревнях: газеты и листовки. Они также занимались агитационной работой.

В ряде партизанских зон были созданы довоенные органы Советской власти: райисполкомы и сельские советы. Власть председателя сельского совета распространялась на несколько населенных пунктов.

Большое значение придавалось подготовки работников органов Советской власти. Так при Руденском подпольном РК КП(б)Б с 20 по 30 января 1944 года были проведены 10-дневные подготовительные курсы секретарей сельских советов. На этих курсах занималось 17 девушек с образованием от 7 до 10 классов. Они изучали следующие предметы:

Наименование предмета	Количество часов
Политзанятия	12
Военная подготовка	8
Роль и задачи сельсовета, массовая работа сельсовета	8
Делопроизводство	12
Учет и отчетность	8
Военный учет	2
Бюджет сельского совета, финансовый учет и отчетность	14
Революционная законность	2
О сохранении военной тайны	2
Итоги пройденных материалов	2

После окончания курсов 4 девушки стали председателями сельсоветов, а 13 секретарями [4, л. 12, 340].

Таким образом, партийные органы и командование партизанских формирований уделяли большое значение восстановлению Советской власти на территории партизанских зон. Важное место в структуре органов Советской власти занимали коменданты населенных пунктов. Они играли большую роль в соблюдении законности и порядка на территории партизанских зон.

Литература

1. Ваупшасов, С.А. Партизанская хроника / С.А. Ваупшасов. – Москва: Воениздат, 1961. – 480 с.
2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. / редкол.: А.Т. Кузьмин (предс.) [и др.]. – Минск: Беларусь, 1983–1985. – Т. 3. / А.Н. Мацко (руков.) [и др.]. – 1985. – 531 с.
3. Коваленя, А.А. Идейно-политическая работа подпольных партийных организаций КП(б)Б в партизанских зонах: дис. … канд. ист. наук: 07.00.01 / А.А. Коваленя. – Минск, 1983. – 218 л.
4. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 71.
5. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 269.
6. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 508.
7. НАРБ. – Фонд 1405. – Оп. 1. – Д. 513.
8. Нордман, Э.Б. Штрихи к портретам: Генерал КГБ рассказывает / Э.Б. Нордман. – Минск: БЕЛТА, 2003. – 144 с.
9. Савченко, И.И. На непокоренной земле Беларуси: к 65-летию Великой Победы / И.И. Савченко. – Минск: Экоперспектива, 2009. – 116 с.

Ивицкий А.М.

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИЗАН НА КОММУНИКАЦИЯХ ПРОТИВНИКА

Одной из важнейших задач, стоявших перед партизанским движением, была организация массовых диверсий на коммуникациях противника. Они наносили не только значительные потери вермахту в живой силе и технике, но и, что не менее важно, затрудняли доставку подкреплений к линии фронта, мешали осуществлению перегруппировки немецких войск, а также вывозу ценностей в Германию. Таким образом, выводя из строя железнодорожный состав и пути, народные мстители оказывали непосредственную помощь Красной Армии.

Первые удары по железнодорожным коммуникациям противника партизаны начали наносить еще в 1941 г. Однако по причине своей малочисленности и плохо организованной системы снабжения партизаны не могли проводить масштабные операции. Кроме того, серьезной проблемой, затруднявшей диверсионную работу партизан, была также острая нехватка взрывчатых веществ и подготовленных минеров-подрывников, поэтому для вывода из строя железнодо-

рожного полотна народными мстителями часто применялись подручные средства: разведение костров на путях, развинчивание рельс и т. д. Однако данный способ осуществления диверсий почти не давал результатов, так как места разрушения полотна легко обнаруживались немецкими патрулями. В результате, в большинстве своем удары по железнодорожным коммуникациям противника были редкими и неорганизованными, а результаты – незначительными. Так, в отчете по диверсионно-подрывной работе на территории Минской области указывалось, что «…в 1941 году … диверсионно-подрывная работа не имела достаточно широкого размаха…» [Цит. по: 4, л. 58].

Значительные изменения в организации диверсионной деятельности народных мстителей произошли в 1942 г. Под влиянием успехов Красной Армии резко активизировался численный рост партизанских формирований, а в результате создания Центрального штаба партизанского движения произошла централизация управления и организация снабжения партизан вооружением, боеприпасами и взрывчатыми материалами из советского тыла. Таким образом, с 1942 г. белорусские партизаны превратились в силу, способную решать не только тактические, но и стратегические задачи, важнейшей из которых стала организация массовых диверсий на коммуникациях противника. Уже 5 сентября 1942 г. согласно приказу И.В. Сталина № 00189 «разрушение путей подвоза врага имеет важнейшее значение… закрыть пути подвоза – значит лишить врага возможности пополнять фронт живой силой, техникой, горючим и боеприпасами…» [Цит. по: 5, л. 1об–2]. Во исполнение приказа с осени 1942 г. в Беларуси наблюдается активизация диверсионной работы партизан на важнейших железнодорожных и шоссейных магистралях противника.

Первоначально в диверсионно-подрывной деятельности группы минеров использовали различные виды «антиклиринсных» мин заводского производства, а также самодельные фугасы, выпуск которых был налажен в партизанских мастерских. Для их изготовления применялся выплавленный партизанами тол и поставлявшиеся из советского тыла в больших количествах взрыватели, капсюли-детонаторы, бикфордов шнур и иные доступные материалы. Наиболее простыми в изготовлении и применении были фугасы, действовавшие по принципу «удочка». Они представляли собой заряд тола, снаряженный взрывателем, с привязанной за чеку веревкой длиной 200–250 метров. Во время движения поезда партизаны, дергали за веревку, вытягивая чеку, в результате чего происходил взрыв. Используя те же материалы, партизаны изготавливали мины на самодельных растяжках, закрепленных к винтовочному шомполу, воткнутому в железнодорожный балласт. Их детонация происходила от натяжения проволоки растяжки после сбивания поездом шомпола [6, л. 79–85].

Для предотвращения установки мин типа «удочка» и «на шомпол» противник усилил патрулирование железнодорожного полотна, организовав регулярные обходы перед началом движения. Немецкие патрули либо находили установленные фугасы, либо натыкались на засады партизан-минеров, что приводило к срыву операции. Поэтому, партизаны вынуждены были перейти к так называемому «наглому минированию» – установке мин непосредственно перед приближением поезда. Это значительно повышало эффективность минирования, но в то же время было крайне опасным для самих партизан. С целью организации скрытного минирования железнодорожного полотна, партизаны применяли и так называемые «рычажные мины», представлявшие собой заряд тола, снабженный МУВ, чека которого одевалась на рычаг, который должен был быть при установке прижат к рельсу. Мина устанавливалась под рельс и приводилась в действие от давления на последний проходящего поезда [6, л. 78].

В свою очередь, для защиты своих составов враг стал использовать контрольные платформы, закрепленные перед паровозом и используемые в качестве противоминного трала. Чтобы нейтрализовать их действия, партизаны стали совершенствовать «антиклиренсные» мины стержневого типа, рассчитывая длину рычага-детонатора так, чтобы платформа, проходившая первой, его не задевала, а паровоз, имевший более низкую осадку, сбивал рычаг, приводя мину в действие [3, л. 5]. Устанавка партизанами усовершенствованных «антиклиринсных» мин непосредственно перед поездом вынудила противника закреплять на паровозах металлические щетки, сбрасывавшие заряд в сторону, что позволяло избежать взрыва. На это партизаны ответили установкой мин непосредственно под рельс, приводимых в действие от давления на последний проходящего поезда. Но, это требовало значительных затрат времени, так как приходилось раскапывать насыпь под рельсом для установки заряда. Для обнаружения мин данной

конструкции, противник стал красить насыпь у рельс известью в белый цвет. В ответ партизаны стали носить с собой известь – для закраски места закладки и уносить лишнюю землю.

Чтобы окончательно лишить народных мстителей возможности минировать железную дорогу, противник начал вырубать по краям дороги лес и устанавливать для непосредственной охраны железнодорожного полотна деревоземляные огневые точки (далее ДЗОТы) и долговременные огневые точки (далее ДОТы). Так, зимой 1944 г. на каждом километре важнейших железнодорожных путей немцы устанавливали ДЗОТ или ДОТы, которые взаимодействовали с патрулями. Патрульные группы по 3–5 человек периодически проверяли железнодорожное полотно, двигаясь на расстоянии 50–100 метров друг от друга [3, л. 12]. Такая форма охраны, хоть и требовала привлечения значительного количества живой силы, делала практически невозможной минирование в дневное время, поэтому установку мин народные мстители стали проводить в основном ночью, что вынудило немцев ограничить, а в некоторых регионах и вовсе отказаться от ночного движения поездов. А утром, после тщательной проверки полотна патрульными группами, перед началом движения, по путям пускался порожняк с платформой-тралом, который должен был проверить безопасность путей. В результате, наличных мин, создаваемых в мастерских партизан из взрывчатки и материалов присылаемых с «Большой земли» оказалось недостаточно для успешных осуществлений диверсий, так как установленные фугасы в лучшем случае уничтожали пустой состав или же детонировали под платформой.

Для решения данной проблемы в феврале 1944 г. при Белорусском штабе партизанского движения был создан инженерно-технический отдел, главной задачей которого было проектирование, изготовление и разработка опытных образцов новой подрывной техники и экспериментального вооружения для партизанских формирований [2, л. 4–3]. Благодаря деятельности советских ученых и инженеров в краткий срок была спректирована, испытана и запущена в производство целая серия мин и взрывателей новой конструкции (взрыватели замедленного действия «УЗ-47», «ВКВ» и мина «М2П»), позволявших проводить диверсии несмотря на противодействие противника. Так, при установке вышеупомянутых врывателей замедленного действия, установленный ночью фугас становился на боевой взвод в дневное время, уже после прохода контрольного порожняка. Мина же «М2П» была устроена так, что пропустив первый контрольный состав, обычно являвшийся пустым, взрывалась под проходящим следом [2, л. 30–33, 37]. Данные устройства в ограниченных масштабах были доставлены в белорусские партизанские отряды, где показали отличные результаты. Так, в 1944 г. только с помощью 19 мин «М2П» было уничтожено – 15 паровозов, 30 вагонов, 1 дрезина, убито и ранено 503 солдата и офицера противника [2, л. 26–28].

Массовые диверсии на железных дорогах заставили противника усилить движение и по шоссейным дорогам. Партизаны на это ответили усиленным минированием и организацией засад. Для диверсий первоначально применялись обычные армейские противопехотные и противотанковые мины, иногда снабженные дополнительным зарядом взрывчатки, а также самодельные мины нажимного действия в деревянном корпусе. Для нейтрализации угрозы грузоперевозкам противник усилил контроль за движением по дорогам, осуществлял постоянный мониторинг, обходы и траление боронами наиболее опасных участков. В связи с этим, прежние формы минирования оказались малоэффективными, и поэтому партизаны разработали и стали применять новые приемы постановки мин. Например, мины, снабженные взрывателями нажимного действия, устанавливались на гораздо большую глубину, чем ранее. Над ним вертикально устанавливалась палочка, доходящая концом до поверхности дороги, на которую зачастую сверху накладывалась деревянная дощечка. Взрыв происходил после того, как проходящий транспорт, наехав на дощечку или палочку, оказывал необходимое давление на взрыватель, в результате чего происходил взрыв. В случае траления, мина оставалась незадетой, борона в худшем случае сдвигала только дощечку, однако мина сохраняла свою функциональность [1,
л. 31]. Против подобных фугасов противник так и не смог найти эффективного противодействия, так как для охраны шоссейных коммуникаций в усиленном режиме с помощью ДЗОТов и патрулей у немецкого командования просто не хватало людских ресурсов, что и обеспечило успешность минной войны на грунтовых дорогах.

Таким образом, несмотря на все усилия оккупационной администрации, направленные на противодействие диврсионным акциям партизан, полностью обезопасить движение как по же-

лезным, так и по шоссейным дорогам Беларуси ей так и не удалось. Народные мстители на усиление охраны коммуникаций отвечали изготовлением мин новой конструкции и разработкой новых способов закладки зарядов, а, где самим это было не под силу, на помощь приходили специалисты из советского тыла. В результате диверсий партизаны не только снижали пропускную способность железной дороги, чем усложняли своевременную доставку вермахту пополнений на фронт, но и наносили противнику существенные потери в технике, снаряжении и личном составе.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 965.
2. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 3. – Д. 92.
3. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 3. – Д. 151.
4. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 4. – Д. 158.
5. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 3. – Д. 173.
6. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 4. – Д. 249.

Билоус А.П.

К ВОПРОСУ УСТАНОВЛЕНИЯ ПОСТОЯННОЙ РАДИОСВЯЗИ ПАРТИЗАН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ С БОЛЬШОЙ ЗЕМЛЕЙ

С развертыванием партизанского движения на территории Северо-Восточной Украины в полной мере выяснилась роль структур и подразделений, без которых вести долговременные боевые действия во вражеском тылу было практически невозможно. Действующие партизанские отряды неоднократно сталкивались с проблемами недополучения разведывательных данных, ненадлежащего медико-санитарного обеспечения, недостаточной агитационно-пропагандистской работы. Одним из главных недостатков начала партизанского движения стало отсутствие радиосвязи партизан с Большой землей.

Проблема партизанской радиосвязи широко освещена в историографии. Одними из первых этого вопроса коснулись непосредственные участники «малой» войны: командиры партизанских отрядов и соединений, связисты [4; 7; 11; 12]. Широкое освещение эта тема получила в советской [1; 5; 8] и постсоветской [2; 9; 10] исторической науке.

Источниковедческой базой исследования стали документы фондовой коллекции Мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», которые в полном объеме дополняют материалы Центрального государственного архива общественных объединений Украины (ЦГАОО Украина).

Согласно официальной советской статистике, до октября 1941 г. на оккупированных территориях Украины было создано 23 подпольных обкома КП(б)У, 685 горкомов и райкомов, 4316 подпольных организаций и групп... Во многих работах упоминается о том, что для борьбы в тылу врага было создано «883 партизанских отряда и 1700 диверсионных групп» [10, с. 377]. А.В. Кентий и В.С. Лозицкий, опираясь на данные 4-го управления НКВД УССР, приводят цифру в 1386 партизанских формирований (организованные до 1 марта 1942 г.), при этом сведения об их деятельности поступили лишь от 141 отряда и группы [2, с. 49]. Одной из главных причин распада и бездействия этих формирований было отсутствие радиосвязи с Большой землей. Этого же мнения придерживаются ученые И.К. Патриляк и Н.А. Боровик: «Проблемы со связью были одними из самых «узких мест» в управлении партизанскими отрядами и подпольными организациями... В первый год войны среди партизанских формирований Украины радиосвязь с советским командованием имели только 1,4 % отрядов» [9, с. 226].

Вопрос радиосвязи к числу важнейших относит и И.М.Артемьев, бывший начальник отдела связи ЦШПД, цитируя своего руководителя, начальника ЦШПД П.К. Пономаренко: «Радио, только радио сейчас для нас самое необходимое. С ним связаны и безопасность партизан, и эффективность их борьбы» [1, с. 6–7].

На первых порах партизанской войны широкого применения получил способ передачи данных через связных. В конце 1941 г. А.Ф. Федоровым и С.А. Ковпаком для установления связи с Большой землей к линии фронта было направлено несколько партизанских групп. Как показало время, некоторые из них были выявлены и уничтожены [1, с. 7; 8, с. 45]. Уже в 1942 г. только ЦК КП(б)У направил на оккупированную территорию 55 своих связных [9, с. 226]. Это не считая внут-

ренней связи и связи между соседними отрядами, где других видов обмена информацией не было практически до конца оккупации региона. Вместе с тем курьерской службе не хватало оперативности – «в результате их сведения теряли свою ценность» [5, с. 208].

На момент создания УШПР радиосвязь была установлена с 22 отрядами [9, с. 237; 3, с. 13], хотя несколько иную цифру приводят И.Ф. Курас и А.В. Кентий: «прямая радиосвязь поддерживалась только с отрядами Н.И. Воронцова, С.А. Ковпака, А.Н. Сабурова, А.Ф. Федорова и группой П.А. Маркова» [5, с. 208].

Моменты прохождения первого радиосигнала широко освещены в воспоминаниях бывших партизанских командиров. Черниговским объединенным партизанским отрядом им. И.В. Сталина с Москвой регулярная радиосвязь была установлена 9 января 1942 г., по прибытии к партизанам группы радистов во главе с капитаном Григоренко [16, с. 136] (хотя командир отряда А.Ф. Федоров в своих мемуарах акцентировал внимание читателя на дате 3 января 1942 г. [12, с. 288]). Радист этой группы Мазур с помощью радиостанции «ЧП» провел первый радиосеанс, дав радиограмму на имя секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущева с сообщением о существовании Черниговского областного партизанского отряда им. И.В. Сталина [14, л. 320–321]. Вскоре разведывательным отделом Юго-Западного фронта в распоряжение отряда был командирован радист Г.Я. Стальной с радиостанцией «Север», положив начало регулярной связи со штабом фронта. А в феврале 1942 г. были десантированы радисты Полищук, Скрынник, Гаркушенко и Воловик, которые обеспечили две линии связи с 4-м управлением НКГБ УССР [14, л. 320–321].

Командирами Путивльского объединенного партизанского отряда (Сумского партизанского соединения) для установления прямой связи с Центром (до получения радиостанции ковпаковцы пользовались услугами Харьковского партизанского отряда им. Г.И. Котовского под командованием М.И. Воронцова, который на грани 1941–1942 гг. подчинялся им на правах автономной боевой единицы) было отправлено через линию фронта бойца А.И. Коренева [8, с. 45]. Он успешно перешел линию фронта и связался с органами НКВД, но радиостанции не получил. Только 11 апреля 1942 г. в расположение Путивльского объединенного партизанского отряда прибыли начальник рации Д.С. Молчанов и радисты Грищенко и К. Коноваленко. Данный эпизод нашел свое отражение и в воспоминаниях С.А. Ковпака: «В Старой Гуте мы получили ожидаемую рацию, 11 апреля с самолета десантировались три радиста с походной радиостанцией» [4, с. 75]. Через месяц после установления связи С.А. Ковпак и С.В. Руднев в письме к секретарю ЦК КП(б)У Н.С. Хрущеву отмечают: «...необходимо иметь радиосвязь непосредственно со штабом фронта, чтобы весь ценный материал радиосведений, который собирается партизанскими отрядами, поступал непосредственно командованию фронта для принятия соответствующих решений» [6].

В декабре 1941 г. вышел на связь с Москвой и отряд им. 24-й годовщины РККА (Житомирское партизанское соединение): «Прикидываю текст радиограммы: организовали партизанский отряд, действуем в южной части Брянского леса. Ждем указаний» [11, с. 146]. После этого сабуровцы постоянно поддерживали радиосвязь с НКВД УССР, а с созданием УШПР – и с ними [15, л. 211].

В дальнейшем радиоузел отряда им. 24-й годовщины РККА стал центром передачи связи для партизан Брянского леса. О своих первых эфирах из расположения Сабуровского отряда вспоминал радист А.С. Хабло: «Со всех отрядов, действовавших в Брянской и Орловской областях, ежедневно прибывали связные – привозили для передачи в Центр отчеты об осуществленных диверсиях, разведывательные данные, другое» [7, с. 31].

А.В. Кентий и В.С. Лозицкий, исследуя структуру службы связи в системе партизанского движения, обращают внимание на трудности которые возникали не только у партизан, но и в отделе связи УШПД, который был образован 20 июня 1942 г. и начальником которого стал полковой комиссар Я.И. Мельник. На момент организации «при штате 34 единицы радиоузел имел лишь 10 сотрудников, был оснащен устаревшим радиооборудованием (радиостанция РСБ и передатчик «Казахстан»)» [2, с. 13].

В дальнейшем партизанская радиосвязь только приобретала все новые возможности взаимодействия и разрешения для деятельности и координации партизанскими формированиями. Так, секретарь ЦК КП(б)У Н.С. Хрущев, отчитываясь о состоянии дел партизанского движения на территории Украины за период с 1 октября 1942 г. до 1 апреля 1943 г., отметил, что «на 1

октября 1942 г. в партизанских отрядах Украины действовало шесть радиостанций, а к 1 апреля 1943 г. в их распоряжение было адресовано и десантировано еще 53 радиостанции и 57 радистов. Кроме того, было адресовано три радиоузла для партизанских соединений под командованием С.А. Ковпака, А.Ф. Федорова и А.Н. Сабурова» [13, л. 76–77]. Настройка крупной сети радиосвязи сказалось и на качестве самой борьбы. Так на 1 апреля 1943 г. ЦК КП(б)У и УШПД поддерживали постоянную радиосвязь с 74 отрядами [13, л. 76–77]. Кроме того, если по состоянию на «1 октября 1942 г. было принято и передано 332 радиограммы, то в январе 1943 г. – 726, а в марте 1943 г. – 2281» [13, л. 76–77].

Как видим, определяющую роль в работе службы связи в условиях вражеского тыла, сыграло создание отдела связи УШПД. Уже на 1943 г. можем наблюдать наличие почти у каждого соединения бесперебойного радиосообщения не только с центральными органами власти и НКВД, но и внутри формирований между отрядами (батальонами).

Литература

1. Артемьев, И.Н. В эфире – партизаны / И.Н. Артемьев. – Москва: Воениздат, 1971. – 136 с.
2. Кентій, А. Війна без пощади і милосердя: Партизанський фронт у тилу вермахту в Україні (1941–1944) / А. Кентій, В. Лозицький. – Київ: Генеза, 2005. – 408 с.
3. Кентій, А. Радянські партизани. 1941–1944: світло і тіні / А. Кентій, В. Лозицький. – Київ: «Житомирська облдрукарня», 2010. – 80 с.
4. Ковпак, С.А. Від Путивля до Карпат / С.А. Ковпак. – Київ: Політвидав України, 1973. – 186 с.
5. Курас, И.Ф. Штаб непокоренных (Украинский штаб партизанского движения в годы Великой Отечественной войны) / И.Ф. Курас, А.В. Кентий. – Киев: Политиздат Украины, 1988. – 330 с.
6. Лист командування Путивльського об'єднаного партизанського загону секретарю ЦК КП(б)У тов. М.С. Хрущову. – КН-11358. – Д-1987.
7. Мацуй, П.А. Говорит Большая земля / П.А. Мацуй, А.С. Хабло. – Киев: Политиздат Украины, 1990. – 304 с.
8. Мищенко, Г.П. Задача особой важности (Партизанская разведка. 1941–1945 гг.) / Г.П. Мищенко, Г.П. Мигрин. – Київ: Вища школа, 1985. – 208 с.
9. Патриляк, І.К. Україна в роки Другої світової війни: спроба нового концептуального погляду / І.К. Патриляк, М.А. Боровик. – Ніжин: «ПП Лисенко», 2010. – 590 с.
10. Політична історія України. XX ст.: у 6 т. / редкол.: І Ф. Курас та ін. – Київ: Генеза, 2003. – Т. 4: Україна у Другій світовій війні, 1939–1945. – 584 с.
11. Сабуров, О.М. Відвойована весна / О.М. Сабуров. – Київ: Політвидав України, 1980. – 718 с.
12. Федоров, О.Ф. Підпільний обком діє / О.Ф. Федоров. – Київ: Політвидав УРСР, 1949. – 420 с.
13. ЦДАГО України. – Ф. 57. – Оп. 4. – Спр. 189.
14. ЦДАГО України. – Ф. 64. – Оп. 1. Спр. 1.
15. ЦДАГО України. – Ф. 65. – Оп. 1. – Спр. 1.
16. Черниговщина в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сб. док. и материалов. – Киев: Изд-во полит. лит-ры Украины, 1978. – 420 с.

Касьянов В.В.

БОРЬБА ПАРТИЗАН КУБАНИ ПРОТИВ ФАШИСТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА

Оккупация Кубани – одна из самых трагических страниц её истории. Она продолжалась с августа 1942 по октябрь 1943 годов. Ещё до захвата территории края гитлеровцы направили на Северный Кавказ большую группу инженеров и экономистов, составивших специальный «экономический комитет по Кавказу». Вместе с ними прибыл бывший германский военный атташе в Москве генерал Кёстринг в качестве «советника по делам кавказских народов и казаков». Сюда же был направлен полковник Панвиц, которому поручалось создание антисоветских воинских частей из народов Северного Кавказа. В помощь гитлеровским экспертам были доставлены из Германии несколько известных белоэмигрантов. Формированием казачьих частей занимался и генерал Улагай, уроженец Кубани; Черкесский легион на территории Адыгеи пытался создать Султан-Гирей Клыч.

Все эти «советники», «эксперты», «наместники», опираясь на оккупационный аппарат, гестапо и всевозможные его формирования –«эйнзатцгруппы», «зондеркоманды» и другие, приступили к осуществлению разработанной ими программы по ограблению края и истреблению людей. В занятых районах фашисты рьяно начали осуществлять свои захватнические планы. Бывший министр земледелия гитлеровской Германии Дарре говорил, что завоёванные территории будут поделены между солдатами, особо отличившимися, и между образцовыми членами национал-социалистической партии. Таким образом, должна была возникнуть новая зе-

мельная аристократия, у этой аристократии будут свои крепостные: местные жители покорённой России [1, с. 249].

Новоявленные сельхозкоменданты и их местные прихвостни в станицах и хуторах распространяли листовки и воззвания, в которых говорилось, что простым людям немцы ничем не грозят, что если: страдают – так это только евреи и коммунисты, что немецкие войска наконец «освободили крестьян от цепей большевизма», сделают их «настоящими собственниками земли», что теперь они будут работать «только на себя и для своих детей». В этих же воззваниях и листовках станичников призывали собрать скорее урожай, провести сев озимых, вспашку зяби, помочь немецким властям найти спрятанные запасные части и детали к тракторам и комбайнам. В то же время сельские жители без особого разрешения не могли выезжать за пределы своей местности, а также продавать свои продукты. Оккупанты изымали у крестьян в нужном для них количестве продовольствие, фураж, скот.

С первых дней оккупации фашисты приступили к организации в Краснодаре административных органов: военного управления, комендатуры, жандармерии и так называемого гражданского самоуправления. 10 августа 1942 г. состоялось городское собрание «общественности», созванное немецким комендантом. На нём присутствовало 25–30 человек из числа антисоветски настроенных представителей местной интеллигенции, главным образом – работники коллегии адвокатов и преподаватели педагогического института. Бургомистром Краснодара был избран Воронков. Из числа прислужников нового режима назначались бургомистры, формировались городская и районные управы. На улицах Краснодара были развешаны портреты Гитлера и плакаты с изображением улыбающегося крестьянина и подписью: «Фюрер дал мне землю».

Факты, извлеченные из архивных документов, беседы с участниками подполья и партизанского движения, простыми жителями, оказавшимися на захваченной земле, свидетельствуют о том, что фашистской пропаганде удалось отравить сознание некоторой части населения идеями, враждебными советской власти. Не случайно на пленуме Краснодарского крайкома партии отмечалось: «Оккупанты принимали все меры для того, чтобы подорвать и свести на нет социалистическое сознание советских людей, оставшихся на оккупированной территории, хотели обезоружить их духовно и кое-что в этом отношении сделали» [2, с. 332]. Однако подавляющее большинство населения с достоинством вело себя в условиях оккупационного режима и сохранило верность своей Родине.

Что касается предателей, то редко кто из них ушёл от возмездия. Уже 14–17 июля 1943 г. в городе Краснодаре состоялся первый в стране судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Краснодара и Краснодарского края. Обвиняемых было 11 человек, все они добровольно сотрудничали с оккупантами (10 человек служили в упомянутой зондеркоманде СС-10 А), участвовали в облавах и арестах, истязаниях, расстрелах, обслуживали душегубки. Восьмерых военный трибунал приговорил к смертной казни через повешение. Трое были осуждены к ссылке в каторжные работы на 20-летний срок. В последующем в Краснодаре состоялся ещё ряд процессов над фашистскими прислужниками.

Зверства фашистов не сломили дух жителей оккупированной Кубани. Широкий размах на Кубани получило партизанское движение. В крае было создано 86 партизанских отрядов, объединённых в 7 партизанских соединений.

Для руководства партизанскими отрядами постановлением ГКО от 3 августа 1942 г. при Военном совете Северо-Кавказского фронта был создан Южный штаб партизанского движения. 3 сентября 1942 г. начальником штаба назначен член Военного совета Северо-Кавказского фронта, первый секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б) П.И. Селезнёв, и было принято решение о создании партизанских «кустов»: Краснодарского, Славянского, Новороссийского, Нефтегорского, Майкопского, Армавирского, Сочинского.

Эти отряды дислоцировались в северных предгорьях Главного Кавказского хребта на фронте от верховьев рек Уруп, Большая и Малая Лаба до Новороссийска, на Таманском полуострове и в низовьях рек Кубани и Протоки.

Бойцы партизанских отрядов вели разведку, передавая полученные сведения нашим воинским частям, проводили среди населения разъяснительную работу, распространяли антифашистские листовки, газеты, информировали людей о положении на фронтах Великой Отечественной войны, в частности на Кубани.

Становление партизанского движения на Кубани происходило в условиях, определившихся, с одной стороны, развёртыванием деятельности Южного и краевого штабов, с другой – осложнением боевой обстановки в связи с наступлением противника на Туапсе и усилением карательной политики гитлеровцев. Близость и изменчивость линии фронта ставили действия партизан в зависимость от военных событий и военного командования. Проходя через труднодоступные места перевалов, линия фронта не только осложняла связь между штабами, «кустами» и разбросанными на большом протяжении партизанскими отрядами, но и требовала от партизан, находившихся в тылу Красной армии, дополнительных усилий и времени для перехода в тыл противника.

По состоянию на 25 октября 1942 г. на связи с краевым штабом находились 75 отрядов (5838 партизан), из которых в тылу врага действовало 29 отрядов (1636 партизан). Остальные размещались на не-оккупированной территории и должны были высылать через линию фронта свои боевые и разведывательные группы. Следует отметить, что по своему содержанию задача перехода линии фронта более соответствовала возможностям отдельных маневренных групп партизан, нежели целых отрядов, с их подсобным хозяйством и продовольственными обозами.

Другой неотложной проблемой в партизанском движении Кубани было преодоление кризисных явлений в отрядах. Ошибки, допущенные при формировании и выводе отрядов, повлекли за собой ряд негативных последствий: утрату продовольственных баз, наличие в отрядах небоеспособного населения, случаи предательства и дезертирства, неспособность руководства отрядов адаптироваться к военной обстановке. Преодоление этих недостатков шло двояким путём: организационными усилиями и через опыт боевых операций. Партизанам не хватало вооружения – отечественных автоматов, ручных пулемётов гранат, взрывчатых материалов.

Для измотанных в боях частей Красной армии партизаны были резервом, способным оперативно добывать разведывательную информацию, выполнять отдельные боевые задачи, оказывать хозяйственную помощь.

Боевой счёт партизанских отрядов края был значительным. По данным Южного штаба, всего за период с начала оккупации по ноябрь 1942 г. включительно партизаны Кубани уничтожили 4543 гитлеровца (при собственных потерях 128 человек); уничтожены и захвачены 108 автомашин с войсками и грузами, 20 подвод с боеприпасами. 8 мотоциклов, 6 танкеток, 1 танк, 1 самолёт, 3 паровоза и 79 вагонов; повреждены и сняты 17 километров телефонно-телеграфных проводов. Силами партизанских отрядов организованы систематические налёты на нефтепромыслы, в результате чего немцы были вынуждены прекратить восстановительные работы на них, а оборудование вывезти. Особенно активно действовали в этот период отряды Майкопского. Краснодарского и Мостовского кустов.

Успешные налёты совершали партизаны на гарнизоны противника, располагавшиеся в посёлках Верхнебаканском, Копобаз, Гуамке; станицах Новосвободной, Смоленской; хуторах Новоалексеевском. Суповском; селе Белая Глина и других населённых пунктах Кубани.

Отряды Краснодарского и Новороссийского соединений держали под неослабным контролем важнейшие железнодорожную и шоссейную магистрали Краснодар-Новороссийск, активно здесь действовали отряды имени братьев Игнатовых, «Овод», «Гроза».

Пытаясь лишить партизанское движение его главной опоры – поддержки населения оккупированной местности, гитлеровцы все шире применяли методы террора и насилия. Причем этими методами пользовались не только карательные органы и охранные войска, но и все действующие части немецкой армии.

Для борьбы с партизанами немецко-фашистским командованием были составлены специальные инструкции, в которых от всех войск требовалось применять массовый террор как к партизанам, так и местным жителям. Например, инструкция генерального штаба немецких сухопутных войск предписывала «устанавливать круговую поруку населения, брать заложников и расстреливать всех подозрительных лиц» [3, с. 261].

На оккупированной территории края всё заметнее проявлялась ещё одна волна народного движения – антифашистское подполье. В целом в этом движении на оккупированной территории Краснодарского края можно выделить три относительно самостоятельных блока.

Первый – это организованное подполье из числа работников совпартактива и органов НКВД, специально оставленных в тылу врага. Эта подпольная сеть понесла большие потери в первые недели оккупации: многие партийные и советские работники, хорошо известные в сво-

их районах, по доносам предателей были схвачены немцами и казнены; другие остались без связи и не смогли развернуть деятельность в тех масштабах, которые предусматривались. Более эффективным оказалось глубоко законспирированное подполье НКВД. Однако восполнить все утраченные звенья подпольной сети, намеченной ещё до оккупации согласно мобпланам районов края, было уже невозможно.

Вторым блоком являлось партизанское подполье, к созданию которого партизанские штабы и отряды приступили, начиная с октября-ноября 1942 г. Такие подпольные группы, возникшие во многих населённых пунктах края, выполняли задачи, свойственные партизанам: сбор разведданных, распространение листовок, снабжение отрядов медикаментами и продовольствием, но в ряде случаев переходили также и к самостоятельным действиям против врага. К приходу Красной армии подпольщики заранее подобрали и приготовили председателей колхозов и советов, руководителей организаций и учреждений, и в первые же дни освобождения все структуры советской власти приступили к работе.

Третий блок составляло стихийное подполье, сложившееся на основе деятельности патриотических групп населения и патриотов-одиночек. Оно не имело материальной базы, связей и руководства и в большинстве случаев не оставило в истории имён своих участников, однако проявляло себя повсеместно. Так, в партизанской сводке о результатах разведки в рабочий посёлок Апшеронский, проведенной с 26 октября по 6 ноября 1942 г., сообщалось: «Особо следует отметить настроение молодёжи, среди которой имеются стихийно созданные группы в 6–8 человек, имеющие спрятанное оружие и боеприпасы, с назначением, по словам их, «бить немцев, когда они будут отступать».

Молодёжные организации находились в городах Краснодар, Новороссийск, Ейск, станицах Голубицкой, Тимашевской, Лабинской, хуторе Сладкий Лиман Каневского района и многих других населённых пунктах края.

За сравнительно короткий срок партизаны и подпольщики Краснодарского края уничтожили 12 тысяч солдат и офицеров, 4 тысячи были ранены и взяты в плен, взорвали 206 автомашин, пустили под откос 14 железнодорожных эшелонов с войсками и грузами противника, взорвали 20 железнодорожных мостов, 7 складов с боеприпасами, свыше километра железнодорожных путей, срезали более 700 километров проводов телефонно-телеграфной связи.

Родина по достоинству оценила славные боевые дела кубанских партизан и подпольщиков. Орденами и медалями Советского Союза награждено более тысячи человек. Двум партизанам – братьям Евгению и Гению (Геннадию) Игнатовым – присвоено звание Героя Советского Союза.

Подвиг партизан и подпольщиков Кубани помнят и чтят нынешние жители 5-ти миллионного края. Это яркий пример беззаветной преданности Родине, идеалам патриотизма, веры в победу над врагами России.

Литература

1. История Кубани / под ред. В.В. Касьянова. – Краснодар: Периодика Кубани, 2012. – 352 с.
2. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Кн. 1. – Краснодар, 2000.
3. Хрестоматия по истории Кубани / под ред. В.В. Касьянова. – Краснодар: Периодика Кубани, 2012. – 400 с.

Ковалевич Н.А.

ИСТОКИ ПАТРИОТИЗМА

Для современной молодёжи Великая Отечественная война уже стала историческим событием прошлого века. Но с каждым годом открываются всё новые и новые страницы героического прошлого. Необходимо помнить и не забывать о подвигах, совершённых в эту тяжелейшую войну. Большая история складывается из частных историй отдельных семей.

Сложные процессы происходят в настоящее время в современном мире. Напряжённые международные отношения затрагивают судьбы миллионов людей. Каждый человек должен сознавать свою ответственность за судьбу страны, за будущее подрастающих поколений. Здесь не обойтись без патриотического воспитания, которое закладывается на основе героического прошлого.

Оглядываясь назад, мы понимаем, что в годы Великой Отечественной войны именно патриотизм, чувство любви к Родине и ответственности за свой дом, свою землю стали источником массового героизма. Поэтому мы должны уделять особое внимание патриотической культуре общества. Память о войне, о её ужасах, о самоотверженности и героизме нашего народа всегда должна быть с нами.

Великая Отечественная война явилась небывалым по своей жестокости испытанием всех материальных и духовных сил Советского Союза. В кратчайшее время была сформирована почти полумиллионная партизанская армия. Независимо от возраста, пола, каждый белорус был воином. В подпольном движении участвовало более 70 000 патриотов Белоруссии [1, с. 12]. В 89 районах были подготовлены и законспирированы подпольные группы. Почти все они сразу приступили к политической, разведывательной и диверсионной деятельности. Это выражалось в саботаже мероприятий оккупационных властей, антифашистской пропаганде, распространении листовок, взрывах складов, коммуникационных объектов. На территории Беларуси, ставшей партизанской республикой, в разное время действовали 213 партизанских бригад, объединявших 997 отрядов. Это был не просто стихийный взрыв народного гнева, а результат настойчивой, упорной, хорошо организованной борьбы [6, с. 4].

Патриотизм в годы Великой Отечественной войны явился неисчерпаемым источником героизма, подвигов и самопожертвования. Свой вклад в победу над фашистской Германией внесли и подпольщики Столбцовского района Минской области Белоруссии. Оставаясь на оккупированной врагом территории, они ежедневно подвергали себя опасности, были бойцами невидимого фронта. Собирали сведения о передвижении немецко-фашистских войск по железной дороге, совершали диверсии, распространяли сводки Совинформбюро, доставали оружие, медикаменты и передавали их партизанам.

Весной 1942 года в Столбцах действовало несколько подпольных групп. Одну них, в состав которой входили медицинские работники и учителя, возглавлял врач Семён Яковлевич Лонюгов по прозвищу «Пётр». Непосредственное управление подпольными группами осуществляло командование спецгруппы «Бибик» Генерального штаба Красной Армии. Подпольные группы регулярно информировали советское командование о дислокации и перемещении вражеских частей, местонахождении баз, складов, аэродромов.

С.Я. Лонюгов был мужественным человеком и настоящим патриотом своей Родины. Ещё до войны закончил Ленинградскую военную медицинскую академию, получил звание майора медицинской службы. Часть, в которой служил Лонюгов, летом 1941 года недалеко от Столбцов попала в окружение. Раздобыв в Столбцах паспорт, Лонюгов стал работать врачом в поликлинике и больнице. Он хорошо знал немецкий язык. Гитлеровцы и предположить не могли, что врач являлся руководителем Столбцовского подполья и тайно оказывает в госпитале медицинскую помощь больным и раненым красноармейцам и партизанам. Группа Лонюгова также собирала и передавала перевязочный материал и медикаменты партизанам. Членами группы были спасены и переправлены к партизанам 244 военнопленных советских бойца. Столбцовские подпольщики взорвали в городе немецкую офицерскую столовую, мастерскую, мельницу и лесопилку. В Новом Свержне около Столбцов было взорвано здание, в котором размещались фашистские лётчики. К этой операции прямое отношение имела подпольщица Зоя Неводничая (Томиловская), входившая в состав группы С.Я.Лонюгова [9, с. 357].

Зоя являлась единственной внучкой хорошо известных в городе людей Павла Петровича и Марии Корнильевны Томиловских. Это была весёлая, жизнерадостная девушка с красивыми глазами. Родные дали ей прекрасное образование. Зоя закончила Столбцовскую гимназию имени Т. Галувко. Владела немецким, польским, французским языками. Перед войной Зоя вышла замуж за офицера Красной Армии Сергея Неводничего. В апреле 1941 года у них родился сын Александр. Это была счастливая пора для молодой семьи, но она оказалась короткой. Её оборвала война. Сергей Неводничий ушёл на фронт, Зоя с сыном и матерью остались в Столбцах. Знание девушкой иностранных языков натолкнуло подпольщиков на план сделать её разведчицей. Она сразу согласилась. Зоя устроилась переводчицей к немцам на лесозавод в Новом Свержне, где работали пленные. С этого времени она была в окружении фашистов и вошла к ним в доверие. «Кавалеры» даже отвозили её домой в бричке. Она ходила на работу, общалась с врагами, играла свою страшную и благородную роль. Играла не в театре, а в жизни. Подполье – необычная форма борьбы, которая требовала особых качеств. Надо было привыкнуть к тому, что в тебе живут два человека: один – это

тот, которого все знают, и другой, о котором знало всего несколько людей. Всякая ошибка ежеминутно могла стоить жизни. Зое было особенно тяжело, она являлась не только подпольщицей, но и матерью, женой, дочерью. Самые страшные испытания ожидали её в случае провала. Умереть, погибнуть по сравнению с ними было легче…

Местные жители не знали, что Зоя передавала планы, важные сведения, документы врага командованию спецгруппы «Бибик». Они считали её предательницей. Поэтому не раз приходилось Зое слышать оскорбления в свой адрес от земляков.

Когда стало известно, что Зоя рассекречена – уйти из города было не просто. В партизанах Зоя числилась как агент барановичского СД [4, с. 24]. И только несколько человек знали правду о переводчице-подпольщице. Она так и сидела на чемодане, ждала связных… Только несколько человек знали правду о подпольщице. В ночь на 8 февраля 1944 года Зоя Неводничая и Семён Лонюгов были арестованы фашистами. Они стойко держались и не выдали никого из своих соратников. Трудно представить, какие страдания вынесла Зоя, что ей пришлось испытать. Перед расстрелом её навестила мать. Тело Зои превратилось в сплошную рану. Но единственное, что её волновало – судьба матери и сына. Никто до сих пор не знает, куда увезли подпольщиков и где расстреляли…

Имя Семёна Яковлевича Лонюгова записано на одной из гранитных плит на площади Бессмертия. Заслуживает этого и Зоя Неводничая. Она отдала свою жизнь во имя победы над врагом.

Великая Отечественная война показала, какое огромное значение имеют патриотические чувства. Фашистам трудно было понять истоки героизма и стойкости советских людей, воспитывавшихся на идеалах и нравственности, в основе которых свобода и любовь к Родине.

Исключительно большую роль в патриотическом воспитании играет семья. Патриотизм, любовь к Родине начинаются с самого простого – с семьи, с любви и уважения к родителям, предкам, заложенным ими моральным и нравственным традициям.

Поэтому, рассказывая о Зое, нужно хотя бы кратко остановиться на традициях её предков. Род Томиловских издавна был родом воинов. На Столбцовском кладбище находятся захоронения Павла Петровича и его жены Марии Корнильевны Томиловских – дедушки и бабушки Зои. Они, так сложились обстоятельства, воспитывали внучку-патриотку. Павел Петрович и Мария Корнильевна, по воспоминаниях столбчан, были людьми интеллигентными, простыми, честными, имели большой авторитет у местных жителей. Слушая рассказы и воспоминания дедушки о героическом военном прошлом, Зоя всегда знала: она – звено в цепи поколений, на ней ответственность – продолжать традиции своего рода.

Павел Петрович Томиловский родился 14 января 1857 года в Черниговской губернии. Окончил Павловское военное училище, Офицерскую артиллерийскую школу, Николаевскую академию Генерального штаба. С 1877 года – поручик, с 1878-го – штабс-капитан. В войне с турками 1877–1878 годов принимал участие в осаде и взятии Плевны. Он был участником русско-японской войны 1904–1905 годов. В 1910 году получил звание полковника. Во время Первой мировой войны Павел Петрович прошёл многие крупные сражения. В мае 1915-го в урочище Загора был контужен. В 1916 году был произведён в генерал-майоры. Вышел в отставку 21 февраля 1918 года [7, с.7–9].

Военными были также отец Павла Петровича, генерал-майор Пётр Петрович Томиловский (1828–1878), участник обороны Севастополя и русско-турецкой войны 1877–1878 годов и брат Пётр Петрович Томиловский (Младший) (1868 г.р.), полковник, военный инженер, прошедший русско-японскую 1904–1905 годов и Первую мировую войны [8, с. 2–6].

Мария Корнильевна Томиловская (1864–1934) – дочь Корнилия Корнильевича Засса и Эстеллы Викторовны Наркевич-Ёдко (Йодко). Отец Марии – Корнилий Корнильевич Засс (1827–1876) – также прославился своей безупречной службой в Российской армии. Имел звание полковника [3, с. 6].

Защищая границы России от Дальнего Востока до западных рубежей, Павел Петрович Томиловский бывал дома нечасто. Марии Корнильевне приходилось ждать мужа, растить детей и заниматься хозяйством в имении Бережно. У них родились дети: сын Николай (28 апреля 1889 г.), дочери Ольга (5 мая 1887 г.), Мария (20 октября 1891 г.) и Людмила (10 октября 1894 г.) [7, с. 13]. В начале XX в. по распоряжению М.К. Томиловской в Бережно (Новогрудский уезд) была построена церковь Св. Марии Магдалины [5, с. 2]. Усадебный дом Томиловских в Бережно до

наших дней не сохранился. 12 октября 1942 года дом с флигелями был взорван партизанами. Они предотвратили размещение в имении немецкого гарнизона [2, с. 62].

А теперь о потомках рода Томиловских. Жестокая война уничтожает мечты, разрушает надежды и судьбы. Сын Зои, трёхлетний Саша, остался с бабушкой. Мать расстреляли, не вернулся с фронта отец. Когда отступали немцы, Саша с бабушкой спрятались в землянке, забаррикадировав вход чемоданами. Случайная пуля нашла отверстие между чемоданами и убила бабушку. Мальчика усыновила польская семья Цибанков. После войны они вместе с Сашей уехали в Лодзь. Сейчас Александр Неводничий – известный врач-невролог в Польше.

Сын Зои – Александр вместе со своей семьёй приезжал в Беларусь, чтобы побывать в местах, где жили его предки, и навестить захоронения в г. Столбцы. Путешествуя впервые по Беларуси, семья Неводничих получила незабываемые впечатления о нашей стране и о людях, которых они здесь встретили. Увидели страну, которая открыта для всего нового, но при этом продолжает свято хранить традиции и духовные ценности.

Литература

1. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: энцыклапедыя / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1990. – 680 с.
2. Крамко, Я.І. Атрад – Камсамольскі / Я.І. Крамко. – Мінск, 1987. – 104 с.
3. Мацкевіч, С.У. Апошні вартавы / С.У. Мацкевіч // Чырвоная зорка. – 2009. – № 137. – С. 6.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1399. – Оп. 1. – Д. 536.
5. НАРБ. – Фонд 597. – Оп. 1. – Д. 1.
6. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / [А.Л. Манаенков и др.]; Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии. – Минск: Беларусь, 1983. – 765 с.
7. Российский государственный военно-исторический архив. – Фонд 409. – Оп. 1. – Д. 167327.
8. Российский государственный военно-исторический архив. – Фонд 407. – Оп. 1. – Д. 102.
9. Турко, А.М. Героі Стаўбцоўскага падполля / А.М. Турко // Памяць: Стаўбц. р-н: гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / [уклад. М. Міхно]. – Мінск: Беларус. энцыкл., 2004, – 635 с.

Михальчук Р.Ю.

ЕВРЕИ РОВЕНЩИНЫ В СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДАХ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Партизанское движение стало наиболее эффективной формой борьбы евреев против нацизма. Такая форма сопротивления требовала не только физической, но и психологической выдержки. Пытаясь защищать собственную жизнь и жизнь родных, на Ровенщине в Западной Украине евреи создавали собственные группы самообороны и вступали в партизанские отряды.

О желании евреев воевать свидетельствует информация начальника 4-го управления НКВД СССР П. Судоплатова, который в сентябре 1941 г. из Ровно сообщал начальнику ЦШПД П. Пономаренко: «Вокруг нас в лесах группами по 15 – 20 человек прячутся евреи, бежавшие от расстрела. Женщины и дети их расстреляны. Горят желанием мести. Можно организовать боевой отряд, нужно оружие и боеприпасы» [2, с. 383]. А в немецких документах от 10 апреля 1942 г. отмечалось, что на территории Волынь-Подолье евреям нехарактерный покорный вид [17, с. 389].

Создание партизанских групп на Ровенщине, где воевали евреи, началось летом – осенью 1942 г. В октябре 1942 г. в составе 12 человек создана партизанская группа М. Мисюры [23, с. 382–383]. В отряде насчитывалось до 70 партизан-евреев. Самого М. Мисюру 3 октября 2007 г. признали Праведником Украины [19].

«Еврейским» называли отряд «Крука» М. Конищука, в котором насчитывалось около 700 человек. Большинство из них были евреи. Особенно отметилась семья Бланштейнов (братья Абрам, Горшель, Иосиф, сестра Мара). Известно, что Ш. Вальфер спас 35 пленных евреев, которые стали бойцами отряда [29, с. 58].

Осенью 1942 г. возникло партизанское формирование «дяди Миши» (Моше Гильденмана) – «короля» евреев-партизан. При ликвидации Корецкого гетто в сентябре 1942 г. 22 еврея убежали в лес и выбрали М. Гильденмана руководителем. В августе 1943 г. под руководством Сабурова он создал еврейскую роту, воевавшую на севере Житомирщины [9, с. 91]. Партизаны «дяди Миши» совершили около 150 боевых операций, взорвали десятки эшелонов, освободили более 300 человек.

Другие боевые группы еще до прихода партизан А. Сабурова, А. Федорова, С. Ковпака, А. Брынского на территории Ровенщины были созданы в районах Березно, Дубровицы, Дубно, Красноармейска (Радивилова).

Евреями сел Сваричевичи и Серники была создана группа под руководством еврея А. Абугова, в которую вошли евреи Дубровицы. С 20 человек отряд вырос до 80 человек (А. Манковицький, Ш. Цурим, братья Моше). В 1943 г. они разгромили несколько немецких и полицейских постов. На пути из с. Вичевка в Бутово было убито и ранено более 30 оккупантов [9, с. 86].

Многие евреи воевали в подразделениях бригады Брынского: в группе Сивухи – 15 человек, Логинова – 11, Зубкова – 13, Алексеева – 9, в штабе бригады вооруженной части – 28. По неполным данным, весной 1943 г. насчитывалось 200 евреев [1, с. 745]. Командиром одной группы был раввин Л. Иосилевич [9, с. 88–89]. Еврейских партизан Бринский характеризовал так: «начав свою боевую деятельность без оружия..., затем неоднократно поставляли оружие в соседние отделы», которое захватили у врага [9, с. 89].

Одним из наиболее известных партизанских отрядов было Сумское соединение С. Ковпака. К отряду присоединились местные евреи, в том числе 40 человек с Киверцов, группа из Клеваня и Колок во главе с И. Гарштейном, С. Хайчиком, А. Купером. В декабре 1942 г. соединения С. Ковпака и А. Сабурова во время рейда по Ровенщине успешно провели Сарненскую операцию, в результате чего железнодорожный узел был выведен из рабочего состояния на 15 суток, взорвано 5 мостов [3, с. 108]. Ровенскую область С. Ковпак называл центром партизанского движения, где зарождались крупные соединения, а партизаны с благодарностью вспоминали помощь, которую оказывали ровенчане [6, л. 3 зв.].

В Чернигово-Волынском соединении воевали 247 евреев-партизан [22, с. 58]. Известный еврей из Рафаловки А. Шварц, который, по словам И. Федорова, винтовкой владел не хуже, чем скрипкой, а стрелял не меньше, чем играл [9, с. 180]. В августе 1943 г. соединение пустило под откос больше эшелонов, чем все соединения в Украине в мае и июне. Один из подрывников С. Юдович из Ровно стал кавалером боевых наград [21, с. 12].

В феврале 1943 г. из соединения Сабурова выделилась группа И. Шитова, действовавшая на Ровенщине и в Каменец-Подольске. К группе присоединились беглецы из гетто Острога, Сарн, Володимирца, Дубровицы, Рокитного. Летом 1943 г. отряд насчитывал 80 евреев. В январе 1944 г. бойцы разбили Людвыпольський гарнизон и освободили 400 человек [9, с. 197].

Удачную подрывную работу осуществлял отряд им. Кармалюка (11 евреев из 114 партизан). Вблизи Рокитного уничтожено 28 вагонов и повреждено 1000 м железной дороги. В списке лучших бойцов отряда указывался еврей Моисей Браслав, который пустил под откос 26 эшелонов [9, с. 263].

Известным стал разведывательный отряд Д. Медведева «Победоносцы», который дислоцировался в Сарненских лесах в 120 км от Ровно. Подпольщики отряда работали в учреждениях Ровно, Сарн, ровенской милиции, местных управах. Четверть партизан (из 150 человек) были евреями [2, с. 381]. В октябре 1942 г. во время операции Сарны – Коростень ими было уничтожено 80 немцев [26, л. 1]. Подпольщики Сарненского узла так организовывали ремонт, что вместо 2 – 3 ч. работы он затягивался на 3–4 суток [20, с. 58]. Редактором журнала отряда был еврей Цессарский, что публиковал призывы борьбы на разных языках, в том числе и на иврите. Когда отряд находился на Сарненщине и Цуманских лесах, в семейный лагерь было принято евреев из Ровно, Корца, Рокитного, Сарн, группу Израиля Дубины, участвовавшей в Тучинском восстании. Всего в соединении насчитывалось 3 Героя Советского Союза (Д. Медведев, М. Кузнецов, М. Приходько). Кроме того, в 2006 г. М. Кузнецову было присвоено звание Праведника Украины (посмертно) за спасение еврейского ребенка вместе с разведчицей Л. Лисковецкой [12].

Согласно приказам УШПД от 31 июля 1943 г. в Ровенском областном штабе партизанского движения от 15 августа 1943 г. были созданы три партизанские формирования Ровенской области: Ровенское партизанское соединение № 1, Ровенское партизанское соединение № 2 «За Родину», польское партизанское соединение № 3 [22, с. 97]. Всего в партизанских соединениях, отрядах, диверсионных группах, действовавших на Ровенщине, насчитывалось 13 586 бойцов [16]. По данным С. Елисаветского, в соединении Бегмы насчитывалось 308 бойцов и команди-

ров-евреев [7, с. 229], а в пяти соединениях Западной Волыни – свыше 900 евреев [9, с. 73]. Ш. Спектор в 12 соединениях насчитывает 1700 – 1900 бойцов (14 % советских партизан) [9, с. 73].

УШПД выступал против создания отдельных еврейских соединений. Поэтому около 90% евреев-партизан были простыми партизанами, 8% – на командных постах, а 2% – политруками и комиссарами [4, с. 359].

Следует отметить вклад евреев в медицинской и бытовой поддержке отрядов. В 22 партизанских формированиях Украины в 1943 – 1944 гг. насчитывалось 140 евреев-медиков, в том числе 50 врачей, которые составляли 10% медицинского персонала [9, с. 265 – 266]. В соединении Медведєва, благодаря медикам, из 250 раненых 238 остались полноценными бойцами. Известным доктором стал Борух Эрлих из Ровенского партизанского соединения № 1, который с сентября 1942 г. не только лечил, но и участвовал в боевых операциях. Эти же функции выполнял Александр Герц. Яков Вулах из Корца еще и помогал местным жителям (принимал роды и т.д.) [9, с. 271–273]. А. Цесарский вспоминает врача Машицкого с семьей, который пришел в отряд Медведева после разгрома гетто [28, с. 207–208]. В списках медиков отрядов Федорова и Кизи зафиксированы фамилии Исаака Мазо, Якова Ройтберга, Арона Перлова, Клары Переминтера, Ирины Ройтберга [24, л. 117–118]. При необходимости врачи переходили в другие отряды. Так, Мариан Познанский из Столина был в отрядах Бокальчука, «Брянских волков», Таратута – отдела Щорса, Мисюры [30, л. 13].

Кроме того, важным было налаживание быта отрядов. В отделе им. Хрущева Хаим Жук с марта 1943 г. работал портным [5, л. 106]. В характеристике Евы Винер из Корца отдела Федорова указано, что, будучи санитаркой, она участвовала в боевых действиях, храбро себя проявила. В свободное время готовила еду и стирала одежду, была дисциплинированной и политически выдержанной, приказы выполняла на отлично [5, л. 46].

Важными для евреев были семейные лагеря, где они могли укрыться от оккупантов. В Сваричевичских лесах по приказу Мисюры был создан семейный лагерь, где находилось около 350 евреев из Серников, Высоцка, Дубровицы [2, с. 384]. В декабре 1942 г. по приказу Брынского Конищук, Собесяк, Корчев создали 3 семейных лагеря, которых партизаны обеспечивали продуктами питания, выделяли охрану [2, с. 384–385].

Следует отметить специфичные условия, в которых находились беженцы партизанских отрядах. Часто евреи страдали от антисемитского отношения партизан. Например, в Рокитному братьев Левиных не приняли в партизаны [10, с. 290–291]. После отказа партизан принять в свои ряды группу евреев Меира Винера из 40 человек в августе 1943 г., их почти всех уничтожили немцы [2, с. 390]. Случались и более трагические случаи – в целях конспирации в отрядах Ковпака и Медведева евреев расстреливали.

Антисемитские проявления продолжались и после войны, когда процесс награждений евреев искусственно сдерживался. Всего к наградам в Украине было представлено 60 национальностей. С 3304 евреев-партизан в Украине 44% проживали в западных областях. Их количество в Ровенской области было самое большое и составляло по данным Ш. Спектора 611 чел. (в Волынской области – 522) [18, с. 84]. С. Елисаветский указывает, что выше ордена Красной Звезды евреев не награждали. Например, С. Юдовича им наградили за 11 подорваных эшелонов. В то же время звание Героя Советского Союза присваивали за 10 взорванных эшелонов [8, с. 89]. В Ровенском партизанском соединении № 1 из 54 представленных к наградам евреев-партизанов [26, л. 107–125] получило награды всего 5 [7, с. 227]. Таким образом, государственный антисемитизм после войны в СССР не позволял достаточно оценить вклад евреев в победу над нацизмом.

Многие евреи в партизанских отрядах были причастны к освобождению Ровенщины. В составе 13-й армии, которая освобождала Ровно и Ровенскую область, было 6 евреев – Героев Советского Союза. Среди соединений, отличившихся при освобождении Ровно и получили названия Ровенские, была 7-я штурмовая инженерно-саперная бригада под командованием Моисея Бараша [8, с. 615]. Также в освобождении Ровно участвовали партизанские соединения Ровенской области № 1 и № 2. 5 февраля 1944 г. освободителям выражена благодарность из Москвы и просалютовано 20 выстрелами из 224 орудий [15, с. 207].

В освобождении г. Дубно участвовали евреи: командир 29-го кавалерийского полка В. Симбухивский, начальник артиллерии Б. Френкель, врач Ю. Аронов. В освобождении райцентров Высоцка, Володимирца участвовало соединение Сабурова [13, с. 418]. Партизаны со-

единения «За Родину» Кармелюка и части советской армии освобождали Володимирец [11]. А 13–14 января 1943 г. отряды соединения выбили гитлеровцев из Рафаловки и удерживали ее до прихода советских частей [22, с. 82].

Всего в партизанских соединениях, отрядах и диверсионных группах, действовавших на Ровенщине, насчитывалось 13 586 бойцов. Они пустили под откос 607 эшелонов, уничтожили 4368 железнодорожных вагонов и платформ, более 160 км связи, 70 км железнодорожного полотна, взорвали около 60 железнодорожных и более 100 мостов на дорогах, разрушили 209 предприятий, 63 имения, 13 гарнизонов, уничтожили почти 1000 автомашин, 100 танков, 200 орудий, 60 бронемашин, убили и ранили 26365 гитлеровцев. В частности, в боях за Ровно немецкие войска потеряли 6000 убитыми [16].

Многие евреи Ровенской области воевали в Советской армии. Эволюцию борьбы евреев можно проследить на примере И. Вольфа из г. Сарны. Сначала он поджигал мосты, разрушал дороги, в начале 1943 г. вступил в соединение Наумова, а в апреле 1944 г. – в Советскую армию, после чего трижды был представлен к наградам [27, л. 142]. Такой же путь был у Х. Штернисса [14, с. 160].

Итак, евреи оказывалиупорное сопротивление оккупантам, а не были просто покорными жертвами. Противостояние и сопротивление нацизму осуществлялось как на индивидуальном, так и на групповом уровне. В составе партизанских отрядов евреи участвовали в освобождении Ровенщины, сражались в рядах Советской армии до окончательной капитуляции Германии как на территории СССР, так и за его пределами. Демонстрация еврейского сопротивления имеет большое значение, ведь развенчивает миф об их пассивность и неспособность защитить себя. Однако, политика государственного антисемитизма в СССР, к сожалению, не дала возможности оценить весь вклад евреев в победу над врагом.

Литература

1. Арад, И. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945) / И. Арад. – Днепропетровск: Центр «Ткума»; ЧП «Лира ЛТД»; Москва: Центр «Холокост», 2007. – 816 с.
2. Арад, И. Они сражались за Родину: евреи Советского Союза в Великой Отечественной войне / И. Арад. – Москва: Мосты культуры Гешарим, 2011. – 456 с.
3. Вершигора, П. Люди з чистою совістю / П. Вершигора. – Київ: Політвидав України, 1974. – 568 с.
4. Гогун, А. Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования, 1941–1944 / А. Гогун. – 2-е изд, испр. и доп. – Москва: РОССПЭН, 2012. – 526 с.
5. Госархив Ровенской области (Украина). – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 28.
6. Госархив Ровенской области (Украина). – Ф. П-4054. – Оп. 1. – Д. 144.
7. Елисаветский, С. Евреи в движении сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941–1944). Партизанское движение в Украине в годы Великой Отечественной войны / С. Елисаветский // Єврейський опір в Україні в період Голокосту: зб. наук. статей [ред. М. Тяглого]. – Дніпропетровськ: Центр «Холокост», 2004. – С. 68–283.
8. Елисаветский, С. Еврейское сопротивление и участие евреев в партизанском движении Украины в годы Второй мировой войны / С. Елисаветский // Тень Холокоста: материалы II международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия». – Москва: Фонд «Холокост», 1998. – С. 87–89.
9. Елисаветский, С. Полвека забвения: Евреи в движении сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941–1944) / С. Елисаветский / Международный Соломонов ун-т; Ин-т политических и этнонациональных исследований НАН Украины. – Киев, 1998. – 400 с.
10. Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы / ред-сост. Борис Забарко. – Київ: Дух і літера, 2007. – Книга 2. – 540 с.
11. Закалюк, К. «Кров їхня і сьогодні говорить». Трагедія єврейства на Рівненщині / К. Закалюк // Диалог. – 1994. – 4 півріччя. – С. 3, 5.
12. Картка врятованої Зінкевич Ганни Адамівни. Дата заповнення: 17 серпня 2006 р. // Архів рівненської обласної асоціації милосердя християн-рятівників «Праведники народів світу».
13. Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні. Збірник документів і матеріалів / за ред. П. Кострибa, С. Пількевича, Ф. Савченка. – Київ: Держполітвидав УРСР, 1963. – 488 с.
14. Обарчук, А. Межиріч Корецький: нариси історії волинського містечка / А. Обарчук. – Рівне: ПП ДМ, 2010. – 328 с.
15. Освобождение городов. Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945 / М. Дударенко [и др.]. – Москва: Воениздат, 1985. – 598 с.
16. Рівненщина в роки в полум'ї війни (до 70-ї річниці від початку Великої Вітчизняної війни) // Сайт Рівненської державної обласної бібліотеки [Електронний ресурс]. – 2011. – 9 червня. – Режим доступу: http://libr.rv.ua/ua/virt/63/. – Дата доступу: 10.03.2014.
17. Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 годах / сост. А. Круглов. – Київ: Ин-т иудаики, 2002. – 486 с.
18. Спектор, Ш. Евреи в партизанском движении и подполье в Украине / Ш. Спектор // Тень Холокоста. Материалы II международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия». – Москва: Фонд «Холокост», 1998. – С. 79–86.
19. Список Праведників Єврейської ради України. Рівненська область (померлих). Станом на 01.01.2013 р. // Архів рівненської обласної асоціації милосердя християн-рятівників «Праведники народів світу».
20. Степанов, Л. До історії антифашистської боротьби на Ровенщині (1941–1944) / Л. Степанов. – Львів: Каменяр, 1966. – 109 с.
21. Тененбаум, А. Єврейський народ у Великій Вітчизняній війні / А. Тененбаум. – Рівне: «Світоч», 1995. – 16 с.
22. Україна партизанська. Партизанські формування та органи керівництва ними (1941–1945 рр.): наук.-довід. вид. / авт.-упоряд.: О. Бажан [та ін.]; редкол.: В. Смолій [та ін.]. – Київ: Парламентське вид-во, 2001. – 319 с.

23. Уничтожение євреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944): сборник документов и материалов / ред. Ицхак Арад. – Иерусалим: Яд Вашем, 1991. – 424 с.
24. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦГАОО Украины). – Ф. 68. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 117–118.
25. ЦГАОО Украины. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 107–125.
26. ЦГАОО Украины. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 1.
27. ЦГАОО Украины. – Ф. 166. – Оп. 3. – Д. 242. – Л. 142.
28. Цессарский, А. Записи патризанского врача: документальная повесть / А. Цессарский. – Переработанное переизд. – Москва: Дет. лит., 1977. – 270 с.
29. Ціною власного життя. Книга пам'яті / [упор. К.Кіндрат]. – Рівне: Рівненська друкарня, 1995. – 208 с.
30. Testimony of Marian Poznanski, bornin Lodz. Poland, 1901, regarding his experiences in the Stolin Ghetto, and with the partisans in the Berwy and Rowne Forests. Zanotowala Dr. A. Raba. Tel-Awiw. 25.XII.1958 // Yad Vashem Arhives. – 15 p.

Климчук А.Н.

РОБЕРТ САТАНОВСКИЙ И ЕГО ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД

Во время Второй мировой войны на Волыни действовало несколько военных сил, но все они были объединены общей целью – борьбой против фашизма. Если советские партизанские отряды были главным образом на территории Волыни заброшены из других регионов СССР и к ним примкнули только некоторые местные жители, то польские партизаны и отряды Украинской повстанческой армии были сформированы исключительно из местного населения. К сожалению, украинцев и поляков – два братских народа сначала советская, а позже немецкая оккупационная власть в буквальном смысле слова столкнули лбами, что и стало причиной межнациональной войны, известной под названием «Волынская резня» [4, с. 22–23]. Одним из польских партизанских загонов был загон Роберта Сатановского им. Т. Костюшко. Документы свидетельствуют, что боевики этого загона брали участие в акциях против украинского населения [4, с. 23]. Не будем углубляться в факты участия загона им. Т. Костюшка в украинско-польских конфликтах, а остановимся только на его борьбе против фашистских захватчиков.

Прежде чем перейти к рассказу о боевых действиях партизанского отряда им. Т. Костюшко, остановимся немного на его руководителе – Роберте Сатановском. Он родился в г. Лодзи 20 июня 1918 г. в еврейской семье богатого промышленника. В родном городе окончил гуманитарную гимназию им. Игнация Скорупки. Высшее образование получал на Механическом факультете Варшавской Политехники. До начала войны Роберт Сатановский работал учителем. Семья Сатановских в 1940 г. была выслана в Сибирь. Самому Роберту удалось бежать. Прятался он у знакомой учительницы Ягодзинской в г. Ровно, с которой был в близких отношениях. После окончания Второй мировой войны Роберт Сатановский реализовал свою давнюю мечту и стал прославленным музыкантом – главным дирижером Большого Варшавского оперного театра. Умер в 1997 г. Награжден многими боевыми орденами и медалями СССР и Польши [5, s. 371–375].

Во время оккупации, когда немцы начать уничтожать евреев, Роберт Сатановский убежал в лес и взялся за организацию антифашистского загона. Осенью 1941 г. в Высоцком районе Ровенской области в районе деревень Хочин, Велюнь и Жаден была создана такая подпольная антифашистская организация. Этот загон состоял из нескольких групп, размещенных среди болот и лесов к северу от Сарн. В течение года эти группы провели много диверсионных акций и установили контакты с отделами Ковпака, Сабурова, Банова и других. В обмен на оружие передавали им информацию.

7 февраля 1942 г. Роберт Сатановский обратился к командиру советского партизанского соединения А.Н. Сабурову с предложением о создании польского партизанского отряда из активистов организации. 8 февраля 1943 г. был создан партизанский отряд им. Т. Костюшко из 22 человек, командиром которого стал Р. Сатановский, комиссаром В. Кременицкий, начальником штаба – В. Рожковский. Отряд вошел в состав партизанского соединения А.Н. Сабурова [2, с. 237] и действовал на территории Житомирской и Ровенской областей УССР [3, с. 458].

В течение марта и апреля 1943 г. бойцы отряда проходили военную подготовку, несли охранную службу и вели диверсионную деятельность: организовали крушение 1 эшелона, уничтожили 39 мостов на автомобильных дорогах, соорудили 26 завалов из деревьев на лесных дорогах, неоднократно рвали линии связи и несколько раз организовывали засады на небольшие подразделения противника [1, с. 386–390]. Так, ночью 24 марта 1943 г. на переезде под

г. Клёсовом был обстрелян немецкий патруль, 1 немец был убит и 1 ранен; 17 апреля 1943 года между г. Клёсовом и г. Томашгородом было организовано крушение поезда с живой силой, убито и ранено свыше 20 немецких солдат и офицеров; 19 апреля 1943 г. между г. Клёсовом и г. Томашгородом из засады был обстрелян немецкий патруль, убито 4 гитлеровца [7, с. 100].

К началу мая 1943 г. в Роберта Сатановского насчитывалось 42 бойца и 150 человек организованного резерва [1, с. 386–390]. В дальнейшем, в состав отряда были включены две польские партизанские группы из партизанского отряда И.Ф. Фёдорова, действовавшего на территории Ровенской области [1, с. 255–256].

Летом 1943 г. на базе отряда им. Т. Костюшко было создано польское партизанское соединение Zgrupowanie Polskich Oddziałów Partyzanckich «Jeszcze Polska nie zginęła»», командиром которого по-прежнему являлся Роберт Сатановский. Формирование соединения было окончательно завершено к 7 сентября 1943 г., в его состав вошли две партизанские бригады: 3-я партизанская бригада (командир – полковник Роберт Сатановский) и 4-я партизанская бригада (командир – майор Викентий Рожковский). На сторону партизан Р.Сатановского осенью 1943 г. перешла рота венгров, которая по существу стала отдельным отрядом. Таким образом, общее количество бойцов всех отрядов составляла 347 бойцов. В основном это были поляки, также среди партизан было 24 украинца, 8 россиян и 4 белоруса и загон венгров [7, с. 100–101].

В феврале 1944 года отряды Р. Сатановского получили указания вести партизанскую деятельность в районах железнодорожных путей Хелм–Влодава, Хелм–Люблин и Хелм–Любомль. Фактически деятельность партизан велась в районе Малорита–Дивен.

Во второй половине марта 1944 г., когда части 61-й армии подошли и форсировали р. Припять Роберт Сатановский получил приказ передислоцировать соединение на территорию Польши. Так воспоминает об этом событии бывший партизан отряда им. Лазо А.Н. кот: «В торжественной обстановке мы прощались с партизанами, которые уходили на Запад. Отдавали им боеприпасы, продукты, зная, что их ждут тяжелые испытания во время рейда по тылам врага». 3 апреля 1944 г. политбюро ЦК ВКП(б) и Государственный Комитет обороны постановили передать в распоряжение созданного Польского штаба партизанского движения все польские партизанские формирования. Украинский Штаб партизанского движения передал в распоряжение Польского штаба объединения им. Т. Костюшко под командованием Р. Сатановского в составе 9 отрядов общей численностью 866 человек [3, с. 217]. В частности это были такие отряды: им. Т. Костюшко (командир В.И. Рожковский), им. Траугутта (командир Павелец), «Плятер» (командир Рудка), им. Завиши Черного (командир Бучинский), им. Каменского (командир Шафарчик), им. С. Чарнецкого (командир Гранцовский), им. Бартоша Главацкого (командир Любанский), им. А. Мицкевича (командир Ослонский), «Брудека» (командир Брудек) [7, с. 100–101].

На вооружении партизанского соединения Р. Сатановского было 3 пулемета, 18 автоматов, 141 винтовка, 14 пистолетов. Позже на вооружения было доставлено 14 минометов, 10 противотанковых винтовок, 140 автоматов, 5 пулеметов, 187 винтовок, более 8000 патронов.

За время активных боевых действий (с 15 февраля 1943 г. по 25 апреля 1944 г.) партизанское объединение Роберта Сатановского пустило под откос 9 вражеских эшелонов (11 поездов. 67 вагонов и платформ, 2 дрезины), подорвало 8 железнодорожных и автомобильных мостов, уничтожило более 1000 м. линий связи и убило более 500 гитлеровцев [7, с. 101].

В дальнейшем, соединение было направлено на территорию Польши для усиления отрядов Армии Людовой.

Во второй половине августа 1944 г., после перехода через линию фронта и выхода в расположение советских войск партизанское соединение было расформировано, личный состав стал основой для формирующейся 8-й пехотной дивизии Войска Польского.

Литература

1. Богатырь, З.А. Борьба в тылу врага / З.А. Богатырь . – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Мысль, 1969. – 472 с.
2. Боевое содружество советского и польского народов / редкол.: П.А. Жилин (гл. ред.) [и др.]. – Москва: Мысль, 1973. – 276 с.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. В 6 т. / редкол.: П.Н. Поспелов [и др.]. – Москва: Воениздат, 1961. – Т. 6: Итоги Великой Отечественной войны. – 652 с.
4. Климчук, А. Правда про «Волинську різню» / Андрій Климчук //Мистецькі грані. – 2011. – №18 (березень 2011). – С. 22–23.
5. Królikowski, Janusz. Generałowie i admirałowie Wojska Polskiego 1943-1990 / Janusz Królikowski. – Toruń: Marszałek, 2010. – T. III: M-S. – 563 s.
6. Семиряга, М.И. Советские люди в европейском Сопротивлении / М. И. Семиряга. – Москва: Наука, 1970. – 352 с.
7. Україна партизанська. Партизанські формування та органи керівництва ними (1941–1945). – Київ: Парламентське видавництво, 2001. – 319 с.

Милевская Ю.В.

МЕДИЦИНСКОЕ СНАБЖЕНИЕ ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны в партизанских отрядах остро стоял вопрос обеспечения санитарных частей медикаментами и хирургическим инструментарием. Ведь при отсутствии в отрядах медицинского имущества лечение больных и раненых партизан становилось почти невозможным. Командование отрядов, имевших тесную связь с подпольными группами и организациями, получало от местных врачей, фельдшеров, медсестёр, работавших в больницах, амбулаториях, аптеках, необходимое количество медицинского имущества. Под руководством подпольных обкомов и райкомов КП(б)Б и ЛКСМБ партийные, комсомольские, антифашистские организации и группы с помощью медицинских работников добывали и переправляли в партизанские отряды и бригады медикаменты, перевязочный материал, хирургические инструменты [5, с. 6].

Но, несмотря на активную помощь подпольщиков, этих медикаментов было недостаточно как по количеству, так и по ассортименту. До создания санитарного отдела при Белорусском штабе партизанского движения (БШПД) в марте 1943 г. нехватка медикаментов и перевязочного материала в партизанских отрядах ощущалась повсеместно.

Ещё более остро этот вопрос встал в связи с переходом партизан к активной боевой деятельности и попыткой захватчиков уничтожить партизанские формирования посылкой против них крупных карательных. Это заставило командование и санитарные части отрядов и соединений обратить особое внимание на пополнение запасов медикаментов и перевязочных материалов во время налётов на вражеские коммуникации, при разгроме гарнизонов, временном захвате населённых пунктов, имевших лечебные заведения – больницы, амбулатории, аптеки.

В создавшихся условиях особое значение приобрёл источник пополнения медицинского имущества партизан за счёт трофеев. Хотя, здесь следует отметить, что этот источник не терял своего значения на всём протяжении партизанской борьбы. Безусловно, трофейные медикаменты в какой-то мере помогали санитарным частям партизан, но с активизацией карательных экспедиций число раненых увеличивалось, а вместе с этим спрос на медикаменты и перевязочный материал возрастал, но их запасы быстро заканчивались. Полностью обеспечить медицинским имуществом в 1942 г. партизан Беларуси ещё не представлялось возможным. Но всё, что можно было в этом отношении сделать Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) и БШПД делали.

Во второй половине 1942 г. медикаменты часто пересылались согласно требованиям, приносимым связными партизан из тыла врага или отдельно посланными группами, отрядами, пробиравшимися через имевшиеся бреши в линии фронта. Так оказывалась помощь Северо-Западной группой ЦК КП(б)Б, оперативной группой БШПД при Военном совете Калининского фронта [8, с. 60].

Помимо основных источников пополнения запасов медикаментов, медицинских инструментов, перевязочных средств были и другие, характерные для определённых городов, населённых пунктов. Так, в г. Минске в годы оккупации работал химфармзавод, на котором действовала подпольная группа, передававшая партизанам большое количество медикаментов. По заданию Минского подпольного горкома партии зимой 1941–1942 гг. на заводе работала А.В. Бесман, которая через связных обеспечивала партизан разнообразными медпрепаратами. Значительное количество медикаментов передала партизанам подпольная группа станкостроительного завода г. Минска. Завод занимался ремонтом танков. Подпольщики забирали аптечки, которыми были укомплектованы танки и передавали их партизанам бригады им. Фрунзе [4, с. 175].

Больших усилий и мужества требовали хранение и передача накопленных медикаментов и лекарств в партизанские формирования. Существовала своеобразная цепочка, по которой шла транспортировка: медработники, подпольщики, партизанские связные. Если принять во внимание тот факт, что партизанское командование присылало подпольщикам заказы на необходимые им лекарства, то в цепочке добавляется в качестве начального этапа командование партизанских формирований, а в дальнейшем – начальники медико-санитарных служб формирований. В основном были задействованы все звенья, но иногда некоторые из них выпадали. Например, связные непосредственно у медработников забирали медикаменты и т.д.

Полученное медицинское оборудование всегда находилось при отряде и передвигалось с ним. Если имелись излишки медикаментов и перевязочного материала они в аптеке не держа-

лись, а прятались в засекреченных складах. За имущество отвечал аптечный работник; в его обязанности входило не только сбережение имущества, но и содержание его в строгом порядке, в таком, чтобы в любое время дня и ночи необходимая вещь могла быть найдена в самый короткий срок. Кроме того, оборудование должно было содержаться в таком состоянии, чтобы перед употреблением на обработку тратилось как можно меньше времени.

Большая часть хирургического инструментария, а ценный хирургический инструментарий весь (ценность определялась частотой употребления) находился у врача и в сумках санинструкторов, к которым санинструктора относились также, как бойцы к своему оружию. На руках медперсонала находилось всегда большое количество перевязочного материала. Это обеспечивало возможность проведения срочных перевязок и операций в нужный момент [1, с. 15].

В первый период оформления медицинской службы партизан приходилось испытывать огромные трудности в деле обеспечения медикаментами и мединструментами. По мере активизации боевых действий, увеличения численности партизан быстро возрастала потребность в медицинском имуществе, но эффективно организовать его доставку советскому командованию вначале часто не позволяли объективные условия. Приходилось принимать самые срочные меры, полагаясь главным образом на местные возможности.

Партизанские врачи сами придумывали всевозможные заменители лекарств, изыскивали способы лечения, позволяющие преодолевать ощутимый дефицит медикаментов. Для обработки операционного поля готовили самогон из картофеля и зерна в перегонном кубе, крепость такой водки доходила до 90 градусов. Больным, страдающим авитаминозом, смазывали десны медным купоросом [7, с. 3]. А начальник санслужбы партизанской бригады № 64 им. Чкалова Минского соединения К. Крук, обморожения лечил повязками из ежового жира, а также использовал раствор дубовой коры для примочек [6, с. 72]. Активно использовалось торфолечение при травматических повреждениях и ранениях [6, с. 75].

Исходя из данных журнала партизанского госпиталя отряда «Борьба» бригады «Народные мстители» Минской области, который вёл начальник санитарной службы Л.А. Котляр часто приходилось пользоваться «лесными ресурсами», был период в 1942 г. когда вместо ваты употреблялся белый мох, стерилизованный предварительно кипячением на костре, на бинты шло бельё и самотканое полотно, кожный клей для повязок изготовлялся путём простого растворения еловой смолы в эфире. Основным материалом для шинирования и иммобилизации переломов, включая переломы бедра, являлась еловая кора достаточно эластичная в свежем виде и очень прочная после сушки. Использовались валериановый корень, кора крушины, ромашки, липовый цвет, сушёная малина и черника, цвет центурии, корень аира, цвет ландыша и т.д. Средства народной медицины находили самое широкое применение [2, с. 12].

Таким образом, снабжение партизан медикаментами шло разными путями. Но основную роль в этом играли подпольщики и связные. Так, медицинские работники Минского партийного подполья профессор Клумов Е.В., врачи Пилипушко М.Г., Прилуцкий С.А., Рыдлевский Д.С., Павлович В.И., Гирёнок И.В., Юшкевич П.М., Гудына В,И., медицинские сёстры Рубец В.Ф., Семашко Ю.И., Гулевич Е.Г., Сидорович А.И., фармацевты Фалевич Г.Г., Густарник-Ларина Л.Ф. и многие другие систематически передавали для партизанских отрядов лекарства, инструменты, перевязочные материалы.

Те, кто шёл в партизанские отряды старались взять с собой как можно больше медикаментов и разного инструментария. Например, врач Смолевичской больницы Тихомиров К.К. вместе со своим коллективом ушёл в бригаду, захватив с собой все медикаменты и хирургический инструментарий. Участковый врач Зареченского медпункта Ушачского района Вейнберг А.Л. 3 августа 1942 г. привезла с собой в отряд медикаменты, хирургический набор, шприцы, предметы ухода за больными, дезинфекционные средства. Так же поступили и врачи Шуба А.И., Полещук В.Н., Крюк И.К., Дудинская А.Н., Чернецкий А.А. и многие другие.

В связи с этим, возможно, выделить несколько основных источников пополнения партизанских отрядов необходимым медицинским имуществом:

1. Активная помощь подпольщиков, подпольных организаций и местного населения.
2. Трофейное медицинское имущество.
3. Самообеспечение медимуществом из подручных средств.
4. Имущество, доставляемое в отряды и соединения из советского тыла.

Тесная связь партизанских соединений с центрами по руководству партизанским движением, местным подпольем, большая помощь местного населения, и, конечно, мужество, самих медработников создали все необходимые условия для проведения лечебной и профилактической работы среди партизан и населения партизанских зон Беларуси.

Литература

1. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (БГМИВОВ), Инв. № 37973/7 – Личное дело А.Н. Журавской, военврача 2 ранга, начальника службы партизанской бригады им. Чапаева Минской области.
2. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (БГМИВОВ), Инв. № 38126 – Личное дело Л.А. Котляра, начальника санитарной службы бригады «Народные мстители» Минской области.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1440. – Оп. 3. – Д. 878.
4. Залесский, А.И. Медико-санитарное обслуживание жителей партизанских зон Белоруссии в годы немецко-фашистской оккупации (1941–1944) / А.И. Залесский // Вопросы истории медицины и здравоохранения БССР: материалы 2-й научной конференции. – Минск, 1965. – С. 175–176.
5. Лебедевич, Н.В. Помощь подпольщиков партизанским формированиям Белоруссии в организации медико-санитарной службы (1941–1945 гг.) / Н.В. Лебедевич // Здравоохранение Белоруссии. – 1990. – № 7. – С. 5–9.
6. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 885.
7. Трофимович, Т. Скальпель – оружие победы / Т. Трофимович // Беларуская думка. – 2009 – № 6 – С. 1–5.
8. Якубовский, Н.А. Помощь советского тыла партизанам / Н.А. Якубовский. – Минск. – 1973. – 208 с.

Яковлев Д.В.

ПУТИ РЕШЕНИЯ КАДРОВОГО ВОПРОСА МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ ПАРТИЗАН БЕЛАРУСИ (1941–1944 гг.)

С первых дней войны партийные и советские органы проводили работу по организации партизанского движения на основе Директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б)Б партийным организациям прифронтовой полосы о решительной перестройке всей работы на военный лад от 29 июня 1941 г. [3, с. 17–18], Постановления ЦК ВКП(б)Б от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск» [3, с. 18–20], а также Директивы ЦК КП(б)Б № 1 от 30 июня 1941 г. «О переходе на подпольную работу парторганизаций районов, занятых противником» [3, с. 43–44] и № 2 от 1 июля 1941 г. «О развертывании партизанской войны в тылу противника» [3, с. 44–45], в которых указывалось, что все коммунисты и комсомольцы, способные носить оружие, должны остаться на территории, занятой врагом, организовать партизанские отряды и диверсионные группы и создать подпольные партийные и комсомольские ячейки. Главной задачей этих ячеек являлась мобилизация белорусского народа на борьбу с немецкими оккупантами и руководство деятельностью партизанских отрядов и диверсионных групп.

На подпольные партийные и комсомольские организации возлагалась также задача срыва экономических мероприятий немецких властей во всех городах, районных центрах и т.д. Также в директивах отмечалось, что партизанская борьба должна носить боевой наступательный характер. К сожалению, в выше изложенных документах не нашла отражение проблема организации медицинского обслуживания будущих партизанских формирований Беларуси.

Ситуация изменилась после первых боевых столкновений партизан с немецкими частями, когда появились раненые, сразу же возникла потребность в медицинских работниках, медикаментах и перевязочном материале. К концу 1941 г. в партизанских формированиях на территории Беларуси было всего 6 врачей [7, с. 544].

В начале 1942 г. обком партии и Витебский облисполком предприняли первые шаги по организованному укомплектованию партизанских отрядов врачами, фельдшерами и медсёстрами. Эту работу возглавила и.о. заведующего Витебским облздравотделом М.Н. Семёнова. Она занималась изучением и обобщением вопросов и предложений отрядов и бригад по улучшению медицинской помощи, информировала об этом Северо-Западную группу ЦК КП(б)Б.

Решение кадрового вопроса проходило различными путями. Так, в феврале 1942 года в Березинское партизанское соединение была заброшена группа десантников для проведения разведывательных и диверсионных операций, в которой находился врач-хирург Н.Г. Белый. На первых порах он обеспечивал отряды квалифицированной помощью [1, с. 17].

Было много случаев, когда врачи, фельдшера медицинские сестры шли в партизанские отряды после того, как им становилось невозможно оказывать помощь партизанам, работая в лечебном учреждении города или района. Например, так поступили в 1941 г. медицинские работники Смолевичской больницы. Врач этой больницы К.К. Тихомиров неоднократно выезжал в партизанские

отряды для оказания срочной хирургической помощи и принимал партизан для лечения в больнице, а когда пребывание в Смолевичах для него для него стало опасным, ушел вместе с персоналом больницы к партизанам, взяв с собой медикаменты и инструментарий [5, с. 54].

Иногда медицинскую помощь раненым партизанам оказывали и ветеринарные врачи. Так, например, в итоге одной из боевых операций партизанской бригады «Пламя» Минской области были ранены несколько партизан, на помощь которым пришёл житель д. Бобы Минской области Т.Н. Боешко, работавший ветеринаром [6, с. 16]. Надо отметить, что это был не единичный случай.

В начале Великой Отечественной войны многие врачи, фельдшера и медицинские сестры оказывались в окружении в составе частей Красной Армии. Выходя из него, они попадали в партизанские отряды, в которых многие медработники и оставались, организовывая медицинскую службу. Так, попал к партизанам Семен Миронович Швец. Войну начал врачом стрелкового полка. После тяжёлых боев, в которой он служил, попала в окружение. Но С.М. Швец вырвался из вражеского кольца и стал пробираться к своим, оказавшись в районе Глуска на оккупированной территории, сумел связаться с партактивом и включился в подпольную работу. А в октябре 1941 г. он уже в партизанском отряде. В начале 1942 г. по указанию Минского подпольного обкома партии С.М. Швец – начальник санитарной службы отряда А.И. Далидовича, позже – бригады им. П.К. Пономаренко. Спустя год назначен начальником санитарной службы штаба соединения партизанских отрядов минской и Полесской областей [5, с. 55].

С целью устранения дефицита кадров младшего медицинского персонала в партизанских формированиях были организованы курсы по подготовке среднего и младшего персонала, подготовке медицинских сестер, санинструкторов и санитаров. Программы курсов подготовки разрабатывались самостоятельно и включали разное количество часов (76, 300 и др.) В этом процессе помогала литература, присланная из-за линии фронта. К примеру, издательство «Молодая гвардия» на протяжении всей Великой Отечественной войны выпускало «Спутник партизана» [61]. В этой книге были собраны различные методы и способы партизанской войны, маскировки и разведки, а также были отдельные главы, посвященные медицинскому обслуживанию. И в первую очередь самопомощи и взаимопомощи партизан.

В вопросе ознакомления партизанских медицинских работников с новейшими апробированными за время войны средствами, методикой лечения огнестрельных повреждений санитарной службой штаба также была оказана посильная помощь. В партизанские соединения была направлена нижеследующая медицинская литература: Сборник инструктивных материалов по работе эвакогоспиталей – 40 экз.; Указания по военно-полевой хирургии – 150 экз.; терапевтический справочник (тома I и II) – 20 экз.; Военно-полевая хирургия (авт. проф. Ахутин) – 30 экз.; Военно-полевая хирургия (авт. проф. Еланский) – 10 экз.; Военно-санитарный справочник – 100 экз.; Руководство для ротных санитаров и санитаров носильщиков – 100 экз.; журналов медицинских разных – 60 экз.; газета “Медицинский работник” – 100 экз. [2, л. 7, 64].

Характерным в работе медицинской службы партизанских бригад и отрядов было то, уделялось большое внимание повышению квалификации врачей и среднего медицинского персонала, а для обмена опытом работы проводились научно-практические конференции. Так, например, в августе 1943 г. возле д. Репье Октябрьского района состоялось совещание медицинских работников Минского партизанского соединения. Совещанием руководил секретарь обкома И.А. Бельский. В нем участвовали 13 начальников медицинской службы бригад. Главный врач партизанского соединения С.М. Швец сообщил о работе бригадных врачей, налаживании медицинской помощи партизанам и населению, об изыскании медикаментов. В итоге совещания было принято ряд предложений об улучшении медицинского обслуживания нуждающихся.

Таким образом, можно выделить несколько путей укомплектования медицинскими кадрами партизанских формирований:

1) медицинские работники, оставленные на оккупированной территории по заданию советских и партийных органов в организованных партизанских отрядах (например, С.Е. Штемпель, И.У. Гренков и др.);

2) попавшие в окружение и вышедшие к партизанам военные врачи (например, С.М. Швец и др.);

3) направленные из советского тыла в составе диверсионно-разведывательных групп в партизанские формирования (например, Н.Г. Белый и др.);

4) направленные медицинские работники из-за линии фронта по поручению советских и партийных органов (например, В.А. Кузнецов, А.Л. Доросинский);

5) пришедшие в партизанские отряды и бригады из гражданских лечебных учреждений (например, К.К. Тихомиров и др.).

Литература

1. Кривонос, П.С. История медицинского обеспечения Березинского партизанского соединения / П.С. Кривонос // Материалы 10-й Республиканской конференции по истории медицины и здравоохранения. – Минск: РНМБ, 2004. – С. 17–18.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 201.
3. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы / под ред. А. Князькова. – Москва: Терра, 1998. – 670 с.
4. Спутник партизана / под ред. Ю. Вебера. – Москва: Молодая гвардия, 1942.
5. Трофимович, Т. Скальпель – оружие победы / Т. Трофимович // Беларус. думка. – 2009. – № 6. – С. 54–57.
6. Мальцев, С. Когда опасность рядом. Страницы партизанской борьбы / С. Мальцев. – Минск: Беларусь, 1968. – 320 с.
7. Федоров, К.А. Медицинское обеспечение партизанских отрядов периода Великой отечественной войны / К.А. Федоров // Актуальные проблемы современной медицины: материалы 62-й междунар. науч. конференции студентов и молодых ученых; под ред. С.Л. Кабака [и др.]. – Минск: БГМУ, 2008 – С. 543–544.

Слободянюк Н.А.

ПРОБЛЕМЫ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИЕВСКОГО ПОДПОЛЬЯ (1941–1943 гг.)

Создание коммунистического подполья в Киеве, как и по всей Украине, было обусловлено рядом мероприятий советских органов власти по организации борьбы в тылу нацистских оккупантов. Руководство СССР понимало, насколько важной формой сопротивления захватчикам может стать подпольная борьба. Впоследствии стало очевидно, что ведение подпольной борьбы сильно зависило не только от тщательной конспирации, правильного подбора кадров и поддержки населения, но и от организации постоянного снабжения антифашистов оружием и продовольствием.

Одним из важных факторов, которые определяли эффективность, характер деятеяльности и судьбу подпольных организаций, было их организационно-материальное обеспечение. Нужно было не просто оставить на оккупированной территории людей, но и обеспечить их всем необходимым для подпольной деятельности, а также создать условия для пополнения материальной базы в условиях оккупации.

Для будущих подпольщиков было подобрано 40 конспиративных и явочных квартир, организовано несколько небольших типографий. В разных местах Киева установили 10 радиоприемников [11, с. 337]. По некоторым данным, только для подпольного горкома заложили несколько складов с продовольствием, промтоварами, деньгами и ценностями на общую сумму несколько миллионов рублей [7, л. 10]. Только один такой склад содержал 2 поллитровых банки с золотыми и серебряными монетами, кольцами, украшениями, часами и немецкими марками на суму 200 тыс. рублей [10, л. 69–71]. Для работы подпольного Ленинского райкома партии было оставлено две печатные машинки, бумага, больше 2000 отпечатанных листовок, 15 револьверов, несколько десятков гранат [6, л. 12].

Несмотря на эти цифры, задача материального обеспечения подполья в Киеве не была решена. Значительная часть материальных стредств пропала после начала немецких репрессий, часть погибла на конспиративных квартирах во время взрывов домов на Крещатике. Но даже если бы склади подполья сохранились, тяжелые условия оккупации все равно ощутимо ограничили бы размах антифашистской борьбы.

Например, чтобы распространить листовки нужно было получить для их наполнения информацией. Как правило, это делалось путем прослушивания сообщений советских радиостанций. Для этого необходимо было не только достать радиоприемник, но и обеспечить его элементами питания и запчастями, постоянно принимать радиопередачи в надежном месте. Далеко не во всех киевских домах было электричество для приема радиопередач. Обычно электричество подавалось только в те дома, где жили немцы.

Для тиражирования листовок были нужны печатные и копировальные устройства (печатная машинка, стеклограф, ротатор), расходные материалы (бумага, краска) и запчасти. В условиях военного времени и тотального дефицита отыскать все это бывало очень нелегко. Кроме того, гестапо старательно отслеживало тех людей, которые старались приобрести либо выменять подобные материалы.

Если же листовки писались вручную, то эффект от них был минимальным, поскольку нельзя было размножить большие партии листовок, а их внешний вид не производил должного впечатления на читателей. В августе 1941 г. первому секретарю подпольного райкома комсомола Сталинского района Синицыну выдали в горкоме комсомола 2 банки стеклографских чернил, 10000 листовок-обращений к молодежи, тол, два детонатора. Ни печатной машинки, ни инструкции к стеклографу оставлено не было. Подпольник А.В. Подвласов вспоминал: «Денежных фондов, оружия и типографии у нас не было. Стеклограф мы сначала старались наладить, потом отказались из-за недостатка бумаги. Хотя жена Синицына выкрала из железнодорожной райуправы стеклографские чернила и удалось составить рецепт пользования стеклографом, но приманить его так и не пришлось. Касательно размножения листовок… то мы не пошли по этому пути, чтобы размножать их от руки, так как это носило характер кустарщины, и им не придавали серьезного значения. Что касается печатания, то определенное время такая возможность была, но поскольку все машинки были на учете, а наша не выбивала букву «е», мы, в конце концов, от письменной пропаганды отказались» [9, л. 2, 11].

Даже имея достаточно листовок, собственно для их распространения нужно было подобрать грамотных составителей текстов, проинструктировать распространителей, определить объекты и маршруты, способы прикрытия и отхода. Все эти трудности снижали эффективность подпольной борьбы. Листовки распространялись не так часто и в меншем количестве, чем это можно было сделать, часто писались от руки, не несли достаточно привлекательной и актуальной информации.

Еще более тяжелыми задачами были поиск, приобретение и складирование оружия и взрывчатки, скрытое их транспортирования к месту нападения или диверсии. Даже на черном рынке Киева купить патроны к имеющемуся оружию было чрезвычайно трудно [5, л. 40]. Не просто было подобрать или научить людей, которые смогут сделать, правильно заложить и привести в действие взрывное устройство необходимой мощности. Когда заместитель первого секретаря Киевского подпольного горкома КП(б)У Виктор Хохлов отправил подпольщиков подорвать железнодорожное полотно всего лишь несколькими противопехотными гранатами-«лимонками», то, конечно, у них ничего существенного не вышло [10, л. 69].

Часто речь шла даже не про обеспечение подпольной работы, а про элементарное выживание подпольщиков в условиях постоянного недоедания и холода. Перед каждым подпольщиком вставали вопросы, как заработать себе на жизнь, как сохранить здоровье, где жить, как строить семейные отношения, как помочь родственникам. Именно эти заботы, за редким исключением, отнимали большую часть времени подпольщика. Кроме домов, где жили немцы, в Киеве не было не электричества, центрального отопления, водопровода и канализации. Все киевляне старались переселиться в квартиры с печным отоплением, но и здесь оккупанты не оставляли людей в покое, издав приказ о сдаче излишков топлива. Вместе с войной вернулись давно забытые болезни и поголовная вшивость.

Зимой 1941–1942 гг. вследствие войны и політики нацистов в Киев пришел настоящий голод, от которого погибли тысячи жителей города. Показательно, что в ноябре 1941 г. в повестке дня партийных собраний подпольщиков стояло только два вопроса: «1) Об организации подпольных райкомов, 2) Продовольственный вопрос организации». Продовольственное обеспечение стало одной из наибольших проблем киевского подполья. Связная подпольного горкома комсомола Е. Логинова в своем отчете сообщала: «Положение в организации было в материальном отношении ужасное… жили так сказать с милостыни» [3, л. 171]. А вот как оценивал влияние материального фактора на борьбу с оккупантами сам Киевский подпольный горком: «подпольные организации… переживают неимоверные трудности из-за отсутствия средств как для проведения работы, так и для существования целого ряда руководящих работников, которые находятся на нелегальном положении, перенося неслыханные лишения... Отсутствие средств привело к тому, что подпольные партийная и комсомольская организации не могли законспирироваться так, как это необходимо в условиях гестаповского террора… (отсутствие

конспиративных квартир, отсутствие питания, одежды, печатных машинок, стеклографа и др.), без чего почти немыслимо нормально проводить подпольную работу» [2, л. 90].

Однако, постепенно подполье стало «обрастать» материальной базой и опытом для ее пополнения. Для этого использовались разные пути: открытие подпольщиками легальных кустарных предприятий, торговля на рынках, заготовка продовольствия в сельской местности и т.п. В результате такой работы у Киевского горкома появилась подпольная типография по адресу переулок Татарский 9, кв. 2. На ул. Саксаганского находилась мастерская по изготовлению печатей и штампов. База оружия была организована на Подоле, а все члены горкома и секретари райкомов получили пистолеты [1, л. 59]. Как отмечалось в одном из отчетов подпольного горкома: «член бюро Ленинского райпарткома т. Дикий сумел организовать так работу, что в нашем распоряжении оказалось более 150 тыс. рублей денег, десятки пудов пшена, крупы, печеного хлеба, более 70 кг растительного масла и т. д. Все эти средства и продукты были выданы нашим людям... Тов. Демчук организовал через 1-й хлебозавод доставку подпольщикам муки (2 мешка муки, 320 кг пшена)» [4, л. 178].

Весомым был вклад киевских подпольщиков в развитие партизанского движения в Киевской, Житомирской и Черниговской областях. Партизаны постоянно нуждались в оружии, боеприпасах, медикаментах, которые в сельской местности раздобыть было сложно. Кроме того, подпольщики переправляли в лес большое количество молодых людей, которые желали с оружием в руках биться с нацистами. Всего за время оккупации киевские подпольщики отправили партизанам Киевской, Житомирской и Черниговской областей 1870 человек, 500 кг взрывчатки, 2532 гранаты, 25 пулеметов, 550 автоматов, 1000 винтовок, 714 пистолетов, 133 тыс. патронов, а также медикаменты на сумму 129400 рублей [8, л. 467].

Таким образом, дефицит материально-технического обеспечения оказывал заметное влияние на деятельность подпольных организаций Киева. Ошибки в подготовке материальной базы для партийного подполья, экстремальные условия оккупации, немецкие репрессии принуждали подпольщиков уделять проблеме материального снабжения первоочередное внимание. И хотя эта проблема остро стояла перед антифашистами весь период оккупации, вместе с тем, их находчивость и настойчивость позволили обеспечить подполье необходимыми для ведения борьбы ресурсами.

Литература

1. Государственный архив Киевской области (далее – ГАКО). – Фонд П-4. – Оп. 2. – Д. 1.
2. ГАКО. –Фонд П-4. – Оп. 2. – Д. 1.
3. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАООУ). – Фонд 7. – Оп. 10. – Д. 287.
4. ГАКО. – Фонд П-4. – Оп. 2. – Д. 9.
5. ЦГАООУ. – Фонд 1. – Оп. 22. – Д. 348.
6. ГАКО. – Фонд П-792. – Оп. 1. – Д. 190.
7. ЦГАООУ. – Фонд 1. – Оп. 22. – Д. 282.
8. ДАКО. – Фонд П-4. – Оп. 2. – Д. 1.
9. ЦГАООУ. – Фонд 166. – Оп. 2. – Д. 347.
10. ЦДАГОУ. – Фонд 1. – Оп. 22. – Д. 363.
11. Тронько, П.Т. Солдаты киевского подполья / П.Т. Тронько, П.М. Овчаренко // Герои подполья. Вып. 1. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Политиздат, 1970. – С. 332–373.

Иоффе Э.Г.

ЕВРЕИ В РЯДАХ АНТИФАШИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В 1941–1944 гг.

Несмотря на нацистскую политику геноцида, белорусские евреи одними из первых вступили в смертельную схватку с врагом. Узники гетто на территории нашей республики – участники партийного и комсомольского подполья подвергали опасности не только свои жизни, но и жизнь своих родных – жен, мужей, детей, матерей, отцов, братьев, сестер. Смертельный риск ждал их на каждом шагу. Евреи стояли у истоков антифашистского подполья в Минске, Могилеве, Бресте, Пинске, Гомеле, Барановичах, Слониме, в районном центре Куренец Вилейской области.

Одним из руководителей партийного подполья в Минске стал Исай Казинец, удостоенный в 1965 году высокого звания Героя Советского Союза. Он организовал 20 новых диверсионных групп, наладил регулярный выпуск листовок, которых за полгода вышло 3 тысячи штук.

В них печатались сводки Совинформбюро и призывы к борьбе с фашистскими оккупантами. Подпольщики убивали немецких офицеров, усилили диверсионную деятельность. Под руководством И.П. Казинца похищали с немецких складов оружие, боеприпасы, медикаменты и переправляли их к партизанам. Подполье росло и крепло. Через партизан на Большую землю передавались всевозможные разведывательные данные. О размахе подпольного движения в Минске говори то, что в феврале–марте 1941 года нацисты арестовали 404 подпольщика, из которых 212 расстреляли, а остальных бросили в концлагерь.

Оккупационные власти вынуждены были признать активное участие евреев в Минском партийном подполье. В сообщении № 189 начальника полиции и безопасности СД о подпольной борьбе в г. Минске от 3 апреля 1942 года отмечается: «…Наряду с партизанским отделом в Минске имеется еще партия (городской подпольный комитет КП(б)Б – Э.И.). которая осуществляет определенный контроль. Арестован организатор партийного аппарата грузинский еврей Мустафа Деликурды-оглы (И.П. Казинец – Э.И)…» [2, л. 101]. В донесении начальника полиции и безопасности и СД Генерального округа «Белоруссия «от 8 мая 1942 года говорилось:

«В августе – сентябре 1941 года один еврей попытался сплотить этих людей и создать организацию. Речь идет об инженере-нефтянике Исай Казинце, который выдавал себя за Мустафу Деликурды-оглы и имел фальшивые документы на это имя…

В декабре 1941 – январе 1942 г., когда началось русское наступление и немецкое продвижение приостановлено, Казинец и его группа активизировали свою деятельность. Были привлечены новые люди. так что в середине марта организация превратилась в подпольное движение коммунистической партии и партизанского движения.

Во главе стоял [подпольный] комитет из 7 человек, каждый из которых имел особый участок работы.

1. Сам Казинец был председателем комитета и вел работу в гетто. Он должен был поддерживать отношения с евреями Минска, вербовать новых членов, доставлять одежду и пополнение для партизан…

До настоящего времени из гетто к партизанам выведено 100 евреев…

Типография находилась в жилом доме недалеко от гетто, руководил ею проживавший вне гетто еврей по фамилии Чипчин…» [3, л. 21–23].

А в информации «Минскер цайтунг» о казни участников первой группы Сопротивления прямо подчеркивалось:

«…Эти 150 человек были членами разбойничьей банды, которая в последние недели пыталась организоваться в Минске и его окружении…

Еврей играет в руках этих преступников всегда решающую роль – как предводитель (зачинщик), подстрекатель, пособник, связник, курьер, разведчик. Этот разбойный центр (речь идет о Минском подпольном горкоме партии – Э.И.) немыслим без него. Он и здесь разоблачен как фермент разрушения и разложения. Большевизм – воплощение еврейского духа…» [4, с. 146].

Многие белорусские евреи стали руководителями антифашистского, патриотического подполья в республике, руководителями печатных органов подпольных райкомов партии. Они возглавляли многие подпольные райкомы партии. Кроме секретаря подпольного горрайкома КП(б)Б Минского гетто М.Л. Гебелева, секретарями Рогачевского, Осиповичского, Ельского. Петриковского, Меховского, Освейского, Чечерского, Минского сельского, Снядовского подпольных райкомов партии были С.М. Свердлов, Р.Х. Голанд, З.Я. Черноглаз, Х.И. Варгавтик, В.И. Израилит, С.Б. Геллер, Х.М. Шкляр, И.А. Лапидус, И.С. Шурман.

Более 20 евреев было в руководстве подпольных обкомов и райкомов партии, Гомельского подпольного горкома партии, Августовского и Слуцкого межрайкомов партии. Это члены Ляховичского, Мирского, Новомышского, Кобринского, Суражского, Дубровенского, Буда-Кошелевского, Журавичского, Речицкого, Чечерского, Осиповичского, Чаусского, Чериковского, Шкловского, Ельского, Лельчицкго, Октябрьского подпольных райкомов партии Я.Л.Шевелев, Г.Л.Мараховский (в разное время был членом Мирского и Новомышского поппольных райкомов партии), М.С. Гамбург, Д.И. Левин, М.И. Дрозник, Б.М. Гейфман, С.П. Диваченко, С.А. Егудкин, Ф.Н. Марголина, М.Р. Горелик, Д.И. Коган, Л.М. Кроль, Ш.Л. Кеслер, И.А. Кравец, С.Д. Шур, С.И. Батищев, член Гомельского подпольного горкома партии Г.Н. Эркин, члены Августовского и Слуцкого межрайкомов КП(б)Б М.З. Рагозинский и Ф.Ф. Капуста.

В 1942 – 1943 годах членом Витебского подпольного обкома партии являлся В.Я. Каган, а в 1943 – 1944 годах членом Белостокского подпольного обкома КП(б)Б – Ф.Ф. Капуста.

Десятки евреев находились в руководстве подпольных комсомольских органов Белоруссии. Это секретарь Пинского подпольного обкома и горкома ЛКСМБ Ш.И. Беркович, секретари Борисовского и Барановичского подпольного горкомов комсомола Р.Х. Крупкин и Г.Л. Мараховский (который до этого в 1943 году являлся руководителем Столбцовского межрайцентра ЛКСМБ), секретарь Минского подпольного межрайкома ЛКСМБ Я.И. Ивкин, секретари Бытенского, Сморгонского, Ветринского, Освейского, Россонского, Чечерского, Минского, Горецкого, Шкловского, Лельчицкого, Наровлянского подпольных райкомов комсомола А.С. Бухман, Я.Л. Юдин, М.Г.Кацман, В.И. Вестенберг, Д.Л. Задов, М.М. Механиков, С.Л. Баркан, Б.П. Черняков, Ш.Л. Кеслер, Я.Ш. Эрлих, Л.А. Абрамович. Членами Клецкого, Березовского, Ошмянского, Свирского, Лиозненского, Полоцкого, Дзержинского, Заславского, Крупского, Плещеницкого, Наровлянского подпольных райкомов ЛКСМБ являлись М.З. Неймарк, Л.М. Кеслер, Я.Л. Юдин, А.И. Львович, Г.Ф. Шкляр, Д.М. Файнгелеринт, З.Ю. Гинзбург, Д.Л. Копилевич, О.Л. Гейхман, А.М. Алесин, В.М. Клейнос, а членом Борисовского подпольного горкома комсомола – Р.Л. Гольдберг. Инструкторами по подпольной работе в Барановичском подпольном обкоме ЛКСМБ был Г.Л. Мараховский, в Жлобинском подпольном райкоме комсомола – А.С. Смолкин, а в Плещеницком подпольном райкоме ЛКСМБ – А.М. Алесин.

В 1993 году мужественный и талантливый ученый-историк Анна Купреева писала: «До настоящего времени замалчивается правда о минском еврейском гетто: именно там разгорались первые искры подпольной борьбы. В минском гетто находилось 50% жителей Минска.

Организация подполья в условиях гетто являлась трудной задачей: В концентрационном лагере было много провокаторов, ограниченная свобода передвижения, постоянные облавы, погромы.

Несмотря на все сложности, с момента создания гетто, на его территории начало действовать подполье. Первая сходка коммунистов произошла в августе 1941 года…

На совещании был создан организационный центр, в который вошли Г. Смоляр, Я. Киркаешто, Н. Вайнгауз…

В начале мая 1942 года … секретарем подпольного райкома гетто был утвержден М. Гебелев…

Минское гетто просуществовало около 800 дней. Почти столько же в этом лагере смерти за колючей проволокой патриоты вели мужественную борьбу с оккупантами…» [5, с. 49; 6, с. 67].

В антифашистское (партийное и комсомольское) подполье Минского гетто входило более 330 человек. Кроме этого, десятки евреев боролись с нацистами в «русском районе» Минска. Одной из них была выпускница 28-й минской школы Маша Брускина, имя которой по инициативе Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко увековечено в столице Беларуси и известно сегодня всему миру.

Отметим, что бороться против нацистов и их пособников в условиях Минского гетто было значительно трудней, чем в антифашистском подполье города Минска, а также значительно опасней, чем в гетто, созданных в других оккупированных районах СССР. Дело в том, что в апреле – мае 1942 года, кроме постоянных опознавательных знаков каждому жителю дома были присвоены индивидуальные номера, которые необходимо было носить ниже желтой латки. Если кто-нибудь исчезал, то уничтожались все жители дома. Это накладывало особую ответственность за каждый шаг, каждое действие подпольщиков.

Десятки евреев Гомеля приняли активное участие в деятельности антифашистского подполья города в 1941–1943 годах. Огромный урон врагу нанесла подпольная группа Т.С.Бородина, которая объединяла 30 патриотов. Ее руководитель был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Одним из самых активных членов подпольной группы Бородина являлся коммунист А.Л. Левин. По указанию Гомельского подпольного горкома партии Петр Воронин привлек к подпольной деятельности И.Е. Шапиро, работавшего переводчиком в паровозном депо и проживавшего под фамилией И.П. Писаренко. Вскоре И.Е. Шапиро стал снабжать подпольщиков точными сведениями о военных грузах и графиках передвижения поездов противника. Эти данные регулярно сообщались партизанским связным [7, с. 234]. Немало диверсий в городе осуществила комсомольско-молодежная группа, которую возглавляла Г.И. Беркович.

У истоков антифашистского подполья в Могилеве стоял секретарь Могилевского горкома партии И.Л. Хавкин. К сожалению, среди тех, кого оставили в городе для подпольной работы, нашелся предатель. В результате случилось непоправимое. В первый же день оккупации нацисты схватили и бросили в концлагерь секретарей Могилевского горкома партии А.И. Морозова и И.Л. Хавкина. И.Л. Хавкину удалось бежать, но вскоре он снова был схвачен и расстрелян [8, с. 85–86]. Из числа оставленных в немецком тылу для разведывательной и подпольной работы особенно отличились Юлий Линкус (Лившиц, Липшиц), Яков Шмидт, Н.И. Каганович, Гиндин и другие евреи. Одну из самых активных групп в Могилевском антифашистском подполье возглавил В.Д. Швагринов. В состав его группы входил и комсомолец Юлий Линкус. Вначале он работал на костообрабатывающем заводе и уже там был активным подпольщиком [9, с. 394–402].

Среди тех, кто бесстрашно вел борьбу против оккупантов и их пособников, был и участник комсомольско-молодежного подполья Могилева Яков Шмидт. По свидетельству С.С. Соболевского, подпольщики стали выпускать сводки Совинформбюро и листовки тиражами по 80–100 экземпляров. Их неутомимо печатали Яков Шмидт и сестра Сергея – Мария Соболевская. Когда в ноябре 1941 года в Могилеве начались повальные обыски и проверки документов, С. Соболевский достал свой паспорт и сорвал фотокарточку. На ее место он приклеил фото Яши Шмидта.

12 декабря 1941 года Соболевский был арестован. В тюрьме он узнал, что Яков Шмидт был выдан предателем. А по паспорту арестовали и Соболевского. Несмотря на изощренные пытки, Яков Шмидт не выдал человека, отдавшего ему свой паспорт. 31 декабря 1941 года за отсутствие доказательства об умышленной передаче паспорта Якову Шмидту Сергей Соболевский был выпущен из тюрьмы. Дальнейшая судьба Якова Шмидта, к сожалению, неизвестна. Скорее всего, он погиб в застенках гестапо.

Активную борьбу с нацизмом вело антифашистское подполье Пинского гетто. В приказе рейхсфюрера СС Г. Гиммлера главному начальнику СС и полиции Украины обергруппенфюреру СС и генералу полиции Прюцману от 27 октября 1942 года об уничтожении гетто в Пинске говорилось: «На основании имеющихся у меня донесений можно считать, что центральной базой бандитского (партизанского – Э.И.) движения в болотах Припяти является Пинское гетто» [1, с. 257–258].

В самом начале войны в районном центре Куренец Вилейской области была создана подпольная группа во главе с бывшим инструктором Куренецкого райкома комсомола Н.М. Матюкевичем. Его ближайшими и активными помощниками стали И.Б. Айнбиндер и Б.Л. Диминштейн. В жестокой борьбе с врагом пали многие участники вилейско-куренецкого подполья, в том числе И.Б. Айнбиндер и Б.Л. Диминштейн.

Всему миру известно восстание в Варшавском гетто, которое произошло в апреле 1943 года. Но мало кому известно, что задолго до этого восстания на территории Белоруссии произошли восстания в Клецком гетто (21 июля 1942 года), Несвижском (22 июля 1942 года), Копыльском (июль 1942 года), в Мирском (9 августа 1942 года) и Лахвинском гетто (3 сентября 1942 года). Уже после восстания в Варшавском гетто на белорусской земле прошли восстания в Белостокском (16–21 августа 1943 года) и Глубокском гетто (19 августа 1943 года).

По неполным данным, в рядах антифашистского подполья на территории Беларуси состояло около 1350 евреев.

Итак, армия евреев-борцов с нацизмом в рядах партизан и в составе антифашистского подполья на белорусской земле в 1941–1944 насчитывала более 15 тысяч евреев, а точнее – 15 300 человек. Именно эти люди плечом к плечу с белорусами, русскими, украинцами, поляками и представителями других народов СССР ковали нашу Великую Победу над германским нацизмом.

Литература

1. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944): сб. докум. и материалов. – Иерусалим: Тарбут, 1992. – 424 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4683. – Оп. 3. – Д. 913. Пер. с нем.
3. НАРБ. – Ф. 4683. – Оп. 3. – Д. 948. Пер. с нем.
4. Ленхард, Х. Немцы в Белоруссии. 1941–1944 / Х. Ленхард // Неман. – 1993. – № 5.
5. Купрэева, Г. Мінскае гета: схаваная праўда / Г. Купрэева // Беларуская мінуўшчына. – 1993. – № 1. – С. 46–51.
6. Купрэева, Г. Мінскае гета: схаваная праўда / Г. Купрэева // Беларуская мінуўшчына – 1993. – № 2. – С. 62–67.
7. Беларуская мінуўшчына. – 1993. – № 3–4.

8. Подвиги их бессмертны. О подпольной борьбе советских людей в захваченных фашистскими оккупантами городах и селах Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1944). – Минск: Беларусь, 1978. – 383 с.
9. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в трех томах. – Минск: Беларусь, 1983. – Т. 1. – 591 с.
10. Солдатами были все. – 2-е изд., доп. и испр. – Минск: Беларусь, 1972. – 560 с.

Подлипский А.М.

К ВОПРОСУ О БИОГРАФИЯХ УЧАСТНИКОВ ВИТЕБСКОГО ПАТРИОТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ З. ВАСИЛЬЕВОЙ И Л. БЕРЕЗКИНОЙ

Неподалеку от Смоленского рынка, в самом начале Краснобригадной улицы, стоит один из памятников Витебска, рассказывающий о героическом прошлом витеблян в годы Великой Отечественной войны. Это 8-метровая прямоугольная стела с врезанным в нее гранитным блоком, несколько сдвинутым относительно верхней оси. Ниже блока – барельефное изображение лиц юноши и девушки – собирательный образ казненных на этом месте патриотов-подпольщиков. На стеле надпись: «Здесь в 1942–1943 годах фашистскими палачами казнены подпольщики Витебска Березкина Л.Д., Васильева З.Т., Волчок Е.Я., Корнешонок В.Д., Воробьев Н.В., Захаров Н.И., Воднев П.И. и многие другие советские патриоты. Вечная слава героям».

Вот что рассказывают о деятельности этой группы авторы книги «Витебское подполье»: «Большую политическую работу проводила в оккупированном Витебске подпольная комсомольская группа, в которую входили Л.Д. Березкина, З.Т. Васильева, Н.И. Захаров, В.Д. Корнешонок, Е.Я. Волчок, Н.В. Воробьев, П.И. Гауберг-Иванова и другие юноши и девушки. Лидия Березкина часто приходила к Андрею Коноплеву послушать новости из Москвы, затем сообщала их своим друзьям и соседям. Помогала ему размножать сводки. Позже бесстрашные патриоты из группы Березкиной установили связь с партизанами А.Ф. Данукалова. По заданию партизан они добывали нужные бланки и документы, собирали сведения о немецких воинских частях, приобретали медикаменты, спасали советских военнопленных. Явочная квартира подпольщиков находилась у П.И. Гауберг-Ивановой по улице Замковой, 3. Постепенно группа крепла и мужала, накапливала опыт. В 1942 году она совершала диверсионные акты, наладила печатание листовок типографским способом. В начале сентября 1942 года патриоты разработали план уничтожения немецкого узла связи. 7 сентября Лидия Березкина принесла Н.В. Воробьеву, работавшему на телефонной станции, мины и взрывчатку. Комсомолка не подозревала, что за нею вел наблюдение провокатор Анатолий Белячиц. Лидия Березкина и Николай Воробьев были схвачены. Последовал обыск в квартире Н.И. Захарова, у которого проживала подпольщица. При обыске были обнаружены мины и листовки. В застенки СД-9 попали Николай Захаров, Зина Васильева, а также Евгений Волчок и Василий Корнешонок, которые были схвачены в тот момент, когда они набирали антифашистские листовки в типографии профашистской газетенки «Новый путь». Почти две недели героев-подпольщиков подвергали самым изощренным пыткам в кровавых застенках СД. Судьба патриотов была предрешена. Они прекрасно понимали это и мужественно держались до конца. Об этом свидетельствуют надписи, оставленные ими на стенах камер в подвалах СД. Вот одна из них: «Евсеенко Вера, Березкина Лида, 18 лет». Дальше приписка: «Расстрел». Вторая надпись: «Зина, Лида, Коля Захаров». Подпись: «Бомба». Это подпольный псевдоним Лидии Березкиной. Фашисты решили устроить публичную казнь советских патриотов [1, с. 102–103].

О патриотах группы Л. Березкиной известно немного. Да и что они успели сделать в довоенное время, чем отличиться в свои еще совсем юные годы? Тем более интересны новые документы о Зинаиде Васильевой, которые мне недавно удалось выявить в Государственном архиве Витебской области. Это ее личное дело во время учебы в педагогическом институте – тоненькая папочка, в которой всего несколько страниц [2]. На одной из них рукой Зинаиды написана автобиография. Она краткая, что и понятно: 17-летняя девушка только что закончила среднюю школу и о себе ничего особо писать еще не могла. «Родилась я в 1922 году в гор. Витебске, в семье рабочего пожарной охраны. В 1930 году поступила в 34-ю среднюю школу, которую закончила в 1940 году. Член ВЛКСМ с 1939 года». И дата: «5 июля 1940 года».

Кроме автобиографии, в личном деле Зинаиды Васильевой хранится подлинник аттестата зрелости, а в нем оценки по 21 предмету. По белорусской литературе, арифметике, природове-

дению, истории, Конституции, географии, химии, биологии и минералогии и физкультуре – «отлично», по русской литературе, алгебре, геометрии, тригонометрии, физике, астрономии, рисованию и черчению – «хорошо». И только по четырем (белорусскому, русскому и немецкому языкам и военной подготовке) – «посредственно».

27 июля 1940 года З. Васильева подала документы для поступления на физико-математический факультет в Витебский пединститут. На заявление наложена резолюция: «Допустить к испытаниям». Эти испытания девушка прошла успешно. 7 и 9 августа она на «хорошо» сдала устный экзамен по русской литературе и написала сочинение, а 13 августа тоже на «хорошо» – письменный экзамен по математике. Три дня спустя появилась первая «пятерка». Так были оценены устные ответы по математике. Вторую отличную отметку она получила 19 августа по физике. Так что «посредственно» по химии в завершении экзаменов уже ничего не решало. И 1 сентября 1940 года Зинаида Васильева стала студенткой пединститута. Она проучилась всего один год, закончила его накануне начала Великой Отечественной войны. В ее личном деле есть и неизвестная нам фотография девушки. Зина, скорее всего, стала бы хорошей учительницей. И очень жаль, что из жизни она ушла совсем молодой – в двадцать лет.

Жили Васильевы в доме №3 на Замковой улице. Глава семьи – Тимофей Васильевич Васильев – родом был из деревни Сименцово Городокского уезда, 1884 года рождения. Вместе с родителями крестьянствовал. Вскоре после Октябрьского переворота 1917 года в поисках лучшей жизни подался из села в Витебск, стал работать пожарным в Центральной пожарной дружине. Матерью подпольщицы была уроженка Сиротинского района Елизавета Григорьевна Драченко, которая на шесть лет была младше мужа. В 1920 году у Тимофея Васильевича и Елизаветы Григорьевны родился сын, названный Николаем, два года спустя – дочь Зина, а в 1931 году – самая младшая дочь – Евгения. Зина Васильева училась в СШ № 34, располагавшаяся у самого моста через Западную Двину, неподалеку от Благовещенской церкви. До революции это трехэтажное здание принадлежало известной владелице недвижимостью Хане Гуревич. В нем еще в 1905 году была открыта женская Алексеевская гимназия, среди воспитанниц которого была и жена Марка Шагала Берта (Белла) Розенфельд.

О школьных годах З. Васильевой сейчас рассказывает не только аттестат зрелости, хранящийся в личном деле, но и групповая фотография выпускного класса, сделанная, по-видимому, в находившейся неподалеку, на улице Замковой, государственной фотографии №1. Ее Васильевы сумели сохранить, несмотря на все тяготы военных лет. На фотографии запечатлены 19 учеников и 8 учителей. Зина на фотографии третья слева в нижнем ряду. Рассматривая сейчас этот уникальный документ, я на нем без труда узнал среди школьников и учителей несколько человек, о которых стоит хотя бы кратко рассказать. Из учителей – это Николай Филиппович Кривошия, из учеников – Софья Хентова и Соломон Рабкин.

Выпускник Виленского учительского института (1895) Н. Кривошия с 1895 года работал в системе народного образования. В Витебске появился в 1902 году. С 1 сентября он стал преподавать арифметику, геометрию и методику арифметики на 2-годичных учительских курсах при 1-м городском училище. С 1 октября 1907 года Николай Филиппович уже учитель геометрии, естествознания и рисования 3-классного городского училища и 3-го городского 4-классного училища. Какое-то время он преподавал и математику в частной гимназии Варвариной. В 1903 году Н. Кривошия был удостоен ордена св. Станислава 3-й степени. У Зины Васильевой Николай Филиппович был учителем математики. И, как знать, может быть, именно он и привил ей любовь к этому предмету и посоветовал поступать на физико-математический факультет Витебского пединститута? Так это или не так, сейчас уже не установишь. Но то, что он дал девушке хорошие знания, которых хватило для того, чтобы поступить в вуз – факт очевидный.

Среди одноклассников будущей подпольщицы-патриотки были Софья Хентова и Соломон Рабкин. Софья Михайловна Хентова (1922–2002) стала впоследствии известным музыковедом и пианисткой. Она уже в юности отличалась отличной учебой не только в средней, но и в музыкальной школе. Блестяще закончила последнюю, затем еще и музыкальное училище и в 1949 году – Ленинградскую консерваторию. С 1954 года С. Хентова в ней преподавала. За свою долгую жизнь (умерла в возрасте 80 лет в Петербурге) Софья Михайловна стала автором около 40 книг о творчестве известных композиторов и музыкантов – Д. Шостаковича, Э. Гилельса, Л. Оборина, А. Рубинштейна, М. Ростроповича и др. В 1984 году она стала доктором искусствоведения, а год спустя – профессором.

Соломон Менделевич Рабкин (1922–2005) – сын ветерана КПСС, известного витебского большевика, члена РСДРП с 1905 года. После окончания школы, в сентябре 1940 года, С. Рабкин был призван на действительную службу в Красную Армию. В 1942–1947 годах он учился в Ленинградской медицинской Военно-Морской академии. И в качестве военврача прослужил до ухода в запас в октябре 1956 года. Служить ему пришлось и на Дальнем Востоке, и в Крыму. После этого С. Рабкин вернулся в родной город и стал работать врачом в областной клинической больнице, затем в поликлинике им. Калинина, поликлинике им. Ленина и детской больнице. На пенсию С. Рабкин ушел в 1982 году. Мы были знакомы и однажды Соломон Менделевич завел разговор о совместной учебе с З. Васильевой. Но тогда по какой-то причине я о девушке-подпольщице его не расспросил. Надо ли говорить, как сейчас я об этом жалею? Жена С. Рабкина Фрида Павловна – дочь известного витебского врача и ученого, кандидата медицинских наук (1936) Павла Марковича Гуревича (1888–1965). Его сын – Семен Рабкин пошел по стопам деда и родителей, стал врачом, кандидатом медицинских наук.

С Лидией Березкиной Зина Васильева познакомилась в первые дни Великой Отечественной войны. Лида была на год младше Зины, и в июне 1941 года она только что закончила среднюю школу. Перед войной у нее умерла мать, отец вновь женился и у девушки не сложились отношения с мачехой. Когда началась война и отца Лиды мобилизовали в Красную Армию, то девочка жить с мачехой не захотела и стала снимать «угол» в квартире неподалеку от квартиры Васильевых. Тогда Зина с Лидой и познакомилась. Хозяевами этой квартиры были Николай Захаров и его жена Полина Гауберг-Иванова. Во время оккупации подпольщица устроилась работать на аэродром и вместе со своими товарищами мечтала устроить там крупную диверсию. Но до этого так и не дошло…

Если дом на Замковой улице, в котором жили Васильева и Л. Березкина, до наших дней не сохранился, то довоенное место жительства последней известно. О нем и самой подпольщице вспоминал бывший доцент Витебского государственного университета Борис Яковлевич Канторович (1929–2007): «Лидию Березкину <…> я хорошо знал. На протяжении 12 лет мы жили с ней в одном доме – №57 на улице Октябрьской: наша семья – на втором этаже, а Березкины – над нами. Он, к счастью, сохранился (сейчас это дом №1 на Октябрьском проезде, напротив гимназии №2). <…> Лида была веселой, жизнерадостной, очень красивой девочкой. Она и в девичестве оставалась такой, источавшей благожелательность, стремительной и задорной, заводилой во всякой затее. В июне 1941 года она закончила школу и собиралась поступать в институт. Я нисколько не был удивлен, узнав, что во время оккупации Витебска Лида была в числе патриотов. По-другому и быть не могло. В моем архиве сохранилась уникальная фотография 1929 или 1930 года. На ней воспитанники детского сада очковой фабрики. <…> Среди ребятишек есть и Лидия Березкина с мамой, которая, вероятно, работала в этом садике. <…> У меня есть предложение увековечить память о юной подпольщице установкой на доме, где она жила, мемориальной доски» [3].

К сожалению, мемориальной доски в честь юной подпольщицы до сих пор нет. Уверен, что этим следует заняться активистам БРСМ и учащимся находящейся рядом гимназии № 2.

Литература

1. Пахомов, Н.И. Витебское подполье / Н.И. Пахомов, Н.И. Дорофеенко, Н.В. Дорофеенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Беларусь, 1974. – 223 с.
2. Государственный архив Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 2. – Д. 285.
3. Канторович, Б. Увековечить память о подпольщице / Б. Канторович// Народнаеслова. – 2005. – 12 лют.

Давлетов А.Р., Казакова О.Н.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ В ВАРШАВСКОМ ГЕТТО 1943 г.

События, спровоцированные нацистской администрацией в Варшавском гетто во время Второй мировой войны выходят за пределы локальной, польской трагедии и трагедии еврейского народа. По определению Нюрнбергского процесса – это не только национальная, а и общечеловеческая трагедия, которая не имеет срока давности.

В той же время, именно на территории Варшавского гетто было начато восстание, которое продолжалось с 19 апреля до 16 мая 1943 года и является примером героизма. Это восстание отличается двумя чертами: во-первых, поддержкой, которую восставшим предоставляло большинство жителей гетто и во-вторых, решительностью самих повстанцев воевать до по-

следней капли крови. Защитники гетто оказывали сопротивление дольше, чем некоторые европейские государства. Например, за 5 дней была оккупирована Голландия, 18 дней оказывала сопротивление Бельгия, Дания капитулировала в первый день немецкого наступления.

Для понимания значения этого восстания необходимо более детально проанализировать его предпосылки.

Первой предпосылкой, был антисемитизм, обоснованый в идеологической концепции нацизма. Так, теоретической основой нацистской политики относительно евреев, были взгляды о происхождении и развитии наций и народов, пропагандируемые элитой нацисткой партии. Они базировались на расовой теории французского ученого Жозефа Артура Гобино и английского социолога Хьюстона Стюарта Чемберлена. Согласно ей, только лишь арийская раса была творцом и носителем человеческой цивилизации и культуры, а все другие расы считались неполноценными и негативно влиявшими на человеческое общество [7, с. 139]. Именно на этой основе, Адольф Гитлер в работе «Майн Кампф» разделил все человечество на три категории: творцы цивилизации, носители цивилизации и разрушители цивилизации. Он утверждал, что представителями первых двух групп могут быть только арийцы, основа третьей группы – это евреи [5, с. 243]. А. Гитлер считал, что евреи были и остаются вечными паразитами, дармоедами, сравнимые с опасными бациллами, что распространяются повсеместно. Еще, можно утверждать, что А. Гитлер постоянно ставил знак равенства между марксистами и евреями, и таким образом, по его мне нию, еврейское население выступало самым страшным врагом для немецкой государственности. Именно поэтому, оккупировав Польшу, нацисты в первую очередь стремились к концентрации всего еврейского населения Европы на этих землях, а уже со временем и полного уничтожения как нации [11, с. 30–31].

Второй предпосылкой восстания в Варшавском гетто стало именно методическое истребление еврейского населения. Можно виделить этапы нацистской политики по отношению к еврейскому населению Европы [10, с. 54].

I этап (1933–1939 гг) – приход А. Гитлера к власти в Германии, начало и апробация антисемитской политики на территории III рейха, особенно принятие большого количества антиеврейских постановлений, целью которых было устранение евреев от общественной жизни и стремление вытеснить их за пределы Германии.

II этап (1939–1941 гг.) – это период становления оккупационного режима на захваченных территориях и реализация на практике антисемитской политики. Следует отметить, что в начале Второй мировой войны нацисты еще не имели четкого плана и единой позиции в политике относительно евреев – одного из многочисленных сообществ Европы.

Однако уже с первых дней оккупации начали “генеральную репетицию геноцида”, преследование и массовые убийства еврейского населения. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что силовые структуры нацистской Германии с первых дней польско-немецкой военной кампании 1939 года прибегали к массовым убийствам еврейского населения [9, с. 238].

После установления органов гражданской администрации в Генеральном Губернаторстве и на “присоединенных” к рейху польских территориях значительно выросло количество массовых экзекуций еврейского населения.

На территории Польши вводились специальные правила для существования еврейского сообщества. Согласно с распоряжениями оккупационной администрации польские евреи должны были носить специальные обозначения (звезду Давида). Нацисты очень стремительно начали ограничивать права евреев. В начале ввели законы, лишающие польских евреев движимого и недвижимого имущества. Им запрещали иметь свои предприятия, посещать учебные заведения, осуществлять религиозные обряды, основывать и состоять в каких-либо политических или других объединениях и т.д. [6, с. 124]

Так же, уже на этом этапе был начат процесс концентрации европейских евреев в гетто, специально отведенных кварталах городов. Причины образования гетто нацистская пропаганда объясняла по-разному. Если Р. Гейдрих приказывал опираться на якобы широкое участие еврев в партизанских действиях против немецкой армии, то в других случаях оказывалось, что евреи настраивали поляков против Германии. Речь шла о необходимости изоляции евреев потому, что они не желали придерживаться установленых национал-социализмом справедливых принципов. Также одной из причин считалось желание евреев выделитьсяся из окружающего населения. Нацисты утверджали, что евреи являются носителями инфекционных заболеваний, а их изоляция поможет защитить нееврейское население от эпидемий.

21 сентября 1939 года руководством СС было принято решение окончательно перевести евреев в центры концентрации, которые образовывались в городах на оккупированных немцами территориях Польши. И уже 8 октября 1939 года на оккупированных нацистами землях Польши было образовано первое еврейское гетто в Петркуве-Трибунальском, куда начали свозить евреев [4, с. 348].

Самым типичным и большим на территории оккупованой Европы было Варшавское гетто. Оно было образовано 16 ноября 1940 года. Главным мотивом образования гетто была изоляция. Личные контакты с окружающим миром для населения гетто были прекращены с самого начала. Под угрозой наказания было запрещено покидать гетто, остальным жителям города запрещалось заходить без специального разрешения. До конца 1940 года в гетто находилось уже около 440 тысяч человек (37% населения города), при этом площадь гетто составляла 4,5% площади Варшавы [13, с. 386].

Нацистская политика, которая проводилась здесь, отвечала главной концепции – “максимум евреев на минимуме територии”. В одной комнате размером до 7 м^2 проживало в середнем от 6 до 15 и больше человек. Все это производило до значительного загрязнения жилья и территории, создавало антисанитарные условия существования. Положение евреев в гетто с каждым месяцем ухудшалось все больше. Дневной рацион одного еврея составлял 200 калорий по карточному обеспечению, а общий обьем 1.000 – 1.200 калорий [13, s. 418].

Категорически запрещалось выходить с территории гетто. Сначала выход из гетто без разрешения карался тюремним заключением сроком до 9 месяцев. С ноября 1941 года стала применяться смертная казнь. 16 ноября 1941 года гетто было ограждено стеной [8, с. 511].

Образование нереально тяжелых условий существования было еще одним способом истребления еврейского населения.

III этап (1942–1945 гг.) – характеризуется значительным усилением антиеврейских методов и переходом к «окончательному решению» еврейского вопроса.

На территории Варшавского гетто начались акции вывезения населения в концлагеря. На протяжении 52 дней (с конца июля до 21 сентября 1942 года) около 300 тысяч человек было вывезено в Треблинку. За июль 1942 г. еврейская полиция обеспечила отправку 64606 людей. В августе было вывезено 135 тысяч евреев, со 2 сентября по 11 сентября – 35 886 человек. После этого в гетто осталось от 55 до 60 тысяч человек [14, s. 602].

В то же время евреи пытались не сдаваться и из последних сил оказывать сопротивление находясь в неимоверно сложных условиях существования. Именно третьей предпосылкой восстания в Варшавском гетто в 1943 году станут акции сопротивления, которые будут осуществлять еврейское подполье и население гетто. Это будет:

- распространение информации среди еврейского населения;
- акции уничтожения еврейских коллаборационистов;
- разнообразные акции неповиновения жителей гетто.

Организационной предпосылкой восстания станет образование и деятельность подпольных еврейських организаций.

В гетто действовали нелегальные организации разного направления и численности (сионисты, коммунисты и другие). Найбольшее влияние имели прокоммунистические группировки: "Серп и молот", "Рабоче-крестьянская боевая организация" и другие. В конце 1942 года оформилась Еврейская боевая организация численостью около 220-500 человек во главе с Мордехаем Анелевичем и Еврейський боевой союз численностью 250–450 людей [3]. Эти подпольные организации начали вооружение и подготовку к проведению акций сопротивления нацистской власти. Еврейская боевая организация предложила остаться в гетто и организовывать сопротивление, тогда как Еврейский боевой союз планировал покинуть гетто и продолжать действия сопротивления за его пределами. В очень сложных условиях еврейские подпольные организации договорились о сотрудничестве между собой (с началом восстания действия подпольщиков были поддержаны даже религиозными сообществами Варшавского гетто) [2]. В то же время ситуация усугубилась сложными отношениями с польским вооруженным сопротивлением, а именно Армией Крайовой и Армией Людовой. А также «национальной политикой» нацистских властей на польских территориях [12, с. 324–328].

Реализация на практике политики геноцида к еврейскому населению на польских территориях в период становления нацистского режима показала на практике каким ужасным меха-

низмом была эта система. Существенным последствием такой политики стала важнейшая проблема оккупационного режима – движение Сопротивления.

Восстание в Варшавском гетто, несмотря на практически полное уничтожение его жителей навсегда останется в исторической памяти еврейского народа, и человеческого сообщества в целом. В конце хотелось бы привести цитату с письма одного из руководителей восстания Мордехая Анелевича своему заместителю Ицхаку Цукерману, который находился за пределами гетто: «То что мы пережили, превысило все самые смелые наши надежды. Главное – свершилась справедливая цель моей жизни: я дожил до того дня, когда евреи гетто поднялись на свою защиту и начали борьбу во всем своем величии и славе» [1].

Литература

1. Алексеев В. М. Варшавского гетто больше не существует// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www. history.nfurman.com/shoa/warsh/warsh001-00.htm. – Дата доступа: 21.02.2011.
2. Божиковский Т. Среди падающих стен (Восстание в Варшавском гетто)// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.history.nfurman.com/shoa/warsh/tovia_02.htm. – Дата доступа: 23.03.2009.
3. Восстание в Варшавском гетто. Страницы истории еврейского народа. Холокост. //[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.holocaust.ioso.ru/history/index.htm. – Дата доступа: 12.09.2013.
4. Геллетлі Р. Лєнін, Сталін і доба соціальних катастроф. – Київ: Темпора, 2011. – 664 с.
5. Гитлер А. Моя борьба. – Харьков: Свитовид, 2003. – 704 с.
6. Голокост // Життя, смерть та інші неприємності: статтті та есеї / Ярослав Грицак. – Київ: Грані-Т, 2011. – С. 118–135.
7. Давлєтов О.Р. НСДАП на шляху від «народного руху» до політичної партії «нового типу»: прорив до влади (1919–1933 рр.). – Запоріжжя: Просвіта, 2007. – 460 с.
8. Зашкільняк Л. О, Крикун М. Г. Історія Польщі: Від найдавніших часів до наших днів. – Львів: Львівський університет – 2002. – 752 с.
9. Казакова, О.М. "Національна політика" нацистської Німеччини на окупованих польських територіях (вересень 1939 – червень 1941 рр.) / О.М. Казакова // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – Запоріжжя: Просвіта, 2002. – Вип. XIV. – С. 237–241.
10. Казакова, О.М. Особливості нацистської політики щодо єврейського населення на польських територіях в період становлення окупаційного режиму / О.М. Казакова // Культурологічний вісник: науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини. – Запоріжжя: Просвіта, 2011. – Вип. 27. – С. 49–55.
11. Мельников, Д.Е., Черная Л.Б. Империя смерти. Аппарат насилля в нацисткой Германии 1933–1945 / Д.Е. Мельников, Л.Б. Черная. – Москва: Политиздат, 1987.
12. Семиряга, М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М.И. Семиряга. – Москва: РОССПЭН, 2000. – 862 с.
13. Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945: W 7 t. / Studium Polski podziemnej, Ossolineum. Londyn., 1990. – T. 1: Wrzes. 1939 – czerw. 1941. – 548 s.
14. Madajczyk, Cr. Die Okupationspolitik Nazideutschlands in Polen 1939 – 1945 / Cr. Madajczyk. – Berlin: Akademie – Verlag, 1987. – 702 s.

Говорушко Н.О.

ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ПРОТЕКТОРАТЕ БОГЕМИЯ И МОРАВИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В результате Мюнхенского соглашения в 1938 г. Германия добилась аннексии части территории Чехословакии – Судетской области, а оставшееся Чешское государство было оккупировано Германией в 1939 г. В марте 1939 г. Гитлер подписал указ, согласно которому чешские земли включались в состав Германии в качестве «Протектората Богемия и Моравия». Это якобы автономное государственное образование должно было управляться «имперским протектором», наделенным фактически неограниченными полномочиями. Первым протектором Гитлер назначил барона фон Нейрата. Под контролем его аппарата существовало также правительство, был и президент, которым остался Э. Гаха. Оккупационный режим был режимом всеобъемлющей милитаризации, национального порабощения и террора. Была введена всеобщая трудовая повинность, запрещены забастовки, установлены голодные продовольственные нормы. Составной и неотъемлемой частью оккупационной политики стали насильственная германизация [4, с. 361]. Всякая политическая и культурная жизнь в Протекторате была подавлена. Чехам было запрещено говорить на родном языке, немецкий язык стал основным в государственных учреждениях. Школы, театры, печать и издательства стали достоянием немцев. Университеты и большинство средних школ были закрыты, в оставшихся школах преподавали немцы [3, с. 245].

Оккупационная политика вызывала недовольство у широких слоев населения. С самого начала оккупации начинается борьба чехов за освобождение. В ходе этой борьбы сформировались два политических центра движения Сопротивления: первый возглавляла Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ), второй (некоммунистический) представлял собой те политические силы, которые в своей деятельности опирались на взгляды второго президента Чехословакии Э. Бенеша [4, с. 365].

В первое время в Протекторате движение Сопротивления выражалось в форме шествий к памятным историческим местам, манифестаций по случаю национальных праздников, бойкоте фашистской печати, немецкого языка и т. д. [1, с. 66]. Одна из манифестаций состоялась, например, в мае 1939 г. во время перенесения останков крупнейшего чешского поэта К.Г. Махи из г. Литомержицы в Прагу. Своеобразной формой сопротивления было ношение национальной одежды и выполнение национальных обычаев [5, с. 126].

К концу 1939 г. КПЧ имела хорошо организованное подполье. Сопротивление, инициированное чехословацкими коммунистами, выражалось в массовых актах саботажа. Наиболее эффективной формой саботажа было замедление темпов работы. Практическое осуществление лозунга партии «Pracuj pomalu!» («Работай медленно!») вызвало снижение производительности труда на 20 процентов. Несмотря на строжайшее запрещение забастовок, в конце июня – начале июля 1941 г. их волна прокатилась по всей стране [2, с. 216]. Акты саботажа беспокоили руководство Германии, так как в Протекторате Богемия и Моравия находились стратегические предприятия военно-промышленного комплекса, а сама его территория представляла важный транзитный район. Коммунисты считали первоочередной задачей антифашистской борьбы освобождение страны и воссоздание самостоятельно государственности на народно-демократической основе [4, с. 366].

Большинство нелегальных организаций Протектората, кроме коммунистической, создавались не на партийной основе, а объединяли близких по духу и по стремлению к активной антифашисткой деятельности людей. Еще весной 1939 г. сформировались три организации: Политический центр (ПЦ), Защита нации (ЗН) и Петиционный комитет «Останемся верными» (ПКОВ). Все они были едины в неприятии оккупации и стремлении восстановить Чехословацкую республику. В ПЦ объединились представители основных политических партий домюнхенской Чехословацкой республики и армейских кругов. Большинство участников ЗН были демобилизованные офицеры бывшей чехословацкой армии, а также государственные служащие, ремесленники, торговцы, учителя, рабочие. Эта организация имела широкую подпольную сеть, строившуюся по военному образцу. В сентябре 1939 г. руководство ЗН готовило восстание: в состоянии боевой готовности находились 90 тыс. человек, объединенные в 200 батальонов; разрабатывались конкретные планы восстания, которые так и не осуществились. ПКОВ начал складываться еще до оккупации. Имевший опору в широких социальных слоях, ПКОВ располагал разветвленной подпольной сетью. Все упомянутые нелегальные организации поддерживали более или менее тесные связи друг с другом и занимались главным образом разведывательной и пропагандистской деятельностью [6, с. 350]. Все некоммунистические организации добивались восстановления домюнхенской республики.

Усилиями всех упомянутых организаций Сопротивления, в том числе КПЧ, 28 октября 1939 г. была организована акция протеста против политики оккупантов. В демонстрациях, манифестациях, забастовках, состоявшихся в Праге, Брно и других крупных чешских городах, участвовали представители самых широких слоев населения [6, с.350]. Более 100 тыс. человек вышли на центральные улицы и площади Праги. При разгоне демонстрантов один человек был убит, 15 – ранены и несколько сотен – арестованы. 15 ноября во время похорон скончавшегося от ран студента-медика Яна Оплетала в Праге произошли стычки с полицией. В ответ на это 17 ноября в Праге и Брно было схвачено более тысячи студентов и преподавателей, девять из них расстреляны без суда и следствия, а остальные отправлены в концентрационный лагерь [4, с. 368].

Весной 1940 г. было создано Центральное руководство внутреннего Сопротивления (ЦРВС), своего рода координатор деятельности ослабленных репрессиями ПЦ, ЗН и ПКОВ [6, с. 354].

В обстановке подъема освободительной борьбы в сентябре 1941 г. по инициативе ЦК КПЧ был создан Центральный национально-революционный комитет Чехословакии (ЦНРК). В него вошли представители социал-демократической партии, профсоюзных и других оппозиционных организаций. В своем воззвании ЦНРК призывал образовать единые местные органы руководства движением Сопротивления – национально-революционные комитеты, приступить к формированию вооруженных отрядов революционной гвардии. КПЧ развернула широкую антифашистскую пропаганду. Выходила подпольная газета «Rudé právo» – центральный орган компартии; издавалась нелегальная литература [2, с. 215]. Наряду с «Rudé právo» партия стала издавать «Dělnické listy» («Рабочую газету»), «Ženské noviny» «Женскую газету»), журнал «Svět proti Hitlerovi» («Мир против Гитлера»), освещавших борьбу народов мира против фашизма, а также сатирические журналы и листовки, в которых высмеивались оккупанты и их приспешники [5, с. 187].

Немецкие власти, встревоженные развитием событий в Чешских землях, активизировали свои действия в борьбе с антифашистским подпольем. Исполняющим обязанности главы протектората был назначен Р. Гейдрих, зарекомендовавший себя при подавлении движения Сопротивления во Франции, Норвегии и Голландии. Прибыв в Прагу 27 сентября, он объявил чрезвычайное положение с введением осадного положения в Праге, Брно и других крупных городах. Усилились репрессии, тысячи человек были отправлены в тюрьмы и концентрационные лагеря. Основные удары нацистов направлялись против евреев, коммунистов и интеллигенции, представлявших, по мнению Р. Гейдриха, особую опасность. Была уничтожена нелегальная сеть ЦРВС, казнены руководители. Однако полностью развернуть свое наступление ему не удалось: 4 июня Р. Гейдрих умер от ран, полученных во время покушения на него 27 мая 1942 г. Оно было спланировано с согласия Э. Бенеша в Лондоне и проведено прибывшей оттуда группой парашютистов, погибших после проведения этой акции. Покушение, как этого и хотел Э. Бенеш, укрепило репутацию эмигрантского правительства в качестве борца за восстановление Чехословакии. Но массовые репрессии, аресты, казни, трагедия двух чешских деревень (Лидице и Лежаки), стертых гитлеровцами с лица земли – весь этот террор, развязанный после смерти Р. Гейдриха его преемником К. Далюге, имел катастрофические последствия для движения Сопротивления в чешских землях. Снова было объявлено чрезвычайное положение, опять заработали суды, были взяты тысячи заложников, сотни из них казнены [6, с. 355].

Идея образования единого национального органа чешского Сопротивления привела к созданию Чешского национального совета (ЧНС), собравшегося в первый раз в феврале 1945 г. под председательством университетского профессора А. Пражака. Однако деятельность Совета развертывалась «со скрипом»: давали о себе знать разногласия учредителей относительно перспектив развития страны после ее освобождения от оккупации [6, с. 359].

К началу весны 1945 г. в различных районах Протектората действовало 95 партизанских отрядов и бригад общей численностью до 8 тыс. чел. [4, с. 386]. Нараставший процесс капитуляции гитлеровских войск на Западном фронте, стремительное наступление Красной Армии в Моравии, освобождение Брно и Моравской Остравы, известие о смерти Гитлера и падении Берлина – все это действовало как катализатор на развитие освободительного движения в еще оккупированной части чешских земель [6, с. 361].

1 мая 1945 г. восстало население Прешова. 2 мая забастовка рабочих Нимбурка переросла в восстание, сразу же перекинувшееся в Подебрады, Раковник и другие города. 4 мая вооруженные отряды рабочих Кладно захватили заводы, освободили заключенных. 5 мая восстание охватило Прагу [4, с. 386]. Восстание началось стихийно. По пражскому радио, захваченному повстанцами, прозвучал призыв строить баррикады: всего за время восстание их было возведено 1 600. В руки восставших перешли центральная почта, телеграф и телефонная станция, здание радио, вокзалы, многие мосты через Влтаву. ЧНС взял на себя законодательную и исполнительную власть на территории Чехии, Моравии и Силезии. Однако немцы применили против повстанцев танки, авиацию и артиллерию, и восстание перешло к обороне. В этих условиях в ЧНС снова усилились разногласия: часть его членов склонялась к переговорам о перемирии, в то время как коммунисты отвергали переговоры и настаивали на безусловной капитуляции нацистов. 8 мая переговоры закончились подписанием акта о капитуляции немецкого гарнизона. После этого партизанские и повстанческие действия слились с действиями Красной Армии. Бои продолжались до 11 мая 1945 г., когда завершился период шестилетней оккупации чешских земель [6, с. 363].

За годы немецкой оккупации в чешских землях сформировались различные центры Сопротивления, имевшие свое видение послевоенного развития страны. Однако, несмотря на разнообразие методов борьбы и различие во взглядах, они были едины в стремлении восстановить свою государственность, и деятельность всех организаций антифашистского Сопротивления внесла значительный вклад в разгром фашистских планов.

Литература

1. Всемирная история: в 10 т. / под ред. Е.М. Жукова – Москва: Мысль, 1955–1965. – Том 10. – 1965. – 760 с.
2. История Второй Мировой войны 1939–1945: в 12 т. / гл. ред. А.А. Гречко. – Москва: Воениздат, 1973–1982. – Том 4: Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны». – 1975. – 536 с.
3. История Чехии / ред. В.И. Пичета. – Москва: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. – 260 с.
4. Клеванский, А.Х. Краткая история Чехословакии / А.Х. Клеванский. – Москва: Наука, 1988. – 576 с.
5. Недорезов, А.И. Национально-освободительное движение в Чехословакии, 1938–1945 / А.И. Недорезов. – Москва: Изд-во соц.-экон. лит., 1961. – 370 с.
6. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн. / отв. ред. В.В. Марьина. – Москва: Наука, 2005. – Кн. 1. – 2005. – 453 с.

РАЗДЕЛ 5
СОВЕТСКИЙ ТЫЛ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТРАНЫ

Соколова Е.А.

ЕДИНСТВО ФРОНТА И ТЫЛА КОВАЛО ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ

22 июня 1941 г. мирный труд советских людей был прерван вторжением гитлеровских войск. На советскую землю обрушилась огромная фашистская машина, вооруженная по последнему слову техники – новейшими самолетами, танками, артиллерией и минометами. Вражеская авиация подвергла варварской бомбардировке приграничные города, железнодорожные узлы, станции, мосты, заводы, административные здания. Началась самая кровопролитная из всех войн, которые приходилось когда-либо переживать нашему Отечеству. Все народы СССР поднялись на самоотверженную борьбу с врагом.

28 июня 1941 г. гитлеровцы ворвались в Минск. Быстрая оккупация западной и центральной частей республики и ее столицы создала непосредственную угрозу наиболее развитым в экономическом отношении восточным областям Белоруссии – Могилевской, Витебской, Гомельской, Полесской. Однако на рубежах Березины, Припяти, Днепра и Западной Двины были организованы серьезные узлы сопротивления советских войск, что позволило задержать противника. Ожесточенные бои явились «началом организованных действий наших войск на западном направлении, постепенно оправлявшихся от вероломного и внезапного удара немецких полчищ» [7, с. 86].

Ведущие предприятия восточных областей с первых дней войны активно переходили на выпуск оборонной продукции. Предприятия местной промышленности - артель «Красный металлист» (Бобруйск), «Молот» (Мозырь), «Металлист» (Витебск) – приступили к производству ручных гранат [9, с. 75].

Продукцию для фронта начали выпускать Могилевские механические мастерские, Бобруйский деревообрабатывающий комбинат, Шкловский льнозавод, обувные и швейные предприятия республики. Легкая промышленность изготовляла воинам армейскую обувь, обмундирование, белье; пищевая – хлебные сухари, сушеные овощи, мясные консервы и т.д. Используя резервы производства, гомельские железнодорожники воссоздали 30 передвижных мастерских по ремонту армейских машин в полевых условиях. В Климовичах, Гомеле, Мозыре работали мастерские по ремонту танков и тракторов [1, с. 314]. Рабочие ремонтных «летучек» выезжали на прифронтовые дороги и нередко под обстрелом и бомбежкой вводили в строй разбитые и поломанные машины.

Архивные документы и мемуары свидетельствует о том, что рабочий класс неоккупированной части Беларуси прекрасно осознал необходимость жить и работать по-военному, подчинив все свои помыслы одной цели – быстрейшему разгрому фашистских захватчиков. В конкретных делах и, прежде всего, в сознательном отношении к труду, в железной дисциплине, четком выполнении всех задач, которые выдвигало военное время, проявлялся подлинный патриотизм белорусского народа, его искренняя любовь к своему Отечеству. Так, например, уже в первый день войны – 22 июня – на витебском станкозаводе им. Коминтерна более чем в 2,5 раза перевыполнили свои сменные задания токари Уткин, Допунов, фрезеровщики Чернов, строгальщик Зуев и др. [6]. На щетинно-щеточном комбинате им. Куйбышева первым отличился в этот день рабочий Кутькин, давший 167% нормы. В конце смены стало известно о трудовых успехах многих товарищей – Максимушкина (150%), Бампайской (161%), Гришаева (144%), Рыбаковой (136%), Беляевой (121%) и др. [6].

Справился со сложными техническими и организационными проблемами коллектив завода «Гомсельмаш», выпускавший шины. Основной продукцией Новобелицкого лесокомбината и спичечной фабрики «Везувий» стали противотанковые мины, Гомельской кроватной фабрики и электростанции – противопехотные. На заводах «Двигатель революции», «Гомсельмаш»

и на базе Гомельской МТС был налажен ремонт танков. Коллектив Новобелицкого лесокомбината сделал 40 макетов самолетов для создания ложных аэродромов в полосе фронта [1, с. 314].

Коллектив витебской трикотажной фабрики им. Клары Цеткин на митинге 22 июня 1941 года единодушно выразил желание удлинить рабочую смену на час. Трикотажный цех фабрики выпустил в этот день сверх плана около 1000 метров полотна. Высокие образцы труда показали многие работницы фабрики – трикотажницы Плющик, Преснякова, Подивкина и др. Производственное задание на фабрике было перевыполнено в этот день на 19,5% [8].

По-боевому организовал свою работу коллектив гомельского станкозавода им. Кирова, наладившего производство минометов. Рабочие оборудовали светомаскировку во всех цехах, привели в порядок укрытия, выкопали траншеи. В каждом цехе, на каждом участке люди знали свое место на случай воздушных налетов. Работа шла день и ночь, в две смены. Трудились за себя и за тех, кто ушел на фронт. Гомельские станкостроители дали слово, что выполнят месячный план к 25 июня, и сдержали его [3, с. 12].

Фронту в начале войны не хватало ручных и противотанковых гранат. И тогда на выручку пришла народная смекалка: заменить их бутылками с горючей смесью. Это несложное, но исключительно эффективное оружие успешно использовали воины 153-й стрелковой дивизии и ополченцы при отражении танковых атак. В Витебске в короткий срок было изготовлено 20 тыс. таких бутылок; в Гомеле – свыше 10 тыс. бутылок, а могилевчане доставили в части 172-й стрелковой дивизии более 20 тыс. единиц этого оружия [9, с. 66].

Гомельский металлокомбинат, мозырская фабрика «Молот», витебская артель «Металлист», бобруйская промысловая артель «Красный металлист» в считанные дни освоили производство корпусов ручных гранат. Витебский игольный завод сумел быстро переключиться на выпуск кабеля и переносных телефонных станций для воинских частей.

Выполнение мобилизационного плана отличало и работу предприятий легкой промышленности. На второй день войны перешла на круглосуточный график витебская швейная фабрика «Знамя индустриализация». В течение нескольких дней, вплоть до начала эвакуации, коллектив предприятия ежедневно увеличивал выпуск продукции для фронта [9, с. 67].

Уход квалифицированных кадров на фронт ставил под угрозу срыва работу многих участков промышленного производства. Нужно было проявить немало творческой инициативы, чтобы в создавшихся условиях обеспечить выполнение заданий. Мастера бобруйской швейной фабрики им. Дзержинского совместили обязанности инструкторов, и перешли на самостоятельное руководство лентами. Освободившиеся люди сразу же были использованы на других участках.

Экстремальные условия работы на многих предприятиях подсказали рабочим выход: добровольно переходить на обслуживания тек станков, хозяева которых ушли на фронт, расширять зону обслуживания. Например, кадровый рабочий Витебского игольного завода Наумов уже 25 июня стал работать на пяти катальных машинах, заменяя своим трудом трех мобилизованных на фронт [2]; многостаночница витебской трикотажной фабрики им. Клары Цеткин Игнатова на второй день войны начала работать одновременно на восьми трикотажных машинах; члены бригады М. Мурашкина на стеклозаводе «Новка», совмещая профессии, увеличили выработку лампового стекла в 2,5 раза и т.д. [2].

Прифронтовая и фронтовая обстановка, в которой оказались восточные области республики, предъявляла к людям особые требования. Работать приходилось во время частых воздушных налетов, артиллерийских обстрелов, грозивших смертельной опасностью. И, тем не менее, в этих условиях рабочие проявили высокое чувство ответственности и гражданской сознательности.

Производили военную продукцию и мастерские ремесленных училищ, школы ФЗО, спешно переключившиеся на изготовление продукции для нужд армии [9, с. 67].

Война внесла большие изменения и в работу железнодорожного транспорта. В чрезвычайно трудной обстановке первых дней войны железнодорожники Белоруссии повсеместно показали необычную твердость духа, безграничную верность своему патриотическому долгу. Пример личного мужества и командирской распорядительности проявили руководители хозяйственных подразделений Минского узла. Уже в первые дни воины фашистская авиация обрушила мощный удар по железнодорожному столичному узлу, повредив многие технические устройства. Еще не рассеялся дым, не остыл исковерканный взрывом металл, а на станции уже шел ремонт поврежденных устройств. Начальник паровозного депо Ф.С. Кузнецов, начальник

дистанции пути В.А. Ходасевич и другие командиры образовали штаб восстановления. Они сумели организовать людей и личным примером увлекали на самоотверженную работу других. В депо Орша, например, за трое суток подготовили более 150 паровозов из резервного парка и обеспечили их бесперебойную подачу под воинские эшелоны. На всех отделениях создавались передвижные военно-эксплуатационные составы, головные ремонтные поезда и восстановительные отряды, постоянные и временные военно-санитарные поезда, поезда по ремонту водоснабжения и т.п. [4, с. 53].

Перестраивалось и сельское хозяйство восточных областей. Перед тружениками сельского хозяйства встали не менее сложные задачи. Надо было убрать урожай, эвакуировать из районов, которым угрожал враг, технику, скот, зерно и другие материальные ценности, подготовиться к эвакуации. Эти процессы развернулись в условиях мобилизации и ухода в действующую армию многих колхозников, рабочих совхозов, механизаторов. Немало трудоспособного населения, колхозной техники и транспорта отвлекалось от сельскохозяйственного производства для строительства оборонительных сооружений, прокладки и ремонта дорог. Основной рабочей силой на селе с первых дней войны стали женщины, старики, подростки. Патриотизмом и чувством высокого гражданского долга отмечено письмо колхозниц сельхозартели «Серп и молот» Лиозненского района Витебской области к своим мужьям и сыновьям, находившимся в Красной Армии: «Бейтесь, родные, бесстрашно за земле нашу, побеждайте врага ..., – писали колхозницы. – А мы, жены и матери ваши, будем день и ночь без устали работать на полях, чтобы вдоволь было хлеба и всего необходимого для страны нашей, для славной Красной Армии» [5, с. 59].

Колхозники, рабочие совхозов обеспечивали высокие темпы уборки урожая. В 12 районах Гомельской и Полесской областей уже к 13 августа 1941 г. полностью убрали озимые посевы. Колхозы и совхозы прямо с токов сдавали зерно Красной Армии. Нередко хлеб вывозился под вражеским огнем. Активно помогало в это тяжелое время колхозному крестьянству население городов: студенты, школьники, не ушедшие на фронт рабочие. Коллективы предприятий Гомельской и Полесской областей до эвакуации на Восток выезжали в подшефные хозяйства, где напряженно трудились на уборке урожая. 3 августа рабочие Гомельского отделения Белорусской железной дороги во главе с мастером коммунистом Матузовым, скосили 6 га сена, 4 га ржи, убрали 0,5 га льна. Посильную помощь труженикам полей оказывали также коллективы гомельского завода «Двигатель революции», обувной фабрики «Труд», мозырского лесозавода «Пролетарий», наровлянской конфетной фабрики и др. [5, с. 59].

В период ожесточенных оборонительных боев на территории БССР трудящиеся республики оказывали частям и соединениям Красной Армии помощь в строительстве оборонительных сооружений, противотанковых рвов, опираясь на которые советские войска могли оказывать сопротивление фашистским войскам и задерживать их продвижение на Восток.

Литература

1. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: энцыклапедыя / редкал.: І.П. Шамякін [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1990. – 679 с.
2. Брайнін, З. У віцебскіх рабочых / З. Брайнін // Звязда. – 1941. – 1 ліп. – С. 1.
3. В грозные годы: воспоминания участников борьбы против нем.-фашист. оккупантов на территории Гомельской и Полесской обл. / Гомельский областной комитет КП Белоруссии; Гомельский областной Совет ветеранов войны; Ин-т истории АН БССР; сост.: А.И. Залесский [и др.]. – Минск: Беларусь, 1973. – 398 с.
4. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ; Фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; авт. колл.: Л.В. Аржаева [и др.]. – Минск: Беларусь, 1983. – Т. 1. – 1983. – 591 с.
5. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июня 1941 – июль 1944): документы и материалы. В 3 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт Акадесии наук БССР. – Минск: Беларусь, 1967 – 1982. – Т. 1. – 1967. – 744 с.
6. Вытрымка, патрыятызм // Віцебскі рабочы. – 1941. – 25 чэрв. – С. 1.
7. Еременко, А.И. В начале войны / А.И. Еременко. – Москва: Наука, 1964. – 511 с.
8. З удзесецяронай энергіяй // Віцебскі рабочы. – 1941. – 25 чэрв. – С. 1.
9. Павлов, Я.С. В суровом сорок первом / Я.С. Павлов. – Минск: Беларусь, 1985. – 272 с.

Крюков И.В.

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ ДОБРОВОЛЬНО-СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Немаловажную роль в подготовке боевых резервов для фронта в годы войны сыграли добровольно-спортивные общества (ДСО), которые получили свое широкое развитие в 30-е гг. XX в. и носили массовый характер, в них были вовлечены все социальные и возрастные группы. Тем самым, государство преследовало цель воспитать сильных и выносливых защитников Отечества.

25 июня 1941 г. Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта при Совнаркоме СССР издал приказ «О работе физкультурных организаций по военной подготовке населения». Физкультурным организациям предлагалось «максимально усилить работу по воспитанию физически крепких людей, готовых в любое время с оружием в руках выступить на защиту Родины» [21, с. 114]. Особое внимание обращалось на подготовку из числа физкультурников различных военных специалистов.

С введением в сентябре 1941 г. ГКО всеобщего военного обучения трудящихся, значение физкультурных организаций в осуществлении военно-физической подготовки населения возросло. 23 сентября 1941 г. Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при СНК СССР издал приказ «О работе физкультурных организаций в связи с введением всеобщего военного обучения». Он определил место ДСО в системе военного обучения, обязал выделить наиболее квалифицированных тренеров и спортсменов в распоряжение органов Всевобуча для организации и проведения занятий по физподготовке населения. ДСО начало подготовку инструкторов-общественников и командного состава подразделений Всевобуча по всем видам военно-физической подготовки. На комитеты по делам физической культуры и спорта и ДСО возлагались задачи по организации военизированных игр, оказанию помощи учебным заведениям в проведении внешкольных спортивных соревнований и секционных занятий по лыжному спорту, гимнастике, а также другим видам спорта [2, с. 49].

В спортивных обществах обучение строилось на таких же принципах, как и в подразделениях Всевобуча и включало изучение различных видов техники, вооружения, стрельбы из боевого оружия, выработку умения бросать гранаты и т.д. Главное внимание в физической подготовке уделялось обучению приемам рукопашного боя с винтовкой, военно-лыжной подготовке, плаванию, преодолению полосы препятствии, что обусловлено требованиями фронта, нуждающегося в обученных боевых резервах.

Военно-физкультурная работа не прекращалась в течение всей войны, несмотря на то, что значительная часть тренерско-инструкторского состава была призвана в действующую армию. Председатель Хабаровского краевого комитета по делам физкультуры и спорта Прокудов в своем отчете председателю Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта при СНК СССР Снегову отмечал, что за период с 22 июня по 15 декабря 1941 г. Хабаровская физкультурная организация провела более 500 массовых спортивных мероприятий. Среди них были военно-тактические игры, соревнования между сборными командами по плаванию, рукопашному бою, легкой атлетике, мотогонкам. В них принимало участие более 64 тыс. чел. [7, л. 199].

В октябре 1942 г. в Благовещенске состоялись спортивные соревнования по боксу, борьбе, штыковому бою среди населения и физкультурников, в которых принимали участие и хабаровские спортсмены. Физкультурники Еврейской автономной области в 1942 г. впервые участвовали в соревнованиях между 5 областями и 7 городами Хабаровского края [7, л. 199; 8, л. 134; 15, л. 36; 19, с. 28].

В 1944 г. в Нижне-Амурской области были проведены различные спортивные мероприятия. Например, во 2-ой областной детской спартакиаде ДСО «Смена» участвовало около 42,5 тыс. чел. На Северном Сахалине была проведена, впервые с 1940 г., 8-я областная спартакиада по легкой атлетике, в которой приняли участие 65 физкультурников ДСО «Динамо», «Дом Красной Армии», «Прибой», «Буревестник». Осенью были проведены заочные военно-спортивные соревнования, в которых участвавали около 2,5 тыс. чел. [13, л. 70об, 97об.]. В Амурской области проводился розыгрыш первенства по футболу и волейболу. В 1945 г. в Хабаровском крае были проведены соревнования по баскетболу, в них приняли уча-

стие комсомольцы и трудящиеся старших возрастов. В Сахалинской области были проведены стрелковые соревнования в честь 27-й годовщины РККА и ВМФ [16, л. 67].

В ходе войны потребности фронта все больше определяли содержание учебно-спортивной работы физкультурно-спортивных организаций. В большом количестве физкультурные организации края стали готовить из допризывной молодежи для действующей армии шоферов и мотоциклистов. Добровольно-спортивные общества помогали в военной подготовке гражданского населения подразделениям Всевобуча, ОСОАВИАХИМу, Российскому обществу Красного Креста (РОКК). Они выделяли инструкторов, организовывали курсы по подготовке и переподготовке инструкторов. К декабрю 1941 г. при добровольном спортивном обществе «Спартак» занималось почти 1, 9 тыс. чел. (стрелковым спортом – 545 чел., штыковым боем – 160 чел., автомотоспортом – 123 чел.). В спортивном обществе «Локомотив» Дальневосточной железной дороги военными видами спорта было охвачено более 2 тыс. чел. Только на станции Бикин занимались в лыжной секции 40 чел., в секции рукопашного боя – 25 чел., в секции гимнастики – 32 чел. Созданное в 1943 г. спортивное общество «Смена» готовило бойцов-лыжников и стрелков [7, л. 201; 10, л. 28; 14, л. 17].

Большое значение для подготовки выносливых бойцов имели ежегодно проводившиеся в стране многокилометровые спортивные кроссы, профсоюзно-комсомольские кроссы и военизированные походы с участием воспитанников спортивных обществ. В частности, летом 1943 г. в городах и районах Хабаровского края был проведен кросс, в котором приняло участие свыше 136 тыс. чел., а в весенне-летнем комсомольско-профсоюзном кроссе в Амурской области приняли участие более 14 тыс. молодых людей [1, с. 324].

В Хабаровске проходили военизированные эстафеты, в которые входили велогонки, бег с полной боевой выкладкой в противогазе, преодоление препятствий, стрельба, гребля, плавание – всего 15 этапов [19, с. 26; 23, с. 159]. Особое внимание спортивные общества уделяли проведению лыжных соревнований, возникает новый вид спорта – мотогонки с буксировкой лыжника [17, с. 3]. В Приморском крае за 1944 г. были проведены профсоюзно-комсомольский кросс – 16 тыс. участников, летний кросс – около 20 тыс. и пешеходный переход с участием 18 тыс. В г. Артёме приняло участие 1,4 тыс. чел. [14, л. 107–108, 112; 3, л. 65; 5, л. 18].

В условиях военного времени физкультурно-спортивные общества усилили свое внимание к подготовке значкистов по физкультурным комплексам «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) для взрослого населения страны, и «Будь готов к труду и обороне» (БГТО), который действовал для школьников [2, с. 45].

В 1942 г. Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта внёс в физкультурный комплекс ГТО изменения в соответствии с задачами выработки военно-прикладных навыков. Большее внимание, согласно новым требованиям, отводилось знанию топографии, материальной части винтовки, умению бегать, переправляться вплавь в одежде, вести штыковой бой, метать гранату из положения лежа [19, с. 27]. В Приморском крае за 1941–1944 гг. сдали нормы ГТО I ст. 17 тыс. чел., БГТО – 8 тыс. чел. Только в одном Владивостоке за 1944 г. сдали нормы ГТО I ст. 2,8 тыс. чел., II ст. – 89 чел и БГТО – около 1,3 тыс. чел. [3, л. 65; 22, с. 313]. В Хабаровском крае за 1941–1943 гг. сдали нормы ГТО I ст. более 62 тыс. чел., ГТО II ст. – около 2 тыс. чел. В 1944–1945 гг. в Хабаровском крае было подготовлено почти 23 тыс. значкистов ГТО I ст., 432 – ГТО II ст., значкистов БГТО – более 21 тыс. [9, л. 48об; 20, л. 105; 22, с. 314].

Многие значкисты ГТО и физкультурники Дальнего Востока были призваны в армию или добровольно ушли на фронт. Трехкратный чемпион Дальнего Востока, Дальневосточного фронта и Хабаровского края по боксу гвардии сержант К. Коротков был удостоен звания Героя Советского Союза (погиб в 1945 г.). Героями Советского Союза стали воспитанники спортивных обществ Хабаровского края: чемпион Амурской области по легкой атлетике Г. Губкин, легкоатлет из Николаевска-на-Амуре Г. Попов, первый мастер спорта на Дальнем Востоке С. Кузнецов и др. Смертью храбрых пали в боях чемпион края по плаванию П. Олейнчук, чемпион Хабаровска по теннису А. Остроумов [19, с. 29].

Таким образом, добровольно-спортивные общества смогли не только подготовить большое количество физкультурников, но и сумели сохранить материально-техническую базу для подготовки боевых резервов. В Приморском крае к 1945 г. насчитывалось 28 спортивных площадок, 13 спортивных залов, 7 водных и 3 спортивных стадиона, 5 лыжных станций, 12 спортивных добровольных общества [3, л. 24; 22, с. 124]. В 1945 г. в Хабаровском крае имелось

18 спортивных залов, 17 стадионов, 24 футбольных поля, 214 спортивных, 2 теннисных, 31 баскетбольная и 142 волейбольных площадки, 55 гимнастических городков, 20 добровольно-спортивных обществ, в том числе 3 детских. Эти общества включали в себя 728 физкультурных коллективов [11, л. 162; 12, л. 13; 13, л. 19, 71, 97].

Стоит отметить, что в военно-физкультурной работе были и недостатки. Многие коллективы промышленных предприятий не имели базы для занятия спортом или попросту не уделяли внимания данному вопросу. Не хватало инструкторов и тренеров, тренерско-преподавательский состава не имел необходимой квалификации [14, л. 107–109; 8, л. 134]. Интересы военных структур сталкивались с интересами спортивных обществ. Так, заместитель председателя Владивостокского горисполкома просил секретаря Приморского крайисполкома оказать содействие в возвращении Тихоокеанским флотом спортзала физкультурным организациям города. Плохо обновлялся спортивный инвентарь, вследствие чего нельзя было проводить ряд спортивных занятий [5, л. 19; 6, л. 2]. Отмечались случаи, когда стадионы использовались не по назначению. Так, в некоторых районах Сахалинской области стадионы были распаханы под индивидуальные огороды [13, л. 97б, 98]. Это было обусловлено нехваткой продуктов питания – в городах использовались все пригодные площади для выращивания овощей для населения.

Деятельность ДСО в годы войны регламентировалась подготовкой боевых резервов, а также необходимостью поддержания здоровья населения страны для выполнения возросших рабочих норм и производственных нагрузок. Но, несмотря на имевшиеся недостатки, за годы войны добровольно-спортивными обществами, была проделана большая работа по подготовке и организации военно-спортивных мероприятий. Воины-спортсмены, а также граждане, прошедшие подготовку в добровольно-спортивных обществах Дальнего Востока, достойно защищали Родину на фронтах Великой Отечественной войны.

Литература

1. Амурская область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: сб. док. и материалов / сост.: Л.А. Суржина, Т.Г. Трубчик. – Благовещенск: Амурское отделение Хабаровского кн. изд-ва, 1976. – 416 с.
2. Зуев, В.Н. Нормативно-правовое регулирование отечественной сферы физической культуры и спорта / В.Н. Зуев, В.А. Логинов. – Москва: Юридич. лит-ра, 2008. – 196 с.
3. Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф. П-68. – Оп. 34. – Д. 56.
4. ГАПК. – Ф. П-68. – Оп. 34. – Д. 62.
5. ГАПК. – Ф. П-68. – Оп. 5. – Д. 168.
6. ГАПК. – Ф. 462. – Оп. 1. – Д. 2.
7. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 942.
8. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 1239.
9. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 1531.
10. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 1486.
11. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 1846.
12. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 1. – Д. 2021.
13. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 3. – Д. 190.
14. ГАХК. – Ф. П-35. – Оп. 3. – Д. 208.
15. ГАХК. – Ф. Р-815. – Оп. 2. – Д. 57.
16. Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО). – Ф. 657. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 67.
17. Гутиев, Р.Г. За спортивную честь. Физическая культура и спорт в Хабаровском крае / Р.Г. Гутиев. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1967. – 39 с.
18. Камчатская область в годы Великой Отечественной войны: сб. док. и материалов о трудовом подвиге камчатцев в 1941–1945 гг. – Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное кн. изд-во, 1975. – 336 с.
19. Лысунец, В.А. Спортивное движение в Хабаровском крае в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / В.А. Лысунец // Экономика, политика, история. – 2005. – № 1. – С. 25–30.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 88. – Д. 245б.
21. Синицын, А.М. Всенародная помощь фронту / А.М. Синицын. – Москва: Воениздат, 1985. – 319 с.
22. Ткачёва, Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. / Г.А. Ткачева. – Владивосток: ТОВМИ, 2005. – 331 с.
23. Хабаровская краевая партийная организация в период Великой Отечественной войны (1941–1945 годы): сб. док. и материалов. – Хабаровск: Кн. узд-во, 1964. – 344 с.

Гоманенко О.А., Сидоров С.Г.

СТАЛИНГРАДСКИЙ ВОДНО-ТРАНСПОРТНЫЙ УЗЕЛ В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР В 1940-е гг.[6]

В 1940-е гг. Сталинград, располагавшийся на правом берегу Волги, являлся областным центром и крупным транспортным узлом. Волга связывала город с тремя морями и большинством основных промышленных центров РСФСР, что позволяло эффективно использовать волжскую речную магистраль. В 1940 г. себестоимость лесоперевозок в плотах по Волге была в 10 раз дешевле, чем по железной дороге, а нефтеперевозок – в 3,5 раза [5, л. 4].

В железнодорожном сообщении Сталинград соприкасался со следующими направлениями: линия на Поворино – Грязи соединяла областной центр с центральной частью СССР, линия через Лихую давала выход в Донбасс и Украину, линия на Тихорецкую – Новороссийск – на Кавказ [4, л. 2, 3]. Вступившая в эксплуатацию в 1942 г. железнодорожная ветка Кизляр–Астрахань (348 км) обеспечила Сталинграду второй бесперевалочный выход на Кавказ. Эта линия соединялась в Астрахани мостовым переходом и паромом с Рязано-Уральской железной дорогой.

В 1943 г. была построена железная дорога Сталинград – Владимировка (182 км), которая соединила город с соляными промыслами и карьерами алебастра. Это направление связало Сталинград с районами Среднего и Нижнего Поволжья, Уралом и Средней Азией [5, л. 4]. Однако в это время связь через Волгу осуществлялась с помощью железнодорожной переправы, что ограничивало пропускную способность железной дороги и значительно повышало себестоимость перевозок.

Транспортные связи и общее географическое положение Сталинграда определяло его значение как крупного промышленного центра. Так, в 1932 г. валовая продукция промышленности возросла почти в 10 раз по сравнению с 1928 г. С развитием промышленности в три раза возросла численность населения города (со 151 тыс. человек в 1926 г. до 445 тыс. человек в 1939 г.). Сталинград также был на Волге основным пунктом металлургической и металлообрабатывающей промышленности, чему способствовали близость и удобство снабжения города топливом из Донбасса и Баку, а также рудой и чугуном из южно-рудного бассейна. Кроме того, дешевый водный путь использовался для транспортировки металлического лома, поступавшего со всего Поволжья.

Также Сталинград являлся оптимальным пунктом лесоперевозок между лесными массивами Волго-Камского бассейна, Европейского леса и Зауралья с одной стороны и лесодефицитными районами Кавказа, Украины – с другой. В Сталинграде происходила значительная перевалка леса с реки на железную дорогу. В 1939 г. дефицит лесоматериалов только по Донбассу и южным районам Европейской части Союза достигал 6,5 млн. м^3, а по Белорусской и Украинской (без Донбасса) ССР 2,7 млн. м^3 [5, л. 9].

Перевалочные операции в Сталинграде доказали свою экономическую эффективность. Перевозки донецкого угля в смешанном, железнодорожно-водном сообщении через Сталинград обеспечивали по отдельным промышленным центрам Волги высокую экономию (до 10 рублей на каждую тонну). Себестоимость водных перевозок калия из Соликамска в район перевалки Сталинграда была более чем в два раза дешевле железнодорожных [5, л. 11].

Таким образом, перевалочный район водного тяготения к Сталинградскому порту являлся достаточно обширным. Так, район распространения грузов, следовавших с воды на железную дорогу, включал Восточную Украину, Донбасс, Северный Кавказ и часть Закавказья. По грузам, переваливавшимся с железной дороги на реку, например по углю, район тяготения распространялся до Ленинграда. Однако водой в Ленинград уголь доставлять экономично было только предприятиям, располагавшимся у воды или островных районах, отрезанных от общей железнодорожной сети. Обширный перевалочный район тяготения и высокий уровень промышленного развития в Сталинграде определяли значительный грузооборот порта.

Сталинградская транзитная пристань (Сталинградский порт) являлась главным и самым крупным пунктом Нижневолжского речного пароходства (НВРП). По данным паспорта 1940 г.

[6] Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ); проект № 14–31–01003 «Волжский речной транспорт в 1934–1948 годы и его влияние на развитие народного хозяйства СССР».

НВРП располагалось в границах от Лагани в устье Волги до Камышина на протяжении 772 км по руслу реки, включая дельту с выходом в Каспийское море. Длина транзитной линии от Астрахани до Горького составляла 2246 км [3, л. 3]. По своим техническим условиям водные пути подразделялись на две эксплуатационные группы. К первой относилась благоустроенная, с нормированными глубинами, хорошо обставленная магистраль от Камышина до Лагани, используемая для транзитного сообщения Волго-Каспийской системы.

Вторую группу составляла разветвленная сеть рукавов и рек дельты Волги общей протяженностью более 2000 км, которая технически была плохо разработана и эксплуатировалась местным флотом, являясь единственным путем сообщения межрайонных центров с Астраханью [6, л. 3]. В транспортировке грузов и пассажиров Астраханский местный флот был исключительно важен и имел более высокие (почти на четверть) плановые и фактические показатели, чем Сталинградский [3, л. 51, 54].

НВРП в своем ведении имело 17 транзитных пристаней (в том числе пассажирский вокзал на самостоятельном балансе) и две пристани с приписным к ним местным флотом. Все пристани делились в соответствии с грузооборотом по разрядам. К пристаням первого разряда относились: Сталинград транзитная, Сталинград местного флота, Астрахань транзитная, Астрахань местного флота, Владимировка, Красноармейск.

Сталинградская транзитная пристань (порт) располагалась на правом берегу Волги в 600 км от устья реки на протяжении 5,2 км от хлебосоляного участка до Лесотаски Горлесозаводов. Ближайшими прилегавшими крупными пристанями являлись вверх по течению Саратов (419 км), вниз Красноармейск (27 км), Астрахань (497 км). Порт имел прямое водное сообщение с Горьким (1752 км), Молотовым (2655 км), Москвой (2818 км), Ленинградом (4266 км) [3, л. 3, 7, 25].

Сталинградский порт служил угольной базой для снабжения судов топливом, транзитным вокзалом для обслуживания пассажиров, а также рейдовым флотом. Основными операциями являлись погрузка и выгрузка грузов, следовавших в город и из города, перевалка грузов с железной дороги на воду и обратно. Водная площадь Сталинградского порта составляла 3120,0 тыс. м^2. Общая площадь территории порта в 3000,0 тыс. м^2, занятая производственными участками, была достаточной по размерам для постоянного грузооборота в 7000,0 тыс. т в год, а также для погрузочно-разгрузочных операций и хранения грузов [3, л. 7].

Сталинградская транзитная пристань располагала пятью производственными участками, предназначенными для грузовых операций. Участки могли принимать грузы с железной дороги на воду и обратно вне зависимости от назначения груза. Ко всем грузовым причалам подходили железнодорожные пути. Сталинградский порт обслуживали две крупные железнодорожные станции – Волжская и Соляная [3, л.7–7об.].

Сталинградский порт являлся главной транзитной пристанью НВРП в 1940-е гг. С началом Великой Отечественной войны все увеличивавшиеся воинские перевозки, транспортный поток народнохозяйственных грузов, особенно нефти, массовая эвакуация потребовали формирования и строительства переправ через Волгу. Многие участки реки у Сталинграда превратились в главные пути к железнодорожным узлам и причалам, откуда население и материальные ценности отправлялись в глубь страны. На водный транспорт передавались многие грузы с перегруженных железных дорог Сталинградского железнодорожного узла, который, являясь пунктом формирования эвакуационные потоков, не мог пропустить все подходившие с запада эвакоэшелоны.

С началом войны произошли существенные изменения в направлении и структуре грузопотоков на Волге. Уменьшились потоки угля из Донбасса, шедшего вверх из Красноармейска. Перевозки руды и калийной соли по Волге, которые далее доставлялись железнодорожным транспортом, были временно прекращены из-за запрещения передачи их на загруженные до предела железные дороги. В результате доля таких массовых грузов как хлеб, уголь, соль, минеральные строительные материалы снизилась. Значительный прирост был нефти, цемента, угля, леса в плотах, металла, хлопка [2, л. 1об, 4, 4об., 6].

После разрушения вследствие массированных бомбардировок Сталинградского железнодорожного узла, Волга стала главной транспортной магистралью на юге нашей страны в 1942 г. Отчасти использовались железнодорожные линии на левом берегу реки. Транспортный комитет ГКО переключил на водный путь большое количество грузов для южных фронтов и оборонных предприятий Нижнего Поволжья.

После падения перевозок в первый период войны в 1943 г. в работе водного транспорта произошел перелом в сторону улучшения его деятельности. Сталинградская железная дорога только восстанавливалась, поэтому основной объем перевозок лег на волжский речной флот. Перевозки НВРП в навигацию 1944 г. превысили показатели 1943 г. на 16%, составив две трети от 1941 г. [1, с. 162; 6, л. 25].

Таким образом, в 1940-е гг. Сталинград являлся крупным водно-транспортным узлом. Сталинградский порт соединялся с четырьмя железнодорожными линиями. Волга связывала областной центр с тремя морями и большинством основных промышленных центров РСФСР. В свою очередь, это обусловило эффективное транспортное использование волжской водной магистрали.

Литература

1. Гоманенко, О.А. Водная коммуникация в транспортной системе Сталинграда накануне и в период Великой Отечественной войны / О.А. Гоманенко, С.Г. Сидоров // Известия Волгоградского гос. технич. ун-та: межвузовский сб. науч. ст. / ВолГТУ. – Волгоград: Политехник, 2006. – №3 (18). – 228 с.
2. Государственный архив Астраханской области. – Фонд. 2345. – Оп. 1. – Д. 232.
3. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). ГАВО. – Фонд 557. – Оп. 19. – Д. 1.
4. ГАВО. – Фонд 557. – Оп. 19. – Д. 10.
5. ГАВО. – Фонд 557. – Оп. 19. – Д. 11.
6. Российский государственный архив экономики. – Фонд 1562. Оп. – 11. Д. – 1775.

Горшенин А.В.

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Начало Великой Отечественной войны коренным образом изменило развитие народного хозяйства всей страны. Перевод предприятий на военные рельсы, эвакуация заводов, фабрик и населения – со всем этим необходимо было справиться экономике СССР. Обслуживать многочисленные отрасли народного хозяйства необходимо было транспорту.

Тыловым областям приходилось осуществлять быстрый переход к военной экономике. Одной из таких областей стала Пензенская. Сюда на протяжении 1941–1942 гг. было эвакуировано 50 фабрик и заводов [1, с. 64]. Вместе с предприятиями прибывало и население. Здесь люди размещались преимущественно в сельской местности: на 1 января 1943 г. из 110 033 человек в деревнях и селах проживало 92 136 переселенцев (80% от эвакуированного населения). Самое большое количество эвакуированных сосредоточилось в областном центре – 11 826 человек [13, с. 51].

Появилась необходимость осуществлять бесперебойную перевозку населения и доставку грузов к оборонным заводам и предприятиям. К началу Великой Отечественной войны в г. Пензе и г. Кузнецке основным видом городского транспорта был автомобильный (автобусы и автомашины). По Пензе на нескольких маршрутах курсировало около 20 автобусов, которые перевезли за 1940 г. 1,4 млн. пассажиров [11, с. 211]. В связи с начавшейся войной, работникам автотранспортного предприятия стало физически невозможно выполнять плановые показатели. Так, вместо запланированных за 1941 г. 17 600 тыс. пасс/км по автобусным перевозкам, удалось осуществить только 7 481, 1 тыс. пасс/км [7, л. 61]. После начала войны резко ухудшилось состояние автобусного хозяйства. Пополнение парка в 1941 г. выразилось только в поступлении 2 автобусов марки ЗИС-16, в то время как 13 автобусов марки ГАЗ-3 отправились на нужды фронта [5, л. 9].

Война изменила обыденную жизнь и работу всего населения. Так, уже 1 июля 1941 г. Пензенский обком партии принял постановление о перестройке работы на военный лад. Обком обязывал провести мобилизацию мужчин, а также обеспечить поставку для РККА автомашин, тракторов и техники. Решение власти напрямую касалось автотранспортной конторы г. Пензы. В связи с необходимостью подготовить парк автомашин к поставке в РККА к 24 и 25 июня 1941 г. для рабочих ремонтной мастерской и гаража были введены сверхурочные работы по 4 часа ежедневно на 23, 24 и 25 июня. К сверхурочным работам были привлечены следующие категории работников: слесари, токари, инструментальщики, электрики, кузнецы, молотобойцы, столяры, карбюраторщики и все руководящие работники гаража и мастерских [2, л. 116].

В начале войны в Пензенской области организовали 8 ремонтных пунктов автомобилей. Один из крупнейших авторемонтных пунктов был создан на базе Пензенского областного автотранспортного управления [4, л. 6]. Уже к 1 октября 1941 г. силами работников Пензенского областного автомобильного управления было отремонтировано и передано в Красную Армию –

30 грузовых автомобилей [4, л. 7]. Работники ремонтного пункта практически за два дня ремонтировали один грузовой автомобиль для отправки на фронт. Об этом говорят следующие цифры: к 10 октября 1941 г. работники отремонтировали 7 машин, столько же автомобилей к 25 октября, а к 10 ноября 1941 г. выполнен ремонт 11 грузовиков. Всего за октябрь и начало ноября отремонтировано 25 грузовых автомобилей, которые отправились в РККА [4, л. 121].

С января 1942 г. после сдачи большей части карбюраторных автомобилей в РККА, парк грузовиков Пензенской АТК в основном состоял из газогенераторных автомашин, что затрудняло их обслуживание [8, л. 33]. Следует подчеркнуть, что применение газогенераторных автомобилей позволяло обеспечить значительную часть перевозок тыла, что в свою очередь, освобождало большое количество бензина для нужд обороны страны, разгружало железнодорожный транспорт от перевозок жидкого топлива. Основным топливом для газогенераторных автомобилей являлась древесина, разделанная на небольшие куски – чурки. Поэтому многие предприятия сталкивались с трудностями их заготовки, разделки и хранения [10, с. 41].

23 июня 1941 г., согласно постановлению обкома партии, из Пензенской автотранспортной конторы были призваны в ряды РККА по мобилизации 36 работников (из которых 32 – шоферы) [2, л. 118]. Стоит отметить, что работники предприятия уходили защищать Родину не только в ряды Красной Армии. Так, шофёр Пожарик с 3 октября 1941 г. был освобождён от работы, согласно отношению военного коменданта г. Пензы, и как польский гражданин направлен в формировавшуюся польскую армию [2, л. 190].

Работников автотранспортного предприятия не только призывали на фронт, но и мобилизовали на оборонные заводы, где катастрофически не хватало рабочих. По этой причине сократили следующих работников автоконторы: Жамкова, Смирнова, Пелолог, Николаеву, Акимову, Балашову, Филину, Фокину, Лосякову, Колесникову, Никулину и Потявину-Баровскую. С 25 августа 1941 г. их направили работать на завод им. Фрунзе в г. Пензе [2, л. 161]. Для Пензенской автоконторы это были значительные потери кадров, т.к. численность всего Пензенского областного автотранспортного управления к началу войны составляла 286 человек, из которых 199 – рабочих, 23 – инженерно-технических работников, 28 – служащих, 21 – младшего обслуживающего персонала и 15 – учеников [8, л. 60].

В связи с призывом работников на фронт и мобилизацией на оборонные заводы, предприятие столкнулось с острой нехваткой кадров. Не способствовал пополнению новых работников также скромный жилой фонд, который имело предприятие. Автотранспортная контора в 1941–1942 гг. имела в своём распоряжении жилищный фонд общей площадью 328,36 м^2 [3, л. 17].

Учитывая недостаток шофёров, с 15 октября 1941 г. была установлена работа шофёров первой смены с 8 до 20 часов, а второй смены с 20 до 8 часов ежедневно, без выходных дней впредь до отдельного распоряжения по АТК [2, л. 195]. Но не только шоферы вынуждены были значительно перерабатывать. Всем работникам приходилось трудно, поэтому не всем удавалось справляться с усталостью. В документах отмечается следующий факт: «при проверке постов АТК в ночь с 5 на 6 июля 1941 г. начальником пожарной охраны Резниковым и механиком Хреновым сторож Дмитрий Никифорович Удилин был найден спящим в дровах. Принимая во внимание тот факт, что Удилин два дежурства подряд оставлял пост и был найден спящим, чем нарушил трудовую дисциплину и совершил прогул, он был привлечён к судебной ответственности на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1940 г.» [2, л. 132].

Наряду с подобными нарушениями, другие работники, напротив, трудились усиленно, перевыполняя свою норму. К началу 1942 г. в Пензенском автоуправлении было 17 стахановцев, из них 1 шофёр, 16 ремонтных рабочих, и 25 ударников, из которых 15 шофёров и 10 ремонтных рабочих [7, л. 52].

В период войны на производство пришло много женщин и молодёжи. В Пензе более 10 тыс. женщин, занимавшихся домашним хозяйством, пришли на предприятия, овладели мужскими профессиями, заменяя ушедших на фронт мужей и братьев. К 1943 г. на предприятиях города женщины и молодёжь составляли 80% общего числа рабочих [12, с. 208]. Подобная ситуация складывалась и в автотранспортном предприятии. Ушедших на фронт мужчин-водителей сменяли женщины. В первый год войны были срочно организованы женские курсы по подготовке шоферов. 60 женщин-водителей самоотверженно трудились на грузовых и пассажирских перевозках Пензенской области [9, с. 2].

В августе началась переподготовка работников. Так, 20 августа 1941 г. кондукторов Шурупову и Вдовенкову откомандировали на курсы шоферов при автошколе «Трансэнергокадры» с сохранением средней заработной платы [2, л. 172]. А в сентябре 1941 г. набрали уже более 20 учеников. Обучающиеся курсанты гаража в Автошколе в составе 21 человека с 18 сентября 1941 г. поступили в распоряжение технорука Брусникина для практической работы на автомашинах гаража ежедневно с 8 ч. до 15 ч., после чего являлись в Автошколу для осуществления практических занятий с 17 до 20 ч. [2, л. 180]. Предприятие нуждалось не только в шоферах, но и в ремонтных рабочих. Поэтому с 1942 г. в Пензенском автохозяйстве началась подготовка новых кадров рабочих в порядке индивидуального и бригадного ученичества. При этом оплата рабочим и мастерам за обучение учеников производилась за счёт фонда зарплаты предприятий. За 1944 г. путём индивидуального конторского ученичества было подготовлено 32 новых рабочих [6, л. 30].

Трудности в работе городского автотранспорта Пензы сказались в первую очередь на резком сокращении пассажирских перевозок. В начале войны в Пензе городскими перевозками занимались 20 автобусов, к концу войны их осталось всего 7. Причём на протяжении 1944–1945 гг. в движении находились всего один–два автобуса. Поэтому число перевезённых пассажиров сократилось с 1 418,8 тыс. в 1940 г. до 425,3 тыс. человек в 1945 г. [14, с. 115].

В соответствии с Указом СНК от 18 сентября 1941 г. о всеобщем военном обучении, в Пензенской АТК был издан приказ, по которому рабочие, инженерно-технические рабочие и служащие, рождённые в 1923–1924 гг., а также лица мужского пола до 45 лет, не служившие в РККА, проходили 110-часовую программу военного обучения. Техноруку АТК Брусникину и зам. директору Бочарову было дано задание перестроить работу цехов таким образом, чтобы ход основной работы не мог влиять на военную подготовку [2, л. 190].

В конце 1943 – начале 1944 гг. в рамках оказания помощи в восстановлении освобождённых от немецких войск районов, в числе прочего из Пензенской области в Орловскую был отправлен один вагон с автобусами [6, л. 31].

Таким образом, автомобильный транспорт Пензенской области в годы войны осуществлял городские и районные перевозки пассажиров, доставлял работников на оборонные предприятия, перевозил грузы различных организаций, а также ремонтировал грузовые автомобили для отправки их на нужды Красной Армии, чем вносил свой вклад в великую победу.

Литература

1. Ванчинов, Д.П. Военные годы Поволжья / Д.П. Ванчинов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980. – 325 с.
2. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). – Фонд Р-556. – Оп. 1. – Д. 121.
3. ГАПО. – Фонд Р-556. – Оп. 1. – Д. 122.
4. ГАПО. – Фонд Р-1877. – Оп. 1. – Д. 1.
5. ГАПО. – Фонд Р-2450. – Оп. 1. – Д. 10.
6. ГАПО. – Фонд Р-2450. – Оп. 1. – Д. 15.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Фонд А-398. – Оп. 1. – Д. 212.
8. ГАРФ. – Фонд А-398. – Оп. 1. – Д. 240.
9. Наша Пенза. – 2004. – 30 января – 5 февраля.
10. Панютин, К. Газогенераторное топливо / К. Панютин // Автомобиль. – 1941. – № 9. – С. 16–19.
11. Пензенская область за 50 лет Советской власти: статист. сб. – Саратов – Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1967. – 258 с.
12. Путь в полвека: Пензенская область за 50 лет Советской власти. – Саратов – Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1967. – 367 с.
13. Федотов, В.В. Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / В.В. Федотов. – Самара: СамГТУ, 2009. – 156 с.
14. Шматов, Е.Н. Города Среднего Поволжья в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Е.Н. Шматов. – Самара: СамГАПС, 2006. – 178 с.

Шелейко Т.В.

ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Разрушению железнодорожных коммуникаций во время войны придавалось большое значение обоими противниками, поскольку это серьезно осложняло ведение как наступательных, так и оборонительных операций. Важность этих мероприятий еще накануне войны была отмечена в плане «Барбаросса»: «Русские железные дороги и пути сообщения в зависимости от их значения для операции должны перерезаться или выводиться из строя» [5]. При отступлении же вывозили в тыл не только подвижной состав и ценное оборудование, но даже рельсы. Колею

целенаправленно разрушали подрывом или специально построенными для этой цели путеразрушителями. В полную непригодность приводились также станции, станционные сооружения, оборудование, мосты – все то, что не удавалось эвакуировать и могло служить противнику в наращивании его военной мощи.

Министр путей сообщения СССР (1982–1991) Н.С. Конарев вспоминал: «За годы войны вражеская авиация совершила почти 20 тысяч налетов на крупные железнодорожные узлы, станции и другие объекты, сбросила сотни тысяч бомб. Да и под обстрелами и бомбежками железнодорожники осуществляли в больших объемах перевозки для нужд фронта и тыла. С первых же дней войны железной дороги выдержали огромную нагрузку. Они обеспечили массовые перевозки, связанные с мобилизацией и сосредоточением войск, с перестройкой на военный лад всего народного хозяйства. В сжатые сроки выполнили небывалый объем перевозок по перебазированию промышленности и эвакуации населения в восточные районы страны. Для эвакуационных перевозок требовалось около полутора миллионов вагонов. За тысячи километров с запада на восток в сложных условиях были перевезены 2593 крупных предприятия, миллионы тон материальных ценностей, зерна, продовольственных и других грузов. Железной дорогой были эвакуированы 18 миллионов человек» [1]. В первый период войны только из Гомеля ежедневно в тыл отправлялось 250–300 вагонов с грузами. Из одной только Беларуси, кроме материальных ценностей, людей, готовой продукции, сырья, полуфабрикатов, цветных металлов, ценного оборудования и прочего, было эвакуировано 109 крупных предприятий, 9 крупных торговых баз, оборудование железнодорожных узлов Минска, Орши, Витебска, Могилева, Жлобина, Гомеля и других [5].

В то же время железнодорожники должны были выполнять огромную работу по восстановлению разрушенных станций, узлов, депо, мостов и других коммуникаций для обеспечения проведения наступательных операций, возрождения и функционирования экономики освобожденных районов. Даже в начале войны, когда, казалось бы, советские войска отступали, железнодорожным бригадам приходилось заниматься восстановлением и даже строительством для нужд фронта отдельных железнодорожных участков. Уже за первые 5 месяцев войны было восстановлено 834 километра железнодорожных путей, вообще же за годы войны – свыше 115 тысяч километров и построено 10 тысяч километров новых линий [1].

В начале войны железнодорожные войска были крайне малочисленными со слабым техническим оснащением и минимальным обеспечением материальными ресурсами. В конце 1941 г. и в начале 1942 г. среднесуточный темп восстановления колебался от 2 до 5 километров за сутки при установленных руководством – Управлением военных сообщений фронта – 8 километрах в сутки. И хотя за первые пять месяцев войны было восстановлено 834 километра рельсовых путей, из-за низких темпов восстановительных работ отставание железнодорожных перевозок от передовых частей в начале войны составляло от 90 до 150 километров, что являлось крайне неудовлетворительным. Причинами этого, кроме названного выше, были первоначальное двойное подчинение железнодорожных формирований – Центральному управлению военных сообщений Наркомата обороны и Наркомату путей сообщения – и отсутствие необходимого опыта, который с самого начала приобретался ценой невероятных усилий буквально по крохам и довольно быстро распространялся между всеми частями [2].

Восстановление железных дорог заключалось, прежде всего, в восстановлении земляного полотна путем ликвидации многочисленных воронок и возобновления рельсошпальной решетки. Выполнение работ в боевых обстоятельствах обычно не позволяло осуществлять восстановление колеи даже по временным нормам, действующим в то время и согласно которым восстановленные участки должны были обеспечивать скорость движения поездов не менее, 30 км/ч со сроком службы не менее 7 лет. По максимально облегченным нормам кратковременного восстановления обеспечение скорости хотя бы в 15 км/ч со сроком службы пути, равного времени проведения фронтовой операции, уже считалось удовлетворительным. Удачное завершение боевых операций позволяло переходить к действующим нормам временного восстановления [2].

Наиболее трудоемкими в восстановлении были, конечно, мосты через водные препятствия. Восстановление переправ также осуществлялось в несколько этапов. Временные мосты нередко из-за нехватки материалов сооружали, снимая конструкции с мостов на тыловых железных дорогах, которыми мало пользовались. Среднесуточные темпы восстановления достигали 30 погонных метров [3, с. 358]. Для сокращения сроков восстановления все основные мо-

стовые конструкции были унифицированы, что давало возможность заготавливать их впрок. Благодаря ученым удалось достичь определенных результатов в области проектирования и строительства металлических мостов, а также технологии изготовления прогонных сооружений [7, с. 201–219].

Среди главных задач железнодорожников было создание условий для бесперебойной работы локомотивного парка. Нередко ремонтные работы и промывку котлов паровозов приходилось осуществлять в полевых условиях, без необходимых деталей, инструментов, станков. Работники депо изыскивали также возможности ускорения работ по восстановлению поврежденного бомбардировками подвижного состава. Практиковался оздоровительный ремонт вагонов без отцепки их от поездов [6].

С целью уменьшения трудностей, вызванных недостаточностью подвижного состава, на железных дорогах проводились организационно-технические мероприятия, направленные на сокращение времени оборота вагонов. Для перевозки важных грузов применяли маршрутизацию, как один из основных методов организации вагонопотока, что увеличивало скорость доставки грузов за счёт сокращения времени на их переработку на промежуточных станциях. Учитывая то, что многие станции были разрушены и не могли сразу обеспечить нагрузку целого маршрута, распространение получила ступенчатая маршрутизация [4, с. 20–32].

Военная ситуация требовала скорейшего и эффективного решения многих других проблем. Необходимо было максимально увеличить пропускную и провозную способность железнодорожных линий, требовали восстановления железнодорожные коммуникации, налаживание ремонта и содержания техники, экономного использования материально-технических ресурсов. К этому привлекались прежде всего выдающиеся ученые и специалисты того времени, чьи знания и богатейший опыт помогали находить выход из, казалось бы, невозможных ситуаций [1].

Благодаря таким выдающимся специалистам, как В.Н. Образцов, С.П. Сыромятников, Г.П. Передерий и другие, были уменьшены простой вагонов под накоплением, усовершенствованы планы формирования поездов, исследована эффективность параллельных весовых норм с последующей разработкой плана организации кольцевых маршрутов на дорогах Урала и Сибири. Только перенос жезловых аппаратов в помещение стрелочного поста со стороны ограничительного перегона позволял уменьшать на 4-5 минут станционный интервал скрещивания поездов. Немалый эффект давало также применение вынесенных в горловины станций постов в условиях двухпутных вставок на отдельных перегонах. Реализация предложений ученых относительно пропуска транзитных поездов по обходам, сокращения интервалов скрещивания поездов на станциях, применения сменной специализации сортировочных путей, изменение условий роспуска с горок благодаря разработке теории и обобщению передового опыта регулирования движения поездов и интенсификации работы станций способствовала увеличению пропускной способности и облегчению условий работы прежде всего тех станций и узлов, которые более всех испытывали трудности [1].

Кроме модернизации паровозов, позволявшей повысить мощность на 20 % по сравнению с серийными, снизить расход топлива на 20-30 % и обеспечить высокую экономичность в широком диапазоне поездных форсировок, в 1943 г. была предложена методика дифференцирования норм топлива на паровозах с учетом профиля пути и веса поезда, где обобщены методы рационального отопления паровозов низкосортным горючим и лучшего использования топлива вообще. Была разработана безогневая заправка паровозов, которая давала возможность приводить локомотив в работоспособное состояние путем заправки паром от станционной установки, что в отличие от обычной огневой заправки сокращало этот процесс для паровозов серии ФД на 3 часа, более мощных паровозов – на 1,5–2 часа [1].

В сложный период военных действий благодаря сочетанию фундаментальной науки и практики удалось решить чрезвычайно сложный комплекс вопросов, связанных с восстановлением железнодорожной инфраструктуры, а также выполнением растущих объемов военных перевозок. Несмотря на острый дефицит квалифицированных кадров, финансовых и материальных ресурсов, продолжение боевых действий, железнодорожники, ученые, инженеры и техники с честью выполнили свой долг перед родиной и сделали заметный вклад в разгром гитлеровских оккупантов.

Литература
1. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 // под ред. Н.С. Конарева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/konarev_n/zheleznodorozhniki_v_velikoy_otechestvennoy_voyne_19411945/read/. – Дата доступа: 02.03.2014.
2. Железнодорожные войска СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.modelzd.ru/ustroystvo-zhd/zheleznodorozhnye-vojska-sssr.html. – Дата доступа: 27. 02.2014.
3. Ковалев, И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). / И.В. Ковалев. – Москва: Наука, 1981. – 480 с.
4. Онуфриев, Т.Г. Вклад отечественных ученых в железнодорожное строительство / Т.Г. Онуфриев, Т.А. Павленко, А.Т. Чижов // Очерки развития железнодорожной науки и техники: сб. статей. – Москва: Гос. транспортное железнодорожное изд-во, 1953. – С. 20–32.
5. Первые дни Великой Отечественной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.150let.rw.by/zheleznye_dorogi/pervye_dni_ velikoj_otechestvenno/. – Дата доступа: 26.02.2014.
6. Славный юбилей путевых машинных станций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zdt-magazine.ru/publik/history/ 2006/aprel-04-06.htm. – Дата доступа: 05.03.2014.
7. Образцов, Г.Н. Социалистическое соревнование на железнодорожном транспорте в год коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны / Г.Н. Образцов // Из истории борьбы Коммунистической партии за развитие советского железнодорожного транспорта: ученые записки кафедры марксизма-ленинизма. – Ленинград: ЛИИЖТ, 1960. – С. 192–219.

Ратушняк Т.В.

ПОМОЩЬ ДЕТЯМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Приближается знаменательная дата – 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Каждая семья в каждой стране, входившей в состав Советского Союза, разгромившего фашистских захватчиков, вспоминает своих родственников, защищавших Отечество в ту тяжелую пору…

Память о прошлом – сила созидательная. Она позволяет человеку осознать себя неотъемлемой частицей своей страны, в которой он родился и живет, гордиться великими подвигами отцов и дедов, сохранять и приумножать лучшие традиции своего народа.

Исследователи Великой Отечественной войны занимаются изучением ее различных аспектов. В последние годы многие из них все большее внимание обращают на такую проблему как дети военного времени. Возраст юных бойцов и юных работников тыла, их поведенческая мотивация в эти суровые для страны годы, формы непосредственного детского участия в событиях военных лет, отношение к детям-воинам со стороны взрослых, дальнейшие судьбы юных героев и маленьких узников концлагерей, сколько детских жизней забрала война, скольких сделала сиротами, покалечив их детство, скольких заставила пережить недетские испытания – все эти важные стороны данной проблемы подвергаются в настоящее время тщательному научному анализу.

Война обрушилась на детей так же, как на взрослых: бомбами, голодом, холодом, разлуками. Но и в эти суровые годы дети были первой заботой народа. Выживут они – выживет страна, ее история, будущее. В предлагаемых тезисах на примере Краснодарского края рассматриваются мероприятия, проводимые Советским государством в годы Великой Отечественной войны в отношении детей.

24 июня 1941 г. при СНК был создан Совет по эвакуации. Он разработал план по эвакуации из прифронтовых территорий в восточные районы страны промышленных предприятий и людей. Первоочередной эвакуации подлежали детские учреждения, женщины, имеющие детей и люди преклонного возраста. 26 сентября для вывоза гражданского населения при Совете по эвакуации было образовано специальное Управление по эвакуации, а на местах, куда прибывали эшелоны эвакуируемых, создавались эвакуационные пункты, занимавшиеся устройством, расселением, медицинским обслуживанием и питанием покинувших родные места людей. К концу 1941 г. на Восток было перемещено более 10 млн. человек. Позже историки назвали эвакуацию населения в восточные районы СССР «гигантской операцией», спасшей миллионы человеческих жизней.

В первые месяцы войны Краснодарский край стал одним из регионов, куда эвакуировали население с Украины и Белоруссии. Так с 19 по 25 июля 1941 г. на Кубань прибыло 37 165 человек. Советские и партийные органы края, рядовые жители столкнулись с решением сложных проблем, связанных с жильем и трудоустройством десятков тысяч людей, обездоленных войной. К 10 сентября 1941 г. в крае по 59 районам было размещено 205 тыс. эвакуированных из разных областей, в том числе 6 627 детей из детских домов [4, л. 4, 35, 40].

8 августа 1941 г. исполком Сочинского городского Совета депутатов трудящихся принял решение о размещении в детской клинике имени Сталина прибывших в порядке эвакуации 250 детей из г. Одессы [1, л. 49].

С целью решения вопроса о создании условий для прибывших на Кубань детей бюро крайкома ВКП(б) приняло специальное постановление. В соответствии с ним к 15 сентября 1941 г. крайисполком обязан был выделить помещения для детских домов и решить вопрос об обеспечении эвакуированных детей предметами первой необходимости – хлебом, одеждой, обувью.

По состоянию на 1 октября 1941 г. в Краснодарском крае было принято и размещено свыше 218 тыс. человек из Белоруссии, Украины, Молдавии и Крыма. На 1 января 1942 г. в крае из них осталось 51 353 человека, остальные выехали в глубокий тыл. Из этих пятидесяти с лишним тысяч почти половина были дети: 10 373 – школьного возраста и 11 207 – дошкольного. Кроме того, в крае разместилось 24 эвакуированных детских дома (3 155 человек) и 12 домов малютки (953 человека) [5, л. 69–76].

В наиболее тяжелом положении в огромном потоке людей, сорванных с родных мест войной и осевших на Кубани, находились детские дома. Они нуждались буквально во всем: питании, жилье, одежде, медицинском обслуживании. В работу по улучшению положения детских домов включился комсомол. 6 января 1942 г. крайком ВЛКСМ принял решение, обязывающее комитеты комсомола районов, где были размещены эвакуированные детские учреждения, оказать им практическую помощь. Управление по эвакуации Краснодарского края потребовало немедленного вмешательства в ситуацию с детскими домами краевого отдела народного образования. Этот вопрос был взят под контроль крайкомом ВКП(б). Совместными усилиями краевых организаций Кубань помогла выжить эвакуированным детским домам в суровую зиму 1942 г.

В апреле 1942 г. в Краснодарском крае было размещено 10 тыс. детей из Ленинграда. Их вывезли по «дороге жизни» через Ладожское озеро. В числе эвакуированных из Ленинграда детей на Кубань прибыл детский дом испанской молодежи. Он разместился в селе Мостовском. К организации быта детдомовцев и устранению недостатков в их обеспечении подключились крайком партии и крайоно. В июне 1942 г. детский дом был проверен инспектором Наркомата просвещения РСФСР. Питание детей было признано хорошим, средняя поправка каждого воспитанника за два месяца составила 9 кг [6, л. 29–30].

Летом 1942 г. многие кубанцы вынуждены были покинуть край (с августа 1942 по февраль 1943 г. Краснодарский край был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками). Их принимали жители республик Северного Кавказа и Закавказья, Урала и Сибири. 31 июля Крайисполком принял постановление о немедленной эвакуации из края детских домов. Эвакуация проводилась в условиях, когда на Кубани уже шли боевые действия, и поэтому сопровождалась большим риском. Из 106 детских домов (15 736 детей), находящихся на кубанской земле, по данным крайоно на 1 октября 1942 г. было эвакуировано 46 детских домов (5 777 детей).

Детей нужно было спасать. Спасать будущее страны. Немецкие захватчики открыто ставили цель уничтожения русского народа (план «ОСТ»). Из этого следует, что они не собирались заботиться о его детях. Страшная трагедия произошла в г. Ейске. 9 октября 1942 г. по приказу врача гестапо Штрауха детей из детского дома погрузили в две крытые машины и повезли за город. Палачи увезли 214 человек: 112 мальчиков и 102 девочки [7, л. 18–19]. Через два дня по городу пошел слух, что детей живыми зарыли в противотанковом рву в полутора километрах от города. После освобождения города Красной Армией детей откопали. Многие из них лежали обнявшись. С ними были фотокарточки, расшитые носовые платочки, любимые куклы. Врачи не обнаружили ни огнестрельных ран, ни ран, нанесенных холодным оружием. Они констатировали, что дети были удушены газом. Детей умертвили с помощью «душегубок». Впервые фашисты применили свое страшное изобретение в августе 1942 г. в Краснодаре. Крытый 6–7-тонный грузовик с дизельным двигателем был обит внутри железом и снабжен герметически закрывающейся дверью. На полу имелась решетка, через которую по специальной трубе в кузов поступали отработанные газы, содержащие окись углерода высокой концентрации. Закрытые в машине люди задыхались. Таким образом в Краснодаре было умерщвлено более 7 тыс. человек [2, с. 599].

Статистические данные потерь детей в СССР в годы Великой Отечественной войны отсутствуют, как в целом для всей страны, так и в отношении ее отдельных регионов. Однако не-

которые сведения по данному вопросу можно получить из отчетов областных и республиканских комиссий по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, созданных в марте 1943 г. (к началу 1944 г. действовало 19 областных и республиканских комиссий). Например, в отношении потерь детей на Кубани в материалах комиссии имеется следующая информация: в Краснодаре во время оккупации фашистами было замучено, расстреляно, сожжено 2 178 детей [3, с. 105]; из края угнано в Германию 38 тыс. детей в возрасте до 16 лет [3, с. 208].

Забота о детях не прекратилась и после изгнания фашистов с кубанской земли. По решению крайисполкома от 6 февраля 1943 г. в 25 освобожденных районах было организовано 28 новых детских домов. В городах края открывались бесплатные детские столовые для нуждающихся и слабых детей в возрасте от 3 до 13 лет с двухразовым питанием (в Краснодаре на 1000 человек, Армавире и Сочи – на 400, в Майкопе – 200) [3, с. 303]. 28 июня 1943 г. по итогам проверки состояния и работы детских домов крайком ВКП(б) принял постановление, которое персонально обязывало секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов районов немедленно исправить положение в детских домах, обеспечить воспитанников продуктами питания, одеждой, обувью, кроватями, постельными принадлежностями. Была также поддержана инициатива крайкома ВЛКСМ о проведении двухнедельника по оказанию помощи детским домам края с привлечением к этому делу общественности. Однако моментально решить проблемы детских домов было нельзя. Во многих из них на протяжении всего 1943 г. положение оставалось тяжелым. В этих условиях контроль за ситуацией в детских домах был мерой своевременной и необходимой. Постановления крайкома ВКП(б) нацеливали все организации на постоянную, а не на разовую, помощь детским домам, укрепление их материальной базы и кадров.

Одной из самых острых проблем на Кубани в после оккупационный период была ликвидация беспризорности и безнадзорности детей. В 1943 г. в крае насчитывалось до 5 тыс. беспризорников [3, с. 375]. 21 августа 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Оно предусматривало организацию в Краснодарском крае 15 специальных детских домов для детей-сирот на 1500 человек, 3 детских приемников-распределителей на 200 человек, 2 дома ребенка на 100 мест, новых ремесленных училищ и суворовского военного училища на 500 человек [3, с. 664]. В конце 1943 г. на Кубани было восстановлено и работало 54 детдома, в которых находилось 6 138 детей, открыто 12 специальных детских домов на 1 200 детей и Краснодарское суворовское училище (1 декабря 1943 г., располагалось в Майкопе) [3, с. 703].

После освобождения СССР от немецко-фашистских захватчиков в качестве первоочередных задач государство поставило накормить детей, восстановить их здоровье, создать для них такие жизненные условия, чтобы они навсегда забыли об ужасах войны.

Литература

1. Архивный отдел администрации г. Сочи. – ФОНД Р-137. – Оп. 1. – Д. 244.
2. Екатеринодар – Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях...: материалы к летописи. – Краснодар: Кн. изд-во, 1993. – 798 с.
3. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Рассекреченные документы. Хроника событий. 1943 год. – Краснодар: Сов. Кубань, 2003. – Кн. 2. – Ч. 1. – 896 с.
4. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. – Фонд 1774-А. – Оп. 2. – Д. 271.
5. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. – Фонд 1774-А. – Оп. 2. – Д. 373.
6. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. – Фонд 1774-А. – Оп. 2. – Д. 316.
7. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. – Фонд 1774-А. – Оп. 2. – Д. 311.

Артамонова Н.Я.

ВУЗОВСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ХАКАСИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для советского народа. Она нанесла огромный ущерб экономике страны, науке, образованию, культуре в целом. В соответствием с Директивами СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. все народное хозяйство и экономика страны были перестроены на военный лад. В начале войны из угрожаемой зоны началось крупномасштабное перемещение населения, промышленных предприятий, культур-

ных и научных ценностей, учреждений народного образования в безопасные районы страны. Крепкой тыловой базой на Востоке страны, недосягаемой для врага, являлась Сибирь.

В первые месяцы войны на Восток страны было эвакуировано 139 высших учебных заведений с их профессорско-преподавательскими кадрами [9, с. 257]. В Сибири разместились 17 московских, ленинградских и украинских вузов, ряд средних специальных учебных заведений [5, с. 148].

В связи с эвакуационными процессами была осуществлена перестройка работы всех вузов Сибири. Часть зданий учебных заведений была отдана эвакуированным учреждениям, предприятиям, госпиталям. Это привело к ухудшению материально-бытового положения всех высших учебных заведений региона. Не был исключением и созданный накануне войны Абаканский учительский институт в Хакасии.

По решению исполкома Хакасского областного совета депутатов трудящихся (июль 1941 г.) здание учительского института было отдано под госпиталь «первой очереди» на 160 мест, поэтому студенты занимались в здании областного Дома культуры в крайне стесненных условиях [2, ф. 39, оп. 1, д. 27, л. 2, 54]. Институту пришлось перестроить свою учебную работу в соответствии с требованиями военного времени, то есть пересмотреть учебные планы, внести коррективы в жизнедеятельность преподавателей и студентов. Больше внимания стало уделяться военной подготовке студентов. С мобилизацией части преподавателей в Красную армию увеличилась учебная нагрузка на оставшийся коллектив, некоторые дисциплины не преподавались, либо читались на слабом методическом уровне. В 1943–1944 уч. г., например, не хватало преподавателей истории СССР, методики преподавания истории, математики, школьной гигиены и др.

В конце 1941 г. высшие учебные заведения Восточной Сибири оказались в такой обстановке, в которой, казалось бы, невозможно и думать о более или менее качественной работе. Но учебный процесс не прервался. Профессорско-преподавательский состав вузов увеличился за счет эвакуированных преподавателей. Коллективы Иркутского университета, медицинского института, Красноярского и Бурятского пединститутов пополнились высококвалифицированными научно-педагогическими кадрами [6, с. 109–111].

Педсостав Абаканского учительского института расширился и качественно улучшился. Наркомпрос РСФСР командировал в г. Абакан эвакуированных из высших учебных заведений и научных учреждений западных областей страны квалифицированных сотрудников: доктора исторических наук, профессора С.А. Токарева, кандидата физико-математических наук, доцента Б.В. Кутузова, кандидата филологических наук, доцента Л.С. Шептаева, кандидата филологических наук А.Я. Рожанского, кандидата исторических наук М.А. Розума [10, с. 23]. На 1 января 1942 г. в институте работали 18 педагогов, в том числе 5 доцентов и 1 профессор.

Научная деятельность Сергея Александровича Токарева к тому времени уже была широко известна в стране и за ее пределами. Прибыв с семьей в Абакан, С.А. Токарев 1 октября 1941 г. был принят на работу и сразу же окунулся в учебный процесс провинциального учительского института. Он читал курс древней истории, вел методику преподавания истории, курировал педагогическую практику студентов исторического факультета, руководил научным студенческим кружком. На него было также возложено исполнение обязанностей заведующего кафедрой истории. Тем не менее, с учетом военной обстановки условия работы Сергей Александрович считал удовлетворительными. Профессор обратил внимание на крайне низкий уровень подготовки студентов, неумение работать самостоятельно. Одной из основных причин неуспеваемости значительной части студентов, по его мнению, являлось отсутствие, либо слабая обеспеченность учебниками и учебными пособиями по истории древнего мира, методике преподавания истории, наглядными пособиями. Профессор отмечал «крайнюю вялость» самостоятельной работы студентов. Записи лекций студентов, отмечал он, «весьма малоудовлетворительны», «в смысле грамотности и в правильности передачи мысли лектора» [2, ф. 528, оп. 1, д. 21, л. 56об.]. Некоторые книги для кабинета истории С.А. Токарев передал из личной библиотеки [4, с. 161]. Преподаватели кафедры посещали лекции, практические занятия известного ученого, учились методике вузовского преподавания. При большой учебной нагрузке, Сергей Александрович, тем не менее, много и напряженно трудился помимо стен института. Он придавал огромное значение патриотическому воспитанию студентов, которым, по мнению ученого, должны заниматься преподаватели единственного в области вуза. Он был озабочен слабой политико-массовой работой преподавателей в городе.

С.А. Токарев, как, впрочем, и другие преподаватели, активно сотрудничал с Хакасским областным музеем. Поэтому краеведческий музей того периода – это средоточие научных сил Хакасии, которые состояли главным образом из эвакуированных специалистов. Они же составляли костяк Совета музея и возглавляли его секции. С.А. Токарев руководил историко-археологической секцией. В Абакане он начал изучение истории хакасов по документам архивов Хакасской автономной области. С организацией института этнографии Академии наук СССР С.А. Токарев был утвержден заведующим сектором Австралии, Океании и Америки и одновременно профессором кафедры этнографии исторического факультета Московского университета, и в 1943 г. он выехал из Абакана [4, с. 161].

Сбором хакасского фольклора занимался доцент Л.С. Шептаев. Он закончил работу «Хакасская песня в дни Отечественной войны». Эта работа получила хороший отзыв на конференции фольклористов в Иркутске, о чем известила газета «Советская Хакасия» [8].

Б.В. Кутузов по окончании Московского государственного университета в течение 16 лет до эвакуации работал в московских вузах и имел опыт преподавательской работы. В Абакане Борис Вениаминович помимо работы над докторской диссертацией, трудился над созданием учебника для учителей средних школ, который был опубликован в 1950 г. под названием «Геометрия Лобачевского и элементы оснований геометрии». Значительно облегчили работу над книгой материалы, предоставленные ему бывшей студенткой Н.Е. Горбатенко, которая слушала курс его лекций в Абаканском учительском институте в 1942–1943 гг. [7, предисловие].

В 1943 г. в коллективы кафедр истории, русского языка и литературы, математики и физики влились Д.Е Хайтун, Ю.А. Шибаева, Ф.М. Усвяцева и др. Физическое воспитание студентов осуществлял ЕА. Куткевич, выпускник института физкультуры им. П.Ф. Лесгафта.

В 1943 г. в Абаканском учительском институте было открыто отделение хакасского языка и литературы. На основании постановления Совнаркома РСФСР от 10 февраля 1944 г. на базе учительского был создан педагогический институт. В обоих институтах работали одни и те же преподаватели.

Одной из главных проблем институтов было сохранение и пополнение контингента студентов. Для вербовки абитуриентов преподаватели направлялись в районы Хакасской автономной области. Так, в 1944 г. преподаватель Ф.Г. Исхаков был командирован в Таштыпский и Аскизский районы, Л.С. Шептаев – в Минусинский, Ермаковский и Алтайский районы, А.Я. Левицкий – в Саралинский, Боградский, Ширинский районы. В газете «Советская Хакасия» накануне приемной кампании постоянно публиковались объявления о приеме студентов и правила приема в институт.

Таким образом, преодолев трудности критической ситуации начала войны, институты успешно решали проблему подготовки педагогических кадров. В период Великой Отечественной войны они сумели не только выжить, но и осуществлять свою профессиональную деятельность, готовить учителей для школ. Специфика развития высшего образования в Сибири в военные годы заключалась в том, что количество интеллигенции и студенческой молодежи не только не уменьшилось, но и увеличилось за счет открытия новых вузов.

За годы войны профессиональный уровень преподавателей учительского и педагогического институтов Хакасии значительно вырос во многом благодаря эвакуированным специалистам. Эвакуированные специалисты показали образцы вузовского преподавания, повлияли на формирование исследовательских интересов местной интеллигенции, пробудили в ней интерес и вкус к науке. В то же время с реэвакуацией многих работников были нарушены связи с научно-исследовательскими учреждениями страны и только после войны научные отношения возобновились. Кроме того, вместе с отбывшими специалистами в центральные районы страны уехали и многие сибиряки. Это привело к сокращению интеллигенции в сибирском регионе, снижению ее профессионального уровня. Если дефицит учителей можно было устранить путем подготовки их через различного рода педагогические курсы, подготовка профессорско-преподавательского персонала, научных кадров требовала длительного времени.

Литература

1. Артамонова, Н.Я. К вопросу становления исторического факультета Абаканского государственного педагогического института / Н.Я. Артамонова // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Серия 3. История. Право. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова. – Вып.3. – С. 64–67.
2. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «НА»).

3. Данькин, Е.Н. У истоков вузовской исторической науки в Хакасии (1939–1949 годы) / Е.Н. Данькин // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2009. – №38 (176). – История. – Вып. 37. – С. 159–165.
4. Данькин, Е.Н. История развития исторической науки в Хакасии. / Е.Н. Данькин. – Абакан: Бригантина, 2011. – 182 с.
5. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 томах. – Ленинград: Наука, 1969. – Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. – 472 с.
6. Казарин, В.Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х – середина 60-х гг. XX в.) / В.Н. Казарин. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1998. –308 с.
7. Кутузов, Б.В. Геометрия Лобачевского и элементы оснований геометрии: пособие для учителей сред. шк. / Б.В. Кутузов. – Москва: Гос. учеб.-педагогич. изд-во Министерства просвещения, 1950. – 130 с.
8. Советская Хакасия. – 1943. – 9 октября.
9. Украинцев, В.В. КПСС организатор революционного преобразования высшей школы / В.В. Украинцев. – Москва: Высшая шк., 1963. – 436 с.
10. Ултургашев, С.П. Был всегда нацелен на будущее. К 50-летию Абаканского государственного педагогического института им. Н.Ф. Катанова / С.П. Ултургашев. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1996. – 152 с.

Ермаков А.М.

ЯРОСЛАВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К началу Великой Отечественной войны пединститут являлся единственным вузом Ярославля. Пережив в начале 1930-х гг. период разгрома преподавательских кадров, а затем и «чистки» эпохи «большого террора», коллектив института накануне войны наладил учебную работу и создал необходимую материальную базу.

На митингах 22 июня и 3 июля 1941 г. преподаватели, сотрудники и студенты института осудили фашистскую агрессию и выразили готовность незамедлительно встать на защиту Родины. В партийное бюро и комитет ВЛКСМ института поступили десятки заявлений с просьбой зачислить добровольцами в действующую армию. В первые же месяцы войны ушли на фронт 58 студентов и 104 преподавателя, в том числе директор ЯГПИ, его помощник по учительскому институту, декан исторического факультета [8, л. 2].

С 22 июня 1941 г. ЯГПИ перешел на режим военного времени. Занятия были временно прекращены, все силы брошены на подготовку к отражению натиска противника. Посты созданного в институте отряда противовоздушной и химической обороны (ПВХО) были размещены в одном из учебных зданий и жилом доме по улице Чайковского. В подвальных помещениях были устроены бомбоубежища, на чердаках поставлены бочки с водой, песком, щипцы для изъятия бомб, установлена сирена воздушной тревоги. В августе 1941 г. начались бомбардировки Ярославля, и отряд ПВХО был переведен на казарменное положение. В 1941–1943 гг. его бойцы не раз тушили пожары и оказывали помощь гражданам, оказавшимся в зоне поражения.

Составной частью мер по организации обороны Москвы было возведение оборонительных сооружений. С октября 1941 по август 1942 г. более 400 преподавателей и студентов ЯГПИ копали противотанковые рвы, строили доты и дзоты в Ростовском районе Ярославской области, Калининской и Ленинградской областях.

В июле-сентябре 1941 г. в ЯГПИ действовали трехмесячные курсы медицинских сестер, которые закончил 21 человек [2, л. 37]. Выпускницы курсов ухаживали за ранеными, неся круглосуточное дежурство в госпиталях, размещавшихся в зданиях института. ЯГПИ оказывал активную помощь в приеме и размещении эвакуированных граждан из Москвы, Ленинграда, Смоленска, Брянска и других городов Советского Союза. В марте 1945 г. Ленинградский горсовет наградил нескольких сотрудников института медалью «За оборону Ленинграда». Широкое распространение в институте получила донорская деятельность. Несколько сотрудников ЯГПИ были награждены медалями и знаком «Почетный донор СССР».

В институте была организована мастерская по ремонту поступавшего с фронта армейского обмундирования. Девушки много шили, вязали носки, варежки, кисеты, шарфы. Коллектив института несколько раз проводил сбор теплых вещей для солдат и офицеров действующей армии, посылок для населения освобожденных от оккупации районов страны. Кроме того, было собрано 100 тысяч рублей на постройку боевого самолета «Ярославский пединститут», производились отчисления из студенческих стипендий в фонд строительства подводной лодки «Ярославский комсомолец», собирались средства на создание танковой колонны. Только облигациями государственных займов преподаватели и сотрудники собрали 1,2 млн рублей.

В конце октября 1941 г. директор института обратился в Наркомпрос, настаивая на необходимости «сделать все возможное для сохранения богатого оборудования института, накопленного за длительный период его существования, а также основных кадров научных работников и их семей». Из Москвы поступило распоряжение вывезти ценнейшее оборудование, особо важную часть книжного фонда, документацию студентов и профессорско-преподавательского персонала. При невозможности вывезти оборудование его предписывалось закопать в потайном месте. Эвакуировать разрешалось только студентов старших курсов и преподавателей, имеющих ученую ступень или звание. Предполагалось, что они выедут в один из райцентров Молотовской области [1, л. 43–45], однако после разгрома вермахта зимой 1941/42 г. необходимость в эвакуации отпала.

Война резко ухудшила условия работы вуза. Институт предоставил свои учебные и жилые помещения под военные госпитали. Занимаемая вузом площадь сократилась с 13 до 3 тысяч кв. метров в 1941 г. и до 2,4 тысяч в 1942 г. Некоторые факультеты меняли свое местоположение до пяти раз. Все кабинеты использовались в качестве учебных аудиторий, что приводило к утере, порче и хищениям имущества [4, л. 1–2].

Заготовка дров для отопления института производилась силами преподавателей и студентов на участке, специально выделенном Гаврилов-Ямским леспромхозом. Централизованное снабжение преподавателей промышленными и продовольственными товарами осуществлялось по карточкам. Только 7 мая 1943 г. при институте открылась торговая точка, а 20 сентября был организован отдел рабочего снабжения (ОРС). В 1941–1943 гг. ЯГПИ получал дополнительное продовольствие, участвуя в сельскохозяйственных работах на территории совхозов «Новоселки», «Огородный», «Красный бор». В апреле 1943 г. на территории совхоза «Красный бор» институт получил заброшенный участок для ведения подсобного хозяйства [6, л. 9] и участки и под индивидуальные огороды из расчета 0,5–0,75 сотки на семью [7, л. 27]. Вплоть до конца войны подсобное хозяйство оставалось убыточным из-за истощенности почвы, нехватки транспорта и тары.

На протяжении всех военных лет серьезной проблемой оставались текучесть кадров и нехватка преподавателей, вызванные отбытием на фронт, эвакуацией, реэвакуацией, переводом на другую работу. Количество преподавателей сократилось со 114 человек накануне войны до 81 в 1942 г., а в 1945 г. достигло 94 человек, среди которых были 2 доктора и 35 кандидатов наук. Увеличение количества квалифицированных ученых произошло вследствие их эвакуации из блокадного Ленинграда, оккупированных Харькова, Ворошиловграда, Калинина и других городов [9, с. 35].

Несмотря на тяжелые условия, занятия в институте были прерваны только на короткий период – с середины октября 1941 до 1 января 1942 г., когда значительная часть преподавателей и студентов была занята на сельскохозяйственных работах и строительстве оборонительных сооружений. Уменьшение учебных площадей, недостаточная пропускная способность лабораторий и кабинетов вынудили сократить учебные планы и программы [4, л. 10–11]. Сначала занятия проводились в две смены и продолжались с 8 часов утра до 21 часа. На протяжении всего 1943 г. ЯГПИ работал в три смены: с 8 часов утра до 22.30. Во втором полугодии 1943/1944 учебного года, когда институту были возвращены помещения первого учебного здания, вуз вернулся к двухсменной работе.

Война отразилась на содержании образования в ЯГПИ, преподаватели которого решали задачу популяризации «героического прошлого русского народа, всемирно-исторического значения русской культуры и национально-освободительных прогрессивных войн русского народа против немецких, татарских, польских, шведских и других завоевателей» [6, л. 2–3]. Были введены и новые дисциплины: военно-санитарное дело с практикой в госпитале, механизация сельского хозяйства и политэкономия [4, л. 11].

Быстрыми темпами сокращался контингент студентов. Если к 1 июня 1941 г. в ЯГПИ числился 1 081 человек, то к 1 сентября - уже 971, а к 1 марту 1942 г. остался лишь 461 студент. При этом основной причиной отчисления был не призыв в армию, а эвакуация в отдаленные регионы страны и невозможности продолжать обучение в суровых условиях войны [4, л. 3]. Однако с 1942 г. в связи с прибытием в Ярославль студентов из оккупированных и прифронтовых областей контингент студентов стал нарастать и к концу войны достиг 1 370 человек. За время войны институт четыре раза выпускал специалистов, и страна получила более 1 500 подготовленных учителей [9, с. 35].

Самым тяжелым для ЯГПИ оказался первый военный учебный год – 1941/42. Не хватало бумаги и чернил, случались перебои с питанием, теплоснабжением и электричеством. Учились при керосиновых лампах, в перерывах между занятиями грелись у «буржуек». Верхнюю одежду не снимали, ожидая сигнала воздушной тревоги. Посещаемость занятий падала в связи с перебоями с получением хлеба по карточкам, особенно участившиеся зимой 1941 – весной 1942 гг. Не получив по карточкам хлеб в столовой, студенты вынуждены были вместо учебы стоять в очередях [4, л. 3–12].

ЯГПИ с трудом решал проблему размещения студентов. С лета 1941 г. институт не располагал общежитиями, а потому иногородние студенты проживали на частных квартирах [7, л. 27]. Частичная компенсация затрат на проживание состояла в предоставлении 1 кубометру дров, а с сентября 1943 г. – дотации в размере 80% от размера квартплаты, то есть 40 рублей [5, л. 37, 47]. Только в октябре 1944 г. институту было частично возвращено общежитие, в котором сразу же разместились 700 студентов. Однако теперь возникла новая проблема – нехватка мебели, переданной воинским частям в первые месяцы войны. В общежитии недоставало 100 кроватей, 500 стульев, 100 столов и 400 матрацев [3, л. 67, 92].

Тяжелые материально-бытовые условия и трудности в организации учебного процесса привели к резкому падению успеваемости. За 1941/1942 учебный год абсолютная успеваемость по ЯГПИ составила всего 78,3% [4, л. 7–8], а весной 1943 г. достигла рекордно низкого показателя 63% [7, л. 16]. 1942/43 учебный год только 3,4% учащихся закончили на «отлично» и 10,1% – на «отлично» и «хорошо» [6, л. 82–83].

Научная работа в вузе была, по существу, приостановлена. Декан факультета естествознания В. В. Петров констатировал: «ЯГПИ очень сер и посредствен. Научная жизнь не чувствуется. Научные работники в ряде случаев ничем не отличаются от педагогов средней школы... Нет нового качества, нет духа высшей школы, а есть только вывеска вуза. И в этом исключительно низком тонусе научной жизни нашего института, отсутствии прочных и властных традиций научного учреждения и таится корень всех зол» [6, л. 88]. Нормализация научной работы вуза наметилась только в 1943/1944 учебном году. Было возобновлено издание «Ученых записок» [9, с. 38], стала налаживаться подготовка кадров высшей квалификации. Если в 1942 г. преподавателями ЯГПИ была защищена только одна докторская диссертация, то в 1943 г. – три [7, л. 24, 38].

Преподаватели, сотрудники и студенты ЯГПИ с честью выдержали тяжелые испытания военного времени. В невероятно трудных условиях, при отсутствии учебных площадей, дефиците топлива и продуктов питания, под авиационными ударами противника они находили силы для организации учебного процесса, научной и общественной работы, не жалели себя на строительстве оборонительных сооружений, при расчистке завалов после бомбежек, помогая раненым и больным в госпиталях, отдавая последние средства на борьбу с нацистами.

Литература

1. Государственный архив Ярославской области. – Фонд Р-2257. – Оп. 4. – Д. 18.
2. Государственный архив Ярославской области. – Фонд Р-2257. – Оп. 5. – Д. 698.
3. Государственный архив Ярославской области. – Фонд Р-2257. – Оп. 5. – Д. 702.
4. Государственный архив Ярославской области. – Фонд Р-2257. – Оп. 5. – Д. 710.
5. Государственный архив Ярославской области. – Фонд Р-2257. – Оп. 5. – Д. 718.
6. Государственный архив Ярославской области. – Фонд Р-2257. – Оп. 5. – Д. 727.
7. Государственный архив Ярославской области. – Фонд Р-2257. – Оп. 5. – Д. 748.
8. Государственный архив Ярославской области. – Фонд Р-2257. – Оп. 6. – Д. 43.
9. Магарик, Н.Е. К истории высшей педагогической школы в Ярославле / Н.Е. Магарик // Ученые записки ЯГПИ. – Вып.5. – Педагогика. – Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1945. – С. 1–39.

Рзаев А.А.

ВКЛАД АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ УЧЕНЫХ В ПОБЕДУ НАД ФАШИЗМОМ

В годы Великой Отечественной войны советское правительство проявляло заботу о развитии науки, направляло деятельность научных учреждений, оказывало всестороннюю помощь ученым в их работе. В годы войны ученые, инженеры, техники коренным образом улучшили многие технологические процессы. Учитывая боевой опыт армии, ученые и конструкторы продолжали неустанно совершенствовать военную технику и вооружение, создавать новые их образцы.

В мае 1942 года в Свердловске состоялось общее собрание Академии наук; оно обсудило работу ученых в новых условиях и наметило дальнейшее направление научной деятельности [3, с. 170].

Вместе с учеными всей страны ученые и инженеры Баку все свои знания, силы и энергию направляли на разработку и освоение новых видов горючего, смазочных материалов, вооружения, боеприпасов, продовольствия и обмундирования, на всемерное усиление помощи фронту. «Никогда научно-техническая мысль интеллигенции Азербайджана не работала с таким напряжением, никогда наши специалисты не вкладывали в свою работу столько страсти, огня и порыва, как в дни Отечественной войны», – говорил профессор М.А. Топчибашев на митинге народов Закавказья, состоявшемся в Тбилиси 23 августа 1942 года [6].

Инженерно-технические работники системы объединения нефтеперерабатывающих заводов совместно с учеными Азербайджанского научно-исследовательского института нефти им. Куйбышева с начала войны развернули напряженную работу по увеличению производства высокооктанового бензина и высококачественных машинных масел, по налаживанию производства различных видов военной продукции. Ученые института вели напряженную исследовательскую работу по проблемам, имеющим важное оборонное значение: организация в Баку производства гидрогена для аэростатов воздушного заграждения; освоение и производство серозина для нужд артиллерии; разработка рецептуры производства химических материалов, необходимых для изготовления средств маскировки промышленных объектов; организация производства светлых и темных артиллерийских лаков; изменение технологии и увеличение производства толуола; налаживание производства взрывчатых веществ; разработка рецептуры горючих веществ и налаживание массового производства бутылок с зажигательной смесью [2, с. 79–80].

Бригада, возглавляемая Юсифом Мамедалиевым, в июле – августе 1941 года занималась вопросами изготовления хлор-метилена, которым обеспечивались оборонные предприятия республики. Это было выдающимся событием в истории нефтехимической промышленности Азербайджана [5]. По этой проблеме летом 1943 года Ю. Мамедалиев в Москве защитил свою докторскую диссертацию. В этот период все диссертации имели оборонное значение, о чем писательница Татьяна Тэсс написала очерк, напечатанный в «Известиях» 3 июля 1943 года. В нем говорилось: «Вот докторская диссертация азербайджанца Ю. Мамедалиева. ... Это – работа, связанная с войной тесно, кровной связью, работа ученого, за которой стоит грохот снарядов, дым, огонь, удар по врагу» [7].

Группа научных работников, возглавляемых А.Кудиновым, с первых месяцев войны наладила в институте производство гидрогена и обеспечила им Закавказский фронт. Бригада сотрудников института, которой руководил его главный инженер В.С. Гутыря, наладила производство тротила, составляющего основу всех взрывчатых веществ. Помимо производства взрывчатых веществ и другой оборонной продукции, осуществляемых при активном участии технической интеллигенции, занятой в нефтеперерабатывающей промышленности, промышленные предприятия других отраслей индустрии, главным образом, заводы треста Азнефтемаш, с первых же дней войны приступили к изготовлению для нужд фронта ряда видов оружия и боеприпасов. В Азербайджане было налажено производство свыше ста видов оружия и боеприпасов, в том числе – автоматов, минометов, снарядов, бомб, мин, взрывчатых веществ и т.д.

Летом 1942 года, когда возникла угроза над Закавказьем, ученые республики приступили к работе над еще более серьезной и важной проблемой – освоением производства различных взрывчатых веществ, особенно тротила; выпуску зажигательных бомб и бутылок с зажигательной смесью. За короткий срок они обеспечили массовое производство различных взрывчатых веществ. Ежегодно изготавливалось 10 тысяч бутылок с зажигательной смесью. Под руководством ученого Али Гулиева была разработана рецептура и налажено производство взрывчатых ампул для бутылок с зажигательной смесью. Кроме того, А. Гулиев разработал технологию и наладил производство зажигательного вещества, носившего название «партизан». Испытание этого вещества он производил сам. Во время одного из таких испытаний ученый был тяжело ранен.

Практика ведения боев на всем протяжении войны показала, что бутылки с зажигательной смесью были самым простым и вместе с тем наиболее действенным средством уничтожения вражеских танков, бронеавтомобилей и мотопехоты [2, с. 82].

«Рационализация и изобретательство, – писала в те дни газета «Правда», – приобретают в военное время исключительно важное значение. Внимание изобретателей и рационализаторов, внимание всех кадров промышленности должно быть приковано к ускорению темпов производства, к улучшению и усовершенствованию технологий, повышению качества продукции, к

созданию новых современных машин и конструкций, к увеличению производства металла и топлива, пушек и танков, самолетов и снарядов» [8].

В тресте «Лениннефть» из 169 рационализаторских предложений, поступивших только в 1941 году, было внедрено 73 с экономией 411.150 рублей. Семь предложений, внедренных на первом промысле того треста, дали за год экономию в размере около 85.880 рублей. Более 557.000 рублей составила в 1941 году экономия от пяти внедренных предложений в компрессорном хозяйстве треста «Лениннефть» [1, с. 198].

С особенным энтузиазмом работали фронтовики. Вернувшись из Красной Армии на завод им. Джапаридзе, инженер А.Д. Лемберанский включился в производство авиамасел. Им было внесено предложение об изменении технологического режима термической обработки фильтрстока, что позволило увеличить отбор авиамасел от полуфабриката. Годовая экономия составила при этом около 200 тысяч рублей. Кроме того, А.Д. Лемберанскому принадлежит ценная инициатива получения вазелина на контактной установке завода без ущерба для основной ее работы. Это мероприятие значительно упростило и облегчило ведение процесса и позволило высвободить около 35 рабочих. А.Д. Лемберанским был предложен ряд других мер, связанных с увеличением выпуска авиамасел.

На заводах треста Азнефтемаш, которые прежде выпускали грубое громоздское нефтяное оборудование, изготовление которого не требовало особой точности, теперь предстояло освоить новые очень сложные технологические процессы по выпуску чрезвычайно тонких деталей, каждая из которых должна была с предельной точностью подгоняться к другим. Одним словом, нужно было внедрить в производство высокую культуру. Талантливому инженеру А. Мамедзаде, работавшему директором завода, производившего взрывчатку для противотанковых мин, принадлежит авторство изобретений, сделанных в ходе войны. Налаживание массового выпуска снарядов для реактивных минометов, которые называли «Катюшей», а также десятков видов другой боевой техники стало возможным благодаря усилиям технической интеллигенции республики в научно-технической помощи рабочему классу [9].

За годы войны на нефтеперерабатывающих предприятиях Баку было внесено более 3 тысяч рационализаторских предложений, из них было внедрено 1500 с годовой экономией свыше 30 миллионов рублей. На промыслах и других предприятиях Азернефте комбината за период с 22 июня 1941 года по 1 апреля 1944 года поступило 10180 изобретельских и рационализаторских предложений, из которых было внедрено 5210. Условная годовая экономия по внедренным предложениям составила 78513081 рубль. Общее количество внесенных и реализованных мероприятий увеличилось в 3–4 раза против среднемесячного количества за предыдущие годы [1, с. 208].

Самоотверженно трудились и ученые-медики республики, которые спасали жизнь советским воинам, восстанавливали их здоровье. 70% поступавших в госпитали Баку раненных выздоравливали и возвращались в ряды защитников. Ученые-медики в годы войны разработали новые методы лечения ранений, травматических осложнений. Главный хирург Управления госпиталей Министерства здравоохранения Азербайджана, заслуженный деятель науки, профессор М.А. Топчибашев внес тогда много нового в медицинскую науку. Он блестяще выполнял самые сложные операции, возвращая к жизни тяжело раненных бойцов. Профессор был сторонником смелой инициативной хирургии. Он часто брался за операции, в которых, казалось, уже бессильно хирургическое вмешательство. Каждая операция, проделанная М.А. Топчибашевым, была школой для молодых врачей. И они учились у него хирургическому мастерству не только в операционной, но и у постели больного [4]. Талантливые врачи М.А.Абасов, С.А. Ахундова-Багирбекова вернули полностью или частично зрение 220 воинам, положение которых считалось безнадежным.

К 1945 году в республике имелось 66 научных учреждений, в которых работало около 1200 научных работников. В 1944 году в Азербайджане насчитывалось: профессоров и докторов наук – 141; доцентов и кандидатов наук – 366. Именно в 1945 году Азербайджанский филиал Академии наук СССР был преобразован в Академию наук Азербайджанской СССР, которая стала основным центром научно-исследовательской мысли в республике [10, с.146–147].

Таким образом, большой вклад в победу над врагом внесла интеллигенция Азербайджана. Ученые, конструкторы, инженеры, врачи выполняли самые сложные задания фронта по совершенствованию горючего, боевой техники и вооружения, по улучшению методов лечения раненых и инвалидов Отечественной войны.

Экс-президент Азербайджанской Республики Г.А. Алиев всегда отдавал дань глубокого уважения ветеранам войны и труда военных лет 1941–1945 годов. Неоднократно он отмечал, что в веках будут жить подвиги славных сынов Азербайджана. Говоря о военной победе, Г.А. Алиев обращал внимание на то, что: «в достижении этой победы есть большой труд нефтяников Азербайджанской Республики, всего азербайджанского народа ... История этого никогда не забудет, Мы всегда гордились этим, и сегодня гордимся, и будущие поколения также должны гордиться. История и сегодня и в будущем должна знать, что заслуги, деятельность, роль Азербайджанской Республики во второй мировой войне, Великой Отечественной войне были большими» [11].

Литература

1. Абасов, М.Г. Баку в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / М.Г. Абасов. – Баку: Азернешр, 1967. – 264 с.
2. Багирзаде, А.З. Интеллигенция Азербайджана в годы Великой Отечественной войны / А.З. Багирзаде. – Баку: Азернешр, 1989. – 442 с.
3. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: краткая история. – Москва: Воениздат, 1984. – 560 с.
4. Награждение орденами и медалями работников бакинский госпиталей // Бакинский рабочий. – 1943. – 5 марта. – С. 4.
5. Все для фронта, все для победы // Бакинский рабочий. – 1941. – 23 октября. – С. 4.
6. Тэсс, Т. Диссертации эти дней / Т. Тэсс // Известия. – 1943. – 3 июля. – С. 4.
7. Рационализация и изобретательство – помощь фронту // Правда. – 1941. – 8 августа. – С. 4.
8. Бить врага на фронте огнем, в тылу – трудом // Правда. – 1942. – 25 ноября. – С. 4.
9. День победы дорогой праздник нашего народа // Бакинский рабочий. – 1997. – 13 мая. – С. 4.
10. История Азербайджана. В 3 т. – Баку: изд-во Академии Наук Азербайджанский ССР, 1963. – Т. 3. – Ч. 2. – 528 с.
11. Из речи экс-президента Азербайджанской Республики Г.А. Алиева на церемонии у могилы дважды Героя Советского Союза Ази Асланова, 9 мая 1997 года // Азербайджан фронту. – Баку: Военное издательство, 1998. – 196 с.

Моторов С.А., Моторова Л.А.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ БЕЛАРУСИ (1944–1954 гг.)

Разгром в 1945 году нацистской Германии и её союзников принципиально изменил баланс сил на международной арене. Иным стало содержание как геополитического, так и внутриполитического развития всех стран и народов современного мира. Многонациональное советское общество, внёсшее решающий вклад в победу над Германией, несмотря на господство тоталитарного политического режима как формы своей государственно-политической организации, также оказалось втянутым в процесс перемен. Его динамика была медленной, прерывистой, непоследовательной, но она всё же охватила, затронула все сферы общественной жизни, включая духовную, идеологическую.

Однако, на темпах перемен, на перспективах дальнейшего развития крайне негативно сказывались те гигантские масштабы потерь и разрушений, которые понёс СССР в годы Великой Отечественной войны. Особенно были они велики на территории Беларуси. За годы немецко-фашистской оккупации (1941–1944 г.г.) были практически полностью разрушены социально-экономические потенциал и инфраструктура, которые имела Беларусь до войны. Ущерб, нанесённый народному хозяйству, составил 75 млрд. рублей (50%) всего довоенного национального богатства белорусского народа. Что касается высшей школы (накануне войны, в 1941 году, в БССР функционировали 22 вуза; в 16 из них, относившихся к системе образования и просвещения – педагогических и учительских институтах, а также в Белорусском государственном университете, существовали исторические факультеты и отделения), то вся её материальная и учебная база была целиком уничтожена [1].

Первым белорусским высшим учебным заведением, возобновившим свою деятельность по подготовке специалистов-историков (преподавателей, педагогов, научных работников) стал Белорусский государственный университет. Ещё задолго до полного и окончательного освобождения территории Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, 15 мая 1943 года Совнарком СССР принял специальное постановление о возобновлении работы Белорусского государственного университета.

В начале 1945 года в БССР, кроме Белорусского государственного университета, возобновили свою деятельность ещё 5 педагогических (Витебский, Гомельский, Гродненский, Минский, Могилёвский) и 8 учительских институтов (Барановичский, Витебский, Гомельский,

Минский, Могилёвский, Мозырский, Оршанский, Пинский). В структуре каждого из них, за исключением Гродненского педагогического и Пинского учительского институтов, имелся исторический факультет или отделение истории.

Однако, несмотря на значительную организационную работу, проделанную центральными и местными органами партийно-государственной власти Беларуси в первый послевоенный год по восстановлению сети педагогических вузов, потребность в педагогических кадрах вообще, в том числе и в кадрах учителей–историков, оставалась крайне острой. По данным Народного комиссариата просвещения БССР, в Беларуси, в 1944/1945 учебном году не хватало 11 тысяч учителей, причём значительную часть от этого числа составляла нехватка учителей истории [2].

Важным дополнительным фактором, который обусловил острую необходимость именно в кадрах педагогов–историков, было своеобразие выполняемых ими функций в рамках существовавшей тогда советской партийно-государственной политической системы. На рядового учителя-историка, в отличие от всех остальных категорий педагогических кадров, возлагалась не только функция «уполномоченного социалистического государства» – проводника политики партии в сфере духовной жизни, идеологии, но и прямая обязанность непосредственно реализовывать эту политику на местах. Поэтому, в тех конкретных общественно-политических условиях загруженность различными общественными поручениями, участие в агитационно-пропагандистских мероприятиях, в том числе и за пределами учреждений образования, а не добросовестное, профессиональное отношение к своему прямому учительскому долгу, являлись главным критерием оценки труда учителей истории. Главным образом из лиц, имевших высшее педагогическое образование исторического профиля, комплектовались в первую очередь руководящие кадры системы народного образования (директора, завучи школ и т.д.), различные категории освобождённых партийных, советских, комсомольских, профсоюзных работников, и даже кадры хозяйственных руководителей на местах – на уровне сельсовета, района, города. Что же касается идеологической сферы, то здесь практически все профессиональные идеологические работники на местном и на центральном уровнях в условиях того времени должны были иметь высшее историческое образование.

Начиная с 1946 года идеологическое давление со стороны сталинского политического режима на все категории советских граждан, и прежде всего на молодёжь, резко усиливается. Под лозунгом борьбы за чистоту марксистско-ленинского мировоззрения, против любых проявлений «безыдейности и аполитичности» был принят ряд специальных постановлений ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам: «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (14 августа 1946 г.), «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа 1946 г.), «О кинофильме “Большая жизнь”» (4 сентября 1946 г.), «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» (10 февраля 1948 г.) [3]. Их главный тезис состоял в том, что в деле воспитания советских людей, особенно молодёжи, необходимо «руководствоваться тем, что составляет жизненную основу строя, – его политикой. Советский строй не может терпеть воспитания молодёжи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безыдейности» [4].

Принятие этих постановлений означало развёртывание беспрецедентной по своим масштабам кампании идеологического, психологического давления, своеобразного «промывания мозгов», призванной охватить всё советское общество, в проведении которой интеллигенции отводилась роль активного участника. В Беларуси, особенно в сфере образования, такая кампания осуществлялась самыми активными формами и методами. Идеологические работники партийных и комсомольских органов в полной мере учитывали то обстоятельство, что в течение трёх лет, с лета 1941 по лето 1944 года, вся территория Беларуси находилась под немецко-фашистской оккупацией, а западные районы БССР, где проживало почти 40% от всей численности населения, с 1921 по 1939 годы входили в состав Польши. Исходя из этого, было очевидным, что в массовом сознании белорусского общества в самые первые послевоенные годы могли не только присутствовать, но даже в какой-то мере утвердиться взгляды, суждения, оценки, весьма далёкие от безоговорочного одобрения существовавшей тогда советской действительности.

Таким образом, новая официальная линия в идеологической сфере стала тем объективным политическим фоном, который во многом определил во второй половине 40-ых годов направления и перспективы развития средней школы, системы высшего образования в Беларуси, включая и высшее историческое образование.

Функционировавшая в 1944–1954 гг. сеть учебных заведений в Беларуси, обеспечивавшая подготовку педагогов–историков, не имела интегрированного характера. Она включала в себя три элемента: исторический факультет Белорусского государственного университета (5 лет обучения), исторические факультеты педагогических институтов (4 года обучения) и отделения истории учительских институтов (2 года обучения). Что касается учительских институтов, имевших двухгодичный цикл обучения, то во второй половине 40–ых годов и до 1952 года, они являлись основным типом учебных заведений республики, готовивших педагогов–историков.

За шесть лет, с 1946 по 1951 годы, в учительских институтах было подготовлено 4852 учителя, из них историков – 953 (20% от всего выпуска учителей). Педагогическими же институтами Беларуси за указанный срок был выпущен 2051 учитель, в том числе 446 учителей истории. В Белорусском государственном университете в течение 1946–1951 гг. было подготовлено 900 квалифицированных специалистов по всем специальностям, включая 165 историков [5].

Огромное влияние на развитие исторического образования в системе высшей школы Беларуси в годы первой послевоенной пятилетки оказала и та, исключительно сложная, социально–экономическая действительность, в условиях которой находились все белорусские вузы. Восстанавливать сеть высших учебных заведений в Беларуси, в которых готовились кадры специалистов–историков, приходилось практически с нуля. Многие вузы вынуждены были арендовать неприспособленные для организации и проведения учебного процесса здания средних школ, других учреждений.

Несмотря на трудное экономическое положение партийно-государственные структуры республики как на центральном, так и на местном уровнях, осуществляли мероприятия по укреплению материально–технической базы высшей школы: выделяли значительные для тех лет финансовые, материальные средства на строительство учебных корпусов, закупку оборудования, на издание учебников, учебно-наглядных пособий. Тем не менее, необходимо отметить, что во внутренней организационной структуре практически всех вузов, включая даже Белорусский государственный университет, уровень оснащённости, учебно-материальная база исторических факультетов и отделений находились на последнем месте по сравнению с другими факультетами и отделениями, особенно естественно-научного и физико-математического профилей. На уровне вузов у руководства (ректората, дирекции) в то время сформировались устойчивые стереотипные представления, что организовать эффективный учебно-воспитательный процесс в рамках специальности «история», подготовить высококвалифицированного специалиста-историка возможно даже при самом минимальном наличии специальной исторической литературы (учебников, монографий, справочных и энциклопедических изданий), поскольку её в полной мере заменяет литература общественно-политического характера. Таким образом, доминирование остаточного принципа финансирования, материально-технического обеспечения исторических факультетов и отделений в рамках каждого конкретного белорусского вуза не могло не сказаться на качестве подготовки специалистов–историков в конце 40-х годов.

В начале 50–х годов в развитии специального исторического образования в системе высшей школы Беларуси наступает принципиально новый этап. Прежде всего, коренным образом изменяется его структурная организация. Исторические отделения учительских институтов, которые в конце 40-х годов являлись основным, самым массовым звеном подготовки педагогов-историков, полностью исчерпали, как и вообще данная категория учебных заведений, весь ресурс своего развития. Завершение в этот период перехода на обязательное семилетнее образование привело к значительному расширению сети средних школ и контингента учащихся в них по сравнению с первым послевоенным годом.

В августе 1954 года ЦК КПСС и Советом Министров СССР было принято постановление «Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним специальным образованием». В нём перед Министерством высшего образования СССР, республиканскими министерствами просвещения были поставлены следующие задачи: во-первых, пересмотреть состав факультетов и номенклатуру специальностей в вузах; во-вторых, привести подготовку учителей в соответствие с потребностями различных регионов; в-третьих, ликвидировать неоправданный параллелизм в подготовке кадров и, в-четвёртых, укрупнить педагогические вузы [6].

Начатое с закрытия учительских институтов, реформирование внутренней структуры высшей педагогической школы Беларуси осуществлялось в середине 50-х годов очень активно, что принесло негативные последствия для исторических факультетов вузов республики, особенно на региональном уровне. В 1954 г. был прекращён приём на специальность «история» в Витебском педагогическом институте, а с 1955 г. исторический факультет указанного педвуза, созданный одним из самых первых в Беларуси, ликвидируется вообще. Студенты 3-го и 4-го курсов дневного отделения и отделение заочного обучения были переведены на исторический факультет Могилёвского педагогического института. В Могилёвский пединститут была передана и материально-техническая база исторического факультета Витебского пединститута в виде большого количества специальной научной, учебной, учебно-методической литературы и оборудования кабинетов истории [7].

В исследуемый период сложные социально–политические условия, тяжелое экономическое положение Беларуси; крайняя степень идеологизации всех сфер общественной жизни, включая и образование; отсутствие альтернативных систем образования по гуманитарным специальностям отрицательно сказались на развитии системы высшего исторического образования.

Литература

1. Красовский, Н.И. Высшая школа Советской Белоруссии / Н.И. Красовский. – Минск: Вышэйш. шк., 1972. – С. 171; Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. – Оп. 47. – Д. 114. – Л. 86; – Д. 123. – Л. 1–2.
2. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 17. – Д. 21. – Л.21; Саевич, П.В. Народное образование за 30 лет / П.В. Саевич. – Минск: Госиздат БССР, 1948. – С. 23.
3. История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Москва: Политиздат, 1980. – Т.5. – Книга 2. – С. 255–256.
4. О журналах «Звезда» и «Ленинград». Из постановления ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 г. – Москва: Госполитиздат, 1958. – С. 5–6.
5. Кованцева, Г.М. Восстановление и развитие высшей школы Советской Белоруссии (1943–1950): дис. канд. ист. наук: 07.00.02. – Минск, 1955. – С.207. – НА РБ. – Ф. 4. – Оп. 59. – Д. 41. – Л. 44.
6. КПСС о культуре, просвещении и науке: сб. документов. – Москва: Политиздат, 1963. – 397 с.
7. Государственный архив Витебской области. – Ф. 204. – Оп. 10. – Д. 41. – Л. 29–31, 42.

Юргевіч Н.К.

АСАБЛІВАСЦІ КУЛЬТУРНАГА АДНАЎЛЕННЯ БЕЛАРУСКАЙ ВЁСКІ Ў 1944–1955 гг.

Вялікая Айчынная вайна і нямецкая акупацыя пакінулі значны след у гісторыі Беларусі. Умовы, у якіх адбывалася аднаўленне краіны, былі дастаткова складанымі, асабліва для беларускай вёскі, якая падымалася з руін і папялішчаў. 9200 вёсак было спалена, у якіх было знішчана 1200 тыс. будынкаў, 209 гарадоў і пасёлкаў гарадскога тыпу было разбурана, каласальнымі былі матэрыяльныя страты і пакуты людзей. Кожная сям'я недалічылася родных ці блізкіх. Насельніцтва Беларусі пасля вайны скарацілася на адну трэць: з 9,2 млн у 1941 г. да 6,2 млн у 1945 г. І пасля вызвалення ў неба нашай краіны пранікалі варожыя бамбардзіроўшчыкі, несучы смерць і разбурэнні. Так, у ноч на 14 і 18 чэрвеня 1944 г. бамбілі Гомель, у ноч на 21 і 23 ліпеня гэтага ж года – Мінск [6, с. 60–61]. На палях, у лясах і балотах засталіся неразарваўшыеся бомбы і міны, многія будынкі, дарогі і масты былі замініраванымі. Праца па абясшкоджванні выбуховых сродкаў праводзілася па меры неабходнасці, а таксама пасля вызвалення Беларусі.

Значныя страты ў гады вайны панеслі беларуская прамысловасць, сельская гаспадарка, культура. Акупанты разбурылі 6808 школьных будынкаў, разрабавалі 5144 установы, у тым ліку інстытуты, навукова-даследчыя цэнтры, Акадэмію навук, музеі, тэатры, клубы і бібліятэкі. Аднаўленчыя работы ў беларускай вёсцы разгортваліся адразу пасля вызвалення тэрыторыі Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. У пасляваенныя гады вялікі ўклад ў справу аднаўлення народнай гаспадаркі краіны ўнеслі працоўныя і сяляне, рабочыя і інтэлігенцыя, падлеткі і моладзь. Аднак умовы, у якіх гэтыя працэсы адбываліся, былі не такія простыя.

Значныя матэрыяльныя і людскія страты, асабліва ва ўсходніх абласцях рэспублікі, замаруджвалі працэсы культурнага будаўніцтва беларускай вёскі. Толькі ў Бягомльскім і Плешчаніцкім раёнах Мінскай, Лельчыцкім і Капаткевіцкім Палескай, Асвейскім, Суражскім і Лёзненскім раёнах Віцебскай абласцей БССР акупанты знішчылі ў сельскай мясцовасці ўсе набыткі даваеннага будаўніцтва.

Смерць сеяла і застаўшаяся ад акупацыі эпідэмія сыпнога тыфу. Амаль усе раёны Віцебскай, Магілёўскай, Гомельскай і Палескай абласцей зімой 1943–1944 гг. былі ахопленны эпідэміяй. У перыяд вызвалення Беларусі немцы спецыяльна зганялі здаровае і хворае насельніцтва з вёсак і пасёлкаў, якія знаходзіліся блізка ля лініі фронту, дзеля стварэння заслоны з мэтай перашкодзіць наступленне салдат і воінаў Чырвонай Арміі ў 1943–1944 гг. Ваеннае кіраўніцва вымушана было спецыяльна выдзяляць асобныя часці для дапамогі хворым людзям, адпускалі медыкаменты, аддавалі распараджэнні дактарам і медыцынскім сёстрам па правядзенні дэзінфекцыі і лячэнні людзей. 1 лютага 1944 г. П.К. Панамарэнка накіраваў В.М. Молатаву і Г.М. Малянкову ліст, у якім паведамлялася пра выяўленых у вызваленых раёнах у снежні 1943 г. 4911, а ў студзені 1944 г. 9745 сыпнатыфозных хворых (не поўныя дадзеныя). Толькі за чатыры месяцы 1944 г. праз шпіталі рэспублікі прайшло 47730 такіх хворых (з іх у Палескай вобласці былі зарэгістраваны 21130 выпадкаў захворвання, у Гомельскай – 16557) [6, с. 41–45].

Паміж краінамі антыгітлераўскай кааліцыі вяліся перамовы аб пасляваенным пераўладкаванні свету. На Тэгеранскай канферэнцыі (28 лістапада – 1 снежня 1943 г.) кіраўнікі саюзных дзяржаў вырашылі, што дзяржаўная мяжа паміж СССР і Польшчай будзе праходзіць у асноўным па “лініі Керзана”. Удзельнікі канферэнцыі дасягнулі згоды і па пытанні аб перасяленні савецкіх і польскіх грамадзян у адпаведнасці з “лініяй Керзана”. У верасні 1944 г. у адпаведнасці з міжнароднымі пагадненнямі, а таксама дагаворамі паміж беларускім і польскім кіраўніцтвамі пачалася праца савецкай і польскай камісій па перасяленні грамадзян Беларусі з Польшчы ў Беларусь і польскіх грамадзян з Беларусі ў Польшчу. Аднак канчаткова гэтае пытанне было вырашана ў 1945 г. Па стану на 1 мая 1945 г. з Польшчы ў БССР было эвакуіравана 6788 гаспадарак (у іх 25123 члена сямей) з жадаючых 9050 гаспадарак (34868 чалавек). А з БССР у Польшчу было накіравана 12711 гаспадарак (5704 членаў сямей) з 79732 жадаючых (264937 чалавек) [7, с. 162]. Згодна пастанове СНК БССР і ЦК КП(б)Б “О проведении эвакуации белорусского населения с территории Польши в БССР и польских граждан с территории БССР в Польшу” старшыні аблвыканкамаў і сакратары абкамаў партыі павінны былі перасяліць прыбыўшых у БССР згодна жаданню людзей: альбо ў калгаснай гаспадарцы, альбо надзяліць зямлёй для вядзення адзінаасобнай гаспадаркі ў памерах не вышэй 15 га на адну гаспадарку. У 1944–1945 гг. перасяленцы павінны былі карыстацца ільготамі: эвакуіраваныя грамадзяне вызваляліся ад усіх дзяржаўных грашовых падаткаў, ім выдаваліся крэдыты на суму каля 5 тыс. руб. на адну гаспадарку з пазыкай на 5 гадоў і г.д. Польскім грамадзянам, якія ад’язджалі з БССР у Польшчу, павінна былі выдаць кампенсацыю за рухомую і нерухомую маёмасць, яны вызваляліся ад некаторых падаткаў, праходжання воінскага абавязку і інш. [6, с. 188–189]. Аналіз дакументаў пацвярджае, што выехала з БССР у Польшчу палякаў і беларусаў-католікаў больш, чым прыехала ў рэспубліку з Польшчы.

У гэты ж час дзяржаўныя органы прымалі меры для барацьбы з узброеным супраціўленнем нелегальных груп і арганізацый на тэрыторыі заходніх абласцей Беларусі [6, с. 230–231], якія часта перашкаджалі праводзіць савецкія мерапрыемствы ў беларускай вёсцы, пагражалі актывістам расправай і нават забойствам. Ды і насельніцтва заходнебеларускай вёскі даволі насцярожана адносілася да мерапрыемстваў савецкай улады, у прыватнасці, да стварэння калгасаў і саўгасаў.

У пасляваенныя гады кіраўніцтва рэспублікі надавала вялікае значэнне ў вёсцы будаўніцтву культурных і адукацыйных устаноў, якія павінны былі дапамагчы вырашыць у першую чаргу галоўную праблему – аднавіць народную гаспадарку БССР і сельскую гаспадарку ў прыватнасці. Самаадданая праца сельскіх жыхароў і інтэлігенцыі ў вобласці культурнага аднаўлення вёскі прынесла значныя вынікі. Дзяржаўныя асігнаванні, ініцыятыўнае будаўніцтва, сацыялістычнае спаборніцтва спрыялі ўзвядзенню ў многіх раёнах будынкаў для адукацыйных і культурна-асветных устаноў, колькасць якіх з кожным годам павялічвалася. Толькі з 1946 па 1955 гг. метадам народнай будоўлі ў беларускай вёсцы было адноўлена 4356 школ на 377 тыс. вучнёўскіх месцаў, што дазволіла кіраўніцтву многіх раёнаў поўнасцю вывесці сельскія школы з наёмных памяшканняў. Да канца чацвёртай пяцігодкі колькасць культурных і адукацыйных устаноў пераўзышла даваенныя паказчыкі.

Аднаўленчыя працэсы па-рознаму праходзілі ў заходне- і ўсходнебеларускай вёсках. Ва ўсходнебеларускай вёсцы з прычыны значных разбурэнняў культурныя ўстановы аднаўляліся з

большай складанасцю. Шырока выкарыстоўвалася ініцыятыўнае будаўніцтва намаганнямі калгасаў і сялян. У заходнебеларускай вёсцы, дзе ўзровень разбурэнняў быў меншым, узвядзенне і рамонт будынкаў адбываліся больш хуткімі тэмпамі, прычым матэрыяльная база ўстаноў адукацыі і ўстаноў культуры часткова ўмацоўвалася праз перадачу жылля грамадзян, якія эмігрыравалі ў Польшчу. Аднаўленню школ і культурных устаноў тут таксама садзейнічаў метад народнай будоўлі, а па меры калектывізацыі заходніх абласцей значную ролю адыгралі сродкі і дапамога калгасаў і саўгасаў.

Заходнебеларуская вёска захоўвала і пасля вайны сваё традыцыйнае жыццё. Многія мерапрыемствы, якія восенню 1939 г. толькі ўводзіліся на далучаных да БССР землях, перарвала Вялікая Айчынная вайна. Вялікі ўплыў на жыццё сялян аказваў касцёл і польскія традыцыі. Таму складанасці развіцця школы і культурных устаноў у заходнебеларускай вёсцы былі звязаны з неабходнасцю надання сістэме адукацыі і культурна-асветнай рабоце характэрных рысаў савецкай сацыялістычнай культуры. Канешне, усё новае хутчэй успрымала сельская моладзь. У заходніх абласцях рэспублікі культурна-асветныя ўстановы дапамагалі мясцовым органам пры правядзенні калектывізацыі і антырэлігійнай прапагандзе. Аднак, заходнебеларуская вёска вельмі павольна прыстасоўвалася да перамен і захоўвала першапачатковы кансерватыўна-патрыярхальны характар.

Асаблівасцю культурнага аднаўлення заходнебеларускай вёскі стала беларусізацыя школ. Гэтае мерапрыемства было звязана ў большасці з пераводам польскіх школ на беларускаі рускамоўнае навучанне, што выклікала незадавальненне часткі насельніцтва (польскага). Агульнымі рысамі ўсходне- і заходнебеларускай вёскі з'яўляліся складанае матэрыяльнае становішча, недахоп фінансавання і неабходных кадраў і спецыялістаў.

У пасляваенныя гады органы народнай адукацыі займаліся выяўленнем дзяцей школьнага ўзросту, якія павінны былі наведваць адукацыйную ўстанову. Многія дзеці на пачатку восені былі занятыя на сельскагаспадарчых работах. Так, у пачатку 1950–1951 навучальнага года ў Гродзенскай вобласці з'явілася на 9407 вучняў менш, чым меркавалася [2, арк. 39]. У сельскай мясцовасці Гомельскай вобласці не прыйшлі вучыцца ў гэтым годзе 14860 чалавек ці 13% (усяго было ўлічана 114378 вучняў) [1, арк. 50]. Мела месца і адваротная сітуацыя, калі падворны ўлік сельскіх дзяцей у летнія месяцы не праводзіўся, а ў пачатку навучальнага года ў школу прыходзіла вучняў больш, чым разлічвала кіраўніцтва. У пасляваенныя гады дзіцячая праца часцей выкарыстоўвалася больш заможнымі сем'ямі, асабліва ў заходніх абласцях, куды на заробкі прыязджалі сяляне і дзеці з усходніх абласцей БССР. У 1946 г. у Відзскім раёне Полацкай вобласці значная частка дзяцей не наведвала школу, таму што іх бацькі былі звязаны дагаворамі з прыватнымі асобамі па выпасу жывёлы [3, арк. 86]. З гэтай прычыны не наведвалі школу ў 1946–1947 навучальным годзе 1204 чалавекі ў Маладзечанскай, 513 – у Баранавіцкай, 1110 – у Гродзенскай абласцях [5, арк. 242]. Стварэнне фондаў усенавуча як аднаго з мерапрыемстваў па прыцягненні і замацаванні колькаснага складу вучняў спрыяла паспяховаму выкананню закона аб усенавучы ў беларускай вёсцы і падтрымцы дзяцей з бедных сем'яў. Нягледзячы на цяжкасці пасляваенных гадоў, колькасць дзяцей у сельскіх агульнаадукацыйных школах штогод павялічвалася: калі ў 1940–1941 гг. вучылася 1332,4 тыс. дзяцей, у 1945–1946 гг. 1122,6 тыс. вучняў, то ў 1950–1951 гг. – 1172,1 тыс., у 1955–1956 гг. – 879,6 тыс. дзяцей [4, с. 409]. Аднак у першыя пасляваенныя гады частка дзяцей заставалася па-за школай, захоўваўся і адсеў вучняў.

Такім чынам, хутка адноўленыя пасля вайны сельскія ўстановы адукацыі і культуры вельмі слаба развіваліся ў канцы 1940-х – сярэдзіне 1950-х гг. з прычыны недастатковага фінансавання, недахопу і нізкага кваліфікацыйнага ўзроўню кадраў, асабліва ў заходніх абласцях БССР. Мясцовыя ўлады выконвалі дзяржаўныя пастановы аб замацаванні кадраў у беларускай вёсцы праз адміністрацыйныя і гаспадарчыя меры. Але часта няўважлівыя адносіны да праблем сельскай інтэлігенцыі ў пасляваенныя гады (размеркаванне прадуктовых картак і талонаў сярод іншых асоб, немагчымасць іх атаварыць у магазінах, затрымка заработнай платы, недахоп жылля, газы, паліва) выклікалі зменнасць сярод настаўнікаў і работнікаў культуры і ўладкаванне іх у іншыя арганізацыі.

Агульнае цяжкае становішча вёскі ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе сказвалася на становішчы і ўзроўні развіцця культуры, якая была неад'емнай часткай усёй савецкай сістэмы.

Литература
1. Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Гомельскай вобласці. – Фонд 144. – Воп. 42. – Спр. 69.
2. Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Гродзенскай вобласці. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 2310.
3. Занальны дзяржаўны архіў у г. Глыбокае. – Фонд 141. – Воп. 1. – Спр. 50.
4. Народное хозяйство БССР: стат. сб. / пад ред. П. Голубцова. – Минск, 1963. – 511 с.
5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 4. – Воп. 17. – Спр. 52.
6. Освобожденная Беларусь: документы и материалы. В 2 кн. / НАРБ; сост.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск, 2004. – Кн. 1. Сентябрь 1943 – декабрь 1944. – 398 с.
7. Освобожденная Беларусь: документы и материал. В 2 кн. / сост.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2005. – Кн. 2. Январь – декабрь 1945. – 506 с.

Николаева И.В.

ЖЕНЩИНЫ БЕЛАРУСИ В ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Утвердившийся в современных исследованиях подход к освещению истории Великой Отечественной войны через призму человеческого фактора определил необходимость и актуальность осмысления минувших событий с позиции опыта различных социально-демографических групп и создал дополнительные возможности интерпретации истории белорусского общества послеоккупационного военного времени. Проблема перехода от войны к миру – и в экономическом, и в социальном, и в психологическом плане – так или иначе после освобождения территории Беларуси после трехлетней нацистской оккупации стояла перед каждым человеком, перед всем обществом, которое преимущественно было женским.

Война и оккупация привели к резкой диспропорции полов, в результате которой удельный вес мужчин в республике составлял 44,5% общей численности населения, а женщин 55,1%. Особенно перевес женского населения над мужским сказывался в сельской местности [1, с. 133]. Так, например, среди сельского населения Витебской области на 1 августа 1944 г. женщины составляли 68% от всех жителей. При этом наибольшим перевес женщин был в возрастной группе от 16 до 55 лет, которая составляла наиболее дееспособную часть населения: если мужчин в данном возрасте насчитывалось 29 797, то женщин – 121 435 или 80% от общей численности тех, кто являлся основной трудоспособной частью послевоенного общества [2, д. 42, л. 54]. Аналогичная картина наблюдалась повсеместно.

В условиях борьбы с разрухой, когда ощущался большой дефицит в рабочих кадрах, женщин сыграли огромную роль в восстановлении разрушенных фабрик и заводов. В 1945 г. они составляли 48% рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве БССР, в том числе 43% в промышленности, 31% на транспорте, 62% в связи, 21% в строительстве [3, с. 115]. Наибольший приток женского труда в промышленность наблюдался сразу после освобождения территории Беларуси от оккупации, на многих предприятиях женщины составляли преобладающую часть кадров. Так, на 1 апреля 1944 г. среди рабочих и служащих Витебской области женщины составляли 61% в промышленности, 75% в строительстве, 69% в связи [2, д. 4, л. 24, 27].

Женщины стали основой рабочей силы на селе, они работали во вновь созданных колхозах и на личных подсобных хозяйствах, выживая сами и помогая решать основные задачи восстановления страны. Привлечение уже в первые месяцы послеоккупационного периода в сельскохозяйственное производство большого числа новых кадров из числа женщин поставило задачу их обучения. При этом, как свидетельствуют документы обкомов и райкомов КП(б)Б, осуществлявших управление на местах в послеоккупационный военный период, комплектование курсов по подготовке счетоводов, трактористов механиков и прочих необходимых специалистов обеспечивалось главным образом из числа женщин-крестьянок [2, д. 19, л. 2, 46].

В ситуации повсеместной разрухи, когда технические возможности сельского хозяйства страны были минимальны, большую часть работ крестьянам приходилось выполнять вручную. В связи с недостатком мужской рабочей силы женщины в условиях отсутствия транспорта переносили на себе семена и продукты, вручную вскапывали общественные посевы в колхозах, а также широко привлекались к ручной косьбе [4, д. 1, л. 49].

Несмотря на то, что женщины составляли основную рабочую силу в колхозах, их представительство на руководящей работе в сельском хозяйстве было незначительно. Так, среди 323 председателей сельсоветов Витебской области по состоянию на август 1944 г. было только 6, а из 2 565 председателей колхозов только 124 женщины [2, д. 101, л. 36–37]. Характерным в этом плане явля-

ется объяснение такого положения дел осенью 1944 г. секретаря по кадрам Сиротинского райкома КП(б)Б, который, анализируя подход к расстановке кадров, отметил, что «особой нужды в укомплектовании руководящих кадров за счет женщин не было, т.к. у нас хватает мужчин» [2, д. 101, л. 89]. Как свидетельствуют архивные документы, вопрос «О недооценке выдвижения женщин на руководящие работы», неоднократно становилось предметом специального обсуждения высших, а также местных партийных органов [2, д. 101, л. 90; 5, д. 18, л. 56–57].

В условиях массового вовлечения женщин в производство и сельское хозяйство одной из задач местных органов власти стало восстановление сети детских садов и яслей. До Великой Отечественной войны в Беларуси насчитывалось 1006 детсадов, в которых воспитывалось 54 800 детей дошкольного возраста. Кроме того, в летний период действовали детские площадки, которыми было охвачено 84 тысячи детей колхозников. За период оккупации более 600 зданий детсадов были сожжены и уничтожены вместе с имуществом [6, д. 20, л. 73]. В сельской местности, местные органы власти пытались решить вопросы присмотра за детьми колхозниц организуя уже весной 1944 г. детские ясли и детские площадки на время полевых работ [2, д. 19, л. 101]. К концу 1944 г. в Беларуси был восстановлен 201 детсад с количеством детей 11 538 [6, д. 20, л. 73]. Несмотря на дальнейший рост сети детских учреждений на протяжении послеоккупационного восстановительного периода, существующее количество детских учреждений не удовлетворяло запросов матерей, которые вынуждены были брать своих детей с собой на работу или оставлять их дома без присмотра.

Архивные документы свидетельствуют, что власти также учитывали важность восстановления в освобожденных районах системы охраны материнства и детства. Среди мероприятий, направленных в условиях войны на охрану матери и ребенка, следует отметить выполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать героиня» и учреждении ордена «Материнская слава», и медали «Медаль материнства». Государственная помощь предоставлялась матерям, которые имели двоих детей, при рождении третьего и каждого последующего ребенка. Также предусматривалось выплата госпособия одиноким, не состоящим в браке матерям на содержание и воспитание ребенка, родившегося после издания Указа, до 12 летнего возраста [6, д. 30, л. 158–159].

Указ установил увеличение вдвое нормы дополнительного продовольственного пайка беременным женщинам, начиная с шестого месяца беременности и кормящим матерям в течение четырех месяцев кормления. Кроме того, указ обязал руководителей предприятий и учреждений выдавать дополнительно беременным женщинам и кормящим матерям продукты из подсобных хозяйств. Рабочим и служащим увеличивался оплачиваемый отпуск по беременности и родам с 63 до 77 дней [6, д. 13, л. 18].

Что касалось крестьянок, которые составляли основную часть женского населения, то специальные льготы для беременных и кормящих предусматривались Уставом сельскохозяйственной артели (утвержденным в 1935 г.) для женщин-колхозниц, которым должны были поручаться более легкие работы. За месяц до родов и за месяц после родов колхозницы должны были освобождаться от работы с сохранением за ними содержания на эти 2 месяца в половинном размере средней выработки или трудодней [6, д. 29, л. 159].

Организация точного учета многодетных и одиноких матерей с последующей выплатой им пособий, открытие магазинов для беременных женщин и кормящих матерей стала в послеоккупационный период одной из задач местных органов власти. Также началось восстановление женско-детских консультаций, при которых специально выделялось оборудование молочных кухонь [2, д. 21, л. 191; 5, д. 540, л. 58].

Сумма выплаченных государственных пособий многодетным и одиноким матерям по БССР в 1944 г. составила 10 599 тыс. рублей [14, д. 34, л. 45]. Вместе с тем необходимо отметить, что на местах, как со стороны финансовых органов, так и торгующих организаций, имелся ряд недостатков в выполнении Указа: в частности прецеденты, когда при выплате матерям госпособий погашали недоимки по разным налогам, числящимся за их хозяйствами [6, д. 16, л. 10]. В тоже время, имевшее место несвоевременное оформление документов на получение госпособия многодетным и одиноким матерям, случаи невыдачи продуктов питания торгующими организациями пайка беременным и кормящим в ситуации повсеместной разрухи, все-

общего послевоенного дефицита зачастую имели объективные причины, связанные с нехваткой людей, транспорта, товаров и продуктов на местах [7, с. 112].

Тяжесть потерь, материальные лишения, переживаемые в послеоккупационный период за малым исключением всеми жителями республики, усугублялись в преимущественно женском обществе дополнительными трудностями психологического характера, связанными с проблемой личной неустроенности, женского одиночества, невозможности для многих женщин создать семью из-за резкого сокращения мужского населения [8, с. 25–26]. Во время войны во многих семьях произошла смена главы семьи, которым, главным образом, стала женщина-вдова, муж которой погиб [9, с. 124]. Оставшись без мужей, в очень тяжелых материальных условиях послевоенного времени, женщины, неся ответственность за своих детей, проявляли большое сострадание к чужому горю. Своеобразным наследием войны стало целое поколение детей-сирот. Женщины брали их на воспитание в свои семьи, женсоветы из общественниц, которые начали создаваться уже весной 1945 г. при отделах народного образования, помогали государственным организациям заниматься проблемами детей, оставшихся без родителей [10, д. 12, л. 69].

Одной из задач местных органов власти стала помощь семьям мобилизованных в Красную Армию и партизан, которым выплачивались пенсии и пособия, в первую очередь предоставлялось жилье, приусадебные участки, осуществлялось их трудоустройство. В соответствии с постановлением ЦК КП(б)Б от 12 октября 1943 г. на территории республики по мере освобождения ее от немецких захватчиков при областном и районных исполкомах создавались отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан [2, д. 26, л. 2]. Однако в ситуации повсеместной разрухи, всеобщего послевоенного дефицита, решить все материально-бытовые проблемы не представлялось возможным по объективным причинам.

И тем не менее, трудности жизни – неизбежные после столь разрушительной войны и трехлетней оккупации – воспринимались большинством населения с пониманием, как своего рода «норма» послевоенного бытия. В конце Великой Отечественной войны наблюдался патриотический подъем. Так, духовный настрой женщин, характеризует высказывание крестьянки Плисского района, попавшее в информационный отчет: «Пусть лучше я буду вдовой погибшего героя, чем женой живого дезертира» [5, д. 286, л. 73].

Таким образом, в послеоккупационный военный период белорусское общество было преимущественно женским. Это создавало серьезные проблемы – не только демографические, социально-экономические, но и психологические. И хотя советские органы и местные партийные организации пытались решить вопросы по удовлетворению материально-бытовых нужд населения, охране материнства и детства, повсеместный дефицит, нехватка средств не позволяли оказать практическую помощь всем нуждающимся в поддержке. Однако, несмотря на все лишения и потери, в очень тяжелых материальных условиях женщины, заменив своих мужей на производстве и в сельском хозяйстве, стремились самоотверженным трудом приблизить по-настоящему мирную жизнь. На исходе Великой Отечественной войны их настроение определяли патриотизм и вера справедливость войны против нацистской Германии.

Литература

1. Белязо, А.П. Беларуская вёска ў пасляваенныя гады / А.П. Белязо. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1974. – 176 с.
2. Государственный архив Витебской области. – Фонд 1-п. – Оп.1.
3. Марченко, И.Е. Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР (1943–1950 гг.) / И.Е. Марченко. – Минск: Наука и техника, 1977. – 248 с.
4. Государственный архив Витебской области. – Фонд 45-п. – Оп.1.
5. Государственный архив Витебской области. – Фонд 10060-п. – Оп.1.
6. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4-п. – Оп. 49.
7. Тимонова, А.В. Крестьянство БССР в послеоккупационный военный период (осень 1943 – весна 1945 г.) / А.В. Тимонова // Беларусь. 1941–1945. Подвиг. Трагедия. Память. В. 2 кн. Кн. 2 / Нац. акад. наук. Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя (пред.) [и др.] – Минск: Бел. наука, 2010. – С. 86–114.
8. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е.Ю. Зубкова. – Москва: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
9. Залескі, А.І. Аб некаторых з'явах у пасляваенным сямейным быце беларускіх калгаснікаў / А.І. Залескі // Беларускі этнаграфічны зборнік. – Т. 1. – Вып. 1. – Мінск, 1958. – С. 122–140.
10. Государственный архив Витебской области. – Фонд 102-п. – Оп. 3.

Ковпак Л.В.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЛИШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ В ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1943–1946 гг.)

В украинской историографии в последние годы усиливается внимание к ранее мало освещаемым страницам Великой Отечественной войны. Историки все больше исследуют не только военные действия и события на фронтах, но и повседневную жизнь населения, как на оккупированной территории, так и в первый период после освобождения. Свидетельством выступают архивы, мемуарная литература, другие исторические источники и литература [1].

6 ноября 1943 г. после кровопролитных боев битвы за Днепр был освобожден Киев, 28 октября 1944 г. – дата освобождения всей территории Украины от гитлеровских оккупантов, когда советские войска вышли на государственную границу СССР. Боевые действия Второй мировой войны происходили на территории Украины 40 месяцев. За годы войны в Украине погибли 5,4 млн. мирных жителей и около 2,5 млн. были принудительно вывезены на фашистскую каторгу в Германию [2, с. 3]. Только в 1960 г. Украина смогла выйти по численности населения на предвоенный уровень – 42 млн. чел. В руины и пожарища были превращены 714 городов и поселков городского типа и более 28 тыс. сел, 16,5 тыс. промышленных предприятий. С огромным напряжением физических и моральных сил люди работали на восстановление; трудолюбие, патриотизм, энтузиазм народа сделали возможным залечить страшные раны войны, возродить экономику и культуру.

Оккупационные немецкие власти устанавливали «новый режим» – полуголодное существование, жизнь в страхе, обязательную трудовую повинность, биржи труда, трудовые карточки, суровые наказания (вплоть до смертной казни), запрет горожанам выезжать за пределы городов, принудительный рабский труд остарбайтеров, ежедневные облавы в многолюдных местах (на рынках, вокзалах, в церквях, др.).

В первые месяцы после освобождения и несколько послевоенных лет в городах Украины еще сохранялось введенное во время войны нормированное обеспечение продуктами и промышленными товарами первой необходимости по государственным ценам по карточкам – то есть карточная система. Нормы потребления были ограничены. Существовали частые сбои в снабжении населения хлебом, крупами даже по карточкам. Люди вынужденно привыкли к полуголодному существованию еще со времен войны. Так, в декабре 1944 г. ежедневная норма хлеба была: для рабочих – 500–700 грамм, для служащих – 300–450, для иждивенцев (взрослых) – 200–300, для детей до 12 лет – 200–300 граммов [3, л. 3]. По решению СНК СССР (конец 1944 г.) из-за недостаточности фондов хлеба и круп, практиковалась выдача населению картофеля для примеси при выпечке хлеба, или на замену крупы. Рабочий, например, по карточкам ежемесячно получал меньше 2 кг мяса и рыбы, 1,2 кг крупы и макарон, 400 грамм жиров. С частыми сбоями, с недостатками осуществлялись поставки по продуктовым карточкам, особенно для таких категорий, как иждивенцы, студенты. Так, осенью 1947 г. неудовлетворительно проводилось отоваривание продовольственных карточек для студентов в таких областях, как Одесская, Черновицкая, Станиславская [4, л. 67]. Постепенно нормы снабжения повышались, расширялся ассортимент продуктов, которые выдавались по карточкам. С 1944 г. действовала также государственная (коммерческая) торговля по повышенным ценам. Постановление об отмене карточек на продовольственные и промышленные товары и переход к продаже их в открытой торговле по единым государственным розничным ценам Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли 14 декабря 1947 г., и оно называлось «О проведении денежной реформы и об отмене карточек на продовольственные и промышленные товары».

В июне 1945 г. на Седьмой сессии Верховного Совета УССР, которая впервые собралась после окончания войны, происходило утверждение Государственного плана и бюджета. В выступлениях почти каждого депутата прославлялось величие одержанной Победы, намечались шаги по восстановлению разрушенного хозяйства, и при этом обязательно подчеркивалась необходимость «силы, энергии, выдержки людей» в условиях мирной жизни «на благо и дальнейшее укрепление военно-экономической мощи государства» [5]. Несмотря на личные лишения и горести, рабочие должны были работать со всей ответственностью, поскольку пятилетний план требовал повышения производительности труда на 36% [6, с. 442].

Одной из важнейших акций, в значительной мере определявшей социальные процессы в украинском обществе в первые годы после окончания Великой Отечественной войны, стала демобилизация из армии. В честь прибывших воинов организовывались торжественные митинги. Демобилизация осуществлялась в несколько этапов (очередей) на основе Закона о демобилизации, принятого XII сессией Верховного Совета СССР 23 июня 1945 г. 25 сентября 1945 г. была объявлена демобилизация второй очереди, а с 20 марта 1946 г. – третьей очереди. В соответствии с Законом, демобилизованные перевозились в родные дома за счет государства, обеспечивались бесплатно обмундированием и обувью, им выплачивалось разовое денежное вознаграждение. Местные органы власти были обязаны в течение одного месяца обеспечить бывших воинов работой, жилой площадью, топливом, стройматериалами, для индивидуального строительства жилья предоставлялись ссуды. Например, на 10 июля 1946 г. в Ровенскую область прибыло 3 тыс. 533 чел., демобилизованных в третью очередь, большинство из них – уроженцы Ровненщины [7, л. 13–14].

Нелегким было возвращение демобилизованных к мирной жизни, многие из них были инвалидами. Важнейшей задачей было трудоустройство вчерашних воинов. Так, в Ровенской области по состоянию на 1 октября 1946 г. было трудоустроено 7 тыс. 735 инвалидов Великой Отечественной войны из общего количества в 11 тыс. 240 чел. [8, л. 38]. Демобилизованные стремились устроиться на работу, главным образом, по специальностям, которые получили до войны. Вместе с тем, разворачивалась широкая сеть курсов, школ по профессиональной подготовке и переподготовке кадров для основных отраслей – рабочих, машинистов, строителей и др. Широко применялся метод бригадно-индивидуального обучения. По состоянию на 10 сентября 1946 г. в Харьковской области из прибывших 131 670 демобилизованных было устроено на курсы и в учебные заведения – 124 325 чел. [9, л. 15–17]. На местах создавались комиссии по трудоустройству демобилизованных и разворачивали свою работу органы социального обеспечения по предоставлению им материальной помощи. Например, в Харькове на 1 октября 1946 г. было предоставлено демобилизованным 5 584 квартиры и комнаты; выдано 4 091 тонн угля, 7 741 складометров дров. Кроме того, выдано денежных ссуд на сумму 8 938 007 руб.; отпущено стройматериалов 6930 кубометров [10, л. 17].

Одним из наиболее сложных вопросов было протезирование инвалидов. Сеть мастерских, даже перевыполняя установленные нормы, не успевала производить протезы для всех тех, кто в них нуждался, к тому же не хватало сырья и материалов.

Остро встала проблема обеспечения экономики кадрами рабочих и специалистов, в первую очередь на восстановление Днепрогэса, шахт Донбасса, «Запорожстали», «Азовстали», машиностроительных заводов Харькова и Киева. Поэтому на начальном этапе восстановления широко использовались трудовые мобилизации, в том числе через оргнабор сельских тружеников, особенно молодежи. Трудовые ресурсы для промышленности, строительства и транспорта увеличивались также за счет реэвакуации рабочих и служащих из других республик СССР. Организованный набор рабочих осуществляло Министерство трудовых резервов через свои конторы, а также местные органы власти. Резко увеличивалась сеть школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных и железнодорожных училищ. В первый послевоенный год был установлен 8-часовой рабочий день, отменены обязательные сверхурочные работы, восстановлены очередные и дополнительные отпуска. Восстановление промышленности и дальнейшее ее развитие осуществлялись ценой низкой доли заработной платы рабочих и служащих в национальном доходе. Более 70% рабочих промышленных предприятий достигали норм выработки преимущественно ручным трудом. Отсутствие надлежащей безопасности часто приводило к производственному травматизму, высоким был уровень профессиональных заболеваний, особенно в металлургии, угледобыче.

После войны необходимо было в кратчайшие сроки обеспечить людей жильем. На Украине фашистские захватчики разрушили сотни населенных пунктов, уничтожили более 40 млн. кв. м жилья – 50% довоенного жилого фонда. Оккупанты сравняли с землей десятки красивых украинских городов, почти 10 млн. чел. остались без крова.

Миллионы людей жили в полуразрушенных домах, перенаселенных бараках, полуподвальных помещениях, землянках. Практическую работу по учету и распределению жилья проводили местные органы власти – Советы, их исполнительные комитеты и постоянные комиссии.

Еще в июне 1944 г. Совнарком УССР созвал совещание руководящих работников Укра-

инского филиала Академии архитектуры СССР, на которой обсуждались вопросы восстановления городов и сел. При Совнаркоме (а затем Совете Министров) УССР был создан Архитектурный Совет по Управлению делами архитектуры, в котором сосредоточивалась вся работа по планированию и застройке городов и сел. В 1945 г. была создана Академия архитектуры УССР, которую возглавил известный архитектор В.Г. Заболотный. Для осуществления строительных работ по линии Министерства жилищно-гражданского строительства в городах были организованы десятки специализированных строительных организаций с постоянными кадрами квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников. Проводилась разработка планов восстановления жилищного фонда местных Советов во всех областях. Утверждались списки жилых зданий, подлежащих первоочередному восстановлению в 1945 г. в городах – Киев, Харьков, Сталино (Донецк), Днепропетровск, Луганск. Как правило, такие дома располагались в центральной части городов или на главных городских магистралях [11, л. 1]. Уже весной 1945 г. развернули свою работу Наркомат жилищно-гражданского строительства и Наркомат коммунального хозяйства УССР [12, л. 2–4]. Многие города возрождались методом народной стройки. Через уличные, квартальные комитеты население привлекалось к восстановительным работам. При восстановлении жилых домов распространенным было использование внутренних ресурсов и материалов от разбора разрушенных зданий; организовывались подсобные предприятия по изготовлению стройматериалов (черепицы, гвоздей, скобяных изделий, красок, олифы, печного литья и др.), и широко использовались простейшие средства механизации [13, л. 2]. Напряженно работали люди, чтобы поднять из руин столицу Украины – Киев, и как можно скорее главную улицу – Крещатик. Более 43% жилых зданий Киева было сожжено и разрушено во время войны [14, л. 275]. По инициативе жителей села Верховня Житомирской области по всей УССР распространялось движение за восстановление разрушенных и строительство новых школ методом народной стройки. Таким же образом возрождались больницы и библиотеки, кинотеатры и стадионы, общежития и учебные корпуса институтов. Многие дома для сельских жителей сооружали колхозные строительные бригады.

В годы войны почти полностью была разрушена система коммунального хозяйства. Постепенно восстанавливались водопроводные системы, расширялось оснащение домов коммунальными удобствами. Восстанавливались вокзалы, железнодорожные станции, сооружались мосты, дороги, возобновлялась работа пассажирского транспорта. До войны трамвайное хозяйство работало в 22 городах Украины, а троллейбусное – в 5. Во время фашистской оккупации основной фонд трамвайно-троллейбусного хозяйства был практически полностью разрушен, а также вывезен в Германию и Румынию. Общий ущерб, нанесенный трамвайно-троллейбусному транспорту Украины, определялся суммой 155 млн. руб. [15, л. 14–15]. В 1946 г. трамваи были пущены в 21 городе – то есть во всех городах, где были они до войны, за исключением Кировограда: здесь трамвайное хозяйство оказалось настолько разрушенным, что вместо его восстановления целесообразным стало новое строительство троллейбусного сообщения. В 1946 г. движение троллейбусов было открыто во всех 5 городах, которые имели его перед войной, но объемы пассажироперевозок значительно отставали от довоенных.

Большие средства из госбюджета направлялись не только в восточные области УССР на восстановление Донбасса, Днепрогэса, Запорожстали, но и в западные области, которые вошли в состав УССР. Здесь быстрыми темпами сооружали промышленные предприятия, выделялись средства для культурно-бытового развития и на ликвидацию неграмотности (70% населения было неграмотным), строились больницы, открывались новые школы, вузы.

Литература

1. Вронська, Т.В. В умовах війни: життя та побут населення міст України (1943–1945 рр.) / Т.В. Вронська. – Київ: Інститут історії України НАНУ, 1995. – 84 с.; Заболотна, Т. Життя та побут міського наслення напередодні та в роки окупації (1941–1944 рр.) / Т. Заболотна // Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI ст. (у двох книгах). – Київ: Наукова думка, 2011. – Кн.1. – С. 7–44.); Київ у дні нацистської навали (За документами радянських спецслужб). Науково-документальне видання / Ін-т історії України НАНУ. – Київ – Львів, 2003. – 526 с.
2. Радянська Україна. – 1964. – 18 жовтня. – С. 3.
3. Центральний державний архів вищих органів влади і управління України (ЦДАВО У). – Фонд. 2. – Оп. 7. – Спр. 1236.
4. ЦДАВО У. – Фонд. 2. – Оп. 7. – Спр. 7261.
5. Сьома сесія Верховної Ради УРСР (червень 1945 р.) // Стенографічний звіт. – Київ, 1946. – С. 28, 54, 64, 80.
6. Субтельний, О. Україна. Історія / О. Субтельний. – Київ: Либідь, 1994. – 442 с.
7. Центральний державний архів громадських організацій України (ЦДАГО У). – Фонд. 1. – Оп.30. – Частина 1. – Спр. 393. – С. 13–14; Началась демобилизация третьей очереди (ТАСС) // Правда. – 1946. – 12 мая. – С. 1.
8. ЦДАГО У. – Фонд 1. – Оп. 30. – Частина 1. – Спр. 393.

9. ЦДАГО У. – Фонд 1. – Оп. 30. – Частина 1. – Спр. 393.
10. ЦДАГО У. – Фонд 1. – Оп. 30. – Частина 1. – Спр. 393.
11. ЦДАГО У. – Фонд 1. – Оп. 30. – Частина 1. – Спр. 266.
12. ЦДАГО У. – Фонд1. – Оп. 30. – Частина 1. – Спр. 425.
13. ЦДАГО У. – Фонд 1. – Оп. 30. – Частина 1. – Спр. 266.
14. ЦДАВО У. – Фонд 4906. – Оп. 1. – Спр. 661.
15. ЦДАГО У. – Фонд 1. – Оп. 30. – Частина 1. – Спр. 425.

Одинец Л.С.

БАРАНОВИЧИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ (ИЮЛЬ 1944 – МАЙ 1945 г.)

Актуальность темы научного исследования определяется рядом факторов. Во-первых, она относиться к судьбоносному событию в истории новейшего времени – Победе советского народа в Великой Отечественной войне, 70-летие которой будет отмечаться в мае будущего года. Во-вторых, недостаточной научной разработанностью краеведческого аспекта одного из периодов этой войны, связанного с освобождением города Барановичи от немецко-фашистских оккупантов и началом его восстановления в ходе продолжавшейся войны.

В историю Великой Отечественной войны областной центр Барановичи, крупный узел железнодорожных и шоссейных дорог, вошел в связи с наступательной операцией под названием «Барановичско-Слонимская операция 1944 года». Барановичи были мощным укреплённым районом обороны немцев, прикрывавшим направление на Брест и Белосток. На подступах к городу наши войска встретили ожесточенное сопротивление противника. Город был взят штурмом войсками первого Белорусского фронта, который начался 8 июля 1944 года в 3 часа ночи. К утру Барановичи были полностью очищены от немцев.

В этой связи представляется необходимым изучить: ущерб, нанесенный городу немецко-фашистскими оккупантами; основные направления и результаты деятельности местных органов власти в освобождённом городе.

Анализ фактического материала показал:

1. Людские и материальные потери были огромными. Гитлеровцы уничтожили в городе и окрестностях 127,5 тысяч человек [6, с. 302]. До войны население Баранович составляло около 40 тысяч человек [3, с. 81]. В день освобождения города в нём насчитывалось от 600 до 800 жителей [5, с. 360]. Остальные находились в лесах, деревнях, были расстреляны или угнаны в Германию. 10 июля была проведена перепись жителей города, в ходе которой зарегистрировались 4 тысячи человек [2].

Почти полностью был разрушен город и железная дорога. Более 50 промышленных предприятий (80%) не подлежало восстановлению. Немецко-фашистские захватчики уничтожили 2,5 тысячи жилых домов (85%), многие объекты социально-культурного назначения [5, с. 485; 7, с.81]. Гитлеровцы разграбили и уничтожили областной драматический театр. Довоенный театр был двухэтажным, с вращающейся сценой, просторным фойе, с красивой мебелью, привезённой из Несвижского замка. Было разрушено двухэтажное здание областной библиотеки, книжный фонд которой насчитывал около 200 тысяч экземпляров. Почти весь библиотечный фонд был уничтожен [5, с. 573, 586]. Фашистские захватчики разграбили старейший в Западной Беларуси Барановичский областной музей изобразительного искусства. Отсюда были вывезены 1716 музейных экспонатов, судьба которых неизвестна [5, с. 589]. Среди них были мраморный инкрустированный стол, изготовленный в XVI веке итальянскими мастерами, произведения живописи и графики XVII–XX вв.; печати князей Радзивиллов XVIII в., нумизматическая коллекция [6, с. 299].

2. Приступая к восстановлению городского хозяйства, местная власть стремилась, прежде всего, обеспечить население продуктами питания, наладить быстрый ремонт жилых и служебных помещений, восстановить работу железной дороги, промышленных предприятий, школ, медицинских и культурных учреждений, оказать помощь Красной Армии и семьям фронтовиков.

В августе 1944 года всё трудоспособное население было мобилизовано для выполнения ремонтных и восстановительных работ в городе и на железной дороге, для уборки урожая в пригородном подсобном хозяйстве. В восстановлении города большую помощь оказывали во-

инские части Красной Армии, республики СССР. Воинские части разминировали здания, ремонтировали дороги, строили школы, больницы, жилые дома и др. Из братских республик в Барановичи поступали продукты питания, медикаменты, оборудование, школьные принадлежности и многое другое. Так, вскоре после освобождения из РСФСР прибыл энергопоезд для снабжения города электроэнергией [4, с. 169].

В числе первых были восстановлены небольшие артели горпромкомбината. Они выпускали пиломатериалы, изготавливали кожаные изделия, шили обувь, варили мыло, обеспечивали потребителей бондарными изделиями. В конце августа – сентябре начали производить продукцию, необходимую для города и Красной Армии 11 предприятий горпромкомбината: химическая фабрика, мельница, механические мастерские и др., на которых работало около 250 человек [5, с. 486].

Однако промышленные предприятия испытывали большие трудности в обеспечении оборудованием и механизмами, сырьём, транспортными средствами. Так, городской транспорт состоял из 21-ой лошади, 2 из которых болели чесоткой. Несмотря на то, что лошади были обеспечены сеном и получали каждая по 50 кг овса и отрубей в месяц, они находились в плохом состоянии. Это было связано с большими объёмами выполняемой ими работы [5, с. 384].

3. Власти и население города предпринимали усилия с целью налаживания социальной и культурной сфер жизни города. Были отремонтированы и переданы управлению кинофикации два здания, взамен сожжённых фашистскими оккупантами двух кинотеатров. В соответствии с постановлением СНК БССР №205 от 7 апреля 1944 года устанавливалось, что демонстрация кинофильмов должна занимать не более 20–25 дней в месяц, а остальные дни следовало использовать для концертов, спектаклей, собраний и других мероприятий [1]. В августе 1944 года возобновил свою работу в приспособленном помещении областной драматический театр. Был организован областной джаз-ансамбль песни и пляски в количестве 60 человек, который располагался в Барановичах. Он выступал перед частями Красной Армии и тыловых гарнизонах, в госпиталях и на аэродромах, а также перед гражданским населением [5, с. 382, 385].

В городе открылась гостиница, работали 15 магазинов и 5 столовых общественного питания [5, с. 385]. Комсомольцы и молодёжь приступили к восстановлению городского стадиона.

Новый 1944–1945 учебный год в городе начали 6 общеобразовательных, вечерняя, музыкальная, ФЗО (фабрично-заводского обучения) строителей и фельдшерско-акушерская школы. 2 октября 113 студентов приступили к занятиям в Барановичском учительском институте на отделениях языка и литературы и историческом [4, с. 271; 5, с. 486]. Вместе с тем, не все школы были отремонтированы, обеспечены топливом, а учителя - квартирами. Из-за недостатка мест, школы отказывали в приёме учащихся в старшие классы. К зиме 1944 года были восстановлены и работали лечебные учреждения города. Однако не хватало медицинского оборудования, не была организована молочная кухня для детей. Угрожающей оставалась эпидемиологическая обстановка в городе.

4. В сложный для города восстановительный период на многолюдных митингах принимались решения «своими трудовыми рублями помочь Красной Армии добить врага» [5, с. 387]. Трудящиеся добровольно собирали денежные средства на строительство танковой колонны, подписывались на Четвёртый государственный военный заём. Так, поездной мастер вагонного участка Барановичского отделения железной дороги Романовский подписался на 2,5 тысячи рублей при среднемесячной заработной плате 750 рублей. Этому примеру последовали и другие железнодорожники. В течение одного часа трудовой коллектив вагонного участка подписался более чем на 200 тысяч рублей [5, с. 387].

Жители города помогали медицинскому персоналу и раненым красноармейцам в военных госпиталях, которые временно размещались в городе. Всего за период с июля по сентябрь 1944 года здесь находилось 25 эвакогоспиталей, хирургических полевых подвижных и госпиталей легкораненых [5, с. 375].

В сжатые сроки в городе была проведена мобилизация граждан 1924 – 1926 гг. рождения в ряды Красной Армии. К весне 1945 года была оказана помощь семьям военнослужащих. Отдел гособеспечения горисполкома поставил на учёт 659 семей фронтовиков, из которых 105 – получили денежные пособия, 31 – пенсии, 275 – одежду и обувь, 10 – квартиры [5, с. 384]. Однако в работе отдела гособеспечения имелись и недостатки. Так, не все семьи фронтовиков были обеспечены квартирами и топливом. Не был закончен учёт семей фронтовиков, которые

нуждались в получении земли для индивидуальных огородов. Не везде руководители предприятий и учреждений проводили разъяснительную работу среди трудящихся по добровольному отчислению средств в фонд помощи семьям фронтовиков. Некоторые дети из этих семей не ходили в школу из-за отсутствия обуви. Решением исполкома городского Совета указанные недостатки должны были быть устранены до 1 апреля 1945 года.

В преддверии Дня Победы были перезахоронены в новом городском парке останки воинов Красной Армии, павших при освобождении Баранович и похороненных в разных местах города. В День Победы, 9 мая, в 13 часов в Барановичах состоялся многолюдный митинг, демонстрация трудящихся и салют. Горожане города встречали День Победы с надеждой на скорейшее восстановление нормальной жизни.

Таким образом, Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для жителей Баранович. Население города уменьшилось в 10 раз. Городскому хозяйству, социально-культурной сфере был нанесен огромный ущерб. В период с июля 1944 по май 1945 года городскими властями решалась двуединая задача: восстановить разрушенное хозяйство города и наладить работу промышленных предприятий с тем, чтобы обеспечить выпуск продукции для фронта. Одновременно возрождалась социальная и культурная жизнь города. Основными направлениями деятельности местных органов власти в освобождённом городе были: осуществление ремонтно-восстановительных работ, организация хозяйственной жизни, налаживание социального и культурного обслуживания трудящихся, оказание помощи фронту и улучшение материального положения семей фронтовиков.

Главные результаты этой работы заключались в том, что, за короткий срок, преодолевая огромные трудности, жители города приступили к его восстановлению, помогая при этом Красной Армии и семьям красноармейцев.

Литература

1. Зональный государственный архив в городе Барановичи. – Фонд. 138. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1.
2. Краеведческий музей в городе Барановичи. – КП – 7322.
3. Малішэўскі, У.А. Нашы гарады / У.А. Малішэўскі, П.М. Пабока. – Мінск: Нар. асвета, 1991. – 303 с.
4. Очерки истории Брестской областной партийной организации / Я.Я. Алексейчик, Б.И. Комейша, В.П. Самович; под ред. В.А. Бобкова. – Минск: Беларусь, 1989. – 448 с.
5. Памяць. Гіст.-дакум. хроніка г. Баранавічы і Баранавіцкага р-на. – Мінск: БЕЛТА, 2000. – 736 с.
6. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. / рэдкал.: М.В. Біч [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1993. – Т. 1. – 494 с.

Шарков А.В.

ВИТЕБСКИЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД НАЦИСТСКИМИ ПРЕСТУПНИКАМИ

Страшный, ужасающий след оставила война в истории Беларуси и нашего народа. На захваченной земле оккупанты творили не поддающиеся человеческому разуму преступления и зверства. За три года оккупации гитлеровцы истребили около полутора миллионов граждан республики и более 800 тысяч военнопленных. В республике было разрушено около 4800 населенных пунктов, 628 белорусских деревень постигла участь Хатыни, сожженной вместе с ее жителями. 380 тысяч молодых граждан Беларуси было угнано в Германию, многие из них никогда больше не увидели родной земли.

Безусловно, виновные в этих злодеяниях должны были понести суровую кару. Для установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года были образованы Чрезвычайная государственная комиссия СССР, а также республиканские, краевые, областные и районные комиссии. В Беларуси такую комиссию, созданную в начале 1944 года, возглавил первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко. Действовали Барановичская, Бобруйская, Брестская Витебская, Гомельская, Гродненская, Минская, Могилевская, Молодеченская, Пинская, Полесская, Полоцкая областные комиссии содействия, собиравшие документальные данные, в том числе показания свидетелей, составлявшие акты о злодеяниях и причиненном ущербе. Они имели право поручать надлежащим органам производить расследование, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные данные о насилиях, зверствах, массовых убийствах, грабежах, разрушениях и других преступных действиях гитлеровских оккупантов и их пособников. Акты, сообщения и другие материалы Чрезвычайной государственной комис-

сии широко использовались на Нюрнбергском процессе, а также и на процессах, проходивших в Минске, Гомеле, Витебске, Бобруйске и других городах. Они были признаны судебными органами бесспорными доказательствами вины немецких военных преступников.

Юридически неотвратимость возмездия вытекала из Московской Декларации «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» от 30 октября 1943 года, подписанной руководителями трех союзных держав антигитлеровской коалиции – Великобритании, США и СССР [1, с. 419]. В декларации заявлялось, что те германские офицеры, солдаты и члены нацистской партии, которые ответственны за зверства, убийства и казни либо добровольно принимали в них участие, будут судимы и наказаны в соответствии с законами тех стран, где эти преступления были совершены. Принципы декларации были развиты в Потсдамском соглашении держав-победительниц, а затем признаны ООН и подтверждены в качестве принципов международного права в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 октября 1946 года [2, 105]. Еще ранее, 19 апреля 1943 года Советское государство издало Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» [3, с. 82]. Этот документ устанавливал порядок суда над военными преступниками и предусматривал новые виды наказания: смертную казнь через повешение и ссылку на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет. Для осужденных на каторжные работы закон предусматривал специальные места заключения [4, с. 50–51].

Все обвиняемые по Указу от 19 апреля 1943 года считались соисполнителями единой преступной политики нацистской Германии и ее союзников на оккупированной территории СССР. Само должностное положение или характер служебных обязанностей тех или иных лиц имели решающее значение для привлечения их к ответственности.

29 ноября 1949 года МВД, МГБ и Прокуратурой СССР была издана совместная директива, согласно которой военнопленные офицеры, служившие на командных и оперативных должностях в органах и войсках СС, привлекались к ответственности по ст. 16 (соучастие) УК РСФСР и Указу от 19 апреля 1943 года как военные преступники. Командный и рядовой состав вермахта, в годы войн проходивший службу в концлагерях, лагерях для советских военнопленных и мирных граждан, а также сотрудники карательных органов, суда, прокуратуры, полиции и следственных органов несли ответственность на тех же основаниях.

Для раскрытия и расследования дел о военных преступлениях были созданы и усилены специальные оперативно-следственные и судебные органы: «Смерш» и военно-полевые суды. Дела данной категории также рассматривались внесудебными органами, наделявшимися судебными функциями (Особым совещанием при НКВД /МВД/ МГБ СССР и др.).

О деятельности военно-полевых судов практически ничего не известно. Между тем эти суды действовали при дивизиях и корпусах Красной Армии в период с 1943 по 1945 годы, причем не, только на советской территории, но и в Германии. В состав военно-полевых судов входили: председатель военного трибунала дивизии (председатель суда), начальники политического и особого отделов (члены суда), с обязательным участием в рассмотрении дела военного прокурора. Приговоры утверждались командиром дивизии и приводились в исполнение немедленно и публично. Порядок судопроизводства военно-полевых судов регламентировался указанием начальника Главного управления военных трибуналов Красной Армии от 18 мая 1943 года «О порядке рассмотрения дел в военно-полевых судах при дивизиях действующей армии». Суды рассматривали дела сразу же после освобождения занятой противником территории и были первыми в осуществлении наказаний, выносимых лицам, уличенным в совершении злодеяний.

Военно-полевые суды функционировали и в войсках, освобождавших Беларусь. Однако в целом деятельность военно-полевых судов на территории Беларуси не получила широкого распространения по той причине, что в период стремительного наступления все части, дивизии или корпуса находились практически постоянно на колесах. Реально рассматривать в такой обстановке можно было лишь дела в отношении карателей и их пособников, задержанных, что называется, с поличным, когда преступные действия были столь очевидны, что не нуждались в специальном расследовании. В других случаях, те же лица передавались в военные трибуналы.

Порядок судопроизводства военных трибуналов регламентировался «Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий», утвержденным Президиумом Верховного Совета СССР 22 июня 1941 года

[5, с. 255]. Этим документом устанавливался особый режим работы военно-судебных органов, состав которых после объявления мобилизации существенно пополнился за счет расширения сети трибуналов войск НКВД. Среди немалого числа изъятий из общих правил судопроизводства, установленных Положением, отметим слушание дела по истечении 24-х часов после вручения обвинительного заключения и упразднение порядка обжалования приговора.

Первым судебным процессом в СССР, на котором разбирались зверства немецко-фашистских оккупантов и их пособников, был проведенный военным трибуналом Краснодарский судебный процесс. Он состоялся в июле 1943 года и проходил публично. Такие же судебные процессы прошли в августе 1943 года в Краснодоне и в декабре того же года – в Харькове и Смоленске. Первые судебные процессы, проведенные военными трибуналами еще задолго до окончания войны, имели большой резонанс, в том числе и международный. Это был невиданный доселе прецедент судебного разбирательства по делам не только прислужников оккупантов – изменников Родины, но и самих фашистских палачей, уличенных в совершении тяжких воинских преступлений.

Подобные процессы состоялись и на территории Беларуси. Первый из них проходил в столице республики с 15 по 29 января 1946 года. Перед судом военного трибунала Минского военного округа по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР, предстали 18 бывших военнослужащих германской армии и полиции, 14 из которых были приговорены к смертной казни через повешение – 4 к лишению свободы. Суд в Минске по делу о злодеяниях гитлеровских захватчиков во время оккупации Беларуси положил начало судебной практике по применению уголовного законодательства к лицам, виновным в преступлениях против человечества.

Открытые судебные процессы над военнопленными, изобличенными в совершении воинских преступлений на территории республики, состоялись в Бобруйске, Витебске и Гомеле.

В Витебске, где перед судом военного трибунала предстало 10 обвиняемых, дела привлекаемых к уголовной ответственности рассматривались на открытом судебном заседании под председательством полковника юстиции Панкратьева военным трибуналом Прибалтийского военного округа с 29 ноября по 31 декабря 1947 года. Для оказания практической помощи по ведению следствия, организации подготовки и проведения судебного процесса в Витебск командировался начальник следственного отдела оперативного управления ГУЛАГа МВД СССР подполковник Аргир,

Обвиняемые военнопленные были доставлены к месту суда и размещены в тюрьме изолированно друг от друга. Для них устанавливался режим содержания, исключающий возможность общения, самоубийств, побегов и других действий, могущих повлиять на ход следствия и судебных процессов. Свидетели из числа военнопленных также были доставлены к местам проведения судебного процесса и размещены в Витебске – в лагере для военнопленных. Для ведения следствия по делам обвиняемых и сбора доказательств их преступлений были созданы оперативные группы в составе 40 человек во главе с представителем ГУПВИ МВД СССР подполковником Клаусоном и начальником УМВД по Витебской области подполковником Гоголевым [6, л. 70–71].

Одновременно с ведением следствия было организовано активное изучение большого объема информации, которая могла не только помочь полному изобличению обвиняемых в преступной деятельности на оккупированной территории, но также и способствовать выявлению настроений военнопленных, привлеченных к процессу в качестве свидетелей. Для этих целей широко использовались беседы, опросы, проводимые в среде военнопленных.

Перед судом военного трибунала, состоявшегося в Витебске по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими преступниками на территории области, предстали в числе других Фриц Гольвитцер – генерал пехоты, бывший командир 53-го армейского корпуса; Ганс Шмидт – полковник, бывший начальник штаба этого же корпуса; Альфонс Хиттер – генерал-лейтенант, бывший командир 206-й пехотной дивизии; Клаус Мюллер-Бюлов – генерал-майор, бывший командир 246-й пехотной дивизии; Ганс Дильманн – полковник, бывший комендант витебского лагеря советских военнопленных.

Обвиняемые являлись активными участниками злодеяний на территории Витебщины. Так, Ф. Гольвитцер, выполняя приказ командующего армейской группы «Центр» фельдмаршала Клюге о строительстве оборонительной линии «Пантера» протяженностью 550–600 кило-

метров от устья реки Припять до города Витебска, в июне 1943 года насильно мобилизовал на работы до 200 тысяч мирных граждан, в т. ч. женщин, стариков и подростков. Получив от Клюге приказ о форсировании строительства линии «Пантера» на участке Гомель–Чаусы–Горки–Дубровно–Рудня, Ф. Гольвитцер в каждом из указанных районных центров создал специальные лагеря, в которые были насильно загнаны как мирные жители, так и военнопленные Красной Армии. Лагеря представляли собой загоны, огороженные колючей проволокой. Для содержащихся в них людей был создан каторжный режим. Люди работали по 10–15 часов в сутки, получая по 150 граммов хлеба и пол-литра недоброкачественной баланды. Все они размещались под открытым небом.

Прибыв 1 октября 1943 года в район Витебска, Ф. Гольвитцер организовал 6 лагерей, в которых содержалось от 800 до 1000 мирных граждан. Эти люди использовались на строительстве оборонительных сооружений в непосредственной близости от линии фронта. Нередко они подвергались пулеметным и артиллерийским обстрелам, избивались немецкими солдатами и офицерами. Люди размещались в шалашах, спали на голой земле и от голода, инфекционных заболеваний, каторжного труда умирали.

На территории Витебской области Гольвитцер дважды издавал приказы о принудительном угоне работоспособного населения на рабский труд в Германию. Согласно этим приказам войска 53-го армейского корпуса в период с апреля по июнь 1944 года насильно угнали в Германию 4800 мирных граждан Витебска и ближайших районов. Кроме того, Ф. Гольвитцер отдавал подчиненным войскам приказы, обязывающие расстреливать советских граждан, сжигать населенные пункты, изымать скот и продукты. В Витебске были разрушены все промышленные предприятия, культурно-просветительные учреждения, памятники старины, множество жилых домов, а также 8 церквей и соборов, являвшихся историческими памятниками.

К суду военного трибунала на Гомельском судебном процессе по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками на территории области, привлекались: Эберхард фон Куровски – генерал-лейтенант, бывший начальник штаба 2-й танковой армии, командир 110-й пехотной дивизии; Артур Куллмер – генерал-лейтенант, бывший командир 43-го армейского корпуса, а затем командир 296-й пехотной дивизии; Гюнтер Кламмт – генерал-майор, бывший командир 260-й, а затем 6-й пехотной дивизии; Ганс Кольсдорфер – генерал-майор, бывший командир 254-го пехотного полка 110-й пехотной дивизии; Эрнст Ензен – подполковник, бывший командир 120-го артполка 110-й пехотной дивизии и другие.

Материалами Чрезвычайной государственной комиссии, признаниями самих обвиняемых и показаниями 24 свидетелей было установлено, что личным составом 110-й пехотной дивизии только в Гомельской и Полесской областях истреблены 54 тысячи мирных граждан, сожжено, разрушено и разграблено около 100 населенных пунктов. Активными участниками творимых злодеяний являлись представшие перед судом обвиняемые. Им, как и на предыдущих открытых судебных процессах, каждому в отдельности были приведены конкретные факты их преступной деятельности, на которых основывалось судебное обвинение.

Все дела на судебном процессе, проходившем в Витебске, слушались в присутствии большого количества людей, требовавших сурового наказания палачам. В ходе судебных заседаний было бесспорно установлено, что лица, представшие перед судом, виновны в преступлениях, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года. Возмездие было суровым. И поскольку с 26 мая 1947 года смертная казнь в нашей стране была отменена, все 10 человек, бывших военнослужащих немецкой армии и карательных органов, были приговорены военными трибуналами к 25 годам заключения каждый с отбыванием срока наказания в особых лагерях МВД СССР.

После вступления приговора в законную силу, осужденный военнопленный направлялся для отбытия срока наказания в особые лагеря МВД СССР. При определении места отбытия срока наказания все осужденные военные преступники были разделены на две группы. В первую вошли военнопленные, осужденные к каторжным работам по делам о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР. Они отбывали наказание независимо от состояния здоровья в Воркутинском ИТЛ МВД. Военнопленные, осужденные за другие преступления, вошли в другую группу. Те из них, кто по своему физическому состоянию относились к 1-й и 2-й категориям труда, направлялись в Норильский и Воркутинский ИТЛ, нетрудоспособ-

ные – в Томский и Понышский ИТЛ. Осужденные за преступления в лагерях ГУПВИ к тюремному содержанию направлялись в тюрьмы [7, с. 123–148].

Таким образом, судебная практика по делам о преступлениях на оккупированной территории, будучи основанной на советском законодательстве, международных актах и соглашениях, обеспечила наказание лиц, виновных в совершении конкретных военных преступлений. Репрессивную политику СССР того времени по отношению к бывшим солдатам и офицерам вермахта и карательных органов нацистской Германии характеризуют две стороны – видимая, воплотившаяся в публичных судебных процессах (в Беларуси в 1946-1947 годы), и скрытая, нашедшая отражение в уголовном преследовании военнопленных, представителей немецкого государственного аппарата и иных лиц по принципу потенциальной опасности для советского режима и политическим мотивам на закрытых судебных заседаниях.

Публичные судебные процессы отличались не только политическим резонансом, но и соответствовали требованиям советского уголовно-процессуального законодательства. В частности, подсудимым была обеспечена защита, каждому из них вменялись в вину лишь конкретные факты, тщательно проверенные по документам. Не противоречило их проведение и нормам международного права, которые распространяют на военных преступников юрисдикцию национальных судебных инстанций и применение к ним национального законодательства.

Деятельность же военно-полевых и закрытых судов военных трибуналов (первых – по необходимости оперативного реагирования, других – по причине закрытости) сопровождалась сужением процессуальных гарантий, в результате чего они мало чем отличались от органов внесудебных репрессий.

Как показал анализ архивных документов (в Национальном архиве Республики Беларусь находится на хранении 2897 уголовных дел) в Беларуси за воинские и иные преступления в период войны и до 1951 года было предано суду 3618 военнопленных и интернированных. В большинстве это – бывшие немецкие граждане (австрийцев осуждено 150 человек). Из общего числа подсудимых 24 человека были приговорены к смертной казни, а остальные – к каторжным работам на срок от 10 до 25 лет. В отношении 21 обвиняемого уголовное преследование в ходе судебного разбирательства было прекращено. Как правило, основанием для этого являлись либо недостаточная доказательная база вины обвиняемого, либо его смерть. Изучение карательной практики того времени показывает, что наряду с действительно нужной и полезной работой по заслуженному наказанию виновных в воинских преступлениях, правоохранительные органы допускали немало нарушений. Объяснить это можно проявлением ответной жестокости к немецкой нации, фашистские лидеры которой развязали кровопролитную войну, низким профессионализмом и злоупотреблениями отдельных сотрудников, а также желанием скорее нейтрализовать инакомыслящих и утвердить порядок по собственному образцу.

Справедливости ради следует признать, что при крайнем дефиците времени, нехватке квалифицированных специалистов и надлежащих средств, а также под воздействием отдельных политических установок оказалось невозможным обеспечить необходимое качество работы. Имели место и нарушения процессуальных норм. Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на масштабы совершенных злодеяний, а также экстремальные условия военного времени, обвиняемые данной категории не были поставлены вне закона. В основе деятельности советских правоохранительных органов лежали рамки тогдашнего сурового законодательства. В судебной практике широко применялась коллективная ответственность бывших германских военнослужащих и чиновников за злодеяния, совершенные в годы войны на оккупированных территориях. Прохождение службы в структурах, как входящих, так и не входящих в перечень преступных групп и организаций, запятнавших себя бесчинствами в отношении мирных граждан и военнопленных, либо по характеру подразумевавших таковое, порой рассматривалось в качестве единственного основания для привлечения к ответственности. И, как результат, судьбы немалого числа бывших военнослужащих вермахта и его союзников сложились трагически. Вместе с тем, подвергая сегодня критике систему советского правосудия, ставившую нередко классово-идеологические и политические цели и устремления выше морали и жизней не только бывших врагов, но и собственных граждан, не следует забывать главное: почему они оказались перед советским судом.

Литература
1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы: в 3 т. Т. 1. – Москва: Гос. изд. полит. лит-ры, 1946. – 698 с.
2. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: В 8 т. Т. 1. – Москва: Юрид. лит., 1987. – 688 с.
3. Трибуналы во время войны: Беседа В. Егорова с начальником Управления военных трибуналов генерал-лейтенантом юстиции А. Мурановым // Человек и закон. – 1991. – № 10. – С. 80–88.
4. Советское государство и право в период Великой Отечественной войны. – Москва: Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1948. – 431 с.
5. История государства и права Белорусской ССР (1937–1975 гг.): В 2 т. – Минск: Наука и техника, 1975. – Т. 2. – 656 с.
6. Архив МВД Республики Беларусь. – Фонд 45. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 70–71.
7. Шарков, А.В. Военнопленные и интернированные на территории Беларуси: Роль органов внутренних дел в их содержании и трудовом использовании (1944–1951) / А.В. Шарков. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 1997. – 159 с.

Бахир Ю.Н.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА БССР И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ МЕДИКО-САНИТАРНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВОЙНЫ

После освобождения первых районов нашей республики актуальным стало восстановление деятельности Общества Красного Креста (ОКК) БССР, без помощи которого преодоление медико-санитарных последствий войны было бы более трудным. Во время оккупации деятельность ОКК БССР была свёрнута, и только освобождение республики позволило развернуть его восстановление. Уже в октябре 1943 г. в Москве было создано Оргбюро Исполкома Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП) СССР по БССР, его члены прибыли в Ново-Белицу через месяц, в июле 1944 г. переехали в Минск. В декабре 1943 г. были созданы Гомельский и Витебский, а в январе 1944 г. – Могилевский областные комитеты ОКК [6, л. 3, 4]. В целом Организационные бюро в Исполкоме были созданы по 11 областям (за исключением Полоцкой) [8, л. 6].

Залогом успешной деятельности организации считался количественный рост рядов ОКК, уже к концу 4-го квартала 1944 г. оно смогло привлечь в свои ряды 46 864 человек и общее число членов составило 119779 [7, л. 1]. На 1-й кв. 1945 г. действовало 4498 первичных организаций, в том числе, в промышленности – 888, учреждениях – 1600, школах – 1127, колхозах и совхозах – 628 [12, л. 1–10]. К 1 января 1948 г. краснокрестным движением были охвачены все районы и города – действовало 195 городских и районных комитетов, 13910 первичных организаций [6, л. 4]. По сравнению с довоенным периодом ОКК БССР численно увеличилось на 4910 первичных организаций и на 224274 человека. Отметим, что к началу войны было около 9 тыс. первичных организаций и 360 тыс. членов общества [6, л. 4, 5]. Следовательно, период 1944–1947 гг. стал временем возрождения Общества и его укрепления, когда удалось превзойти показатели довоенного времени.

На фоне разрушений городов и сел, материальных лишений, испытываемых населением, при недостатке качественного медицинского обслуживания, в республике проявились массовые инфекционные заболевания, в десятки раз увеличилась заболеваемость малярией, туберкулезом, сифилисом, чесоткой [1, с. 13]. Здесь неоценимую помощь противоэпидемической службе оказало ОКК БССР, хотя в первое время в санитарно-профилактической и противоэпидемической работе отмечались трудности в связи с отсутствием четкой структуры и недостаточностью стационарно-лечебной сети [4, л. 3]. Однако усилия Общества способствовали улучшению ситуации, в частности, благодаря привлечению внимания общественности к существующим проблемам [14, л. 10–11].

Несмотря на то, что часть районов БССР еще находилась в 1944 г. в зоне военных действий, население которых отселялось от линии фронта, и здесь работа Общества по укреплению санитарной обороны проводилась интенсивно. Были созданы сандружины и санпосты, которые оказывали действенную помощь органам здравоохранения по ликвидации эпидемических заболеваний [6, л. 3]. Отметим, что санэпидотряды были созданы согласно постановлению СНК СССР от 1 апреля 1944 г. Изначально Исполком СОКК и КП организовал 30 отрядов, 8 из которых работали в БССР [2, л. 119]. В их полномочия входили мероприятия по выявлению и госпитализации больных, санитарной обработке населения и вещей, проведение прививок. В целях ликвидации медико-санитарных последствий оккупации в БССР с 1945 г. работало уже

15 отрядов [6, л. 19; 11, л. 7]. Как правило, они снабжались медикаментами, дезинфекционными средствами, имели санитарно-гигиеническую лабораторию и могли на месте развернуть небольшие стационары на 15 коек. По прибытии в район отряды совместно с здравотделами устраивали бани, прачечные, проводили профилактические прививки, дезинфицировали одежду [2, л. 119]. Отряды регулярно отчитывались о своей работе перед органами здравоохранения, комитетами Обществ, комиссиями здравоохранения исполкомов местных Советов депутатов трудящихся [13, л. 148]. В 1944 г. санэпидотряды обслуживали наиболее пораженные области и районы республики, противодействуя паразитарным тифам, чесотке и детским инфекционным заболеваниям. Активистами обследовались колодцы, состояние дворов, с населением проводили беседы, практиковалось чтение лекций [6, л. 21; 9, л. 7]. В результате их деятельности произошло улучшение эпидемического состояния, например, было зарегистрировано снижение заболеваемости паразитарным тифом в 10–15 раз [6, л. 22, 23].

Затем перед Обществом встала новая задача – приспособить свою работу к условиям мирного времени. После окончания войны отряды переключились на обслуживание пунктов, через которые проходило население, возвращавшееся на родину после немецкого плена, стали заниматься профилактикой туберкулёза, малярии, трахомы [13, л. 120].

В республике были созданы комитеты по профилактике рака, борьбе с туберкулезом, детским травматизмом. Темы по профилактике и борьбе с онкологическими заболеваниями были включены в программы подготовки медсестер, санитарных дружинниц и комплекса ГСО (Готов к санитарной обороне) [13, л. 148]. Общество было ответственно за деятельность по выполнению комплекса ГСО, которая была развернута еще в довоенное время. Однако в первые послевоенные годы работу организовать оказалось сложно, так, в Гомельском обкоме в начале 1944 г. отмечали, что занятия кружков ГСО срывались из-за отсутствия врачей и медсестер [10, л. 5об.]. За 1945 г. по республике было уже подготовлено 101519 значкистов ГСО, задание было выполнено только на 90%. В связи с недовыполнением показателей были приняты меры – введены ежемесячные сводки от обкомов КК по вопросам подготовки значкистов, давались указания по обследованию работы кружков [4, л. 18]. Благодаря этому в последующие годы задания по комплексу ГСО и подготовке санактива выполнялись более успешно [5, л. 62]. Здесь повлиял и тот факт, что организации КК шире развернули обучение по программам ГСО, увеличили количество санпостов и сандружин, привлекали их состав к проведению профилактических мероприятий [13, с. 149].

Во время войны ОКК ставило перед собой задачи по расширению подготовки медсестер и сандружинниц, организации помощи раненым, больным на фронте и в тылу, населению городов и районов. В этих целях шла подготовка медсестер запаса. В военное время она проводилась по сокращенному сроку – 3 месяца (до войны подготовка занимала 2 года). Такую работу в начале 1944 г. развернули в трех частично освобождённых областях [6, л. 26]. В послевоенный период идея организации курсов медсестер была связана с ростом сети лечебно-профилактических и санитарно-противоэпидемических учреждений и возросшей потребностью во врачебных кадрах. Кроме того, появились дополнительные профили по подготовке – курсы медсестер запаса, колхозные курсы, сестринские курсы по детским учреждениям [6, л. 27, 28, 29]. В 1945 г. из окончивших курсы медсестер запаса 90% работало в лечебных учреждениях, а 10% было направлено для работы в санэпидотряды или руководящую работу в райкомы и обкомы КК. В связи с тем, что в послевоенное время повышенное внимание уделялось организации медпунктов на селе, большинство медсестер направлелись на работу в колхозы и совхозы на должности заведующих колхозными сестринскими пунктками, либо в сельские больницы на врачебных фельдшерских участках [4, л. 17]. Без данных усилий преодолеть последствия войны было бы сложно.

В военный и послевоенный период Обществом особое внимание уделялось проведению шефской работы над эвакогоспиталями, детьми-сиротами, оказанию помощи семьям погибших солдат и офицеров, инвалидам войны. Уже в 1944 г. Обществом было взято шефство над 250 детскими домами, 42 эвакогоспиталями, 2 домами инвалидов войны [11, л. 6]. Каждый районный комитет по указанию Исполкома СОКК и КП был обязан взять шефство не менее чем над одним детским учреждением [8, л. 3]. В 1945 г. шефской работой занималось 90 районных комитетов, 443 первичные организации осуществляли шефство над 155 детскими домами с 14397 детьми [4, л. 5]. Шефская работа была крайне необходима. Ситуация в детдомах была тяжелой. Например, в

справке о состоянии детских домов Витебской области отмечалось, что из 25 детей было обеспечено нижнем бельем только 13, 9% детских домов не были обеспечены дровами [3, л. 54–55]. Большая работа была проведена по обследованию бытовых условий инвалидов войны и сирот, которые были взяты на учет и за которыми закрепили коллективы первичных организаций.

Таким образом, с октября 1943 г. проходило восстановление организационной структуры ОКК. В его деятельности особое внимание уделялось противодействию инфекционным заболеваниям, активно проявляли себя санэпидотряды, сандружины и санпосты. Перед Обществом стояли задачи по ликвидации последствий войны, санитарно-профилактической, противоэпидемической и агитационно-массовой работе. Широкая агитмассовая работа способствовала привлечению внимания населения к проблемам здравоохранения, помощи отдельным категориям населения, таким как дети-сироты, инвалиды войны, семьи погибших солдат.

Литература

1. Беляцкий, Д.П. Санитарно-эпидемиологическая служба БССР в ликвидации последствий войны / Д.П. Беляцкий // Здравоохранение Белоруссии. – 1965. – № 5. – С. 12–14.
2. Красный Крест и Красный Полумесяц СССР: ист. очерк. – Москва: Медгиз, 1955. – 156 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. – Оп. 17. – Д. 51.
4. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 14.
5. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 81.
6. НАРБ. – Ф. 254 – Оп. 3. – Д. 4.
7. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 6.
8. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 3.
9. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 2881. – Оп. 1. – Д. 1.
10. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 2.
11. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 605.
12. НАРБ. – Ф. 254. – Оп. 3. – Д. 15.
13. Сто (100) лет Красного Креста в нашей стране / Испол. ком. Союза о-в Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. – Москва: Медицина, 1967. – 298 с.
14. Государственный архив Российской федерации. – Ф. 9501. – Оп. 2. – Д. 721.

Марцынкевіч І.А.

АДМЕТНАСЦІ САЦЫЯЛЬНАГА ЗАБЕСПЯЧЭННЯ ДЭМАБІЛІЗАВАНЫХ І ІНВАЛІДАЎ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ Ў ПАСЛЯВАЕННАЙ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

Заканчэнне Вялікай Айчынай вайны прынесла не толькі радасць перамогі, але і новыя цяжкасці, звязаны з пасляваенным аднаўленнем народнай гаспадаркі БССР. Наладзіць у такіх умовах дзейсную сістэму сацыяльнага забеспячэння франтавікоў было складана. Галоўнай умовай пабудовы дзейснай сістэмы дапамогі інвалідам і ўдзельнікам Вялікай Айчыннай вайны стала стварэнне цэнтралізаванай прамыслова-тэхнічнай і калгасна-саўгаснай базы, праз якія, аказвалася сацыяльная дапамога інвалідам і ўдзельнікам Вялікай Айчыннай вайны [1, с. 131]. Ва ўсходняй Беларусі такая база была ўтворана яшчэ ў 30-я гг. На тэрыторыі Заходняй Беларусі без правядзення індустрыялізацыі і калектывізацыі стварыць падобную мадэль сацыяльнай дапамогі, якая існавала ў БССР, было немагчыма. Рэалізацыя гэтай мэты ўскладнялася антыбальшавіцкай настроенасцю мясцовага насельніцтва, супраціўленнем савецкай уладзе.

Наяўнасць такога негатыўнага стаўлення вылівалася ў пэўную дыскрымінацыю кіраўнікамі бальшавіцкай сістэмы заходніх абласцей Беларускай ССР у працэсе пасляваеннага аднаўлення і развіцця гаспадаркі. Мэтай дыскрымінацыі з'яўлялася пакаранне насельніцтва гэтай часткі рэспублікі за менш актыўны ўдзел у параўнанні з усходнімі абласцямі ў партызанкім руху. Да таго ж адносіны да савецкай улады з боку мясцовага насельніцтва яшчэ больш абвастрыліся пасля правядзенння на далучаных тэрыторыях Заходняй Беларусі дэпартацыі "недобранадзейнага" насельніцтва. Нават партыйна-дзяржаўныя кіраўнікі Беларускай ССР ў пачатку 50-х гадоў былі вымушаны канстатаваць, што развіццё заходніх абласцей значна адставала ад усходніх. Зразумела, што такога роду дысбаланс негатыўна адбіваўся на забяспечаннасці дэмабілізаваных і інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны [1, с. 229–230].

Да таго ж сітуацыю ўскладняла маруднае аднаўленне сельскай гаспадаркі. Вытворчыя сілы вёскі былі вычарпаны, і на гэтым фоне пасляваенная разруха адчувалася найбольш моцна. Фінансавыя сродкі, якія накіроўваліся на аднаўленне сельскай гаспадаркі Заходняй Беларусі выдзяляліся ў меншых памерах. Распачатая калектывізацыя, якая часта праводзілася прымусовымі

адміністратыўна-каманднымі метадамі, значна зацягнулася. Сур'ёзнай перашкодай з'яўлялася вялікая колькасць сельскіх хутарскіх гаспадарак [1, с. 131]. Марудна ажыццяўляемыя ў заходнебеларускай вёсцы пераўтварэнні калгасна-саўгаснай сістэмы ўскладнялі наладжванне ў сельскай мясцовасці сістэмы дапамогі былым франтавікам, якая больш-менш эфктыўна ўжо працавала ва Усходняй Беларусі. Адной з асноўных крыніц дапамогі дэмабілізаваным франтавікам з'яўляліся касы калгаснай узаемадапамогі. Аднак у заходніх абласцях калгасная сістэма і існуючыя пры ёй касы адсутнічалі. У выніку дзейсную дапамогу з гэтай крыніцы дэмабілізаваныя вяскоўцы маглі атрымаць толькі пасля абагульнення прыватных гаспадарак.

Сумным вынікам надзвычай цяжкага становішча ў сельскай гаспадарцы БССР і бядотнага жыцця ў беларускай вёсцы ў пасляваенны час з'явілася імкненне значнай колькасці яе жыхароў перасяліцца ў Польшчу згодна з адпаведнымі дзяржаўнымі пагадненнямі. Па стане на 15 чэрвеня 1945 г. з рэспублікі ў суседнюю краіну выказвалі жаданне выехаць 96 129 гаспадарак, якія мелі ў сваім складзе 320 414 чалавек [4, с. 231].

Забяспечанасць жыллём у заходніх рэгіёнах Беларускай ССР заставалася цяжкім. Прыватныя дамы і гаспадарчыя пабудовы, пакінутыя беларусамі пры эміграцыі ў Польшчу, маглі стаць важным сродкам ў справе забеспячэння франтавікоў жыллём. Аднак перадача ім дамоў нярэдка праходзіла з парушэннямі. Нягледзячы на тое, што па заканадаўстве першачаргова жыллём павінны былі забяспечвацца інваліды Вялікай Айчыннай вайны, на месцах справа не заўсёды вырашалася на іх карысць. Ва ўмовах узросшай пасля вайны каштоўнасці жылля даволі частымі былі выпадкі, калі пасля ад'езду былых гаспадароў за межы БССР, вызваленая жылплошча размяркоўвалася не сярод інвалідаў вайны, а выкарыстоўвалася ў іншых мэтах або размяркоўвалася паміж прадстаўнікамі ўлады ці іх родзічамі. Так, ў 1946 г. з Маладзечанскага раёна выехала 109 польскіх гаспадарак, але кіраўніцтвам раёна не было прынята своечасовых мер па размеркаванні вызваленых будынкаў. У выніку многія інваліды Вялікай Айчыннай вайны не маглі дабіцца права на атрыманне гэтых памяшканняў. Хадайніцтвы ад іх, якія адрасоўваліся райвыканкамам, па некалькі разоў вярталіся ў сельскія саветы, а самі дамы, аб якіх яны хадайнічалі, прадаваліся іншым асобам.

У сакавіку 1947 г. маці дэмабілізаванага М.М. Барташэвіча з в. Мароські звярнулася да старшыні Мароськаўскага сельскага савета з просьбай аб продажы ёй хлева з дзяржфонду будынкаў, паколькі на той момант жанчына вымушана была жыць у зямлянцы. Але ёй было адмоўлена без усялякага тлумачэння прычын [5, арк. 11–12].

Інвалід II-й групы І.М. Гамока з в. Рыеўшчына Раеўскага сельсавета Маладзечанскага раёна не мог самастойна перамяшчацца па прычыне ранення. З 1946 па 1947 гг. яго жонка падала дзве заявы на імя старшыні сельскага савета Е.В. Фурманава і адну заяву ў выканкам Маладзечанскага райсавета з просьбай аб продажы або бясплатным выдзяленні дома ці якойнебудзь халоднай будыніны для будаўніцтва. Хата, якую меў І.М. Гамока да вайны, была спалена немцамі, і сам інвалід вымушаны быў жыць на падсяленні ў кватэры. На тэрыторыі сельсавета было два дома братоў Ляшчынскіх, якія выехалі на той час ў з в. Вялікія Кажэўнікі ў Польшчу. Побач з жылымі дамамі меліся і будынкі, якія можна было перабудаваць пад жылыя. Аднак у іх прадастаўленні таксама было адмоўлена. Тады сям'я І.М. Гамокі звярнуліся з просьбай прадаць дом з Хоцімскага сельскага савета. Аднак і гэта просьба засталася без задавальнення. Тлумачылася гэта тым, што з іншых сельсаветаў дамы не прадаюцца. Аднак пазней усе будынкі, пра якія узгадвалася ў прашэннях і хадайніцтвах сям'і інваліда І.М. Гамокі, былі прададзены невядомым арганізацыям і вывезены ў Маладзечна. У выніку інвалід вайны II-й групы за ўвесь гэты час не змог забяспечыць сябе гатовым жыллём і вымушаны быў будаваць яго. Па гэтай прычыне ён павінен быў ездзіць на нарыхтоўку лесу за 20 км, не маючы пры гэтым нікога з працаздольных памагатых [5, арк. 97].

Выдзяленне зямельных надзелаў пад будаўніцтва было адным з распаўсюджаных спосабаў забеспячэння дэмабілізаваных франтавікоў жыллём. Але і тут не абыходзілася без пэўных хібаў. Паколькі раздача зямельных участкаў ішла паралельна з праводзімай у Заходняй Беларусі калектывізацыяй, то, зразумела, што лепшыя землі адыходзілі ў калгас.

Сама арганізацыя выканання даручэнняў і кантролю за забеспячэннем інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны была наладжана слаба. Да прыкладу, у 1946 г. – першым квартале 1947 г. Маладзечанскі райсабес не ўлічваў інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, якія мелі патрэбу ў набыцці малочнай жывёлы, і дапамогі ў гэтым не аказвалі. Сельскагаспадарчы аддзел

Маладзечанскага выканкама райсавета і яго загадчык С.А. Кісялёў не займаліся пытаннямі надзялення дэмабілізаваных франтавікоў зямельнымі надзеламі, агародамі і сенакосамі з фондавых зямель, якія былі абрэзаныя ў заможных сялян і той часткі сялян, якія выехалі ў Польшу [5, арк. 13].

Каб нейкім чынам паўплываць на сітуацыю, разгляд зямельных пытанняў быў перададзены сельскім саветам. Аднак абыякавасць да патрэб інвалідаў і злоўжыванне службовым становішчам былі і тут. Так жыхар в. Хахлова, інвалід Вялікай Айчыннай вайны, Г.А. Шпілеўскі не меў зямлі і звярнуўся ў 1947 годзе да старшыні Хахлоўскага сельскага савета Зазерскага з просьбай аб выдачы яму участка для сенакоса і агарода. Зазерскі адмовіў інваліду вайны ў прадастаўленні зямельнага надзелу каля дома, а адвёў зямлю і агарод за паўтара кіламетра ад дома. Частку таго надзела, што прымыкаў да дома Шпілеўскага, забраў сабе, астатняе раздаў блізкім яму людзям і дырэктару школы [5, арк. 14].

Інвалід Вялікай Айчыннай вайны Н.І. Нарыновіч з в. Хахлова таго ж сельскага савета ў 1937 годзе як беззямельны быў надзелены ворнай зямлёй. У 1941 г. ён быў прызваны ў Чырвоную Армію, ваяваў на фронце і паранены вярнуўся дадому ў 1946 г. Падчас знаходжання Н.І. Нарыновіча на лячэнні ў шпіталі яго зямля была раздадзена іншым сялянам. На просьбу інваліда аб выдачы надзела зямлі і агарода старшыня сельсавета Зазерскі прапанаваў участак за 5 км. ад хаты. Не маючы каня, Н.І. Нарыновіч вымушаны быў адмовіцца ад гэтага надзела і папрасіў выдзеліць яму 0,39 га зямлі пад агарод бліжэй. Але Зазерскі не задаволіў прашэнне, а надзел, які мог узяць франтавік, засеяў для сябе пшаніцай.

Такіх прыкладаў несправядлівага размеркавання маёмасці і матэрыяльных сродкаў сустракалася даволі шмат. Злоўжыванне з боку прадстаўнікоў мясцовых улад і абыякавыя адносіны да інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны былі даволі частай з'явай у пасляваеннай Заходняй Беларусі. Гэта пацвярджаецца асноўным зместам скаргаў і хадайніцтваў гэтага перыяду, якія паступалі ў вышэйшыя інстанцыі і кантралюючыя органы ад дэмабілізаваных франтавікоў. У пераважнай большасці з іх утрымліваліся звароты аб няправільным падзеле зямлі, таксама аб выдзяленні аднаразовай грашовай дапамогі, размеркаванні вопраткі і прадуктаў харчавання [5, арк. 15].

Нярэдка паскоранае абагульненне аднаасобных гаспадарак у Заходняй Бедарусі ў канцы 40-х – пач. 50-х гг. адбывалася з прымяненнем рэпрэсіўных мер і выклікала незадаволенасць сярод мясцовага насельніцтва, але яно несла і станоўчыя моманты. З другой паловы 40-х гадоў узмацніліся працэсы другой хвалі калектывізацыі, завяршэнне якой стварыла ў заходніх рэгіёнах краіны перадумовы для ўзнікнення першых кас узаемадапамогі. Паколькі яны адыгрывалі важную ролю ў забеспячэнні былых франтавікоў, то Міністэрства сельскай гаспадаркі БССР распараджэннем ад 25 сакавіка 1950 г. загадала ўсім абласным і раённым аддзелам сацыяльнага забеспячэння БССР больш актыўна праводзіць арганізацыю кас грамадскай узаемадапамогі калгаснікаў.

Па меры таго як у Заходніх рэгіёнах БССР праводзілася работа па ўзбуйненні калгасаў, аблсабесам і райсабесам прадпісвалася арганізоўваць сваю працу такім чынам, каб пры ўзбуйненні калгасаў адначасова праводзіць і зліццё кас грамадскай узаемадапамогі калгаснікаў з адначасовым аб'яднаннем і матэрыяльных фондаў кас.

Разам з тым у калгасах, дзе касы ўсё яшчэ не былі арганізаваны, загадвалася ў найкарацейшыя тэрміны прымаць меры па іх стварэнні, а пры ўмацаванні калгасаў не дапускаць выпадкаў ліквідацыі існуючых кас і растраты фондаў не па прызначэнні [3, арк. 15]. Такія меры дазволілі за першае пасляваеннае дзесяцігоддзе істотна палепшыць стан сацыяльнага забеспячэння інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны ў пасляваеннай Заходняй Беларусі.

У цэлым, за першае пяцігоддзе пасля вызвалення ў справе сацыяльнага забеспячэння ўдзельнікаў і інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны было зроблена даволі шмат. На пасяджэнні калегіі аддзела сацыяльнага забеспячэння 27 ліпеня 1949 года міністр сацыяльнага забеспячэння БССР Гуцанкова адзначыла, што ў большасці арганізацыі, ведамствы і кіраўнікі, за невялікім выключэннем, сталі адносіцца да патрэб і запытаў інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны як да важнай дзяржаўнай і грамадскай справы. Але аб паляпшэнні працы пакуль што гаварыць не прыходзілася нават у такіх абласцях, як Віцебская, Магілёўская і Гомельская, дзе было зроблена значна больш, чым у іншых (заходніх) абласцях. Па-ранейшаму існавала шмат недахопаў. Некаторыя прадстаўнікі ўлады, спасылаючыся на павышэнне матэрыяльнага становішча і дабрабыту працоўных, лічылі, што неабходнасць у праяве такой увагі да інвалідаў, якая існавала падчас вайны ці ў першыя пасляваенныя гады, ужо адпала.

Літаратура
1. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч. [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.). – Мінск, 2011. – 728 с.
2. Касцюк, М. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М. Касцюк. – Мінск: Экаперспектыва, 2000. – 307 с.
3. НАРБ. – Фонд 4п. – Воп. 53. – Спр. 19.
4. НАРБ. – Фонд 690. – Воп. 11. – Спр. 359.
5. НАРБ. – Фонд 690. – Воп. 4. – Спр. 327.

Лесная О.Ю.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МУЗЕЙНОЙ СЕТИ БССР В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ПЯТИЛЕТИЕ

До 1941 г. музейная сеть БССР насчитывала 25 музеев: 18 музеев было в ведении системы Наркомпроса БССР, 3 музея относились к Управлению по делам искусств, 4 – музеи других ведомств. Во время Великой Отечественной войны были полностью уничтожены музейные здания, экспонаты и архивы музея Революции БССР, Дом 1-го съезда РСДРП, Могилевский, Гомельский, Барановичский областные историко-краеведческие музеи, Оршанский районный краеведческий музей, музей Мицкевича в Новогрудке [2, л. 5]. Уцелели, но оказались повреждены, здания Минского, Витебского, Пинского, Бобруйского, Брестского и Гродненского музеев [1, л. 33].

Рассмотрим деятельность Комитета по делам культурно-просветительных учреждений (КПУ) и Управления по делам искусств по восстановлению музейной сетки БССР в послевоенное пятилетие.

В довоенное время в ведении системы Наркомпроса БССР находилось 2 музея республиканского значения (музей Революции с филиалом Дома 1-го съезда РСДРП и литературный музей польского поэта А. Мицкевича в Новогрудке). Также ему подчинялись 8 областных историко-краеведческих музеев (в Минске, Могилеве, Гомеле, Витебске, Лиде (Барановичский областной музей), Пинске, Бресте и Гродно), 7 районных краеведческих музеев (в Бобруйске, Борисове, Орше, Полоцке, Турове, Слониме, Волковыске) и литературный музей польской писательницы Э. Ожешко в г. Гродно [2, л. 5].

В ведении Управления по делам искусств при СНК БССР находилась Государственная картинная галерея и Музей художника Ю. Пэна, Барановичский областной художественный музей [1, л.378–379]. К действующим музеям других ведомств относились Биомузей БГУ, музей санпросвета в Минске, Ветеринарный музей и музей санпросвета в Витебске [3, л. 177].

Согласно справке народного комиссара Просвещения БССР Е.И. Ураловой «О состоянии музеев БССР на 31 октября 1944 года» материальный ущерб, нанесенный немецко-фашистскими захватчиками, оценивался в сумме 219 млн. 32 тыс. руб. по 12 музеям республики [2, л. 6].

Восстановление музейной сети БССР началось еще в 1944 году. Приступили к сбору и инвентаризации музейных предметов Витебский, Могилевский и Гомельский областные историко-краеведческие музеи. Были запланированы работы по восстановлению Пинского, Брестского и Гродненского областных историко-краеведческих музеев [2, л. 6].

Тогда же начался сбор эспонатов для созданного 22 октября 1944 года первого среди республиканских Государственного Музея истории Великой Отечественной войны. В марте 1946 года сюда было доставлено Красное знамя на древке, которое было первым водружено над зданием оперного театра при освобождении Минска 3 июля 1944 года [4].

На первый квартал 1945 г. было намечено восстановить Музей Революции, музей А. Мицкевича, Бобруйский областной историко-краеведческий музей. Во втором квартале планировалось восстановление Барановичского, Полоцкого, Полесского областных историко-краеведческих музеев; в третьем квартале – районные краеведческие музеи в Борисове, Турове, Слониме и Волковыске [2, л.6–7].

Неоднократно Комитет по делам КПУ включал в план капитального строительства возведение в г. Минске здания Белорусского Государственного музея. На тот момент Минск был единственным столичным городом, не имевшим государственного национального музея. В планах Комитета сооружение здания для музея было намечено на 1951 г. в соответствии с генпланом реконструкции столицы [5, л. 100].

По данным Комитета культурно-просветительных учреждений музейная сеть БССР насчитывала: в 1944 г. – 5 музеев системы комитета, в 1945 г. – 7, в 1946 и 1947 гг. – 8, в 1948 г. – уже 14

[3, л. 178]. Согласно плану, в 1949 г. должно было функционировать 16 музеев, в 1950 г. – 22. Однако количественные показатели довоенного уровня музейной сети к 1950 г. так и не были достигнуты. В Справке о работе отдела музеев Комитета по делам культпросветучреждений при Совете Министров БССР отмечалось, что восстановление музеев к 1950 г. было выполнено на 64 % (восстановлено 14 из 22 музеев по плану) [5, л. 26, 163].

Ограниченнные материальные и финансовые возможности республики, значительная часть которой еще лежала в руинах, не позволяли реализовать все намеченные планы. Согласно сведениям инспектора Изоотдела Управления по делам искусств при СНК БССР Кастоусовой, работа по организации и развертыванию музейной работы Государственной картинной галереи была затруднена из-за отсутствия отремонтированного помещения и искусствоведческих кадров. В марте 1945 г. вновь был поставлен вопрос о возобновлении деятельности Государственной картинной галереи БССР, что было связано с возвращением экспонатов галереи из Москвы [1, л. 379, 383].

В ведении Управления по делам искусств на 1 октября 1948 г. по-прежнему находился только один из трех музеев довоенного времени – Государственная картинная галерея.

Среди музеев других ведомств действовали музей Биофака БГУ и музей Я. Купалы [3, л. 178].

Реализация всех запланированных мероприятий затруднялась из-за отсутствия помещений и кадров на местах. Так, исполкомы областных Советов депутатов трудящихся Минска, Могилева, Гомеля и Баранович не смогли предоставить помещения для музеев, а, следовательно, работа по их развертыванию была приостановлена. В работе музеев сказывалась и нехватка профессионально подготовленных кадров, а иногда и их полное отсутствие. Именно это не давало возможность начать работу, например, в Пинском, Брестском, Гродненском и Мозырском музее [2, л. 7].

Медленное восстановление сети культпросветучреждений и причины неудовлетворительной их работы связаны и с недостаточной работой местных партийных и советских организаций, отсутствием должного руководства, контроля и оперативности со стороны Комитета в принятии решений. Не была налажена работа по организации учебы по повышению квалификации музейных работников, хотя в республике работало на тот момент три средних учебных заведения по подготовке кадров для культпросветучреждений [5, л. 26, 28, 33–34].

Учитывая отставание в восстановлении музейной сетки БССР, в республике планировалось предпринять ряд необходимых мер. Актуальным был вопрос об увеличении заработной платы работников музеев до уровня работников библиотек или учителей. Особого внимания требовали к себе краеведческие музеи в западных областях БССР. В ряде мест их надо было создавать впервые.

В целях развития научной составляющей музейного дела планировалось организовать краеведческие общества в БССР. В БГУ на историческом и биологическом факультетах планировалось создать группы по подготовке научных работников для краеведческих музеев [3, л. 181].

Таким образом, восстановлению музейной сети БССР, существовавшей в довоенный период, препятствовала острая нехватка помещений и квалифицированных музейных работников. Ограниченнные ассигнования, которые поступали из госбюджета, и низкие ставки заработной платы музейных работников не давали возможности укомплектовать музеи квалифицированными кадрами. В условиях послевоенной разрухи и разворачивавшейся холодной войны, партийно-государственная власть финансировала сферу культуры по остаточному принципу, что обусловило те недостатки и проблемы в деле восстановления и развития музейной сети БССР в послевоенное время.

И в тоже время была заложена основа для начала мемориализации событий Великой Отечественной войны. Уже в конце 1940-х гг. каждый краеведческий музей, восстановленный в БССР, обязательно имел экспозицию, посвященную освобождению республики, истории партизанского движения в регионе. И вместе с музеем истории Великой Отечественной войны областные краеведческие музеи способствовали сохранению памяти о тех героических и трагических событиях, которые затронули судьбы всех жителей БССР.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4-ПА. – Оп. 47. – Д. 26.
2. НАРБ. – Ф. 4-ПА. – Оп. 47. – Д. 52.
3. НАРБ. – Ф. 4-ПА. – Оп. 47. – Д. 193.
4. Новые экспонаты Музея истории Отечественной войны // Советская Белоруссия. – 1946. – 8 марта. – С. 4.
4. НАРБ. – Ф. 4-ПА. – Оп. 47. – Д. 281.

РАЗДЕЛ 6
ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНАХ. ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ

Васильковская В.А.

В ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ

История Брестской крепости, построенной на месте старого города Брест-Литовск, насчитывает 172 года. За это время она видела периоды расцвета и разрушений, войн и мирной жизни. Но, пожалуй, самой яркой страницей является ее героическая оборона частями Красной армии в июне-июле 1941 г. Крепость одной из первых приняла на себя удар врага. По планам противника она должна была быть взята за несколько часов, но выстояла практически месяц.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. при разборке руин крепости были обнаружены останки воинов Красной армии, остатки оружия, предметы и документы. 8 ноября 1956 г. в восстановленной части оборонительной казармы Цитадели был открыт Музей обороны Брестской крепости [5, с. 5]. Большой вклад в сбор информации внесли члены семей военнослужащих Брестского гарнизона 1941 г., а также советский писатель С.С. Смирнов, который посвятил этой теме 10 лет напряженной работы. Итогом стало издание в 1964 г. книги «Брестская крепость». Тогда же писатель передал музею накопленный архив: переписку с защитниками и их семьями, документы из архивов, различные публикации и т.п. Сергей Сергеевич обратился с открытым письмом к защитникам: «Теперь в крепости есть хороший музей, где полно и интересно отражен ваш подвиг. Целый коллектив научных сотрудников-энтузиастов занимается изучением борьбы вашего легендарного гарнизона, выявляет ее новые подробности, разыскивает еще неизвестных героев» [11, л. 46].

8 мая 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Брестской крепости было присвоено почетное звание «Крепость-герой». Это ускорило работу по созданию мемориального комплекса на ее территории. Была сформирована творческая группа в составе талантливых скульпторов, архитекторов и художников, среди которых были А.П. Кибальников, В.А. Король, А.О. Бембель, В.П. Занкович и другие. Задачей творческой группы являлось проектирование и строительство объектов будущего мемориального ансамбля.

25 сентября 1971 г. состоялась торжественная церемония открытия мемориального комплекса. Первый секретарь ЦК КПБ П.М. Машеров зажег Вечный огонь. Незадолго до этого, 22 июля 1971 г., Совет Министров БССР принял решение об объединении мемориального комплекса и музея обороны.

90-е гг. XX в. явились сложными для Брестской крепости. 22 июня 1996 г. в Бресте прошел телерадиомарафон «Память», целью которого было привлечение внимания к вопросу о состоянии памятников мемориала и принятию решения о капитальном ремонте и реставрации данных объектов. Одним из итогов данного мероприятия стало подписание в 1997 г. десятью государствами-участниками СНГ решения о финансировании ремонта и реставрации мемориала.

С момента открытия музей (занимает 10 залов) и мемориальный комплекс посетило более 23 миллионов человек из 140 государств мира. Мемориал является одним из самых посещаемых туристических объектов Беларуси. Межпарламентская Ассамблея стран-участниц СНГ объявила 2014 г. годом туризма и опубликовала список достопримечательностей, которые стоит посетить в странах Содружества. Брестская крепость стала единственным туристическим объектом в Республике Беларусь, который вошел в список «Жемчужины Содружества» [7]. Что стало отражением того, что тема Великой Отечественной войны не забыта и по-прежнему актуальна.

Время меняло не только внешний вид, но и содержание мемориала. С 1999 г. на балансе мемориала находится филиал «Музей V форт» – памятник фортификации XIX в. На территории форта проходят мероприятия, направленные на патриотическое воспитание молодежи. Долгое время был закрыт для посещения один из островов Брестской крепости – Тереспольское укрепление (Пограничный остров). Это объясняется его размещением в непосредственной близости от границы. 19 февраля 2013 г. состоялась первая экскурсия на Пограничный остров. Таким образом, в деятельно-

сти мемориального комплекса было создано новое направление, которое пользуется популярностью у посетителей и находится в процессе становления и популяризации. На острове экскурсанты могут увидеть сооружения, которые до сих пор хранят на себе следы прошедших боев. Ранее они были известны немногим, в основном пограничникам, служившим там. Поражает посетителей практически нетронутая природа, тишина, царящая на острове.

В 2014 г. ко Дню памяти и скорби планируется открытие нового музея в юго-восточной части оборонительной казармы Центрального острова крепости (Цитадели). Восемь залов будущего музея под названием «Музей войны – территория Мира» через художественные формы раскроют трагедию и подвиг советского народа, дополнят существующий Музей обороны.

Одним из главных направлений является научно-просветительная работа. В первую очередь, это – проведение обзорных и тематических экскурсий (за 2013 г. обслужена 6 501 группа), чтение лекций, проведение уроков мира, музейно-педагогических занятий, выездных форм работы [12, л. 1].

Стала традиционной творческая акция «Рисуют дети», в ходе которой дети 9–16 лет представляют на суд жюри работы, отражающие их видение войны, ее последствий для человечества. С 2013 г. акция приобрела международный статус. Были представлены работы участников из Беларуси, России, Казахстана, Польши.

На площади Церемониалов мемориального комплекса ежегодно проходит торжественный ритуал принятия воинской присяги вновь прибывших пополнений воинских частей и соединений Брестского гарнизона и пограничников Брестской погранграппы. Именно здесь, на земле, где развернулись первые ожесточенные бои защитников крепости с противником в июне 1941 г., новобранцы клянутся на верность Родине. С началом учебного года и на протяжении всего сентября проводятся ритуалы посвящения в студенты и учащиеся учреждений образования г. Бреста. Неизгладимое впечатление на ребят оказывает обстановка мемориала, музыкальное сопровождение действа. Обязательной частью мероприятия является возложение цветов к Вечному огню, напутствие от ветеранов Великой Отечественной войны.

22 июня, день начала Великой Отечественной войны, является особенным для Брестской крепости. В День памяти и скорби в 4 часа утра в районе Тереспольских ворот проводится митинг-реквием, происходит церемония возложения цветов к Вечному огню и к мемориальным плитам. На Кобринском укреплении крепости последние три года проходила реконструкция боевых действий июня-июля 1941 г. с участием исторических клубов Беларуси, России, Украины, Болгарии, Англии и др. [12, л. 11].

Важна исследовательская работа по установлению новых имен защитников Брестской крепости, сбору информации по уже известным людям. В октябре 2011 г. в ходе проведения поисковых работ личным составом 52 отдельного специализированного поискового батальона Министерства обороны Республики Беларусь на территории мемориала, в районе Свято-Николаевского гарнизонного храма, были обнаружены останки 58 погибших защитников крепости, 13 медальонов, личные вещи в воронке от снаряда 600-мм орудия «Карл». Находки были направлены на судебную экспертизу. На останках одного из погибших было найдено портмоне, в котором находились фрагменты записной книжки. Рукописным шрифтом было неразборчиво записано имя и фамилия владельца. Читалось лишь отчество – Тарасович. В ходе экспертизы и поисковой работы удалось установить личность погибшего – младшего сержанта Пахаренко Дениса Тарасовича (1919–1941). Его имя увековечено на плитах мемориала в 2012 г. При исследовании одного из медальонов обнаружен бумажный вкладыш с рукописными записями. Верхняя его часть не сохранилась, вследствие чего не представлялось возможным узнать имя и фамилию погибшего. Однако уцелела нижняя часть вкладыша с адресом семьи, указанием имени родственника. Медальон принадлежал красноармейцу 455 стрелкового полка Зинченко Григорию Семеновичу (1921–1941). Имя увековечено на плитах в 2013 г. В другом медальоне был обнаружен бумажный вкладыш с данными на ефрейтора 84 стрелкового полка Таглин Александра Михайловича (1917–1941). Уже в 1971 г. его имя на основании свидетельских показаний сослуживцев было увековечено на плите мемориала. Лишь через 40 лет после этого семья получила доказательства гибели А.М. Таглина в Брестской крепости.

9 ноября 2011 г. состоялась торжественная церемония перезахоронения останков бойцов под плиты мемориального комплекса. В ней участвовали родственники погибших, представители дипломатических миссий России и Украины, призывники, жители города. Кроме этого, в

2012 г. на основании воспоминаний ветеранов на плитах было увековечено имя сержанта 31 отдельного автотранспортного батальона Романовского Виктора Семеновича (1920–1941). Сбор информации велся более 20 лет.

Всего на сегодняшний день известны имена 276 человек, покоящихся под плитами. Таким образом, в результате проведенной поисково-исследовательской работы за 1971–2013 гг. были увековечены имена 75 погибших героев. Но поисковая работа не останавливается. В мае 2013 г. в районе Главного входа мемориала были обнаружены останки двух бойцов. При одном из них – пустой медальон, при другом – фляга, с указанной фамилией на ней «Пешехонов В.П.». Личности бойцов, к сожалению, не установлены. Останки со всеми воинскими почестями перезахоронены под плиты мемориала 21 июня 2013 г.

Одним из малоизвестных аспектов темы обороны Брестской крепости в июне-июле 1941 г., является вопрос о советских военнопленных. В послевоенное время эта тема не получила должной разработки в исторической литературе в целом, не отражалась в экспозициях музеев. С 2013 г. сотрудниками научно-экспозиционного отдела ведется работа по созданию картотеки военнопленных, судьбы которых связаны с обороной Брестской крепости и приграничными боями в районе г. Бреста. Именно эти люди первыми испытали на себе трудности плена, его реалии и последствия. Полученная информация использована при создании нового музея.

Сотрудничая с учреждениями культуры и дипломатическими представительствами иностранных государств, музей за 2009–2013 гг. экспонировал выставку «Летопись Брестской крепости в фотографиях» в Великобритании (Глазго, Лондоне, Ньюкасле), в Нидерландах, Казахстане [10, л. 2].

Значимым событием, как для мемориального комплекса, так и для города в целом, явились съемки патриотической драмы «Брестская крепость» режиссера А. Котта. Инициатором создания фильма, приуроченного к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, выступила Телерадиовещательная организация Союзного государства [9]. Сотрудники мемориала участвовали в написании замечаний и предложений по литературному сценарию картины, консультировали актеров, участвовали в съемках массовых сцен. На территории Брестской крепости совместными усилиями белорусской и российской сторон построены уникальные по сложности и объему декорации: Тереспольские и Холмские ворота, мост, казармы, клуб, крепостные стены и т.д. В съемочном процессе было задействовано большое количество жителей г. Бреста. Премьерный показ картины состоялся 22 июня 2010 г. в Брестской крепости. Автор картины и Генеральный продюсер фильма И. Угольников так характеризует важность данного проекта для современного поколения: «…Этот фильм – это попытка доказать, что и мы достойны, что и мы причастны к жертве и подвигу героев той войны. И напрасно нам говорят, что мы другой уже народ, с иными ценностями, с другой этикой, с другой психологией… Мы, подсознательно, стремимся туда – в крепость, на подмогу своим…» [6].

Сегодня Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» – это грандиозный архитектурно-ландшафтный ансамбль, являющийся воплощением исторической ценности и значимости происходящих здесь событий. В художественной форме он рассказывает о людях, которые жертвуя собственными жизнями, защищали Родину. Но главная ценность мемориала не в архитектурных памятниках, экспозиционных площадях и проводимых мероприятиях, а в сохранении памяти. Человек всегда живет во внешнем проявлении – в своих поступках, в памяти семьи, друзей и знакомых. И наша задача как можно дольше продлить эту жизнь!

Литература

1. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (далее ГУ МК БКГ). – 31 отдельный автотранспортный батальон. – Д. 33. – Л. 1.
2. Архив ГУ МК БКГ. – Оп. 84 стрелковый полк. – Д. 189. – Л. 1.
3. Архив ГУ МК БКГ. – Оп. Разные. – Д. 2. – Л. 1.
4. Архив ГУ МК БКГ. – Оп. Разные. – Д. 5. – Л. 1.
5. Брестская крепость: от музея до мемориала: история создания, экспозиция, уникальные объекты / авторский текст А.М. Суворова; под общ. ред. В.В. Губаренко; фото: А.М. Суворов, Н.Н. Чеберкус. – Брест: Редакция журнала "СЭЗ", 2006. – 22 с.
6. Замысел проекта // Официальный сайт фильма «Брестская крепость» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.brestkrepost-film.ru/project/plan/. – Дата доступа: 16.03.2014.
7. «Жемчужины Содружества» // Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cis.minsk.by/news.php?id=2596. Дата доступа: 17.03.2014.
8. Историческое наследие Брестской крепости в исследованиях и экспозициях мемориала / Министерство культуры Республики Беларусь, мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой»; редкол.: Г.Г. Бысюк [и др.]. – Брест: Альтернатива, 2013. – 148 с.

9. История создания фильма «Брестская крепость» // Официальный сайт фильма «Брестская крепость» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.brestkrepost-film.ru/about/hist_cr/3772.html. –Дата доступа: 15.03.2014.
10. Научная справка по выставке «Брестская крепость на перекрестках Европы» / 2012 // Библиотека ГУ МК БКГ. – Инв. 225.
11. Научная справка по экспозиции 10-го зала. / 2003 // Библиотека ГУ МК БКГ. – Инв. 225.
12. План по основным направлениям деятельности учреждения и отчет о его выполнении за 2013 г. // Архив ГУ МК БКГ. – Инв. 63.

Юрчак Д.В.

ПАМЯТНИКИ И ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ: ОБЪЕКТЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ИЛИ МЕМОРИАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ?

В Республике Беларусь вопросам увековечения памяти о событиях периода Великой Отечественной войны уделяется большое внимание на государственном уровне. По словам А.Г. Лукашенко: «Наш долг, наша священная миссия – сохранить правду о той войне и о легендарном подвиге советского народа. Не позволить отнять у него главное завоевание – Великую Победу!» [4].

В реализации политики по увековечению памяти о событиях Великой Отечественной войны в республике задействованы Министерство обороны, Министерство культуры, органы МВД, КГБ, Министерство иностранных дел, иные министерства и ведомства, а также органы местного управления и общественные организации. Мемориализация памяти о событиях Великой Отечественной войны проходит в следующих формах: сооружение мемориальных комплексов, памятников, надгробий и других памятных знаков, а также оборудование мест захоронения защитников Отечества и жертв войн; сохранение отдельных территорий и объектов, исторически связанных с героическими подвигами погибших при защите Отечества; занесение на памятники, обелиски и в историко-документальные хроники «Память» фамилий погибших защитников Отечества и жертв войн и других сведений о них; создание мемориальных музеев, организация выставок, тематических экспозиций; использование средств массовой информации, культуры и искусства; присвоение населённым пунктам, улицам и площадям, объектам, учреждениям, предприятиям, организациям, учебным заведениям, воинским частям, кораблям и судам имён погибших при защите Отечества [8].

Работа по мемориализации событий Великой Отечественной войны ведётся по всем из названных направлений. Это отмечают все, кто посещает Беларусь. У нас практически невозможно найти заброшенных братских могил и памятников, ежегодно, благодаря деятельности 52-го отдельного специализированного поискового батальона, устанавливаются новые места захоронений участников войны, возвращаются из небытия имена воинов Великой Победы, погибших на белорусской земле и считавшихся до этого пропавшими без вести. Силами историков, музейных работников и общественных активистов при помощи электронного ресурса ОБД «Мемориал» уточняются списки земляков, сражавшихся с захватчиками, а также воинов Красной Армии, погибших при освобождении Беларуси. Ведётся кропотливая работа по составлению республиканской электронной книги «Память».

Вместе с тем, существует ряд вопросов требующих дальнейшей проработки в целях эффективной реализации политики памяти и сохранения для потомков монументов и захоронений, связанных с Великой Отечественной войной. Одним из наиболее сложных и дискуссионных является вопрос о признании военных захоронений и памятников историко-культурным наследием. Стоит вспомнить, что ещё в Советском Союзе существовала тенденция признания братских захоронений памятниками истории. Среди последних, согласно «Своду памятников истории и культуры Беларуси», могли быть братские могилы, воинские кладбища, единичные захоронения (в том числе на кладбищах), сожжённые деревни, места рождения героев, монументальные памятники, площади, мосты, места боёв, переправ, явочные квартиры подпольщиков, высоты, мемориальные парки и сады, мемориальные доски, места гибели и даже деревья, посаженные героями Великой Отечественной войны [см. 3]. Исходя из такого подхода в семи районах Витебской области и г. Витебске из 1122 памятников истории и культуры к военному периоду можно было отнести 746 (см. табл. 1).

Тем самым объекты, связанные с Великой Отечественной войной, были достаточно полно представлены в советском списке памятников истории и культуры, но и он не был исчерпывающим. В частности, далеко не все уничтоженные захватчиками деревни были упомянуты в

нём. Его можно было дополнять и дорабатывать, но дальнейшая судьба памятников истории военного периода сложилась иначе.

Таблица 1 – Объекты, связанные с Великой Отечественной войной в списках 1985 и 2009 годов [составлено на основе 2, 3].

Город, район	Всего объектов в списке 1985 г.	В том числе объектов связанных с Великой Отечественной войной	Всего объектов в списке 2009 г.	В том числе объектов связанных с Великой Отечественной войной
Бешенковичский	97	67	31	9
Витебский	185	151	54	27
Витебск	125	44	115	4
Городокский	184	141	49	29
Лиозненский	131	108	24	24
Оршанский	217	109	45	10
Сененский	98	56	19	7
Шумилинский	85	70	30	19

После образования независимой Республики Беларусь, в связи с изменением законодательства (13 ноября 1992 г. принят новый закон «Об охране историко-культурного наследия») и подходов к рассматриваемой проблеме, ситуация существенно изменилась. Во-первых, основными объектами охраны со стороны государства теперь стали не «памятники истории и культуры», а «историко-культурное наследие» воплощённое в «историко-культурных ценностях». Под последними понимались «наиболее отличительные материальные объекты и нематериальные проявления человеческого творчества, которые имеют выдающиеся духовные, эстетические и документальные достоинства и взяты под охрану государства» [1; 7]. С этой точки зрения воинские захоронения не совсем вписывались в новое определение, являясь в первую очередь памятниками истории. Поэтому количество подобных объектов в списке существенно сократилось, что очевидно на примере рассматриваемых районов Витебской области (см. табл. 1). Хотя такая же тенденция наблюдается по всей республике.

Во-вторых, в связи с принятием нового закона и изменением подходов прежний список, существовавший до 1992 г. был «обнулён». То есть, историко-культурными ценностями признавались только те объекты, которые были включены в новый Список историко-культурного наследия Беларуси в соответствии с законом 1992 г. Как видно из таблицы по состоянию на 2009 г. в современной Беларуси не удалось (а с того времени Список изменился несущественно) достичь показателей советского времени (несмотря на то, что в реальности перечень объектов, которые можно признать историко-культурной ценностью в соответствии с новым законом в целом расширился) [см. 2]. В новый список попадали только самые значимые объекты, возведённые более чем 50 лет назад и имеющие художественно-эстетическую ценность. При этом возникает моральный вопрос: а чем Воины-Освободители, похороненные в обычной братской могиле со скромным монументом, отличаются от тех, которые захоронены на «объектах историко-культурного значения»? Все они Защитники Отечества, положившие свои жизни на алтарь Великой Победы!

С историко-культурными ценностями могут возникать и иные сложности. В частности, на всех материальных историко-культурных ценностях в соответствии со ст. 28 действующего закона «Об охране историко-культурного наследия» (от 9 января 2006 г.) устанавливаются охранные доски. К счастью, на военных монументах этот пункт закона выполняется не всегда. Это экономит бюджетные средства и, что самое главное, не портит общий вид обелиска (монумента, памятника), так как разместить на них доску установленного законом размера чаще всего очень проблематично. Есть примеры, когда охранные доски устанавливаются на оборотной стороне памятника или на ограде, что также весьма спорно.

Подобная ситуация с историко-культурным наследием объяснялась и тем, что памятники военного периода попали под действие ещё одного нормативно-правового акта – «Положения о порядке увековечения памяти защитников Отечества и жертв войн в Республике Беларусь», утверждённого Постановлением Совета Министров Беларуси от 21 декабря 1992 г. Согласно ему, захоронения защитников Отечества и жертв войн с находящимися на них надгробиями,

элементами ограждения и техническим оборудованием, а также без них являются воинскими захоронениями. К ним относятся: мемориальные ансамбли и кладбища; воинские кладбища; отдельные воинские участки на общих кладбищах; братские и индивидуальные могилы, находящиеся на кладбищах и вне кладбищ; колумбарии и отдельные урны с прахом погибших [8]. Все воинские захоронения подлежат государственному учёту. На территории Республики Беларусь учёт их ведётся в местных исполнительных и распорядительных органах, а за рубежом – в дипломатических представительствах и консульских учреждениях Республики Беларусь. На каждое воинское захоронение составляется паспорт и на каждом из них устанавливается государственный знак [5, с. 265].

При этом стоит обратить внимание на тот факт, что ряд мемориальных объектов, относящихся к Великой Отечественной войне, остались вне поля действия как закона «Об охране историко-культурного наследия», так и «Положения о порядке увековечения памяти защитников Отечества и жертв войн в Республике Беларусь». Это в первую очередь касается мемориальных досок и памятников участникам войны, установленных не на местах захоронений. Например, в Витебске это памятники В.З. Хоружей, М.Ф. Шмырёву, А.К. Горовцу, героям Витебского подполья и др., установленные в общественных местах. Они находятся на балансе у какой-либо организации, но их правовой статус детально законом не определён.

Всё вышесказанное заставляет задуматься, а стоит ли воинские захоронения и памятники, посвящённые событиям Великой Отечественной войны, считать историко-культурными ценностями? С одной стороны в духовной значимости этих объектов никто не сомневается. Это очевидно даже на примере отношения к этим объектам со стороны общества и власти. Но стоит ли сравнивать братскую могилу Солдат Победы с «памятником градостроительства XIX века», «стоянкой первобытного человека», «каменным крестом» и иными подобными объектами из списка?

Ответов на подобный вопрос может быть несколько: Во-первых, можно пойти старым проверенным путём и включить все воинские захоронения Защитников Отечества, места массового уничтожения мирных жителей, монументальные памятники, посвящённые событиям и героям Великой Отечественной войны в действующий список историко-культурного наследия. К этому многие известные исследователи этой тематики уже не раз призывали. В частности, такое не раз доводилось слышать из уст известного витебского краеведа Н.В. Пивовара, а также встречать в работах Т.П. Савчук, В.В. Шумского [9, с.16]. Но в таком случае, по существу, будет идти речь о «двойном учёте» воинских захоронений и дополнительном расходовании бюджетных средств.

Возможен и иной вариант. Учитывая значимость событий Великой Отечественной войны для современной Беларуси и необходимость увековечения памяти о Защитниках Отечества, стоит вести речь о создании отдельного закона, который условно можно назвать «Об увековечении памяти Защитников Отечества и мемориальных объектах», в котором стоит чётко определить содержания понятий «воинские захоронение» и «мемориальные объекты».

В первую категорию стоило бы включить все те объекты, которые уже определены в Положении о порядке увековечения памяти защитников Отечества и жертв войн в Республике Беларусь. Под «мемориальными объектами», кроме воинских захоронений, можно было бы понимать специально созданные памятники, мемориальные доски, монументы, установленные в местах, где когда-либо происходили значимые исторические события, на месте рождения известных исторических личностей, либо памятники, установленные в общественных местах и посвящённые известным историческим личностям, событиям, имеющим как общегосударственное, так и региональное значение. Объединение этих понятий, на наш взгляд, в рамках одного нормативно-правового акта выглядит вполне логичным и обоснованным.

При этом «мемориальные объекты» стоило бы приравнять в правовом статусе с историко-культурным наследием, сохранив основные требования по их паспортизации и учёту, определённые Положении о порядке увековечения памяти защитников Отечества и жертв войн в Республике Беларусь и расширив их на иные мемориальные объекты, с учётом их особенностей. О необходимости принятия подобного закона (но с немного иным названием), говорит и тот факт, что исследователи уже поднимали этот вопрос и он активно обсуждался, но не перешёл в фазу практической реализации [6, с. 209].

Таким образом, вопросам сохранения памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь уделяется много внимания. Но пока нет единства в рассмотрении мемориальных объектов, связанных с этим событием, как части культурного наследия страны. Одни объекты мы при-

знаём частью историко-культурного наследия, другие нет. На наш взгляд, пора прекратить так обращаться с памятью о Великой Победе и либо включить все вышеназванные объекты в Список историко-культурного наследия, либо (что более рационально), принять отдельный нормативно-правовой акт, определяющий статус этой особой категории мемориальных объектов. Всё это позволило бы оптимизировать законодательство в области охраны историко-культурного наследия и чётко разграничить историко-культурное наследие и мемориальные объекты.

Литература

1. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны: Закон Рэспублікі Беларусь ад 9 студзеня 2006 г. № 98-З // Эталон-Беларусь [Электр.ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2004–2014.
2. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / склад. В.Я. Абламскі, І.М. Чарняўскі, Ю.А. Барысюк. Мінск: БЕЛТА, 2009. – 684 с.
3. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР; рэд. кал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1985. – 496 с.
4. Лукашенко считает священной миссией сохранение правды о Великой Отечественной войне / БелТА // Новости Беларуси: Белорусское телеграфное агентство [Электрон.ресурс]. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/president/lukashenko-schitaet-svjaschennoj-missiej-soxranenie-pravdy-o-vov_i_633964.html. – Дата доступа: 12.03.2014.
5. Мартыненко, И.Э. Правовой статус, охрана и восстановление историко-культурного наследия государств-участников СНГ: учеб. пособие / И.Э. Мартыненко. – Москва: Зерцало-М, 2012. – 943 с.
6. Мартыненко, И.Э. Международная и национальные правовые системы охраны историко-культурного наследия / И.Э. Мартыненко. – Гродно: ГрГУ, 2005. – 343 с.
7. Об охране историко-культурного наследия: Закон Республики Беларусь от 13 ноября 1992 г. №1940-XII // Эталон-Беларусь [Электр.ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2004-2014.
8. Об увековечении памяти Защитников Отечества и жертв войн: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 1992 г. № 763 // Эталон-Беларусь [Электр.ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2004–2014.
9. Савчук, Т.П. Увековечение событий Великой Отечественной войны в Беларуси: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т.П. Савчук; Брест. гос. университет. – Брест, 2011. – 193 л.

Кепин Д.В.

МУЗЕЙНО-МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА КИЕВЩИНЕ

Памятники монументального искусства, которые увековечивают события, связанные с Великой Отечественной войной советского народа 1941–1945 гг., сооружены в Украине во многих населенных пунктах. Многие из них нуждаются в реставрации. Также известны случаи порчи мемориалов и монументов. Еще во время войны 1 апреля 1944 г. было издано Постановление СНК УССР и ЦК КП(б)У «Про благоустрій могил і увічнення пам'яті воїнів, які загинули в боротьбі за визволення і незалежність Радянської Батьківщини» [13].

В Киевской области находится Национальный музей-заповедник «Битва за Киев в 1943 году» (с. Новые Петровцы, Вышгородский р-н) и Национальный музей-мемориал «Букринский плацдарм» (с. Балыко – Щучинка, Кагарлыкский р-н). Первый из них расположен на Лютежском плацдарме (30 км севернее Киева), где войска 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Н.Ф. Ватутина 3 ноября начали наступление и утром 6 ноября 1943 г. освободили г. Киев [11, с. 242].

СНК УССР и ЦК КП(б)У 20 марта 1945 г. приняли Постановление № 425 о необходимости создания музея-заповедника «Поле битвы за Киев» в с. Новые Петровцы. Деятельное участие в организации этого комплекса принял глава СНК республики Н.С. Хрущев. В настоящее время заповедник занимает площадь 9,2 га и включает сохраненные и реконструированные полевые оборонительные сооружения бывшего командно-наблюдательного пункта генерала армии, Героя Советского Союза Н.Ф. Ватутина, наблюдательные пункты командующего 38-армией генерал-полковника К.С. Москаленко, командующего 3-ей гвардейской танковой армией генерал-лейтенанта танковых войск П.С. Рыбалко. На территории заповедника по решению правительства УССР в 1958 г. сооружен памятник-музей освобождения Киева (авторы проекта: скульптор И.Г. Першудчев, архитекторы А.М. Милецкий, В.В Бакланов). Высота монумента – 25 м, скульптуры воина – 5,5 м. В 1980 г. на расстоянии 1 км от этого музея была открыта диорама «Битва за Киев. Лютежский плацдарм. 1943 год» в Свято-Покровской церкви. Монументальное полотно размером 29х7 м выполнил в 1975 – 1980 гг. заслуженный художник РСФСР, заслуженный деятель искусств УССР, лауреат Государственной премии РСФСР имени И.Е. Репина член Студии военных художников им. М.Б. Грекова Н.С. Присекин. С 1993 г. диорама размещается в новом здании музея

(автор проекта – Заслуженный работник культуры Украины Н. Фещенко) на территории заповедника. В главном здании, кроме диорамы, размещена стационарная экспозиция и зал для временных выставок. Под открытым небом размещены образцы военной техники времен Великой Отечественной войны. В селе установлены в 1983 г. Памятный знак «Героям Лютежского плацдарма» (авторы В.В. Климик, Ю.И. Колесников, С.И. Войцеховский, Ю.И. Турчанинов) и Вечный огонь [14, С. 122–176].

Музей-мемориал «Букринский плацдарм» открыт 3 мая 1985 г. (80 км южнее Киева). Между военными историками идут дискуссии о характере боевых действий во время неудачных наступлений 12–15 и 21–23 октября 1943 г., в частности, мест и количества переправ во время форсирования Днепра, состава и численности войск с обеих сторон, потерь и т.д. [1; 4; 10; 12]. В связи с этим исключительный интерес представляют мемуары непосредственных участников тех событий, в частности, маршала, дважды Героя Советского Союза К.С. Москаленко (тогда генерал-полковника, командующего войсками 40-й армии; с 27 октября – командующего войсками 38-й армии); Героя Советского Союза К.О. Малыгина (тогда командующего 9-м механизированным корпусом 3-й гвардейской танковой армии); Героя Советского Союза М.К. Шапошникова (тогда полковника, командующего 178-й танковой бригадой) [7; 8, с. 74–122; 9; 15, с. 97–136]. Название «Букринский плацдарм» дано по названию сел Большой и Малый Букрин (Мироновский р-н), расположенных за р. Днепр, на запад от нынешнего г. Переяслав-Хмельницкий и на юго-восток от г. Ржищев (Кагарлыцкий р-н). На основе анализа воспоминаний участников боев на Букринском плацдарме и анализа военных карт, считаем, что под понятием «Букринский плацдарм» понималась территория, в которую входило несколько населенных пунктов современных Мироновского и Кагарлыцкого р-нов Киевской обл. и Каневского р-на Черкасской обл.

В 1950-х гг. Генеральный штаб Министерства обороны СССР предложил соорудить монумент, который бы увековечивал подвиг советских войск при форсировании Днепра и создании Букринского плацдарма. В июне 1960 г. этому вопросу было посвящено заседание Совета Министров УССР и партийного руководства республики. А 13 августа 1974 г. Правительством рассмотрен вопрос о сооружении «Монумента в честь подвигов советских войск в боях при форсировании Днепра и на Букринском плацдарме». Соорудить архитектурно-мемориальный комплекс решено было на околицах с. Балыко-Щучинка, в районе высоты 195,7.

Одновременно с этими событиями секция военно-исторических памятников Респбликанского правления Украинского общества охраны памятников истории и культуры к 30-летию Победы подготовила предложения по созданию Пояса Славы города-героя Киева. Проектирование комплекса поручили скульптору В.И. Знобе (в 1996 г. за выполнение этих работ ему была присуждена Национальная премия им. Т.Г. Шевченко), архитекторам – Ю.П. Платонову, С.А. Захарову, В.О. Корневу. Военным консультантом стал полковник В.В. Белодед. Консультативную помощь также оказали археолог академик П.П. Толочко и архитектор В.А. Харламов. В обсуждении проекта создания ансамбля непосредствнное участие принимал академик АН УССР П.Т. Тронько (1914–2011), тогда Председатель Украинского общества охраны памятников истории и культуры (далее УООПИК). Финансирование частично осуществлялось УООПИК. На открытии мемориала присутствовал участник тех событий, Герой Советского Союза, бывший командир батальона по политической части 11-й мотострелковой бригады 40-й армии О.К. Болбас.

26 октября 1993 г. Представителем Президента Украины в г. Киеве и 28 октября Представителем Президента Украины в Киевской обл. было утверждено «Положення про пояс Бойової слави міста-героя Київ». В него включен Музей-мемориальный комплекс «Букринский плацдарм» [11, с. 245; 1, с. 274–286; 12, с. 85–93, 137].

Холм, на котором сооружен мемориал, является частью остатков древнерусского городища Чучин XI–XIII ст., исследованного в 1961–1965 гг. археологической экспедицией Института археологии АН УССР под руководством В.О. Довженка [5; 6]. На территории мемориала находится братская могила советских воинов. Нами 24 июля 2011 г. было проведено обследование состояния сохранности мемориала. Территория комплекса нуждается в упорядочивании. Необходимо заменить недействующие поврежденные фонарные столбы, укрепить или заменить главную деревянную лестницу, возобновить вечный огонь. Необходимо провести инженерно-геологическую оценку состояния холма из-за размыва водами Каневского водохранилища берега, что угрожает одному из склонов холма (периодически происходит боковая эррозия). Все эти мероприятия возможны только

с учетом надлежащего государственного финансированиия. В селе также находится Музей боевой славы и памятник – бронзовый бюст Н.Ф. Ватутину.

С 1975 г. г. в Переяслав-Хмельницком открыт музей-диорама в Вознесенском соборе XVIII ст. «Штурм Днепра в районе Переяслав-Хмельницкого и создание Букринского плацдарма». Авторы диорамы размером 28Х7 м – баталисты Студии военных художников им. М.Б. Грекова Н.С. Присекин и П.Т. Мальцев – воссоздали бой у с. Григоровка [3].

Таким образом, музейно-мемориальные комплексы, посвященные событиям Великой Отечественной войны в Киевском регионе, служат важнейшим фактором в воспитании у молодого поколения уважительного отношения к памятникам военной истории.

Литература

1. Безсмертя. Книга Пам'яті України. 1941–1945 / головна ред. колегія (голова І.О. Герасимов). – Київ: Пошуково-видавниче агентство «Книга Пам'яті України», 2000. – 944 с.
2. Букринський плацдарм. Фоторозповідь про меморіальний комплекс у с. Балико-Щучинці Київської області / Вступна стаття В.Ф. Гришечкиної; упорядник І.Р. Стратій. – Київ: Мистецтво, 1986. – 32 с.
3. Героям Дніпра. Фоторозповідь про діораму-музей «Штурм Дніпра в районі Переяслав-Хмельницького і створення Букринського плацдарму» у м. Переяслав-Хмельницькому на Київщині / автор тексту М.М. Малюк. – Київ: Мистецтво, 1980. – 16 с.
4. Днепр – река Героев. Свидетельства всенародного подвига / коллектив авт.-сост. Н.И. Луцев [и др.]; под общ. ред. В.Н. Немятого. – 2-е изд., доп. – Київ: Политиздат Украины, 1988. – 391 с.
5. Довженок, В.Й. Літописний Чучин / В.Й. Довженок // Археологія. – 1964. – Т. XVI. – С. 119–125.
6. Довженок, В.Й. Щучинське городище / В.Й. Довженок // Археологія Української РСР: У 3 т. – Київ: Наукова думка, 1971 – 1975. – Т. 3. – С. 281–284.
7. Малыгин, К.А. На букринском плацдарме / К. А. Малыгин // Военно-исторический журнал. – 1968. – № 10. – С. 58–63.
8. Малыгин, К.А. В центре боевого порядка / К.А. Малыгин. – Москва: Воениздат, 1986. – 205 с.
9. Москаленко, К.С. На південно-західному напрямі: У 2 кн. Спогади командарма / К.С. Москаленко. – Київ: Політвидав України, 1984. – Кн. 2: 1943 – С. 118–192.
10. Нестеров, Р. Літопис рідного краю. ІХ. Миронівський район в роки Великої Вітчизняної війни / Р. Нестеров. – Миронівка: МПП «Офорт», 1993. – 114 с.
11. Памятники истории и культуры Украинской ССР: каталог-справочник / гл. ред. П.Т. Тронько. – Київ: Наукова думка, 1987. – 736 с.
12. Подвиг на віки: Книга Пам'яті України – Місто-Герой Київ / ред. колегія (голова А.І. Тимчик). – Київ: Пошуково-видавниче агентство «Книга Пам'яті України», 2000. – 912 с.
13. Романов, О.С. Архитектура музейно-мемориальных комплексов, посвященных Великой Отечественной войне: автореф. ... канд. арх. / О.С. Романов; Ленинградский инженерно-строительный ин-т. – Ленинград, 1986. – 22 с.
14. Тронько, П.Т., Увічнена історія України / П.Т. Тронько, В.А. Войналович. – Київ: Наукова думка, 1992. – 276 с.
15. Шапошников М.К. По зову Родины / М.К. Шапошников. – Київ: Политиздат Украины, 1988. – 208 с.

Никонов А.К., Афанасьев В.А.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В КОЛЛЕКЦИИ ЦМВС РФ

Великая Отечественная война была и остается для всех народов бывшего Советского Союза высочайшей морально-нравственной вершиной. Сохранить правду о Великой Отечественной войне, донести ее до молодого поколения – важнейшая задача. Одним из ключевых инструментов в этой работе являются музеи военно-исторической направленности. В Беларуси это, прежде всего, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны в Минске, в России – Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации в Москве, Центральный музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе и ряд других крупных музеев. Мы тесно сотрудничаем с нашими белорусскими коллегами.

Сегодня Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации является одним из крупнейших военно-исторических музеев мира, его коллекции насчитывают более 800 тысяч музейных предметов, в том числе более 28 тысяч боевых и шефских знамен воинских частей и соединений, а также трофейных знамен и штандартов. В 24 экспозиционных залах музея, а также на открытой смотровой площадке боевой техники и вооружения, представлены материалы об истории Вооруженных Сил Отечества от момента их зарождения на регулярной основе до настоящего времени. Значительная часть экспозиции – 10 экспозиционных залов посвящены событиям Великой Отечественной войны.

Коллекция музея в годы войны пополнялась непосредственно с полей сражений. На фронт для сбора материалов регулярно выезжали экспедиционные группы из числа сотрудников. Так, уже в начале 1942 года на фронт выехала экспедиционная группа в составе батальонных комиссаров П.Н. Логинова, И.Я. Панкова и научного сотрудника Роговой. Последняя активно вела сбор материалов о действиях Красной Армии при обороне столицы и партизанском

движении в Московской области для подготовки выставки «Разгром немецких захватчиков под Москвой».

В ноябре 1942 – январе 1943 г. были организованы экспедиции на Волховский, Карельский и Донской фронты. Осуществлялся сбор материалов об обороне Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда. В 1943 году сотрудники музея побывали в войсках Ленинградского, Донского, Западного, Калининского, Юго-Западного, Южного фронтов, на местах боев в районе Сталинграда, Воронежа, Ростова-на-Дону, Калинина, Смоленска, Харькова, Белгорода, а также в партизанских отрядах в Брянских лесах и на Смоленщине.

Работа в войсках по сбору материалов была довольно сложной, сотрудникам музея приходилось преодолевать множество барьеров, а порой она была сопряжена и с риском для жизни.

По мере развития успехов Красной Армии на фронтах в 1944–1945 гг. интенсивность поездок сотрудников музея по сбору документальных и реликвийных материалов Великой Отечественной войны стала возрастать. По архивным данным только с ноября 1943 г. по апрель 1945 г. было организовано 20 экспедиций на фронты. В сборе экспонатов принимал участие практически весь коллектив музея. Наиболее часто в экспедиционных поездках участвовали полковник В.И. Федянин, руководивший музеем в период с 17 января 1940 г. по ноябрь 1943 г., майор П.Н. Логинов, лейтенант И.Г. Прозоров, научные сотрудники М.Л. Берменсон, М.К. Назарова, П.И. Рыбин, Л.А. Юрова, Ю.А. Скотников, Л.Ф. Семихина и другие.

За годы войны коллекция музея пополнилась почти 99 тысячами документальных и вещественных музейных предметов. Многие из них являются военно-историческими раритетами. Это, к примеру, документы и личные вещи генералов Л.М. Доватора, И.В. Панфилова, И.Д. Черняховского, Н.Ф. Ватутина, павших на поле боя. Гордостью коллекции музея является символ Победы советского народа в Великой Отечественной войне – Знамя Победы.

Значительно пополнилась коллекция музея материалами о героях войны и в послевоенные годы. В их числе награды и личные вещи Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, трижды Героев Советского Союза А.И. Покрышкина и И.Н. Кожедуба. Кстати сказать, награды И.Н. Кожедуба поступили к нам в музей только в прошлом году. Теперь они в постоянной экспозиции. Пополнение музейной коллекции продолжается. В течение ряда лет сотрудники музея совместно с общественными поисковыми объединениями принимают активное участие в патриотических акциях, проходящих в Кабардино-Балкарии в Приэльбрусье. Результатом этой работы стало пополнение коллекции музея новыми, интересными находками поисковиков.

В последние годы экспозиция залов, посвященных Великой Отечественной войне, была существенно обновлена:

- в зале Победы создан новый экспозиционный комплекс «Знамя Победы», на его открытии присутствовал Президент Российской Федерации;
- в знаменном фонде установлена специальная витрина для хранения подлинного Знамени Победы, обеспечивающая необходимый температурно-влажностный режим;
- существенно обновлена и расширена экспозиция залов музея, посвященного начальному периоду Великой Отечественной войны, Московской битве, обороне Ленинграда, Севастополя, советского Заполярья, битве за Кавказ, Сталинградской битве.

В ходе реэкспозиции этих залов:

- были учтены последние достижения исторической науки, в том числе, материалы современного многотомного фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», в создании которого принимают участие и сотрудники нашего музея;
- использованы многие новые материалы, хранившиеся ранее в фондах, либо полученные от семей некоторых военачальников специально для создаваемой экспозиции или полученные от поисковых отрядов;
- разработан ряд тем, ранее не представленных в экспозиции, или представленных недостаточно (неудачные для советских войск операции лета 1942 г. в районе Харькова и Ворошиловграда, приказ НКО № 227 и т.д.);
- при создании новой экспозиции было использовано современное музейное освещение, что существенно повысило эмоциональное восприятие материала.

В залах, не подвергавшихся в последние годы глубокой реэкспозиции, были введены новые экспозиционные комплексы, проверенные в ходе тематических выставок, такие, как женщины на войне; дети на войне; деятели искусства в годы войны и т.д.

В книге отзывов музея есть значительное количество записей с позитивными оценками его деятельности. Так, декан исторического факультета МПГУ А.Ю. Кузьмин, студенты которого в этом году проходили практику на базе нашего музея, отметил: «При соприкосновении с музейными экспонатами книжные знания студентов превращаются в живое, образное восприятие истории, заставляющее гордиться нашей страной. Огромна заслуга нашего музея в патриотическом воспитании молодежи».

На протяжении многих лет Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации является коллективным членом Международного Совета Музеев (ИКОМ) и одного из его комитетов – ИКОМАМ (Международного комитета музеев и коллекций оружия и военной истории). В ноябре 2012 года поступило обращение от наших иностранных коллег по комитету провести международную конференцию ИКОМАМ в сентябре 2014 года в Москве на базе ЦМВС РФ. Надеемся, что будущая встреча позволит расширить представление международного профессионального сообщества о работе военных музеев Российской Федерации. ЦМВС РФ предполагает и впредь активизировать контакты с международными организациями и зарубежными военно-историческими музеями. Регулярно принимать участие в международных конференциях по линии ИКОМ, т.к. подобные музейные форумы дают большой опыт международного общения с коллегами, активно влияют на положительное восприятие работы музеев России, позволяют расширить контакты для создания и реализации межмузейных выставочных проектов в будущем.

Рейхман Г.

НА ЛИНИИ ОГНЯ. ЕВРЕИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг. ОПЫТ КОЛЛЕКТИВНОГО ПОРТРЕТА

Международная научно-практическая конференция «Победа – одна на всех», посвященная знаменательной дате – 70-летию освобождения Беларуси от нацизма – это реальная возможность вновь обратиться к народной трагедии, мужеству и подвигу в Великой Отечественной войне и ее ярчайшей странице: освобождению БССР от нацисского врага. Международный характер конференции, как и ее тема, позволяют привлечь значительное число новых документальных источников (книг, статей, фильмов, экспозиций).

В этом ряду несомненно находится уникальная экспозиция израильского Военно-исторического музея «Энергия мужества», в основе которой лежат частные коллекции и семейные архивы участников Второй мировой войны. На базе фондов музея и последних исторических исследований здесь создана мультимедийная выставка «На линии огня. Евреи СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Опыт коллективного портрета».

Выставка «На линии огня» является разработкой военного историка, подполковника российской армии в отставке Давида Зельвенского, сына офицера, погибшего в боях за освобождение Харькова, руководителя Ассоциации военных историков «Арсенал», создателя и директора израильского Музея «Энергия мужества» (г. Хадера).

Выставка является единственной подобного рода экспозицией по теме, содержанию и способу показа за все послевоенные годы. Впервые можно увидеть широкую картину еврейского участия в войне с нацизмом в общем строю других народов. Особая достоверность выставки достигается показом воинов-евреев на своих профессиональных местах: пехотинцев, танкистов, летчиков, моряков, артиллеристов и других, а также командиров-евреев.

Из содержания выставки можно узнать, что из более чем 1,5 миллиона воинов-евреев – участников Второй мировой войны, в Великой Отечественной войне в рядах РККА их сражалось более 500 тыс., в том числе: 32 тыс. офицеров, более трехсот – генералов и адмиралов, звания Героя Советского Союза были удостоены около 150, а 14 из них стали полными кавалерами ордена Славы. Из 500 тысяч советских воинов-евреев – участников войны – в сухопутных войсках служило 74,6 %, в военно-морском флоте – 14,7 %, в авиации – 7,2 %. На фронте сражались 20 тысяч еврейских женщин. Единая цель укрепляла дружбу и сплоченность воинов разных национальностей.

Евреи-труженики советского тыла сыграли огромную роль в обеспечении фронта современным оружием. Их роль в развитии военной промышленности трудно переоценить: 50 руко-

водителям присвоены генеральские звания, 45 возглавили оборонные предприятия и НИИ, 12 присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Экспозиция постоянно обновляется новыми данными и является надежным источником по избранной теме. Они почерпнуты из работ ведущих историков по данной теме (Ф. Свердлов, Г. Шапиро, С. Авербух, А. Абрамович, И. Арад, А. Шнеер, П. Песати и др.).

Выставка используется в мультимедийном виде, на стендах, в альбомах, во всех СМИ. Вместе с тем она является интегральной частью музея «Энергия мужества», вызывая неизменный интерес, и предназначена для любых аудиторий. Многие экспонаты музея, репродуцированные или воспроизведенные на выставке, отражают совместную борьбу русского, белорусского, украинского, еврейского и других народов против общего врага в годы войны. Часть материалов посвящена Холокосту и партизанскому движению, в которых трагедия, мужество и подвиг неразделимы. Выставка является необходимым подспорьем для педагогов школ и ВУЗов.

Экспонаты музея «Энергия мужества» (г. Хадера, Израиль) и выставки «На линии огня» показывают, что глобальная человеческая трагедия – Вторая мировая война – была для евреев не только Холокостом, но и временем массового героизма. Не случайно поэт Евгений Евтушенко, будучи в Хадерском музее «Энергия мужества», оставил такую запись в Книге гостей: «Я писал о Бабьем Яре, о расстрелянных и задушенных евреях. Увиденное и услышанное здесь перевернуло мои представления о еврейском народе. Это сильный и мужественный народ и в страданиях, и на поле боя» [1].

У истоков Хадерского музея, в котором показан подвиг еврейских солдат бывшего СССР, стоял первый посол России в Израиле Александр Бовин, которому принадлежат слова: «Спасибо за память о нашей общей судьбе, такая судьба скрепляет покрепче родственной...» [2].

С момента создания выставки она прошла презентации в России, Израиле, США, Канаде, Германии, Азербайджане, на Украине и в Латвии, а также во многих других странах мира.

Кроме выставки в музее разработан буклет-памятка «Евреи во Второй мировой войне. 1939–1945 гг.», который дополняет выставку «На линии огня» и представляет собой необходимый минимум научной информации об участии евреев во Второй мировой войне. Издание можно использовать при подготовке к занятиям, во время бесед, лекций, а также при оформлении музеев.

С 2009 года музей «Энергия мужества» тесно сотрудничает с Российским научно-просветительным центром «Холокост» (г. Москва) и Российским культурным центром в Израиле (г. Тель-Авив), а также с другими центрами научной информации и популяризации темы, о чем свидетельствует традиция проведения ежегодных совместных мероприятий.

Во время II Междунродной конференции в Риге (май 2013 г.), посвященной музеям Холокоста на постсоветском пространстве, диск с мультимедийной презентацией передан автором ряду ее участников. Уже получены отзывы об использовании презентации, и все они свидетельствуют о высокой оценке выставки.

В сентябре 2013 года экспозиция была представлена автором сообщения (заочно, в виде статей в альманахе и сборнике) на Всеукраинской конференции «Актуальные проблемы региональных исследований Великой Отечественной войны» (Харьков, Украина), а в феврале 2014 года – на межрегиональном научно-практическом семинаре с международным участием «Формирование культурной памяти при изучении событий Второй мировой и Великой Отечественной войн: феномен Холокоста» в Саратове. Конференция получила отражение на страницах израильских СМИ.

Почти на каждом из стендов выставки, будь то: «На линии огня», «Маршальский жезл» (о евреях – генералах и офицерах), «Тяжелое золото войны» (о Героях Советского Союза), «Сильнее брони» (о танкистах), «Когда боль стала оружием» (о Холокосте и еврейском Сопротивлении), «Они прокладывали путь к Победе» (о саперах), «Чтоб дойти до Победы» (о медиках) есть портреты, наряду, разумеется, с остальными, как воинов-евреев – уроженцев местечек и городов Белоруссии, так и участников боев на ее территории в 1941–1944 гг.

Так, на стенде «На линии огня» по наградным документам представлен боевой путь рядового красноармейца Якова Левикова, освобождавшего Бобруйск, Гомель, Мозырь и Брест в 1944 году. Не забыт подвиг евреев – участников обороны Брестской крепости, в том числе и комиссара Ефима Фомина. В основной же экспозиции музея содержатся уникальные экспонаты, переданные послед-

ним из ныне живущих, участником обороны Пятого форта Брестской крепости 92-летним Борисом Файерштейном (фотография в военной форме и жетон военнопленного).

Стенд «Маршальский жезл» открывает портрет участника оборонительных боев в Белоруссии летом 1941 года, прославленного генерала армии, Героя Советского Союза Якова Крейзера, чьи фронтовые фото и открытки с фронта бережно хранятся в музее «Энергия мужества»; фотографии уроженца Витебска генерал – лейтенанта артиллерии Израиля Бескина (1895–1964), удостоенного за завершающие операции Великой Отечественной звания Героя Советского Союза. Имя другого, не менее славного воина – еврея, уроженца Минска, генерала-артиллериста Григория Пласкова, участника Парада Победы, можно встретить на стенде, посвященном евреям-артиллеристам «Огонь по врагу!».

Не менее сильное впечатление производят здесь же размещённая копия наградного листа от 6 апреля 1945 года на уроженца Ново-Борисова Минской области, комбрига-полковника Евсея Вайнруба (1909–2003). Танкисты под его командованием были в числе первых, ворвавшихся на окраины Берлина в мае 1945 года. Вся семья Вайнрубов – три брата и сестра геройски сражались на фронтах. Уникальность в том, что два брата, оба танкисты, полковник Евсей и генерал Матвей Вайнрубы были одним Указом удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Об их подвигах можно узнать и благодаря другому стенду – «Сильнее брони», посвященному евреям-танкистам [3].

Еще три генерала-еврея, чьи фамилии указаны на стенде «Маршальский жезл», являются уроженцами Белоруссии. Это братья Кацнельсоны (м. Старые Дороги) – Илья Нисунович (начальник управлении тыла фронта и Анатолий Анисимович (начальник штаба фронта) и генерал-майор инженерно-танковой службы Хаим Рубинчик (м. Березино Могилевской обл.) [4].

Командир танкового батальона Моисей Марьяновский (стенд «Тяжелое золото войны») 70 лет назад отличился в Белорусской операции, за что был удостоен звания Героя Советского Союза. Гомельчанин, гвардии полковник, командир 8 гвардейской механизированной бригады 3 гвардейского механизированного мехкорпуса Симон Кремер отличился в боях в Прибалтике. На стенде выставки, посвященном кавалерам Золотой Звезды, помещена фоторепродукция экспонирующегося в музее художественного маркированного конверта Минсвязи бывшего СССР (1978 г.) с портретом уроженца г. Гомеля, летчика-североморца Ильи Катунина.

Таким образом, на каждом стенде можно увидеть материалы об уроженцах Белоруссии и тех, кто ее освобождал от нацизма.

Особые место в экспозиции занимает тема Холокоста и еврейского вооруженного Сопротивления нацизму. Как известно, евреи и во вражеском тылу оказывали вооруженное сопротивление нацистским убийцам. В более чем 100 гетто действовали боевые группы. Известны восстания в Варшавском гетто (апрель–май 1943 г.), в Треблинке (2 июля 1943 г.), в Собиборе (14 октября 1943 г.) под руководством офицера Красной армии А. Печерского, в Аушвице-Биркенау (август 1944 г.). Более 30 тысяч евреев воевали в партизанских отрядах на территории СССР, сражались в Сопротивлении в Италии, Франции, Греции и других странах. Трагические и вместе с тем героические страницы в истории Белоруссии – это борьба подпольщиков в Минском гетто, восстания евреев в гетто Лахва, Мир, Несвиж, Глубокое и т.д.

Стенд выставки «Когда боль стала оружием» – прекрасная возможность на примерах конкретных судеб показать участие евреев в борьбе против нацистского врага, что вполне может стать темой обсуждения в самых различных аудиториях, уроков для школьников, семинаров для студентов.

В самой экспозиции музея на почетном месте фотография дважды кавалера солдатского ордена Славы, юного партизана, ныне живущего в Израиле (г. Иегуд) Леонида Окуня. Здесь же и подлинные документы и фотографии жителя Хадеры, бывшего узника Минского гетто и юного партизана 88-летнего Бориса Млынского. Они частично показаны и в экспозиции «На линии огня». Борис Млынский является одним из наиболее активных волонтеров музея, выступает перед школьниками, студентами, зарубежными гостями музея, в том числе и недавно побывавшими в Израиле сотрудниками исторических музеев Республики Беларусь. В 1998 году в Хадере вышла его книга воспоминаний о пребывании в Минском гетто и партизанском отряде [5], она введена в научный оборот историками Холокоста в Беларуси.

Мы рассмотрели общую концепцию экспозиции «На линии огня» и некоторые ее страницы, так или иначе, связанные с историей евреев Беларуси. Содержание выставки несет в себе не

только научно-просветительскую, но и гуманитарную направленность. Она знакомит широкую аудиторию с уникальным музеем «Энергия мужества» и приглашает посетить его в Израиле. Выставка является серьезным подспорьем в утверждении исторической правды о многонациональном составе Красной Армии, участии в ее рядах воинов-евреев.

Литература

1. Аврех, И. Энергия мужества / И. Аврех, Д. Зельвенский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://toldot.ru/blogs/toldotplus/toldotplus_1218.html. – Дата доступа: 4.09.2013.
2. Рейхман Г. «Лишь памятью одной..." / Г. Рейхман // Еврейский камертон (приложение к газете «Новости недели»). – 2006. – 9 февраля. – С. 5.
3. Розенблюм, А. Здесь родились Вайнрубы / А. Розенблюм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rpp.nm.ru/vaynrub/vaynrub.html. – Дата доступа: 4.09.2013; Холокост на территории СССР: энциклопедия / гл. ред. И.А. Альтман. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: РОССПЭН. – С. 126.
4. Евреи – генералы и адмиралы СССР (участники войны с нацизмом), родившиеся в Белоруссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.beljews.info/ru/d_generals.php. – Дата доступа: 4.09.2013.
5. Млынский, Б.М. Страницы жизни времен Катастрофы / Б.М. Млынский. – Хадера, 1998.

Хоришко И.Е.

ВОЕННАЯ ТЕХНИКА ВРЕМЕН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ОТКРЫТОЙ ПЛОЩАДКЕ ГОМЕЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ ВОЕННОЙ СЛАВЫ

Открытая площадка в Гомельском областном музее военной славы является продолжением основной экспозиции, посвященной военной истории с древнейших времен до наших дней. Она представляет собой собрание военной техники XX века (танковый и артиллерийский ряды, стилизованный санитарный поезд, «партизанский городок», самолеты, вертолеты и др.). Демонстрируемые экспонаты позволяют проследить эволюцию военной техники, начиная от межвоенного периода до конца XX века, при этом значительная часть экспонатов посвящена эпохе Второй мировой войны. Изучение названной части экспозиции является значимым вопросом, так как дает возможность представить способы экспонирования образцов военной техники, показать своеобразие подхода к показу военной техники в Гомельском областном музее военной славы, а также актуализировать историю Второй мировой войны и выявить формы сохранения исторической памяти об одном из самых кровавых конфликтов в истории человечества. Тема интересна и с точки зрения понимания военной истории, и с позиций усовершенствования музейного дела, а также в связи с важностью популяризации военно-исторической тематики в год празднования 70-летия освобождения Беларуси от фашистских захватчиков.

Целью данного исследования является характеристика военной техники периода Второй мировой войны, выставленной для осмотра посетителями на открытой площадке в Гомельском областном музее военной славы.

Формирование открытой площадки происходило одновременно с подготовкой и открытием собственно экспозиции в залах музея, а также этот процесс продолжается до настоящего времени. Одни из первых экспонатов – это вертолет Ми-2, штурмовик СУ-25 «Грач», ИСУ-152, а также подаренный Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко танк Т-34-85. В последние годы коллекцию пополнили самоходная артиллерийская установка СУ-100, боевая машина десанта БМД-1, зенитная самоходная установка ЗСУ-23-4М. Значительную часть экспозиции составляет техника периода Второй мировой войны. У входа в музей размещена 45-мм противотанковая пушка 53-К образца 1937 г., такая же выставлена на территории «партизанского городка». Предметы, отражающие технику времени Великой Отечественной войны, включены в танковый и артиллерийский ряды. Здесь представлены танк Т-34-85, самоходные артиллерийские установки СУ-100, ИСУ-152, артиллерийские орудия, 57-мм противотанковая пушка ЗИС-2 и 76,2-мм дивизионная пушка ЗИС-3, а также боевая машина реактивной артиллерии БМ-13Н. В экспозиции на открытой площадке имеется и немецкая 76,2-мм противотанковая пушка PAK-36 (r).

Одна из самых узнаваемых пушек Великой Отечественной войны, символ первых военных месяцев – это 45-мм противотанковая пушка 53-К образца 1937 г. Именно с этим экспонатом посетители знакомятся в числе первых. В связи с тем, что на вооружении Красной Армии в начальный период войны отсутствовали противотанковые ружья, уничтожать фашистскую

бронетехнику пришлось при помощи «сорокапяток» и «карманной артиллерии» – гранат. Противостояние немецким танковым атакам было чрезвычайно сложным делом. При этом, как только немецкие танки наталкивались на советские противотанковые батареи, сразу же на позиции артиллеристов в атаку шла немецкая пехота.

Важность противотанковой артиллерии была настолько велика, что в Красной Армии для нее обеспечивались особые условия. Хотя возвращение в свою часть после ранения для служащих РККА не было характерным явлением, но раненые бойцы противотанковой артиллерии после лечения в госпиталях должны были возвращаться в свою часть. Ряд специальных постановлений регулировал деятельность этих подразделений. Так, 1 июля 1943 г. был издан приказ Наркома обороны, в соответствии с ним противотанковая артиллерия переименовывалась в истребительно-противотанковую. Весь офицерский состав, входивший в противотанковую артиллерию, был взят под особый учет и в дальнейшем использовался только в этих войсках. Несмотря на крайне трудные обстоятельства военного времени, личный состав противотанковой артиллерии имел повышенное денежное содержание, даже была установлена специальная отдельная выплата расчету орудия за каждый уничтоженный танк противника. Особый статус артиллеристов подчеркивался и ношением отличительного нарукавного знака [1, с. 102; 2, с. 105].

Внимание посетителей открытой площадки привлекает 57-мм пушка ЗИС-2 образца 1943 г., которая признана одним из лучших противотанковых орудий. Наиболее широко она была применена на полях сражений на Курской дуге летом 1943 г., затем постоянно использовалась до завершения Второй мировой войны. Мощность этого орудия была так велика, что выпуск этого вида вооружения даже прерывался в начале войны. Снаряды, выпущенные пушкой ЗИС-2, прошивали слабо бронированные немецкие танки с такой силой, что в ряде случаев не причиняли вреда экипажу. Но впоследствии производство таких пушек возобновилось, что было обусловлено появлением на фронтах войны в 1943 г. немецких танков «Тигр» и «Пантера», имевших серьезную противоснарядную броню [1, с. 104].

Представление посетителя о военной технике периода Второй мировой войны на открытой площадке дополняет такой экспонат как 76,2-мм дивизионная пушка ЗИС-3. Ее осмотр и включение в рассказ экскурсовода информации о ней содействует более глубокому погружению слушателя в военную эпоху. История создания ЗИС-3 была сложна и полна разнообразных перипетий, однако, в конечном счете, взятая на вооружение, она внесла значимую лепту в победы Красной Армии. Возникновение этого вида оружия было связано с инициативой В.Г. Грабина, который начал проектирование пушки в конце 1940-го г., сделав ее компактной, легкой, с технологичным стволом с высокими баллистическими характеристиками. Благодаря усовершенствованию технологии, в частности, изготовлению многих деталей литьем, штамповкой и сваркой, в несколько раз сократились трудозатраты на ее изготовление и существенно снизилась стоимость пушки. Несмотря на успешные заводские испытания, в первые дни войны пушка не использовалась, но вскоре после тяжелых потерь и в связи с характером сражений ее важность была осознана, а производство расширено [1, с. 111–112].

К числу значимых объектов в ходе экскурсии по открытой площадке следует отнести осмотр 76,2-мм противотанковой пушки PAK-36 (r). Она интересна тем, что возникла на основе технической переработки немецкими оружейниками оружия советского производства 7,62-мм пушек Ф-22. Поскольку советские конструкторы во главе с В.Г. Грабиным разработали такое устройство, которое изначально предусматривало возможность дальнейшего усовершенствования, немецкие инженеры смогли модифицировать пушку Ф-22, которая получила не только новое название – PAK-36 (r), но и широкое применение на полях сражений как в Европе, так и в Африке [3, с. 170–171].

Одним из самых известных образцов военной техники является БМ-13Н, получившая название «катюша», она также размещена на открытой площадке. Первые сокрушительные залпы из этого орудия по врагу были нанесены батареей капитана И.А. Флерова 14 июля 1941 г. под Оршей [4]. В танковом ряду почетное место занимает танк Т-34-85. Даже немцы назвали его лучшим танком в мире [5, с. 137].

Знаковый экспонат – самоходная артиллерийская установка ИСУ-152. Данная боевая машина была мощным противотанковым средством РККА, попадание ее снаряда массой в полцентнера в башню вражеского танка гарантировало срыв башни с погона. За свои качества в

борьбе с бронированной техникой фашистской Германии установка получила прозвище «Зверобой» [6, с. 55–65].

На фронтах Второй мировой войны использовался автомобильный транспорт. В связи с этим логично размещение на открытой площадке музея машины Урал-ЗИС-5В. Она была простая в инженерном решении и несложная в повседневной эксплуатации, сравнительно дешевая в производстве, двигатель этой машины не требовал качественного горючего. Машина Урал-ЗИС-5В являлась автомобилем военного времени, представляя собой упрощенную модель, созданную еще до войны. Осмотр этого автомобиля посетителями корректирует их стереотипы, связанные с военной историей, и позволяет не путать эту знаменитую «трехтонку» и не менее знаменитую «полуторку» (ГАЗ-АА) [7, с. 31, 33].

Расположение экспонатов на открытой площадке содействует лучшему восприятию объектов во время экскурсии и самостоятельного осмотра, все предметы военной техники оснащены информационными надписями. Своеобразие представления экспонатов в Гомельском областном музее военной славы заключается в плотном размещении в пространстве открытой площадки, в комбинировании их в соответствии с видовым разнообразием, сочетание показа предметов вооружения периода Второй мировой войны с послевоенными моделями военной техники и боевыми машинами, которые принимали участие в локальных военных конфликтах второй половины XX века, что указывает на преемственность в развитии оснащения армии Советского Союза. Привлечению посетителей способствует фотографирование на фоне техники военных лет, а также проведение различных мероприятий с целью популяризации военно-исторической тематики.

Некоторые музейные предметы в исключительных случаях покидают открытую площадку. Это происходит в связи с их демонстрацией на парадах и выставках на открытых площадках города в дни празднования Дня Победы 9 Мая, Дня независимости Республики Беларусь 3 июля, 26 ноября – в день, когда отмечается освобождение Гомеля от немецко-фашистских захватчиков. В колонну демонстрантов и переодетых в форму времен Второй мировой войны солдат включаются Урал-ЗИС, «сорокопятка». На открытой площадке проводятся учения студентов Гомельского государственного медицинского университета, военно-спортивные состязания учащихся средних и средних специальных учебных заведений города, проводятся так называемые «уроки ожившей истории».

Таким образом, включение техники периода Второй мировой войны в экспозицию Гомельского областного музея военной славы является неотъемлемым компонентом освещения исторического прошлого, важным фактором высокой посещаемости музея и залогом эффективности военно-патриотической работы учреждения.

Литература

1. Красная Армия / авт.-сост. В.Н. Шунков. – Москва: АСТ; Минск: Харвест, 2006. – 352 с.
2. Каторин, Ю.Ф. Танки / Ю.Ф. Каторин. – Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Полигон, 2007. – 222 с.
3. Шунков, В.Н. Оружие вермахта / В.Н. Шунков. – Минск: Харвест, 1999. – 480 с.
4. Флеров Иван Андреевич // Герои страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id =5231. – Дата доступа: 12.03.2014.
5. Гандер, Т. Дж. Танки Второй мировой войны / Т. Дж. Гандер. – Москва: Астрель, АСТ, 2001. – 256 с.
6. Барятинский, М.Б. «Зверобои». Убийцы «Тигров» / М.Б. Барятинский. – Москва: Коллекция, Яуза, ЭКСМО, 2008. – 96 с.
7. Поликарпов, Н. Грузовой автомобиль ЗИС-5 / Н. Поликарпов. – Москва: Цейхгауз, 2007. – 48 с.

Пастернак А.М.

УЧАСТИЕ БЕЛОРУССКОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В ПРАЗДНОВАНИИ 30-ЛЕТИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ БССР ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Сразу же после создания в 1965 г. Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры включилось в реализацию государственной политики по увековечению подвига советского народа в Великой Отечественной войне. Только за период с 1965 по 1972 г. в республике было установлено около шести тысяч памятников, обелисков, мемориальных досок и других памятных знаков [3, с. 8]. В преддверии празднования 30-летия освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков общество активизировало работу в этом направлении. Президиумом Центрального совета общества был разработан план мероприятий, которые должны

были быть осуществлены за время подготовки к 30-летию. Исходя из этого плана, были определены основные направления работы.

Каждую весну (апрель-май) традиционно проходил месячник ремонта и благоустройства памятников и памятных мест боевой славы советского народа. Во время этого мероприятия предусматривалась замена памятников, сделанных из непрочных материалов и на низком художественном уровне. Так, в результате месячников за апрель–май 1973 г. было отремонтировано и облагорожено 620 памятников и могил, за апрель-май 1974 г. – 3745 памятников, воинских и партизанских могил [4, с. 9; 5, с. 15].

При долевом участии общества был установлен мемориальный знак на месте дислокации бывшего Витебского подпольного обкома КП(б)Б на границе Витебской и Псковской областей, построено три памятника воинской славы в Гродненской области, отремонтированы и облагорожены памятники и могилы в Гомельской и других областях. В ходе данных мероприятий выявлялся ряд проблем. К наиболее важным из них относились: наличие во многих районах неухоженных братских могил, отсутствие памятных знаков на местах сожженных деревень, неуважительное отношение местного населения к увековечиванию памяти мирных жителей – жертв фашизма. Многие памятники и братские могилы к тому времени оставались безымянными, хотя фамилии погибших героев и их списки хранились в райвоенкоматах [5, с. 21].

Для достойного проведения празднования 30-летия освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков была развернута работа по созданию лекторских групп по пропаганде знаний о памятниках и налаживании регулярного чтения лекций и докладов на военно-патриотические темы [1, л. 1, 3, 7]. За 1974 г. лекторами республиканских, областных, городских и районных бюро пропаганды знаний о памятниках истории и культуры было прочитано 19 718 лекций [2, л. 3]. Более 70% всех лекций – по специально разработанной тематике, которая включала в себя следующие темы: «Памятники и памятные места Белорусской операции», «Памятники воинской славы советского народа», «Герои Советского Союза – наши земляки», «Партизанское движение в Белоруссии: памятники и памятные места», «Коммунистическое подполье Белоруссии в памятниках и монументах», «Памятники жертвам фашизма на территории Белоруссии» и др. [2, л. 4 – 5].

Наряду с усилением лекционной работы и укреплением лекторских групп значительное внимание уделялось печатной пропаганде. Были разработаны и направлены в районы ряд методических разработок [1, л. 5, 7]. Районными и городскими отделениями общества было издано более 40 плакатов, листовок, буклетов общим тиражом около 20 тысяч экземпляров. Среди них: «Зыслаў – востраў партызанскі» (г. Любань); «Слутчина помнит своих освободителей», «Минщина помнит» (Минский р-н); «Они сражались за Родину» (Смолевичский р-н); «Жывым і мёртвым нескаронным удзячнай памяці вякі!» (Шарковщинский р-н); «Ничто не забыто, никто не забыт» (Глубокский р-н) и др. [2, л. 5].

Важное место занимала издательская деятельность. В 1974 г. была издана работа первого секретаря ЦК ЛКСМБ В.И. Радомского «Воспитание подвигом». Тогда же были подготовлены и сданы в издательство еще 22 работы. Вот лишь некоторые из них: А. Купреева, В. Гарцев «Белоруссия – республика боевой славы»; Б. Крепак «Памятники жертвам фашизма на территории Белоруссии»; Б. Казаков «Навечно в памяти народной»; П. Павловец «Памятники партизанского движения в Белоруссии» и др. [2, л. 6].

Много внимания уделялось освещению памятников боевой славы советского народа в печати, по радио и телевидению [1, л. 3, 5]. При редакциях газет, радио и телевидения были созданы нештатные отделы, которые проводили большую работу по воспитанию у трудящихся чувств гордости за свою Родину, уважения к достойным страницам прошлого своей страны, за свой народ, за его великие свершения. Такие выступления проходили раз в месяц [2, л. 6].

Таким образом, в преддверии празднования 30-летия освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры развернула широкую лекторскую работу. Усилиями членов общества было отремонтировано и благоустроено значительное количество памятников и памятных мест боевой славы. При поддержке общества появились новые тематические плакаты, листовки и буклеты.

Литература
1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 492. – Оп. 2. – Д. 8.
2. НАРБ. – Фонд 492. – Оп. 2. – Д. 11.
3. Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Інфармацыйны навукова-метадычны бюлютэнь Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры. – Мінск: Полымя, 1973. – № 2. – 64 с.
4. Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Інфармацыйны навукова-метадычны бюлютэнь Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры. – Мінск: Полымя, 1974. – № 2 (18). – 64 с.
5. Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Інфармацыйны навукова-метадычны бюлютэнь Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры. – Мінск: Полымя, 1975. – № 2 (22). – 64 с.

Реброва И.В.

ОБРАЗ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ КУБАНСКИХ МЕМУАРИСТОВ 1943–1945 гг.

Великая Отечественная война не только сформировала духовный облик людей фронтового поколения, но и на протяжении последующих лет занимает важное место в общественном сознании советского и постсоветских обществ. Мемуары людей фронтового поколения дают материал для характеристики ментальности советского народа как военного периода, так и времени создания мемуаров. Оценки отдельных событий и общая картина войны в воспоминаниях участников и очевидцев Великой Отечественной войны могла существенно меняться под воздействием идеологической и политической обстановки времени создания мемуаров.

Время создания воспоминаний влияет на мемуариста и на включение его в культуру общества данной исторической эпохи. Культура общества неоднородна и состоит из таких элементов, как общественная психология, общественная идеология и политическая пропаганда. Идеологические средства способны активизировать определенные аспекты ментальности. В общественном сознании, как правило, укореняются преимущественно те стороны идеологии, которые находят себе почву в менталитете, изменяясь в соответствии с ним [10, с. 300–301]. Взаимодействие перечисленных составляющих общественной культуры влияет на мемуариста, который в разные исторические эпохи способен по-разному оценивать себя и общество.

15 января 1942 г. Постановлением Президиума Академии наук СССР был создан научный аппарат по изучению истории Отечественной войны под руководством образованной ЦК ВКП(б) Комиссии по истории Великой Отечественной войны [4, л. 48]. Успех работы комиссии по сбору и накоплению воспоминаний о Великой Отечественной войне был обусловлен широкомасштабной помощью со стороны партийных, государственных, военных органов, научных, культурных и общественный организаций в рамках всей страны [11, с. 120]. Успех предпринятой кампании обеспечили также заинтересованность фронтовиков, партизан, работников тыла в сохранности своего военного опыта, основанная на осознании громадного исторического значения событий, в которых они участвовали.

Основное внимание сотрудники Комиссии обращали на сбор материалов личного происхождения – рукописных воспоминаний, очерков и обзоров, а главное – стенографических записей рассказов и воспоминаний участников событий. По мнению А.А. Курносова, именно эта последняя группа источников специфична для фондов Комиссии и представляется наиболее интересной и значительной их частью в количественном и качественном отношении [11, с. 111].

В республиках, краях и областях страны были созданы местные отраслевые филиалы комиссии. Им было поручено «собирать материалы по истории Отечественной войны: о партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других общественных организациях в Отечественной войне, о перестройке и мобилизации промышленности и сельского хозяйства на войну, о героях фронта и тыла, о социалистическом соревновании, о помощи фронту и т.п.» [5, л. 64].

Комиссия рекомендовала проводить сбор информации о Великой Отечественной войне на местах по определенной схеме. В круг вопросов, обязательных для освещения, входили следующие пункты: формирование части, ее боевая учеба, первые встречи с противником и их уроки, вооружение, овладение техникой, пополнения и работа с ними, роль командования, взаимодействие с подразделениями, работа специальных и технических служб (но преобладающее внимание должно уделяться основным подразделениям – стрелковым, артиллерийским и т. п.), связь с тылом, с партизанами и т. д. Рекомендовалось также включать в историю описание всех значительных боевых операций. Основное внимание предполагалось сосредоточить на необхо-

димость показать партийно-политическую работу в действии, в органической связи со всей боевой работой. С другой стороны, имелась установка «показать живого человека, его мысли, чувства, переживания, а в связи с этим его роль и место в бою» [Цит. по: 11, с. 115]. Сотрудникам Комиссии на местах рекомендовалось тщательно проверять все события, даты, имена и факты перекрестным допросом людей и документов для устранения исторических неточностей, вызванных особенностями источников личного происхождения.

В результате активной работы местных отделений в фондах Комиссии по истории Великой Отечественной войны были сосредоточены источники по истории партизанского движения на Кубани и в Адыгее, обороны и оккупации Краснодара, а также истории воинских частей и соединений, участвовавших в освобождении территории Краснодарского края от врага.

Содержание воспоминаний оказалось противоречащим официальной установке на партийность; на первый план вышел «человек воюющий» с его внутренним миром. Накопленный материал позволяет детализировать события в Краснодарском крае времен Великой Отечественной войны, глубже понять роль человека на войне, его эмоциональные переживания, чувства и мысли.

Первые воспоминания о событиях Великой Отечественной войны на Кубани относятся к 1943–1945 гг. По форме они больше похожи на сжатые очерки или мини-сочинения на заданную тему. Люди, пережившие период оккупации родного края, пытались на бумаге сформулировать свои чувства и переживания, главными из которых были презрение и ненависть к врагу, а также желание защитить свою Родину и отомстить врагу. Мемуарист В.Ф. Бойко так эмоционально повествует о враге: «Пришли гады на нашу Советскую землю, в наши леса и поля, да еще радуются, веселятся. Ненависть к врагу еще больше сплотила нас в единый организм, готовый подобно тигру броситься на свою добычу» [1, л. 5]. Утраты были еще слишком свежи, не смягчены временем. А ненависть к врагу была преобладающим чувством, исключавшим полутона и оттенки в обрисовки противника.

Казак-кавалерист П.А. Землянуха вспоминал, что казачество мгновенно откликнулось на призыв Коммунистической партии организовать сопротивление врагу. «И с особой силой я почувствовал всю опасность, которую переживала Родина, и дал слово биться до последней капли крови, до последнего вздоха» [3, л. 3]. Мемуарист считал, что чувство ответственности рождало чувство собственной значимости, достоинства, а значит, чувство свободы. Это было компонентом личности советского человека.

В официальной идеологии периода Великой Отечественной войны велась пропаганда того, что советский народ является наследником героических традиций предков, носителем тех лучших качеств национального характера, которые складывались на протяжении всего предыдущего исторического развития [8, с. 86]. Эти идеи нашли отражение в воспоминаниях 1943–1945 гг. «Мы старались доказать, что Русь Святая еще никогда в истории народов не была пленена и не будет – все это временное явление», – вспоминал партизан И. Яковлев [7, л. 12об.].

Мемуаристы периода Великой Отечественной войны собирательные термины «советский человек», «советский народ» довольно часто заменяли историко-этническим понятием «славяне» [6, л. 1]. Это могло быть связано с возвращением в политический арсенал идеи славянского единства. Однако с 1943 г. средства массовой информации для пропаганды патриотизма акцентировали внимание общественности на государственно-социалистических ценностях, которые сразу нашли отражение в воспоминаниях о войне.

На материалах воспоминаний периода Великой Отечественной войны отчетливо прослеживается изменение представлений о себе в сознании мемуаристов. Советские граждане из недавних «винтиков» системы превращались в творцов Победы, освободителей Родины. Лейтмотивом повествований о недавних боях за освобождение Краснодарского края стала героизация подвигов солдат и партизан, стремление увековечить их славные имена. «3 часа 40 минут длилось небывалое Кущевское сражение. Оно родило много героев, образы которых всегда будут служить примером нашим молодым воинам, продолжающим множить славу и подвиги участников Кущевской битвы. Вот, например, казаки Черкашин и Пашкин, несмотря на сильный пулеметный огонь, подобрались к скирдам соломы, откуда бил вражеский пулемет и уничтожили его вместе с расчетом. Этим они расчистили путь атакующим казакам», – вспоминал о боевом пути кубанских казаков П.И. Галицкий [2, л. 12]. Подобные воспоминания вселяли уверенность в окончательной победе советского человека над врагом.

В конце войны стали печататься воспоминания о партизанском движении в уже освобожденных районах страны [9]. Их содержание соответствовало менталитету победителей, которые с честью перенесли страдания и по праву ощущали себя героями войны. Характерные черты содержательной стороны мемуаров П.К. Игнатова проявились в стремлении увековечить память о погибших и воздать должное живым товарищам по этой борьбе. Это отвечало потребностям времени окончания Великой Отечественной войны.

Преобладание тем прославления советского солдата и партизана в борьбе с врагом, установка на патриотизм и героизацию в воспоминаниях 1943–1945 гг. сопровождалась верой мемуаристов в социалистическую идею и ее главного вдохновителя И.В. Сталина. Победа в отдельном бое зависела от ее участников, но прежде всего от «Сталинской тактики нашего командования, которая превзошла немудрую тактику гитлеровцев», – считал мемуарист П.А. Землянуха [3, л. 8]. Таким образом, в сознании общества складывалось представление об особом величии подвига, совершенного народом, который, однако, не мог состояться без Сталина, названного «главным архитектором Победы и коммунистической партии».

Итак, мемуаристика о событиях Великой Отечественной войне на Кубани, делавшая первые шаги в 1943–1945 гг., развивалась согласно основным потребностям советского общества в условиях завершения борьбы с врагом. Для исторического сознания общества на этом этапе были характерны установка на героизацию, уверенность в скорейшей победе советской системы в борьбе с врагом под руководством вождя (Сталина), патриотизм и ненависть к захватчикам. Перечисленные черты общественного сознания периода Великой Отечественной войны отчетливо прослеживаются в тематике первых военных воспоминаний о событиях 1941–1945 гг. в Краснодарском крае.

Литература

1. Бойко, В.Ф. Воспоминания о партизанском движении на Кубани в период оккупации края немецко-фашистскими захватчиками. Машинопись. 1942–1943. 12 л. / В.Ф. Бойко // Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). – Ф. 1774–Р. – Оп. 2. – Д. 801.
2. Галецкий, П.И. Воспоминания «Боевой путь кубанских казаков» о боевых действиях против немецко-фашистских захватчиков казачьих подразделений в 1941–1944 гг. Машинопись. 1945–1984. 104 л. / П.И. Галецкий // ЦДНИКК. – Ф. 1774–Р. – Оп. 2. – Д. 1143.
3. Землянуха, П.А. Воспоминания о боях за Кубань с немецко-фашистскими захватчиками в 1942–1943 гг. в составе казачьего кавалерийского корпуса. Рукопись. 1946. 11 л. / П.А. Землянуха // ЦДНИКК. – Ф. 1774–Р. – Оп. 2. – Д. 816.
4. Институт Российской истории РАН. Отдел рукописных фондов. – Сект. «К», р. 1. – Д. 40.
5. Институт Российской истории РАН. Отдел рукописных фондов. – Сект. «К», р. 1. – Д. 22.
6. Стрельников, Е.Д. Воспоминания об участии в боях в составе 32-го кавалерийского полка 9-ой гвардейской кавалерийской дивизии 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса в годы Великой Отечественной войны. Рукопись. 1946. 4 л. / Е.Д. Стрельников // ЦДНИКК. – Ф. 1774–Р. – Оп. 2. – Д. 857.
7. Яковлев, С.И. Воспоминания участника партизанского движения на Кубани о борьбе против оккупантов. Рукопись. 1944. 12 л. // ЦДНИКК. – Ф. 1774–Р. – Оп. 2. – Д. 757.
8. Дружба, О.В. Проблемы войны в общественном сознании 30–50-х гг.: прогнозы, реальность, первый опыт исторического осмысления / О.В. Дружба // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1998. – № 3. – С. 79–90.
9. Игнатов, П.К. Братья Игнатовы / П.К. Игнатов. – Москва: Молодая гвардия, 1944. – 88 с.
10. Кондаков, И.В. Введение в историю русской культуры / И.В. Кондаков. – Москва: Аспект Пресс, 1997. – 686 с.
11. Курносов, А.А. Воспоминания-интервью в фонде комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР: (Организация и методика собирания) / А.А. Курносов // Археографический ежегодник за 1973 г. – Москва, 1974. – С. 111–120.

Никонова С.И.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТЕЙ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В современном политическом лексиконе практически отсутствуют такие выражения как «интернационализм», а понятие «советский народ» за последние 20–25 лет применялось разве что в негативном смысле. Признавая в качестве решающего фактора победы советского народа в Великой Отечественной войне его сплоченность перед лицом опасности, современные ученые стараются избегать советской политической терминологии. Однако лучшие качества народа проявились именно в годы испытаний и лишений, в годы войны. Национальные, конфессиональные, культурные различия не стали преградой для объединения людей в военные годы, именно это единство стало главной преградой осуществления фашистских амбиций, сохранило цивилизацию и спасло мир.

Отмечая подвиг всего советского народа, бойцов и командиров, тружеников тыла и партизан, важно реконструировать не только исторические события (великие сражения, создание военной экономики, героизм воинов Красной армии), но и воссоздать тот особый мир, в котором проходили эти события, выделяя отдельные группы, «населяющие» этот мир.

Мир детства в военные годы – это испытания, лишения, потери, которые переживал весь советский народ, и все же дети переживали это наиболее тяжело: теряли семьи, работали на предприятиях, в сельском хозяйстве и, нередко, воевали на фронтах Великой Отечественной войны. «Дети войны» – это категория граждан 1928–1938 годов рождения, определенная именно в этой возрастной категории государственными документами. Нижняя граница (1928 год) обоснована следующими причинами: 1927 год – последний год призыва в РККА, отсюда с 1928 года – дети и подростки должны были оставаться в тылу. Верхняя граница, вероятно, определена как некая граница детских воспоминаний, за которой те, кто войну пережил в раннем детстве и не мог её запомнить отчетливо. Воспоминания, вещественные и документальные свидетельства военного детства – бесценные источники для изучения этого периода. Данная источниковая база находится в стадии формирования, однако и сейчас можно говорить о значении этого круга источников, о его уникальности и своеобразии.

В Казанском государственном архитектурно-строительном университете в течение ряда лет осуществляется поисковый проект «Факел», в рамках которого студенты собрали, обработали и подготовили к публикации около ста воспоминаний участников войны. В 2010 г. был издан сборник "Этот день мы приближали, как могли!", в который вошли 42 очерка воспоминаний ветеранов войны. В 2013 г. был издан второй сборник "Когда мы были на войне". 33 очерка воспоминаний, в большинстве своем, написаны по документам семейных архивов.

В последние годы рамки проекта включают также изучение материалов жизни тыла («Все для фронта, все для Победы!»), в том числе, жизни детей и подростков в военные годы («Дети войны»). Тематически проект объединяет в единое полотно сотни воспоминаний детей и подростков военного времени, которые проживали на оккупированных территориях, были в концлагерях, гетто, теряли родных и близких, учились и работали в тылу, в семьях и детских домах, что в целом воссоздает целый мир - мир детства советских детей военного поколения.

Важной частью поисковой работы является формирование базы данных граждан 1928–1938 гг. рождения, воспоминания которых вошли в комплекс материалов проекта «Факел» по направлению «Дети войны». Цель создания базы тождественна с целью всего проекта: увековечивание памяти народа-победителя, создание документального мемориала Великой Отечественной войны, в котором важны и бесценны воспоминания всех свидетелей событий, в том числе, детей и подростков.

Создавая коллективный портрет участников событий периода Великой Отечественной войны, необходимо провести как собственно поисковую работу (установить личности, собрать воспоминания, уточнить биографические данные), но и вместе с ветераном создать эмоциональный, достоверный рассказ об определенном эпизоде, человеке, группе людей, семье, родных и сверстниках, который явился бы документом, отражающим эпоху.

Так, значительная часть «детей войны» – участников проекта проживала в период войны на территории Татарской АССР или соседних республик, т.е. в глубоком тылу. Однако им пришлось испытать все тяготы военного времени: тяжелый труд, помощь в госпиталях, работа в колхозе, горечь потерь родных и близких, голод. Об этой части «мира детства» воспоминания сохранились весьма отчетливо. «Когда мне было 15 лет, началась Великая Отечественная война, в семье восемь детей, я – старший. Основным доходом был огород и 25 соток, а также я валял валенки, от меня постоянно пахло шерстью. Как сейчас помню слова девчонок в клубе: «Не пойду с тобой танцевать – от тебя шерстью пахнет…», – вспоминает Герой Советского Союза С.А. Ахтямов [1, с. 7].

«Война ворвалась в мою детскую жизнь стремительно. 21 июня 1941 года для лучших школьников была организована поездка за город…Помню Волгу, тихие ночные звуки и ощущение удивительного счастья. Вся жизнь впереди! Сколько планов было! Помню, услышали гудок парохода, выбежали на берег смотреть: он проплыл, весь залитый огнями, музыка с борта звучала, смех. Это было утром 22 июня. Как потом оказалась, в это время началась война, но мы этого еще не знали», – вспоминает участник войны Т.К. Амерханов [1, с. 12].

Большинство вспоминавших говорило о счастливой довоенной жизни, пусть небогатой, но светлой и радостной, каким и должно быть детство. И как резко оно изменилось во время

войны, на это обращают внимание все респонденты, другими словами, для многих (особенно, для тех, кто постарше) детство закончилось 22 июня 1941 г.

В отдельную группу можно отнести воспоминания детей войны, которые столкнулись с ней наиболее резко: оказались на оккупированной территории, в гетто, фашистских лагерях. Удивительно, но даже совсем маленькие дети хорошо запомнили зверства фашистов, расправы над мирным населением, отступающие, а позже наступающие советские войска.

Еще одна группа воспоминаний – свидетельства детей войны, оказавшихся по разным причинам на передовой и принимавших участие в военных действиях. Это не только «сыны полков», «юнги», но и участники партизанских действий, добровольцы, которые, не достигнув призывного возраста, стали воинами Советской Армии.

Таким образом, работа поискового проекта «Факел» направлена на формирование документальной летописи Великой Отечественной войны, создание базы данных свидетелей военных событий. Также проект несет серьезную воспитательную функцию, способствует формированию у современных студентов осознанной потребности в исторической правде о своей стране, своем народе.

В настоящее время работа продолжается, пополняется база данных проекта, в планах – издание в 2015 г. третьей книги, в которую войдут воспоминания о войне ее участников, тех, кто трудился в тылу, и, конечно, "детей войны". Название сборника недавно предложил 90-летний ветеран войны Б.Н. Зажицкий – сослуживец моего деда, погибшего 70 лет назад, освобождая Украину, – "Дорога к обелиску". Наверное, это призыв ко всем нам – не предавать, не забывать эту дорогу.

Литература

1. Этот день мы приближали, как могли!: сборник воспоминаний ветеранов войны. – Москва: Книга Памяти, 2010. – 232 с.

Смирнова В.И.

КОЛЛЕКЦИЯ В.В. ЛИТВИНОВА КАК ИСТОЧНИК О ТРАГЕДИИ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА В ХАРЬКОВСКИХ СОКОЛЬНИКАХ В 1941–1943 гг.

В 2013 году в фонды Мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» поступили на хранение уникальные материалы из бывшего личного архива киевлянина, заслуженного журналиста Украины В.В. Литвинова, почетного председателя Международного движения малолетних узников фашизма. Это в основном эпистолярий, записи бесед с участниками и очевидцами событий, выписки из архивных первоисточников (всего 196 единиц). Эта коллекция дает возможность представить разностороннюю деятельность настоящего подвижника в борьбе за отстаивание прав бывших малолетних жертв нацистских преследований, увековечения достойной памяти о них.

Большой интерес исследователей к этим материалам объясняется во многом тем, что по данной проблематике крайне ограничена источниковедческая база. Это касается и малоисследованной истории функционирования детского дома в харьковских Сокольниках в 1941–1943 годах. Благодаря В.В. Литвинову широкой общественности стало впервые известно о том, что его многочисленных воспитанников использовали в качестве доноров для немецкого военного госпиталя [19, с. 223–252].

Всего в данной коллекции по «Сокольникам» представлено 24 единицы документальных материалов. В зависимости от характера и тематической направленности их можно систематизировать следующим образом: копии оригиналов из Государственного архива Харьковской области, которые были выявлены по инициативе созданного в 1987 году Комитета бывших воспитанников детского дома в Сокольниках – Ф. 2982. – Оп. 4. – Д. 387 (Харьковская городская управа, отдел социального обеспечения, январь-декабрь 1942 г.) [21]; Ф.65. – Оп. 4. – Д. 27 (Харьковский областной совет народных депутатов, отдел социального обеспечения, 25.02.1943 г.) [17, 23]; материалы из документации Комитета (1987 г., 1991 г.) [18, 22]; письма – воспоминания бывших воспитанников, с которыми В.В. Литвинов познакомился во время командировки в Харьков 30 мая – 2 июня 2000 г. – Л.Ф. Волк (Бондаревой), Е.Ф. Гончаренко (Бондаревой), В.Н. Зарубиной (Тихомировой), И.Е. Ермакова, Н.В. Калашникова, З.Н. Кравченко, В.С. Мариненко, В.И. Мещана, Т.И. Наумовой (Протасовой), В.В. Петровой (Калашниковой), Е.С. Плав-

ской (Мариненко), А.И. Ревы, М.Е. Титовой (Мирошниченко), Г.Н. Тишковского [1–14] (2000 г.); рабочие записи В.В. Литвинова (2000 г.) [15, 20].

Из обращения членов Комитета детдомовцев к начальнику Харьковского областного управления социальной защиты узнаем историю организации детского дома: «На данной территории до войны был размещен детский сад для детей репрессированных граждан. Все эти дети были вывезены до захвата фашистами г. Харькова. Об этом нам даны разъяснения в комиссии по реабилитации. Об этом мы узнали и от детей из инвалидного дома на Холодной горе. Их выгнали фашисты, захватив помещение. Оставшиеся дети были вывезены несколькими сотрудниками в Сокольники. Потом оккупационные власти и городская управа стали помещать сюда детей граждан, угнанных в Германию, расстрелянных или умерших в 1941–1943 годах. В архивных документах это детское учреждение называется по-разному: детдом, детприемник, детприют. Просим признать факт существования данного детского учреждения в период оккупации в качестве места принудительного содержания, а его воспитанников несовершеннолетними узниками фашизма» [18].

Все документальные материалы, которые удалось выявить членам Комитета с конца 1980-х и до начала 2000-х годов в фондах ГАХО, бесспорно, уникальны. Однако следует признать, что для исследователей достаточно трудно составить по ним целостную картину функционирования данного детского дома в оккупированном нацистами Харькове.

Например, один из самых главных источников – «Книга учета поступления и убытия детей детского дома в Сокольниках» представлена, к сожалению, не в полном объеме. Кроме того, она охватывает ограниченный период – с 27 мая по 6 августа 1942 года [15]. В книге в обязательном порядке указывались: фамилия, имя; год рождения; время поступления воспитанника, орган власти, которым он был направлен – «бургомистр», «райуправа» (по районам, от 1 до 19), «соцбес» (номера соответственных нарядов отделов соцобеспечения в указанный период подходили уже к тысяче); дата смерти [19]. Удивительно, но в данной «Книге» среди умерших фигурируют и фамилии трех воспитанников, которые поступили в детский дом еще 1 сентября 1941 года – М. Демченко (1927 г.р.), А. Малявецкая (1929 г.р.), Ю. Немировский (1934 г.р.) [19, с. 236–238].

Теперь невозможно установить, в какой мере ежемесячные и ежеквартальные статистические отчеты администрации детдома-приюта действительно отражали реальное положение дел (они все исключительно за 1942 год). Например, если по «Книге учета» с конца мая и до начала августа 1942 года умерло 113 детей, то в отчете за 3-й квартал зафиксировано: 46 детей – за июнь и 11 – за июль [21]. Всего за 1942 год поступило 1 602 человека, выбыло – 1 315, умерло – 191. В отчёте также констатируется, что к концу года осталось 158 детей [21]. Может быть, данные о 96 действительно оставшихся детях кого-то не устроили?

Члены Комитета передали В.В. Литвинову и выписки из «Списка детей, вывезенных в Германию во время оккупации из детских домов Харьковской области», отдела по делам репатриации Харьковского областного исполкома депутатов трудящихся [16]. В нём фигурируют 18 фамилий воспитанников 1935–1938 годов рождения, по датам вывоза – 25 июня, 11 августа 1942 года, 9 февраля, 22 мая, 15 июня 1943 года. Вызывают вопросы и свидетельства в документе, который был подготовлен специальной комиссией по состоянию детских домов в освобожденном в феврале 1943года Харькове, а именно: «Со слов работников детдомов, детдом в Сокольниках при немцах пользовался большим вниманием и большими денежными средствами. Смертность детей имела потрясающие размеры. В Сокольниках до июня ежемесячно умирало свыше 100 человек…» [17].

К сожалению, воспоминания бывших детдомовцев, представленные в коллекции, также не могут дать исчерпывающие ответы на многие вопросы. Нельзя не учитывать и свойства детской памяти, когда младшему из вышеназванных корреспондентов на начало войны было всего четыре года, и только Н.В. Калашникову и Л.Ф. Волк исполнилось 11 лет. Но нет никаких сомнений, что только эти бесценные свидетельства, дополняя друг друга, могут дать представление относительно общей ужасающей картины существования детей в «Сокольниках» и о принудительном донорстве среди его воспитанников.

«Старший брат ушел в партизаны. В 1942 году от голода умерла наша мама. Соседи нас троих отвели в детский дом с помощью местных властей» (Л.Ф. Вовк). «Потеряв надежду на возвращение матери и сестры, бабушка отвела меня в приют. Потом уже стало известно, что

мать с сестрой забрали в Германию» (И.Е. Ермаков). «Когда нас привезли с братом и мы увидели очень худых и опухших детей и мужчину, который на тачке вез мертвых, мы стояли и думали: «От смерти ушли, к ней и вернулись» (В.В. Петров). «У каждого под койкой стояла консервная банка. Через дорогу стояла военная часть. Голод заставлял нас идти просить объедки. Кто давал, а кто сапогом» (В.С. Мариненко). «Через некоторое время наступили перемены. Нас начали регулярно чем-нибудь кормить, купать, смазывать наши струпья какой-то вонючей мазью. Но изможденные, больные дети не переставали умирать. Потом стала приезжать какая-то закрытая машина. Туда бросали ослабленных детей. Приезжала еще отрытая машина, туда сажали детей поздоровее. Уже потом мы узнали, что их увозили в Германию. А была еще машина темного цвета, на боку которой был большой белый круг, а в нем красный крест. Нас отлавливали (иногда даже с собаками) и увозили в немецкий госпиталь» (Е.С. Плавская). «Мне жутко вспоминать, как приезжала машина с крестом и забирала детей. Их возили в бывший «Медсантруд», госпиталь для немецких летчиков, который находился через яр от нашего детдома. Иногда машина приходила и прямо в ней у детей брали кровь, как говорится, до нуля. Однажды попал и я. Когда вкололи, было больно, а затем приятная слабость. И больше ничего не помню. А когда пришел в себя, я лежал на листьях (мы этими листьями набивали матрацы и подушки). Попытался встать – и упал. С трудом дошел до сестры. Она говорила: «Я тебя тормошила, а ты не просыпался». С тех пор я стал избегать встреч с этой машиной, а в детдом возвращался только переночевать. Потом у меня, как и у большинства детей, началась чесотка и короста. Гнойники покрывали большую часть тела, а немцы брали кровь только у чистых детей»
(Н.В. Калашников).

По архивным данным, персонал детдома должен был состоять из двадцати человек [23]. Дети же запомнили только директора А.М. Сахарову, деда Черняка и воспитателя – молодую женщину-инвалида. «Почему на территории детдома постоянно жил немецкий офицер («комендант»)? Сколько детей прошло через «Сокольники»? Были ли еще ему подобные в годы нацистской оккупации в Украине по специфике функционирования?» – на эти вопросы ещё нужно ответить.

Уверены, что актуализация данных документальных свидетельств необходима не только для более глубокого осмысления драматического опыта малолетних жертв нацистских преследований в Украине в 1941–1943 годах, но будет способствовать продолжению исследовательской работы по этой проблематике в архивных фондах.

Литература

1. Воспоминания Л.Ф. Волк // Фонды Мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов» (Далее – Фонды МКНМИВОВ). – КН-257262.
2. Воспоминания Е.Ф. Гончаренко // Фонды МКНМИВОВ. – КН-257263.
3. Воспоминания В.Н. Зарубиной // Фонды МКНМИВОВ. – КН-257264.
4. Воспоминания И.Е. Ермакова // Фонды МКНМИВОВ. – КН-257246.
5. Воспоминания Н.В. Калашникова // Фонды МКНМИВОВ. – КН-257244.
6. Воспоминания З.Н. Кравченко // Фонды МКНМИВОВ. – КН-257264.
7. Воспоминания В.С. Мариненко // Фонды МКНМИВОВ. – КН-257265.
8. Воспоминания В.И. Мещана // Фонды МКНМИВОВ. – КН-257266.
9. Воспоминания Т.И. Наумовой // Фонды МКНМИВОВ. – КН-257247.
10. Воспоминания В.В. Петровой // Фонды МКНМИВОВ. – КН-257268.
11. Воспоминания Е.С. Плавской // Фонды МКНМИВОВ. – КН-257269.
12. Воспоминания А.И. Ревы. // Фонды МКНМИВОВ. – КН-257269
13. Воспоминания М.Е. Титовой //Фонды МКНМИВОВ. – КН-257260.
14. Воспоминания Г.Н. Тишковского //Фонды МКНМИВОВ. – КН-257261.
15. Выписки В.В. Литвинова из «Книги учета поступления и убытия детей в Сокольниках за 27 мая – 6 августа 1942 года». 2000 г. // Акт приема №140019 от 25.01.2014 г.
16. Выписки из «Списка детей, вывезенных в Германию во время оккупации из детских домов Харьковской области. 1943 г.». 1991 г. // Акт приема №140019 от 25.01.2014 г.
17. Докладная записка о состоянии детдомов города Харькова на 25 февраля 1943 года // Фонды МКНМИВОВ. – НД-29021.
18. Заявление Комитета объединения бывших воспитанников детского дома в Сокольниках (черновик). 1991 г. // Фонды МКНМИВОВ. – НД-29029.
19. Литвинов, В.В. Коричневое «ожерелье»: в 2 кн. // В.В. Литвинов. – Киев: Абрис, 2001. – Кн. 2. – 624 с.
20. Литвинов, В.В. По следам командировки в Харьков. Июнь 2000 г. // Фонды МКНМВОВ. – КН-257248.
21. Приложение к архивной справке № 1. 1991 г. // Фонды МК НМИВОВ. – НД-29023.
22. Протокол №2 Комитета бывших воспитанников детского дома в Сокольниках. 2.05.1987 г. // Акт приема №140019 от 25.01.2014 г.
23. Рабочие записи В.В. Литвинова. Июнь 2000 г. // Фонды МКНМИВОВ. – КН-257245.
24. Список служащих детского дома в Сокольниках. 25.02.1943 г. // Фонды МКНМИВОВ. – НД-29022.

Агееў А.Р.

ГІСТАРЫЧНАЯ ПАМЯЦЬ СЯМ'І АГЕЕВЫХ АБ ШТОДЗЁННЫМ ЖЫЦЦІ НА АКУПАВАНЫХ ТЭРЫТОРЫЯХ ВІЦЕБСКА-МАГІЛЁЎСКАГА ПАМЕЖЖА

Вастрыня спрэчак аб жыцці мірнага насельніцтва на акупаванай тэрыторыі ў гады Вялікай Айчыннай вайны, відавочная супярэчлівасць разнастайных гістарыяграфічных парадыгмаў падштурхнула да азнаямлення з праблемай і паспрыяла пачатку нашых навуковых даследаванняў у гэтай галіне. Іншай, не менш, а можа быць і больш важнай прычынай цікавасці да тэмы штодзённасці ў гады вайны, было адрозненне кніжнага і побытавага апісання жыцця падчас акупацыі членамі маёй сям'і. Дадзены тэкст складзены на базе захаваных дакументаў, запісаных ўспамінаў маіх родных і сваякоў, а таксама маіх ўспамінаў аб гутарках з членамі маёй сям'і пра падзеі сямідзесяцігадовай даўніны.

У армію мой дзед па матчынай лініі Яўген Якаўлевіч Шышакоў быў мабілізаваны ў пачатку мая 1941 года за два месяцы да нападзення Нямеччыны на СССР. З першых дзён і да канца вайны ён знаходзіўся ў Чырвонай арміі, і сям'я не мела з ім сувязі да 1944 года. А вось дзед, паколькі служыў у сувязі, меў магчымасць праз партызан, а можа праз разведку сачыць за сваімі з "вялікай зямлі". Яму перадавалі весткі, што ўсе жывыя і жонка "паводзіць сябе добра". Гэта, праўдападобна, дапамагала дзеду выконваць свой вайсковы абавязак. З фронту ён вярнуўся з ордэнам Чырвонай Зоркі і баявымі медалямі.

Пакуль дзед служыў, мая бабуля Паліна Паўлаўна Шышакова (Булаўкіна) разам з сынам Віктарам і дачкой Святланай пражывала ў в. Макараўка Дубровенскага раёна Віцебскай вобласці, дзе бабуля працавала у мясцовай школе настаўніцай пачатковых класаў. Эвакуіравацца ім не ўдалося, бо калі немцы ўжо падыходзілі да Оршы, загадчык Дубровенскага РАНА не выдаў дакументаў ды яшчэ абвінаваціў бабулю, а тады маладую настаўніцу, ў панікёрстве. Пасля гэтага сям'я пераехала на радзіму мужа ў вёску Лапыры Дубровенскага раёна, дзе занімалася сельскай гаспадаркай. У 1943 годзе ў сувязі з наступленнем Чырвонай Арміі насельніцтва прыфрантавой паласы прымусова эвакуіравалася немцамі на захад. У сваёй аўтабіяграфіі бабуля сцвярджала, што ёй удалося збегчы ад нямецкага канвою і пераехаць жыць на ст. Орша да сям'і сястры яе мужа. У лютым 1944 года, калі пайшлі чуткі, што жыхароў адправяць у лагер, яна з дзецьмі пераехала жыць на сваю радзіму ў в. Хімы Аршанскага раёна Віцебскай вобласці, дзе зноў жыла з сельскай гаспадаркі [4].

Бабуля да канца жыцця мела добрую памяць і вайну памятала, але не любіла распавядаць аб ёй. Пра немцаў і партызан яна мне распавяла няшмат. Вёска Хімы знаходзілася каля чыгункі Орша – Магілёў, якую немцы пільна ахоўвалі. Сапраўдныя партызаны прыходзілі ў вёску рэдка і ціхенька, каб не сутыкнуцца з аховай, надта людзям не шкодзілі. Немцы, якія стаялі ў вёсцы, нічога асабліва дрэннага таксама не рабілі. Але аднойчы бабуля расчулілася і пачала казаць аб бандытах, якія абрабавалі іх уначы. Гэта, відаць, былі яе самыя набалелыя ўспаміны.

Тут трэба зрабіць рэмарку аб швейнай машыне. Як яна апынулася ў бабулі, я не ведаю, а запытаць, калі яна была жыва і магла адказаць, не здагадаўся. Дзед Яўген скончыў Аршанскі педагагічны інстытут. Бабуля скончыла там жа педагагічнае вучылішча. Але і дзед, і баба былі вясковага паходжання і, як у любой тагачаснай сем'і на вёсцы, была ў іх падсобная гаспадарка. Аднекуль з'явілася ў ёй і швейная машына. Сама бабуля не была вялікай майстрыхай, але мела каштоўную на той час прыладу працы. Таму не дзіва, што яшчэ да пераезду ў Хімы знайшоўся не мабілізаваны працаўнік, які добра ўмеў шыць на ёй. Дзед, не дзед, але з распавяду бабулі выходзіла, што немаладога веку. Вось так дзве сям'і скааперавaліся і дзякуючы машынцы выжывалі. Здольнік працаваў на прыладах працы маёй бабулі. Заказаў хапала. А вось тканіны тады моцна не ставала. Людзі перашывалі ўсялякае рыззё, пераніцоўвалі рэчы па некалькі разоў, а плацілі за гэта харчамі. Дапамагала выжываць і праца ў прысядзібнай гаспадарцы.

Неўзабаве пасля пераезду дзвюх сямей да сястры бабулі Анастасіі ў Хімы ў адну з начэй рабаўнікі заперлі звонку хату і пачалі абшукваць гаспадарчыя памяшканні. Нехта, мабыць, выглядзеў, што людзі прыехалі і рэчы з сабой прывезлі. Мае праз акенца бачылі цёмныя постаці ўзброеных людзей, якія лазілі па двару, але зрабіць нічога не маглі, да і, хутчэй за ўсё, баяліся.

Трэба адзначыць, што ў гады вайны людзі часцяком хавалі каштоўнасці (харчы, адзенне) не ў хаце, а ў копах сену, ямах, пунях і г.д. Рабілася гэта наўмысна, бо хаты былі маленькія і стандартныя, у іх цяжка было прыхаваць нешта каштоўнае. Днём ў хаты маглі зайсці паліцэйскія, ноччу

маглі завітаць бандыты або партызаны і настойліва папрасіць ці проста забраць адзежу, ежу, якіх і самім не хапала. Усе магчымыя месцы схованак тутэйшаму люду былі вядомыя.

Той зімовай ноччу рабаўнікі пасля не надта доўгіх пошукаў знайшлі ў двары схованку з адзеннем, выцягнулі ўвесь прыхаваны скарб, у тым ліку касцюм майго дзеда. Гора было вялікае, бо цяпер не было матэрыі, з якой можна было сшыць што-небудзь на продаж. Дні праз тры вясковы мужчына прынёс гэты самы дзедавы касцюм перашываць да майстра, што жыў з маімі ў адной хаце. Бабуля пакруціла цыраваны яе рукамі касцюм і пры людзях сказала, што гэта ж "мужаў касцюм".

На наступны дзень адна з вясковых кабет прыбегла і ціхенька папярэдзіла сястру бабулі аб небяспецы: "…Сама дурная. Дык хоць бы дзетак пашкадавала". Анастасія сцяміла, што сястра адной фразай наклікала бяду на сям'ю, бо стала сведкам злачынства, і настрашыла яе. Бабуля, якая даведалася аб мясцовых парадках, не марудзячы пабегла да мужчыны, што прынёс касцюм. Пакуль ён хадзіў за канём, пераворваючы палеткі, яна гадзіны тры цягалася за ім на краю поля, прабачалася ды казала, што памылілася. Нарэшце той мужык сказаў: "Ладна, ідзі ўжо да дзяцей." Так быў улагоджаны самы небяспечны за вайну канфлікт. Мая маці і бабуля засталіся жывымі. Толькі і праз шмат гадоў бабуля не магла дараваць, што пасля вайны злодзей зрабіўся "партызанам". "Герой" насіў медалі і з гонарам распавядаў аб сваіх подзвігах [5].

Мая цётка па бацькоўскай лініі Ядвіга Дзянісаўна Агеева (Завадская) вайну згадвала таксама з нечаканага для мяне боку. Яна разам з маці, сёстрамі і цёткамі ў гады акупацыі пражывала ў п. Коханава Талачынскага раёна. Бацька працаваў на чыгунцы і з пачатку вайны быў мабілізаваны. У маленькай хаце на пераездзе сабраліся ўсе сваячкі. Гаспадаркі амаль не было. А ў сям'і было больш дзясятка рознага ўзросту "дзевак" і ніводнага мужчыны, хаця б маленькага. Выжылі яны толькі дзякуючы нямецкай кухні. Дзетак адпраўлялі да кухараў, і дзяўчынкі сталі галоўнымі карміцелямі сям'і. Немцы рэшткі ежы аддавалі "кіндарам". "Толькі дзякуючы ім мы і выжылі!" – казала цётка [2].

Гэтыя успаміны, які не ўкладаліся ў ўяўленні савецкага студэнта гістфака аб жыцці пры немцах, падштурхнулі мяне распытаць і іншых сваякоў аб вайне.

Мая маці Святлана Яўгеньеўна Агеева (Шышакова) нарадзілася ў 1941-м і вайну амаль не памятала. Урэзаліся ёй у памяць толькі лагодныя да яе адносіны маладога нямецкага салдата, які гладзіў яе па галоўцы і частаваў цукеркамі ў Хімах. Бялявыя валасы маленькай прыгожай дзяўчыны мабыць выклікалі ў яго ўспаміны аб нямецкіх дзетках [1]. Яшчэ яе цётка Анастасія згадвала, што пры немцах на маю маці – тады маленькую дзяўчынку акупацыйныя ўлады нарэзалі палосу зямлі, як на едака.

Успаміны па бацькоўскай лініі былі не такія шчымлівыя. Мой дзед Іосіф Емельянавіч Агееў, як і дзед Яўген, таксама быў прызваны ў войска яшчэ да пачатку вайны і вярнуўся з фронту толькі ў 1945 годзе. Дэмабілізаваўся ён са ўзнагародамі ў чыне капітана, чым заўжды ганарыўся. Калі дзяды сталі сватамі, то любілі выпіць чарку за Перамогу і ганарыліся, што яны такія баявыя і роўныя па франтавому статусу.

Жонка дзеда Зінаіда Сямёнаўна Агеева (Галубоўская) разам з трыма сынамі: Анатолем, Рыгорам і Валянцінам засталася ў горадзе Шклове Магілёўскай вобласці ў вялікай, не так даўно пабудаванай хаце. Як падышлі немцы, то народ пацягнуўся ў эвакуацыю. Разам з суседзямі пагрузіла баба пажыткі на калёсы і паехала з дзецьмі на ўсход. Вось толькі далёка яны не ад'ехалі. Недзе пад Горкамі немцы іх перахапілі і павярнулі назад. Па вяртанні ў Шклоў іх чакала бяда – камсамольцы і вайскоўцы перад уцёкамі палілі кінутыя хаты. "Шклоў выгарэў да Рагаткі. Прыйшлося нам усю вайну жыць на Ганчарнай (у сваякоў, ці чужой хаце невядома – аўт.). Людзі, што засталіся, свае дамы падпаліць не далі. Баранілі іх ад тых камсамольцаў. Нашто мы з'ехалі? Мы і пасля вайны такой вялікай хаты не пабудавалі," – з гаркатой памінала яна.

Немцы абвясцілі абавязковую працоўную павіннасць. Усё насельніцтва павінна было вярнуцца на даваенныя месцы працы. Бабулі зноў прыйшлося працаваць у гарадской бальніцы, за што праз многа гадоў дзед пад кепскі настрой мог абазваць яе прыслужніцай фашыстаў. У анкетах, дарэчы, амаль усім беларусам прыходзілася ўказваць, што сваякі працавалі ў перыяд акупацыі. Гэта было пэўнай плямай на біяграфіі сям'і.

Пра немцаў нічога асабліва кепскага бабуля не распавядала. Наадварот, афіцэр, што кватараваў у іх, быў культурны, выхаваны. Ідылія скончылася, калі старэйшы сын Анатоль сцягнуў у немца пісталет. Навошта ён гэта зрабіў, цяжка сказаць. Трэба адзначыць, што беларускія

хлопцы нярэдка кралі ў немцаў ежу, саладосці, рыштунак, за што іх немцы страшылі, збівалі, а часам каралі і больш сурова. Пасля знікнення пісталета ўсю сям'ю паставілі да сценкі і пагражалі расстрэлам. Усё перапалохаліся, але абышлося, бо дзядзя Толік прызнаўся ў крадзяжы, вярнуў зброю і атрымаў свой выспятак.

Трагедыя магла здарыцца з маім бацькам Рыгорам Агеевым. У двары, як водзіцца быў сабака. Ён быў добры да сваіх, але "немчуру" чамусьці не любіў і заўжды аблайваў. Ці то чужыя пахі, выгляд формы незнаёмы, мо што іншае? Сабака ж не распавядзе. Як смяялася баба Зіна, беларускія сабакі немцаў не любілі. Вайскоўцы з-за гэтага багата сабак пастралялі. Так здарылася і з нашым сабакам. Ён кінуўся брахаць на немца. Той выхапіў зброю, а мой бацька, які дужа любіў пса, з крыкам "не страляй" кінуўся прыкрываць сабой сабаку. У гэты момант прагучаў стрэл. Сабака быў забіты, а мой бацька, які зусім крыху не даскочыў да яе, быў лёгка паранены.

Яшчэ адной крыўдай бацькі была школа. У Шклове, як і ў іншых гарадах і многіх вёсках немцы адкрылі так званыя "народныя школы". Навучацца ў школах былі абавязаны ўсе дзеці з 7 да 14 гадоў, акрамя дзяцей яўрэйскай нацыянальнасці. Для настаўнікаў была ўведзена працоўная павіннасць. Школы былі пачатковыя і з сямігадовым тэрмінам навучання. У іх выкладаліся руская, нямецкая, беларуская мовы, матэматыка, радзімазнаўства (у ім сцвярджалася, што сталіца нашай Радзіны г. Берлін), геаграфія, біялогія, спевы, маляванне, фізічная культура, садоўніцтва і рамёствы. У праграме па беларускай літаратуры засталіся творы М. Багдановіча, Я. Купалы, Я. Коласа, Т. Гартнага і іншых пісьменнікаў [3, с. 202]. Бацька вучыўся ў школе як заўжды добра. Але пасля вяртання савецкай улады год адукацыі пры немцах у сямігодцы не быў залічаны, і яму прыйшлося пераросткам паўторна вучыцца ў тым жа класе і праходзіць ужо вывучаныя прадметы. У малодшага сына бабулі у вайну быў "заварот кішок". Бабуля на калёсах павезла сына ў Магілёў, дзе нямецкі доктар у бальніцы зрабіў паспяховую аперацыю. У выніку мой дзядзька пражыў доўгае жыццё.

Успаміны маіх сваякоў зламалі мае стэрэатыпныя уяўленні аб жыцці ва ўмовах акупацыі і падштурхнулі да даследавання тэмы. Сёння яны мне ўяўляюцца этнаграфічнай крыніцай, якая раскрывае механізмы выжывання беларускага насельніцтва ў гады акупацыі, паказвае неадназначнасць і супярэчлівасць паводзін акупацыйных войск і партызан ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

Літаратура

1. Агеева Святлана Яўгеньеўна. Успаміны // Архіў аўтара.
2. Агеева Ядвіга Дзянісаўна. Успаміны // Архіў аўтара.
3. Науменко, В.В. Очерки истории образования Могилевщины / В.В. Науменко, В.С. Богданов, А.Г. Агеев; под общ. ред. Л.С. Смотрицкого. – Могилев: МГОИРО, 2012. – 504 с.
4. Шишакова Полина Павловна. Автобиография // Архив автора.
5. Шышакова Паліна Паўлаўна. Успаміны // Архіў аўтара.

Белюков Д.А.

ВЕЛИКИЕ ЛУКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.: ОПЫТ ПУБЛИКАЦИИ СБОРНИКА ДОКУМЕНТОВ

В 2016 г. древний русский город Великие Луки будет отмечать 850-летие первого летописного упоминания. С целью сохранения исторической памяти и преемственности поколений Комитет культуры Администрации города Великие Луки по инициативе Общественного совета по вопросам историко-культурного наследия приступил к реализации муниципального книгоиздательского проекта «Великолукская книга». Цель проекта «Великолукская книга» – публикация серии книг, объединенных темой преемственности исторического прошлого и современности Великих Лук, самобытности его историко-культурного наследия, судьбы города и его жителей.

Первым изданием в рамках книгоиздательского проекта «Великолукская книга» стал сборник документов «Великие Луки в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [8]. Идея создания сборника документов родилась в преддверии 70-летия освобождения Великих Лук от немецко-фашистских захватчиков, которое отмечалось 17 января 2013 г. Актуальность его издания заключалась в том, что в нашей научной и краеведческой историографии это первый подобный сборник, содержащий столь обширный массив документов. Редколлегию выпуска составили: Д.А. Белюков (ответственный редактор), В.И. Зандер, С.М. Зяблецева, В.С. Кар-

пицкая, Н.А. Лопатина, Н.И. Мартинович, Т.П. Случаева, Г.Т. Трофимова. Большую помощь в подготовке сборника документов оказала начальник Государственного архивного управления Псковской области Т.Е. Герсимёнок.

В сборник включены 116 документов (1941–1946), которые выявлены в фондах Государственного архива новейшей истории Псковской области, Государственного архива в г. Великие Луки и Архивного отдела Администрации г. Великие Луки. Были отобраны документы, отражающие историю Великих Лук в разные периоды Великой Отечественной войны: начало войны и героическая оборона города, фашистская оккупация и сопротивление, великолукская наступательная операция и освобождение города, жизнь в городе после освобождения. Многие из документов опубликованы впервые.

Сборник состоит из четырех разделов.

Раздел 1 «Начало войны и героическая оборона города» включает боевые донесения и приказы, краткие сведения о поведении войск, списки лиц начальствующего и рядового состава и др.

Раздел 2 «Сопротивление в период оккупации» составлен на основе документов, раскрывающих становление и развитие партизанского движения в районе Великих Лук. Среди документов – донесения, приказы, заметки о боевых действиях, протоколы заседаний бюро Великолукского горкома ВКП(б) и др.

Раздел 3 «Великолукская наступательная операция и освобождение города» является самым обширным. Он содержит боевые приказы и распоряжения, оперативные сводки, информационные сообщения, политические донесения и сводки, сведения о потерях противника, отчеты о боевой деятельности, журналы боевых действий, наградные листы бойцов и др.

Раздел 4 «В освобожденном городе. Ущерб от преступлений и злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» представляет различные постановления бюро Великолукского ГК ВКП(б), акты комиссий по установлению и расследованию злодеяний, материалы по празднованию годовщин освобождения города и др.

Текстовые документы снабжены иллюстрациями, в качестве которых использовались фотографии из фондов Краеведческого музея города Великие Луки и Государственного архива в городе Великие Луки. Внутри разделов документы расположены в хронологической последовательности. Документы воспроизводятся в соответствии с современными правилами орфографии, сохранены стиль и языковые особенности текстов. Опущенные части текста отмечены отточием, заключенным в угловые скобки. Восстановленные части слов (слова) воспроизведены в квадратных скобках. Вставки отдельных слов, подчеркивания оговорены в текстуальных примечаниях, размещенных в подстрочнике соответствующих документов. При отсутствии даты документа она устанавливалась на основании источниковедческого анализа. Каждый раздел документа снабжен редакционным заголовком и сопровождается легендой, содержащей контрольно-справочные сведения. В легенде приведены поисковые данные (номер фонда, описи, дела, листов), сведения о подлинности и способе воспроизведения документа. В сборник включен список использованных архивных и музейных фондов, выборочный указатель литературы, список основных сокращений.

Глубоко символично, что сборник документов «Великие Луки в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» стал первым изданием в рамках книгоиздательского проекта «Великолукская книга». Великая Отечественная война занимает особое место в истории нашей страны, в истории древнего русского города – Великие Луки. Город стал местом тяжелых боев как на начальном этапе войны, так на этапе ее коренного перелома.

Перед началом войны Великие Луки и Великолукский район входили в состав Калининской области. Население города насчитывало 55 тысяч человек. В городе и районе работало 51 промышленное предприятие, имелось несколько десятков объектов социальной сферы (больницы, школы, техникумы, драмтеатр, музей, библиотеки и др.) [19, с. 4–6; 21, с. 8].

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия напала на нашу страну. 22 и 23 июня на предприятиях и учреждениях города прошли митинги, участники которых заявляли о своей готовности отдать все силы для борьбы с врагом [14, с. 74–76]. Началась мобилизация военнообязанных и многочисленных добровольцев. В конце июня в городе создается истребительный отряд, в начале июля создается отряд народного ополчения [20, с. 153; 21, с. 9].

Первый массированный налет на город гитлеровцы нанесли на одиннадцатый день войны – 2 июля 1941 г. Основной удар обрушился на район Великолукского железнодорожного узла,

где был подожжен эшелон с боеприпасами. 17 июля началось наступление гитлеровцев на город. 18 июля к исходу дня город был оставлен частями Красной Армии [11, с. 13; 7, с. 2–3; 20, с. 167–170]. Отступившие части и ополченцы, перегруппировав в течение двух дней силы и получив подкрепления за счет подошедших частей из резерва, 21 июля неожиданным ударом выбили немцев из города. Город на Ловати стал одним из первых, кому посчастливилось испытать радость освобождения на начальном этапе Великой Отечественной войны.

21 июля командование 22-й армии возложило организацию обороны на генерал-майора Т.К. Силкина, который был назначен начальником гарнизона. Оборону города вели 48-я танковая дивизия, 126-я, 179-я, 214-я стрелковые дивизии [11, с. 14; 14, с. 39, 229–230; 20, с. 178–179]. Началась героическая оборона Великих Лук, продолжавшаяся больше месяца. 24 августа начальником Великолукского гарнизона, ввиду угрозы окружения войск, был отдан приказ оставить город [11, с. 24–25; 14, с. 7–8; 20, с. 189]. 25 августа 1941 г. фашистские войска вошли в Великие Луки. Были созданы учреждения оккупационных властей (жандармерия, комендатуры). В городе был создан лагерь для военнопленных. Здесь содержалось до 8000 человек. Более 5 тысяч граждан Великих Лук было угнано в Германию на принудительные работы [18, с. 35–49; 10, с. 21–32].

В районе Великих Лук активно действовали партизанские отряды [15, с. 5–13; 12, с. 1–2]. В самом городе в 1941–1942 гг. существовала патриотическая антифашистская подпольная организация [1, с. 62–68].

Хорошо известно, что советское командование придавало проведению Великолукской наступательной операции и освобождению Великих Лук большое значение [20, с. 232]. Наступление на город началось в 12 часов дня 25 ноября 1942 г. [4, с. 1–2; 5, с. 12–13; 20, с. 233–237; 21, с. 20]. К 1 января 1943 г. город был в руках советских войск. Только две вражеские группировки – одна в крепости, другая в районе железнодорожного узла – продолжали оказывать сопротивление. 16 января крепость была взята, в тот же день сдался в плен комендант и начальник великолукского гарнизона подполковник барон фон Засс. 17 января 1943 г. город был полностью освобожден [13, с. 32–65; 2, с. 37–39; 3, с. 2–3].

Великолукская операция 3-й Ударной армии 20 января 1943 г. завершилась, в её результате были освобождены 650 квадратных километров и сотни населенных пунктов. Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин в своем приказе от 25 января 1943 г. назвал освобождение Великих Лук в ряду решающих событий на рубеже 1942–1943 годов.

К.Н. Галицкий, командующий 3-ей Ударной Армией, оценивая итоги Великолукской операции, писал: «Сражение в районе Великих Лук, которое иногда не без основания называют «Сталинградской битвой в миниатюре», вошло в летопись Великой Отечественной войны, как одна из успешных операций. Своими действиями части и соединения 3-й Ударной армии притянули на себя и сковали на довольно узком 50-километровом фронте в общей сложности до десяти дивизий противника, не позволив использовать их на других направлениях» [16, с. 280].

В ходе наступательной операции город был почти полностью стерт с лица земли, поэтому Постановлением СНК от 1 ноября 1945 г. Великие Луки были названы в числе 15 городов, подлежащих восстановлению [9, с. 1]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1983 г. за мужество и стойкость, проявленные трудящимися города в годы Великой Отечественной войны и за успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, город Великие Луки был награжден орденом Отечественной войны I степени. В Великих Луках помнят тех, кто одержал Великую Победу, кто защищал и освобождал город, восстанавливал его из руин. В городе 11 памятников воинской славы, в том числе Обелиск Славы и памятник воинам-танкистам на валах крепости, памятник на могиле Героя Советского Союза Александра Матросова (скульптор А. Вучетич). Свыше 30 улиц города носят имена воинов Советской Армии, партизан, подпольщиков, героев Великой Отечественной войны. На мемориальном воинском захоронении покоится прах 6 313 героев. Активно работает Совет ветеранов войны и труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, который проводит большую работу по патриотическому воспитанию молодежи. В общеобразовательных учреждениях города действуют музеи и комнаты боевой славы. Традиционными для города являются памятные мероприятия и праздники, посвященные событиям Великой Отечественной войны.

28 октября 2008 г. за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленный защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества, указом Президента России

Д.А. Медведева № 1532 городу Великие Луки было присвоено почетное звание «Город воинской славы». 17 июля 2010 г. состоялось открытие мемориальной стелы «Великие Луки – город воинской славы».

Литература

1. Архивный отдел Администрации г. Великие Луки. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 6.
2. Архивный отдел Администрации г. Великие Луки. – Ф. 141. – Оп. 1. – Д. 64.
3. Архивный отдел Администрации г. Великие Луки. – Ф. 141. – Оп. 1. – Д. 67.
4. Архивный отдел Администрации г. Великие Луки. – Ф. 141. – Оп. 1. – Д. 69.
5. Архивный отдел Администрации г. Великие Луки. – Ф. 141. – Оп. 1. – Д. 71.
6. Архивный отдел Администрации г. Великие Луки. – Ф. 141. – Оп. 1. – Д. 76.
7. Архивный отдел Администрации г. Великие Луки. – Ф. 141. – Оп. 1. – Д. 82.
8. Великие Луки в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов, посвященный 70-летию освобождения города / отв. ред. Д.А. Белюков. – Великие Луки: [б.и.], 2012. – 344 с.
9. Государственный архив в городе Великие Луки (ГАВЛ). – Ф. Р-888. – Оп. 2. – Д. 16.
10. ГАВЛ. – Ф. Р-1691. – Оп. 8. – Д. 10.
11. ГАВЛ. – Ф. Р-2379. – Оп. 1. – Д. 25.
12. ГАВЛ. – Ф. Р-2379. – Оп. 1. – Д. 29.
13. ГАВЛ. – Ф. Р-2379. – Оп. 1. – Д. 34.
14. ГАВЛ. – Ф. Р-2379. – Оп. 1. – Д. 82.
15. ГАВЛ. – Ф. Р-2379. – Оп. 1. – Д. 175.
16. Галицкий, К.Н. Годы суровых испытаний. 1941–1944: записки командарма / К.Н. Галицкий. – Москва: Наука, 1973. – 599 с.
17. Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). – Ф. 5475. – Оп. 1. – Д. 1.
18. ГАНИПО. – Ф. 5475. – Оп. 1. – Д. 28.
19. ГАНИПО. – Ф. 5475. – Оп. 1. – Д. 39.
20. Карпов, К.И. В годы Великой Отечественной войны // Великие Луки. Исторические очерки / К.И. Карпов. – Ленинград: Лениздат, 1976. – С. 151–269.
21. Книга памяти. Псковская область. Т. 4. Город Великие Луки. Великолукский район. – Псков: Изд-во организационно-методического центра, 1993. – 414 с.

Примаченко Я.Л.

«ВОЙНЫ ПАМЯТИ»: УКРАИНСКИЕ КОНТЕКСТЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В украинском общественно-политическом дискурсе события Второй мировой войны все еще остаются главным социокультурным маркером идентификации граждан. Такая ситуация является следствием пограничного характера украинского общества, которое в период Второй мировой войны претерпело коренные демографические и этнические трансформации, связанные как с нацистской политикой «окончательного решения», так и стремлением Сталина обезопасить СССР от иностранного ирредентизма путем создания этнически гомогенной полосы вдоль западных границ советского государства [9].

Украина, которая во многом оформилась в своих современных границах вследствие Второй мировой войны, выступала в разных ролях: жертвы сталинской и гитлеровской оккупации; страны сопротивления двум тоталитарным режимам; «коллаборантом»; страной-победительницей и соучредителем ООН. По мнению других, Украина второй раз проиграла борьбу за независимость и национальную государственность [1, с. 19]. Естественно, что такое противоречивое наследие создает поле для борьбы разных коллективных памятей о Второй мировой войне.

Отсутствие линейности в процессе становления исторической памяти в Украине порождает ряд противоречий, ярким примером чего являются дискуссии вокруг украинского национально-освободительного движения. Государственная политика памяти относительно ОУН и УПА варьировалась от осторожных шагов Л. Кучмы, который создал правительственную комиссию для изучения деятельности ОУН и УПА, к формированию двух радикальных вариантов. Первый нашел свое отображение в политике исторической реабилитации В. Ющенко, которая ознаменовалась попытками примирить ветеранов УПА и Великой Отечественной войны, а также присвоением званий «Герой Украины» лидерам националистов – Р. Шухевичу и С. Бандере [2, с. 365]. Второй – ревизией политики предшественников во время президентства В. Януковича, электорат которого придерживался советского нарратива Великой Отечественной войны.

На сегодняшний день в Украине существует не менее четырех взаимоисключающих нарративов Второй мировой войны: 1) российский, который опирается на концепцию Великой Отечественной войны и борьбу советских партизан с немецкими оккупантами и коллаборационистами; 2) польский с характерным акцентом на борьбе Армии Краевой против иностранных

оккупантов и УПА; 3) западно-украинский нарратив героической борьбы УПА и ОУН против Советской Армии; 4) еврейский, который сосредоточен на организованном нацистами и их славянскими подручными Холокосте [11, с. 55].

Опыт войны для регионов Украины отличался настолько, что порой складывается впечатление, будто речь идет о совершенно разных событиях [6, с. 323]. Именно отсутствие общего опыта войны является мощным фактором поляризации украинской общественности. Эта ситуация обусловлена как состоянием украинского общества, где процесс деколонизации истории еще не завершен, так и тем влиянием которое оказала Вторая мировая война на формирование современного мирового порядка.

Процесс национализации памяти о Второй мировой войне, начатый после распада СССР, привел к формированию разного видения когда-то общей советской истории Великой Отечественной войны. Для России победа над нацизмом является «символическим капиталом» не только в исторических дискуссиях относительно репрессивного характера советской системы, но и в политическом противостоянии с прозападными элитами бывших советских республик [4, с. 103]. В российском историческом и общественном дискурсе активно эксплуатируется образ украинских националистов как коллаборантов и пособников нацистов [3; 10]. Сама же проблема ОУН-УПА занимает второе место среди наиболее щекотливых вопросов украинской истории, уступая лишь теме героев и антигероев нового украинского нарратива, где, кстати, одно из ведущих мест принадлежит личностям С. Бандеры и Р. Шухевича [5, с. 92].

Крах советской системы и процессы евроинтеграции привели к тому, что украинское националистическое движение, как и его аналоги в бывших прибалтийских республиках Советского Союза, стали эпицентром «войн памяти» в Центрально-Восточной Европе.

Тем не менее, переосмысление опыта Второй мировой войны является актуальным не только для постсоветских государств, но и для бывших стран Варшавского договора. Эти стремления нашли свое воплощение в Пражской декларации о европейском сознании и коммунизме (Prague Declarationon European Conscience and Communism), которая была подписана 3 июля 2008 г. по инициативе Чешского правительства известными европейскими политиками, историками и диссидентами. Декларация стала итогом работы одноименной международной конференции, которая прошла в Праге при поддержке замминистра по европейским вопросам и комитета Сената по вопросам науки, культуры, прав человека и петиций Республики Чехия. Авторы декларации призвали европейское сообщество признать нацистский и коммунистический тоталитарные режимы наибольшей трагедией XX века. В ней было предложено: признать преступления коммунистического режима, наравне с нацистским, преступлениями против человечности, выработать единый критерий отношения к жертвам обоих тоталитаризмов; сделать 23 августа – день подписания Пакта Молотова – Риббентропа – общеевропейским днем памяти жертв обоих тоталитарных режимов; включить в европейские учебники истории материал о преступлениях коммунизма с целью предостережения молодого поколения [8].

Подобные предложения были неоднозначно восприняты европейской научной общественностью, поскольку они противоречат западноевропейской концепции идентичности, которая базируется на Холокосте и культуре покаяния. Во-первых, жертвами советского режима стали народы Центрально-Восточной Европы, чьи национально-освободительные движения и местное население были причастны к Холокосту. Во-вторых, среди западных ученых популярны левые идеи, для них марксизм остается частью западноевропейской интеллектуальной традиции, а не идеологией, которая порождает политических монстров [7].

Для западных демократических обществ героический нарратив не имеет утилитарной – мобилизирующей – ценности, тогда как новосозданный героический нарратив ОУН и УПА носит партикулярный характер и вступают в противоречие с конкурирующими этническими и социальными группами, которые не могут автоматически принять новых героев титульных наций. Определенную роль имеют и региональные отличия культуры памяти [14]. Реализация модерного национального проекта в постсоветских республиках происходит во времена, когда в мире доминируют тенденции иного порядка. Американский историк Т. Снайдер, характеризуя современное состояние исторической науки, отмечает: «Наше время – это эпоха памяти, а не истории … культура памяти вытесняет важность истории, появляется опасность того, что историки будут поставлены перед фактом, когда буду вынуждены давать те объяснения, которые легче всего донести до людей» [13].

Отсутствие общего для украинцев опыта Второй мировой войны, непоследовательная политика памяти и сложные процессы деколонизации когда-то общей советской истории, как и неготовность западных историков к более глобальному переосмыслению коммунистического прошлого стран Центрально-Восточной Европы формируют современный социокультурный контекст украинского историописания. Сложные дискурсивные реалии украинской историографии наслаиваются на более глобальный процесс интеграции истории стран ЦВЕ в западноевропейский исторический дискурс, что неминуемо приводит к конфронтации с уже устоявшимися практиками памяти и увековечения жертв Второй мировой войны, и прежде всего Холокоста. Особенно это актуально для территорий, которые американский историк Т. Снайдер определил как «кровавые земли» [12].

Литература

1. Гриневич, В. Війна за війну / В. Гриневич // Критика. – 2012 (XVI). – 6 червеня (176). – С. 19–23.
2. Грицак, Я. Історія і пам'ять: амнезія, амбівалентність, активізація / Я. Грицак // Україна: процеси націєтворення / [упор. А. Каппелер]; пер. з нім. – Київ: К.І.С., 2011. – С. 365–380.
3. Дюков, А. «Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса» / А. Дюков. – Москва: REGNUM, 2008. – 152 с.
4. Журженко, Т. «Чужа війна» чи «спільна Перемога»? Націоналізація пам'яті про Другу світову війну на українсько-російському прикордонні / Т. Журженко // Україна Модерна. – 2011. – № 8. – С. 100–126.
5. Касьянов, Г. Україна в російському історичному дискурсі: проблеми дослідження та інтерпретації / Г. Касьянов, В. Смолій, О. Толочко. – К.: Інститут історії України, 2013. – 128 с.
6. Пентер, Т. Українці та «Велика вітчизнянавійна» / Т. Пентер // Україна: процеси націєтворення / [упор. А. Каппелер]; пер. з нім. – Київ: К.І.С., 2011. – С. 321–333.
7. Портнов, А. Этюд о «левой» утопии, или Сомнению подлежит [Електронний ресурс] / А. Портнов – Режим доступу: http://urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/51716. – Дата доступа: 27.03.2013.
8. Празька декларація про європейське сумління та комунізм [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.praguedeclaration.eu/. – Дата доступа: 03.07.2007.
9. Рібер, А. Громадянські війни в Радянському Союзі [Електронний ресурс] / А. Рібер. – Режим доступу: http://www.historians.in.ua/index.php/doslidzhennya/369-alfred-riber-hromadianski-viiny-v-radianskomu-soiuzi. – Дата доступа: 15.11.2012.
10. Фішбейн, М. Єврейська карта в російських спецопераціях проти України (Доповідь на 26-й конференції з української проблематики Іллінойський університет, Урбана-Шампейн, США. 24 – 27 червня 2009 року) [Електронний ресурс] / М. Фішбейн. – Режим доступу:http://www.radiosvoboda.org/content/article/1774059.html. – Дата доступа: 10.07.2009.
11. Kappeler, A. From an Ethnonational to a Multiethnic to a Transnational Ukrainian History / A. Kappeler // A Laboratory of Transnational History: Ukraine and recent Ukrainian Historiography / [ed. by G. Kasianov and Ph. Ther. – Budapest – New York: CEU PRESS, 2009. – P. 51–80.
12. Snyder, T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. – New-York, 2010. – 544 p.
13. Snyder, T. Commemorative causality [Electronic resource] / T. Snyder. – Mode of access: http://www.eurozine.com/articles/2013-06-06-snyder-en.html. – Date of access: 06.06.2013.
14. Zhyrzhenko, T. Heroes into victims: The Second World War in post-Soviet memory politics [Electronic resource] / T. Zhyrzhenko. – Mode of access: http://www.eurozine.com/articles/2012-10-31-zhurzhenko-en.html. – Date of access: 31.10.2012.

Хришкевич Т.Г.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

2014-й в Германии называют «супер-годом», на него приходятся три памятные даты: 100 лет от начала Первой мировой войны, 75 лет от начала Второй мировой войны и 25 лет падения Берлинской стены. Эта комбинация подняла вопросы о результатах этих масштабных событий для Германии. На поиск ответов брошен весь интеллектуальный потенциал страны. Пока научный мир рассуждает об ответственности за развязывание войн и их итогах, общественность поднимает проблему памяти через символы – в памятниках, книгах, выставках.

Существует принципиальная разница в восприятии двух мировых войн в современной Германии. Обе войны были проиграны, но Первая мировая долгие годы находилась в тени Второй войны. Великая война 1914–1918 гг. оставила наследие в виде преступлений против человечности нацистской Германии, что определило отношение и к ней, и к её последствиям.

События 1939–1945 гг. в Германии никого не оставляют равнодушными, но, в отличие от Великой войны, память о ней не сопровождается массовыми художественными и фотовыставками. Однако тема войны и не замалчивается.

На протяжении ряда лет журнал Stern публиковал результаты опросов, посвященных интересу к прошедшим войнам. Так, интерес к событиям Первой мировой испытывают 69% опрошенных и только 17% интересуются Второй мировой [5]. Среди немецкой молодежи (в возрасте от 14 до 29 лет) интерес к войне 1914–1918 гг. наблюдается у 77 %, тогда как события

середины века (в той же возрастной категории) 68% опрошенных не обсуждаются. Это можно считать результатом целенаправленной политики формирования общественного мнения. Всем памятны слова президента Рихарда фон Вайцзеккера о том, что для немцев 8 мая не является праздником.

Тема Второй мировой войны была впервые поднята всеми политическими партиями на совместном обсуждении в бундестаге 30 июня 2011 года. На заседании были рассмотрены вопросы о нападении Германии на Советский Союз, план «Барбаросса», блокада Ленинграда, жертвы войны [1]. Впервые все партии проявили единение по обозначенным темам. Интересно, что акцент был сделан на необходимости преодолевать сохраняющееся предубеждение против России, которое рассматривали как следствие результатов войны.

Важным индикатором общественного мнения являются так же запросы парламентских фракций в федеральное правительство. Например, в течение 2010–2012 гг. правительство подготовило ответ на тематический запрос по Второй мировой войне, поданный Левой партией. Он содержал пять разделов: военно-мемориальная сфера, преемственность правовых норм Третьего рейха, национал-социалистическое прошлое федеральных институтов власти, следственные действия в отношении нацистских преступников. Поднятые архивные материалы не позволили полностью осветить такой, например, вопрос как количество депутатов бундестага и ландтагов ФРГ, имеющих нацистское прошлое.

Осмысление военного наследия, его памяти особенно заметно в визуальных источниках. Накануне 75-летнего юбилея в январе 2014 года в бундестаге была открыта выставка «Диктатура и демократия в эпоху крайностей» [4], которая содержит более 190 фотографий, призванных безжалостно и эмоционально проиллюстрировать то, как тесно в прошлом были взаимосвязаны мир и война. Более 3 000 информационных материалов об этой выставке были направлены в 500 общин, ратуши, публичные библиотеки, школы и колледжи, в политические партии, церкви и организации, для привлечения внимания к проблеме: каким был путь от диктатуры к демократии.

Выставка определяет маршрут этого движения от убийства эрц-герцога Франца-Фердинанда и начала Первой мировой войны к Веймарской республике, через неё ко Второй мировой войне, и затем к объединению Германии. Фотографии отражают различные стороны жизни Германии. На них присутствуют и солдаты вермахта, и политики, и обычные жители страны. Выставка будет экспонироваться в Берлине в атриуме Министерства иностранных дел [2].

В преддверие юбилея в ФРГ был дан старт новым историческим исследованиям. Наиболее заметными из них стали работы Д. Блатмана (Die Todesmärsche 1944/1945. Das letzte Kapitel des nationalsozialistischen Massenmords. Reinbek bei Hamburg, 2011.), К. Рейхельта (Lettland unter deutscher Besatzung 1941–1944. Der lettische Anteil am Holocaust. Berlin, 2011), Р.-Д. Мюллера (Der Feind steht im Osten. Hitlers geheime Pläne fűr einen Krieg gegen die Sowjetunion im Jahre 1939. Berlin, 2011), В. Бенца (Der Hungerplan im «Unternehmen Barbarossa» 1941. Berlin, 2011), Р. Мюльхойзера (Eroberungen. Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutscher Soldaten in der Sowjetunion 1941–1945. Hamburg, 2011) и многие другие. Авторы предлагают новые точки зрения, например, Р.-Д. Мюллер опровергает тезис о превентивном характере агрессии Германии в отношении СССР.

Вовлечены в обсуждение событий войны и создатели художественных фильмов. Не пытаясь пересмотреть итоги войны и не отрицая вины Гитлера за её развязывание, режиссёры обращаются к трагедии отдельного человека. На протяжении 2000 – 2010-х годов в Германии вышел не один фильм, посвященный истории Третьего рейха и Второй мировой войны. Это картины, как правило, переосмысляющие роль личности в условиях давления режима и военных действий. Эти картины встречают неоднозначную реакцию зрителей, вызывая критические оценки. Такими фильмами стали: «Бункер» (Der Untergang, 2004 г., режиссер Оливер Хиршбигель), «Академия смерти» (Napola – Elite für den Führer, 2004 г., режиссер Деннис Ганзель), «Дрезден» (Drezden, 2006 г. режиссер Роланд Зузо Рихтер), «Еврей Зюсс» (Jud Süss – Film ohne Gewissen, 2010, режиссер Оскар Рёлер) и многие другие.

Одним из самых дискутируемых фильмов, вышедших на экраны Германии, стал «Роммель» (2012, Германия, Австрия, Франция, режиссер Ники Стайн) [3]. Почти в документальной манере авторы повествуют о последних месяцах жизни «звезды» немецкой пропаганды, одного из самых успешных генералов рейха Эрвина Роммеля. Ключевым сюжетом является до сего дня обсуждае-

мый вопрос о том, насколько Э. Роммель был вовлечен в заговор 20 июня 1944 года против А. Гитлера. Авторы интерпретируют этот сюжет как «знал и молчал». Ульрих Тикур, играющий роль генерала, рисует его скорее как положительного персонажа: деятельного, неунывающего оптимиста, безусловную Личность, от которой исходит огромная энергия.

Осмысление Второй мировой войны на новом витке истории решает важнейшую задачу – не допустить роста экстремистских настроений, не дать возможности шириться неонацистским организациям, которые продолжают привлекать часть радикально настроенного общества. Приобщение молодежи к трагической истории своей Родины – это не только просвещение или воспитание патриотизма, это новые уроки, которые можно извлечь из современности.

Литература

1. Das Protokol. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode, 117. Sitzung. Berlin, 30. VI. 2011. – S. 13465–13472.
2. Schulz, B. Geschichtsstunde für alle [Электронный ресурс] / B. Schulz. – Режим доступа: http://www.tagesspiegel.de/kultur/geschichtsstunde-fuer-alle/9338190.html. – Дата доступа: 15.02.2014.
3. Star der Propaganda [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.swr.de/rommel/star-der-propaganda/ein-mythos-entsteht/-/id=10224974/vv=teaser-12/nid=10224974/did=10224880/1akgt4o/index.html. – Дата доступа: 12.02.2014.
4. Zwischen Diktatur und Demokratie [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2014/48553284_kw02_ausstellung_extreme/. – Дата доступа: 02.02.2014.
5. Большинство немцев интересует Первая мировая война [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dw.de/a-17363703. – Дата доступа: 02.02.2014.

Павлова Е.Я.

СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ОТРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Белорусское общество и культура несут на себе глубокий след Второй мировой войны. События 70-летней давности все еще остаются важными для формирования у граждан системы восприятия настоящего. Для жителей постсоветского пространства война не становится «мемориальным явлением», она оказала колоссальное воздействие на местное население. 70 лет – очень малый срок, чтобы забыть, разрешить открыть все архивы и осмыслить тот период.

Публицистика – род произведений, посвященных актуальным вопросам и явлениям текущей жизни общества и содержащих фактические данные о различных её сторонах, оценки с точки зрения социального идеала автора, а также представления о путях и способах достижения поставленных целей. Содействуя формированию общественного мнения, взглядов, интересов и стремлений людей, влияя на деятельность социальных институтов, публицистика играет важную политическую и идеологическую роль в жизни общества, служит средством общественного воспитания, агитации и пропаганды, способом организации и передачи социальной информации. Публицистические произведения не столько фиксируют события, сколько отражают эмоции, размышления. Как правило, публицистическое произведение – авторское, но автор явно или имплицитно выражает мнение социальной группы. По материалам прослеживаются позиции издателя и главного редактора.

Характер жизни общества не способствует знакомству широкого круга читателей с наработками профессиональных историков. Публицистические произведения легкодоступны. Издаваемые популяризаторами произведения имеют яркие обложки и рекламу как «бестселлеры, взорвавшие книжные рейтинги», «книга, которая расскажет страшную правду о войне». В ряде случаев произведения представляются как научные или научно-популярные, что повышает интерес потенциальных читателей. Авторы военной публицистики позволяют себе представление единичных случаев как массового явления, вольное цитирование и трактование источников и норм отечественного и международного права, некорректные ссылки на использованные источники (В. Суворов, С. Захаревич). С целью изменить ситуацию специалисты перешли к изданию результатов своих научных поисков в виде научно-популярных публикаций, используя те же примеры броских названий («Охота на гауляйтера» В. Селеменева и В. Шимолина) [26].

Когда современные СМИ приглашают в качестве авторов или консультантов профессиональных историков, публикации по уровню осмысления материала приближаются к научным. Читатели могут получить представления о взглядах научного сообщества на сложные события истории. В качестве примеров такого успешного сотрудничества можно привести материалы корреспондента «Комсомольской правды в Беларуси» Л. Селицкой (совместно с

В.Д. Селеменевым), А. Крючковой, Г. Зотова из «Аргументов и фактов» – совместно с А. Беланович и В. Латышевой, материалы И. Валахановича, В. Черкасовой и В. Матоха для «Белгазеты». Отдельно необходимо отметить изданную в серии «Теория заблуждений. Белые пятна истории» книгу «Неизвестные страницы Великой Отечественной войны», представляющую обсуждение наиболее болезненных для общества военных тем в студии радиокомпании «Голос России». А.С. Гаспарян пригласил известных российских историков и исследователей (Е.С. Сенявская, К. Залесский, М. Мельтюхов, В. Невежин, А. Исаев, Н. Аничкин, Г. Пернавский, К. Семенов, Д. Жуков, И. Ковтун и др.). По результатам профессионально проведенной дискуссии автор представил взгляды исследователей такие «болезненные» для нашего общества темы как события 1939 года, действия пограничников, крупные сражения Великой Отечественной, деятельность партизан, войск СМЕРШ, войск СС и полиции, отношение солдат Советской армии к гражданскому населению Европы в 1944–1945 гг. [21].

В постсоветский период наблюдается решающая ломка концепций бесконфликтного освещения проблем минувшей войны. Авторами стали профессиональные и непрофессиональные историки, журналисты, военные. Акценты с героики фронтовых и партизанских будней смещаются к показу повседневности в условиях войны. Вместе с научно обоснованными встречаются и спорные, неубедительные, амбициозные заключения, которые не подтверждаются историческими фактами. Направленность публикаций характеризуется позитивно-критической, негативно-критической или нейтрально-информативной подачей материала. Среди наиболее популярных публицистов М. Солонин, В. Суворов, В. Акудович, С. Захаревич, А. Тарас, И. Копыл– представители негативно-критического направления в трактовке событий 1941–1945 гг. Е.С. Сенявская, А.Б. Мартиросян, А. Исаев, В. Мединский развивают позитивно-критический взгляд на события 1939–1945 гг. К нейтральному направлению можно отнести специальные расследования еженедельника «Аргументы и факты» («Дети Лебенсборна» Г. Зотова [8], «Люди как балласт» В. Латышевой, «Дети остарбайтеров» А. Беланович), материалы корреспондентов «КП в Беларуси» Л. Селицкой, Л. Кафтан, В. Баранца, очерки В. Матоха «Лесные евреи» и В. Черкасовой «Заложники войны» для «Белгазеты».

Как отмечает российская исследовательница Е.С. Сенявская, одна из активных линий сегодняшней историографии периода 1939–1945 гг. – это попытка подменить причину и следствие (палач и жертва); подмена понятий (партизан – партизанщина, бандитизм; подстрекатель – агрессор и т.д.); дегероизация образов. В веками сформированном у жителей белорусских земель архетипе: “свои” = местные, захватчики = “чужие” германцы устойчиво воспринимались как “чужие”. “Чужими” всегда считались и помощники захватчиков. К традиционным языковым связкам “война – враги”, “война – смерть”, “война – герои” всё чаще добавляются “война – страх” и “война – выживание”. Усиление внимания к изучению проблемы выживания в условиях войны на уничтожение ряда этносов можно отнести к достижениям современной отечественной публицистики и исторической науки.

Изучение периодики и крупноформатной публицистики показало возросший интерес к деталям многих событий периода Великой Отечественной войны (на какой технике мы воевали, на чем ездили полководцы, обстоятельства покушений на гауляйтера В. Кубе, условия жизни немецких военнопленных в Минске, было ли модно фотографироваться на фоне Рейхстага в 1945 г. и т.д.). Не перестают волновать современное обшество и эмоционально окрашенные воспоминания наших граждан,переживших войну, появляющиеся на страницах популярных изданий (“СБ Беларусь сегодня”, “Комсомольская правда”, “Народная воля”).

Наибольший интерес продолжают вызывать обстоятельства начала Великой Отечественной войны, действия советского руководства, оборонительные мероприятия на территории Беларуси, политика нацистов и жизнь населения в оккупации, деятельность партизан, других формирований на временно оккупированной территории и их отношения с местным населением, действия солдат Советской Армии в странах Европы, вопросы сотрудничества части населения с оккупационными властями, цифры военных и гражданских потерь Советского Союза [3, 10, 21, 22, 27].

Время требует новых сюжетов или новых образов старых сюжетов. Достаточно часто специалисты называют эти популярные сюжеты мифами, загадками. Соответственно, авторы для привлечения внимания выносят само понятия “миф” в заголовки своих произведений. Причем основная идея произведений и представляет собой популяризацию или, наоборот, опро-

вержение определенного мифа: В. Мединский “Мифы СССР”, С. Захаревич “Партизаны СССР: от мифов к реальности”, А.Б. Мартиросян “200 мифов о Великой Отечественной”, А. Помогайбо “Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны”, Б. Къяри “Усенародная вайна і гарады-героі: міт Вялікай Айчыннай вайны ў Беларусі” [7, 10, 14, 15, 17, 18, 24]. После десятилетий героико-освободительных советских трактовкок пришли новые мифы. Интересен такой факт: материалы о событиях Великой Отечественной войны размещены в периодике, как официальной,так и оппозиционной, под традиционными рубриками: “Память”, “Как это было”, Особая папка”, “Главное”, “Судьбы людские”, что говорит о значимости истории той войны для ныне живущих.

Анализ современной периодики позволил выделить в качестве наиболее актуальных некоторые группы образов. К первой можно отнести наиболее часто представленные в материалах “Беларусь сегодня”, “Аргументов и фактов”, журнала “Белорусская думка” образы героев-партизан и фронтовиков, маршалов-победителей , солдат-освободителей и жертв гитлеровских злодеяний. Традиционными сюжетами продолжают оставаться героизм в борьбе против захватчиков, преступления оккупантов против населения, сотрудничества населения с войсками РККА и партизанами. Группа новых образов представлена образами “деятеля белорусского возрождения В. Кубе”, “НКВДешного партизана-бандита”, “добрых солдат вермахта”, “советских солдат – насильников германских женщин” и т.д [5, 7, 12, 25]. Образы некоторых персонажей притерпели кардинальные изменения. Так, И. Сталин из освободителя Европы от коричневой чумы превращается в главного подстрекателя Второй мировой войны. Г. Жуков все чаще выглядит кровавым маршалом, а партизаны из народных мстителей стали бандитами и грабителями. Новыми сюжетами-“бомбами” стали идеи подготовки И. Сталиным нападения на Германию (Хотя всем известно, что история не знает сослагательного наклонения), изнасилованная солдатами Советской Армии Германия и Восточная Европа, специально проводимые партизанами провокации с целью вынуждения оккупантов к уничтожению местного гражданского населения [5, 7, 11, 12, 21, 24]. Важной особенностью нынешнего периода является потеря интереса к сюжету о Гитлере, главном виновнике войны и многомиллионных жертв, изучению взгляда на войну солдат вермахта, наказании нацистских преступников. Упомянутым темам посвящены немногочисленные публикации “Комсомольской правды”и “Аргументов и фактов” [4, 20].

Результаты изучения публикаций газет “СБ Беларусь сегодня”, “Комсомольская правда в Беларуси”, “Аргументы и факты в Беларуси”, “Народная воля”, “Белгазета” и журнала “Беларуская думка” заставляют задуматься. Образы фронтовиков и партизан-героев, а также полицеских-предателей остались только в официальных изданиях. С другой стороны, необходимо признать, что наиболее спорные вопросы жизни в условиях гитлеровской оккупации не затрагиваются газетой “Беларусь сегодня”, тогда как “Беларуская думка” и “Комсомольская правда” все-таки пытаются вести дискуссию. Нейтральной позиции придерживаются издатели “Аргументов и фактов”. Однозначно новые образы принимаются газетами “Народная воля” и “Белгазета”. Открытость современного общества приветствует появление различных точек зрения на события. Однако, раньше эти издания приглашали к обсуждению наиболее острых проблем и профессионалов,пробовали вести дискуссию, то сейчас они отдают предпочтение исключительно очевидцам и любителям. Повышение роли простых свидетелей в освещении истории можно приветствовать. Но мемуары по своей природе являются источниками субъективными. Они содержат непосредственную информацию о создателе и опосредованную о явлениях и событиях. Подача и толкование информации в воспоминаниях меняются по мере отдаления от времени событий. Значимость конкретных воспоминаний определяются индивидуальными особенностями автора. Достаточно осторожно необходимо относиться к воспоминаниям о событиях, период которых приходился на детство автора: недостаток общей информации и жизненного опыта, рассуждение о явлениях с позиции его старших родственников. Воспоминаниям можно доверять, когда их информация подтверждается и другими источниками. Так называемые воспоминания И. Копыла опровергли сразу несколько односельчан [19].

Особого отношения требует литература, представляющая синтез воспоминаний и публицистики, к которой относится “Нябышына. Вайна” [12]. Когда выпячиваются только определенные факты, принциально отвергаются остальные, – это называется фальсификацией. Если такой материал выходит в изданиях рассчитанных на массового читателя – это недобросовет-

сная пропаганда. Если такая пропаганда появляется в солидной газете, – значит, в этом кто-то заинтересован. Последнее время такая тенденция наблюдается в материалах “Народнай волі” і “Белгазеты. Следует заметить,что второй по значимости “военной” темой на страницах “Народной воли” остаётся освещение выживания наших соотечественников, вывезенных в концлагеря и на принудительный труд в Германию и другие государства [16]. При этом ничего не упоминается про злодения германских нацистов и полицейских на территории БССР (Даже после появления в 1942 г. с целью привлечения населения на свою сторону прагматичных указаний германского руководства о прекращении массового геноцида под видом борьбы против партизан, вермахт и полиция продолжали уничтожение населения.) Ответственность за целенаправленное уничтожение гражданского населения целиком лежит на участниках партизанского движения. Воспоминаниям И. Копыла “Народная воля” верит, а собранным много лет назад в книге “Никогда не забудем”, написанной по горячим следам, – нет. Такая позиция белорусского издания не может не удивлять. Не это ли есть то предательство, о котором в одном из последних номеров “Народной воли” писал В.Дашкевич [6].

Для жителей Беларуси практически неотделимы друг от друга обстоятельства начала Второй мировой и Великой Отечественной войн. В этом отношении нельзя не отметить книгу российского журналиста А. Кунгурова «Секретные протоколы, которых не было, или Фальшивка, разрушившая СССР». Языком публицистики автор достаточно профессионально с точки зрения источниковедческого анализа подвергает сомнению практически аксиому для современных европейцев – подписание в августе 1939 г. И. Риббентропом и В. Молотовым секретных протоколов [13].

Множество споров в научных и общественных кругах современной Беларуси связано с характером событий Второй мировой войны на нашей территории. В.Акудович настаивает на том, что любой массовый героизм нужно рассматривать как симптом смертельной болезни – потери народом инстинкта самосохранения. Идея активного вооруженного сопротивления оккупации со стороны народа, который столь равнодушно терпел пришествия предыдущих чужестранцев, навязана белорусам Россией [1, с.66–79].

В то же время С. Кара-Мурза считает, что, оказавшись в центре событий большой войны, каждый гражданин вынужден определить свою позицию в этой войне. Признав её «отечественной», человек соглашается с тезисом, что своя воюющая страна именно отечество, а не «мачеха», «угнетательница», «тюрьма народов». Уходя на Отечественную войну, человек «замораживает» свою память об обидах хотя бы на время войны и определяет причины, по которым пойдет защищать территорию своего государства: пойдет он умирать за него по зову сердца или поневоле, чтобы избежать расстрела как дезертир (враг народа и т.д.) [10] .

По мнению В. Акудовича для белорусских жителей партизанское движение было чужеродным, напрасным и враждебным делом. Оно несло опасность смерти в значительно большей мере, чем сама оккупация. Опасность была не гипотетической, а непосредственной. Она обуславливалась не только карательными операциями немцев после партизанских акций, но и насильственной сущностью самой партизанки. И поэтому нам не найти в семантической окраске интонаций уважительных, благодарных за мужественные деяния. Признавая все ужасы сталинского режима необходимо помнить, кто пришел с войной на территорию суверенного государства. Говорить о том, что жители БССР вступали в вооруженную борьбу против германских нацистов из-за своей социальной невежественности или страха перед возвратом сталинской власти, по меньшей мере, некорректно и аморально.

Сложно не согласиться в В. Акудовичем в том, что там, где война, там мало благородства. Грязью и кровью запачканы все. Однако, почему-то характерной чертой именно восточных славян стало периодическое отрицание своей истории, неумение гордиться тем патриотизмом, который жители этой многонациональной территории проявляли в периоды борьбы против иноземных захватчиков. Российский исследователь В. Боярский приводил в своих работах цифры, рассчитанные специалистами, об участии населения в сотрудничестве с оккупантами или борьбе против захватчиков. В каждом из этих двух случаев величина оказывалась далекой от половины населения. Однако, всегда существует пассивная поддержка той или иной из воюющих сторон.

В настоящее время предлагается рассматривать события 1941–1944 гг. в качестве гражданской войны на территории БССР, УССР, Литвы, Латвии, Эстонии. В периодической печати

ведется ожесточенная полемика на эту тему [1, 5, 7, 15, 25]. Белорусские политологи самоустранились от участия в обсуждении столь наболевшей в белорусском обществе темы, отдав её на откуп публицистам. Споры давно можно было бы прекратить, если бы авторы обратились к определению понятия «Гражданская война». В соответствии с этим теоретическим понятием гражданской войны в оккупированных Германий районах СССР не было. Это признают даже ярые антисоветчики в среде современных профессиональных историков.

В то же время, несмотря на острую полемику, в белорусской периодике остается место для обсуждения концепций исторической памяти о событиях 1939–1945 годов [23]. Споры вокруг выбора другой основы объединения нации не утихают [14, 25]. В популярных изданиях идёт активное обсуждение значимости и достойного использования мемориальных комплексов.

Вообще отечественная и российская публицистика о минувшей войне развиваются точно в соответствие с гегелевскими законами. Двуполярные трактовки событий уже достигли качественных изменений в общественном сознании: часть населения однозначно отвергает идеи советского периода и принимает новые. Что примечательно, наиболее легко с новыми трактовками соглашается поколения “дети и внуков фронтовиков”. Появляющиеся в последнее десятилетие идеи забыть наконец ту войну и перейти к европейской, немецкой, английской и т.д., трактовке её событий неуместны. 70 лет очень мало для того, чтобы жители оккупированных немцами территорий бывшего СССР и нашей соседки Польши целиком отмежевались от эмоциональной памяти о том периоде. Наши трактовки политики исторической памяти в принципе не могут совпадать с немецкими. Однако, есть надежда, что скоро наше общество перейдет к отрицанию отрицания. И тогда мы сможем сохранить в исторической памяти нашего народа то положительное и патриотичное, что проявилось в тяжелые годы войны, и извлечь все уроки.

Литература

1. Акудович, В. Код отсутствия / В. Акудович. – Вильнюс: Мин-во иностранных дел Литовской Респ., 2008 – 239 с.
2. Анкудо, Е. Неизвестная война / Е. Анкудо // Белгазета [Электронный ресурс] – 2002. – Режим доступа: http://www.belgazeta.by/ru2002_11_25/arhiv_bg/4918/. – Дата доступа: 12.03.2014.
3. Баранец, В. Что знал Сталин о планах Гитлера / В. Баранец // Комсомольская правда в Белоруссии [Электронный ресурс] – 2011. – Режим доступа: http://www.kp.by//daily/25681.3/839273/. – Дата доступа: 12.03.2014.
4. Вилль, Т. Мы перепроверяем преступления, которые были совершены во время Второй мировой войны / Т. Вилль // Комсомольская правда. – 2013. – 4 мая. – С. 7.
5. Волошин, Е. Партизаны выдали сельчан за полицаев? / Е. Волошин // Комсомольская правда в Белоруссии. – 2007. – 28 сент. – С. 8–9.
6. Дашкевіч, В. Што ёсць здрада? / В. Дашкевич // Народная воля. – 2014. – 28 сак. – С. 2.
7. Захаревич, С.С. Партизаны СССР от мифов к реальности // С.С. Захаревич. – Вильня: Наша будучыня, 2012. – 360 с.
8. Зотов, Г. Из вывезенных нацистами детей домой вернулись 3 процента / Г. Зотов // Аргументы и факты. – 2012. – № 38–39. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/ society/history/36599. – Дата доступа: 12.03.2014.
9. Исаев, А. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг / А. Исаев. – Москва: Яуза; Эксмо, 2010. – 480 с.
10. Кара-Мурза, С.Г. Не допустить «перестройки» символов / С.Г. Кара-Мурза // Беларус. думка. – 2010. – № 4. – С. 54–59.
11. Кафтан, Л. По-прежнему насилуют правду / Л. Кафтан // Комсомольская правда. – 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kp.ru//daily/25884/2846665. – Дата доступа: 12.03.2014.
12. Копыл, І.П. Нябышына. Вайна. Акупацыя вачыма падлетка / І.П. Копыл. – Рыга: ІБГіК, 2014. – 288 с.
13. Кунгуров, А.А. Секретных протоколов не было, или Фальшивка, разрушившая СССР / А.А. Кунгуров. – Москва: Эксмо, 2011. – 624 с.
14. К’яры, Б. Усенародная вайна і гарады-героі: міт Вялікай айчыннай вайны ў Беларусі / Б. К’яры // ARHE. – 2013. – № 2(119). – С. 25–43.
15. Лицкевич, О. Война против мифов / О. Лицкевич // Бел. думка. – 2009. – № 1. – С. 67.
16. Лубневская, Л. Тетрадь из Заксенхаузена / Л. Лубневская // Народная воля. – 2012. – 8 мая. – С. 3.
17. Мартиросян, А.Б. На пути к победе / А.Б. Мартиросян. – Москва: Вече, 2008. – 416 с.
18. Мединский, В.Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945 / В.Р. Мединский. – Москва: ОЛМА, 2011. – 672 с
19. Москаленко, Г. Люди добрые, помните / Г. Москаленко // Беларус. думка. – 2010. – № 7. – С. 80–87.
20. Муравьев, А. Дело Ганса Шпикермана / А. Муравьев. – Аргументы и факты в Беларуси. – 2011. – 20 июля. – С. 31.
21. Неизвестные страницы Великой Отечественной войны / авт.-сост. А.С. Гаспарян. – Москва: Вече, 2012. – 320 с.
22. Огородник, И. Цена Победы / И. Огородник // Народная воля. – 2014. – 14 лют. – С. 3.
23. Операция на памяти / Беларус. думка. – 2009. – № 6. – С.14–21.
24. Помогайбо, А.А. Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны / А.А. Помогайбо. – Москва: Вече, 2003. – 480 с.
25. Провалинская, Н. Партизаны воевали со своими / Н. Провалинская // Белгазета. – 2013. – 3 июня. – С. 9.
26. Селеменев, В. Охота на гауляйтера / В. Селеменев, В. Шимолин. – Минск: НАРБ, 2006. – 246 с.
27. Селицкая, Л. На груди фотоаппарат, а на плече – автомат / Л. Селицкая // Комсомольская правда в Белоруссии [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.kp.by//daily/24478.3/635134/. – Дата доступа: 12.03.2014.

Димони Т.М.

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ О ВОЛОГОДСКОМ КРЕСТЬЯНСТВЕ ВОЕННЫХ ЛЕТ[7]

Писатель Виктор Петрович Астафьев переехал в Вологду из Перми и прожил здесь около 10 лет – с 1969 по 1979 годы. В Вологде были написаны его лучшие произведения: «Современная пастораль», «Пастух и пастушка», «Ода русскому огороду», многие главы из книги «Последний поклон», «Царь-рыба» и др.

Отношение к Вологде у Астафьева было не простым. По воспоминаниям знавших его в вологодский период, он не мог привыкнуть в этому городу, к вологодскому характеру, строю речи. Астафьев говорил, что «глух» к вологодскому говору, не может воспроизводить его на бумаге. Не всегда складывались его отношения и с вологодскими писателями. Хотя вологодское начальство, прежде всего, с подачи Первого секретаря Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгина, встретило переехавшего Астафьева благосклонно, создало ему хорошие условия жизни.

При всем непростом отношении писателя к Вологодчине, она дала Астафьеву новый и ценный для него опыт в осмыслении волновавших его вопросов, связанных с Великой Отечественной войной. Нужно сказать, что Вологодская область обладала значительными демографическими особенностями. Она были преимущественно сельской территорией, находилась близко к театру военных действий, поэтому испытала полномасштабную военную мобилизацию. Область использовалась как узел медпомощи раненым воинам, размещения эвакуированного из Ленинграда и Карело-Финской АССР населения. В результате территория Вологодчины, на которой почти не велось военных действий, стала в демографическом плане одним из самых пострадавших регионов СССР. По данным статуправления Вологодской области, подготовленным в 1945 г., численность населения здесь за 1941–1945 гг. сократилась с на 427 тыс. человек (с 1701800 чел. до 1274150 чел.) [1]. В расчете на количество населения эти потери составили 25% довоенной численности населения. Основные потери понесла сельская местность Вологодчины, где население сократилось более чем на 30%. Основные потери, конечно, приходились на мужское население молодых и средних возрастов.

В.П. Астафьев в 1970-е гг. стал свидетелем страшных последствий войны для русской глубинки. Особенно взволновала его судьба вологодской деревни, точнее даже, судьба вологодской крестьянки в контексте военного и послевоенного времени. Здесь уместно проанализировать небольшие произведения, ставшие квинтэссенцией размышлений Астафьева о сельской женщине, – рассказах «Звезды и елочки» (1972 г.) и «Не запрягайте женщин в плуг» (1987 г.).

Появление вологодской крестьянки в качестве главной героини рассказов о военном деревенском лихолетье не случайно. Приведем данные архивных источников. Уполномоченный Госплана при СНК СССР по Вологодской области в 1945 г. составил справку «Женщина в народном хозяйстве Вологодской области» [2]. «Понятие «мужская профессия», – пишет уполномоченный, – «устарело. Нет такой специальности, отрасли производства, которые бы не освоила женщина в годы войны…». Наибольшая численность женщин в промышленности работала на предприятиях лесной и бумажной отраслей – более 16 тыс. человек. А в сельском хозяйстве все трудности легли на женские плечи. Весной 1945 г. женщины Вологодской области составляли 68% работников машинно-тракторных станций, 79% работников совхозов, более 70% трудящихся других сельхозпредприятий. В наиболее трудоспособных возрастах – от 18 до 50 лет – женщины в 1945 г. составляли более 80 % всего трудоспособного населения. Они практически полностью заменили в сельском хозяйстве ушедших на фронт отцов, братьев и сыновей.

К размышлениям о деревенской женской доле В.П. Астафьев неоднократно возвращался в своих произведениях. «Не запрягайте женщин в плуг» (подзаголовок «рассказ деревенской женщины») произведение настолько же бытоописательное, насколько и эпическое. Деревенская повседневность конца войны обрисована в нем буквально несколькими строками: «К весне сорок четвертого война чисто вымела в нашей деревне…дворы и сусеки. Мужиков нет, лошадей – две калеки, бабы, что при силе, все угнаны на лесозаготовки, либо на фермах волохают. А

[7] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-01-00341 «Социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и их интерпретация в уровнях общественного сознания»

пахать и сеять надо…». Рассказчице этой истории, изложенной Астафьевым, шел в ту пору шестнадцатый год. Ее реакция на решение общего собрания колхоза, постановившего, что пахать нужно на женщинах («ну раз тягла нет, придется самим колхозникам… пристягнуться у плугу») типична для русской женщины. Несмотря на слезы и уговоры матери героиня рассказа говорит: «Надо, дак…». Дальше, рассказывает женщина, «сделала я себе из старой детской пеленки лямку, к веревке ее увязала…». Героиня рассказа Астафьева «Не запрягайте женщин в плуг» счастливо избежала участи «пристяжной». Но в жизни чаще бывало по-другому. Фото и кинохроника военных лет, послевоенного десятилетия, художественные фильмы показывают запряженную в ярмо крестьянку как горькую обыденность тех лет. Этот яркий образ, ставший символом будничного героизма советского (русского) народа, без сомнения сам по себе монументален. Несколько лет назад поднимался вопрос о памятнике вологодской женщине, крестьянке, колхознице военной поры. Думаю, что визуальный образ, предложенный Астафьевым и другими художниками, – самое точное отражение военной реальности и напоминание о настоящем «втором фронте», который состоял из женщин, стариков и подростков, работавших в тылу.

В другом рассказе «Звезды и елочки» Астафьев описывает уже послевоенную деревню. Действие рассказа разворачивается в деревне Блудново (на родине поэта и прозаика А.Я. Яшина) Никольского района Вологодской области в начале 1970-х гг.

Путешественники останавливаются «испить воды» у деревенского дома, где живет, как пишет Астафьев, «приветливая женщина, возраст которой сразу не определить было – так скорбно и темно лицо ее». Но заговорила женщина приветливо. «Я не устаю поражаться, – замечает Астафьев, – как люди, особенно женщины, и особенно на Вологодчине, несмотря ни на какие невзгоды, сохраняют и несут по жизни распахнутую, неунывающую душу».

Главные эпизоды рассказа «Звезды и елочки» связаны с удивлением писателя-сибиряка незнакомыми ему знаками-символами, встреченными в этой глухой вологодской стороне. Первый из них – «звездочки, прибитые к торцам углов сельских изб». Хотя для людей, живших в 1970 – 1980-е гг., этот символ, общепринятый для обозначения памяти павших на полях сражений в советское время, был близок и понятен, тем не менее, начало 1970-х гг. характеризовалось иным отношением к памяти о Великой войне 1941–1945 гг. Даже формально День Победы, 9 мая, до середины 1960-х гг. был рабочим днем. Скорее он воспринимался как день памяти и траура по погибшим в годы войны, чем как праздник в полном человеческом смысле этого слова. Шаги же по организации мест памяти стали предприниматься лишь в 1970-е гг. Тогда открывались обелиски, мемориалы, зажигался Вечный огонь. К середине 1970-х гг. относятся и целый ряд принятых социальный мер для участников войны – введены льготы на лекарства, проезд, делались значительные прибавки к пенсиям и т.д.

До широких мер увековечения памяти погибших население, и, особенно население деревень, стихийно выработало свои знаки скорби по погибшим воинам. В вологодской деревне, да и во многих других местностях, дома фронтовиков, не вернувшихся с войны, обозначали жестяными красными звездами по количеству павших воинов. У хозяйки дома, с которой разговаривал Астафьев, было прибито на торец 5 таких звезд. Она пояснила: «Пятеро не вернулись у меня с войны: сам, трое сыновей и деверь». Нужно сказать, что такие потери для сельских вологодских семей не были редкостью. Военные потери были столь велики, что во многие деревни не вернулся с фронта ни один мужчина или их возвращались единицы.

Не зажили и в 1970-е гг. раны, причиненные вологодской деревне войной. «Как много на Вологодчине недостроенных и уже состарившихся изб», – замечает Астафьев. Сиротеют дома, старятся женщины, а хозяин недостроенного дома, русский мужик спит «непробудным сном в нашей и чужой земле». Пустая изба, недостроенная изба – еще одна горькая, замеченная Астафьевым примета войны.

Конец рассказа «Звезды и елочки» повествует о еще одном открытии Астафьева в Никольской деревне. Вот как рассказывает об этом автор: «На одном из домов, высоко под застрехой, увидел я елочку в ленточках и тряпочках». Спутники пояснили, что елочка – древний языческий символ невесты. Когда жених уходил из деревни, например, в солдаты, то невеста обряжала елочку и прибивала к мезонину избы суженного. Снять елочку имел право только вернувшийся в деревню жених или сама невеста. «Увы, – замечает Астафьев, – на многих вологодских домах ныне траурно чернеют и осыпаются елочки, …не возвращаются парни в родные села,…оседают в городах или на стройках».

Звезды и елочки – это найденные Астафьевым символические образы сиротеющей русской деревни. Мужское и женское начала родной земли пересекаются в его рассказе, но оба оказываются бессильны возродить утраченное. Старое языческое, сохранившееся до 1970-х гг. и новое советское, ставшее своим и привычным отражают у Астафьева одно и то же – горечь потери разрушающегося дома.

Астафьев в своих коротких рассказах не делает глобальных мировоззренческих выводов, его горькая и светлая проза – скорее впечатления зрителя, чем анализ мыслителя. Он по-своему воспринял и интерпретировал судьбу вологодской деревни, которая и для Астафьева стала во многих проявлениях настоящим открытием, а для нас – памятью о войне.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А-374. – Оп. 11. – Д. 359. – Л. 285.
2. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А-374. – Оп. 11. – Д. 359. – Л. 18 – 24.

Крикливец Е.В.

ОСМЫСЛЕНИЕ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПРОЗЕ В. АСТАФЬЕВА И В. КОЗЬКО

Военные произведения, как русских, так и белорусских писателей, проникнутые глубоким пониманием трагической сущности человека, и сегодня вызывают у читателя чувство сопереживания, отличаются философским размышлением над судьбой отдельного человека как части общества и позволяют говорить о наличии в них феномена так называемого «двойного видения» войны, который в полной мере проявился в произведениях 60-х годов, когда в литературу пришло поколение «детей войны».

В центре внимания нашего исследования – произведения В. Астафьева и В. Козько на военную тематику. Проблематика и поэтика творчества этих писателей имеют общие точки соприкосновения, обусловленные социокультурным пространством двух государств, общей картиной славянского мира, мировоззрением художников. Изучение прозы русского и белорусского авторов осуществлялось на сравнительно-типологическом уровне.

В последней трети XX века после страшных социальных потрясений, сломавших жизненные устои и привычный миропорядок, в творчестве писателей особенно актуальным становится *дом* как прибежище от исторических катаклизмов. Принципиальное значение для понимания идейной концепции военных произведений В. Астафьева и В. Козько, а также для их сравнительно-типологического анализа имеет *топос дома* в его социальном аспекте.

Для обоих писателей характерно выстраивание оппозиции *дом – антидом*. *Дом (дом-семья)* являет собой определенную модель взаимоотношений между людьми. В семье человек чувствует себя нужным и защищенным. Так, центральные герои романа В. Астафьева «Прокляты и убиты» – Лешка Шестаков, Коля Рындин, Ашот Васконян, лейтенант Щусь, – которым в условиях казарменного быта и войны удалось сохранить человеческое достоинство, воспитывались в социально различных семьях (крестьянской, старообрядческой, интеллигентской), но все эти семьи были основаны на любви и уважении друг к другу. Кстати, о семье политрука Мусенка вообще ничего не известно, и это нельзя не расценить как способ выражения авторской позиции. По отношению к *дому-семьеантидомом*становится место случайного объединения людей, которое всегда аккумулирует отрицательную семантику. В романе В. Астафьева «Прокляты и убиты» всеми признаками *антидома* наделена казарма. Из родительских семей ребята попадают в атмосферу скученности, озлобленности, морального и физического разложения[1, с. 32]. Характеризуют положение солдат в казарме и выбранные автором лексические единицы: «чертова яма», «подвал», «помещение». В повестях В. Козько «Повесть о беспризорной любви» и «Суд у Слабадзе», посвященных страшному военному детству героев, *антидомом*, безусловно, становится немецкий концлагерь, о котором вспоминает Андрей Разорка, и «киндэрхайм», о котором пытается вспомнить Колька Летечка. Отметим, что страдания, пережитые героями В. Козько в *антидоме*, вытесняют у них память о *доме*.

Однако в произведениях В. Астафьева распространен *мотив превращения антидома в дом* в том случае, если людям, находящимся в *антидоме*, удается выстроить гармоничные отношения, повторяющие семейные. В данной ситуации границы *дома-семьи* расширяются: он

объединяет людей не только по признаку родства, но становится местом со-бытия людей. Так, старшина Шпатор («Прокляты и убиты») пытается установить в казарме подобие семейных отношений, насколько это возможно, заменить солдатам отца. Ашот Васконян именно в казарме приобретает настоящих друзей, признается матери: «Я в этой яме пгозгев, товагищей, способных газделить последнюю кгошку хлеба пгиобгев…» [1, с. 299]. Примечательно, что узы этой дружбы становятся для Васконяна сильнее уз семейного родства, национальной принадлежности и даже возможности спасти собственную жизнь. Ашот твердо решает разделить участь своих товарищей и отправиться на фронт[1, с. 299].

Осмыслению событий Великой Отечественной войны в прозе, как русского, так и белорусского писателей, помимо *топоса дома*, способствует также *топос дороги*.На концептуальном уровне своей внутренней структуры онвоплощает идею духовной эволюции либо деградации личности героя. Отметим, что реализация *топоса дороги* в данном значении в творчествеВ. Астафьева и В. Козько при наличии общих черт приобретает и специфические отличия.Духовная эволюция героев В. Астафьева связана с поиском моральных ориентиров во внешнем мире, в то время какнравственное восхождение героев В. Козько – это поиск опоры в самих себе, в своем внутреннем мире.

Так, Михаил, герой повести В. Астафьева «Звездопад», не смог противостоять обрушившейся на него реальности. Война, убедительные доводы матери Лиды, что все это у них «не ко времени», заставляют молодого человека отречься от своей любви, что, с точки зрения В. Астафьева, равноценно гибели. Поэтому на вопрос, обращенный к нему в финале повести «Что, убили кого?» [2, т. 2, с. 193], Михаил утвердительно отвечает: «Убили» [2, т. 2, с. 193], – имея в виду, прежде всего, себя, свою духовную опустошенность. Подобного разрешения любовной коллизии в русской военной повести второй половины XX века до В. Астафьева не наблюдалось.

Размышления о том, что война отнимает у человека нравственные ориентиры, приводит личность к деградации, нашли развитие в повести «Пастух и пастушка». Яркий пример растления человека на войне – образ старшины Мохнакова. Герой, имеющий семью, двоих детей, смелый и удачливый воин, постепенно утрачивает человеческий облик: пытается надругаться над хозяйкой дома, в котором разместился взвод, мародерствует, обирая убитых. Гибель старшины Мохнакова, бросившегося с гранатой под танк, в этом ракурсе представляется не подвигом, а сознательным актом самоубийства, поскольку герой давно тяготился внутренней опустошенностью.

Показательна в этом плане и смерть главного героя повести, Бориса Костяева. Даже внезапно вспыхнувшее во время войны любовное чувство не спасает его от душевного растления. Умирает герой не от полученного ранения: оно, по свидетельству санитарки, было легким. Смерть Бориса Костяева объясняется отсутствием стремления к жизни, отсутствием той внутренней опоры, которая помогла бы герою устоять.Здесь следует обратить внимание на образ безымянного мужика, находящегося незадолго до смерти Костяева с ним в одном санитарном поезде. Ранение его, на первый взгляд, казалось несовместимым с жизнью. Однако проплывающие за окном поезда весенние пейзажи, вид непаханой, запущенной родной земли наполняют крестьянина мыслями о созидательном труде, возвращают его к жизни.

Роман В. Астафьева «Прокляты и убиты» называют первым романом о войне, написанным с христианских позиций. В романе, свидетельствующем о завершении духовной и мировоззренческой эволюции автора, утверждается мысль о том, что путь спасения каждого человека и всего советского общества в целом – это дорога к Богу. Герои романа, молодые ребята, воспитанные в условиях атеизма и культа личности, к Богу обращаются перед лицом смерти, испытав страх, боль и страдания [1, с. 241]. Прямому, праведному пути противопоставлен в романе «кривой путь», которым идут уже не отдельные люди, а вся государственная система, повергнувшая общество в пучину мировой войны и атеизма [1, с. 133–134].

*Топос дороги*обусловил появление в прозе В. Козькоключевого мотива суда, соотносящегося с библейским.В частности, в повести «Високосный год» мотив суда обусловлен возвращением героя-повествователя в свое военное детство и совершением суда над собой ребенком. Несмотря на то, что присутствие данного мотива в произведении заставляет нас апеллировать к библейской тематике, в повести наблюдаются очевидные отступления от библейских канонов. Детскому восприятию свойственна созерцательность, определенная алогичность, иррациональность. В то время как в доме остаются убитая мама и маленькая сестричка, герой повести, трех-

летний Дима, начинает кататься со снежной горки, вместо того, чтобы звать на помощь. Герой-повествователь с позиции взрослого жестоко и бескомпромиссно судит себя ребенка, опровергая один из постулатов христианской этики о безгрешности детства. Трудно обвинять трехлетнего мальчика в смерти сестрички, однако повзрослевший герой выбирает полный страданий путь возвращения в прошлое, ибо без этого возвращения ему не постичь всей правды о себе, не стать цельной личностью.

Продолжение темы морального суда героя над собой, обусловленного воспоминаниями о военном прошлом, наблюдается и в «Повести о беспризорной любви». Комплекс вины Андрея Разорки связан с образом заключенного концлагеря, у которого он забрал кусочек хлеба в обмен на губную гармошку. В качестве варианта духовного возрождения героя, свидетельства искупления вины в данной повести выступает «беспризорная любовь», чувство, связавшее Андрея и Тамару, девочку из детприемника.

Топос дороги обусловливает присутствие мотива суда и в первой белорусскоязычной повести В. Козько «Суд у Слабадзе», где данный мотив претерпевает определенную трансформацию. Возрождение для Кольки Летечки также связано с возвращением в военное прошлое, с обретением памяти о нем. Однако моральный суд героя в данном случае обращен не на себя. Мальчик совершает путешествие в свои страшные воспоминания для того, чтобы сказать на суде одно слово «Было!», вынести свой приговор преступлениям фашизма, обрести себя. Дорога Летечки в суд – своего рода путь на Голгофу. Ценой своей жизни герой должен оправдать живых перед мертвыми [3, с. 143–144].

Топос дороги в этой повести В. Козькопредставлен бинарной оппозицией «восхождение – деградация». В произведении происходит суд над бывшими полицейскими, во время войны вступившими на путь предательства и убийства [3, с. 157]. Картина суда помимо реального плана имеет еще и библейский подтекст. Этическая проблематика повести решается с двух позиций – ветхозаветной и евангельской. Ветхозаветную позицию адекватного наказания («вока за вока, зуб за зуб») отстаивает Захарья, которому недостаточно официального приговора суда. За смерть своих детей он хочет заплатить сам. Согласно евангельской позиции Летечки, необходимо не суровое наказание, а искупление вины. Вынося приговор бывшим пособникам фашизма, ныне живущие искупают свою вину перед жертвами войны. О том, что люди помнят убитых, про состоявшийся суд и хочет отнести весть предкам Летечка.

Таким образом, во многих произведениях В. Астафьева и В. Козько поднимается тема войны и военного детства. С точки зрения раскрытия идейно-художественной концепции данных произведений, наиболее репрезентативными являются *топосы дома и дороги*, которые выступают в прозе писателей языком межкультурной коммуникации.

В целом, исследование военной литературы на сравнительно-типологическом уровне дает возможность определить генетическую связь русских и белорусских писателей, охарактеризовать их творческую манеру, раскрыть особенности историко-культурной ситуации второй половины XX века. Кроме того, можно утверждать, что произведения о войне наряду с «деревенской прозой» помогли, как русским, так и белорусским писателям преодолеть каноны соцреализма и вернуться в русло классической реалистической эстетики.

Литература

1. Астафьев, В.П. Прокляты и убиты: роман / В.П. Астафьев. – Москва: Эксмо, 2007. – 832 с.
2. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: Офсет, 1997.
3. Казько, В.А. Судны дзень / В.А. Казько. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1998. – 480 с.

Бароўка В.Ю.

БЕЛАРУСКАЯ ЛІТАРАТУРА ПРА ВЯЛІКУЮ АЙЧЫННУЮ ВАЙНУ Ў АСЭНСАВАННІ ПІСЬМЕННІКАЎ ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ 1940-х гг.

Час Вялікай Айчынннай вайны быў не самым спрыяльным для літаратурнай творчасці, тым не менш яна працягвала развівацца, асвойваць новыя тэмы і новыя сродкі ўвасаблення рэчаіснасці. Найперш мастацтва слова рабіла свой унёсак у вялікую перамогу над фашызмам, разам з тым яно станавілася прадметам літаратурна-крытычнай рэфлексіі, прычым галоўным чынам з боку саміх творчых асоб. Па афіцыйных дадзеных са 100 членаў Саюза пісьменнікаў

БССР 71 прымаў непасрэдны ўдзел у Вялікай Айчыннай вайне "ў якасці салдат і афіцэраў, значная частка – у партызанскіх атрадах і ва ўстановах па арганізацыі партызанскага руху" [цыт. па: 1, с. 5].

Відаць, першым па часе звароту да праблемы "беларуская літаратура і вайна" стаў артыкул Кузьмы Чорнага "Беларуская літаратура ў дні Вялікай Айчыннай вайны" (1942). Гэта невялікая па аб'ёме праца вядомага айчыннага празаіка тлумачыла месца майстроў мастацкага слова ў барацьбе з захопнікамі і не прэтэндавала на аналітыку. Ідэя артыкула была выказана ў кароткім абзацы: "Беларускія пісьменнікі разам з родным народам змагаюцца супраць ворага. Іх беларускае мужнае слова гучыць у народзе як кліч змагання, гучыць на фронце, дзе доблесная Чырвоная Армія вядзе няспыннае наступленне і з вялікай сілай гоніць ворага з роднай зямлі" [2, с. 351]. Мэта артыкула, як відаць з прыведзеных слоў, заключалася ў сцвярджэнні актыўнай грамадзянскай пазіцыі пісьменнікаў і ў акцэнтаванні непазбежнасці хуткай перамогі над фашызмам. Лаканічная прэзентацыя мастацкіх твораў спалучалася з публіцыстычнымі адступленнямі пра непазбежнасць хуткай перамогі над захопнікамі ў артыкуле Чорнага "Беларускае мастацтва ў часе Вялікай Айчыннай вайны" (1942). Заслугоўвае ўвагі літаратурнакрытычная праца К. Чорнага "Беларуская проза і драматургія часу Вялікай Айчыннай вайны" (1942), паколькі ў ёй пісьменнік выказвае сваё эстычнае крэда, акцэнтуе ўвагу на праблеме традыцый і наватарства, на сваім разуменні выхаваўчай функцыі літаратурных твораў. Пісьменнік коратка ахарактарызаваў напісанае ў ваенны час М. Лыньковым, К. Крапівой, А. Стаховічам, прыгадаў "Новую зямлю" Якуба Коласа як глыбока трагедыйны твор і адначасова як узор глыбока рэалістычнага адлюстравання свету і чалавека, змястоўнасці, патрыятызму. Літаратура перыяду вайны, у пісьменніцкай трактоўцы, павінна быць духоўнай зброяй народа, умацоўваць любоў да радзімы, але яна яшчэ абавязана быць праўдзівай і цікавай. Паводле К.Чорнага, вайна адкрыла новыя грані беларускага нацыянальнага характару: "Вядомая з старадаўніх часоў гераічнасць беларускага народа выяўляецца сёння ў новай сваёй магутнасці" [2, с. 403]. Вайна, у трактоўцы пісьменніка, – выпрабаванне для народа, для творчай інтэлігенцыі, але "працэс развіцця і росту беларускай літаратуры не спыніўся ў часе вайны. Беларуская літаратура жыве і творыцца, развіваецца далей" [2, с. 404]. Глыбока патрыятычнымі творамі ён назваў навелу "Ірына" М. Лынькова, п'есу "Проба агнём" К. Крапівы. Эстэтычная і этычная каштоўнасць драмы "Проба агнём" тлумачылася майстэрскім асвятленнем канфлікту паміж выкананнем чалавекам вайсковага і грамадзянскага абавязку і ўладкаваннем асабістага жыцця. К. Чорны лічыў патрэбным падкрэсліць: "Беларуская літаратура жыве. Яна – вострая зброя ў руках беларускага народа ў справе яго змагання з ворагамі, з подлымі нямецкімі акупантамі" [2, с. 412].

Артыкулы П. Глебкі пра літаратуру часоў суровага выпрабавання вышлі на заключным этапе вайны. Артыкул "Паэзія барацьбы і перамогі" (1945) ужо сваёй назвай артыкуляваў агульную патрыятычна і грамадзянска мабілізацыйную накіраванасць беларускай паэзіі ваеннага часу. Глебка на самым пачатку нагадаў, што беларускія пісьменнікі падчас вайны не былі сузіральнікамі падзей, што яны змагаліся на фронтах і ў партызанскіх атрадах: "Крывёю сэрца напісаны нашымі паэтамі радкі аб разбурэннях і зверствах, зробленых нямецкімі варварамі на беларускай зямлі" [3, с. 102]. Не ўсе тэмы знайшлі аднолькавае шматбаковае выяўленне, бо "савецкія людзі змагаюцца супраць смерці і паміраюць за жыццё, за яго далейшы росквіт" [3, с. 108]. Паводле П. Глебкі, Вялікая Айчынная вайна прынесла новую тэматыку ў беларускую літаратуру: "Радзіма, смутак аб ёй, любоў да яе, клятва аддаць за яе жыццё, яе гарады і сёлы, прыгожыя і выдатныя месцы, Масква, Крамлёўскія зоры, Нёман, Прыпяць, Сож, Мінск, Гомель, Магілёўскае шасэ і Белавежская пушча, – усё гэта знайшло ў нашай паэзіі сваіх таленавітых песняроў" [3, с. 102]. Тэматычныя абсягі паэзіі былі вельмі шырокія, бо аўтары пісалі пра Чырвоную Армію, пра партызан, пра зверствы фашыстаў на захопленай імі тэрыторыі, пра пакуты мірных жыхароў, пра непаўторнасць беларускай прыроды з яе лясамі і крыніцамі. Іншымі словамі, як слушна заўважыў аўтар: "Тэматыка беларускай паэзіі часу Айчыннай вайны – гэта даволі поўны летапіс нашага жыцця і змагання, нашых імкненняў і надзей" [3, с. 103]. Тэзіс "Любоў да радзімы, выказаная ў нашай паэзіі, не абстрактная" [3, с. 103] удала пацвярджаўся аналізам верша А. Куляшова "Над брацкай магілай". Пятро Глебка падкрэсліў, што Аркадзь Куляшоў перадаў праз вобразы байцоў, якія хаваюць сваіх таварышаў па зброі, агульны настрой людзей, што абараняюць жыццё, родны кут, Радзіму. Па словах П. Глебкі, правамерна вялікае месца ў паэзіі займала тэма дружбы народаў, бо гэта ішло ад са-

маго жыцця. Таленавітым увасабленнем тэмы партызанскай барацьбы Глебка называў паэму М. Танка "Янук Сяліба". Хоць аўтары пісалі і пра трагічныя моманты, і пра драматычныя падзеі на вайне, але іх паэзія імкнулася даць надзею суайчыннікам на лепшае і пры гэтым беларускае пісьменства ваеннага часу, канстатуе Глебка, "стаіць на грунце філасофіі глыбокага аптымізму, веры ў жыццё, у бессмяроцце народа" [3, с. 110]. Невялікі артыкул паэта-крытыка "Пімен Панчанка – "Далёкія станцыі" – водгук на выхад у свет зборніка вершаў паэта-франтавіка (1946). Адметнасць гэтай публікацыі заключаецца ў імкненні аўтара да аналітызму. П. Глебка адзначыў мастакоўскую эрудыцыю Панчанкі, што на старонках зборніка згадваў імёны славутых усходніх паэтаў Хаяма і Саадзі, Пушкіна. Крытык спасылаўся і на рэмінісцэнцыю са славутага "Барыса Гадунова" А. Пушкіна ў радках "Не, гэта не апошняя аповесць, і летапіс яшчэ не скончан мой". Глебка звярнуў увагу на ўменне Панчанкі творча засвойваць мастацкі вопыт іншых аўтараў, напрыклад, Уладзіміра Маякоўскага, але пры гэтым заставацца ў літаратуры самім сабой. Кампліментарныя на першы погляд словы пра пісьменніцкае майстэрства Панчанкі насамрэч падмацоўваліся дарэчнымі прыкладамі аналізу літаратурных твораў, а яны давалі падставы сцвярджаць, што "паэтычны свет Панчанкі шырокі і шматколерны. Ён шматгранны не толькі тэматыкай, але і пачуццямі. Панчанка-лірык, але побач з гэтым яго радкі асветлены часта ўсмешкай, а часта насычаны едкай сатырай" [3, с. 112]. Пісьменніцкая індывідуальнасць выяўлялася і ў майстэрстве "выказваць вялікія чалавечыя пачуцці проста і стрымана" [3, с. 111].

Часта да тэмы "вайна і літаратура" звяртаўся Міхась Лынькоў, які на той момант узначальваў пісьменніцкую арганізацыю Беларусі. У артыкуле "Мы пераможам" (1943) старшыня Саюза пісьменнікаў савецкай Беларусі пастараўся падкрэсліць вызначальныя рысы айчыннай літаратуры перыяду вайны: "Што ўяўляе сабой сучасная беларуская літаратура? Гэта літаратура нянавісці і гневу. Гэта літаратура, якая апявае святую помсту і заклікае да помсты, нязгаснай, як сонца, моцнай, як жыццё" [4, с. 184]. Як празаіку М.Лынькову бліжэй было развіццё прозы і драматургіі. Ён адзначаў: "За дні Айчыннай вайны некалькі папрацавалі і нашы празаікі, і драматургі. Новыя апавяданні і аповесці напісаны Якубам Коласам, Кузьмой Чорным, Стаховічам, Гурскім, Шынклерам, Садоўскім. Кузьма Чорны працуе таксама над новым раманам аб Айчыннай вайне на Беларусі. Новыя п'есы напісаны нашымі драматургамі Кандратам Крапівой, Вольскім, Маўзонам, Галаўчынерам. Лібрэта новых беларускіх опер напісаны Петрусём Броўкам і Вольскім" [4, с. 194]. Пісьменнік артыкуляваў думку, што вайна не прымусіла замаўчаць творчую інтэлігенцыю. У артыкуле на рускай мове "Беларуская літаратура ў дні Айчыннай вайны" (1943) паўтараліся ідэі папярэдняга артыкула, коратка характарызаваліся паэзія, проза, драматургія, пералічваліся напісаныя ў гэты час творы. М. Лынькоў прыхільна адзываўся аб паэме Якуба Коласа "Суд у лесе". Аўтар артыкула даводзіў, што грамадства зрабіла свой выбар у няпростых умовах вайны, што гітлераўцам не ўдалося паставіць сабе на службу інтэлігенцыю. На рускай мове таксама была напісана "Анатацыя на паэму Аркадзя Куляшова "Сцяг брыгады" (1943). Вартасцямі твора М. Лынькоў лічыў грамадзянскасць, псіхалагізм, праўдзівасць паэмы. Для Лынькова "Сцяг брыгады" – гэта "цудоўны помнік нашых дзён, які ніколі не страціць ні сваёй актуальнасці, ні сваёй паэтычнай прывабнасці" [4, с. 282].

Вынікам асэнсавання шляхоў беларускай літаратуры ваеннага перыяду стала рускамоўнае "Выступленне на пленуме праўлення ССП СССР" (1944). Да "вартых помнікаў непаўторных дзён Вялікай Айчыннай вайны" [4, с. 285] ён аднёс "Беларускім партызанам" Я. Купалы, зборнік "Да родных берагоў" П.Броўкі, "Да зброі" М. Танка, "Адпомсцім!" П.Панчанкі. Творчасць перыяду барацьбы з фашызмам адметная, бо ў пісьменнікаў галоўная "задача адна: сваім мастацкім словам уславіць наш народ, яго бессмяротнасць, яго гераізм у дні Вялікай Айчыннай вайны, паказаць ва ўсёй велічы лепшых яго сыноў – доблесных воінаў Чырвонай Арміі, слаўных партызан, гераічных кіраўнікоў і правадыроў народа "на стагоддзі знеславілі ганьбай гітлераўскіх псоў, вырадкаў фашысцкай Германіі" [4, с. 290]. Нягледзячы на прызнанне дамінантнай выхаваўчай ролі літаратуры, М. Лынькоў заклікаў пісьменнікаў пісаць творы, вартыя эпохі. На рускай мове быў напісаны і артыкул "Беларуская літаратура" (1944), у якім параўноўваліся мінулае і сучаснае айчыннага пісьменства і заўважалася: "Зараз беларуская літаратура жыве гераічнай барацьбой свайго народа з крыважэрнымі фашысцкімі полчышчамі, якія часова паланілі Беларусь" [4, с. 293]. Аналітычны план дамінантны ў працы першага пас-

ляваеннага года “Задачы беларускай літаратуры ў перыяд аднаўлення”, якая пачыналася з канкрэтных пытання і адказу: “Што характэрна для нашай паэзіі ваеннага часу? Гэта ў першую чаргу – высокія грамадзянскія пачуцці, сапраўдны патрыятызм, адданае служэнне сваёй радзіме і народу” [4, с. 357–358]. Агульная ацэнка напісанага пра вайну ў ваенны час была высокай: “Я скажу толькі адно, што мы можам ганарыцца нашай паэзіяй – паэзіяй вялікіх філасофскіх абагульненняў” [4, с. 359]; “Усе творы, напісаныя беларускімі паэтамі за гады вайны, гучаць сапраўдным народным аптымізмам, у аснове якога ляжыць непахісная вера ў справядлівасць нашай справы, у нашы сілы, у перамогу” [4, с. 358]. Лынькоў дастаткова аб’ектыўна вылучаў як лепшае з напісанага празаікамі “апавяданні Кузьмы Чорнага і яго дзве аповесці, праўда, поўнасцю аўтарам не закончаныя і не адрэдагаваныя” [4, с. 361]. Ён не адмаўляў наяўнасці слабых твораў. Так, пра аповесць “Лясы шумяць” А. Стаховіча заўважыў: “Аўтару ўдалося стварыць некаторыя вобразы, якія запамінаюцца. Але асноўныя персанажы аповесці, якія павінны адыгрываць кіруючую ролю, атрымаліся бледнымі, непрыкметнымі: яны не выходзяць за рамкі надуманай схемы, пазбаўленыя той унутранай моцы, духоўнага хараства, інтэлекту, якія ў спалучэнні з яркімі індывідуальнымі асаблівасцямі і даюць вобразы сапраўдных кіраўнікоў, арганізатараў, палкаводцаў партызанскга руху. Не раскрыты як след і вобразы ворагаў. Перамогі над імі даюцца ўжо надзвычай лёгка, без асаблівых цяжкасцей, без намаганняў” [4, с. 362].

Меркаванні пісьменнікаў пра створанае ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны дапамагаюць удакладніць псіхалагічную атмасферу таго часу, прасачыць змену аўтарскіх канцэптуальных установак творцаў: ад акцэнтавання выхаваўча-мабілізацыйнай сілы літаратуры, веры ў перамогу да сцвярджэння імператыву праўдзівасці адлюстравання.

Літаратура

1. Мушынскі, М.І. Беларуская крытыка і літаратуразнаўства. 40-я–першая палавіна 60-х гадоў / М.І. Мушынскі. – Мінск: Навука і тэхніка. – 1985. – 343 с.
2. Чорны, К. Збор твораў: у 8 т. Т. 8 / Кузьма Чорны. – Мінск: Маст. літ., 1975. – 616 с.
3. Глебка, П. Збор твораў: у 4 т. Т. 4 / Пятро Глебка. – Мінск: Маст. літ., 1986. – 351 с.
4. Лынькоў, М. Збор твораў: у 8 т. Т. 6 / Міхась Лынькоў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1984. – 733 с.

Саматой І.В.

ТЭМА ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ Ў ТВОРЧАСЦІ АНАТОЛЯ ВЯЛЮГІНА

Тэма Вялікай Айчыннай вайны – адна з асноўных ў творчасці беларускіх пісьменнікаў-франтавікоў другой паловы XX стагоддзя, такіх, як А. Куляшоў, М. Лужанін, А. Пысін, А. Бачыла, М. Танк, К. Кірэенка, М. Аўрамчык, А. Русецкі, П. Прыходзька, П. Прануза. Пераважная частка спадчыны паэтаў першых гадоў вайны – творы выразнай грамадзянскай скіраванасці, адкрытае выказванне пачуццяў гневу, абурэння, пагарды да акупантаў. Сярод тых, каму пашчасціла пазбегнуць гібелі, хто з першых дзён Вялікай Айчыннай вайны ўключыўся ў барацьбу з ворагам, – удзельнік Сталінградскай бітвы, ураджэнец вёскі Машканы Сенненскага раёна Віцебскай вобласці, паэт, перакладчык, літаратуразнаўца, кінасцэнарыст Анатоль Вялюгін. Водсвет драматычных падзей, трагедыя і духоўная веліч народа-змагара кладзецца на старонкі яго паэтычных кніг “Салют у Мінску” (1948), “Негарэльская арка” (1949), “На зары займае” (1958), “Насцеж” (1960), “Адрас любві”(1964), “Верасовы ўзятак” (1974), “Песня зялёнага дуба” (1989), “З зялёнага камення – сіняе пламенне” (1993), “Заклён на скрутны вір” (1995).

Вершы паэта – лірычна-публіцыстычная споведзь сведкі і ўдзельніка падзей пра ўласна перажытае, убачанае – не страцілі сваю першасную мастацкую вартасць і ў сённяшні дзень.

Вайна застала Анатоля Вялюгіна ў Мінску, дзе ён працаваў у рэдакцыі газет “Звязда”, “Чырвоная змена”, адначасова вучыўся на літаратурным факультэце Мінскага педагагічнага ўніверсітэта. “Мяне вайна застала ў Мінску. Пад бомбавымі ўдарамі дрыжалі зямля і муры. У высокім доме над паркамі і скверамі мітусіліся птушкі. Хісталася трывожная ноч у пажарах. Сасмягла пакутная дарога, цягнучыся на Чэрвень, Беразіно і далей – па лясах, па густым, у зялёным дымку красавання жыце. Пешкам дабраўся да раз’езда Лычкоўскага – ёсць такі на перагоне Багушэўск – Віцебск. Там працаваў бацька; родныя верылі, што прыйду, чакалі, каб разам падацца на ўсход. Пад калёсамі зарыпеў горкі шлях выгнання. Над ім ад зары да зары віселі “гарбатыя” фокеры. Лёзна, Рудня, лясы Духаўшчыны, Дарагабуж…

Ехалі, ішлі бежанцы. На запыленыя бальшакі, на матак і дзяцей, на машыны і на калгасныя статкі з-за хмар нырцавалі самалёты. У эшалон змаглі залезці аж у Вязьме. Я зразумеў, што вершы, калі ёсць патрэба, нараджаюцца, як і жыццё, усюды, нават на пуцявінах смерці”[2, с. 125].

Трагічны лёс народа на дарогах выгнання рэалістычна-дакладна, праз лагічна выверанныя мастацкія дэталі перадаў паэт у вершы “Я знаём з тваім воблікам”:

Я знаём з тваім воблікам.
Бежанцы едуць… Зірні! Там
Папялістыя воблакі
Ці дымкі ад зенітак?
……..
Хмарай пыл –
За салдатамі,
Нема плачуць салдаткі.
Пад зялёнымі шатамі
Лазарэта палаткі.
Хмара пылу ці прысаку?..
Дымам пахнуць зярняты…
На сцягах нашых высака
Прыгавор табе ўзняты,
Вайна [1, с. 33].

На пачатку вайны напісаны аўтабіяграфічны верш “Бежанцы”, які працягнуў мастацка-дакументальную хроніку трагічных падзей вайны. Эмацыйная ўзрушанасць, дынамізм і асацыятыўная вобразнасць дазволілі стварыць аўтару маштабныя замалёўкі батальных эпізодаў:

Рудня, лясы Духаўшчыны,
пад бомбамі
Дарагабуж…
Са скарбам брыдуць жанчыны –
Тысячы бежанскіх душ.
Попел руін на айчыне,
І травы ляглі на парог…
Смерць сінягубая стыне
Ў пыльнай пятлі дарог [1, с. 35].

Паэт чуйна адгукнуўся на перажыванні асірацелых дзяцей вайны ў вершах “Хлопчык з Ленінграда”, “Балада аб уральскім танку”. Перад намі карціны страчанага дзяцінства беларускага хлопчыка, які ў эвакуацыі працаваў на заводзе. З надзеяй, што знойдзе родную вёску, напісаў над байніцай танка такія словы:

Вярні маю родную
Вёску Суніцы! [1, с. 58]

Танк трапляе на фронт, дзе пачынаецца яго баявая біяграфія. Шмат давялося яму паваяваць, перш чым спыніцца на вуліцы вызваленай вёскі:

Спацелы танкіст
Паказаўся над люкам.
Жалобная вёска.
Без вокан. Без гукаў.
І хрысціцца бабка
На зоркі, байніцы...
– Як вёска завецца?
– Сыночак, Суніцы… [1, с. 58]

Трагедыя маленства, асуджэнне вайны, як найвялікшага злачынства ў свеце, адлюстраваны ў кароткім лаканічным вершы “Лемантар вайны”:

Мама мыла раму –
там, на ўроку рана.
Вісне ў небе “рама”,
Што забіла маму [1, с. 34].

З верасня 1941 года А. Вялюгін быў вымушаны эвакуіравацца і працягваць вучобу ў Свярдлоўскім педінстытуце, а пасля стаў курсантам авіяцыйнай школы, удзельнічаў у баях на Сталінградскім фронце. У 1942 годзе быў цяжка паранены і лячыўся ў шпіталі на Урале. Першаснае ўражанне, непасрэдны вопыт удзельніка падзей, асабістая прыналежнасць да "поля бітвы", дзе вырашалася пытанне – быць ці не быць, сталі нагодай для стварэння такіх вершаў, як "Прывал", "Няўзяты форт", "Жыцця майго і смерці пераправы", "Уральская восень", "Танкаград", "Віры нябёс". У А. Вялюгіна, параненага ў час бітвы пад Сталінградам, з'явіліся радкі, дзе гаварылася аб заціснутай у жмені акрываўленай прыволжскай зямлі, з якой неўзабаве прарасла чырвоная шыпшына:

Жыцця майго і смерці пераправы,
і Сталінград дагэтуль сняцца мне…
Зваліўся я, падкошаны жалезам,
абняў рукамі родную зямлю.
Яна прапахла дымам і палыннай
слязою нашых матак і дзяцей.
Калі я моцна сціснуў яе ў жменьцы –
сраз пальцы пырснула густая кроў!.. [1, с. 47]

Абарваныя вайной жыцці салдат асацыіруюцца то з васільком ("На брацкіх магілах цвіце васілёк // вясёлае вока салдата." [1, с. 43]), то з палыном ("Сумна пахне палын // на зарослых гарбатых руінах." [1, с. 64]), то з рамонкам ("Жыццё, адвага і пакута // на скрыжаванні лютых трас. // Рамонак белы парашута… // І ён, пасечаны, пагас". [1, с. 45]).

Аддаючыся патрыятычным і нацыянальным пачуццям, паэт узнаўляе ў свядомасці гістарычныя постаці ("Плач Яраслаўны"), вобразы беларускай сасны ("Сосны"), перапёлачкі ў жыце ("Перапёлачка"). Драматычным паўстае вобраз сланечніка з верша "Сланечнік з перабітай галавой", які вырастае ў паэтычны сімвал жыццястойкасці і няскоранасці роднай Беларусі:

Жоўты стэп…
Мартэны…
Краю любы,
Ты гарыш у памяці жывой,
Як сланечнік па-над стромай згубы
З сонечнай прабітай галавой [1, с. 35].

Трэба зазначыць, што ўслаўленне гераізму на фронце і ў тыле ворага не перашкаджала паэту цвяроза бачыць сутнасць трагедыі, усю глыбіню духоўных і маральных стратаў, кошт вялікага разбурэння, зруйнаваных гарадоў і паселішчаў, мільёнаў чалавечых ахвяраў. Гэту думку пацвярджаюць вершы "Ураджай перамогі", "Магілы не маўчаць", "Сумна пахне палын", "Пакутніца". У іх заўважаюцца канкрэтнасць, строгасць і, разам з тым, шчырае апяванне роднай зямлі, пранікнёная споведзь паэта-франтавіка.

Працуючы ў кінематографе, Анатоль Вялюгін не аднойчы звяртаўся да падзей Вялікай Айчыннай вайны ў сцэнарыях мастацкіх і дакументальных фільмаў "Рэха ў пушчы", "Генерал Пушча", Балада мужнасці і любові", "Агонь", "Я – крэпасць, вяду бой", "Балада пра маці". Вайна незваротна ўвайшла ў жыццё пісьменніка, істотна паўплывала на яго светапогляд, вызначыла асноўныя кірункі творчасці.

Літаратура

1. Вялюгін, А. Выбраныя творы ў двух тамах. / А. Вялюгін. – Мінск: Маст. літ., 1984. – Т. 1. – 413 с.
2. Пяцьдзесят чатыры дарогі. – Мінск: Маст. літ., 1964. – С. 114.

Гребень Е.А., Дулов А.Н.

КУРС «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА СОВЕТСКОГО НАРОДА» В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ

События Второй мировой и Великой Отечественной войн все более отдаляются от нас во времени. Однако не теряет своего всемирно-исторического значения Великая Победа, знаменовавшая собой торжество традиционных гуманистических ценностей над человеконенавистнической и мракобесной идеологией нацизма.

Тем не менее, для молодого поколения на постсоветском пространстве события Великой Отечественной войны постепенно становятся чем-то далеким, Победа не воспринимается во всей ее общечеловеческой значимости. В интернет-блогах то и дело проскальзывает мысль, что в случае уничтожения СССР гитлеровской Германией наш уровень жизни сегодня был бы куда выше. Поражает отсутствие элементарных исторических знаний: общеизвестна история о девушках из России, которые на телешоу сказали, что Холокост – это клей для обоев. В 2012 году в Беларуси одно из предприятий разместило бигборды с рекламой: крестьянин, везущий молоко на телеге и надпись «Натурально, как и 70 лет назад» [7]. При этом создатели рекламы не задумались, что, исходя из их представлений, качество продукции было заложено в 1942 г. во время оккупации! В статье о курсах иностранного языка в Доме офицеров (Минск) также сослались на 70-летнюю традицию (значит, от 1943 г.!) [5]. Эти примеры могут показаться курьезными, однако, на наш взгляд, от незнания своего прошлого до циничного отношения к нему – один шаг.

Что касается студентов, интересующихся военной историей (в основном юноши), то на их знания и мировоззрение зачастую оказывают влияние ревизионистские издания, интернет-ресурсы, научно-популярные фильмы и передачи западного производства, имеющие своеобразную идеологическую окраску. Поэтому СССР может позиционироваться отдельными молодыми людьми как агрессор, партизаны – как грабители и насильники, может отрицаться проводимая нацистами политика геноцида, Холокост, а заслуги войск союзников СССР по антигитлеровской коалиции ставиться выше, нежели героические действия Красной Армии.

В такой ситуации особое значение приобретает необходимость сохранения и передачи молодежи памяти о героизме предков. В Республике Беларусь эта задача решается на государственном уровне. Еще в 2004–2005 учебном году в соответствии с приказом Министерства образования Республики Беларусь от 27.05.2004 № 708 «О преподавании в учреждениях образования курса «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» данный курс был введен в связи с 60-летием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и Победы советского народа в Великой Отечественной войне во всех учреждениях образования страны.

В вузах в указанном учебном году дисциплина преподавалась на всех курсах всех специальностей дневной и заочной форм обучения. На первом курсе вплоть до 2008–2009 учебного года дисциплина изучалась студентами в качестве спецкурса в объеме 34 учебных часов (в ВГУ имени П.М. Машерова читался как курс Совета вуза). Форма контроля – зачет.

Коллективом, в который вошли ведущие белорусские специалисты по истории Великой Отечественной войны (профессор А.А. Коваленя, профессор В.И. Лемешонок, доценты К.И. Козак, С.Е. Новиков, Б.Д, Долготович, М.Г. Жилинский), а также известный историк-методист С.В. Панов была разработана учебная программа спецкурса для высших учебных заведений [3]. Основными задачами спецкурса были определены: «фарміраванне грамадзянскіх і патрыятычных якасцяў асобы; выхаванне ў студэнцкай моладзі пачуцця адказнасці за будучыню сваёй дзяржавы і сусветнага супольніцтва; засваенне вучэбнай інфармацыі аб гераічных і трагічных старонках Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў, аб жыцці насельніцтва на акупіраваных тэрыторыях і савецкім тыле, аб укладзе народа Беларусі ў разгром нямецка-фашысцкіх захопнікаў, аб уплыве ваенных падзей на лёсы народаў Савецкага Саюза і Еўропы» [3, с. 3].

Составителям программы, на наш взгляд, удалось отыскать оптимальное соотношение между материалом по Великой Отечественной и Второй мировой войнам, отразив особенности истории Беларуси военного времени, вклад белорусского народа в Победу. Нашли в программе отражение и вопросы увековечения памяти о событиях и героях Великой Отечественной войны в Республике Беларусь.

В соответствии с программой было подготовлено учебное пособие под редакцией докторов исторических наук, профессоров А.А. Ковалени и Н.С. Сташкевича, изданное на двух государственных языках [1, 2], которое получило высокую оценку отечественных и зарубежных специалистов.

Преподаватели, исходя из задач дисциплины, стремились не только дать студентам знания о важном периоде нашей истории, но и воздействовать на эмоциональную сферу, показать трагизм событий, героизм советских воинов, вызвать чувство сопереживания жертвам войны. С

этой целью практиковалась демонстрация документальных фильмов («Обыкновенный фашизм» М. Ромма, «Неизвестная война» Р. Кармена (отдельные серии) и др.) с последующим написанием отзывов, посещение памятных мест и музеев (в частности, уникальной для Беларуси экспозиции «Памяти патриотов Витебщины» Витебского областного краеведческого музея (бывших застенков СД). Организовывались встречи с ветеранами и узниками концлагерей. Зачет проводился, как правило, в форме подготовки творческой работы «Великая Отечественная война в судьбе моей семьи». Воспитательное значение подобных мероприятий сложно переоценить.

Однако, в 2008–2009 учебном году, после введения в действие образовательных стандартов нового поколения, курс «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» был включен в дисциплину «История Беларуси». Типовой программой на изучение раздела «Геапалітычнае становішча Беларусі ў сярэдзіне XX ст.» (как ни парадоксально, научно-теоретическое содержание данного раздела охватывало период с 1918 до первой половины 1980-х гг.) предусматривалось 8 часов лекций и 4 часа семинарских занятий. При альтернативном – модульном – подходе тема вошла в модуль «Месца і роля беларускіх зямель у геапалітычных працэсах ва Усходняй Еўропе», хронологически охватывавший период от IX в. до современности [4, с. 20–21, 32–33, 11]. Фактически, уникальная дисциплина, успевшая стать своеобразным брендом белорусского высшего образования и занявшая важное место в системе патриотического и идеологического воспитания, была ликвидирована.

Министерство образования довольно оперативно отреагировало на ситуацию, недопустимую в преддверии празднования 65-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вузам было предписано организовать изучение обязательного спецкурса «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» на первом–третьем курсах. На первых курсах на изучение дисциплины отводилось 34 аудиторных часа, а на вторых – третьих, где тема уже была изучена в рамках истории Беларуси, – 24 часа. Изучение завершалось обязательной текущей аттестацией в форме зачета. С 2010–2011 учебного года спецкурс был закреплен в качестве обязательного, как оказалось, ненадолго. Уже в 2012–2013 учебном году, в связи с реализацией Концепции оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования, специальный курс по истории Великой Отечественной войны был отнесен к разряду специализированных модулей по выбору студента, которые служат дополнением к так называемому интегрированному модулю «История» (объем обязательного для изучения интегрированного модуля – 34 аудиторных часа, в том числе на темы по Второй мировой и Великой Отечественной войнам – 2 часа лекций и 4 часа семинаров).

Реформаторы социально-гуманитарного цикла руководствовались тем, что данные дисциплины изучаются на уровне среднего образования. Однако на сегодняшний день существуют серьезные проблемы в преподавании истории в школе. Во-первых, если ранее история Беларуси и всемирная история изучалась по концентрам, ученики до 9 класса проходили весь курс, а в старших классах происходило повторение и обобщение материала на новом теоретическом уровне, то в 2008 г. от этой системы отказались. В условиях обязательного базового образования это породило нонсенс: ученик, закончивший 9 классов, знакомится с историей лишь до 1917 г. Во-вторых, если ранее история Беларуси изучалась параллельно со всемирной, что позволяло проводить межпредметные связи и формировать у учеников представление о родной истории как органичной части всемирно-исторического процесса, то сейчас история стала единым предметом (?) при сохранении отдельного изучения всемирной истории и истории Беларуси с выставлением отдельных текущих и итоговых оценок. В то же время, в нарушение принципов дидактики, первые две четверти плюс несколько уроков третьей ученики изучают всемирную историю. Оставшееся время – историю Беларуси. В результате возникли трудности с проведением не только межпредметных, но даже внутрипредметных связей, а соответственно, и с формированием исторического мышления, самосознания и элементарных знаний. Преподаванию же спецкурса «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» (объемом 18 часов) в школе часто не придается должного внимания.

На наш взгляд, сокращение аудиторных часов на преподавание истории Отечества в учреждениях высшего образования вкупе с отнесением в разряд необязательных идеологически значимого спецкурса «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй

мировой войны)» являются несомненными ошибками разработчиков концепции. Следует согласиться с белорусскими философами Ч. Кирвелем и С. Семерник, которые отметили: «… стремление «сэкономить» на системе образования и в особенности демонтировать ее социогуманитарную составляющую, ответственную за формирование сознания и развитие способности к рациональному мышлению как таковому, является политическим, экономическим и социальным самоубийством для национального государства. Общечеловек-космополит, для которого дом там, где сытнее кормят, вырастет и сам, как сорная трава, удобряемая ливнями внешней информации (дезинформации), тогда как вырастить культурного, образованного, мыслящего в интересах собственного государства человека – дело многозатратное и хлопотное. Уничтожение социально-гуманитарной составляющей высшего образования, каковым по существу является реализуемая ныне реформа, – не что иное, как хороший подарок для деструктивных сил, направленных против нашего государства, действующих в стране и за ее пределами» [6, с. 74–75].

На уровне отдельных учреждений высшего образования были предприняты попытки исправления сложившегося положения. В этой связи стоит отметить решение Совета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова от 25 апреля 2013 г., согласно которому курс «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» был введен с 2013–2014 года в качестве обязательного факультатива для студентов всех специальностей дневной и заочной форм обучения (объем на дневной форме – 34 аудиторных часа, форма контроля – зачет).

В связи с подготовкой празднования 70-летнего юбилея освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне Министерство образования в письме от 13.09.2013 г. № 09-20/267/дп/1 предложило «включить в учебные планы учреждений высшего образования обязательную факультативную дисциплину «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Учреждения высшего образования получили право самостоятельно определять объем часов факультативной дисциплины. В итоге, в Белорусском государственном аграрном техническом университете, например, факультатив преподается для студентов дневной формы обучения в объеме 10 аудиторных часов на группу. Для студентов заочной формы обучения на будущий учебный год предусмотрено всего 2 (два) аудиторных часа. В Минском государственном лингвистическом университете «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» на дневной форме обучения преподается в объеме 6 часов на поток.

Как свидетельствуют приведенные данные, в учреждениях высшего образования поразному подошли к определению объема аудиторных часов, а формулировка «факультативная дисциплина» привела к исчезновению формы контроля, поэтому систематизация и закрепление полученных студентами знаний весьма проблематичны.

Таким образом, дисциплина «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» стала уникальным элементом системы высшего образования Беларуси, не имеющим аналогов на постсоветском пространстве, выполняющим не только образовательную, но и воспитательную функцию, а также функцию передачи социальной памяти.

Однако, судьба курса оказалась непростой. На сегодняшний день дисциплина «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» присутствует в учебном процессе учреждений высшего образования, однако занимает в их учебных планах неравноценное место. Исходя из значимости дисциплины в патриотическом воспитании молодежи, по нашему мнению, необходимо придать дисциплине «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» статус обязательного спецкурса объемом 34 аудиторных часа при наличии текущего контроля знаний в форме зачета.

В целях обеспечения качественного преподавания дисциплины следует актуализировать типовую программу 2004 года, а также переиздать для учреждений высшего образования обновленное с учетом новейших исследований отечественных и зарубежных историков учебное пособие с грифом Министерства образования.

Литература

1. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учеб. пособие / А.А. Коваленя [и др.]; под ред:. А.А. Ковалени, Н.С. Сташкевича; пер. с бел. яз. А.В. Скорохода. – Минск: БГУ, 2004. – 279 с.
2. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны): вучэб. дапам. / А.А. Каваленя [і інш.]; пад рэд.: А.А. Кавалені, М.С. Сташкевіча. – Мінск: БДУ, 2004. – 280 с.

3. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны): вучэб. праграма спецкурса для вышэйшых навучальных устаноў / склад.: А.А. Каваленя, С.Я. Новікаў, К.І. Козак і інш.; зацверджана Міністэрствам адукацыі Рэспублікі Беларусь 30 ліпеня 2004 г. Рэгістрацыйны № ТД-СГ.001/тып. – Мінск: РІВШ, 2004. – 15 с.
4. Гісторыя Беларусі: тыпавая вучэб. праграма для вышэйшых навучальных устаноў / склад.: М.С. Сташкевіч [і інш.]; пад рэд. М.С. Сташкевіча; зацверджана Міністэрствам адукацыі Рэспублікі Беларусь 15 красавіка 2008 г. Рэгістрацыйны № ТД-СГ.009/тып. – Мінск: РІВШ, 2008. – 52 с.
5. Добро пожаловать… на курсы // Во славу Родины. Белорусская военная газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsr.mil.by/2013/06/29/dobro-pozhalovat-na-kursy//. – Дата доступа: 26.02.2014.
6. Кирвель Ч. Модернизация образования: скупой платит дважды / Ч. Кирвель, С. Семерник // Беларус. думка. – 2012. – № 9. – С. 69–75.
7. Чуденцов, В. Продукция «Молочного мира» натуральна… как в годы немецкой оккупации? / В. Чуденцов // TUT.BY [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://news.tut.by/society/315356.html. – Дата доступа: 26.02.2014.

Шорец Л.Ф.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА НА СТРАНИЦАХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В общественном сознании постоянно идет поиск событий, явлений, имен в истории, которые воспринимаются как доказательства состоятельности и уверенности в успехе в будущем, демонстрируют способность народа найти выход из сложных ситуаций. Среди всех прочих событий по сложности решаемых проблем выделяется история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

События, связанные с историей Великой Отечественной войны, воспринимаются поразному теми, кто прошел её на фронте или в тылу, кто пережил военное детство. У послевоенных поколений сложилось представление о войне из рассказов тех, кто добыл Победу. Есть молодое поколение, у которого еще необходимо сформировать образ Великой Отечественной войны. Важная роль в решении этой задачи возлагается на школьные учебники истории. Недаром известный французский историк и писатель М. Ферро писал: «Не нужно себя обманывать: образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории… История в том виде, как её рассказывают детям, да и взрослым, позволяет одновременно узнать и то, что общество думает о себе, и то, как изменяется его положение с течением времени» [1, с. 8, 9].

Школьные учебники истории после распада СССР претерпели концептуальные трансформации в целом, в том числе и в освещении событий Великой Отечественной войны. Например, школьные учебники Грузии, Латвии, Литвы, Молдовы, Украины и Эстонии связывают происхождение Второй мировой войны с «пактом Молотова-Риббентропа» и называют Советский Союз агрессором. Термин «Великая Отечественная война» в эстонских школьных учебниках не употребляется, а используется термин «Вторая мировая война», в которой Эстония оказалась в числе стран проигравших войну. Сотрудничество с немецкими оккупантами учебники стремятся представить не как добровольное, а скорее как вынужденное явление. Роль СССР и Красной Армии в разгроме нацистской Германии, ее союзников если не отрицается то, как правило, принижается путем соответствующей подачи материала. При описании событий 1941–1945 гг. грузинские школьные учебники используют термин «Великая Отечественная война», но одновременно утверждают, что не для всех грузин она была отечественной. В качестве «нейтрального» широко используется термин «советско-германская война». Этот термин также используют и авторы украинского учебника «Новітня історія України (1939–2001)» С.В. Кульчицкий и Ю.И. Шаповал.

Изучение Великой Отечественной войны как составной части Второй мировой войны в учреждениях образования Российской Федерации начинается в 9 классе в курсах истории России и всеобщей истории. Министерством образования и науки Российской Федерации определен перечень учебников, рекомендованных для использования в учебном процессе. В их числе учебники для 9-го класса «История России. XX – начала XXI века» Д.Д. Данилова, А.В. Кузнецова, С.С. Кузнецовой, В.А. Рогожкина, Н.С. Павлова, Д.В. Лисейцева и В.А. Клокова и всеобщей истории аналогичного периода, в написании которого приняли участие перечисленные выше авторы, за исключением Д.В. Лисейцева и В.А. Клокова.

В учебнике по всеобщей истории событиям Второй мировой войны посвящена глава 3 «Пожар Второй мировой войны (1939–1945 гг.)», в которой определены факты и понятия, необходимые для запоминания и использования. В числе их 22 июня 1941 г. – Нападение Германии на СССР. Начало Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (в содержании главы 3 этот термин больше не упоминается). § 7 учебника – «Успехи захватчиков» содержит информацию о начале Второй мировой войны, захвате фашистами Польши, Франции, других стран Западной Европы, нападении Германии и ее союзников на СССР 22 июня 1941 г., событиях на советско-германском, африканском и тихоокеанском театрах военных действий в 1941–1942 гг. При этом среди событий 1939–1940 гг. авторы учебника упоминают о событиях 17 сентября 1939 г. и советско-финской войне. В контексте названия параграфа СССР во Второй мировой войне выступает как захватчик. § 8–9 «Победа над фашизмом» раскрывает сущность «нового порядка», установленного фашистами на оккупированной территории, характерные черты и особенности движения Сопротивления, подчеркивается, что против движения Сопротивления выступали те, кто сотрудничал с гитлеровскими властями. В Литве, Латвии, Эстонии, Западной Украине из местных националистов, противников коммунизма, были сформированы особые отряды СС. В учебнике подчеркивается, что Сталинградская битва, сражение под Эль-Аламейном и у атолла Мидуэй определили начало коренного перелома на всех главных театрах Второй мировой войны – в Европе, в Северной Африке и на Тихом океане, а собственно коренной перелом завершился в 1943 г. после победы Красной Армии под Курском и форсирования Днепра, освобождения юга России и большей части Украины на фоне положительных изменений на иных театрах военных действий. Завершают параграф события посвященные разгрому антигитлеровской коалицией фашистской Германии и милитаристской Японии в 1944–1945 гг. [2, с. 205–256].

В учебнике «История России. XX – начала XXI века» Великая Отечественная война рассматривается в контексте Второй мировой войны в главе 3 «Огонь великой войны (СССР в 1939–1945 гг.)». В начале главы излагаются события, связанные с началом Второй мировой войны, мероприятия СССР в 1939–1941 гг. по укреплению обороноспособности. Неудачи Красной Армии в начальный период трактуются в основном через военно-политическую логику: внезапный удар, неготовность вести оборонительную войну, потеря управления войсками в первые часы и дни войны, высокий профессионализм немецкой армии и т.д. Красная Армия героически воевала, но проиграла приграничные сражения. Показаны сражения первых недель войны на территории Беларуси, Прибалтики, Украины, Смоленска, Ленинграда. Особенно внимание уделено обороне Москвы. Изложение материала завершается выводом: Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) началась с поражений Красной Армии. Ценой огромных потерь к зиме 1941 года немецко-фашистские войска удалось остановить у Ленинграда, в районе Донбасса, отбросить от Москвы. Авторы учебника характеризуют политику фашистской Германии на оккупированной территории СССР как политику геноцида, называют причины и формы сотрудничества населения с фашистами (стремление отомстить Советской власти, потребность в выживании, воздействие немецкой пропаганды), приводят данные о партизанском движении в Беларуси, России и Украине, героизме тружеников тыла, раскрывают роль Красной Армии в освобождении европейских народов, подчеркивается решающий вклад СССР в разгром фашизма. По-мнению авторов, 17 июля – 2 августа 1945 г. – Потсдамская конференция, которая подвела итоги Великой Отечественной и Второй мировой войн [3, с. 102–120].

Анализ учебников российских школ для 11 класса по истории России и всеобщей истории ответственность за развязывание Второй мировой и Великой Отечественной войн возлагают на фашистскую Германию, пакт Молотова – Риббентропа рассматривается как вынужденная мера со стороны СССР в условиях политики умиротворения по отношению к нацистам со стороны Англии и Франции, неудачи советских войск в начальный период войны трактуются в основном через военно-политическую логику, подчеркивается значение побед Красной Армии под Москвой, Сталинградом и Курском, решающая роль советско-германского фронта во Второй мировой войне. В учебниках раскрывается героизм тружеников тыла, подчеркивается роль партизанского движения в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, а его возникновения объясняют немецкой оккупационной политикой, террором СС. Не обойдена вниманием в учебниках такая проблема как коллаборационизм. Приводятся официальные немецкие данные о 400 тыс. хиви, советских гражданах, которые находились в войсках службы по поддержанию

порядка, восточных батальонах. Авторы считают, что питательной средой предательства стали поражения в 1941–1942 гг. Красной Армии, вызвавшие депрессию, панику, чувство безысходности, стремление выжить, а также отношение советского руководства к тем, кто побывал в окружении, плену. В числе коллаборационистов называют и тех, кто был убежденным противником советской власти. Со временем все большее число немецких пособников осознали, что они воюют не с коммунизмом, а с Россией. Отмечается также, что война фашистской Германии велась «против нашей страны, была необычной, поскольку велась против русского народа, России, славян». В отличие от советской историографии, объяснявшей победу СССР главным образом, преимуществом советского строя, морально-политическим единством советского народа и т.д., авторы в качестве источника победы называют народ и его патриотический дух [4, с. 124–180; 5, с. 84–135].

Великая Отечественной война в учреждениях образования Республики Беларусь изучается в 10 классе в курсах всемирная история новейшего времени и история Беларуси. Министерством образования Республики Беларусь рекомендованы для использования учебное пособие по всемирной истории, подготовленное Г.А. Космачем, В.С. Кошелевым и М.А. Красновой; истории Беларуси – Е.К. Новиком, а также учебное пособие Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) под редакцией А.А. Ковалени.

Анализ указанных учебных пособий показывает, что события Великой Отечественной войны как составной части Второй мировой войны по сравнению с учебниками Российской Федерации в них излагаются более детально. Ответственность за развязывание Второй мировой и Великой Отечественной войн возлагается на фашистскую Германию, пакт Молотова – Риббентропа трактуется как вынужденная мера со стороны СССР в условиях политики умиротворения по отношению к нацистам со стороны Англии и Франции. Подробно разбирается план операции «Барбаросса» и план «Ост», освещаются сражения, происходившие на территории БССР: оборона границы пограничниками, оборона Брестской крепости, Минска, Могилева, «Лепельский контрудар», оборона Смоленска, героизм, мужество и трагедия защитников, называются причины неудач Красной Армии в начале войны. Победа советских войск в Московской битве рассматривается как поворотный пункт не только на советско-германском фронте, но и в ходе Второй мировой войны. Разгром фашистов под Сталинградом трактуется как начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войн, который завершился победой на Курской дуге и битвой за Днепр. Особое внимание уделено истории партизанского и подпольного движения в Беларуси. При этом подчеркивается роль Коммунистической партии в организации народных масс на борьбу с оккупантами, прослеживаются основные этапы партизанского и подпольного движения, приводятся конкретные примеры, подтверждающие вклад партизан и подпольщиков в борьбу против немецко-фашистских захватчиков.

В учебных пособиях подробно разбирается реализация фашистами плана «Ост», деятельность профашистских организаций коллаборационистов трактуется крайне негативно («предатели, гитлеровские приспешники»). Обращается внимание на то, что в Беларусь для поддержания оккупационного режима были направлены украинские, литовские и латышские полицейские батальоны, которые участвовали в борьбе с партизанами, массовом уничтожении евреев. Рассматривается также и деятельность в западных районах Беларуси польской вооруженной организации Армия Крайова (аковцы) и Организации украинских националистов (оуновцы). Аковцы вели борьбу против гитлеровцев и большевиков за восстановление Польши, а оуновцы – против гитлеровцев и большевиков за самостоятельную Украину. В учебных пособиях определен вклад белорусского народа в победу над нацистской Германией, при этом подчеркивается решающая роль Советского Союза. При этом патриотизм людей, их готовность жертвовать многим для защиты и освобождения своей Родины определяется в качестве главного источника победы [6, с. 152–205; 7, с. 111–170; 8].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации на страницах школьных учебников изложены национальные концепции Великой Отечественной войны. Концепция Республики Беларусь не противоречива, российская включает в себя неоднозначные, порой противоречивые оценки.

Литература
1. Ферро, Марк. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Марк Ферро. – Москва: Высш. шк., 1992. – 351 с.
2. История России. XX – начало XXI века: учебник для 9-го класса основной школы / Д.Д. Данилов [и др.]. – 2-е изд., испр. – Москва: Баласс, 2012. – 384 с.
3. Всеобщая история. Новейшее время. XX – начало XXI века: учебник для 9-го класса основной школы / Д.Д. Данилов [и др.]. – 2-е изд., испр. – Москва: Баласс, 2011. – 304 с.
4. Киселев, А.Ф. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. Базовый уровень: учеб. для общеобраз. учреждений / А.Ф. Киселев, В.П. Попов. – 5-е изд., стереот. – Москва: Дрофа, 2012. – 318 с.
5. Пленков, О.Ю. Всеобщая история. 11 класс: учеб. для общеобразовательных учреждений / О.Ю. Пленков,Т.П. Адреевская, С.В. Шевченко: под общ. ред. академика РАН В.С. Мясникова. – Москва: Вентана-Граф, 2011. – 336 с.
6. Космач, Г.А. Всемирная история новейшего врмени:1918–1945 гг. учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с русским языком обучения / Г.А. Космач, В.С. Кошелев, М.А. Краснова; под ред. Г.А. Космача. – Минск: Нар. асвета, 2012. – 214 с.
7. Новик, Е.К. История Беларуси, 1917–1945 гг.: учеб. пособие 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с русским языком обучения / Е.К. Новик; автор метод. аппарата В.В. Гинчук; пер. с белорус. яз. Н.Л. Стрехи. – Минск: Нар.асвета, 2012. – 182 с.
8. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учебное пособие для учащихся 11 класса учреждений общего среднего образования / под ред. А.А. Ковалени. Минск: ИЦ БГУ, 2009. –235 с.

Лагвіненка С.М., Півавар М.В.

ВЫХАВАННЕ ПАТРЫЯТЫЗМУ Ў ВУЧНЯЎ ВІЦЕБСКАГА КАДЭЦКАГА ВУЧЫЛІШЧА НА АСНОВЕ ПАМЯЦІ ПРА ПАДЗЕІ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

Патрыятызм – маральны і палітычны прынцып, сацыяльнае пачуццё, асноўным зместам якога з'яўляецца любоў да Айчыны і гатоўнасць падпарадкаваць яму свае ўласныя інтарэсы. Патрыятызм прадугледжвае гонар за дасягненні гісторыі і культуры сваёй Радзімы, жаданне захоўваць яе характар і культурныя асаблівасці і ідэнтыфікацыя сябе з іншымі членамі народа, імкненне абараняць інтарэсы Радзімы і свайго народа. Важнейшай мэтай і вынікам патрыятычнага выхавання моладзі з'яўляецца праяўленне любові да Радзімы, Айчыны, Бацькаўшчыны. Задача любой сістэмы адукацыі – выхаванне ў моладзі грамадзянскіх якасцяў і, у першую чаргу менавіта патрыятызму. Ад ступені зфарміраванасці патрыятычных ідэалаў залежаць іншыя складаючыя сталай асобы: дысцыплінаванасць, лаяльнасць ураду, стойкасць, вытрымка, гатоўнасць да ахвярнасці і самаахвярнасці і іншыя. Гэтыя і шэраг іншых рыс асобы асабліва важны пры выхаванні моладзі, якая звязвае сваё жыццё з службай ў сілавых структурах нашай дзяржавы. Афіцэр, міліцыянер, супрацоўнік Міністэрства надзвычайных сітуацый, пракурорскі работнік павінны мець значна большы запас трываласці з той прычыны, што служба вымагае ад чалавека выпрабавання прынцыпаў і сілы волі больш, чым у прадстаўнікоў іншых прафесій. Таму, асаблівую важнасць мае выхаванне ў навучэнцаў кадэцкіх вучылішч патрыятычных якасцяў.

Выкарыстанне ў выхаваўчым працэсе прыкладаў гераізму, патрыятызму, мужнасці беларускага народу ў розных войнах вельмі актуальная і значная задача. Факталагічнага матэрыялу хапае. Ад часоў Полацкага княства да вайны ў Афганістане беларусы ўдзельнічалі ў сотнях ваенных канфліктаў. Вялікая Айчынная вайна, – апошняя з выпрабаванняў нашага народу прынесла незлічоныя беды і страты нашай краіне. Пры гэтым, менавіта на гэтай вайне праяўляліся найлепшыя якасці савецкага чалавека, сярод якіх патрыятызм мае найважнейшае месца. Спынімся на некаторых мерапрыемствах, якія праводзяцца ў Віцебскім кадэцкім вучылішчы (далей ВКВ), на аснове якіх выхаванне патрыятызму робіцца на аснове падзей Вялікай Айчыннай вайны [1].

Пачнем з таго, што ў вучылішчы выкладаецца спецкурс "Вялікая Айчынная вайна ў кантэксце Другой сусветнай вайны". Ён праводзіцца ў другім паўгоддзі ў 10 класе за кошт гадзін, выдадкаваных на вывучэнне Другой сусветнай вайны ў курсах сусветнай гісторыі і гісторыі Беларусі.

У адпаведнасці з каляндарным планам выхаваўчых мерапрыемстваў у ВКВ праводзяцца: тэматычная вечарына "Ганаруся табою, Беларусь", "Маладосць, абпаленая вайной", тэматычная вечарына "Юнгі Вялікай Айчыннай вайны". У кожную першую суботу месяца праводзіцца цыкл сустрэч "Круглая дата", шэраг з якіх звязаны з юбілейнымі датамі з гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. У лютым праводзіцца "Дзень юнага героя-антыфашыста". Па нядзелях у бібліятэцы адбываецца паказ мастацкіх фільмаў, у ліку якіх значную частку складаюць фільмы, прысвечаныя падзеям вайны.

У лютым традыцыйна праводзіцца месячнік “Служу Айчыне”. Ён уключае цэлы комплекс мерапрыемстваў, шэраг якіх звязаны з Вялікай Айчыннай вайной. Вось некаторыя мерапрыемствы, што заснаваны на ваеннай тэматыцы:

- Завочныя экскурсіі “Яны праславілі наш горад, нашу вёску”;
- Аперацыя “Абеліск”;
- Аперацыя “Да нас прыйшоў ветэран”;
- Фестываль інсцэніраванай патрыятычнай песні, прысвечаны Дню абаронцы Айчыны і Узброеным Сілам Рэспублікі Беларусь “Памяць сэрца”;
- Канцэртная праграма “Айчыны верныя сыны”;
- Тэматычная гульня “Каб памяталі”, прысвечаная памятным датам з гісторыі Лужасна;
- Паспрачаемся з вялікім “Крылатыя словы палкаводцаў”;
- Канферэнцыя чытачоў “Іх імёнамі названы вуліцы горада Віцебска”;
- Стэндавая газета “Ваенная гісторыя Айчыны”;
- Дэбаты на тэму “Ёсць такая прафесія: Радзіму абараняць ці славу шукаць?” і іншыя [2].

Важнай часткай комплексу мерапрыемстваў з’яўляецца ўдзел кадэт у гарадскім ганаровым сходзе і праходжанні ганаровым маршам каля мемарыяльнага комплексу “Вызваліцелям Віцебска”, прысвечанага савецкім воінам, партызанам і падпольшчыкам, а таксама мітынг-рэквіем каля помніка Невядомаму салдату ў г.п. Руба, помніка Герою Савецкага Саюза Міхаілу Сільніцкаму на чыгуначнай станцыі Лужасна і помніку на месцы загубы савецкіх ваеннапалонных і мірных грамадзян у 1941–1944 гг. у в. Лужасна.

21 сакавіка за 10 хвілін да ўрока у кожным класе праводзіцца мітынг-памяць “Хатынскі рэквіем”, які прысвячаецца беларускім вёскам, якія былі спалены разам з людзьмі фашысцкімі захопнікамі.

Да дня Перамогі таксама прымеркаваны святочныя мерапрыемствы: канцэрты, урачыстыя пасяджэнні, спартыўныя конкурсы, канферэнцыі і інш. Да помнікаў, якія знаходзяцца непадалёк ад Лужасна ўскладаюцца кветкі, вянкі, гірлянды, арганізуюцца ганаровыя вахты. На працягу года праводзяцца тэматычныя лекцыі, прысвечаныя круглым датам: вызваленню Беларусі, пачатку Вялікай Айчыннай вайны, буйнейшым аперацыям вайны (Сталінградскай, Маскоўскай, Курскай і інш.).

Значная частка выхаваўчай працы ў вучылішчы звязана з працай турысцка-экалагічна-краязнаўчага клуба “Дзвіна”, які дзейнічае ў ВКВ. Асноўнымі накірункамі дзейнасці яго з’яўляюцца турыстычны і краязнаўчы. Сярод форм дзейнасці турыстычнага накірунку ў першую чаргу вылучым экскурсіі, паходы, паездкі, экспедыцыі. Значнае месца займае тэма мінулай вайны ў навукова-даследчай працы навучэнцаў (правядзенне даследаванняў па пэўных тэмах; падрыхтоўка выступленняў і ўдзел у канферэнцыях і семінарах рознага ўзроўню, прэзентацыях). Значнай формай працы з’яўляецца публіцыстычная і эдыцыйная дзейнасць: падрыхтоўка, праўка, рэдактура, карэктура, выданне артыкулаў, буклетаў. Не кранаючы ўсіх тэм, якімі займаюцца кадэты – удзельнікі клуба і кадэты, якія бяруць удзел у мерапрыемствах, спынімся на тэматыцы Вялікай Айчыннай вайны.

На працягу навучальнага года штонядзелю праводзяцца паходы нядзельнага адпачынку. Некаторыя маюць вузка гісторыка-культурную ці прыродную накіраванасць, але большая частка носіць комплексны характар. Кожны з паходаў праходзіць па месцах былых баёў ці падзей, нейкім чынам звязаных з Вялікай Айчыннай вайной. Выкладчыкі з кадэтамі робяць аўтобусныя экскурсіі па Віцебскай вобласці. Асноўнымі аб’ектамі ўвагі з’яўляюцца: мемарыял “Прарыў” (в. Паперына, Ушацкі раён); мемарыяльны комплекс “Кацюша” (г. Орша); мемарыяльны комплекс “Праклён фашызму” (в. Шунеўка, Докшыцкі раён); партызанскі аэрадром ў г.п. Бегомль; помнік “Віцебскія вароты” (в. Заполле, Віцебскі раён); магіла 8 Герояў Савецкага Саюза (в. Узрэчча, Бешанковіцкі раён); мемарыяльны комплекс і помнік воінам-танкістам ІСУ-152 (в. Мішневічы, Шумілінскі раён); мемарыяльны комплекс у в. Рыленкі Дубровенскага раёна; помнікі Полацка (помнік 23 воінам-гвардзейцам, помнік камсамольцам Полацка, курган Бессмяротнасці, помнік памяці войскаў 1-га Прыбалтыйскага фронту (Т-34), помнік “Вызваліцелям Полацка”, памятны знак ахвярам фашызму ва ўрочышчы Пяскі); на філіял полацкага музея баявой славы “Поле ратнай славы”; ДОТы на “Лініі Сталіна” (каля г.п. Ветрына Полацкага раён); помнік вызваліцелям і танк ІС-2 (г. Гарадок) і ў іншыя месцы.

Як форма краязнаўчай працы ў вучылішчы практыкуюцца паходы да цікавых месцаў нашага раёну і наваколляў Віцебска: на мемарыяльныя комплексы ў в. Арлова, Вароны, Копці, Заронава, Старае Сяло, Шапуры, на вышыню 222,2, з якой пачыналася вызваленне Віцебска, да в. Гняздзілава, дзе была завяршылася акружэнне нямецкіх войскаў пад Віцебскам, у г.п. Багушэўск, дзе адбывалася самае вялікае танкавае сражэнне Другой сусветнай вайны, па месцах баявых дзеянняў 1-й Віцебскай партызанскай брыгады (вв. Мазалава, Сакольнікі, Сушчова), да месца пераходу 825 волга-татарскага батальёна "Ідэль-Урал" на бок партызан (Руба, Аўдзеевічы, Гралёва) і іншыя [3].

Для знаёмства з ваеннай гісторыяй Віцебска распрацаваны некалькі экскурсій. Удзельнікі клуба і іншыя кадэты па магчымасці павінны наведаць: мемарыяльны комплекс у гонар савецкіх воінаў-вызваліцеляў, партызан і падпольшчыкаў Віцебшчыны (Плошча Перамогі), помнік Герою Савецкага Саюза А.К. Гараўцу (вул. Гараўца), помнік героям віцебскага падполля (вул. 1-я Чырвонабрыгадная), помнік Герою Савецкага Саюза М.П. Шмырову (вул. Чэхава, 4), помнік М. Шмырову (вул. Шмырова), помнік Герою Савецкага Саюза В.З. Харужай (Маскоўскі пр-т, каля СШ № 31), абеліск на месцы канцлагера 5-ы полк (вул. Цітова), помнікі каля ВДУ імя П.М. Машэрава, памятны знак на месцы пакарання савецкіх патрыётаў ў гады Вялікай Айчыннай вайны (вул. Леніна, 36), помнік "Дзецям вайны" (парк партызанскай славы імя М. Шмырова) і іншыя.

На аснове сабраных у паходах матэрыялаў з кадэтамі праводзіцца значная навуковая-даследчая праца. Напрыклад, на працягу некалькіх гадоў былі выяўлены некаторыя факты неадпавядання помнікаў апошняй вайне і статуса гісторыка-культурных каштоўнасцяў. Была падрыхтавана навукова-даследчая работа "Праблемы аховы помнікаў, прысвечаных Вялікай Айчыннай вайне на тэрыторыі Віцебска раёна", у якой раскрывалася складаная праблема, прапаноўваліся магчымыя шляхі паляпшэння сітуацыі, рабіліся рэкамендацыі. На навукова-практычнай канферэнцыі навучэнцаў устаноў адукацыі Віцебскай вобласці "Эўрыка", а таксама на I Рэспубліканскім конкурсе даследчых работ (канферэнцыі) навучэнцаў работа была адзначана дыпломам II ступені.

Удзельнікамі клуба "Дзвіна" праведзена даследчая работа па вывучэнні патэнцыялу дзяржаўных, ведамасных і школьных музеяў горада. Складзены спіс у адпаведнасці з якім кожны клас (узвод) выбірае для наведвання адзін ці некалькі музеяў ці экспазіцый [4]. Кадэты аказалі значную дапамогу ў падрыхтоўцы да выдання рукапісу кнігі А.А. Ганчарова, (вычытка, набор, вёрстка) "1-я Віцебская партызанская брыгада". Для ўдакладнення некаторых фактаў, добраўпарадкавання помнікаў, апытання сведкаў, стварэння графічнага раду кнігі былі праведзены паходы на месцы баявых дзеянняў партызанскай брыгады, атрадаў, якія ўваходзілі ў яе склад. Галоўны акцэнт у правядзенні такіх паходаў і мерапрыемстваў робіцца не толькі на дапамогу ветэранам, але на выхаванне патрыятычных якасцяў у навучэнцаў усім спектрам педагагічных магчымасцяў.

Такім чынам, у Віцебскім кадэцкім вучылішчы праводзіцца значная праца па выхаванні ў навучэнцаў патрыятызму і грамадзянскіх якасцяў. Вялікая колькасць мерапрыемстваў праводзіцца на аснове ведаў і фактаў пра падзеі Вялікай Айчыннай вайны. Такая тэматыка ў выхаваўчай працы садзейнічае лепшаму фарміраванню запатрабаваных сучасным грамадствам і дзяржавай якасцяў патрыёта і грамадзяніна, перадачы гістарычнай памяці, прывіццю любові да Радзімы, разуменню кошту вялікай Перамогі і недапушчэнню вайны як вырашэння палітычных праблем.

Літаратура

1. Півавар, М.В. Месца краязнаўства ў ідэалогіі Беларусі, Расіі і Украіны / М.В. Півавар // Краязнаўчая газета. – 2004. – Ліпень. – № 25 (42). – С. 4–5.
2. План проведения месячника «Служу Отечеству» 2013 – 2014 учебный год // Бягучы архіў Віцебскага кадэцкага вучылішча.
3. Півавар, М.В. Турысцка-краязнаўчыя рэсурсы наваколляў Віцебска (на прыкладзе Віцебскага раёна) / М.В. Півавар // Проблемы устойчивого развития регионов Республики Беларусь и сопредельных стран: сборник научных статей Второй Международной научно-практической конференции, 27–29 марта 2012 г., МГУ имени А.А. Кулешова, г. Могилев: в 2 ч / под ред. И.Н. Шарухо, И.И. Пирожника, И.И. Бариновой. – Могилев: УО «МГУ имени А.А. Кулешова», 2012. – Ч. 2. – С. 60–64.
4. Півавар, М.В. Выкарыстанне музеяў Віцебскага раёна ў навучальна-выхаваўчым працэсе / М.В. Півавар // Бюллетень учебно-консультационного центра «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова – учреждения образования Витебского района. – 2013. – № 1. – С. 25–31.

Машеро С.А.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВОЙН КАК ЭЛЕМЕНТ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ НА ВОЕННОЙ КАФЕДРЕ

Развиваясь, всякая наука обогащает свою теорию, наполняется новым содержанием. При этом осуществляется дифференциация важнейших исследовательских направлении внутри научной отрасли. Однако, как ни глубоко постигаются отдельные аспекты развития теории науки, ни один из них в отдельности не раскрывает сущности и общих закономерностей, не способствует развитию методологии научного знания. Эту сложнейшую проблему решает междисциплинарный подход при проведении научных исследований. Творческое применение теоретических основ и идеи других наук имеет особенно большое значение в настоящее время.

Военная история является процессом развития военного дела с древнейших времен до настоящего времени и наукой, изучающей минувшие войны, развитие военного искусства, а также вооруженные силы и военную технику прошлого. Военная история является частью исторической науки, а также частью военной науки, для развития которой служит исторической базой.

С момента возникновения армии как специфического социального явления важнейшим компонентом воинской деятельности было и остается обучение и воспитание личного состава, или военная педагогика – необходимое, обязательное средство разносторонней подготовки воинов к успешному ведению боевых действий. Военная педагогика развивается, аккумулируя в себе важные исторические события и факты, научные теории других наук, опыт практики военной подготовки. История военной педагогики, как составная часть истории страны и ее вооруженных сил, является важным средством совершенствования процесса воспитания и обучения военнослужащих в современных условиях.

Педагогика осуществляет те же функции, что и любая другая научная дисциплина: описание, объяснение и предсказание явлений того участка действительности, который она изучает. Однако, занимаясь социально-гуманитарной сферой, она имеет свои особенности. Педагогическая наука не может ограничиться лишь объективным отображением изучаемого [3, с. 43], что характерно для исследований по истории. От нее требуется влиять на педагогическую действительность, преобразовывать, совершенствовать. Поэтому в ней совмещаются две функции и области применения: научно-теоретическая и практическая.

Во все времена подготовке граждан к защите своего Отечества, воинскому воспитанию и обучению государствами уделялось пристальное внимание. Основываясь, в первую очередь, на историю ведения, итоги войн развивалась и совершенствовалась система подготовки военных кадров для вооруженных сил страны. Система всеобщей военной подготовки населения зародилась с момента применения многочисленных армий и получила свое развитие в периоды ведения Мировых войн. С точки зрения истории и педагогики указанные направления научных исследований изучены достаточно подробно. Проблемы организации военной подготовки студентов в учреждениях высшего образования в настоящее время находят отражение в научных исследованиях, активно обсуждаются в научных изданиях. Однако в диссертационных работах и публикациях в основном рассматриваются узко-профильные вопросы.

Результатом инновационного развития системы образования Республики Беларусь стала разработка и внедрение в педагогическую практику нового содержания образовательных программ. Данная задача требует поиска новых подходов в организации педагогического процесса при осуществлении военной подготовки студентов, в первую очередь повышения качества подготовки выпускников, практической направленности обучения. В контексте рассматриваемых проблем историю педагогики следует рассматривать как важную составную часть научно-методического обеспечения образования.

Целью проводимого исследования является разработка структурных элементов модели образовательного процесса подготовки студентов на военной кафедре учреждения высшего образования и их внедрение в педагогическую практику.

Предмет исследования: преемственность дидактических средств обучения в контексте истории военной подготовки военнообязанных и военнослужащих.

Реализован метод сравнительного анализа как сочетание эмпирических и теоретических общенаучных методов исследования.

Военно-педагогическая система на разных этапах исторического развития общества развивалась и совершенствовалась вместе с теорией военной науки и практикой боевого применения войск, развитием средств ведения боя. Однако, наряду с позитивными тенденциями, в военной педагогике было много недостатков, ошибок и просчетов.

Общими и характерными из них являются:

- наряду с декларированием тезиса «учить тому, что нужно на войне», обучение осуществлялось на основе опыта предыдущих войн; как итог - в начале каждой войны войска к ней не были готовы;
- в межвоенные периоды обобщение и внедрение результатов опыта в процесс обучения практически не осуществлялось; учили уже в ходе ведения боевых действий в соответствии со сложившейся обстановкой и реального положения дел;
- нерегулярные и бессистемные исследования по проблемам военной подготовки, узкая специализация проводимых исследований, отсутствие у части исследователей профессиональной военной подготовки; зачастую игнорирование результатов научных исследований других отраслей науки;
- потребность на восполнение потерь среди кадрового состава в начальный период войны, соответствующая подготовка специалистов и командного состава в ходе войны соответствующим образом не учитывались;
- недостаточное методическое обеспечение подготовки специалистов для войск.

В России накануне Первой мировой войны рассматривались вопросы организации всеобщей военной подготовки населения для создания военно-обученного резерва для вооруженных сил. Однако в практику теоретические положения не были реализованы в связи с началом войны. Основные усилия при подготовке специалистов для войск были направлены на повышение уровня общего образования и на его базе – профессиональную подготовку солдат и младших командиров. Срочно пришлось решать и вопросы подготовки офицерских кадров. Результатом ускоренной подготовки стала многочисленная армия «офицеров военного времени», в дальнейшем ставших основой для формирования кадрового состава армии молодой республики Советов.

В период после окончания Гражданской войны и до Великой Отечественной в Советском союзе была создана система подготовки кадров, в том числе кадров запаса для вооруженных сил. Эффективность работы системы проверялась на практике в ходе вооруженных конфликтов на Халхин-Голе, у озера Хасан, Финской войны, освободительного похода в западных областях Украины и Белоруссии. Нехватка специалистов и кадров ощущалась всегда.

Советская военная педагогика не была идеальной и безошибочной, но она превзошла немецкую и обеспечила победу над фашизмом. Именно поэтому опыт развития военной педагогики в ходе Великой Отечественной войны сохраняет важное практическое и теоретическое значение в наши дни.

В соответствии с основными направлениями научной работы [4, ст. 4, гл. 5] военно-историческая работа на военной кафедре проводится преподавателями (частные исследования и диссертационные работы) и студентами (в военно-научном кружке кафедры) по основным направлениям: исследование истории армии, родов войск, воинского обучения и воспитания, важных исторических событий и памятных дат; внедрение результатов исследований в образовательный процесс как учебного и методического материала, при разработке проектов программно-методических документов.

В образовательном процессе на военной кафедре университета используется опыт военной педагогики, накопленный в ходе Великой Отечественной войны. Преемственность проследим на примерах.

1. При подготовке офицеров применялись методики, которые используются и сейчас. Всеобуч населения, организованный накануне войны, создавал основу общевойсковой подготовки будущих командиров. Ускоренный курс подразумевал изучение материальной части, правил и порядка ведения огня, основ управления подразделением [1]. При обучении порядку управления изучались сигналы, подаваемые с использованием сигнальных флажков. Однако в бою ни во время Великой Отечественной, в дальнейшем в Афганистане и Чечне командирами они практически не использовались. Изучается это средство подачи сигналов и сейчас, но как резервный вариант и в комплексе с другими средствами.

2. Накануне войны создание сети артиллерийских школ (впоследствии – авиационных и морских) позволило создать резерв юношей для их дальнейшей подготовки по конкретным специальностям на офицерские должности. Однако войскам нужны были и младшие командиры – специалисты в артиллерии. В предвоенные годы была разработана и научно обоснованная единая система минометного вооружения армии, что позволило существенно увеличить огневую мощь стрелковых подразделений [2]. Перед войной каждый стрелковый взвод по штату имел минометное отделение. Однако в массовой, тотальной войне просто не было времени качественно готовить минометные расчеты. И очень скоро минометные роты остались только в батальонах. Так проблемы с обучением специалистов повлияли на необходимость совершенствования штатной структуры подразделений и изменения тактики их боевого применения. На военной кафедре при подготовке командиров мотострелковых и разведывательных подразделений программой предусмотрено изучение порядка боевого применения приданных артиллерийских подразделений.

Каждая из социальных систем общества, будь то государство или армия, имеет свою историю. Все системы и образующие ее подсистемы функционируют взаимосвязано и развиваются во времени. Исторический анализ – неотъемлемая часть научного исследования, дающий представление об изменении характерных показателей, создающих основу для проведения прикладных исследований и внедрения их результатов в практику. Исторический опыт боевой подготовки военнослужащих и военной подготовка студентов на военных кафедрах учреждений высшего образования является основой для создания профессионально подготовленного мобилизационного резерва для Вооруженных Сил.

Литература

1. Алёхно, Ю. Война глазами танкиста Александра Феня / Ю. Алёхно // Во славу Родины. Белорусская военная газета. – 2013. – 6 сент. – С. 6; 3 декаб. – С. 6–7; 19 декаб. – С. 6.
2. Военная педагогика: учебник для вузов / О.Ю. Ефремов [и др.]; под общ. ред. О.Ю. Ефремова. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 640 с: ил.
3. Матарыкин, Д. «Замечательная штука». История оружия / Д. Матарыкин // Во славу Родины. Белорусская военная газета. – 2009. – 13 июня. – С. 3.
4. Об утверждении Положения о военных кафедрах гражданских учреждений, обеспечивающих получение высшего и среднего специального образования: постановление Министерства обороны Респ. Беларусь и Министерства образования Респ. Беларусь, 24.01.2007 г., № 6/10: с изм. и доп. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 02.02. 2007. – 8/15829.

Волощенко О.Г.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Развитие общества, его благополучие и процветание, духовная и нравственная культура во многом зависят от цели и содержания воспитания. Одним из важнейших институтов, осуществляющих воспитательную работу и патриотическое воспитание в частности, во все времена была и остается школа.

Педагогические исследования по проблеме патриотического воспитания советского периода многочисленны и разнообразны. В них раскрываются как теоретико-методологические аспекты (сущность понятия «патриотизм» и «советский патриотизм», его характеристики, пути и средства формирования и др.), так и прикладные (различные направления патриотического воспитания: военно-патриотическое, воспитание на трудовых и боевых традициях советского народа, взаимосвязь патриотического, эстетического, трудового воспитания учащихся различного возраста и др.).

А.С. Макаренко, рассматривая цели воспитания в советской школе, отмечал, что каждый воспитанник «должен быть смелым, мужественным, честным, трудолюбивым патриотом». При этом он подчеркивал, что патриотизм проявляется не только в героических поступках, от настоящего патриота требуется не только «героическая вспышка», но и длительная, мучительная, нажимная работа, часто даже очень тяжелая, неинтересная, грязная». Школа должна воспитывать, считал он, образованных людей, квалифицированных работников, людей, имеющих организационные навыки, дисциплинированных, бодрых и жизнерадостных.

Исследования по данной проблеме не прекращались и в период Великой Отечественной войны. Так, в работе И.А. Каирова раскрываются возможности внеклассных занятий патриоти-

ческого содержания, сочинений на патриотические темы, форм и методов воспитания патриотических чувств учащихся.

В период после Великой Отечественной войны проблема патриотического воспитания подрастающего поколения приобретает особое значение. Это обусловлено тем, что патриотические чувства проявляются особенно ярко в трудные периоды развития страны, трудности войны и послевоенного восстановительного периода обусловили массовые проявления героизма и трудового патриотизма советских людей. Данные вопросы рассматривались в исследованиях педагогов того времени, в которых раскрывались и обосновывались различные аспекты патриотического воспитания учащихся общеобразовательной школы. Необходимо, однако, отметить, что все проблемы решались на основе решений партии и правительства, с учетом идей социализма и коммунизма.

Особое значение в исследовании вопросов патриотического воспитания этого периода имеют работы В.А. Сухомлинского, который считал, что школа должна воспитывать у молодежи стремление к беззаветному служению Родине, к активной трудовой и общественной деятельности. Определяя советский патриотизм как «благородную любовь советского народа к своему социалистическому Отечеству», В.А. Сухомлинский подчеркивал, что одной из главных воспитательных задач школы является подготовка учащихся к простому, будничному, повседневному труду для общества, как к патриотической деятельности, причем сама деятельность детей, организуемая педагогом с данной целью, представляет движущую силу формирования личности растущего гражданина.

Среди педагогических исследований, посвященных данной проблеме в 50–60 гг., выделяются работы И.С. Марьенко, М.А. Терентия, Ф.И. Хвалова. И.С. Марьенко дал глубокий теоретический анализ проблемы патриотического воспитания, практические рекомендаций по формированию патриотического сознания учащихся во внеклассной работе, обосновал единство патриотического сознания, чувств и поведения учащихся. Его выводы и рекомендации внесли существенный вклад в разработку основных направлений патриотического воспитания того времени.

70–80 гг. XX века характеризуются разработкой различных аспектов патриотического воспитания подрастающего поколения. Авторы многочисленных исследований рассматривают проблемы взаимосвязи патриотического воспитания с другими направлениями воспитательной работы, определения эффективности патриотического воспитания учащихся различного возраста, возможности различных видов деятельности учащихся в патриотическом воспитании, подготовки студентов педвуза к патриотическому воспитанию учащихся общеобразовательной школы и др. (Ф.С. Савченко, Т.В. Страго, К.З. Сафиуллина, Л.А. Саклешина, В.И. Шахненко и др.).

В организации патриотического воспитания в советское время имелись положительные моменты, которые были утрачены с распадом СССР. Большим плюсом было то, что установка на воспитание патриотизма у советских граждан была отражена на самом высоком уровне и закреплена в Конституции СССР. Так, в статье 36 говорилось о равноправии в стране людей различных рас и национальностей, одним из средств обеспечения этого права называлось воспитание в духе советского патриотизма и национализма, что предполагало развитие патриотических чувств, чувства достоинства и гордости за свою Родину. Этому способствовали и достижения, успехи спортсменов, ученых, техников, стабильность социально-экономических условий, красота и богатство страны.

Прочная позиция патриотического воспитания была обусловлена тем, что оно выступало важной составной частью политического воспитания в целом, которым в основном занималась компартия. Партийные организации для решения задач воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма прибегали к таким формам, как походы по местам боевой славы, встречи с ветеранами войны, шефство над братскими могилами воинов и т.д. Это давало свои позитивные результаты. У учащихся воспитывалось чувство гордости за свой народ. Главной задачей пионерской и комсомольской организации являлось идейно-политическое воспитание молодежи. Достижения этой цели они добивались, осуществляя марши по территории своей страны, всесоюзные походы комсомольцев и молодежи по местам революционной и боевой славы советского народа, туристско-краеведческие экспедиции, сбор металлолома и макулатуры.

Нельзя не отметить и роль СМИ, в частности детских газет и журналов, на страницах которых публиковались стихи о Родине, рассказы о великих людях страны, их жизнь, подвигах («Зорька», «Пионерская организация», «Ровесник», «Пионер» и т.д.).

Огромное значение в организации и осуществлении патриотического воспитания, и, следовательно, в формировании у детей чувства патриотизма играла школа, и в частности, учебно-воспитательный процесс. Это и политинформации с беседами патриотической тематики, и уроки истории, литературы, военно-спортивная игра «Зарница» и др.

Особенно актуальной проблема воспитания подрастающего поколения стала в Беларуси в связи с выделением ее как независимого государства после распада Советского Союза. Изменились личностные приоритеты, общественные ценности, весь уклад жизни населения. А это, в свою очередь, привело к некоторым изменениям и в содержании воспитательной работы.

Прежде всего, эти преобразования изменили роль и место патриотического воспитания в жизнедеятельности различных воспитательно-образовательных институтах нашего государства и в частности школы. Из-за отказа от прежних методов и форм и неразработанности новых, воспитанию патриотизма практически не уделяли внимания. Игнорирование накопленного за долгие годы опыта по данной проблеме далеко не лучшим образом сказалось на уровне патриотизма молодежи.

Однако, начиная с 1990–1991 учебного года, по решению Министерства образования увеличивается количество часов по изучению белорусского языка и литературы, расширяется выпуск учебных фильмов патриотической тематики, ведется работа по увеличению числа школьных, литературных, краеведческих, этнографических музеев.

Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко активно выступает против тех, кто, по его мнению, «пытается «пересмотреть» историю Великой Отечественной», «принизить значение героической борьбы советских людей, очернить партизанское движение, реабилитировать фашистских палачей и особенно их прислужников».

Он отмечает, что «вирус коричневой чумы» был порожден «бесчеловечной идеологией нацизма и трусливой политикой мировых держав», которые затем и стали «первыми жертвами фашистской военной машины… Покорив за считанные месяцы Европу, гитлеровские легионы железной поступью вышли к границам Советского Союза. Однако их стратеги забыли историческое предостережение святого защитника славянских земель Александра Невского: «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет». «Именно на землях Беларуси, России и Украины была остановлена неудержимая ранее машина вермахта и решена судьба Европы. Мы не можем позволить забыть о том, что именно советский народ, пойдя на невероятные усилия, неисчислимые жертвы, внес решающий вклад в разгром фашистской Германии», – подчеркивает Президент.

Современная система образования должна осуществлять воспитание патриотизма, чтоб, с одной стороны, не столкнуться с равнодушием молодого поколения к судьбе страны или с неуемным национализмом и его разрушительными последствиями с другой.

Память о войне продолжает активно воспроизводиться и в современном белорусском обществе, где для ее трансляции задействованы практически все возможные каналы культурной политики. Особое внимание формированию патриотического воспитания с помощью героических примеров времен Великой Отечественной войны уделяется в системе школьного образования. С 2005 года в канун празднования 60-летия Великой Победы было организовано преподавание курса «Великая Отечественная война советского народа» во всех учебных заведениях - как в школах, так и в вузах. По поручению Президента было разработано учебное пособие «Великая Отечественная война советского народа (в контексте второй мировой войны)», предназначенное для факультативного изучения в средней школе. Примечательна мотивация данного нововведения, озвученная главой белорусского государства: «Вы знаете, почему было принято это решение: благо, мы сегодня на самом высоком уровне празднуем эти даты. Но скоро может произойти так, что учащиеся, выходя из стен школы, не будут знать, что такое Великая Отечественная война. Поэтому было решено вернуться к изучению этого самого великого периода в нашей истории, за который мир должен ценить Беларусь».

Также стоит отметить, что важнейшие государственные праздники в Республике Беларусь – День Независимости и День Победы – непосредственно связаны с триумфальными моментами периода Великой Отечественной войны.

На занятиях по предметам «Мая Радзіма – Беларусь», «Белорусский язык», «Белорусская литература», «История Беларуси», «Обществоведение», «Музыка», на тематических классных и информационных часах учащиеся имеют возможность всесторонне познакомиться с традициями белорусов, символикой государства, знаменитыми деятелями науки, культуры, спорта, проанализировать события, происходившие и происходящие в настоящее время и одновременно испытать чувство гордости за свою Родину. Во внеурочной работе учителя-предметники и классные руководители используют такие формы, как экскурсии в музеи, поездки по местам боевой славы, посещение национальных театров, выставок, разнообразных концертных программ, коллективный просмотр и обсуждение художественных и документальных кинофильмов, встречи с ветеранами ВОВ, посещение их на дому и оказание посильной помощи. Крепнут связи школ с государственными общественными объединениями и организациями, развивается пионерское движение.

Таким образом, проблема патриотического воспитания подрастающего поколения является актуальной задачей школы, она достаточно эффективно решается в современных условиях и во многом основывается на традициях, заложенных в советское время.

Аполлонов И.А., Тучина О.Р.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В САМОСОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ КУБАНИ[8]

Исторический опыт является неотъемлемой и существенной частью национальной идентичности. Именно чувство собственной сопричастности историческому процессу, в конечном счете, определяет осознание принадлежности к своему народу как единой гражданской общности. С другой стороны, именно национальная идентичность, осознание историчности собственного существования, чувство причастности к событиям истории своего народа является определяющим фактором при переосмыслении прошлого и включении его в оценку настоящего.

Вместе с тем, существует опасность манипуляции представлениями об историческом прошлом, что чревато формированием комплекса национального превосходства или национальной вины; чувства ксенофобии и шовинизма, возвеличиванию тех или иных социальных и политических сил. Подобные опасности коренятся в парадоксальной природе прошлого, которое сочетает в себе как присутствие, так и отсутствие в настоящем. Присутствие, поскольку прошлое является онтологическим основанием настоящего, определяет подлинную суть происходящего и векторы возможного будущего. Отсутствие, поскольку, как такового, прошлого уже нет. И такое отсутствие позволяет оторвать исторические нарративы от фактической канвы исторического процесса, того, что было, и превратить историю в идеологический симулякр или же набор игровых симуляций, уводящих человека от сути его исторического бытия, а значит и от бытия в его подлинности. Соответственно, встаёт проблема оснований, способных фундировать историчность национальной идентичности человека.

Стержневым основанием исторической соразмерности национальной идентичности человека является исторический опыт. Феномен исторического опыта рассматривается в качестве непосредственного переживания человеком, как исторического события, так и исторической дистанции между прошлым и нынешним временем Основа подобного опыта – эмоциональное переживание отчуждения от чего-то жизненно важного, чувство ностальгии по ушедшей подлинности в контексте неопределенного и неподлинного настоящего [1]. Подобный опыт позволяет увидеть и выявить то существенное в себе, что определяет собственную самотождественность: ведь обращаясь к значительности событий прошлого, которые сплошь и рядом превосходят наши собственные, мы становимся гораздо более современными людьми, чем были до обращения к прошлому [3, с. 14]. Эта особенность исторического опыта соединяет линейность истории как движение от прошлого к будущему, при котором прошлое – это то, чего уже нет, и,

[8] Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 1413-23009 а(р) – «Исторический опыт в контексте самопонимания российской идентичности (на примере исследования представлений молодежи Кубани о Великой Отечественной войне)».

вместе с тем, ее цикличность, как вечное возвращение того, что определяет человеческое в человеке и обществе.

В данном контексте представляется актуальным исследование процедур личностного осмысления исторического опыта, поскольку феномен исторического опыта, сопряженный с процедурами самопонимания раскрывается как интерпретация своего личностного опыта в контексте исторического опыта народа [2, с. 24].

Особое место здесь занимают знаковые события истории, после которых ничего уже не может быть прежним. К таким событиям, безусловно, относится Великая отечественная война, трагические и героические события которой коснулись каждой семьи, что определяет значимое место этого события в формировании представлений о национальной идентичности молодежи Кубани.

В рамках проекта РГНФ было проведено исследования представлений о Великой Отечественной войне студентами вузов Кубани. Целью эмпирического исследования стало выявление репрезентации исторического опыта Великой отечественной войны в сознании молодежи. В исследовании приняли участие 158 респондентов 18–22 лет (средний возраст 18,9 лет), 99 девушек и 59 юношей. Исследование проводилось методом интервью с использованием авторского опросника.

Прежде всего, мы постарались выявить, какие события в истории своей страны респонденты считают наиболее значимыми. Результаты проведенного исследования показали, что 91,8% опрошенных относят Великую Отечественную войну к наиболее значимым событиям в истории страны. При этом 61,4% респондентов считают Великую Отечественную войну главным событием отечественной истории. Таким образом, можно утверждать, что именно события Великой Отечественной войны определяют историческое измерение национальной идентичности молодёжи.

Следующим шагом стало выявление личностной значимости Великой Отечественной войны для исследуемой группы респондентов. Контент-анализ ответов респондентов на вопрос: «Что лично для меня значит Великая Отечественная война?» позволил выделить две основных категории ответов. Первую категорию, составившую 85,2% ответов опрошенных, представляют собой смысловые единицы, характеризующие личностное, участное отношение к этому событию, непосредственное переживание как войны, так и исторической дистанции с ней.

В данной категории ответов можно выделить ряд смысловых единиц. Во-первых, в этих ответах прослеживается мощная эмоциональная реакция от ощущения собственной причастности к народу, пережившему войну. Она выражается в чувствах гордости за наших людей и нашу державу (27,6% ответов), переживание ощущения мощи и величия страны (3,7%), чувство ненависти к врагам и предателям Родины (1,5%), переживание радости победы (2,8%), скорбь о павших во время Великой Отечественной войны (11,3%): «Я чувствую скорбь о погибших во время войны людях, и в то же время – гордость за совершенные ими подвиги, за великую победу!»; «Я горжусь тем, что мы победили, что в других странах мы считаемся сильными, волевыми людьми, которые будут до конца сражаться и победят».

Во-вторых, подобная эмоциональная реакция имеет не только общенациональный, но и конкретно человеческий масштаб: сопереживание страданиям конкретных людей (9,4%). Причём такой масштаб обычно «примеряется» к судьбе своей семьи и, как следствие, собственной судьбе: переживание, того, что конкретного человека и его семьи могло и не быть (2,8%); отношение к войне через историю семьи (3,7%): «В этом войне участвовали мои прадедушки и прабабушка, они сражались за мое будущее, за будущее моей страны и моих детей». С этим масштабом исторического опыта связано проецирование событий войны на свою жизнь и своё будущее. Сюда можно отнести страх, что война может повториться (5%).

В-третьих, можно отметить тенденцию к рассмотрению событий войны в контексте её последствий для страны и мира, её исторического значения: осмысление Великой Отечественной войны как причины свободы и независимости страны, народа и себя (6,3 %), осмысление Великой Отечественной войны как причины рождение сверхдержавы и народа с великим будущим (3,7 %): «После Великой Отечественной войны Россию начали уважать»; «Благодаря победе наших солдат мы сейчас живем в свободном государстве», «Это было сражение за свободу и лучшую жизнь России».

В-четвёртых, в ответах респондентов присутствует не только эмоциональная, но и деятельностная составляющая исторического опыта. Сюда можно отнести уважение к участникам войны (2,2%), благодарность ветеранам (6,6%), необходимость сохранять память о войне (1,8%), чувство стыда, что мало знаем об этом (0,3%), а также вызванное впечатлением о событиях Великой Отечественной войны, подвигов её героев желание быть патриотами Родины (4 %): «Наши мужчины должны быть такими же сильными духом, как наши отцы и деды».

Вторая категория ответов, составившая 14,8 % ответов, представляет смысловые единицы, характеризующие внеличностное, объектное отношение к Великой Отечественной войне как историческому событию в ряду других событий. В этой категории ответов респонденты пытаются занять позицию внеположенного наблюдателя, сохранить дистанцию от участников тех событий и с этой позиции оценить сущность и значение Великой Отечественной войны. В таких ответах война рассматривается как раздел истории (1,2 %), грандиозное историческое событие (0,3 %). Сюда можно отнести и оценку войны с точки зрения геополитики: как причина мирного сосуществования в послевоенном мире (0,9 %). Вместе с тем, к данной категории мы отнесли и ответы, характеризующие отношение к Великой Отечественной войне с точки зрения общечеловеческих ценностей: война как великая трагедия (2,8 %), как пример человеческой жестокости (2,5 %), как пример отваги и силы духа (5,3 %), а также осуждение сил, спровоцировавших войну (1,8 %): «Лично для меня война - это бессмыслица. Всегда можно любые вопросы уладить миром. От того, что политики что-то не поделили, страдают люди».

Таким образом, на основании полученных результатов исследования можно утверждать, что Великая Отечественная война для современной молодежи является не только объектом исторической памяти, но и значимым фактором личностного и национального самоопределения.

Література

1. Анкерсмит, Ф. Возвышенный исторический опыт / Ф. Анкерсмит. – Москва: Европа, 2007. – 612 с.
2. Аполлонов, И.А. Проблема исторического опыта в контексте самопонимания национальной идентичности / И.А. Аполлонов // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия: материалы Всероссийской научно-просветительской конференции 5–9 октября 2012. – Краснодар: Традиция, 2012. – С. 22–25.
3. Соловьёв, Э.Ю. Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры / Э.Ю. Соловьёв. – Москва: Политиздат, 1991. – 432 с.

Бубнов Ю.М.

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

Важнейшим основанием национальной безопасности выступает военно-патриотический потенциал населения. История знает множество примеров того, как населённые многочисленными народами государства рушились от малейшего внешнего давления, а страны с ограниченными ресурсами выдерживали сильнейший напор могущественных противников. Первостепенное значение морально-психологического фактора победы советского народа в Великой Отечественной войне ни у кого не вызывает сомнения даже на фоне обилия критических материалов по поводу политического и военного руководства в этот период.

Сегодня представляется насущным и важным проверить на прочность идеологическую составляющую национальной безопасности белорусского государства. Идеологический базис национальной безопасности включает в себя, наряду с другими важными параметрами, первейшую характеристику, фиксируемую понятием «военно-патриотический потенциал». С целью социологической операционализации этого понятия представим его как готовность граждан защищать свою страну, измерив её по понятным причинам в молодёжной когорте населения Беларуси. Первичный материал для такого анализа предоставят результаты социологических опросов, проведённых в разные годы с участием автора статьи Могилёвским институтом региональных социально-политических исследований (МИРСПИ). Несмотря на то, что опросы социологами МИРСПИ проводились по областной выборке, мы считаем возможным экстраполировать результаты нашего анализа на всё молодёжное население Беларуси. Познакомим читателя с данными социологических опросов, характеризующих уровень готовности наших молодых соотечественников защищать Беларусь с оружием в руках. На рисунке 1 представлены результаты опросов, проведённых в 2004 и 2009 гг.

Рисунок 1. Готовность молодёжи защищать Беларусь с оружием в руках, в %

Таким образом, на одном рисунке 1 мы увидели не только общий уровень готовности молодых белорусов защищать свою Родину, но и наметившуюся в течение пяти лет динамику изменения этой готовности. Вряд ли есть повод радоваться тому факту, что удельный вес молодого поколения белорусов, готовых с оружием в руках защищать свою Родину, составляет лишь немногим более половины поколения (53,3%). Причём всего за пять лет с 2004 по 2009 год их доля заметно сократилась. Впрочем, среди юношей готовность пожертвовать собой на поле боя проявили двое из каждых троих опрошенных (67,3%), что можно оценить как высокий уровень патриотизма.

Целесообразно уточнить, что конкретно они готовы защищать с оружием в руках? Вопрос этот отнюдь не праздный, поскольку для каждого человека понятие Родина может ассоциироваться с различными ценностями. Это и проявилось в ответах участников анонимного анкетного опроса. На рисунке 2 в этом можно лишний раз убедиться.

Рисунок 2. Распределение ответов молодёжи на вопрос:
«Что больше всего Вы хотели бы защитить?», в %

Каждый второй (53,7%) молодой белорус, защищая Родину, фактически думает о своей семье и близких людях. Около 40 процентов молодых людей готовы с оружием в руках оборонять свою свободу и мир. Лишь около четверти (23,7%) наших молодых соотечественников под термином «Родина» имели в виду Беларусь и её территорию. Вряд ли стоит сокрушаться такой иерархии патриотических ценностей в головах наших молодых соотечественников. Скорее, наоборот, такая расстановка приоритетов свидетельствует об укоренённости понятия «Родина» в сознании молодёжи, которую принято считать легкомысленной. Отнюдь нет, наши молодые сограждане ассоциируют довольно абстрактное понятие «Родина» с реальными близкими

людьми и вещами, что придаёт их решимости к вооружённой защите этих ценностей вполне конкретный характер.

До сих пор результаты социологических опросов являли собой довольно благостную картину более-менее высокого военно-патриотического потенциала белорусской молодёжи. Но такая тональность свойственна больше пропагандистам, нежели исследователям-социологам. Последние призваны, как и медицинские работники, фиксировать внимание на проблемах. О них-то мы и поговорим ниже. Проблемы начались сразу же, как только мы попросили молодых людей уточнить, считают ли они себя патриотами Беларуси. Неизвестно, какими критериями руководствовались участники опроса, но назвали себя патриотами Беларуси лишь 45 процентов из них. Причём, юноши оказались более патриотичными по сравнению с девушками (49,0% против 42,9%, соответственно). А больше половины молодых людей или затруднились ответить на этот вопрос или откровенно отнесли себя к тем, кто не является патриотом своей страны. Причём, доля последних за пять лет с 2004 по 2009 год заметно увеличилась с 13,7% до 20,0%. Можно предположить, что патриотическая самоидентификация молодых людей затруднительна в силу абстрактности понятия «патриот». Тогда возьмём в качестве индикатора патриотичности вполне конкретный признак гражданства. На прямой вопрос о том, гражданство какой страны они бы предпочли, лишь половина молодых людей выбрали гражданство Беларуси. А остальная половина опрошенных предпочла в качестве гражданства чужое государство. Каждый пятый представитель белорусской молодёжи хотел бы стать гражданином Российской Федерации. Стоит отметить, что удельный вес потенциальных российских граждан среди белорусской молодёжи за пять лет (с 2004 по 2009 гг.) увеличился вдвое. Приходится констатировать, что обострившиеся с 2010 года экономические проблемы в Беларуси только прибавили число молодых людей, желающих не только временно поработать, но и стать гражданами более благополучной сегодня России.

Сусед-Виличинская Ю.С.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Празднование 70-й годовщины освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне должно послужить напоминанием миру о губительности идей нацизма. Премьер-министр Беларуси М. Мясникович на первом заседании республиканского оргкомитета по подготовке и проведению знаковых юбилейных дат отметил необходимость сохранения в обществе, особенно у молодого поколения, истинное представление о великом подвиге советского народа: «Мы должны постоянно проводить работу по укреплению идей мира, добра, международной солидарности, обязаны чтить память жертв геноцида и холокоста» [3].

Во исполнение Указа Президента Беларуси от 20 мая 2013 года № 230 и соответствующего распоряжения Витебского облисполкома от 10 июня 2013 года № 350 создан организационный комитет Витебского горисполкома по подготовке и празднованию 70-й годовщины освобождения Витебска, Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков и Победы советского народа в Великой Отечественной войне [1].

В каждом учебном заведении проводится работа по подготовке к празднованию этих значимых юбилейных дат. Мероприятия могут быть самыми разнообразными по форме и методам раскрытия данной темы. Анализируя опыт патриотического воспитания учащейся молодёжи, необходимо воспользоваться наиболее значимыми и знаковыми мероприятиями для осмысления и реализации их основных положений на новом уровне с учётом общественно-политической обстановки и психологических особенностей современной учащейся молодёжи.

В связи с этим представляется целесообразным проанализировать мероприятия по патриотическому воспитанию школьников среднего и старшего возраста в ГУО «Гимназия № 1 г. Витебска» в год 60-летия освобождения Беларуси. Основой рассматриваемых мероприятий были реальные письма с фронта жителя г. Витебска Анатолия Борейко. Он родился в 1923 г., был призван Тобольским райвоенкоматом, погиб в деревне Побединщина 10.02.1944 года и значится захороненным в братской могиле в деревне Старое Село (Витебский район).

В письмах Анатолия ярко выделяются две линии: историческая (судьба Родины) и нравственная (взаимоотношения юноши и девушки). Бережное отнешение к этим письмам в моей семье позволили продолжить своего рода эстафету семейного патриотического воспитания (бабушка – дочь – внучка) с последующим выходом на более широкую аудиторию (рис 1.).

Рис. 1. Мероприятия по патриотическому воспитанию школьников

В рамках проведения миротворческой акции «Прикосновение к истории» (2003/04 уч. год.), посвящённой 60-летию освобождения Беларуси, каждый класс ГУО «Гимназия №1 г. Витебска» готовил своё собственное мероприятие. Параллель шестых классов выбрала урок мужества «Письма с фронта».

Сценарий был составлен учителем музыки Ю.С. Сусед-Виличинской совместно с учителем истории С.П. Степанович. Рассказывая о боевом пути танкиста Анатолия Борейко, цитируя отрывки из его писем, учащиеся узнавали и о том, что же происходило в это время в стране в целом. Эти две сценарные линии, воплощенные самими учениками (письма Анатолия озвучил ученик 6 «В» класса Дмитрий П., об исторических событиях рассказывал ученик 9 «В» класса Александр К.), сопровождались видеорядом. На экране сменяли друг друга фотографии Анатолия, довоенного и освобожденного, в руинах, Витебска, изображения писем, фрагменты исторических карт.

Письма произвели огромное впечатление: те строки, которые были вынесены на всеобщее обозрение, ошеломили всех. Школьникам было трудно понять, почему письма восемнадцатилетнего юноши подписаны фразой: «Крепко жму руку», что значат слова «священная ненависть к фашистским бандитам». А содержание некоторых писем невольно переводилось на себя: «Учеба идет полным ходом. Теперь мы больше занимаемся в поле. В хорошую погоду это даже и лучше, так как в классе на лекции клюешь носом, ибо спать больше 6–7 часов нельзя, а подъем в 5 часов. Я уже несколько раз ездил на танке, но ещё не сам. Учиться интересно, но нелегко. У нас бывает 8 уроков до обеда и 5 после, так что на это уходит 13 часов» [2, с. 13–14].

Но кульминацией всего мероприятия явилось чтение одного из последних писем А. Борейко. Три шестиклассника озвучивали текст письма, передавая фронтовой треугольник из рук в руки, словно читали его впервые. Создавалось ощущение некоей причастности к тем

давним событиям. И эта со-причастность не может существовать без со-переживаний и сочувствия. Такая форма написания слов позволяет сделать акцент на смысловую суть действия: совместная причастность, общее переживание, единое чувство.

Эмоциональное напряжение шестиклассников требовало разумной психологической разрядки. Свои впечатления об уроке мужества учащиеся изложили в небольших сочинениях.

Ольга К., ученица 6 «А» класса; «Я узнала много нового о Великой Отечественной войне. Но особенно потрясли меня письма с фронта девятнадцатилетнего юноши. Они показывают, что в тяжелейших условиях войны человек не теряет своих моральных качеств, не черствеет душой. Во фронтовых треугольниках было все: любовь к Родине, к людям, огромное стремление к победе, надежда, желание жить. Именно это, я думаю, и дало возможность нашему народу победить в той страшной войне».

Маша Б., ученица 6 «А» класса: «Огромное впечатление на меня произвели письма солдата. Их читали как-то по-особенному, с чувством, вдумчиво. И я думаю, что у каждого из нас появилось какое-то новое, непередаваемое чувство… Чувство вины. Вины за войну… Мне захотелось вернуться в сороковые годы и остановить войну. Чтобы люди даже не слышали этого жестокого слова».

Оксана А., ученица 6 «В» класса: «Впечатление огромное. Вечер был очень интересным, тем более, что мы сами в нем участвовали… А читая письма с фронта, мы сами прониклись той атмосферой, когда за Родину «и умереть не страшно, но каждый все-таки надеется дожить». Письма эти – сокровища. Они помогают точнее и глубже понять нашу историю, историю той войны. История – это наше прошлое. А без прошлого нет ни настоящего, ни будущего».

Через некоторое время учительница русского языка и литературы Кулешова Г.С. обратилась с просьбой прочитать письма Анатолия: «Услышала одно из стихотворений Толи Борейко. За не очень умелыми поэтическими строчками чувствовалась тонкая, добрая, нежная, открытая душа автора. Оказалось, что этот человек, по сути, ещё совсем мальчик, погиб в 1944 году. И единственное, что осталось от него, – несколько стихотворений и письма. А еще память» [4, с. 2]. Прочитав последнее письмо-стихотворение Толи, написанное, как потом оказалось, за три дня до его гибели, Галина Станиславовна решила, что об этом мальчике-герое должны узнать многие.

Так появился замысел композиции: в ней должны были звучать не только строки из Толиных писем и стихотворений, но и стихи других поэтов военных лет. Тогда это будет портрет целого поколения, победившего в Великой Отечественной войне. В композиции звучат стихи Г. Красникова, А. Твардовского, А. Прокофьева, Н. Доризо, М. Львова, И. Авраменко, А. Суркова, С. Щипачева. Все эти стихи, за исключением стихотворения Г. Красникова, были написаны именно в годы войны, потому они и создают щемяще-проникновенное настроение.

Старшеклассников, воплотивших совместный замысел учителей ГУО «Гимназия № 1 г. Витебска» было десять человек. В процессе репетиционной работы они стали действительно единомышленниками: каждый из них пронёс сквозь свою душу и сердце то, что читал. Жизнь Толи Борейко была не пересказана, а именно прожита на сцене. Ребята работали вдохновенно, творчески, понимая, какая на них лежит ответственность: в их руках была вся до боли короткая Толина жизнь, и сфальшивить у них не было права: «Нам хотелось рассказать о Толиной судьбе, показать те качества человека, бойца, благодаря которым мы победили фашизм. И нет здесь никакого секрета: надо просто любить свою страну, свой народ, знакомых и незнакомых людей, помнить до мельчайших подробностей все хорошее, что у тебя было, – и тогда не страшно идти в бой, ведь ты защищаешь самое дорогое, что у тебя есть и что хотят отнять. Таким был Толя. Таким мы старались его показать» [4, с. 2].

Анатолий Борейко был обыкновенным витебским мальчишкой, воспитанным школой и семьёй в духе своего очень непростого времени. Когда настала пора тяжёлых испытаний, он сполна исполнил свой гражданский и сыновний долг, отдав самое дорогое, что есть у человека – жизнь.

На конкурсе литературно-музыкальных композиций и чтецов «Мая Радзіма – Беларусь» среди общеобразовательных учреждений Октябрьского района г. Витебска в 2004/05 учебном году сценарий «Жизнь защитив, ушли в бессмертье твои, Беларусь, сыновья!» был отмечен первым местом. Как показала практика, литературно-музыкальная композиция, созданная десять лет назад, производит огромное впечатление на каждого: взрослого, ребёнка, участника войны, тех, кто родился уже после Победы. Она не утратила своей актуальности на сегодняшний день, что позволяет реализовать её на новом уровне в ВУЗе.

Литература
1. Витебск готовится отмечать 70-летие освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков и 70-летие Победы Новости Витебска и Витебской области // Газета «Витьбичи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vitbichi.by/?p=266589. – Дата доступа: 15.03.2014.
2. Подлипский, А. Навечно двадцатилетний / А. Подлипский, Ю. Сусед-Виличинская. – Витебск: УПП «Витебская областная типография». – 2005. – 64 с.
3. Празднование 70-летия Великой Победы должно послужить напоминанием миру о губительности идей нацизма – Мясникович / Новости Беларуси. Белорусское телеграфное агентство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/Prazdnovanie-70-letija-Velikoj-Pobedy-dolzhno-posluzhit-napominaniem-miru-o-gubitelnosti-idej-natsizma-Mjasnikovich_i _645898.html. – Дата доступа: 9.09.2013.
4. Сусед-Виличинская, Ю.С. «Жизнь защитив, ушли в бессмертье твои, Беларусь, сыновья» / Ю.С. Сусед-Виличинская // Настаўніцкая газета. Адкрыты ўрок. – 2005. – № 4 (22). – 16 красавіка. – С. 2–5.

Журавлев В.А.

РАЗВИТИЕ ПОИСКОВОГО ДВИЖЕНИЯ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в. (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след не только в политической и социально-экономической, но и в социокультурной истории России. Не зря, к примеру, современный Волгоград называют городом-памятником. На территории Волгоградской области находится огромное количество братских могил и мемориалов. В земле, порой практически «под ногами», до сих пор лежат десятки тысяч павших защитников Родины, ждущие часа, когда они будут найдены и захоронены. В современных условиях поисковое движение является единственным действенным способом вернуть имена солдат из небытия.

По общепринятому мнению, организованная работа по поиску и перезахоронению солдат и офицеров Красной армии в Советском Союзе началась лишь в конце 1980-х гг. И тому есть объективные причины.

Война бушевала долгие пять лет, и фронт пожирал не только человеческие жизни, но и все ресурсы страны. Общеизвестно, что Красная Армия нуждалась в огромном количестве продовольствия ежедневно. Поэтому на территориях, только что освобожденных от противника, сразу же возобновлялись сельскохозяйственные работы. Первоначальное погребение останков происходило зачастую сразу после боев похоронными командами (в том числе немецкими) и местными жителями (которые производили захоронение по своей инициативе или же по указанию армейских командиров, как советских, так и немецких). При этом захоронение производилось часто прямо на поле боя. Тела погибших стягивались в близлежащие окопы, траншеи и воронки и в дальнейшем зарывались. В редких случаях местное население организовывало братское захоронение в черте населенного пункта, да и то в эту могилу попадали тела погибших поблизости и непосредственно в поселении.

Однако, как отмечает в своей статье В.В. Степанов, создатель первого в Москве поискового отряда «Поиск» НИЦЭВТ, «в конце 1940-х – начале 1950-х гг. государство проводило работы по упорядочению захоронений военнослужащих, погибших в годы войны. Другой вопрос, что эти акции в ряде случаев были проведены формально, без должного и подобающего при этом внимания и профессиональной подготовки. Но такая работа была проведена, и это тоже исторический факт» [1].

Исследователь В.К. Щербанов утверждает, что его опыт и архивные документы, изученные им самим «не позволяют согласиться с мнением, муссируемым некоторыми исследователями и историками, что "зародившееся в послевоенные годы как народная инициатива поисковое движение лишь в конце 80-х приобрело массовый характер…"» [2]. И, таким образом, категорически не соглашается с С.И. Садовниковым, выразившим упомянутый Щербановым тезис в своей работе «Поиск, ставший судьбой» [3, с. 8].

В частности В.К. Щербанов говорит о том, что первый исследовательский опыт фронтовой истории был получен еще в 1943-м г. в каменоломнях Аджимушкая, опыт которого побудил фронтового поэта Илью Севлинского написать стихотворение «Аджимушкай». После этого в 1944-м г. командование 414-й стрелковой дивизии, которая занимала линию фронта на Аджимушкае и солдаты и офицеры которой, занимавшие каменоломни и ставшие невольными свидетелями развернувшейся здесь трагедии, было вынуждено назначить комиссию по исследованию каменоломен. Именно эту комиссию Щербанов и называет «первой поисковой экспе-

дицией» [2], также отмечая, что «к сожалению, позже большая часть из найденных документов была изъята "корректорами" военной цензуры и заинтересованными генералами и уничтожена» [2]. В общем и целом можно сказать, что поисковая работа действительно началась после войны.

В чем состоит главная цель поискового движения? На наш взгляд – в возвращении утраченных имен и подвигов, а так же в перезахоронении погибших на Великой Отечественной войне солдат и офицеров РККА. Следует вспомнить хотя бы цикл передач «Подвиг» писателя С.С. Смирнова, поднявшего вопрос о защитниках Брестской крепости сразу после войны. Ведь сначала Смирнов имел в своем распоряжении лишь легенды о героической обороне гарнизона крепости. Именно писатель уже тогда поднял вопрос об увековечивании имен павших защитников Бреста. Также нельзя забывать о рубриках в газетах «Красная Звезда» («Поиск») и «Советский патриот» («Отзовитесь, кто знал»), в которых публиковалась информация о поиске пропавших без вести и розыске друзей-однополчан. А еще было следопытское движение в рамках Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой Славы советского народа, штаб которого возглавляли в разное время маршалы Советского Союза И.С. Конев, И.Х. Баграмян, маршал авиации С.И. Руденко. Все это и является этапами поискового движения, а также формами работы по увековечиванию имен павших.

Необходимо подчеркнуть, что поддержка со стороны властей, а как следствие, и юридическое оформление поискового движения начались лишь в 1980-е гг. Так, первое мероприятие по объединению поисковых отрядов в организованное движение произошло 15 марта 1988 г., в Калуге, и носило название Первого Всесоюзного сбора представителей поисковых отрядов Советского Союза. Тогда было принято решение о создании Всесоюзного координационного Совета поисковых отрядов при ЦК ВЛКСМ. 6–10 октября 1988 г. прошел второй сбор в Волоколамске. Однако юридическое оформление поискового движения произошло 8 февраля 1991 г., когда вышел Указ Президента СССР «О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг» [4].

Так же меняются и формы патриотического воспитания и поиска останков погибших. Так, на смену «Всесоюзному походу по местам боевой, революционной и трудовой славы» приходят «Вахты Памяти» по поиску и перезахоронению павших защитников Отечества. Начало этому процессу было положено 19 октября 1988 г. совместным Постановлением Коллегии Министерства обороны СССР и Бюро ЦК ВЛКСМ. В мае 1989 г. у деревни Мясной Бор Новгородской области, на месте гибели 2-й Ударной Армии, была проведена первая Всесоюзная Вахта Памяти при поддержке Министерства обороны и ЦК ВЛКСМ. В 1990 г. Вахта Памяти проводилась в Смоленской области, после чего аналогичные Вахты стали проводиться во многих областях в общегосударственном масштабе.

Кроме того, по инициативе Министерства обороны СССР, Всесоюзного совета ветеранов войны и труда, ЦК ВЛКСМ, Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Советского фонда мира 17 января 1989 г. было принято постановление ЦК КПСС «О Всесоюзной Книге Памяти»[5], которое стало важным шагом в увековечении памяти павших советских воинов. В республиканские, краевые и областные Книги Памяти в течение в 1989–1995 гг. планировалось заносить краткие сведения о погибших в боях за родину. Было также предложено на базе указанных книг издать единую Всесоюзную Книгу Памяти с опубликованием в ней обобщенных данных по стране.

С 1991 г. начинается процесс совершенствования нормативной базы поискового движения [6]. В период после распада Советского союза первым нормативно-правовым актом для поисковиков стал Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», принятый Верховным Советом РФ 14 января 1993 г. [7] В нем, в частности, определялось финансовое и материально-техническое обеспечение поискового движения. Таким образом, закон 1993 г. дал правовую основу, признание и поддержку государства всему поисковому движению России.

Кроме того, для исполнения Указа Президента РФ №1055 «О подготовке к празднованию памятных дат Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» от 23 июля 1993 г. [8], Правительством РФ была принята «Программа подготовки и проведения празднования 50-летия Победы и других памятных дат Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» [9], в которой впервые на статью «проведение Вахты Памяти, приведение в порядок мемориалов и братских

захоронений» было выделено 298,8 млрд. руб. на период 1994–1995 гг. В целом, в 1995–1996 гг. был принят целый ряд законов, прямо или косвенно касающихся поискового движения [10].

В 2000-е гг. заметно усилилась тенденция поддержки поискового движения со стороны государства. Новым этапом в деятельности поисковых отрядов стало принятие 16 февраля 2001 г. государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» [11]. Продолжением стало принятие аналогичной программы на 2006–2010 гг.

В сфере борьбы с нелегальным вскрытием захоронений долгое время единственным нормативным документом был Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле». Законом был запрещен поиск и вскрытие этих захоронений гражданами или юридическими лицами, не имеющими официального разрешения на такую деятельность. Закон дал возможность юридически преследовать вскрытие и разрушение военных захоронений.

В Волгоградской области начало организованному поисковому движению было положено 27 ноября 1992 г. В этот день на общем собрании было принято решение зарегистрировать Волгоградское общество «Поиск» и уже 11 февраля 1993 г. Волгоградское общество (далее ВО) «Поиск» было зарегистрировано под № 182 отделом юстиции Администрации Волгоградской области. Председателем правления ВО «Поиск» стала Л.И. Жуланова. За 22 года существования поднято и перезахоронено более 15000 солдат и офицеров РККА [12]. Но это «капля в море».

Значение поискового движения сложно переоценить. К примеру, поисковая группа «Надежда» ухаживает за Россошинским мемориалом на территории Городищенского района Волгоградской области. Также благодаря поисковикам удается более точно установить ход боевых действий. В 2005 г. в ходе Вахты Памяти отряда «Стальное пламя» на территории Светлоярского района был обнаружен штаб 126-й Ворошиловской стрелковой дивизии. Соединение до этого времени считалось «потерянным». В боевых донесениях РККА за август 1942 г. значилось, что дивизия в ночь с 28 на 29 августа была оставлена прикрывать отход 64-й армии на следующий рубеж обороны. Стоит заметить, что численность дивизии к тому моменту была равна численности полка. Также 126-я стрелковая дивизия была усилена двумя малочисленными полками курсантов, 1-м Орджоникидзевским и Житомирским и 358-м артполком, практически потерявшим свое тяжелое вооружение. Дивизии ценой беспримерного мужества и потерь удалось сдержать немцев и дать 64-й армии время на перегруппировку. О подвиге 126-й стрелковой и курсантов, а также подробностях последнего боя стало известно только после того, как поисковиками был обнаружен её штаб [13, с. 15].

Хотелось бы подробнее остановиться на деятельности поискового отряда «Красноармеец» ВРМОО «Поиск» при Молодежном патриотическом центре Ворошиловского района г. Волгограда, членом которого является и автор статьи. Отряд «Красноармеец» образован в 2005 г. За время деятельности отряда найдены и перезахоронены останки более чем 600 павших защитников Сталинграда. Полностью установлены имена 8 бойцов РККА. Проведено 7 Вахт Памяти. Отряд «Красноармеец» выезжал в Северную Осетию, где членами отряда были подняты обломки советского самолета ЛаГГ-3 [14, с. 20]. Регулярно членами отряда проводятся лекции и семинары по истории Сталинградской битвы для школьников, которые также активно вовлекаются в поисковую работу.

Немалую роль в деятельности отряда занимает патриотическое воспитание молодежи. В Вахте Памяти 2013 г. участвовали школьники из Ярославля, Екатеринбурга, Ульяновска, Самары и Волгограда [15, с. 7]. Красивые слова, произносимые с трибун политиками и другими взрослыми, зачастую остаются для детей только словами. Тогда как акция «Последний строй» павших защитников Родины (прощание с поднятыми из земли погибшими) производит на ребят куда большее впечатление, нежели все слова. Лишь на земле, обильно политой кровью, собственными руками возвращая из небытия своих дедов и прадедов, дети могут понять, что такое патриотизм, испытать гордость за страну, в которой они родились. Каждый воин, павший на той страшной войне, пожертвовал собою ради будущего и стал частью истории не только нашего края и страны, а мировой истории. А знание родной истории – одно из важнейших условий выживания нации. Ведь давно сказано и доказано, что страна, которая не знает своей истории, нежизнеспособна. Таким образом, поисковое движение по-прежнему выполняет одну из приоритетных государственных задач – задачу сохранения исторической памяти.

Литература

1. Степанов, В.В. К вопросу об истории поискового движения в СССР и России / В.В. Степанов // Отечество. – 2007. – Январь. – С. 10–12.
2. Щербанов, В. Официальное поисковое движение России. Этапы зарождения и становления / В. Щербанов // Поисковый отряд «Рубеж» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rubezh.fecity.ru/Public.files/05OriginSearch.htm. – Дата доступа: 24.02.2014.
3. Садовников, С.И. Поиск, ставший судьбой / С.И. Садовников. – Москва, 2003. – 115 с.
4. О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг: Указ Президента СССР от 8 февраля 1991 г. // Информационно-правовой портал Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT /main.htm. – Дата доступа: 01.03.2014.
5. О Всесоюзной Книге Памяти: постановление ЦК КПСС // Архивы России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://guides.rusarchives.ru. – Дата доступа: 01.03.2014.
6. См.: Об увековечении памяти погибших при выполнении конституционной обязанности по защите Отечества: постановление Президиума Верховного Совета РСФСР №892-1 // Юридический интернет-портал Зона Закона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zonazakona.ru/law/docs_ussr/417/. – Дата доступа: 01.03.2014.; Об учреждении нагрудного знака «За активный поиск»: приказ Министра обороны СССР №164 // Общественная молодежная организация «Объединение «Отечество»» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://otechestvo.ipian.kazan.ru/NORM/001/032.htm. Дата доступа: 20.02.2014.
7. Об увековечении памяти погибших при защите Отечества: закон Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 14 января.
8. О подготовке к празднованию памятных дат Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: Указ Президента РФ №1055 // Информационный портал Левоневского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/ukaz/sbor15/text15293.htm. – Дата доступа: 01.03.2014.
9. Программа подготовки и проведения празднования 50-летия Победы и других памятных дат Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Информационный портал Bestpravo [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/er-zakony/i1b.htm. – Дата доступа: 03.03.2014.
10. См.: О днях воинской славы (победных днях) России: Федеральный закон от 13 марта 1995 г. №32-ФЗ // Правовая система «Референт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.referent.ru/1/7222. – Дата доступа: 05.03.2014.; О погребении и похоронном деле: Федеральный закон от 12 января 1996 г. N 8-ФЗ // Информационно-правовой портал Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/105870/. – Дата доступа: 05.03.2014.; О дополнительных мерах поддержки молодежи в Российской Федерации: постановление Правительства РФ № 387 // Информационно-правовой портал Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/10106124/. – Дата доступа: 05.03.2014; Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества: Указ № 37 // Официальное интернет-представительство Президент России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://document.kremlin. ru/page.aspx?1078268. – Дата доступа: 05.03.2014.
11. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы: Государственная программа // Российская газета. –2001. – 16 февраля.
12. ВРМОО «Поиск» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.poiskvolgograd.ru/index.php. – Дата доступа: 10.03.2014.
13. Годовой отчет ПО «Стальное пламя» за 2005 г. – Волгоград, 2005. – 61 с.
14. Годовой отчет ПО «Красноармеец» за 2012 г. – Волгоград, 2012. – 55 с.
15. Годовой отчет ПО «Красноармеец» за 2013 г. – Волгоград, 2013. – 50 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Агеев Александр Григорьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова (г. Могилев, Республика Беларусь).
2. **Александрович Сергей Сергеевич –** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).
3. **Афанасьев Владимир Анатольевич** – кандидат исторических наук, почетный профессор Европейской академии естественных наук, ведущий научный сотрудник Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация).
4. **Аполлонов Иван Александрович** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного технологического университета (г. Краснодар, Российская Федерация).
5. **Артамонова Надежда Яковлевна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова (г. Абакан, Республика Хакасия, Российская Федерация).
6. **Бахир Юлия Николаевна** – аспирант кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
7. **Бездель Вероника Евгеньевна** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного технологического университета (г. Витебск, Республика Беларусь).
8. **Белов Дмитрий Александрович** – кандидат исторических наук, директор Научно-исследовательского центра региональной истории Волгоградской академии последипломного образования (г. Волгоград, Российская Федерация).
9. **Белый Владимир Владимирович** – командир 103-й отдельной мобильной бригады Вооруженных Сил Республики Беларусь, полковник (г. Витебск, Республика Беларусь).
10. **Белюков Дмитрий Анатольевич** – кандидат исторических наук, доцент, декан социально-гуманитарного факультета Великолукской государственной академии физической культуры и спорта (г. Великие Луки, Псковская область, Российская Федерация).
11. **Билоус Александр Павлович** – старший научный сотрудник Национального музея истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (г. Киев, Украина).
12. **Болотов Николай Александрович** – доктор исторических наук, профессор, ректор Волгоградской академии последипломного образования (г. Волгоград, Российская Федерация).
13. **Болсун Галина Александровна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).
14. **Боровко Ванда Юльяновна** – доктор филологических наук, профессор кафедры белорусской литературы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
15. **Бубнов Юрий Михайлович** – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия (г. Могилев, Республика Беларусь).

16. **Бурень Николай Викторович** – начальник авиационного факультета Военной академии Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь).
17. **Васильковская Василина Александровна** – младший научный сотрудник мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» (г. Брест, Республика Беларусь).
18. **Величко Нина Веньяминовна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
19. **Вербовой Алексей Викторович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для гуманитарных факультетов Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Киев, Украина).
20. **Власенко Светлана Ивановна** – кандидат исторических наук, начальник отдела использования информации документов Центрального государственного архива общественных объединений Украины (г. Киев, Украина).
21. **Волощенко Ольга Геннадьевна** – старший преподаватель кафедры педагогики Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
22. **Гайкин Виктор Алексеевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН (г. Владивосток, Российская Федерация).
23. **Гапионок Елена Викторовна** – старший преподаватель кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
24. **Гарбуль Петр Иванович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина (г. Брест, Республика Беларусь).
25. **Гедз Виталий Анатольевич** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального музея истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (г. Киев, Украина).
26. **Говорушко Наталья Олеговна** – студентка исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (г. Минск, Республика Беларусь).
27. **Гоманенко Олеся Александровна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Российская Федерация).
28. **Горшенин Александр Владимирович** – аспирант кафедры отечественной истории и археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара, Российская Федерация).
29. **Гребень Евгений Александрович** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории Белорусского государственного аграрного технического университета (г. Минск, Республика Беларусь).
30. **Давлетов Александр Рашидович** – кандидат исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений Запорожского национального университета (г. Запорожье, Украина).
31. **Данильчук Виталина Романовна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры методики и содержания образования Ровенского областного института последипломного педагогического образования (г. Ровно, Украина).
32. **Димони Татьяна Михайловна** – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета (г. Вологда, Российская Федерация).

33. **Довгялло Михаил Степанович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).
34. **Дубик Марина Григорьевна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (г. Киев, Украина).
35. **Дулов Анатолий Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
36. **Дьяков Дмитрий Александрович** – доцент военного факультета Минского государственного высшего авиационного колледжа (г. Минск, Республика Беларусь).
37. **Егоров Андрей Михайлович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии Федеральной службы исполнения наказаний России, полковник внутренней службы (г. Псков, Российская Федерация).
38. **Ермаков Александр Михайлович** – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета (г. Ярославль, Российская Федерация).
39. **Ермакович Леонид Иванович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина (г. Брест, Республика Беларусь).
40. **Ермаленок Витольд Антонович** – учитель истории ГУО «Миорская средняя школа № 3» (г. Миоры, Витебская область, Республика Беларусь).
41. **Захарченко Алексей Алексеевич** – старший преподаватель кафедры истории Украины Николаевского национального университета имени В.А. Сухомлинского (г. Николаев, Украина).
42. **Зданович Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе и экономике Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина (г. Брест, Республика Беларусь).
43. **Журавлев Вадим Андреевич** – учитель истории Орловской СОШ Городищенского района Волгоградской области (р.п. Городище, Волгоградская область, Российская Федерация).
44. **Ивицкий Андрей Михайлович** – старший преподаватель кафедры экономической теории и истории Витебской ордена «Знак почета» государственной академии ветеринарной медицины (г. Витебск, Республика Беларусь).
45. **Иода Николай Викторович** – аспирант кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (г. Гродно, Республика Беларусь).
46. **Иоффе Эмануил Григорьевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и права Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (г. Минск, Республика Беларусь).
47. **Исаева Ольга Николаевна** – заведующий научно-исследовательским отделом «Канев от древних времен до современности» Шевченковского национального заповедника (г. Канев, Черкасская область, Украина).
48. **Казакова Оксана Николаевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Запорожского национального университета (г. Запорожье, Украина).
49. **Карманенков Александр Юрьевич** – преподаватель общевойсковой кафедры военного факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, подполковник (г. Гродно, Республика Беларусь).

50. **Касьянов Валерий Васильевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культурологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).
51. **Кепин Дмитрий Владимирович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник, ученый секретарь отдела культурного наследия Центра памятниковедения НАН Украины и Украинского общества охраны памятников истории и культуры (г. Киев, Украина).
52. **Кирдякин Сергей Юрьевич** – преподаватель кафедры общевойсковой подготовки Белорусского государственного университета транспорта (г. Гомель, Республика Беларусь).
53. **Климчук Андрей-Аскольд Николаевич** – журналист (г. Ровно, Украина).
54. **Ковалевич Наталья Александровна** – научный сотрудник музея «Замковый комплекс “Мир”» (г.п. Мир, Гродненская область, Республика Беларусь).
55. **Ковальчук Иван Васильевич** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Украины Житомирского государственного университета имени Ивана Франко (г. Житомир, Украина).
56. **Ковпак Людмила Всеволодовна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории и политики Института истории Украины Национальной академии наук Украины (г. Киев, Украина).
57. **Копыл Сергей Петрович** – заведующий филиалом «Музей боевой славы» Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (г. Полоцк, Витебская область, Республика Беларусь).
58. **Коробкина Ирина Александровна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Российская Федерация).
59. **Корсак Алеся Иосифовна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Полоцкого государственного университета (г. Полоцк, Витебская область, Республика Беларусь).
60. **Космач Веньямин Аркадьевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и музеологии Псковского государственного университета (г. Псков, Российская Федерация).
61. **Косов Александр Петрович** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
62. **Костякова Юлия Борисовна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова (г. Абакан, Республика Хакасия, Российская Федерация).
63. **Краско Геннадий Геннадьевич** – кандидат исторических наук, сотрудник Института национальной безопасности Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь).
64. **Крикливец Елена Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
65. **Кринко Евгений Федорович** – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

66. **Крюков Иван Владимирович** – заведующий научно-исследовательским отделом современной истории Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова (г. Хабаровск, Российская Федерация).
67. **Кулинок Святослав Валентинович** – начальник отдела информации и использования документов Белорусского государственного архива научно-технической документации (г. Минск, Республика Беларусь).
68. **Кульчицкая Елена Васильевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Черноморского государственного университета имени Петра Могилы (г. Николаев, Украина).
69. **Курякова Инна Евгеньевна** – аспирант кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
70. **Ладыга Александр Иванович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина).
71. **Латышева Виктория Александровна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).
72. **Лесная Ольга Юрьевна** – преподаватель кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
73. **Литвин Алексей Михайлович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом военной истории и межгосударственных отношений Института истории НАН Беларуси (г. Минск, Республика Беларусь).
74. **Логвиненко Сергей Матвеевич** – кандидат медицинских наук, доцент, директор Витебского кадетского училища, полковник (г. Витебск, Республика Беларусь).
75. **Мандрик Иван Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
76. **Мартинкевич Иван Анатольевич** – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета (г. Витебск, Республика Беларусь).
77. **Мартынов Андрей Викторович** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Общедоступного православного университета имени Александра Меня (г. Москва, Российская Федерация).
78. **Машеро Сергей Аркадьевич** – старший преподаватель военной кафедры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, подполковник (г. Витебск, Республика Беларусь).
79. **Милевская Юлия Владимировна** – ведущий научный сотрудник Государственного архива Минской области (г. Минск, Республика Беларусь).
80. **Михальчук Роман Юрьевич** – выпускник аспирантуры кафедры всемирной истории Ровенского государственного гуманитарного университета (г. Ровно, Украина).
81. **Моторов Сергей Анатольевич** – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета социальной педагогики и психологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
82. **Моторова Людмила Алексеевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

83. **Нестерович Александр Аркадьевич** – научный сотрудник научно-просветительного отдела Гомельского областного музея военной славы (г. Гомель, Республика Беларусь).
84. **Никитин Роман Михайлович** – журналист, историк (г. Москва, Российская Федерация).
85. **Николаева Ирина Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
86. **Никонов Александр Константинович** – кандидат исторических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, директор Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация).
87. **Никонова Светлана Игоревна** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культурологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета (г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация).
88. **Новиков Сергей Евгеньевич** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, мировой культуры и туризма Минского государственного лингвистического университета (г. Минск, Республика Беларусь).
89. **Новицкая Ольга Васильевна** – заведующий сектором по научной работе музея «Замковый комплекс “Мир”» (г.п. Мир, Гродненская область, Республика Беларусь).
90. **Одинец Людмила Савельевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Барановичского государственного университета (г. Барановичи, Брестская область, Республика Беларусь).
91. **Павлова Елена Яковлевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск, Республика Беларусь).
92. **Пастернак Анна Михайловна** – аспирант кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
93. **Пивовар Николай Васильевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
94. **Пик Светлана Мирославовна** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и дипломатической службы Львовского национального университета имени Ивана Франко (г. Львов, Украина).
95. **Подлипский Аркадий Михайлович** – краевед (г. Витебск, Республика Беларусь).
96. **Примаченко Яна Леонидовна** – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Украины 20–30-х гг. XX ст. Института истории Украины НАН Украины (г. Киев, Украина).
97. **Пронь Денис Сергеевич** – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права и процесса Черноморского государственного университета имени Петра Могилы (г. Николаев, Украина).
98. **Пронь Сергей Викторович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной истории Черноморского государственного университета имени Петра Могилы (г. Николаев, Украина).
99. **Пушкин Евгений Игоревич** – ученик Могилевской городской гимназии № 1 (г. Могилев, Республика Беларусь).

100. **Пушкин Игорь Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия (г. Могилев, Республика Беларусь).
101. **Радюк Андрей Викторович** – старший преподаватель кафедры истории и культурологии Белорусской государственной сельскохозяйственной академии (г. Горки, Могилевская область, Республика Беларусь).
102. **Ратушняк Олег Валерьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).
103. **Ратушняк Татьяна Витальевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).
104. **Реброва Ирина Викторовна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета (г. Краснодар, Российская Федерация).
105. **Рейхман Григорий** – научный сотрудник Музея еврейского военного наследия и Холокоста «Энергия мужества» (г. Хадера, Израиль).
106. **Рзаев Азад Ага оглы** – доктор философии по истории, доцент, декан исторического факультета Бакинского государственного университета (г. Баку, Азербайджанская Республика).
107. **Романов Андрей Петрович** – слушатель командно-штабного факультета Военной академии Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь).
108. **Рубо Олеся Петровна** – соискатель кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).
109. **Самотой Ирина Вацлавовна** – старший преподаватель кафедры белорусской литературы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
110. **Самсонюк Татьяна Николаевна** – главный специалист отдела использования информации документов Государственного архива Ровенской области (г. Ровно, Украина).
111. **Свинтицкий Федор Алексеевич** – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия (г. Могилев, Республика Беларусь).
112. **Сидоров Сергей Григорьевич** – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Российская Федерация).
113. **Симперович Владимир Николаевич** – кандидат исторических наук, заведующий научным отделом музейной информации и коммуникации Национального музея истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (г. Киев, Украина).
114. **Сливко Станислав Вадимович** – преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск, Российская Федерация).
115. **Слободянюк Николай Анатольевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры украиноведения Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна (г. Днепропетровск, Украина).
116. **Смирнова Валентина Игоревна** – старший научный сотрудник Национального музея истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (г. Киев, Украина).

117. **Соколова Елена Александровна** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).
118. **Сосюкина Елена Олеговна** – старший преподаватель кафедры всемирной истории Черноморского государственного университета имени Петра Могилы (г. Николаев, Украина).
119. **Стрелец Михаил Васильевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета (г. Брест, Республика Беларусь).
120. **Сусед-Виличинская Юлияна Самсоновна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры музыки Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, (г. Витебск, Республика Беларусь).
121. **Сухоруков Владимир Евгеньевич** – доцент кафедры тактики Военной академии Республики Беларусь, полковник в отставке (г. Минск, Республика Беларусь).
122. **Ткачева Галина Анатольевна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток, Российская Федерация).
123. **Третяк Владимир Леонидович** – ведущий экскурсовод Национального музея истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (г. Киев, Украина).
124. **Тучина Оксана Роальдовна** – кандидат психологических наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного технологического университета (г. Краснодар, Российская Федерация).
125. **Фридман Александр** – доктор философии, научный сотрудник факультета филологии, гуманитарных наук, искусств и педагогических наук Университета Люксембурга (коммуна Вальферданж, Великое Герцогство Люксембург).
126. **Хлынина Татьяна Павловна** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация).
127. **Хоришко Игорь Евгеньевич** – главный хранитель фондов Гомельского областного музея военной славы (г. Гомель, Республика Беларусь).
128. **Хришкевич Татьяна Георгиевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета (г. Псков, Российская Федерация).
129. **Циватый Вячеслав Григорьевич –** кандидат исторических наук, доцент, заслуженный работник образования Украины, первый проректор по научно-педагогической и учебной работе Дипломатической академии Украины при МИД Украины (г. Киев, Украина).
130. **Черняков Дмитрий Игоревич** – учитель истории гимназии № 3 г. Брянска (г. Брянск, Российская Федерация).
131. **Чуракова Ольга Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института социально-гуманитарных и политических наук Северного арктического федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск, Российская Федерация).
132. **Шамкин Дмитрий Владимирович** – преподаватель кафедры общевойсковой подготовки Белорусского государственного университета транспорта (г. Гомель, Республика Беларусь).
133. **Шаповалов Сергей Николаевич** – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории и культурологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

134. **Шарков Анатолий Васильевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь).
135. **Шатько Вячеслав Иванович –** кандидат исторических наук, профессор кафедры оперативного искусства Военной академии Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь).
136. **Шелейко Татьяна Владимировна** – кандидат технических наук, соискатель Института истории Украины НАН Украины (г. Кременчуг, Украина).
137. **Шорец Людмила Федоровна** – старший преподаватель кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
138. **Юргевич Наталья Казимировна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической теории и истории Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины (г. Витебск, Республика Беларусь).
139. **Юрчак Денис Валерьевич** – старший преподаватель кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).
140. **Яковлев Денис Викторович** – главный хранитель фондов Витебского областного музея Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева (г. Витебск, Республика Беларусь).
141. **Яцук Алексей Александрович** – младший научный сотрудник Гомельского дворцово-паркового ансамбля (г. Гомель, Республика Беларусь).

Научное издание

ПОБЕДА – ОДНА НА ВСЕХ

Материалы международной научно-практической конференции

Витебск, 24 апреля 2014 г.

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Компьютерный дизайн *Л.Р. Жигунова*

Подписано в печать 15.04.2014. Формат 60x84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 43,48. Уч.-изд. л. 40,32. Тираж 120 экз. Заказ 42.

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/225 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.